

# СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Под редакцией В. А. Белошапковой

Издание второе, исправленное и дополненное

*Допущено  
Государственным комитетом СССР  
по народному образованию  
в качестве учебника  
для студентов филологических специальностей  
университетов*



Москва · Высшая школа · 1989

В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова,  
Е. А. Земская, И. Г. Милославский, Л. А. Новиков, М. В. Панов

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра русского языка Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. О. Б. Сиротинина); д-р филол. наук, проф. Г. Н. Акимова (Ленинградский государственный университет)

**Современный русский язык: Учеб. для филол.**  
**C56** спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой.—2-е изд., испр. и доп.—М.: Высш. шк., 1989.—800 с.

ISBN 5-06-000191-1

Учебник содержит материал по всем разделам курса современного русского языка: дается характеристика его лексического и фонологического состава, освещаются вопросы фонетики, орфоэпии, теории письма и словообразования, излагается учение о частях речи и их грамматических категориях, анализируются особенности русской синтаксической системы, рассматриваются вопросы функциональной стилистики.

Во второе издание (1-е — 1981 г.) включен раздел «Лексика», уточнены многие определения, введены новые схемы и таблицы.

4602020101(4309000000)—463  
C 001(01)—89 264—89

ББК 81.2Р—923  
4Р

ISBN 5-06-000191-1

© Издательство «Высшая школа»,  
1981  
© Издательство «Высшая школа»  
1989, с изменениями

## **ПРЕДИСЛОВИЕ**

Учебник написан в соответствии с Программой по современному русскому языку для филологических факультетов университетов (1985) и представляет собой обобщение опыта авторов, в течение последних лет читавших соответствующие части курса «Современный русский язык» на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Второе издание учебника отличается от первого большей полнотой: в нем освещены все разделы курса — фонетика, орфоэпия, графика, орфография, лексикология, словообразование, морфология и синтаксис. В разделе «Лексикология», который введен во второе издание, ввиду его вынужденной краткости рассматриваются главным образом проблемы лексической семантики и характеризуются основные лексические категории русского языка. Именно эти вопросы представляют сейчас наибольший интерес для теоретической лексикологии и формирования научного представления о лексике как системе.

Отдельные разделы расширены новыми главами. Так, раздел «Словообразование» пополнен главой «Словообразование основных частей речи», в которой дана общая характеристика способов и типов словообразования существительных, прилагательных и глаголов. В раздел «Синтаксис» введены главы: «Слово и форма слова как объекты синтаксиса», «Интонация и синтаксис». Материал первой из них позволил сделать более четким и систематичным описание формальной организации простого предложения; второй — дополнил курс сведениями о звучащей речи.

Как известно, не все вопросы, изучаемые в курсе «Современный русский язык», имеют в современной науке однозначные решения. Жанр книги обязывал авторов представить те решения, которые имеют большую объяснительную силу, соответствуют отечественной лингвистической традиции и учитывают наиболее ценный опыт лингвистических исследований ученых других стран. Руководствуясь теми же соображениями, авторы отбирали и рекомендую литературу, списки которой уточнены и обновлены. Особое внимание обращено на вопросы, которые активно изучаются в настоящее время и по которым нет устоявшихся выводов, а существуют лишь разные подходы и направления. Знакомство с современным состоянием лингвистической мысли — непременное условие университетского образования.

Авторы не стремились подменить своей книгой вузовские лекции, однако старались строить изложение таким образом, чтобы лектор мог рекомендовать студентам некоторые разделы книги для самостоятельной работы, обсуждая лишь наиболее спорные, сложные или узловые проблемы курса.

2-е издание учебника выходит в комплексе со сборником упражнений «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой.

Разделы «Введение», «Фонетика» написаны **М. В. Пановым** («Кодифицированный литературный язык и разговорный язык» — в соавторстве с Е. А. Земской); раздел «Лексикология» — **Л. А. Новиковым**; «Словообразование» — **Е. А. Земской**; «Морфология» — **И. Г. Милославским**; «Синтаксис» — **В. А. Белошапковой**, кроме главы «Интонация и синтаксис», которая написана **Е. А. Брызгуновой**.

## УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аж.— В. Ажаев  
Ал.— М. Алигер  
Ам.— Н. М. Амосов  
Андр.— В. Л. Андреев  
Ант.— С. Антонов  
Арс.— В. К. Арсеньев  
А. С.— А. Сурков  
А. Т.— А. Н. Толстой  
Ахм.— Б. Ахмадулина  
Бакл.— Г. Бакланов  
Барат.— Е. А. Баратынский  
Бат.— К. Н. Батюшков  
Бл.— А. А. Блок  
Бр.— В. Я. Брюсов  
Бун.— И. А. Бунин  
В. М.— В. В. Маяковский  
В. П.— В. Песков  
В. Ш.— В. Шукшин  
Вяз.— П. А. Вяземский  
Г.— Н. В. Гоголь  
газ.— газета  
Гайд.— А. Гайдар  
Гал.— М. Галлай  
Герц.— А. И. Герцен  
Глин.— Ф. Н. Глинка  
Г. Н.— Г. Николаева  
Гор.— С. Городецкий  
Гр.— А. С. Грибоедов  
Д.— Ф. М. Достоевский  
Е. Д.— Е. Дорош  
Ес.— С. А. Есенин  
Заб.— Н. Заболоцкий  
И. и П.— И. Ильф и Е. Петров  
К.— А. И. Куприн  
Кав.— В. Каверин  
Кат.— В. Катаев  
Кольц.— А. В. Кольцов  
Кр.— И. А. Крылов  
Крив.— Л. Кривенко  
Л.— М. Ю. Лермонтов  
Лавр.— Б. Лавренев  
Леон.— Л. Леонов  
Либ.— Л. Либединская  
Лид.— В. Лидин  
Лом.— М. В. Ломоносов  
Л.-К.— В. Лебедев-Кумач  
Л. Т.— Л. Н. Толстой  
Луг.— В. Луговской  
М.— А. Н. Майков  
Мал.— А. Малышкин  
Майк.— В. Н. Майков  
Манд.— О. Мандельштам  
Мар.— С. Марин  
Марш.— С. Маршак  
М. Б.— М. Булгаков  
М. Г.— М. Горький  
Н.— Н. А. Некрасов  
Наг.— Ю. Нагибин  
Ок.— Б. Окуджава  
Ол.— Ю. Олеша  
Остр.— А. Н. Островский  
П.— А. С. Пушкин  
Паст.— Б. Пастернак  
Пауст.— К. Паустовский  
пог.— поговорка  
посл.— пословица  
Пр.— М. М. Пришвин  
Св.— М. Светлов  
Сер.— А. Серафимович  
Сим.— К. Симонов  
Сол.— В. Соловьев  
С.-Ц.— С. Сергеев-Ценский  
Т.— И. С. Тургенев  
Тв.— А. Твардовский  
Тендр.— В. Тендряков  
Тушн.— В. Тушнова  
Тютч.— Ф. И. Тютчев  
Ф.— А. Фадеев  
Фед.— К. Федин  
Фет— А. А. Фет  
Хл.— В. Хлебников  
Цв.— М. Цветаева  
Ч.— А. П. Чехов  
Чук.— К. Чуковский  
Ш.— М. Шолохов  
Шкл.— В. Шкловский  
Ю. К.— Ю. Казаков  
Яз.— Н. М. Языков

# ВВЕДЕНИЕ

## СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

### § 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Предмет нашего изучения — современный русский литературный язык. В этом сочетании прежде всего требует разъяснения термин «литературный». Первой приходит в голову мысль, что литературный язык — это язык художественной литературы. Но такое понимание термина неверно.

Литературный язык — это язык культуры; это язык культурных людей. Современный русский литературный язык выполняет оба эти назначения. Но так бывает не всегда. Например, в XVII в. в России языком письменной культуры в основном был церковнославянский, а живым языком культурных людей, средством их повседневного общения — русский язык<sup>1</sup>.

На русском литературном языке создаются художественные произведения и научные труды, это язык театра, школы, газет и журналов, радио и телевидения. В то же время на нем разговаривают в семье, на работе, в кругу друзей, в общественных местах. То, что обе функции выполняет один и тот же язык, обогащает культуру; она строится с помощью живого, динамичного средства общения, способного к передаче самых новых, только что возникших смыслов, и передает самую их динамику, помогает им возникать и формироваться. И бытовая речь от этого выигрывает: само повседневное общение между людьми становится явлением общенародной культуры. Литературный язык с любовью оберегают от всего, что может повредить ему.

В разные эпохи опасности, грозящие языку, различны. В 20-е годы нашего века — это наплыв заимствованных слов (притом — заимствованных без нужды), жаргонной лексики, просторечных, т. е. ненормативных,

<sup>1</sup> Подробнее см.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 5—6.

явлений в области произношения и грамматики. Об одной из этих опасностей с тревогой писал В. И. Ленин в статье «Об очистке русского языка»<sup>1</sup>.

В 30-е годы многие деятели культуры боролись против чрезмерного воздействия на литературный язык диалектов, против наплыва жаргонной лексики. Максим Горький писал: «Речевые капризы нашей страны весьма многообразны. Задача серьезного литератора сводится к тому, чтобы отсеять, отобрать из этого хаоса наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлекаться хламом вроде таких бессмысленных словечек, как *подъядыкать*, *базинить*, *скукоживаться* и т. д.»<sup>2</sup>. В книгах писателей Горький отмечал такие уродливые словечки: *скокулязило*, *вычикурдывать*, *ожгнуть*, *небо забурарамнило*, *дюзнул*, *скобыской*, *кильчак тебе промежду ягодиц*. «С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например, *мура*, *буза*, *волынить*, *шамать*, *дай пять*, *на большой палец с присыпкой*, *на ять* и т. д. и т. п.»<sup>3</sup>. Эта опасность в 30-е годы была преодолена именно потому, что против нее боролись писатели, педагоги, журналисты, ученые.

В наше время одна из опасностей для литературной речи (а в конце концов и для языка) — влияние на бытовую, публицистическую, даже на художественную речь книжных штампов, особенно штампов официально-делового стиля. Первым об этой опасности, о распространении «канцелярита», заговорил К. И. Чуковский.

Спрашиваю у одного из редакторов, есть ли в редакции клей, и слышу высокомерный ответ:

— Я не в курсе этих деталей.

В поезде молодая женщина, разговорившись со мною, расхваливала свой дом в подмосковном колхозе:

— Чуть выйдешь за калитку, сейчас же зеленый массив!

— В нашем зеленом массиве так много грибов и ягод...! (...)

И вот столь же «культурное» изречение некоей интеллигентной гражданки:

— А дождю надо быть! Без дождя невозможно. В деревне климатические условия нужны.

<sup>1</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 49.

<sup>2</sup> Горький М. По поводу одиой дискуссии // Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 140.

<sup>3</sup> Горький М. О языке // Там же. С. 169.

Как бы ни были различны эти люди, их объединяет одно: все они считают правилом хорошего тона возможно чаще вводить в свою речь (даже во время разговора друг с другом) слова и обороты канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов<sup>1</sup>.

«Канцелярит» до сих пор иссушает речь многих газет, журналов, мертвят бытовую речь; борьба с ним не закончена.

Откуда бы ни грозила опасность литературному языку, она всегда имеет две стороны: вносит неупорядоченность, хаос в язык и умаляет его выразительность. То и другое связано. Бессспорно, что «канцелярит» — опасность для выразительности, для образности, для живой эмоциональности нашей речи. Но плохо не только это. Привычка орудовать штампами, слитными блоками привычных, казенно-бездушных слов ведет к утрате живого чутья языка, и это отражается на его грамматической стороне. Недаром речь любителей «канцелярита» почти всегда и грамматически неблагополучна: вязкий синтаксис (нередко — с нарушением или двусмысленностью грамматических связей), вереницы родительных падежей, зависимых друг от друга... Пренебрежение выразительностью речи оборачивается и грамматической хаотичностью.

В словарях около некоторых слов стоит помета «разг.», например около таких: *вздремнуть, визготня, восвояси, восьмерка, вояка, впервый, вперевалку, вполглаза, вполад, вправду, впросонках, впустую, вспомнить, втихомолку, втолковать, въедливый...* Около других слов стоит помета «высок.», например около таких: *владычествовать, властелин, влачить, воздвигнуть, возликовать, возмездие, воинство, воистину, вопиющий*

Одна помета обозначает, что слово относится к разговорному стилю языка, другая говорит о принадлежности его к высокому стилю. В печати были протесты против таких помет. Говорили, что они (особенно помета «разг.») дискредитируют слова, внушают неуважение к ним, боязнь их употреблять. Видели в этом и попытку превратить бескрайние просторы языка в «языковой пятак».

Так ли это? Помета «разг.» обозначает как раз, что слово стилистически не бесцветно, она напоминает:

<sup>1</sup> Чуковский К. И. Живой как жизнь: О русском языке. М., 1966. С. 118.

это слово особое, «окрашенное», употреблять его надо не всюду, не всякий раз, а с толком, когда нужна именно такая окраска речи. Слово с пометой «высок.» имеет свою область применения, оно тоже окрашено.

Что будет, если этих помет в словарях не окажется? Многие и без словаря знают, какие слова разговорные. Им это подсказывает чутье языка (т. е. языковый опыт). Но многие будут сбивчиво, стилистически необоснованно использовать эти слова. Все ли чувствуют, понимают, что *восьмерка* — слово разговорное? Учитель может сказать ученику: «Поправьте восьмерку, она у вас небрежно написана». Но в научном трактате это слово неуместно<sup>1</sup>. Забвение того, что разговорные слова именно разговорные, приведет к ущербу и для выразительности речи (их станут употреблять как нейтральные, стилистически «бесцветные» слова), и для ее упорядоченности. Возникнет хаос: одни будут использовать эти слова как окрашенные; они помнят, что *восьмерка*, в отличие от *восемь*, необычное слово. Другие привыкнут видеть в разговорных словах простые дублеты слов неразговорных. Отсюда несогласованность в речи говорящего — слушающего. Они по-разному оценивают слова, поэтому по-разному оценивают речь; у них возникает речевой разлад. Устранили нормативность (отказались от помет, т. е. от общеобязательной стилистической оценки слов) — нанесли урон и выразительности речи. Одно с другимочно связано: норма и выразительность. Общество заботится и о строгой упорядоченности литературной речи, и о том, чтобы не были стеснены ее выразительные возможности. Нельзя забыть ни о той, ни о другой задаче.

Пуристы думают только о сохранении строгой традиционной упорядоченности в языке. Появление нового слова, оборота, выражения ими сразу и безоговорочно отвергается; новшества кажутся им разрушающими закономерность, целостность, гармоничность отношений в языке. Другие, наоборот, радостно приветствуют всякую новинку; по их мнению, все, что появляется в речи, создает новую выразительность и должно быть узаконено языком. Они не замечают, что нередко какое-нибудь неожиданно хлесткое словечко бывает выразительно только несколько дней, а потом становится

<sup>1</sup> Есть спортивный термин *восьмерка* (в гребном спорте): это слово не разговорное.

обузой для большинства говорящих, что иная новинка, пусть даже с первого взгляда выразительная, несет с собой вульгарность, цинизм, грубость.

Заботиться о языке — значит не быть ни пуристом, ни бесшабашным хвалителем всякого новшества. Дело не в «умеренности и аккуратности» оценок, а в языковом вкусе, его широте и — одновременно — строгости. Отдельный человек в своих оценках нередко ошибается, но язык — наше общее дело, и общественное мнение бывает в конце концов справедливым. Оно принимает все подлинно ценное.

Явления культуры хрупки и уязвимы. Они требуют охраны и попечения о них. Бережного отношения требует и язык. И общество сознательно заботится о нем. Сознательная забота о языке называется кодификацией языка.

Кодификация, объясняет словарь, значит упорядочение, приведение в единство, в систему, в целостный непротиворечивый свод (кодекс). В языке кодификация — тоже приведение в единство, в порядок, отвержение всего чуждого литературному языку и приятие всего, что его обогащает.

Средства кодификации — это словари, справочники по языку, учебники для средней школы, научные лингвистические исследования, устанавливающие норму. И только? Нет, еще: пример людей, безукоризненно владеющих русской речью (талантливых писателей, ученых, журналистов, артистов, дикторов); произведений — художественных, научных, публицистических, — обладающих высоким общественным (и культурным) авторитетом. Предположим, что я хочу сказать *берегёт*, но: люди, которых я считаю культурно-авторитетными, так не говорят; по радио такую форму не употребляют; в школе так говорить отучивают; у И. С. Тургенева, А. А. Блока, М. М. Пришвина и других русских писателей, в газетах и журналах такая форма не встречается. Я отказываюсь от намерения сказать *берегёт*. Так устанавливается кодекс литературных норм.

В качестве кодификаторов (тех, кто бережет достоинство литературного языка) выступают: ученый-языковед, писатель, журналист, общественный деятель, диктор радио и телевидения, артист, учитель, преподаватель вуза, редактор, корректор, врач (в разговоре с больным), инженер (в разговоре с рабочими и инженерами) — и каждый из нас. Каждый, кто владеет лите-

ратурным языком,— пример (положительный или отрицательный) для других, образец, к которому они хотят приблизиться или от которого отталкиваются («Семен Семенович говорит *берегёт*, но он малокультурен, сер, невежда, я так говорить не буду»). Каждый из нас отвечает за судьбу русского литературного языка.

Итак, литературный язык, это: 1) язык общенародной культуры; 2) язык общения культурных людей; 3) в отличие от диалектов и городского просторечия это язык, имеющий твердые нормы, о сохранности которых заботится все общество.

Эта характеристика относится к современному русскому литературному языку. Исторически же само понятие литературности языка изменчиво. Некоторые из данных характеристик не относятся, например, к русскому литературному языку XVII в.

## § 2. СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК

Мы будем изучать современный язык. А что значит: современный? По отношению к русскому языку этот термин употребляется в двух значениях: 1) современный — язык от эпохи Пушкина до наших дней; 2) современный — язык середины и второй половины XX в.

Когда мы читаем произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и их современников, мы воспринимаем их язык как свой, родной. Переводчики нам не нужны. Речевое общение сохраняет свою непосредственность, это — прямое общение. Поэтому вполне реален, имеет объективное существование современный русский язык от эпохи Пушкина до наших дней.

Но тем не менее от эпохи Пушкина до нашей прошло полтораста лет. За это время язык изменился; изменились некоторые произносительные и грамматические нормы, стало иным значение некоторых слов, лексика значительно пополнилась. «В пушкинском словаре слово «пар» встречается в значении тумана да дымки над костром. А «век пара» неотвратимо приближался» (Н. Атаров).

Хотя язык Пушкина мы понимаем, но в некоторых случаях уже нужны комментарии и разъяснения.

Возьмем начало «Евгения Онегина»:

Мой дядя самых честных правил,  
Когда не в шутку занемог,  
Он уважать себя заставил  
И лучше выдумать не мог...

Современный читатель может так понять эти строки: Онегин с похвалой думает о своем дядюшке: и человек он честный, и уважать себя заставил (странны, что он это как-то смог сделать во время болезни)... Правда, такое любовно-патриархальное отношение к родственникам (духовно явно не близким Онегину) противоречит характеру героя. Ну, наверное, такой сложный характер...

Нужны разъяснения. Первую главу «Евгения Онегина» А. С. Пушкин писал в 1823 г. У всех была в памяти басня И. А. Крылова «Осел и мужик» (1819), которая начиналась словами: *Осел был самых честных правил...* Эту фразу и вспоминал читатель 1-й строфы «Евгения Онегина». Со временем острота совпадения с крыловской басней потускнела; выражение Крылова про осла не стало крылатым — и современный читатель готов ироническую похвалу, которой начинается «Евгений Онегин», принять всерьез.

Когда не в шутку занемог...

Когда здесь использовано в значении *если*. Сейчас такое значение союза *когда* тоже известно, но малоупотребительно; можно и не догадаться об условном значении, которое он вносит в предложение. А все предложение значит: «Если дядя действительно серьезно заболел, то, пожалуй, нужно показывать, что уважаешь его...». Такое понимание начала строфы находится в согласии с продолжением рассказа:

Вздыхать и думать про себя:  
Когда же черт возьмет тебя...

Слова Онегина, которыми начинается роман, вовсе не благонамеренная похвала дядюшке, а ироническая (и даже отчасти циничная) его характеристика; с другой стороны,— это и характеристика самого Онегина, которая ладит с тем, что мы узнаем о нем из первой главы романа. Мы могли и не уловить этого, потому что язык Пушкина в некоторых своих деталях уже не совсем наш язык.

При поверхностном чтении ускользает, что смысл ряда слов в пушкинских произведениях не всегда тот, к какому мы привыкли в нашем языке. «В значении целого ряда слов, представляющих собой сложные образования из двух основ, например *великодушие, малодушие, добросовестный* и другие, первоначально заметно проступало значение каждой основы, и общее значение сложного слова представлялось как бы чле-

нимым, состоящим из суммы значений двух частей. Можно сказать, что слово *великодушие* в своем первоначальном значении было очень близко к понятию «величие души», проявляющемуся в способности к самопожертвованию, в мужестве, крепости, силе духа. *Малодушие*, наоборот, означало «свойство человека с мелкой, маленькой душой, ничтожного по своим моральным качествам». Именно в этом старом значении употребляет это слово Сумароков:

В великодушии геройство состоит;  
А без него оно имеет ложный вид.

В таком же значении употребляется это слово и в следующем контексте из «Рославлева» Пушкина, где пленный офицер наполеоновской армии, потрясенный силой духа русского народа... патетически восклицает: «Ужасное, варварское великодушие! Теперь все решено: ваше отечество вышло из опасности; но что будет с нами, что будет с нашим императором...»

В производных образованиях от этого слова мы обнаруживаем ту же членимость значения. В «Капитанской дочке» Пушкин описывает мужественное поведение коменданта Белогорской крепости Ивана Кузьмича и гарнизонного поручика Ивана Игнатьевича, отказавшихся присягнуть Пугачеву несмотря на то, что этот отказ должен был повлечь за собой их смерть. «Очередь была за мною,— говорит Гринев.— Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей». Здесь *великодушный* выступает в значении: обладающий высокими моральными качествами — величием души, способный к самопожертвованию, мужественный, храбрый. Слово *малодушие* у Пушкина тоже употребляется в старом значении: ничтожность, мелкость души. «На основе этих первоначально членимых значений,— пишет И. С. Ильинская,— впоследствии развиваются другие, уже не членимые по смыслу значения, существующие некоторое время наряду со старыми, а потом вытесняющие их. *Великодушие* впоследствии стало означать и теперь означает «свойство характера, заключающееся в уступчивости, снисходительности, отсутствии злопамятства» (*в порыве великодушия он простил ему все обиды*), где понятие «величия души» совершенно стерто. То же можно сказать и о *малодушии*, которое значит «трусость, безволие, нерешительность». Процесс утраты сложными словами ста-

рых членимых по смыслу значений коснулся многих сложных слов»<sup>1</sup>.

Итак, между языком наших дней и языком эпохи Пушкина легла история в 150 лет. Изменился словарный состав, у слов появились новые значения и были утрачены старые (в связи с этим сложные слова превратились в простые), стали несколько иными произносительные и грамматические формы. Поэтому вполне оправдано и второе понимание слов «современный русский язык» — язык середины и второй половины XX в.

В этой книге (и вообще в курсе современного русского языка, который читается в вузах) описывается именно русский язык середины и второй половины XX в. Однако в тех многочисленных случаях, когда нормы современности и нормы Пушкинской эпохи совпадают, приводятся примеры из произведений Пушкина и других писателей XIX и начала XX в.

### § 3. РУССКИЙ ЯЗЫК

Самое понятное слово в сочетании *современный русский литературный язык* — слово *русский*. Это язык, созданный русским народом, тот, на котором он строит свою культуру; для русского человека он — родной язык.

До XIV в. существовал древнерусский язык как общий язык предков украинцев, белорусов и русских. В XIV в. произошло разделение этого восточнославянского языка (в связи с формированием русской, белорусской и украинской наций), и с этих пор существует русский язык как язык русского народа.

В. И. Даль сказал (в ответ на предположение, не датчанин ли он): «Кто на каком языке думает, тот к той нации и принадлежит. Я думаю по-русски». Это содержательная, верная формулировка; но в XX в. она верна не во всех случаях. Многие советские люди владеют и русским, и каким-либо другим национальным языком. Русский язык в СССР стал для части населения одним из двух родных. Татарский поэт Ахмед Ерикеев в стихотворении «Два крыла» говорит:

...Коню бывает всадник благодарен,  
Захлебываясь ветром на скаку.  
Вот так и я — мечтательный татарин  
Родному благодарен языку.

<sup>1</sup> Ильинская И. С. О богатстве русского языка. М., 1963. С. 40.

Люблю его!

И ярким мне, и сочным  
Он кажется, прошедший сквозь века.  
Звучи на языке моем восточном  
Из-под пера летящая строка!  
Кто путь забыл к родительскому дому,  
Тот не заслужит сам любви большой.  
Кто равнодушен к языку родному,  
Тот и к чужому холoden душой.  
Мне два крыла вручила не природа,  
На них парю я каждый час и миг:  
Одно — язык татарского народа,  
Второе — русский пламенный язык<sup>1</sup>.

Значит, формула Даля, верная в основном и для нашего времени, нуждается в уточнении: в наши дни русский язык является родным не только для русских людей. Есть украинцы, армяне, таджики, татары, удмурты (и т. д.), которые владеют русским языком как одним из двух (в равной степени) родных, но считают себя принадлежащими к украинскому, армянскому, таджикскому, татарскому, удмуртскому (и т. д.) народу.

Русский язык стал родным не только для русского народа.

#### § 4. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Академик В. В. Виноградов писал: «Можно полагать, что сейчас в мире в той или иной мере владеют русским языком около полутора миллиарда человек (из них для 150 млн.— это родной язык)<sup>2</sup>».

При переписи, проведенной в нашей стране в 1979 г., «назвали родным русский язык 153,5 миллиона человек (при переписи 1970 года — 141,8 миллиона), из них — 137,2 миллиона русских и 16,3 — других национальностей. Кроме того, 61,3 миллиона человек заявили, что они свободно владеют русским языком в качестве второго языка (в 1970 году — 41,9 миллиона человек)<sup>3</sup>.

В. И. Ленин писал: «...мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

<sup>1</sup> Перевел с татарского Я. Козловский. См.: Ерикеев А. Стихотворения. М., 1962. Некоторые свои стихи А. Ерикеев с большим мастерством перевел на русский язык (см. в том же сборнике стихотворения «Вновь запахло сиренью и мятой», «Фатыма» и др.).

<sup>2</sup> Виноградов В. В. Русский язык в современном мире // Русский язык в современном мире. М., 1968. С. 23.

<sup>3</sup> Население СССР: По данным переписи населения 1979 года. М., 1980. С. 26—27.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием... А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы<sup>1</sup>. В Советском Союзе русский язык в результате свободного распространения между разными национальностями стал одним из языков межнационального общения.

Приобщение к культурным ценностям русского народа происходит при помощи русского языка: огромное количество людей читает Пушкина, русских классиков, советских русских писателей в подлиннике. Нанайский писатель Петр Киле рассказывает в повести «Птицы поют в одиночестве»:

Одно стихотворение Пушкина я открыл в шестом классе, вернее, Ленка открыла его мне. Она, наверное, сама была ошеломлена стихами «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Горячо сказала: «Филипп!» Я взял у нее Пушкина и долго повторял: «Я вас любил...»

А восьмом классе я говорил: «Боже мой, Пушкин!» — бегая по дому. Кошка пряталась за печку и следила за мной своими вертикальными зрачками. Я ронял книгу и, закрывая глаза, падал на пол, на медвежью шкуру — в пустыне мрачной я влажился... Явился шестикрыльй серафим, и что он сделал со мной?

Моих ушей коснулся он,—  
И их наполнил шум и звон:  
И внял я неба содроганье...

Я принимался читать «Евгения Онегина» вслух. Дени пришла из магазина, я читаю. Дени сварила ужин, я читаю. Дени ставит на стол поздний ужин...

— Это столько тебе учить наизусть, нэку?  
— Нет, Дени! Спасибо, есть мне не хочется!  
— Ешь, ешь, Филипп! Оставлять еду нельзя, не будет тебе счастья.

— «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя!» Дени, быть по-твоему! И я буду счастлив?

Я говорю ей по-русски. Дени все понимает, хотя отвечает мне на родном языке:

— Не убьешь человека, чужого не возьмешь, лентяй не будешь — будешь хорошим человеком. А счастливыми... — Дени качает головой.

— Нет, Дени я теперь хороший! Я теперь счастливый.

Русский язык в настоящее время стал мировым языком.

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 295.

Организацией Объединенных Наций признано С официальных мировых языков, среди них русский (а также английский, французский, испанский, китайский, арабский). Строительство социализма в Советском Союзе, создание нового общества, успехи науки, техники и искусства, экономическая жизнь — все это стало стимулом распространения русского языка во всем мире.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Об очистке русского языка // Полн. собр. соч. Т. 40.  
Виноградов В. В. Великий русский язык. М., 1945.

## СТИЛИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

### § 5. ЧЛЕНЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И СТИЛИ

Современный русский литературный язык не похож на однообразную плоскую равнину. Его «ландшафт» сложнее: есть горы, холмы, есть спуски в долину, в поймы рек. Если говорить не метафорически, а прямо, то современный русский литературный язык стилистически расчленен. Одни слова имеют высокую, торжественную окраску, другие — разговорную. Наконец, очень многие слова стилистически прозрачны, они не имеют окраски: *я, ты, он, быть, идти, думать, читать, работать, мать, отец, дом, жизнь, человек, цветы, дерево, лицо, ясень, радость, мысль, смелость, большой, синий, хороший* и т. д.

Стилистически разграничены не только слова, но и синтаксические конструкции. Примеры: *Я позабыл, что надо отправить письмо* (нейтр.). — *А я и позабудь, что письмо-то отправить надо* (разг.); *Это неизбежно, ибо таково веление истории* (высок.). — *Этого нельзя избежать, потому что так требует история* (нейтр.). В последнем случае союзы *ибо — потому что* — синтаксическое средство, помогающее создать стилистический контраст. Огромное большинство грамматических конструкций принадлежит нейтральному стилю.

«...Ломоносовская „теория трех штилей“, — писал А. А. Реформатский, — заключает в себе очень важное теоретическое зерно: стили речи соотносительны, и любой стиль прежде всего соотнесен с нейтральным, нулевым; прочие стили расходятся от этого нейтрального

в противоположные стороны: одни с «коэффициентом» плюс как „высокие“, другие с «коэффициентом» минус как „низкие“ (ср. нейтральное *есть*, высокое *вкусить* и низкое *жрать* и т. п.)»<sup>1</sup>.

Каждое разграничение в языке имеет смысл, оно что-то обозначает. Каков смысл стилистических разграничений? Этот смысл сложен. Во-первых, с помощью стилистических разграничений передается отношение говорящего к его речи. Может быть, эта речь имеет всеобщее значение (она обращена к народу), эпохальное (к истории) и даже «вселенское» значение. Но речь может быть и непрятательной, говорящий предназначает ее для немногих лиц, и только для них она интересна, только сейчас и здесь.

Автор статьи раздает ее оттиски нескольким своим товарищам по работе и говорит: *Я пришел к вам, чтобы вручить свой труд...* И сам говорящий, и его слушатели поняли, что речь не соответствует обстоятельствам, в этих условиях уместны были бы более скромные, более непрятательные слова: о простом деле не стоит говорить так торжественно и высоко. Уместен был бы нейтральный стиль: *Я хочу подарить вам свою статью...* Или даже несколько сниженный, разговорный: *Вот — написал, хорошо ли, плохо ли, не знаю, прочитайте и скажите.*

Следовательно, в стилистических разграничениях выражается отношение говорящего к речи: она оценивается им как имеющая большое, даже всеобщее значение или как речь более «ограниченного пользования», для сравнительно ограниченного круга лиц, не претендующая на эпохальность.

Но из этого разграничения вытекает другое. Всенародная речь звучит в дни торжеств, праздников, в дни всеобщего ликования. Поэтому языковые единицы, принадлежащие высокому стилю, имеют, во-вторых, оттенок праздничности, торжественности. В них отразилась сама ситуация, в которой они употребляются. В приведенном примере (*чтобы вручить...*) неловкость и в том, что говорящий заранее уверен, что он принес с собой праздник для всех, даря книгу. Однако это уже второе, производное значение высокого стиля. Главным является первое. Это доказывается тем, что есть слова

<sup>1</sup> Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967. С. 144—145.

высокого стиля (и их даже немало), которые лишены духа праздничности, торжественности. Например, высокий союз *ибо* никакой праздничности сам по себе не несет.

Высокий стиль уместен и в дни скорби; при этом он сохраняет свою торжественность, но, конечно, не праздничность.

Речь в разговорном стиле — это будничная речь. От этого она не становится плохой: будни имеют свое обаяние. В примере, приведенном выше (*чтобы вручить...*), как раз разговорный стиль оказался хорошим и вполне уместным, а высокий стиль — плохим, претенциозным. Следовательно, разговорный стиль имеет (в качестве второго, производного) значение речи повседневной, непраздничной.

Наконец, в-третьих, сам объект называния может окрашиваться по-разному в разных стилях. В ряду слов: *очи* (высок.) — *глаза* (нейтр.) — *глядялки* (разг. или прост.) — сами объекты представляются разными. Слово *очи* вызывает иные представления о называемом объекте, чем слово *глядялки*. *Очи* красивее, чем *глядялки*. С другой стороны, *очи* не просто «орган зрения», а «зеркало души», уста — это не «орган приема пищи», а «источник речей премудрых»<sup>1</sup>. И приведенный пример (*чтобы вручить...*) можно понять так: реплика оказалась неудачной, потому что в ней действие получило более высокую оценку, чем оно заслуживало.

Однако и эта черта вторична, т. е. охватывает не все стилистически окрашенные слова. Да, действительно, большинство высоких слов обозначают объекты, которые оцениваются положительно (*Отчизна, очи, дерзновенно*), но есть и такие высокие слова, объект которых либо никак не оценивается, либо оценивается отрицательно (*тиран, презренный, исчадие зла*).

Поэтому основное значение стилистических различий надо видеть в том, что сама речь может оцениваться как важная, существенная для всех (или многих) или, наоборот, как имеющая значение только ограниченное: здесь, сейчас, для присутствующих. Метонимически эти различия переносятся и на объект речи, на то, что называется; сами предметы, обозначаемые средствами высокого и разговорного стиля, могут представляться различными. И, как уже было сказано, в высоком стиле

<sup>1</sup> Реформатский А. А. Введение в языкознание. С. 92.

может быть запечатлена торжественность, характерная для обстановки, в которой бывает уместна речь высокого стиля; неторжественность, повседневность (не в понятиательном смысле) запечатлена в стиле разговорном. Таковы те смыслы, которые передают с помощью стилистических разграничений.

Нейтральные языковые единицы характеризуются тем, что они уместны в любой речи. Они не имеют тех красок, тех стилистических смыслов, которые свойственны высокому и разговорному стилям. Ни один текст (письменный, устный) нельзя создать средствами только одних окрашенных единиц. В любом тексте большинство слов и синтаксических конструкций — нейтрального стиля. Окрашенные единицы вводятся в среду нейтральных единиц, — и тогда мы воспринимаем весь текст как высокий или разговорный по стилю. *Стакан чаю* — это вода, слегка окрашенная чаем, но это не «стакан воды», а именно «стакан чаю». Так и высокий (или разговорный) текст: большинство его единиц — неокрашенные, нейтральные, окраску придают немногие высокие (или в другом случае — разговорные) слова.

Запомним: с помощью стилистической градации высокий — нейтральный — разговорный стиль оценивается сама речь; это — основа стилистических разграничений.

## § 6. ЯЗЫКОВЫЕ ЖАНРЫ

Существуют не только стилистически противопоставленные единицы языка, но и языковые законы их использования. Если просмотреть на нескольких страницах словаря слова с пометой «разг.» и «высок.», то сразу можно заметить, что высоких слов значительно меньше, чем разговорных. Это отражает норму современного литературного языка: в тексте (письменном или устном) может быть много разговорных слов, и это не претит современному языковому вкусу. Наоборот, слова высокого стиля должны употребляться скучно, чтобы не вызвать впечатления нарочитой экзальтации или неискренности. Таков вкус времени, отразившийся в речи и в законах употребления языковых единиц.

На площадях Малоярославца и Можайска я видел святые могилы: здесь похоронены храбрецы, участвовавшие в освобождении этих городов. Пройдут годы. Забудутся страшные месяцы войны. Люди отстроят новые города, новые школы, новые клубы. Красивей, больше прежних станут наши города. В сердце освобожденных городов

останутся дорогие памятники. И мать, показав ребенку на цоколь с начертанными именами, скажет: «Вот, Петя, кто тебя спас...» И в поле колхозницы почтут однокую могилу красноармейца. Вокруг нее расступятся колосья. Ее не тронет время...

Наши бойцы, павшие на поле брани, победили не только врага, они победили смерть. Они погибли за близких, за друзей, за свою маленькую деревню и за нашу необъятную страну. У сирот найдутся матери — все женщины России. У погибших бездетных будут потомки — весь русский народ (*И. Г. Эренбург*).

В этом тексте немного торжественных слов, но их достаточно, чтобы передать чувство скорби, благодарности и высокой печали.

Текст может состоять из единиц нейтрального стиля и из единиц разговорного стиля; может состоять из единиц нейтрального стиля и из единиц высокого стиля. Встречаются тексты из одних только единиц нейтрального стиля, но они редки.

Есть устойчивые в данную эпоху типы совмещения в одном тексте окрашенных языковых единиц. Такие типы называются стилистическими жанрами. В современную эпоху мы встречаем такие стилистические жанры: художественное повествование, научное исследование, газетная информация, шутливый бытовой диалог, басня, лирическое стихотворение, доклад на научной конференции, фельетон, протокол собрания, заявление в учреждение, реклама, отчет о работе, разговор между продавцом и покупателем в магазине, рассказ друзьям о каком-нибудь событии, журналистское интервью, научно-популярное изложение теории, путеводитель и т. д.

Эти жанры принадлежат не только речи, но и языку. Сами законы сочетания разных окрашенных слов в пределах каждого жанра (что допустимо и что — нет, или допустимо как особый случай, какая возможна насыщенность текста данными окрашенными единицами, как они должны быть введены в текст и т. д.) в известной степени стабильны в каждую эпоху, они характеризуют не только данный текст, но и жанр в целом. Поэтому такие законы имеют не только речевой, но и языковой характер<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> О понятиях языка и речь см.: *Реформатский А. А. Введение в языкознание*. С. 32—37; см. еще важное разъяснение: «Язык можно владеть и о языке можно думать, но ни видеть, ни осознать язык нельзя. Его нельзя и слышать в прямом перцептивном значении этого слова» (*Реформатский А. А. Диахотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Вопро-*

Языковые жанры и те, которые изучает литературоведение, не совпадают друг с другом. Например, литературовед различает рассказ и повесть — для языковеда это один жанр: художественное повествование. Нет собственно языковых (притом типизированных) отличий, чтобы противопоставить рассказ повести. И даже в тех случаях, когда жанр выделяется и с лингвистических, и с литературоведческих позиций, для языковеда важно в нем устойчивое, выходящее за рамки личного творчества, общеязыковое, а для литературоведа — индивидуальное, то, что в данном тексте создает единство данной образной системы и ее данного художественного выражения.

Вот жанр семейного письма:

Друзья мои тунгусы! Был ли у Вас дождь, когда Иван вернулся из Лавры? В Ярославле лупил такой дождь, что пришлось облечься в кожаный хитон. Первое впечатление Волги было отравлено дождем, заплаканными окнами каюты и мокрым иносом Гурляида, который вышел на вокзал встретить меня. <...>

На пароходе я первым долгом дал волю своему таланту, т. е. лег спать. Проснувшись, узрел солнце. Волга недурна; заливные луга, залитые солнцем монастыри, белые церкви; раздолье удивительное; куда ни взглянешь, всюду удобно сесть и начать удить. На берегу бродят классные дамы и щиплют зеленую травку, слышится изредка пастушеский рожок. Над водой носятся белые чайки, похожие на младшую Дришку. <...>

Самое худшее на пароходе — это обед. Сообщаю меню с сохранением орфографии: щи зеле, сосиськи с капу, севрюшка фры, кошка, запеканка; кошка оказалась кашкой... После корнеевского сантуринского у меня завалило все нутро...

Кострома хороший город. Видел я Плес, в котором жил томный Левитан; видел Кинешму, где гулял по бульвару и наблюдал местных шпаков.

Холодновато и скучновато, но в общем занятно...

Возьмите у Дришки Фофанова. Кундасовой отдашьте французский атлас и путешествие Дарвина, стоящее на полке.

Ну, оставайтесь здоровы и благополучны (А. П. Чехов).

Языковой жанр семейного письма выражен очень ярко. Характерны такие черты: лексика разговорного стиля (*лупил* — о дожде, *недурна*, *холодновато* и т. д.), изредка просторечные слова (*завалило все нутро*)<sup>1</sup>, много шутливых переносных значений, ироническое

сы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 119. См. также: Кузнецов П. С. О языке и речи // Вестник МГУ: Филология, журналистика. 1964. № 4).

<sup>1</sup> Конечно, и семейное письмо, и текст любого другого жанра может быть создан в рамках нейтрального стиля, но это как раз нетипично для большинства жанров; поэтому-то так редки тексты, выдержаные в пределах строгой нейтральности.

употребление высоких слов (*облечься, узрел*), включение слов семейного языка (*отдаште* — так говорила в детстве М. П. Чехова, *Дришка* — семейная форма имени Дарьи), введение фрагментов иных языковых систем (*меню*), преобладание простых синтаксических конструкций (нет особенно расчлененных предложений, с глубокой «синтаксической перспективой»), очень умеренное использование причастных и деепричастных оборотов.

Как видно, разные языковые жанры характеризуются не только разным использованием слов высокого или разговорного стиля, но и рядом других особенностей. В них по-разному представлены приметы функциональных разновидностей языка. Что же называют функциональными разновидностями языка?

Некоторые жанры обнаруживают языковую близость. Так, например, похожи друг на друга нотариальный акт, хозяйственный договор, протокол собрания, официальное уведомление. Характерной особенностью этих жанров является использование лексики, связанной с определенной областью человеческой деятельности, частое применение грамматических (прежде всего синтаксических) особенностей, уместных именно в текстах, предназначенных для данной области. Все эти приметы составляют отличительные черты деловой разновидности современного русского языка. Она характеризуется не только тем, что в ней уместно, но и тем, что в ней, как правило, отсутствует: исключены слова разговорного стиля (*голубчик, тютелька в тютельку, Ванюша, засеменил*), совершенно неуместны высокие, торжественные слова, неупотребительны эмоциональные средства языка (*ах, эх, глазки, носик, беленький, синий-синий, наисквернейший, а я и позабудь про этот договор*).

Функциональные разновидности языка<sup>1</sup> выделяются путем обобщения тех признаков, которые имеет определенная группа языковых жанров. Можно по-разному

<sup>1</sup> Функциональные разновидности языка часто называют функциональными стилями. Но при этом возникает неудобная омонимия двух терминов: есть высокий — нейтральный — разговорный стили, их принято называть стилями со временем М. В. Ломоносова; переименование здесь было бы неуместно. Поэтому переименованы функциональные стили (этот термин имеет менее глубокую историю, он не выходит за пределы XX в.): они в этой книге названы функциональными разновидностями языка.

группировать языковые жанры, поэтому у разных исследователей неодинаков набор функциональных разновидностей языка. Чаще всего различают такие функциональные разновидности: деловая, публицистическая, научная и научно-популярная, информационная (например, газетная хроника), бытовая (например, разговор на повседневные, бытовые темы).

## § 7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЖАНРОВ

Языковые жанры не изолированы друг от друга. Часто текст, имеющий основные признаки одного стиля, включает также и особенности другого.

А. К. Гастев, поэт и создатель Института научной организации труда, написал инструкцию «Как надо работать». Приведем отрывки из нее:

Вот первые основания для всякого труда:

1. Прежде, чем браться за работу, надо всю ее продумать, продумать так, чтобы в голове окончательно сложилась модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов. Если все до конца продумать нельзя, то продумать главные вехи, а первые части продумать досконально.

2. Не браться за работу, пока не приготовлен весь рабочий инструмент и все приспособления для работы.

3. На рабочем месте (станок, верстак, стол, пол, земля) не должно быть ничего лишнего, чтобы попусту не тыкаться, не суетиться и не искать нужного среди ненужного.

4. ...За работу никогда не надо браться круто, сразу, ие срываться с места, а входить в работу исподволь. Голова и тело потом сразу разойдутся и заработают; а если приняться сразу, то скоро и себя, как говорится, зарежешь, и работу «запорешь». После крутого начального порыва работник скоро слабеет, и сам будет испытывать усталость, и работу будет портить...

Есть очень дурная привычка — после удачного выполнения работы сейчас же ее показать; вот тут обязательно надо «вытереть», так сказать, привыкнуть к успеху, смять свое удовлетворение, сделать его внутренним, а то в другой раз, в случае неудачи, получится «отравление» воли, и работа опротивеет.

По основным, характерным чертам — это жанр инструкции. Отсюда — инфинитив со значением повеления, использование придаточных предложений условных, а также других грамматических конструкций, имеющих значение условия (*в случае неудачи*), широкое употребление предложений с обобщенным (и потому неназванным) субъектом, ввод — правда, очень умеренный — рабочей терминологии (*станок, верстак*). Но есть и черты необычные для инструкции и обычные для художественной речи: эмоциональная разговорность лексики

(попусту не тыкаться, не срываться с места), слова с необычными переносными значениями [«отравление» воли, (удачу) надо «вытерпеть»], эпитеты (крутыЙ попрыв). Жанр инструкции взаимодействует с жанром художественного повествования.

Пока исследование сосредоточено на типических чертах взаимодействующих языковых жанров и на таких взаимодействиях, которые характерны для языка определенной эпохи, оно остается в пределах языкоznания.

Раздел лингвистики, который ведает этой проблематикой, называется стилистикой текста. Текст для лингвистической стилистики интересен тем, что он позволяет понять законы построения языковых (устойчиво-определенных) жанров и законы их типического взаимодействия.

Взаимовлияние воззваний, инструкций, приказов, манифестов и поэтических жанров типично для языка 20—30-х годов нашего века (вспомним «Приказы по армии·искусств» В. В. Маяковского, «Пачки ордеров» А. К. Гастева, «Декларацию поэтических прав» И. Л. Сельвинского и — деловые бумаги А. В. Луначарского, инструкции А. К. Гастева, распоряжения по театру Е. Б. Вахтангова). Как типическое в языке данной эпохи, это взаимодействие — в поле зрения языковеда.

Другая, уже не лингвистическая задача — понять текст в его неповторимом своеобразии и индивидуальной целостности. Это — задача литературоведения.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

##### Стили языка:

Сухотин А. М. Стилистика лингвистическая // Литературная энциклопедия. М., 1937. Т. 9.

Реформатский А. А. Введение в языковедение [1947]<sup>1</sup>. М., 1967. С. 144—147.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык [1939] // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

##### Функциональные разновидности языка:

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка [1952]. М., 1965. С. 60—109.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977. С. 157—218.

Лескис Г. А. Функциональная дифференциация стилей // Русский язык в национальной школе. 1970. № 3.

Мурат В. П. Об основных проблемах стилистики: Материалы к курсам общего языкоznания. М., 1957.

<sup>1</sup> Здесь и далее в квадратных скобках — дата первой публикации (или написания, если публикация вышла посмертно).

# ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

## § 8. СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Часто язык художественной литературы считают особой функциональной разновидностью языка — наряду с деловым, научным, публицистическим и т. д. Но такое мнение неверно. Язык деловых документов, научных трудов (и т. д.) и язык художественной прозы и поэзии нельзя рассматривать как явления одного порядка. Художественная проза (а в наше время — и поэзия) не имеет того лексического «набора», который отличает одну функциональную разновидность от другой, не имеет и специфических примет в области грамматики. Сравнивая произведения разных писателей, нельзя не прийти к выводу, что различия между ними могут быть исключительно велики, что никаких ограничений в использовании средств языка здесь нет.

«Ограничение» есть, но чисто творческое, не связанное с использованием тех или иных ресурсов языка: все в произведении должно быть художественно целесообразно. При этом условии писатель свободно пользуется и особенностями бытовой речи, и научной, и деловой, и публицистической — любыми средствами языка.

Особенность языка художественной литературы не в том, что он использует какие-то специфические средства — слова и грамматические конструкции,ственные только ему. Наоборот: специфика языка художественной литературы в том, что он — «открытая система», ничем не ограничен в использовании любых языковых возможностей. Не только те лексические и грамматические особенности, которые характерны для деловой, публицистической, научной речи, но и особенности нелитературной речи — диалектной, просторечной, жаргонной — могут быть приняты художественным текстом и органически усвоены им.

С другой стороны, язык художественной литературы особенно строг в отношении нормы, более требовательно, более чутко оберегает ее. И в этом тоже специфика художественного языка — речи<sup>1</sup>. Как могут сочетаться

<sup>1</sup> Противопоставление речь — язык оказывается снятым в области художественного языка. Писатель, воплощая свои художественные замыслы, должен создать язык, необходимый для решения его художественных задач (создать, конечно, путем функционально оп-

такие противоположные свойства: с одной стороны, полная терпимость не только ко всем литературным разновидностям языка — речи, но даже и к нелитературной речи, с другой стороны, особо строгое, требовательное соблюдение норм? Это надо рассмотреть.

## § 9. НОРМА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Художественная речь считается с большим числом запретов, чем обычная, она учитывает большее число законов отбора.

Более требовательное отношение к норме можно показать на таких примерах. Родовые различия у существительных неодушевленных семантически пусты — с ними не связываются никакие смысловые различия. Но если в стихотворении (или в песне) говорится о березке и клене, то березка — девушка, а клен — юноша. В сказке могут разговаривать Ухват и Метла, и непременно Ухват изображает мужчину, Метла — женщину. Иван Павлович Яичница — персонаж «Женитьбы» Н. В. Гоголя; фамилия комична — и в значительной степени потому, что пол персонажа и род существительного яичница находятся в разладе. То, что давно спит в слове — род неодушевленных существительных, — в художественной речи просыпается, оказывается существенным, влияет на выбор слова. Если бы в сказке Ухвату была предназначена женская роль, норма художественной речи была бы нарушена, читатель остался бы недоволен.

В слове *расстояние* нет приставки *рас-* (для современного русского языка). Ни одно из значений, которые имеет эта приставка в обычной речи, в этом слове неуместно. Если выделим приставку *рас-*, то вместе с этим обособим и корень *-стой-* или *-стоянний-*, но и он окажется лишенным смысла: *расстояние* не то, что связано с действием *стоять*. В поэзии «мертвые» смыслы

---

равданного преобразования общенародного языка). Произведение является и конкретией речевой данностью, и единственным хранившем, вполне адекватным, притом исчерпывающим воплощением того языка, который найден писателем именно для данного произведения. Это произведение — и языковая, и речевая данность. Здесь не только единство языка и речи, но их полное взаимопроникновение и слияние (поэтому в данной главе слова *язык* и *речь* надо рассматривать как синонимы).

этой приставки оживают (и заставляют считаться с собой при выборе слова, т. е. влияют на норму употребления слова):

Рас-стояние: версты, мили...  
Нас рас-ставили, рас-садили,  
Чтобы тихо себя вели,  
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...  
Нас раскленили, распаяли,  
В две руки развели, распяв,  
И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...  
Не рассорили — рассорили,  
Расслоили...

Стена да ров.  
Расселили нас, как орлов —  
Заговорщиков: версты, дали...  
Не расстроили — растеряли.  
По трущобам земных широт  
Рассовали нас, как сирот.

Который уж — ну, который — март?!  
Разбили нас — как колоду карт!

(М. И. Цветаева)<sup>1</sup>

В обычной бытовой речи *конь* и *лошадь* синонимы, в большинстве контекстов они легко заменяют друг друга. Смысловые и стилистические оттенки между ними стерты, незначимы.

Не то в поэтической речи:

Куда ты скакешь, гордый конь,  
И где опустишь ты копыта?

(А. С. Пушкин)

В этом тексте речь может идти только о *коне* — назвать его *лошадью* было бы неуместно. Те различия между словами, которые незначимы (или малозначимы) в бы-

<sup>1</sup> См.: Черкасова Л. П. Наблюдения над экспрессивной функцией морфемы в поэтическом языке // Развитие современного русского языка. 72: Словообразование. Членность слова. М., 1975. С. 147. Ср.: «...в языке художественной литературы... мнимое смысловое тождество или смысловое соответствие слов и морфем может расширяться и даже возникать в результате индивидуальных сближений и сопоставлений созвучных, омонимичных или омоморфемных выражений. Например, у А. Ф. Вельтмана: «...это было существо велико-душное, презирающее всех малодушных, слабодушных, тщедушных и радушных...» (Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопр. языкоznания. 1955. № 1. С. 64—65).»

товой речи, становятся весомыми в речи художественной и определяют выбор слова.

Итак, нормы художественной речи (или, по-другому, языка художественной литературы) строже, чем обычные нормы. Они требуют, чтобы было принято во внимание то, что нормами нехудожественной речи не учитывается (значение рода неодушевленных существительных, потенциальная членимость слова, тонкие смысловые и стилистические оттенки и многое другое).

Обратите внимание и на то, что наши требования к звучанию нехудожественной речи очень широки и неопределены. Вряд ли кому-нибудь случалось отказаться от того или иного высказывания из-за его звуковой невыразительности или недостаточной гармоничности. Между тем в художественной речи — особенно в поэзии, но также и в прозе — требования фонетического лада, звуковой выразительности очень высоки. Звук сам становится одним из средств изображения:

Увалы хищной тишины,  
Шатанье сумерек нетрезвых,—  
Но льдин ножи обнажены  
И стук стоит зеленых лезвий.

Немолчный, алчный, скучный хрюп,  
Тоскливы лязг и стук ножевой,  
И сталкивающихся глыб  
Скрежещущие пережевы.

(Б. Л. Пастернак)

К тем требованиям, которые предъявляет к слову всякая речь, художественная добавляет еще повышенные фонетические требования.

Языковая ткань в художественном произведении создается на основе гораздо более строгих требований, чем в художественной речи. Выбор этот труден и часто связан с «муками слова». Он всегда — творчество. Творчество, направленное на то, чтобы слово отвечало высоким нормам выразительности и подлинности.

## § 10. «ОТКРЫТОСТЬ» ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В художественное произведение могут входить такие слова и даже грамматические особенности, которые находятся за пределами литературного языка и в нехудожественной речи отвергаются.

Время заплетало дни, как ветер конскую гриву. Перед рождеством внезапно наступила оттепель; сутки шел дождь, с обдоиской горы

по ерикам, шалая, неслась вода; на обнажившихся от снега мысах зазеленели прошлогодняя травка и мшистые плитняки мела; на Дону заедями пенились окраинцы, лед, трупно синея, вздувался. Невыразимо сладкий запах излучал оголенный чернозем. По Гетманскому шляху, по прошлогодним колесникам пузырилась вода. Свежими обвалами, рудными ранами зияли глинистые за хотором яры. Южный ветер нес с Чира томленые запахи травяного тлена, и в полдни на горизонте уже маячили, как весной, голубые, нежнейшие тени. По хотору около бугров высыпаний у плетней золы стояли рябые лужины. На гумнах оттаивала у скирдов земля, колола в нос прохожего приториая сладость подопревшей соломы. Днями по карнизам куреней с соломенных сосульчатых крыш стекала дегтярная вода, надрывно чекакали на плетнях сороки (...)

На второй день рождества взломало Дои. С мощным хрустом и скрежетом шел посередине стор. На берег, как сонные чудовищные рыбы, вылезали льдины. За Доном, понукаемые южным волнующим ветром, стремились в недвижном зыбком беге тополя (М. А. Шолохов).

В обычной, нехудожественной речи употребление диалектизмов ограничивается (например, в бытовой речи) или даже вовсе запрещается (в деловой речи, в публицистической, научной). Представим, что в отрывке из «Тихого Дона» М. А. Шолохова нет диалектных слов, их заменили обычные литературные выражения. Сразу ушла бы значительная часть той силы и подлинности, которой дышит текст. Слова эти художественно необходимы. И поэтому литературная речь их благодарно принимает — в этом именно тексте, где их присутствие эстетически ценно.

Художественная речь допускает любые отклонения от норм литературного языка, если эти отступления эстетически оправданы. И не всегда потому, что вводятся слова, обусловленные самой темой, материалом повествования: говорится о донских казаках — вводятся «донские» слова, идет речь о жизни ученых — вводятся термины. Художественные причины, обуславливающие включение внелитературного материала, бесконечно разнообразны.

Приведем отрывок из «Голубой книги» М. М. Зощенко (книга состоит из коротких исторических новелл, а также рассказов о нашей современности).

...Однажды римский диктатор Сулла (83 год до нашей эры), захватив власть в свои руки, приказал истребить всех приверженцев своего врага и соперника Мария...

Он объявил, что за каждого убитого он заплатит по двенадцать тысяч дииариев (около пяти тысяч рублей золотом).

Эта высокая цена столь подействовала на воображение граждан, что (история рассказывает) «убийцы ежечасно входили в дом Суллы, неся в руках отрубленные головы».

Мы приблизительно представляем себе, как это было. (...) Раб почтительно докладывал:

— Там опять явились... с головой... Принимать, что ли?

— Зови.

Входит убийца, бережно держа в руках драгоценную ношу.

— Позволь! — говорит Сулла.— Ты чего принес? Это что?

— Обыкновенная-с голова... Как велели приказать...

— Велели... Да этой головы у меня и в списках-то нет. Это чья голова? Господин секретарь, будьте любезны посмотреть, что это за голова.

— Какая-то, видать, посторонняя голова,— говорит секретарь,— ие могу знать... Голова неизвестного происхождения, видать отрезанная у какого-нибудь мужчины.

Убийца робко извинялся:

— Извиняюсь... Не на того, наверно, напоролся. Бывают, конечно, ошибки, ежели спешка. Возьмите тогда вот эту головку. Вот эта головка, без сомнения, правильная. Она у меня взята у одного сенатора.

— Ну, вот это другое дело,— говорит Сулла, ставя в списках галочку против имени сенатора.— Дайте ему там двенадцать тысяч... Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то...

— Извиняюсь... подвернулся.

— Подвернулся... Это каждый настрижен у прохожих голов — денег не напасешься.

Убийца, получив деньги и захватив случайную голову, уходил, почтительно кланяясь своему патрону.

В общем, больше двух тысяч голов было доставлено Сулле в течение нескольких недель.

История бесстрастно добавляет, что никто не избег своей печальной участии.

Сам М. М. Зощенко так объяснял, почему исторические новеллы написаны языком современных писателя героями: в новеллах о современности действует обыватель, его язык сатирически демонстрируется; если бы исторические новеллы были написаны другим языком, то их стиль был бы приподнят, герои облагорожены, а Зощенко хотел показать в исторических деспотах и угнетателях того же обывателя, которого он осмеивал в современности. Так в новелле о Древнем Риме то там, то здесь является просторечное словцо нашей современности.

Художественных мотивов, которые оправдывают введение нелитературного материала в художественный текст, бесконечно много. Лишь бы это введение было эстетически оправдано. Почему такая широта, такая «терпимость» художественного текста ничуть не расшатывает его нормативной строгости? Потому что все отступления воспринимаются на фоне нормы, все они требуют максимально ясного чувства нормы. *Чего принес, велели приказать, видать, извиняюсь, настрижен...*

голов — все это только тогда смешно, художественно значимо и выразительно, если читатель чувствует, насколько это не совпадает с нормой. Поэтому «открытость» художественного текста воспитывает не пренебрежение к норме, а умение ее ценить; без острого чутья общелитературной нормы нет полноценного восприятия экспрессивно-напряженных, образных текстов.

Героем литературного произведения может стать сам язык. Он показан, он выявлен в своих типических чертах, раскрыта его красота. В книгу новелл Б. В. Шергина включен рассказ о языке поморов:

Северный человек никогда непрочь побеседовать и с предметами неодушевленными:

— Ты упряма, печка, сухи дрова любишь. Машкну печь только подсвети — сразу завоет, а у тебя плачут дрова-те... Дрова сыры, да они... спят, ждут, чтобы еще накинули, а сухим дровам не надо угождать.

Вспомнив перед сном, что забыла загасить лучину, бабка бежит в кухню и возвращается с просветленным лицом:

— Лучина-то умна, сама загасла,— куда, говорит, старуху денишь, без того ей горе...

Вот еще несколько примеров северного разговорного антропоморфизма:

...Льняна рубаха скоро утюг позабывает;  
эта рубаха врет, что неглажена, у нее матерьял такой;  
эта кастрюля вралья: чищу, чищу, она все в пятнах;  
крашеный пол вымоешь, он дня трин правду говорит, а тесаный  
на другой день вратъ зачинет.

Лучина помнит, что в печи была (сухая). Лучина забыла про печку (отсырела). Печь тепло помнит. Пол краску не помнит. Платок духи помнит. Весна зиму вспомнила (снег выпал). Керосин давно вылит, а жестянка все еще его помнит.

Северянин поворачивает слово так, что оно блестит разными гранями...

На каком языке это написано? На литературном, не на диалекте. И не только потому, что речь от лица автора везде строго нормативна. Главное — потому, что все соотнесено с литературной нормой. Б. В. Шергин показал образную силу северорусской речи... Такую же, как сила литературной речи? Нет, иную. Потому она так и впечатляет, что — не та, которая свойственна литературной (нехудожественной) речи; на ее фоне и расцвела выразительность речи северорусской.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 167—258.

Винокур Г. О. О языке поэзии // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

*Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.*

*Русские писатели о языке / Под ред. Б. В. Томашевского и Ю. Д. Левина. М., 1954.*

*Тянянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка [1924]. М., 1965.*

*Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М., 1975.*

*Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. Коммуникация. Стиль: Сб. обзоров. М., 1983.*

## КОДИФИЦИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК

### § 11. ДВЕ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Сравнительно недавно лингвисты открыли, что современный русский литературный язык состоит из двух систем, обе они глубоко своеобразны и не похожи одна на другую. Каждая из этих систем едина, целостна, самодостаточна, объединена своими законами.

Эти две системы — кодифицированный литературный язык (сокращенно КЛЯ) и разговорный язык (РЯ).

До сих пор у нас речь шла о КЛЯ. Этому языку учат в школах, на нем ведут передачу по радио; область КЛЯ — вся наша печать. Но, кроме КЛЯ, есть и разговорный язык. Он — некодифицированный. Для него нет словарей, справочников, учебников<sup>1</sup>. Он усваивается только путем непосредственного общения между культурными людьми. Ведь РЯ — одна из двух систем, составляющих литературный (т. е. культурный) язык, поэтому его носители — те же лица, которые владеют КЛЯ.

Для того, чтобы в речи обнаружился, «объявился» РЯ, нужны определенные условия. Основное — неофициальные отношения между говорящими.

Всякое разграничение в языке имеет смысл, наделено значением. Значимо и разграничение КЛЯ — РЯ. На РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или не знакомых, но расположенных друг к другу людей.

<sup>1</sup> Первый учебник РЯ — книга Е. А. Земской «Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения». М., 1987.

Таким образом, РЯ говорит о самом говорящем и о его собеседнике (собеседниках), об их взаимоотношениях. Возможен такой случай: два друга работают в одном учреждении или на одном заводе; когда они выступают в официальной роли (начальник ~ подчиненный, руководитель ~ исполнитель), то пользуются преимущественно КЛЯ, а когда встречаются в гостях или во время работы, но в связи с делом, которое не подчеркивает их официальные отношения, то говорят на РЯ. Что касается КЛЯ, то это вовсе не языковая система, предназначенная для официальных отношений. Она нейтральна: годится для всяких отношений. Человек, который владеет только КЛЯ (но не РЯ), не будет испытывать неудобства от сознания, что в таком-то случае он говорит не так, как надо, что его речь противоречит нормам языкового поведения. На КЛЯ можно говорить всегда. Но при этом речь будет обеднена. Тот смысл, который во всем своем строе несет РЯ: мы связаны не только официально, наше общение — не сфера холодно-деловых отношений — этот смысл окажется непереданным; конечно, можно время от времени вставлять фразы: *Мы друзья; Я к вам (к тебе) отношусь как к приятелю* — но эти вставки не заменят неофициальной дружеской окраски всей речи.

Кроме неофициальности отношений между говорящими, для РЯ необходимы: неподготовленность речевого акта и непосредственное участие говорящих в речевом акте. Если речь подготовлена заранее (на бумаге написана, продумана и выучена — полностью или частично — наизусть), то для РЯ это неподходящие условия. Он себя не обнаружит.

РЯ требователен: он проявляется в определенных условиях, притом только тогда, когда уместен тот общий смысл, который связан с РЯ (неофициальность отношений). Он находит полное выражение прежде всего в устной речи. Могут быть письма, записочки, отражающие РЯ, но поскольку их писали культурные люди (не надо забывать, что РЯ — составная часть литературного языка), то они написаны орфографически нормативно, следовательно, фонетическое своеобразие РЯ в письменной форме не проявляется. Кроме того, письмо налагает и ряд других ограничений на реализацию характерных признаков РЯ. Полностью передать РЯ, во всем его своеобразии, письмо не способно.

Именно из-за такой скрытности РЯ (появляется только в определенных условиях, не способен точно и всесторонне фиксироваться на письме) он долго оставался не замеченным исследователями. Подлинное его открытие произошло в 60-х годах нашего века. Первые систематические записи его произвели смятение: многим показалось, что это запись речи «некультурных» людей. Тогда лингвисты, сделавшие эти записи, сообщили, что записана речь людей известных, с очень высокой культурой, профессоров, писателей, академиков. Понемногу филологи стали привыкать к мысли, что такая система (одна из форм литературного языка) действительно существует; причем стали замечать и за собой, что они тоже пользуются РЯ — притом часто.

Каковы же особенности этого языкового материала, всегда бывшего у нас перед глазами и только недавно открытого? Учебник посвящен КЛЯ, к РЯ в дальнейшем мы не вернемся, поэтому рассмотрим отличия РЯ от КЛЯ на двух примерах: как выражается в РЯ субъект действия и как используется форма именительного падежа<sup>1</sup>.

В КЛЯ выражение субъекта действия и форма именительного падежа — понятия не только прочно связанные, но и как бы предназначенные друг для друга: субъект действия особенно часто выражается формой именительного падежа существительного, а форма именительного падежа существительного — обычное обозначение субъекта. В РЯ значение субъекта действия выражается чрезвычайно разнообразными средствами. Покажем на двух примерах, как далеко в этом отношении РЯ отличается от КЛЯ.

1. Субъект действия может быть обозначен сочетанием предлога с формой существительного (в косвенном падеже): *За вами стояла в меховом пальто?*; *Нам налево // Вон видишь /<sup>2</sup> куда в красной шапке повернул //*; *В красной кофте /потом ты //*; *Позовите по газу // [разговор по телефону]*.

<sup>1</sup> Дальнейшая часть этого параграфа представляет собой изложение и цитацию работ Е. А. Земской.

<sup>2</sup> В РЯ трудно (или невозможно) определить границы предложений. Поэтому, вместо указания этих границ средствами пунктуации, при записи разговорной речи обозначают: знаком / — малую паузу (или ее эквиваленты), знаком // — большую паузу (или ее эквиваленты: явления интонации).

2. Субъект действия может быть обозначен конструкцией, включающей спрягаемую форму глагола: *Мусор собирает не приходила?* [имеется в виду женщина, которая собирает мусор]; *Напротив живет / увезли на неотложке //*. Такая конструкция может быть при именном сказуемом, которое обычно начинается частичей это: *Через улицу переходит / это ваш учитель?;* *В воротах стоит / это из вашего класса?;* *На столе лежит / это Мария Петровны?*

Формы именительного падежа существительного в КЛЯ и в РЯ внешне тождественны, но их речевое поведение не совпадает. Приведем несколько примеров.

1. В РЯ именительный падеж широко употребляется при пояснениях разного рода, носящих характер добавления: *А потом приехал какой-то офицер / не очень высокий чин //;* *За чем очередь? / маxровая ткань?;* *Я думаю, у кого еще вторая часть есть // алгебра //;* *Вы так и живете / три поколения //;* *Ему одиннадцать лет / пятый класс/, а ты с ним как с маленьkim //;* *Дай мне польские витамины / коробочка серенькая//;* — *Где здесь Бауманский телефонный узел? — Туда дальше / Клуб Русакова //;* — *Простите / где вы апельсины брали? — На Невском // угол Марата и Невского //.*

2. Именительный падеж существительного нередко выполняет функцию качественного определителя предмета: — *С чем пирожки? — Мясо / рис / горячие //;* — *Брюки из какого материала? — Синтетика //;* — *А из чего она [шляпа] сделана? — Искусственный мех //;* — *Это шерстяные носки? — Вигонь //.* Ср.: — *У вас дом девятиэтажный? — Двенадцать //;* — *А какой цвет вам сумку? — Голубую //;* *Какой каблук эти туфли красные?; Лук / у вас сетка есть? [имеется в виду лук в сетке]; Скажите пожалуйста / это у вас не сеточка лежат чулки?*

3. Именительный падеж употребляется при глаголах, которые в КЛЯ непременно требуют косвенных падежей: *Вам надо пересадку делать // Библиотека Ленина сойдетe // Там переход //;* — *Скажите / где находится почта? — Вон на той стороне / любой троллейбус садитесь / следующая остановка //;* *Копеечка выбейте пожалуйста доплата // [в магазине]; — Вот восьмая глава // — Восьмая я прочла //.*

Таким образом, употребление именительного падежа существительного в РЯ свидетельствует о том, что у этой формы иные функции, чем в КЛЯ.

Итак, РЯ и КЛЯ противопоставлены как различные языковые системы, функционирующие в одном и том же языковом коллективе. Выбор между ними обусловлен экстралингвистическими: специфическими для РЯ и КЛЯ условиями ситуации, отношениями между говорящими лицами.

Каждый носитель литературного языка, как правило, владеет и КЛЯ и РЯ. В виде исключения существует феномен невладения РЯ. Он может объясняться либо профессиональными навыками — длительной необходимостью, а отсюда привычкой говорить только на КЛЯ, либо индивидуальной психологией говорящего. С другой стороны, имеются лица (прежде всего дети), владеющие РЯ и не знающие КЛЯ. Однако, как всякие исключения, эти явления лишь подтверждают общее правило существования двух систем литературного языка.

КЛЯ и РЯ, представляя собой разные языковые системы внутри литературного языка, очень близки между собой на одних участках системы и очень далеки на других.

Изучение РЯ как особой системы началось недавно, в 60-х годах. Есть несколько научных коллективов, исследующих РЯ: группа ученых под руководством Е. А. Земской в Институте русского языка АН СССР; коллектив исследователей под руководством О. Б. Сиротиной в Саратовском университете; группа ученых, возглавляемая О. А. Лаптевой в Институте русского языка им. А. С. Пушкина.

## § 12. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК — СИСТЕМА СИСТЕМ

То, что язык является системой, открыли великие ученые И. А. Бодуэн де Куртенэ (в конце прошлого века, Россия) и Ф. де Соссюр (в начале нашего века, Швейцария). Идея системности языка была близка Ф. Ф. Фортунатову, ученому, труды которого по языкоznанию составляют гордость нашей отечественной науки.

Надо серьезно разобраться, что значит в языкоzнании термин **система** — одно из основных понятий этой науки. Система — такая совокупность единиц, в которой каждая единица определяется всеми остальными единицами.

Наименьшая совокупность единиц — из двух единиц *A* и *B*. Судя по определению, *A* и *B* тогда составляют систему, когда *A* при наличии *B* имеет такие-то свойства (такую-то характеристику), а в отсутствие *B* имеет другие свойства (другую характеристику).

На бумаге проведена линия. Имеет ли она признак «короче»? Нет, она может его иметь лишь в том случае, если проведена другая линия (кроме единицы *A* есть и единица *B*); тогда линия *A* может обладать указанным признаком: *A* короче *B*. Этот пример — «наглядное пособие», помогающее понять, что в языковедении называется системой.

Покажем свойство системности на языковых примерах.

1. Во многих языках есть особые, отдельные слова со значением: ‘дядя со стороны матери’ (например, древнерусское *вуй*, болгарское *вуйчо*) и ‘дядя со стороны отца’ (древнерусское *стрый*, болгарское *чицо*). При этом всегда: если есть слово со значением ‘дядя со стороны матери’, то есть и слово со значением ‘дядя со стороны отца’. Единица *A* требует единицы *B*. Один из признаков единицы *A* — значение ‘...со стороны матери’ — возможен только при наличии единицы *B* — слова с другим, но соотносительным значением. Если из языка уходит одно из этих слов, то оставшееся меняет значение (оно станет обозначать дядю и по материнской, и по отцовской линии). Следовательно, для того, чтобы существовало *A* (определенное значение), необходимо, чтобы существовало *B* (другое значение, в другом слове).

2. Если в данном языке у существительных есть формы множественного числа, то непременно есть и формы единственного. С другой стороны: только в тех языках существительные могут иметь формы единственного числа, где есть формы множественного. Как линия сама по себе не может быть короче в отсутствие другой линии, так и форма существительного не может иметь числовое значение, если нет форм другого, противоположного числа.

3. Слово *бедняк* имеет суффикс *-як*. *Бедняк* — тот, кто *беден* (*бедный*). Слова *бедняк* и *бедный* связаны, соотнесены, они — однокоренные, они образуют систему. *Бедн-* в *бедняк* и *бедн-* в *бедный* имеют одно и то же значение; на долю суффикса *-як* остается значение ‘тот, кто’. Действительно, *-як* обозначает лицо. А в слове *скорняк* нет суффикса *-як*. Разве *скорняк* — это тот, кто... *скорный*? Такого слова нет. Если выделим суффикс *-як*, то отсечем отрезок *скорн-*, но он не может быть корнем: корень всегда значим, а *скорн-* в современном русском языке ничего не значит. Следовательно, в слове

*скорняк* нет суффикса *-як*, это целостный корень: *скорняк*. Значит, суффикс есть в том слове, которое соотнесено со словом без суффикса. Два слова: *бедняк* — *бедный* — образуют систему; только в системе слово может обладать признаком суффиксальности.

4. Слова высокого стиля имеют свою окраску только потому, что есть слова нейтрального (а также разговорного) стиля. С другой стороны, о словах нейтрального стиля можно говорить лишь в том случае, если есть слова окрашенных стилей. Иначе неясно, по отношению к чему нейтральны эти слова, в чём их нейтральность.

Итак, все единицы языка — это единицы системные. Изучать любую единицу языка, изолировав от системы, значит исказить ее сущность<sup>1</sup>.

Кодифицированный литературный язык — это система. Все единицы его взаимно связаны. Разговорный (тоже литературный!) язык — другая система, внутренне целостная, единая. И они соотнесены. Поэтому говорят: КЛЯ и РЯ — две подсистемы литературного языка.

Что значит соотнесены? Всегда возможен и достаточно легок (при знании ситуации, которая вызвала реплику-высказывание) перевод из РЯ в КЛЯ, и наоборот. Все грамматические значения, которые выражаются в КЛЯ, можно также грамматически (не прибегая к лексическим средствам) выразить и в РЯ. Такая связь двух систем и есть их соотнесенность.

Литературный язык следует представлять в виде системы систем или, лучше, системы подсистем. Подсистемой назовем такую языковую систему, которая образует единство с какой-нибудь другой языковой системой.

Строение литературного языка можно (очень упрощенно и схематически) показать так:

1. В него входят две самодостаточные, но связанные подсистемы — КЛЯ и РЯ.

2. КЛЯ существует в двух формах — устной и письменной. Разница не только в том, что одна произносится и слушается, а другая пишется и читается. Различие между ними глубже. Письменная речь допускает замедленное чтение, возможность повторного перечитывания, раздумье после чтения отдельных частей текста... Поэтому синтаксически письменная речь может быть зна-

<sup>1</sup> О системности языка см.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкоznанию. М., 1977. С. 98—103, 144—254; Реформатский А. А. Введение в языковедение. С. 20—31, 37.

чительно более сложной, чем устная. Синтаксическая «перспектива» предложения в КЛЯ гораздо глубже, включает больше отдельных планов, «кулис», чем в РЯ.

Семантическая сложность письменной речи может тоже достигать уровня, который не свойствен устной. Так, «Письма об изучении природы» А. И. Герцена — блестящий опыт популярного изложения истории философских идей; тем не менее полноценное понимание этого труда было бы невозможно при устной передаче.

РЯ возможен и в письменной форме, но типична для него устная форма.

3. В КЛЯ существуют стилистические средства, создающие разные языковые жанры и связанные друг с другом в общую, единую систему.

РЯ не членится на стили.

4. Внутри КЛЯ есть отдельные «острова», отдельные области, где действуют законы, не распространяющиеся на другие области КЛЯ. Например, заимствованные слова имеют свои фонетические, грамматические и лексические особенности. Они по-особому произносятся, могут не подчиняться общим грамматическим законам (например, существительные *кенгуру*, *окапи*, *кюре*, *Мэри* не склоняются), часто обозначают иноземные реалии. Можно этот участок системы — заимствованные слова — тоже назвать особой фонетико-грамматико-лексической подсистемой. Но это уже другое (и менее необходимое) употребление термина «подсистема», так как заимствованные слова — не самодостаточная целостность, способная самостоятельно выполнять функцию общения. Это второе употребление термина «подсистема» предполагает только экстерриториальность определенной группы единиц: она не подчиняется законам, которые господствуют в языке за её пределами.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.

Земская Е. А. и др. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М., 1973.

Русская разговорная речь: Тексты / Под ред. Е. А. Земской и Л. А. Капаидзе. М., 1978.

Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е. А. Земской. М., 1983.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

# ФОНЕТИКА

## Глава 1

### КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

#### § 1. ЗВУКОВАЯ СТОРОНА ЯЗЫКА

Основные единицы языка — слова, морфемы (т. е. корни, приставки, суффиксы, окончания — значимые части слов), словосочетания, предложения (простые и сложные). Эти единицы двусторонние: у них есть смысловая сторона (иначе говоря: они имеют значение) и материальная (они — ряд звуков). Такой двусторонностью обладают знаки.

У знака есть: 1) обозначаемое — смысл, значение; 2) обозначающее — материальная данность, доступная органам чувств человека; 3) условная — не природная, не естественная — связь между обозначающим и обозначаемым<sup>1</sup>.

Все единицы языка, будучи знаками, имеют свою материальную сторону — свое обозначающее. Этим обозначающим являются звуки, их сочетания.

Фонетика — наука, которая изучает звуковую сторону языка. Звуковые единицы языка — фраза, такт, слог, звук — связаны между собой количественными отношениями:

1) фраза может состоять из нескольких тактов, а такт не может состоять из нескольких фраз;

2) такт может состоять из нескольких слогов, а слог не может состоять из нескольких тактов;

3) слог может состоять из нескольких звуков, а звук не может состоять из нескольких слогов.

Еще важнее качественные различия между этими единицами: единство фразы создается интонацией, единство такта — ударением, единство слога — волной сонорности, единство звука — его относительной акустической (и артикуляционной) однородностью.

<sup>1</sup> См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языко-знанию. М., 1977. С. 98—103, 144—154.

## § 2. ОСНОВНОЕ СВОЙСТВО ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Все фонетические единицы связаны между собой и зависят друг от друга — они составляют систему.

Фонетические единицы (как и все единицы, составляющие систему) имеют одно важнейшее свойство. Положим, есть какие-то фонетические сущности *A* и *B* (это могут быть звуки, или их признаки, или сочетания звуков, слоги и т. д.). Если появление *A* влечет за собой появление *B*, то *B* не является в данной системе особой единицей, это неотделимая часть единицы *A*. *B* в этом случае образует с *A* целостность, единство: *AB*.

Иными словами: если единица *A* появляется в тексте так, что всегда вместе с нею появляется *B* (или всегда перед *A*, или всегда после *A*, или одновременно с *A*, например в том случае, если *A* — один признак звука, а *B* — другой), то *B* — только тень единицы *A*. *B* как самостоятельная сущность — не в счет.

Следовательно, самостоятельность или несамостоятельность *B* определяется другой сущностью — *A*, ее способностью сочетаться. Если наряду с *AB* встречаются сочетания *AB*, *AG* и т. д., то *B* — самостоятельная единица. Самостоятельность данной единицы определяется поведением других единиц — тем, в какие они входят сочетания. Это и есть выражения свойства, указанного выше: единицы в сильнейшей степени зависят друг от друга, их существование в языке как отдельных единиц обусловлено другими единицами.

При м е р ы. Перед мягким [т'] согласный [с'] должен быть непременно мягким. Иначе говоря, сочетание [ст'] запрещено произносительными нормами русского литературного языка, а сочетание [с'т'] разрешено, т. е. мягкость [т'] влечет за собой мягкость предшествующего [с']. Произносят: *че* [с'т'], *ко* [с'т'] *и*, [с'т'] *их* и т. д. («Влечет за собой» — выражение, указывающее связь, а не порядок элементов, здесь последующий элемент влечет за собой качество предыдущего.) Поскольку наличие [т'] определяет мягкость предшествующего согласного, поскольку эта мягкость не должна расцениваться как самостоятельное существенное качество согласного [с']. Это тень, которая падает от [т'] на предшествующий согласный. Следовательно: [т'] = *A*; *A* влечет за собой *B*; *B* = мягкость [с'], поэтому мягкость [с'] должна рассматриваться как некая часть звука [т'], распространившаяся на соседний звук.

Характерно, что говорящие обычно не замечают, что в словах *весь*, *чесь* и под. они произносят мягкий согласный [с'], хотя, конечно, замечают мягкость конечного [т'] — независимую мягкость. В этом случае сознание говорящих не отмечает *Б*, т. е. то, что не является независимой, самостоятельной единицей в языке.

Существенно то, что дано в языке: отношения  $A \subset B$  (*A* влечет *B*); сознание же говорящих — отражение (не всегда надежное, не всегда точное) этого факта. Действительно, большинство говорящих не слышат мягкости [с'] в сочетании [с'т'], но некоторые, обладающие большей наблюдательностью, ее, несомненно, замечают. Об этом говорят ошибки — написания «*весть*», «*чесьть*», — которые встречаются в тетрадях учеников. Языкознание изучает не языковое сознание говорящих, а сам язык как объективную общественную данность.

Когда описывают звуки в слове, например [кот], необходимо указать глухость согласного [к] (вместо него может произноситься звонкий [г]: [гот] *год*). Если мы забыли сказать, какой первый согласный — звонкий или глухой, то нельзя определить, какое слово имеется в виду — [кот] или [гот]. Звонкость [о] можно не указывать без всякого ущерба для описания, так как гласный характер звука гарантирует его звонкость: не может быть в русском языке (в составе какого-то слова) ударного гласного, не обладающего звонкостью. Глухость конечного [т] тоже не надо отмечать: его звонкая параллель, согласный [д] (как и все шумные звонкие согласные), невозможен на конце русского слова. Звонкость [о] и глухость [т] можно не указывать при описании звуков слова, и при этом описание ничего существенного не теряет. Очевидно, указанные признаки никакой самостоятельной ценности не представляют, так как они — *Б*: следствие наличности других признаков, они определены этими признаками.

Итак, в языке действует закон: если  $A \subset B$ , то *B* не является особой, отдельной единицей.

Совокупности единиц, которым свойственны такие отношения, называются системами.

Знаковые единицы всегда образуют систему, т. е. они подчиняются указанному закону<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Этот закон относится не только к языковым, но ко всем единицам, образующим систему. Однако для нас важно применить его только к языковым (именно к фонетическим) единицам.

Систему образуют и фонетические единицы, так как они — единицы языка.

Этот закон имеет большое значение при определении многих сторон фонетической системы: на его основе выясняется, каковы самостоятельные, системно значимые признаки каждого звука, каков звуковой состав языка (сколько в нем гласных, согласных — самостоятельных фонетических единиц), какие они образуют сочетания, как чередуются.

### § 3. УСТРОЙСТВО РЕЧЕВОГО АППАРАТА

Звуки мы произносим при выдохании. (Только в одном случае гласный может произноситься при вдыхании: в междометии *A-a...,* выражаяющем страх.)

Воздух из легких идет в дыхательное горло. Он встречает на своем пути голосовые связки; если они сдвинуты и напряжены, то при движении воздушной струи начинают колебаться. Колебания воздушных связок создают т о н. Сдвинутость голосовых связок — первое препятствие, которое встречает на своем пути воздушная струя.

Все звуки делятся на т о ны и ш у мы. Тон — музыкальный звук, шум — немузыкальный. Колеблясь, голосовые связки образуют музыкальный звук — тон. Если голосовые связки раздвинуты, то они не колеблются и тон не возникает.

В ротовой полости воздушная струя либо проходит свободно (при этом произносятся гласные: они состоят из чистого тона), либо встречает препятствия и с шумом преодолевает их (при этом произносятся согласные: они состоят из тона и шума или из чистого шума). Значит, в ротовой полости может быть второе препятствие для воздушной струи.

Возможны такие случаи:

1. Тон, созданный голосовыми связками, в ротовой полости не осложняется шумами, так как воздушная струя через рот проходит свободно. Так произносятся гласные.

2. Тон осложняется шумом, так как воздушная струя в ротовой полости встречает препятствия. Однако тон преобладает над шумом: несмотря на препятствия, проток для воздушной струи остается достаточно широким. Шум не настолько интенсивен, чтобы стать основным компонентом звука. Так произносятся сонорные

согласные [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'], [ж] (йот, например, в начале слова яма).

3. Тон осложняется шумом; шум преобладает над тоном: препятствия на пути воздушной струи заставляют ее с интенсивным шумом преодолевать их. Так произносятся звонкие шумные согласные: [б], [б'], [в], [в'], [д], [д'], [з], [з'], [ж], [ж'], [г], [г'].

4. Голосовые связки раздвинуты, тон не образуется; звук создают одни шумы, которыми сопровождается протекание воздушной струи через ротовую полость. Так произносятся глухие шумные согласные: [п], [п'], [ф], [ф'], [т], [т'], [с], [с'], [ц], [ш], [ш'], [ч'], [к], [к'], [х], [х'].

Табл. 1 показывает эти различия <sup>1</sup>:

Т а б л и ц а 1

Звуки	Препятствия	
	в дыхательном горле	в ротовой полости
Гласные	+	-
Сонорные согласные	+	+
Шумные звонкие согласные	+	+
Шумные глухие согласные	-	+

Препятствие в дыхательном горле — сдвинутые голосовые связки — преодолевается так: воздушная струя проходит сквозь их сдвиг, колебля голосовые связки. Препятствия в ротовой полости — это сближение губ друг с другом, нижней губы с зубами, языка с зубами или нёбом. (Таблица не показывает, чем отличаются сонорные согласные от шумных звонких согласных: меньшей интенсивностью шума, менее значительными препятствиями на пути воздушной струи.)

Это классификация звуков по сонорности, т. е. по степени участия в звуке тона.

#### § 4. АРТИКУЛЯЦИОННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ

Артикуляцией называется движение органов речи, нужное для произнесения определенного звука. Характеризуя артикуляции, можно классифицировать звуки, например гласные. Язык может в ротовой полу-

<sup>1</sup> Плюс означает наличие препятствия, минус — его отсутствие.

сти подниматься и опускаться, сдвигаться вперед или назад; губы могут выдвигаться вперед, округляться или, наоборот, не выдвигаться, а растягиваться в стороны. Все это меняет форму и объем ротового резонатора.

Тон — сочетание многих составляющих. Резонатор одной формы усиливает одни составляющие, резонатор другой формы — другие. В зависимости от того, какие составляющие звука усилены, он имеет ту или другую качественную окраску — тембр.

Гласные могут произноситься так: язык сдвинут вперед — получаются [э], [и]; сдвинут назад — получаются [о], [у]; не сдвинут — произносится [а]. Это — различие гласных по ряду артикуляции.

Если язык не приподнят, произносится [а]; несильно поднят — [о], [э]; сильно поднят (но все же для воздушной струи остается свободной проход) — [у], [ы], [и]. Это — различие гласных по подъему.

Гласные [о], [у] — лабиализованные: губы вытянуты вперед и округлены (см. табл. 2: огубленные гласные выделены жирным шрифтом), остальные — не лабиализованные (неогубленные).

Изменения ротового резонатора меняют тембр звука, его качественную окраску.

Таблица 2

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	н	ы	у
Средний	э	ъ	о
Нижний		а	

В таблице даны только те гласные, которые встречаются в речи наиболее часто. В дальнейшем будут указаны и другие типы.

Гласный [ъ] — среднего ряда, среднего подъема. Это очень открытый [ы] (но все же не до степени [а]). Он встречается во втором слоге до ударения: [гълавá], [зълатóй], [дъб'ижáт'], [съдавóт], [нъп'исáт'], [съпаг'í] (голова, золотой, добежать, садовод, написать, сапоги).

Классификацию гласных можно представить в виде дихотомической схемы:



Как видно, в дихотомической классификации все объекты на каждой ее ступени делятся на две части: одна характеризуется обладанием признака, другая — необладанием. Дихотомические классификации имеют наибольшую логическую строгость и ясность. Далее (гл. 5) будет видно, что они предпочтительны и для построения фонетической теории.

На дихотомической схеме не указаны различия между средним и задним рядами, между средним и нижним подъемами. Но эти сведения могут быть извлечены из данных схемы. Например, указано: гласный непереднего ряда, неверхнего подъема, огубленный — ясно, что это [о] (нет другого звука, отвечающего такой характеристике); следовательно, звук, заданный описанием, — среднего подъема, заднего ряда.

Обозначим: (—ПР) — непередний ряд, (—ВП) — неверхний подъем, (Г) — огубленный, (СП) — средний подъем, (ЗР) — задний ряд, тогда:

$$(\text{—ПР}) + (\text{—ВП}) + (\Gamma) \subset (\text{СП}) + (\text{ЗР}).$$

Поскольку признаки (СП) и (ЗР) — «влекомые» (их наличие определяется другими признаками), они не есть некая самостоятельность, о них можно не упоминать.

Схема не дает разграничения звуков [а] и [ъ]. Но в этом нет необходимости: различия между ними обусловлены условиями их произношения, т. е. они тоже «влекомые». Разграничить их нетрудно, введя дихотомические признаки: нижний подъем ~ ненижний подъем.

## § 5. АРТИКУЛЯЦИОННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Для произнесения согласных нужно препятствие на пути воздушной струи в ротовой полости. Какие органы речи создают это препятствие? Ответы на этот вопрос

составляют классификацию согласных по месту артикуляции.

Все органы речи делятся на активные и пассивные. Активные — движутся, пассивные — неподвижны.

Активный орган — нижняя губа, пассивный — верхняя губа. Иначе говоря, нижняя губа приближается к верхней; произносятся согласные [п], [п'], [б], [б'], [м], [м']. Активный орган — нижняя губа, пассивный — верхние зубы; произносятся согласные [ф], [ф'], [в], [в']. Это — губные согласные.

Активный орган — передняя часть языка, пассивный — зубы; произносятся согласные [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з'], [ц], [ц'], [н], [н'], [л], [л']. Это — зубные согласные.

Активный орган — передняя часть языка, пассивный — альвеолы (выпуклости над зубами — самая передняя часть нёба); произносятся согласные [ш], [ш'], [ж], [ж'], [ч'], [ч], [р], [р']. Это — передненёбные согласные.

Активный орган — средняя часть языка, пассивный — средняя часть нёба; произносится йот [j] (*яма*, *ёж*, *ель*, *юг* — первый звук в этих словах — [j], т. е. [jámъ], [joш], [jэл'], [jук]). Это — средненёбные согласные.

Активный орган — задняя часть языка, пассивный — нёбо; произносятся согласные [к], [к'], [г], [г'], [х], [х']. Это — задненёбные согласные.



Схема дихотомична: на каждой ступени классификации все звуки делятся на две части. Одна часть — звуки, обладающие определенным признаком; другая — звуки, обладающие противоположным признаком. Например, первое деление (по активному органу): одни согласные — губные, другие — язычные. Всякий согласный, который не артикулируется губами, артикулируется языком, т. е. негубной — всегда язычный (признаки губной ~ язычный противоположны).

Препятствие, которое встречает в ротовой полости воздушная струя, может быть разных типов. По тому, какого типа препятствие преодолевает воздушная струя в ротовой полости, согласные тоже можно классифицировать; это — классификация по способу артикуляции.

Все согласные делятся на с м ы ч н ы е и щ е л е в ы е. Когда произносятся смычные согласные, проход через ротовую полость полностью закрыт для воздушной струи, и она тем или иным способом преодолевает эту плотину на своем пути. При произнесении щелевых органы речи сближаются, образуя теснину для прохода воздушной струи, но нет полного прекращения ее протока.

Смычные согласные могут быть н о с о в ы е и н е н о с о в ы е. Артикуляция носовых состоит в том, что проход через ротовую полость закрыт, воздушная струя проходит через нос. При этом нёбная занавеска (самая задняя часть нёба) опущена, открыт проход для воздуха через носовую полость. Произносятся [м], [м'], [н], [н']. Все неносовые произносятся так, что нёбная занавеска поднята и закрывает проход для воздуха через нос.

Неносовые смычные согласные делятся на в з р ы в н ы е и с л о ж н ы е. Когда органы речи (губа и губа, язык и зубы, язык и нёбо) сомкнуты и прохода для воздуха нет, напор воздушной струи прорывает смычку — в этом и состоит артикуляция взрывных. Так произносятся [п], [п'], [б], [б'], [т], [т'], [д], [д'], [к], [к'], [г], [г'].

Артикуляция носовых согласных включает один момент: замыкание ротовой полости и одновременное размыкание прохода в носовую полость (если носовой произносится в середине слова; если же в начале — то размыкания не происходит, поскольку обычно, при отсутствии речи, проход для воздуха через нос открыт). Артикуляция взрывных включает два момента: смыкание и прорыв смычки. Есть согласные с еще более сложной артикуляцией — она содержит три и больше моментов. Это — сложные согласные. Они могут быть либо с л и т ы м и (аффрикатами), либо д р о ж а щ и м и.

При произнесении дрожащих происходит вибрация, дрожание активного органа речи. Могут дрожать губы — произносится звук, который буквами изображается так: *Tpru!* (междометие чтобы остановить лошадь).

Может вибрировать нёбная занавеска (картавое *p*). Может вибрировать — барабанить по верхним зубам — кончик языка; таковы русские [р] и [р']. Их артикуляция включает несколько моментов: многократный подход и отход дрожащего органа от пассивного органа.

Аффрикаты произносятся так: смычка на пути воздушной струи раскрывается в щель, и сквозь нее с шумом протекает воздух. Налицо три момента артикуляции: смыкание органов речи, раскрытие (с шумом) смычки, протекание (с шумом) воздуха сквозь щель; произносятся [ц], [ч'].

Так артикулируются смычные согласные.

Щелевые согласные бывают двух типов: боковые и срединные. Если щель для протока воздуха оставляется между боком (правым или левым) языка и зубами — согласные боковые. Так произносятся [л] и [л']. Если же щель образуется (между нижней губой и зубами, между передней частью языка и зубами или нёбом, между средней или задней частью языка и нёбом) не сбоку, а посредине ротовой полости, то согласные — срединные. Так произносятся [ф], [ф'], [в], [в'], [с], [с'], [з], [з'], [ш], [ш'], [ж], [ж'], [j], [x], [x'].



Дихотомическая классификация согласных по способу артикуляции имеет недостатки. У разных ветвей дихотомии — разные наборы признаков. Например, смычные характеризуются как взрывные, дрожащие, аффрикаты (слитные), а для щелевых эти признаки не нужны, т. е. нарушается принцип дихотомичности (безупречная дихотомичность требует, чтобы набор признаков в разных ее ветвях на одном и том же уровне был одинаков). В пределах современной артикуляционной классификации такая последовательность недостижима.

Согласные были классифицированы по месту и способу артикуляции. Кроме того, они классифицируются и по глухости ~ звонкости, и по твердости ~ мягкости. Все это — особые разряды классификации по способу артикуляции.

При произнесении мягких согласных передняя часть языка приподнимается («вспучивается») по направлению к передней части нёба. При произнесении твердых приподнимается задняя часть языка по направлению к задней части нёба. Согласный [j] (йот) — не мягкий и не твердый: при его произнесении приподнимается средняя часть языка, и это не добавочная, а основная артикуляция для йота (он — среднеязычный). Все артикуляционные классификации согласных можно объединить (табл. 3):

Таблица 3

Способ артикуляции	Место артикуляции						
	губно-		передне-язычные		средне-язычные		задне-язычные
	губные	зубные	зубные	передне-нёбные	средне-нёбные	средне-нёбные	задне-нёбные
Шелевые	срединные		ф в ф' в'	с з с' з'	ш ж ш' ж'	j	х γ х' γ'
	боковые			л л'			
Смычные	взрывные	п б п' б'		т д т' д'			к г к' г'
	слитные			ц	ч'		
	носовые	м м'		н н'			
дрожащие					p p'		

П р и м е ч а н и е. В каждом квадрате слева — глухие, справа — звонкие; вверху — твердые, внизу — мягкие. Знак [j] расположен посередине.

## § 6. АКУСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУКОВ

Каждый звук имеет высоту, силу и тембр. Высота звука определяется частотой колебания воздушных частиц. Если звук имеет, например, частоту 400 колебаний в секунду (400 Гц), он низкий, если 3200 Гц, то высокий.

Сила звука определяется амплитудой колебания воздушных частиц. Если отклонение от среднего положения большое — звук громкий, если небольшое — негромкий. Словами *громкий, негромкий* мы передаем субъективную оценку силы звука.

Тембр звука создается сочетанием разных колебаний, каждое из которых имеет свою частоту и силу. Например, сложение колебаний с частотой в 400 и 3200 Гц дает звук типа [и]. Субъективно тембр звука мы воспринимаем как его окраску; тембр — то, что качественно отличает каждый звук [и] от всякого [у], звук [з] от звука [ж] и т. д.

Воздушная частица (как и всякая частица) может одновременно участвовать в нескольких колебаниях. Эти колебания складываются, образуя разные сложные виды колебаний. Поэтому и существуют звуки разных тембров.

Каждый звук речи — это сочетание очень многих колебаний. Но существенны для данного звука, определяют его тембр только немногие из этих составляющих. Их называют формантами. Например, звук [и] создается составляющими в 400 и 3200 Гц; это его форманты. Форманты обладают большей силой, чем другие (не обязательные для данного звука) составляющие.

Чтобы характеризовать звук акустически, надо указать его частоту, силу и тембр. Но тембр определяется тем, какие форманты образуют звук, а форманты характеризуются частотой и силой. Следовательно, определение звука сводится к частоте и силе формант.

Нам важна относительная сила формант: достаточно констатировать, что они сильнее других составляющих (неформант). Точное указание, какова сила этих составляющих, несущественно. Если, описывая звук, мы упоминаем его форманты и ничего не говорим о неформантах, то этим мы указываем на то, что они выделяются силой.

Итак, чтобы характеризовать звук, надо указать, какова частота его формант, т. е. тех составляющих, ко-

торые сильнее других и которых достаточно, чтобы определить тембр данного звука.

Для звуков языка обычно достаточно указания на две форманты.

Будем классифицировать звуки дихотомически, т. е. разделять их по каждому признаку на две группы: одна обладает данными признаками, другая не обладает.

Звуки бывают:

1. Вокальные и невокальные.

У вокальных форманты (т. е. число герц, которые их характеризуют) находятся в кратных отношениях: у первой форманты — 500 Гц; у второй — 1000 (отношение 1 : 2) — это гласный [о]; у первой форманты — 400 Гц; второй — 3200 (отношение 1 : 8) и т. д. У невокальных звуков форманты не находятся в кратных отношениях.

Все гласные и сонорные согласные — вокальные. Шумные согласные — невокальные<sup>1</sup>:

Гласные	Согласные: сонорные + шумные
вокальные	невокальные

2. Консонантные и неконсонантные.

У консонантных звуков сравнительно небольшая сила, у неконсонантных — значительно большая. Гласный [а] можно услышать (если его произносят, как в обычном разговоре, не напрягаясь), например, за 20 шагов; согласный [х] — приблизительно за 5 шагов. Разная слышимость звуков говорит об их разной силе.

Все гласные — неконсонантные, все согласные (и сонорные и шумные) — консонантные.

Гласные	Согласные: сонорные + шумные
неконсонантные	консонантные

<sup>1</sup> В этой и последующих пяти табличках верхний ряд — классификация артикуляционная, нижний ряд — акустическая.

### 3. Высокие и низкие.

Если форманты имеют сравнительно много герц, то звук — высокий, если сравнительно немного — низкий (невысокий).

Все гласные переднего ряда, согласные зубные, передненёбные и средненёбные — высокие. Все непередние гласные, согласные губные и задненёбные — низкие.

Гласные:

переднего ряда	среднего и заднего ряда
высокие	низкие

Согласные:

губные	зубные	передне- и средненёбные	задненёбные
низкие	высокие		низкие

### 4. Компактные и диффузные.

Компактные звуки — те, у которых форманты сравнительно недалеко отстоят друг от друга и от центра речевого спектра. (Центр речевого спектра — частоты в районе 1000 Гц; здесь сосредоточены форманты многих звуков русского языка.)

Диффузные (некомпактные) не обладают этим качеством. Их форманты «разбросаны»: они далеки либо друг от друга, либо от центра речевого спектра.

Диффузные гласные — верхнего подъема; компактные — все остальные гласные.

Диффузные согласные — губные и зубные, все остальные согласные — компактные:

губные	зубные	нёбные
диффузные		компактные

Это — согласные.

верхнего подъема	среднего и нижнего подъема
диффузные	компактные

Это — гласные.

#### 5. Диезные и недиезные.

Диезные звуки — «повышенные», у них хотя бы одна форманта выше, чем у соответствующего недиезного звука. Недиезные — не повышенные.

Мягкие согласные — диезные, твердые — недиезные.

Гласные, которые произносятся между мягкими согласными, — диезные: [м'ä́т'] (*мять*), [т'ǘл'] (*туль*), [в'из'ö́т'и] (*везёте*), [п'ë́т'] (*петь*), [л'ë́т'] (*литъ*). Гласные [ä], [ö], [ÿ], [ë], [ï] (переднего или передне-среднего ряда) — диезные (сравнительно с [a], [o], [y], [ы]). Гласные, которые произносятся между твердыми согласными, — недиезные: [том], [звук], [дом], [шэст], [сыр].

#### 6. Бемольные и небемольные.

Бемольные — «пониженные» звуки, у них хотя бы одна форманта ниже, чем у парных небемольных.

Огубленные гласные — бемольные, неогубленные — небемольные. Так же и согласные: огубленные — пониженные. Они произносятся перед огубленным гласным: [дом] в более точной передаче [д°ом] ([д°] произносится с округлением губ); [звук] — в более точной транскрипции [з°в°ук], согласные перед [о], [у] — лабиализованные и, таким образом, бемольные.

В остальных случаях в русском языке произносятся небемольные согласные.

#### 7. Прерванные и непрерывные.

Прерванные звуки — те, у которых начало характеризуется большим расходом энергии, который затем не возрастает. Непрерывные звуки — те, у которых расход энергии вначале сравнительно невелик, но постепенно возрастает.

Прерванные — все смычные согласные. Непрерывные — все несмычные (щелевые) и все гласные<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Акустическая характеристика носовых согласных представляет известную трудность. На спектрограммах они не всегда четко отли-

## 8. Резкие и нерезкие.

Резкие звуки — те, у которых расход энергии на их протяжении резко неоднороден.

Резкие — аффрикаты (слитные согласные) и дрожащие согласные. Все остальные — нерезкие.

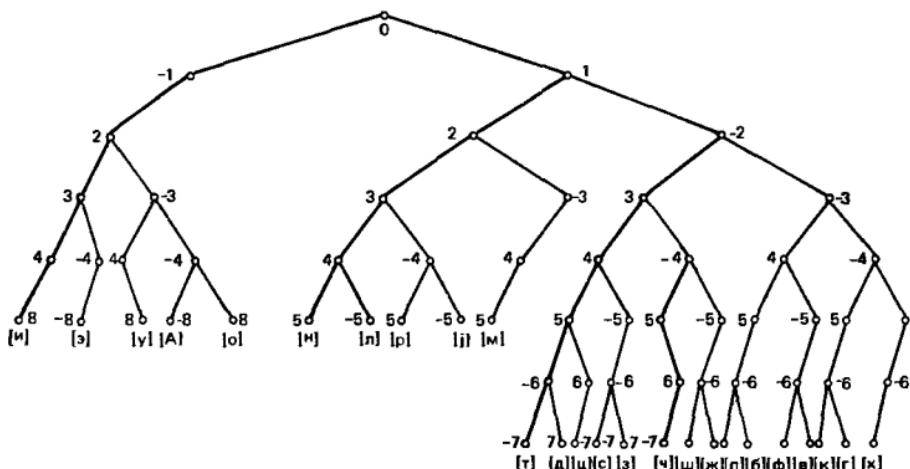
## 9. Звонкие и глухие.

К звонким относятся вокальные звуки и те, у которых есть хотя бы пониженная ступень вокальности (т. е. та структура формант, которая необходима для вокальных, выражена менее определенно). К звонким звукам относятся гласные и звонкие согласные; к глухим — глухие согласные.

Итак, девять пар звуковых признаков. Они одни и те же и для описания гласных, и для описания согласных.

Дихотомический принцип в акустической классификации выдержан последовательно. Строгая дихотомическая классификация требует, чтобы набор признаков в разных ветвях этой классификации был одинаковым. В артикуляционной же классификации это требование не выдерживается.

Строгую дихотомичность акустической классификации можно представить в виде схемы. На каждом ее уровне набор признаков делится на две взаимоисключающие группы; у всех звуков — и гласных, и согласных — выбор признаков на каждом уровне одинаков. Например, на третьем уровне это признаки высокая ~ низкая тональность.



чны от непрерывных, и поэтому сами иногда рассматриваются как непрерывные (см.: Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979). Но более точные исследования дают основания отнести носовые согласные к прерванным, как это и сделано в данном учебнике.

Исключением кажутся (если судить по схеме) признаки бемольность ~ небемольность, они показаны только у гласных. Такого разделения у согласных схема не дает. Но это чисто техническое упрощение: среди согласных можно было бы ввести также разграничение бемольных и небемольных звуков.

Все гласные — непрерывные, нерезкие; следовательно, эти признаки можно учесть в характеристике гласных (а не только согласных). Схема опять упрощает характеристику, на этот раз у гласных. Гласные обычно — звонкие; глухие гласные тоже существуют; например, в словах *бабушка* [ъ], *улица* [ъ] возможно произнесение глухого (и поэтому еле слышного) гласного. Следовательно, признаки глухость ~ звонкость могут быть указаны в характеристике гласных. Наконец, для упрощения схемы тоже не введены признаки диезность ~ недиезность, но и они могут быть добавлены в виде еще одного ряда диакритических признаков.

## § 7. СООТВЕТСТВИЕ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ И АКУСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИЙ

Нетрудно артикуляционную характеристику звука перевести в акустическую или сделать обратный перевод.

1. Это можно сделать, например, с помощью такой таблички:

низкие	<i>p</i>	<i>k</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	диффузные
высокие	<i>t</i>	č	č	<i>k</i>	компактные

Здесь: *p* — губные, *t* — зубные, č — передненёбные, *k* — задненёбные.

Какие согласные губные? Перевод из артикуляционной классификации в акустическую: знак губных — *p* — находим в двух группах — низкие, диффузные. Значит, губные — это именно низкие, диффузные.

Как артикуляционно характеризовать согласные, если известно, что они компактные, низкие? Перевод из акустической классификации в артикуляционную: в группах «компактные» и «низкие» общий знак — *k*, т. е. артикуляционные данные согласных — заднеязычные.

Есть что-либо общее у зубных и губных? Таблица показывает: оба знака — *t* и *p* — в группе «диффузные». Диффузность — общий признак этих двух групп согласных.

В таблице нет места для [j]. Надо запомнить: средненёбный [j] — компактный высокий.

2. Перевод можно осуществить, собирая артикуляционные признаки в пучки. Дан звук: вокальный, консо-

нантный, низкий, диффузный, недиезный, небемольный, прерванный, нерезкий, звонкий.

Вокальный, консонантный — значит, сонорный согласный. Только сонорные согласные одновременно и вокальные и консонантные.

Низкий, диффузный — поэтому губной. Только губные отвечают этой характеристике.

Недиезный, небемольный — не мягкий, не огубленный.

Прерванный, нерезкий — либо взрывной, либо носовой смычный. Но среди взрывных нет сонорных. Значит, носовой.

Звонкий — общий термин для акустической и для артикуляционной классификации.

Итак, это — [м] :

вокальный	}	сонорный
консонантий		
низкий	}	губной
диффузный		
недиезный	}	твердый
небемольный		
прерванный	}	носовой
нерезкий		
звуккий	—	звуккий

Будь согласный не низкий, диффузный, а высокий, диффузный — он оказался бы зубным; низкий, компактный — оказался бы задненёбным. Будь согласный прерванным, но резким, он мог бы оказаться либо дрожащим, либо аффрикатой. Но у губных такого качества нет, значит, не могло быть при данных признаках, чтобы согласный обладал качеством «резкий».

3. Перевод можно осуществить путем сокращения ряда подходящих артикуляционных классов. Возьмем снова ту характеристику, которая дана выше.

Вокальный звук — либо гласный, либо сонорный согласный. Притом он консонантный — значит, не гласный; из двух возможностей остается одна: сонорный согласный. Низкий звук — либо губной, либо заднеязычный, но он диффузный, следовательно, из двух возможностей подходит только одна — губной. Губные бывают

твёрдыми и мягкими. Признак «недиезный» исключает мягкость. Значит, дан твёрдый согласный.

Этих признаков достаточно, чтобы решить: предъявленный согласный — [м]. Остальные признаки выводятся из данных, из проанализированного набора; они —  $B$  при условии, что  $A \subset B$ . Поэтому их можно при характеристике звука не анализировать.

Итак, две классификации находятся в хорошем соответствии друг с другом. Это доказывается тем, что всегда возможен однозначный перевод из одной в другую; зная характеристику звука в одной классификации, мы всегда можем точно указать, какой характеристике звука он соответствует в другой классификации. И эта характеристика будет соответствовать одному определенному звуку. (Противоположный случай был бы такой: дана точная характеристика звука в одной классификации, но при переводе в другую полученная характеристика соответствует двум звукам.) Это свидетельствует о том, что и артикуляционная, и акустическая классификации отражают одну и ту же языковую фонетическую систему.

Зачем нужны две классификации? У каждой есть свои области применения. Например, обучать русскому произношению иностранцев можно с помощью артикуляционных наставлений, советов, поправок («Сильнее округляйте губы»), акустическая классификация здесь не годится (неэффективен совет: «Усильте вторую форманту»). Преобразовать устную речь в серию машинных команд — дело акустической классификации. Обе классификации нужны для научного познания фонетической системы, ее законов.

## § 8. УПРОЩЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК

Мы уже видели, что в некоторых случаях можно, не зная всего набора признаков, по неполному их перечню указать, какой звук отвечает характеристике. Например, чтобы «отгадать» звук [р], достаточно двух признаков: дрожащий, твёрдый. Эти признаки прямо указывают на [р]: нет других твёрдых дрожащих в русском языке. (Звук междометия *тиру!* тоже дрожащий; его обозначение в фонетической транскрипции [Ψ], но он не в счет, так как встречается только в междометии, которым человек общается с лошадью; это не настоящее слово языка; словами, настоящими, людищаются друг с другом.)

Почему при характеристике [р] можно не упоминать, например, признак «передненёбный»? Потому что в русском языке всякий дрожащий — передненёбный. Действует известный нам закон: если  $A \subset B$ , то  $B$  — не отдельная, особая единица языка. Здесь у  $A$  — признак «дрожащий»,  $B$  — «переднеязычный». Если  $B$  не самостоятельная единица, если этот признак «влит» в признак  $A$ , то о  $B$  можно не упоминать.

Значит, упрощение характеристик звуков без ущерба для их точности важно и практически, и теоретически. Теоретически — потому что помогает глубже понять языковую, системную сущность звука, отделить самостоятельные признаки от сопроводительных. На таком разделении строится особая лингвистическая теория языковых различителей (о ней подробнее см. гл. 5). Практически — потому что позволяет упростить опознание звуков, например при работе со звуковым анализатором — аппаратом, который дает возможность устную речь превратить в звуковую (а затем и в орфографическую) запись. В дальнейшем, после совершенствования, звуковые анализаторы смогут заменить стенографисток.

Наш пример с [р] дан в артикуляционной классификации: дрожащий, передненёбный — это признаки звука по его артикуляции. Но упрощение характеристик наиболее результативно на основе акустической характеристики, так как она дихотомична.

Сравните артикуляцию звуков [т] и [ц]. Начало артикуляции у них одно и то же: передняя часть языка прымывает к верхним зубам; исход артикуляции — разный: у [т] — прорыв смычки воздушной струей, у [ц] — раскрытие смычки в щель. Теперь понаблюдаем, как произносится звук [т] в слове *отцепили*. Оказывается, взрыва нет. Артикуляция [т] ограничивается энергичным смыканием языка и зубов, т. е. выполняется только начало работы — то, которое одинаково у [т] и [ц]. Если бы было написано *оццепили*, то читалось бы также, как *отцепили*, именно потому, что перед [ц] согласные [т] и [ц] не отличаются друг от друга: в артикуляции отсутствует именно та часть, которая их отличает.

Итак, различие [т] — [ц] (т. е. различие по способу артикуляции) в этом положении несущественно. Значит, можно не упоминать, что [т] — взрывной, что он не аффриката (не слитный)? Это было бы возможно, если бы среди шумных зубных глухих твердых были только [т] и [ц], если бы классификация была двойной, дихотоми-

ческой. Тогда согласному [т] (в данном положении) можно было бы дать такую характеристику: шумный зубной глухой твердый — и все, не упоминая о способе его артикуляции. Но классификация наша не дихотомична: кроме [т] и [ц] есть третий — [с], он тоже отвечает данной характеристике и тоже может быть в том же положении перед [ц] — *расцепили*. Поэтому, чтобы отличить согласные в сочетаниях [тц] и [сц] (*отцепили* — *расцепили*), все-таки приходится упоминать способ артикуляции. Упрощение характеристики не удалось. Помешал третий согласный — [с]. Будь классификация дихотомической, не было бы этой помехи.

В дихотомической классификации не бывает третьего звука. Звуки [т], [ц], [с] имеют в ней признаки:

[т]	[ц]	[с]
прерванный	прерванный	непрерывный
нерезкий	резкий	нерезкий

Прерванных только два: [т] и [ц], согласный [с] из другой группы, он — непрерывный, о нем и речи нет: нейтрализация охватывает только непрерывные.

В положении перед [ц] характеристики согласных [т] и [ц] упрощаются:

[т]	[ц]
прерванный	прерванный

Признаки резкий ~ нерезкий сняты, так как они в данном положении (перед [ц]) неразличительны. Дано: *A* = невокальный (= шумный согласный), высокий и диффузный (= зубной), недиезный (= твердый), прерванный, глухой; *B* = отсутствие той части артикуляции, которая создает акустическую резкость и позволяет «резкие» противополагать «нерезким». Поскольку *A* ⊂ *B*, то о *B*, о резкости ~ нерезкости, можно не упоминать. Характеристика упростилась.

Почему теперь не мешает [с]? Этот согласный устранен введением дихотомии: все звуки разделены на пре-

рванные и непрерывные, [с] ушел в непрерывные, т. е. он уже не может влиять на характеристику прерванных [т] и [ц].

Итак, дихотомическая (акустическая) классификация удобна для упрощения характеристик звуков. Возьмем слово *взрыв*. Полная характеристика его звуков такая<sup>1</sup>:

	[в]	[з]	[р]	[ы]	[ф]
Вокальный ли?	—	—	+	+	—
Консонантный ли?	+	+	+	—	+
Низкий ли?	+	—	—	+	+
Диффузный ли?	+	+	—	+	+
Бемольный ли?	—	—	—	—	—
Диезный ли?	—	—	—	—	—
Прерванный ли?	—	—	+	—	—
Резкий ли?	—	—	+	—	—
Звонкий ли?	+	+	+	+	—

После упрощения таблица признаков слова *взрыв* выглядит так:

	[в]	[з]	[р]	[ы]	[ф]
Вокальный ли?	—	—	+	+	—
Консонантный ли?			+	—	
Низкий ли?	+	—	—	+	+
Диффузный ли?	+	+	—		+
Бемольный ли?				—	
Диезный ли?			—		—
Прерванный ли?	—	—			—
Резкий ли?			+		
Звонкий ли?		+			

<sup>1</sup> Плюс означает, что на вопрос следует ответ «да», минус — «нет».

Вместо 45 признаков — 24. 21 признак приведен к нулю.

Почему, например, у [в] признак «нерезкий» можно убрать, не упоминая в характеристике этого согласного? Сказано, что [в] — непрерывный, в то же время и нерезкий. Если *A* — непрерывный, *B* — нерезкий, то  $A \subset B$ , следовательно, *B* не самостоятельная сущность в системе, о. *B* можно не упоминать.

Почему у [в] не дан признак «недиезный» (т. е. «твердый»)? Все губные перед негубными согласными бывают только твердыми. Признак «недиезный» и здесь не избираемый, а вынужденный, он подчиняется закону  $A \subset B$ . Здесь *A* — губной перед негубным согласным, *B* — недиезный.

Почему у [з] тоже не указана твердость? Шумные зубные могут быть только твердыми перед [р], [р'] ... Значит, и здесь твердость вынужденная; она — *B*, которого требует *A*.

А почему у [ы] указана небемольность (неокругленность)? Если ее не указать, то [ы] нельзя отличить по характеристике от [у]: оба они окажутся низкими, диффузными и различительных признаков не обнаружат.

Артикуляционное изучение звуков русского языка было начато работами замечательных ученых-филологов XVIII в.— В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова. Особенно много сделали В. А. Богоординский (Казань), А. И. Томсон (Одесса), Л. В. Щерба (Петербург) в конце XIX — начале XX в. Они впервые стали изучать русские звуки с помощью аппаратурой, соединив непосредственно слуховой анализ с инструментальным.

Акустическая классификация звуков многих языков (в том числе русского) была дана в 1955 г. Р. О. Якобсоном, Г. Фантом и М. Халле.

Особенно значительны заслуги в изучении звуковой стороны русского языка фонетической лаборатории при Ленинградском университете (Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко), лаборатории при Институте русского языка АН СССР (С. С. Высоцкий, А. М. Кузнецова, Р. Ф. Пауфошима), лабораторий при Московском университете (Л. В. Златоустова) и при Киевском (Л. Г. Скализуб).

## § 9. КЛАССИФИКАЦИЯ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

Если наличие *B* вызвано наличием *A*, то *AB* — целостная единица. Такую единицу называют суперсегментной.

Суперсегментные единицы: слог, такт, фраза.

Слого. Дано сочетание из двух звуков, совместно образующих слог. Первый звук — неслоговой, следова-

тельно, второй — слоговой. Здесь признак «неслоговой» — *A*, признак «слоговой» — *B*. В слоге, состоящем из двух звуков, *A* ⊂ *B* (и одновременно *B* ⊂ *A*: если известно, что второй звук — слоговой, то первый — неслоговой).

Если слог состоит из трех звуков, то какой-то из них — слоговой, остальные в силу этого — неслоговые. Эти признаки тоже связаны отношением ⊂. Следовательно, внутри слога качества «слоговой звук» и «неслоговой звук» образуют целостную суперсегментную единицу: *AB*, *AAB*, *BA*, *BAA* и т. д.

Слоговой звук обладает большей сонорностью, чем другие звуки того же слога (см. табл. 1). Пример: слово *окрипшие* [ахр'йпшии] делится на слоги так — [а-хр'й-пши-и]; в каждом слоге здесь наиболее сонорный — гласный. Он — гребень волны, он — слоговой. Окружающие звуки менее сонорные, они — впадины, ограничивающие волну. Обычно сонорной вершиной слога является гласный, но не всегда:

1. Поцелуями в детстве считал Я счастливую жизнь мою... (*Л.*).
2. И, шальбой, шевелюру ероша, В замешательстве смысл темня, Оглушит тебя нехорошей Глупой сказкой своей про меня (*Паст.*).
3. Снаружи казалось, у люстр плеврит (*Паст.*; ямб).
4. Звеии, Октябрь, синими сижниками (*Полет.*; ямб).
5. Рассвет и нежная луна Цилиндр нижут мелкой ртутью (*Инб.*).
6. Где верстаком нас приучали, Что труд есть труд и жизнь — труд... (*Ког.*).

Ритмика стиха показывает, что слова *жизнь* [жы-з'н'], *смысл* [смы-сл], *люстр* [л'у-стр], *Октябрь* [а-кт'-á-бр'], *цилиндр* [цы-л'йн-др] произносятся со слоговыми сонорными согласными. Теория, рассматривающая слог как волну сонорности, хорошо объясняет эти случаи: действительно, сонорные согласные образуют здесь особый гребень сонорности. Например, в словах *жизнь*, *смысл* поставим над всеми звуками индексы сонорности:

2 4 2 3  
[жы з' н']

1 3 4 13  
[смысл]

Последний согласный отделен от гласного звуком с индексом 2 (звонкий шумный) или 1 (глухой шумный). Сам он имеет более высокий индекс 3, т. е. образует гребень волны после впадины — 1 или 2. Поэтому образуется слог с вершиной — сонорным согласным.

Слоговым может быть даже шумный согласный, если он окружен паузами — реальными или потенциальными (пауза — абсолютное отсутствие всякой сонорности, индекс = 0) :

Т-с-с... Тише. Одурел совсем...  
Шептать такое на постели страшно,  
Укрывшись одеялом с головой,  
А ты горланишь, стоя у окошка.  
И с Карлусом вот тоже ш-ш-ш да ш-ш-ш...

(A. Мариенгоф)

Как показывает ритм, здесь *t-c-c* и *ш-ш-ш* — отдельные слоги.

Законы русского слогоделения кратко можно сформулировать так:

1. Один согласный между гласными принадлежит следующему за ним гласному (т. е. составляет с ним один слог): [гъ-ла-вá].

2. Группа шумных согласных принадлежит следующему за ней гласному: [а-тсó-хшъ-ы] (*отсохшая* или *отсохшее*).

3. Группа согласных, состоящая из шумных согласных и заканчивающаяся сонорными согласными, принадлежит следующему гласному: [па-тс'н'э-жн'ик], [н'и-стрá-шнъ], [р'и-скнút'].

4. Группа согласных, состоящая из сонорного плюс шумный (или: плюс группа шумных; или: плюс шумный с сонорным), разделяется слогоразделом так, что сонорный принадлежит предыдущему слогу, а вся остальная группа последующему: [па-дáр-к'и], [зón'-т'ик], [мар-скóй], [за-м'бр-шый] (*замерзший*), [кан-трóл'], [зам-кнút'], [мар-гнút'].

5. Долгий («двойной») согласный, находящийся между гласными, делится слогоразделом на две части: [кóн-ны́й], [пат-tá-ш':ит].

Это не относится к долгим согласным [ш':], [ж':]: [у-та-ш':у], [за-ж':бт]; они ведут себя как одиночный шумный согласный.

6. Сочетание шумных на стыке приставки и корня может разделяться слогоразделом: [рас-к'и-дáт'] (и [ра-ск'и-дáт']), [пат-п'и-сáт'] (и [па-тп'и-сáт']).

Обозначим: *Г* — гласный, *С* — сонорный согласный, *Ш* — шумный согласный. Тогда 1—4-й законы слогоделения можно схематически изобразить так:

1. *Г* — *СГ*, *Г* — *ШГ*;
2. *Г* — *ШШГ*, *Г* — *ШШШГ*;

3. Г — ШСГ, Г — ШШСГ;
4. ГС — ШГ, ГС — ШШГ.

Законы 2—4-й объединяются такой формулировкой: слогораздел проходит в месте наибольшего контраста соседних звуков по сонорности. Напротив, закон 5-й требует, чтобы слогораздел прошел в месте наименьшего контраста соседних звуков. Закон 6-й говорит о вмешательстве грамматики в чисто фонетическую область, грамматика может (факультативно) преодолевать 2-й и 3-й законы.

В. К. Тредиаковский писал: «При разделении складов надлежит почитать за главнейшее основание сие, что ежели некоторые согласные иачинают самый первый склад в слове, то те и в середине иачинают иной же склад, то есть ие к предыдущей, ио к последующей принадлежат гласиой. Причина сему основание свое имеет на природе выговора: ибо что выговор соединяет сиачала, того ие разделяет и в середине. Пример: *по-сле*, для того, что есть слово, в котором *с* и *л* соединяются, а именно: *след*».

Наблюдение В. К. Тредиаковского устанавливает, что начальный и средний слоги имеют одинаковое строение: их начальные части тождественны. Честь и слава этому наблюдению; оно было первым вкладом в теорию русского слога (в разных языках слоги могут строиться на основе разных закономерностей). Это наблюдение устанавливает: начальный и неначальный слоги следуют одному и тому же закону. Какому? Наблюдение В. К. Тредиаковского на этот вопрос ответа не дает. Ответ был найден позже: слог — это волна сонорности. Большинство фактов согласуется с этой теорией. Наиболее полную разработку она нашла в исследованиях Р. И. Аваиесова.

**Такт.** Такт — группа слогов, объединенная одним ударением. Вот как делится текст на такты:

Как-мальчик кудрявый, резва,  
Нарядна, как-бабочка летом;  
Значенья пустого слова  
В-устах-ее полны приветом.

Ей-нравиться долго нельзя:  
Как-цепь, ей-несносна привычка,  
Она ускользнет, как-змея,  
Порхнет и-умчится, как-птичка.

Таит молодое чело  
По-воле — и-радость и-горе.  
В-глазах — как-на-небе светло,  
В-душе-ее темно, как-в-море!

То-истиной дышит в-ней-все,  
То-все-в-ней притворно и-ложно!  
Поить невозможно ее,  
Зато ие-любить невозможно.

(М. Ю. Лермонтов)

Ритм стиха здесь позволяет более ясно и четко осознать членение каждого стиха на такты. Это трехстопный амфибрахий:  $\text{ु} \text{ु} \text{ु} \text{ु} \text{ु} (\text{ु})$ . Значит, в каждом стихе три ударения и поэтому — три такта. Но и в обычной звучащей речи, нестихотворной, безударные слоги группируются вокруг ударного слога. Ударный слог выделяется своей силой и длительностью.

Из безударных слогов самый сильный тот, который находится непосредственно перед ударным. Обозначим силу ударного слога индексом 3, силу первого предударного индексом 2 (он слабее), силу остальных безударных слогов индексом 1 (они еще слабее). Например:

1 1 2 3 1 1 1 1 1 1  
*переговаривающими*ся. Последовательность индексов... 1 1 2 3 1... называют «формулой Потебни» (по имени ученого А. А. Потебни, открывшего закон распределения ударности ~ безударности в такте). Формула Потебни дает комплексную характеристику каждого слога. Принимается во внимание напряженность ~ вялость артикуляции, ее длительность, устойчивость или неустойчивость, вариативность.

Были высказаны сомнения в справедливости формулы Потебни на том основании, что современная звукоанализирующая аппаратура не позволяет «ограничить» слоги, в данной формуле обозначенные индексом 1, от слогов с индексом 2 (речь идет в первую очередь о положении после мягких согласных). Однако исследование на самой хорошей аппаратуре не может установить: между данными звуками различия нет. Вывод должен быть другим: с помощью данных технических средств различие не обнаружено. Но оно может быть исследовано другими средствами, имеющими большие различительные способности.

Сопоставим факты. После твердых согласных:

1. И жавронок вился над зеленью полей... (*Бат.*)<sup>1</sup>.
2. Незримый жавронок поет  
Заздравный гимн весне (*Барат.*).
3. Иной копье из тела вырвет  
И в судоргах влечится по земле (*Яз.*).
4. Теперь да в полмя из огня...  
Куда? К прикамхеру... (*Гр.*).
5. Нам дорога твоя отвага,  
Огнем душа твоя полна,  
Как вновь раскупренная влага  
В бутылке старого вина (*Л.*).

<sup>1</sup> У него же: Веселых жавронков пенье...

6. Снял он с проволки нагрузку... (*В. М.*).
7. Листвой золотой овчина торчала,  
Шубой шиврат навыворот (*Хл.*).
8. И дня ее ишу в году  
Как папортников цвет другие (*Паст.*).

### После мягких согласных:

1. Петра герой спасти стремился,  
Предстал народу, *перекрестился*,  
И свергнут с красного крыльца (*Мар.*).
2. Вертелось счастья *вертено*... (*Вяз.*).
3. *Вертено* промеж пальцев играет... (*Глин.*).
4. День тяжелый, мутно-белый  
Настает.  
Кровь земле *одервенелой*  
Плуг дерет (*С. Гор.*).
5. «*Первенчались* бы с красавцем»,—  
Нянька у ней в ножках хнычет (*Цвет.*).
6. В его глазах *одервенелых*  
Четырехгранный вьется штык (*Заб.*).

И ритм стиха, и само написание показывает, что слова (особенно те, которые сравнительно часто употребляются в речи) могут произноситься с пропуском гласного. (Обычно это гласный рядом с сонорным согласным.) Обнаруживается закономерность: «нулизованный» гласный всегда тот, который по формуле Потебни обозначен индексом 1, т. е. самый слабый. Это относится и к случаям, когда такой слог следует после твердого согласного, и в равной мере к случаям, когда он находится после мягкого. Формула Потебни относится к обоим случаям, она обладает в современном русском языке всеобщностью.

Почему люди, не сговариваясь, решили, что можно пропускать гласный во втором предударном слоге (но не в первом) и в первом заударном? Очевидно, эти слоги при произнесении были короче, слабее других слогов. Как люди догадались, что их можно — и, по общей звуковой модели, нужно — произносить короче и слабее? Они подстроили свою речь под общую модель, усвоили в своей речи эту модель, потому что ее услышали (даже не давая себе ясного отчета, каковы отдельные показатели этой модели). Нельзя по-другому объяснить причину усвоения говорящими этой модели. Значит, то, что пока еще не могут взять аппараты, улавливает человеческое ухо. Притом у всех говорящих: об этом говорит единообразие отражения этих фактов в стихе; они кажутся естественными не только поэту, но и читателю, владеющему русским литературным языком. Итак, фор-

мула Потебни не выдумана — она отражает реальное строение русского текста. (Не менее важный вывод касается слуховых наблюдений: инструментальная фонетика открыла много тайн, ранее скрытых от нас; но она не отменила значения непосредственно слухового восприятия. Оно остается в числе орудий фонетики.)

Формула Потебни помогает определять границы между тактами. Например, если есть последовательность слогов — 3 1 3 2 3, — то такторазделы такие: 3 1 3 2 3. Все части этого ряда, выделенные как такты, имеют ударный слог (3) и отвечают формуле Потебни, т. е. являются ее частями: последовательности 3 1, 3, 2 3 — это «вырезки» из формулы Потебни. Выделение же, например, такта 13 было бы незаконным: в формуле Потебни нет части, которая бы давала такую последовательность.

Возможны случаи, когда формула Потебни не помогает разграничить такты. Если дан ряд слогов, имеющих индексы 123123, то граница может проходить по-разному: 123 123 или 1231 23. (Известны случаи, когда дети стих *На нем флюгера не шумят* понимают так: *На нем флюгеране шумят*; ср.: *дворяне, крестьяне*.)

Может быть, мы речевую цепь делим на такты просто по смыслу, выделяя осмыслиенные слова? Например, выделили так: *на нем*, а не *на-нем-флю*, — хотя по формуле Потебни такое членение тоже возможно:

На-нем-флю|гера|не-шумят...

потому что знаем предложное сочетание *на нем*, но не знаем слова «*нанемфлю*». Однако в естественной речи смысловое членение непременно должно совпадать с членением фонетическим, т. е. с членением на такты, границы которых дает формула Потебни. Если эти два ряда показаний не совпадают, то восприятие речи затруднено. Смысловые границы (границы слов) «опровергаются» фонетическими показателями и потому становятся ненадежными.

Если артист вместо:

1 2 3  
Тень Грозного меня усыновила...

читает (тяжеловесно скандируя стих):

2 1 3  
Те́нь Грозного меня усынови́ла<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> О возможности такого произношения (конечно, иеноформативного) см.: Сладкопевцев В. В. Искусство декламации. Пг., 1918. С. 106.

то слушатели слышат: *у сына вила*... — хотя и понимают, что по смыслу это не подходит, а подходит глагол *услыновила*.

Поэтому правильно было бы говорить так: речь мы членим на части и по смыслу (выделяя слова) и на основе фонетических данных. Одно не должно противоречить другому.

Однако говорящие по-русски, как правило, не знают формулы Потебни, как же они могут ею руководствоваться? Так же, как дети-дошкольники: не зная падежей, их все-таки знают. Сознательно они не усвоили номенклатуры, системы понятий, связанных с изучением падежей, но тем не менее непосредственное знание падежной системы у них есть. Так же и с формулой Потебни: говорящие рационально, понятливо не знают ее, но непосредственно-речевое знание о распределении силы слогов в такте у них есть.

Законы деления русской речи на такты первым стал изучать (в начале XIX в.) А. Х. Востоков. Проблема ударения в XX в. не возникла. Делоказалось простым: ударный гласный сильнее безударных, и все различие — в силе звука. Но аппараты показали, что безударный [а] может быть сильнее ударного [и] в том же слове. Разгадку «парadoxа ударения» дал Н. И. Жинкин. Оказалось, у гласных разного качества могут быть разные пороги ударности.

**Фраза.** Несколько тактов, объединенные интонацией, называются фразой<sup>1</sup>.

Интонация — изменение основного тона по высоте; оно может быть осложнено сопутствующими явлениями: увеличением силы ударения в отдельных тактах, ускорением и замедлением темпа и т. д.

Иногда к интонации относят также тембр всего высказывания. Это не то, что тембр (качественная характеристика) звука. По голосу человека можно определить, говорит ли он сердито или ласково, радуется или печалится (при этом искренне или неискренне). Такая окраска высказывания — иногда состоящего из нескольких фраз — нечто совершенно иное, чем интонация. Во-первых, границы, в которых выявляется тембр высказывания, не совпадают с границами фразы. Во-вторых, в этом тембре сплетены явления языковые (зна-

<sup>1</sup> Вместо слова *фраза* иногда употребляют термин «синтагма». Если изучается связь интонации с синтаксическими единицами, то термин «синтагма» (в значении *фраза*) имеет некоторые положительные стороны. Но для фонетического исследования он неприемлем. См. об этом: *Реформатский А. А. Прологомены к изучению интонации // Фонологические этюды. М., 1975.*

ковые) и неязыковые. Напомним, что знаковые единицы имеют сторону значения (обозначаемое), сторону материальную (обозначающее, в нашем случае — звуки) и условную связь между ними — не естественно-природную, а условную. Когда же говорят о тембре радости, тембре неискренности, окрашивающем высказывание, то отнести к знаковым явлениям эти факты нельзя. На этих основаниях тембр высказывания не будем считать явлением интонации.

Во фразе три части: предцентровая, центр и постцентровая. Обязательной частью всякой фразы является центр, две другие могут отсутствовать.

Центр — это ударный слог в том такте, который выделяется по силе среди других тактов фразы.

Вот текст, разбитый на фразы: *Владимир очутился в поле|и напрасно хотел снова попасть на дорогу;|лошадь ступала наудачу|и поминутно то взъезжала на сугроб,|то проваливалась в яму;|сани поминутно опрокидывались.|Владимир старался только|не потерять настоящего направления* (П.). В тексте выделены такты, произношение которых усилено: они несут фразовое ударение. В русском языке фразовое ударение падает обычно на последний такт.

Во фразе *Владимир очутился в поле* фразовое ударение падает на такт *в поле*. Ударный слог *в* по [фп] — центр фразы. Вся часть до этого слога — *Владимир очутился...* — предцентровая, то, что после этого слога, — постцентровая часть (здесь — слог *-ле*). Во фразе *и поминутно то взъезжала на сугроб* центр *-гrob*, постцентровой части нет. Если дана фраза *Едем!*, то отсутствует предцентровая часть. Наконец, возможна и фраза *Да!* Здесь налицо только центр.

В русском литературном языке существует семь основных типов интонации. Остановимся на наиболее частотных.

Интонационная конструкция 1. (Сокращенно — ИК-1, читается: и-кá-одýн.)<sup>1</sup> Предцентровая часть произносится на среднем интонационном уровне. На центре — падение тона, это падение продолжается на постцентровой части: *Я с ним уже разговаривал*.

Интонационная конструкция 3 (ИК-3). Предцентровая часть произносится на среднем интонационном уровне. В центре резкий подъем интонации и

<sup>1</sup> Об ИК-2 см. с. 72.

на этом же слоге начало понижения — оно продолжается до конца фразы: *Ты с ним разговаривал? Ты с ним разговаривал (а я еще нет)*.

Проверить, что обе фразы произносятся с одной интонацией, можно таким образом: записать на магнитную ленту оба предложения, затем у второго (*Ты с ним разговаривал, а я еще нет*) отрезать начальную часть — до запятой — и вместо нее подклейте вопросительное предложение. Потом прослушать. Обнаружится, что предложение (из двух склеенных фраз) звучит естественно; следовательно, вопросительное предложение интонационно тождественно с частью предложения перед запятой. Одно успешно заменяет другое.

**Интонационная конструкция 4 (ИК-4).** Предцентровая часть произносится на среднем уровне. На центре идет понижение интонации, и начинается повышение ее, которое продолжается на постцентровой части. Эта интонация чаще всего встречается в вопросительном предложении с частицей *а*: — Я читал Пушкина... — А Лермонтова? Или: — Зачеты по языку я сдал. — А по истории?

**Фразовое ударение** — средство разграничить фразы. Последний тakt во фразе усиливается и своим усилением говорит о том, что он — замыкающий.

Кроме фразового бывает еще логическое ударение. Функция у него другая — не показывать границы фразы, а выделять наиболее важные слова: *Ты с ним разговаривал* (подразумевается: *а не я*); *Ты с ним разговаривал (а не со мной)*; *Ты с ним разговаривал (и только, а деловой помощи не оказал)*.

Чацкий

...Вы здесь? я очень рад.

Я этого желал.

София (про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

(А. С. Грибоедов)

*Поручик приказал выпороть старика, а солдаты выпороли его; Поручик приказал выпороть старика, а солдаты выпороли его<sup>1</sup>.*

<sup>1</sup> Пример из кн.: Корсакова Е. А., Прянишникова А. В. Мастерство речи. Вып. 1: Логика речи. М., 1939.

Из примеров видно, что логическое ударение всегда связано с противопоставлением, открыто выраженным в речи или подразумеваемым.

Логическое ударение может падать на любой тakt во фразе, не только на конечный. Поэтому логическое ударение не имеет функции разграничения фраз.

Во фразе может быть либо логическое, либо фразовое ударение. Как отличить логическое ударение, падающее на последний такт во фразе, от фразового? Логическое ударение обычно сильнее фразового.

ИК-1 — конструкция с фразовым ударением; та же конструкция с логическим ударением — ИК-2 (у ИК-2 могут быть некоторые факультативные отличия от ИК-1 и в движении тона; но их присутствие обусловлено наличием логического ударения). Здесь: *A* — логическое ударение; *B* — некоторые, не обязательные, отличия в движении тона; *A* ⊂ *B*; *B* можно в классификации интонации не учитывать). В ИК-3, ИК-4 различия между фразовым и логическим ударением сняты.



Одна фраза от другой отделяется: 1) с помощью интонации: завершается движение тона, характерное для данной ИК, — значит, завершается фраза; 2) с помощью пауз (внутри фразы такты друг от друга паузами не отделяются<sup>1</sup>); 3) фразовым ударением.

Членение текста на фразы имеет смыслоразличительную функцию. Сравним: *Из хаты|бабушки рыдания неслись;* *Из хаты бабушки|рыдания неслись;* *Он кормил их|мясом своих собак;* *Он кормил их мясом|своих собак*<sup>2</sup>.

Первые попытки записать русскую интонацию были сделаны еще в XIX в. (композитор М. П. Мусоргский, языковед Ф. Е. Корш); а затем последовали попытки наметить интонационные типы. В 30-х годах XX в. начинается инструментальное изучение интонации

<sup>1</sup> Следовательно, пробелы между тактами в фонетической транскрипции не указывают паузы. О том, как в речи сигнализируются разделы между тактами см. выше, с. 65—69.

<sup>2</sup> Пример из кн.: Корсакова Е. А., Прянишников А. В. Мастерство речи.

(с помощью интонографов и других аппаратов). Устанавливается огромное количество интонационных характеристик, различий, типов. Выход из этого лабиринта фактов мог быть один: выделить те интонационные характеристики, которые самостоятельно, сами по себе, могут различать смысл предложений (или их частей). Изучение же сопутствующих интонационных особенностей (тех *B*, которые обусловлены наличием *A*; вспомним формулу: если *A* ⊂ *B*...) надо подчинить изучению основных, различительных. Это сделала Е. А. Брызгунова. Она выделила семь интонационных конструкций, самостоятельно, без участия других характеристик, выполняющих различительную функцию,— костяк русской интонации. (Здесь приведены факты о четырех из этих семи.)

**Пограничные сигналы.** Мы уже знаем, что формула Потебни (вернее, закономерности, отраженные в ней) помогает разграничивать отдельные такты, а поскольку такты часто совпадают со словами, то, значит, и слова. Существуют различные способы показать, где проходит граница между словами.

Например, дана звуковая цепь (начало и конец ее оборваны): ... [бф'р'у] ... Не зная всей цепи, можно сказать, что между [оф'] и [р'у] — словесная граница. Эти два слога принадлежат разным словам, например: *приготовь рюкзак*. Внутри слова сочетание мягкого губного согласного возможно лишь с таким последующим согласным, который тоже мягкий губной<sup>1</sup>. Здесь границу между словами сигнализировал не согласный [ф'] сам по себе (он может быть и в середине слова: *афиша*), и не согласный [р'] сам по себе, и не что-то, находящееся между ними (между ними ничего нет, они примыкают друг к другу, пауза их не разъединяет): пограничный сигнал «распределен» на протяжении всего звукосочетания [ф'р'], он имеет суперсегментный характер.

Другой обрывок из звуковой цепи: ... [áхму] ... Сигналлизирована граница между словами; она проходит после [м] перед [у] (возможное словосочетание: *пять драхм уплатил*). Слоговой согласный [м] перед гласным возможен только в том случае, если он — кочечный в слове. В сочетании *одну драхму платил* [м] не может быть слоговым, так как [м] не на конце слова. Сам по себе слоговой [м] не показатель границы слова: слоговые согласные возможны и в середине слова (*от[м]щу*). Но [м] + гласный — (все это звукосочетание) — сигнал словесной границы.

<sup>1</sup> В случаях: *приготовься*, *приготовьте* и под. надо считать -te, -ся частицами, т. е. служебными словами.

Заударные слоги не совсем такие, как предударные. В последовательности 31323 мы нашли словоразделы (вернее — такторазделы, но они связаны с делением на слова), даже не зная, какова реальная звуковая цепь. Следовательно, показатели, распределенные по ряду слогов, являются комплексными, составными, суперсегментными показателями границы.

Не зная смысла сочетания (у нас были только бессмысленные отрывки из звуковых цепей), можно по фонетическим данным определить границу слов. В некоторых случаях сигнализируется граница между морфемами. Например, «двойные» (долгие) согласные возможны в слове только рядом с ударным гласным или на стыке приставки и корня. В слове *рассыпаться* произносится долгий [с:] не рядом с ударным гласным. Это — сигнал границы между приставкой и корнем.

На границах слов (и морфем) действуют иные звуковые закономерности, чем в середине значимых языковых единиц. Поэтому, чтобы верно понять эти законы, необходимо считаться с пограничными сигналами (или диэрэмами) — особой суперсегментной единицей. Суперсегментной, так как она всегда распределена по сочетанию звуков или слогов...

Первым стал изучать пограничные сигналы в живых, современных языках И. А. Бодуэн де Куртенэ. Особенно большой вклад в науку о пограничных сигналах принадлежит Н. С. Трубецкому.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

### Сегментные единицы:

Богородицкий В. А. Русский текст в научно-фонетической транскрипции // Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939.

Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.

Болла К. Атлас звуков русской речи. Будапешт, 1981.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Брок О. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. Спб., 1910. Вып. 5/2.

Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.

Матусевич М. И. Современный русский язык: Фонетика. М., 1976.

Скалозуб Л. Г. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.

Скалозуб Л. Г. Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографирования). Киев, 1979.

Томсон А. И. Общее языкознание [1904]. Одесса, 1910.

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении [1912]. Л., 1983.

*Якобсон Р. О., Фант Г., Халле М.* Введение в анализ речи: Различительные признаки и их корреляты [1955] // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.

#### Суперсегментные единицы:

*Аванесов Р. И.* О слогоразделе и строении слога в русском языке [1954] // Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

*Аванесов Р. И.* Ударение в современном русском литературном языке [1955] // Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

*Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1972.

*Брызгунова Е. А.* Основные типы интонационых конструкций и их употребление в русском языке // Русский язык за рубежом. 1973. № 1, 2.

*Жинкин Н. И.* Восприятие ударения в словах русского языка // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. М., 1954. Вып. 54.

*Кузнецов П. С.* К вопросу о фонологии ударения [1948] // Реформатский А. А. Из истории отечественной фоиологии. М., 1970.

*Реформатский А. А.* К вопросу о выделении ударного слога в русском языке (реплика) // Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.

#### Пограиничные сигналы (диэрэмы):

*Трубецкой Н. С.* Основы фонологии [1938]. М., 1960. С. 299—325.

## Глава 2 ПОНЯТИЕ О ФОНЕМЕ

### § 10. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Сказано: *большой дом*. Что нужно, чтобы понять это высказывание, т. е. оценить его как языковое, как знаковое? Для понимания этого высказывания надо знать слово *дом* и слово *большой*. Знать слово *дом* — значит уже встречать его в речи; надо понять, что в данном высказывании то же слово, которое встречалось раньше. Оно то же по значению и то же по звучанию. Если слово не отождествляется с уже известным словом, то оно вне понимания. Для данного члена языкового коллектива оно еще не стало словом. Например: *Чухрюха — пфысь!* Слова не с чем отождествить в предыдущем речевом опыте, нет оснований понять их языковую, знаковую сущность: они не встречались ранее в процессе речевого общения. (Кстати, это сочетание слов все-таки можно понять как обращение к кому-то и приказание ему; ср.: *Грязнуха — брысь!* Понятна интонация, так как с нею мы встречались раньше, мы ее отождествили с той, какая свойственна предложениям: *Грязнуха — брысь!*)

*Прохожий — стой! Ванюша — пой!* Сам отрезок -у́ха может отождествляться с тем, который в словах *грязнуха*, *воструха*, *старуха*; это тоже позволит хотя бы предположительно понять сказанное слово.)

Слово мы начинаем понимать, если слышали его в нескольких различных контекстах. При этом мы, сопоставляя контексты, должны данное слово рассматривать как одно и то же (в разных контекстах), т. е. отождествлять его разные появления. Иногда достаточно одного контекста, чтобы понять новое слово, например контекста толкового словаря. Тогда мы, встречая в дальнейшем это слово, отождествляем его с данным в словаре. Бывает и так: слово раньше не встречалось, но встречались его знакомые части (морфемы). Например, встретилось слово *антистрекотатель*. Хотя оно, несомненно, ранее вам не попадалось, однако попадались морфемы *анти-*, *стрекот-*, *-атель*. Поэтому оно в известной степени понятно.

Итак, необходимо отождествлять значимые единицы (без этого язык не может функционировать). Отождествляться они должны и по значению, и по звучанию. В поле зрения фонетики находится отождествление по звучанию.

Если даны высказывания: *У меня мерзнет нос; Нос у собаки очень чуток; Она припудрила нос*, — то нетрудно осуществить акт отождествления. Очевидно, что во всех высказываниях есть одно и то же слово *нос*.

Но отождествление необходимо и в таких случаях: *Это мой нос* [нос]; *Надеть очки на нос* [нáнъс]; *В тепле нос бы не замерз* [нóзбы]; *Такие уродливые очки на нос бы я не надел* [нáнъзбы]; *Руки стынут, нос же пока не мерзнет* [нóжжы<sup>3</sup>]; *На нос же эти очки не наденешь* [нáнъжжы<sup>3</sup>]; *Носы у вас посинели...* [насы]. Здесь звуковые отрезки, очень различные по звучанию: [нос] — [нъс] — [ноз] — [нъз] — [нож] — [нъж] — [нас] — оцениваются нами как одно и то же слово. Различия в звучании не мешают этому отождествлению.

Наоборот, в предложениях *Нос у него длинный и Нож у него длинный* — различие в звуках признается существенным: *нос* и *нож* не признаются одним словом.

Почему же происходит отождествление? Хочется ответить: потому что в первом случае значение было одно и то же. Но этот ответ неверен. Равенства по значению недостаточно, чтобы признать слова (или их части: корни и т. д) тождественными.

В глаголе *идти*, *иду*, *шёл* и *шё-* имеют одно значение. Это корни одного глагола, но разные корни, мы их не отождествляем. Объясняют так: здесь налицо супплетивизм, т. е. глагол *идти* имеет в настоящем и прошедшем времени разные корни (принадлежащие, однако, одному глаголу). Итак, тождества по значению недостаточно, чтобы отождествлять разные языковые единицы.

Другой пример: *стачка* и *забастовка* — слова с одинаковым значением, но они не признаются тем же самым словом. Единство, тождественность значения не является достаточным условием для того, чтобы две единицы (в разных высказываниях) считать неким тождеством.

В самих звуках, когда говорим: *нос* [нос] ... *на нос* [нъс] ... *на носу* [нас] ... *но́с же* [нож] ... — есть что-то, что позволяет нам видеть в этих отрезках одну и ту же единицу. Звуки разные, но почему-то мы не обращаем внимания на их различия. Что-то нам позволяет заключить: это одно и то же слово, хотя в разных его звуковых воплощениях. А в случаях *иду* — *шел* нет достаточных оснований, чтобы считать корень одним и тем же.

Звуки, которые позиционно чередуются, в системе языка оцениваются как тождество, как одна и та же единица.

## § 11. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

Что называется позиционным чередованием звуковых единиц? Когда можно утверждать, что звуковые единицы позиционно чередуются?

Будем исходить из понятия чередования. Чередование всегда обнаруживается в составе определенной морфемы. Если одна и та же морфема в разных словах (или в разных формах одного слова) имеет частично неодинаковый звуковой состав, то налицо чередование. *Крутить* — *кручу*. Формы одного глагола, у них один корень; значение его в этих двух формах одинаково; звуковой состав тоже частично одинаков: есть общая часть *кру-*, но последний звук этого корня в одной форме [т'], в другой [ч']. Это и есть чередование.

Чередование в корне *круг-/круч-* отражено на письме. Но есть чередования, в написаниях слов не запечатленные. Например, орфография не отражает чередование в формах слов *моро[с]* — *моро[з]ы*; но все равно это — чередование.

Позиция — условие произношения звуков. Есть, например, такие позиции: гласные — под ударением, в безударном слоге после мягкого согласного, перед [л], перед паузой, согласные — на конце слова, перед [э], перед мягким зубным, после сонорного согласного. Каждый звук в слове находится в какой-либо позиции.

Некоторые чередования обусловлены позицией, и они называются позиционными. Например, мена [з] на [с] происходит на конце слова перед паузой. Действительно: *моро* [з]ы — *моро* [с], *расска* [з]ы — *расска* [с], *ро* [з]а — *ро* [с], *ва* [з]а — *ва* [с]; *черногла* [з]а — *черногла* [с], *чума* [з]ый — *чума* [с], *си* [з]-ый — *си* [с]; *погря* [з]ла — *погря* [с], *замер* [з]ла — *замер* [с], *обле* [з]ли — *обле* [с], *заведующий* *хо* [з'] *яиством* — *авто* [з] *авод* — *КамА* [с], *высшее учебное* [з] *аведение* — *ву* [с]. Нет слова, нет формы слова, в которых [з], попав на конец слова, не заменялся бы глухим [с].

Сама по себе, с чисто акустической или артикуляционной стороны, пауза вовсе не требует, чтобы шумный согласный перед нею был глухим. Есть много языков (украинский, сербскохорватский, французский, английский), где конечный шумный остается звонким. Чередование обусловлено не акустической или артикуляционной природой звука, а законами данного языка.

На основании чего мы заключаем, что чередование позиционно? Может быть, мы принимаем во внимание артикуляционную и акустическую наглядность взаимодействия звуков? Например, зубной перед мягким зубным сам должен быть мягким (в русском литературном языке), ср.: *хвост* — *хво* [с'] *тище*, *куст* — *ку* [с'] *тисты*, *отпускать* — *отпу* [с'] *тить* и т. д.

Но мнение о необходимости наглядно-очевидного уподобления звуков друг другу — неверно. Для того, чтобы признать закономерность позиционного чередования, звуковое сходство необязательно. Как частный случай оно возможно, но именно как частный. Есть случаи, когда фонетическое чередование является живым, действующим, позиционным, но сходства между звуками, вступившими во взаимодействие, нет.

Пример. В русском литературном языке [ó] (ударный гласный) в первом предударном слоге после твердого согласного заменяется гласным [а]: *новый* — *новее*, *дом* — *дома*, *стой* — *стоять* и т. д. Чередование позиционно. Однако никакой акустической необходимости

в таком чередовании нет. Нельзя даже сказать, что [о] заменяется в безударном слоге звуком [а], потому что [а] артикуляционно слабее, чем [о] (это объяснило бы, почему в слабых безударных слогах уместно иметь [а]). Напротив, [а] требует большего раствора ротовой полости, т. е. более энергичной артикуляции.

Вообще представлять (в качестве общего закона) причину звукового чередования в том, что один звук требует акустического или артикуляционного приспособления к себе другого звука,— большое заблуждение. Итак, о том, что позиция требует определенного чередования, догадаться по акустико-артикуляционной сущности звуков нельзя.

По какому же надежному признаку можно отделить позиционные чередования от непозиционных? Только по одному: позиционные чередования не знают исключений. Если появляется позиция  $N_2$  вместо  $N_1$ , то всегда происходит мена звука  $\alpha$  на звук  $\beta$ ; естественно причиной мены считать позицию  $N_2$ .

Напротив, если позиция  $N_2$  в одних словах сопровождается появлением  $\beta$  (вместо  $\alpha$ ), а в других не сопровождается ( $\alpha$  остается без замены), то позицию  $N_2$  нельзя рассматривать как причину чередования  $\alpha \parallel \beta$ . Не она его обусловливает. Поэтому чередование, которое знает исключение, не является позиционным.

Следовательно, позиционное чередование может быть объяснено двояко: это чередование, которое осуществляется в данной языковой системе без исключения; это чéредование, обусловленное позицией. Оба определения тождественны по своей сути.

Находиться в позиционном чередовании могут разные звуки, имеющие совершенно непохожие характеристики. Например, чередуются [о] (гласный среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный) и [а] (гласный нижнего подъема, среднего ряда, нелабиализованный). Значительные качественные различия не мешают им быть чередующимися звуками (табл. 4):

Таблица 4

Позиция	Члены чередования	Примеры
Ударный слог	[о] ↓ [а]	дом, нов, стой
Первый предударный слог после твердого согласного		дома, новее, стоять

Исключений нет, т. е. нет случаев (среди общеупотребительных полнозначных слов русского литературного языка), когда во второй позиции сохранялся бы гласный [о], следовательно, чередование позиционно.

Звук может чередоваться с нулем (табл. 5):

Таблица 5

Позиция	Члены чредования	Примеры
Перед паузой	[и] ↓ нуль	стой, строй, герой, свой
После гласного перед гласным [и]		стоит, строит герои, свои

## § 12. ФОНЕМА

Уже было сказано, что звуки, которые позиционно чередуются, существуют в языке как тождество, как одна и та же единица. Говорящие отождествляют, например, [з] в форме *морозы* и [с] в форме *мороз* — для них это один и тот же звук.

Может быть, неразличение [з] — [с] в этих случаях происходит из-за «гипноза» орфографии? Нет, не орфография здесь является определяющей, а система языка.

Почему же в системе языка отождествляются, приравниваются друг к другу позиционно чередующиеся звуки? Мы помним основной закон языковых систем: если единица *B* всегда сопровождает *A*, то она не обладает в системе самостоятельностью, она только тень единицы *A*. Имея дело с языком как системой, мы обязаны освободиться, абстрагироваться от *B* как от несамостоятельного элемента.

Этот закон мы применяли к звукам, к признакам звуков, к суперсегментным единицам. Теперь применим его к новой величине: чередованию звуков, к их замене (т. е. к определенной языковой операции).

Звук *a* (в позиции *N<sub>1</sub>*) непременно (т. е. во всех словах) заменяется в позиции *N<sub>2</sub>* звуком *β*. Здесь замена непременно сопровождает единицу *a* в позиции *N<sub>2</sub>*. Если дана позиция *N<sub>2</sub>*, то к звуку неизбежно применяется операция замены (чредования).

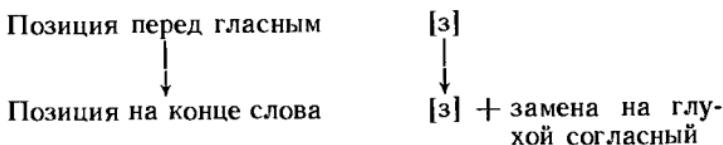
Обозначим операцию замены буквой  $\psi$ . Дано:

$$\begin{array}{ccc} N_1 & \alpha \\ \downarrow & \downarrow \\ N_2 & \beta \end{array}$$

Но  $\beta$  — это звук  $\alpha$ , к которому применена операция замены:  $\beta = \alpha + \psi$ . Тогда:

$$\begin{array}{ccc} N_1 & \alpha \\ \downarrow & \downarrow \\ N_2 & \alpha + \psi \end{array}$$

Например, при чередовании [з] || [с] (*морозы — мороз*) к [з] применена (в позиции конца слова) операция замены на другой звук, на [с]. Здесь: [з] =  $\alpha$ , [с] =  $\beta$ ;  $\psi$  — замена на другой определенный звук, т. е.



Однако поскольку чередование позиционное, безысключительное, то в условиях  $N_2$  всегда выступает не  $\alpha$ , а  $\alpha + \psi$  (преобразованная единица  $\alpha$ , т. е.  $\beta$ ). Преобразованность — непременный сопроводитель  $\alpha$  в позиции  $N_2$  (иными словами,  $\alpha$  в этих условиях выступает только как материал преобразования, замены).

Поскольку преобразованность единицы — ее непременный сопроводитель в указанной позиции, постольку она должна быть снята, от нее надо абстрагироваться, если мы хотим познать систему языка, т. е. в системе языка  $\psi$  признается элементом  $B$  (при  $A =$  звук  $\alpha$ ); по общему закону — его не считаем системной сущностью. Тогда вместо  $\alpha + \psi$  в схему поставим просто:

$$\begin{array}{ccc} N_1 & \alpha \\ \downarrow & \downarrow \\ N_2 & \alpha \end{array}$$

Вывод: если два звука чередуются позиционно, то в системе языка они являются тождеством, т. е. составляют одну и ту же единицу — фонему.

Фонема — языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков. Например:

$\langle\text{o}\rangle^1 = [\text{o}] \parallel [\text{a}]$  ... т. е. фонема  $\langle\text{o}\rangle$  дана рядом чередующихся звуков — [о] под ударением, [а] без ударения и т. д.

### § 13. РАЗЛИЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

До сих пор мы занимались вопросом, каковы отношения между позиционно чередующимися звуками, т. е. такими, которые представляют одну фонему. Каковы отношения между звуками, которые не чередуются позиционно, т. е. входят в разные фонемы? (табл. 6).

Таблица 6

Позиция	Члены чередования		Примеры
Перед гласным ↓	[з]	[ж]	морозы, ножи
На конце слова	[с]	[ш]	моро [с], но [ш]

Внутри каждой фонемы, в одном ряду позиционно чередующихся звуков, единицы (эти звуки) отождествляются и этим обеспечивают отождествление слов и морфем. Корень в словоформах *морозы*, *мороз* является одним и тем же, он имеет одинаковый фонемный состав.

Звуки, принадлежащие разным фонемам, не отождествляются, наоборот, они служат различению слов: *козы* — *коши*, *ко [с]* — *ко [ш]*.

Итак, определение фонемы можно дополнить: фонема — это языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, служащая для отождествления и различия слов и морфем.

При этом имеется в виду, что отождествление значимых единиц происходит с помощью звуков, принадлежащих одной фонеме, а различие — с помощью звуков, принадлежащих разным фонемам.

Основная функция фонем, однако, отождествление. (Позднее мы встретимся с другой функциональной единицей, чье основное назначение — различать, разграничивать языковые единицы и лишь дополнительное — отождествлять.)

<sup>1</sup> Фонемы берутся в ломаные скобки.

## § 14. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Сравним два чередования (табл. 7).

Таблица 7

Позиция	Члены чередования	Примеры
Под ударением	[о] ↓ [а]	[сом], [сам]
В первом предударном слоге после твердого согласного	[а] ↓ [а]	[самá], [самá]

Под ударением — разные звуки, в безударном слоге — одинаковые. Две фонемы совпали, т. е. в определенной позиции представлены одним и тем же звуком. Это — нейтрализация фонем *⟨а⟩* и *⟨о⟩*.

Нейтрализацией называется неразличение нескольких фонем в определенной позиции.

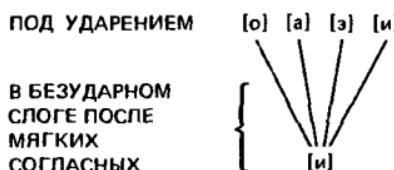
Могут совпадать не две фонемы, а большее их число (табл. 8).

Таблица 8

Позиция	Члены чередования	Примеры
Под ударением	[о] ↓ [а] ↓ [э] ↓ [и]	лес, лис мел, мёл, мил
В безударном слоге после мягких согласных	[и] ↓ [и] ↓ [и] ↓ [и]	леса, лиса, мела, мела, мила

Причайне: *мела* — прош. вр. от *мести*; *мела* — мн. ч. от *мел* (разные сорта мела).

Нейтрализацию можно изобразить так:



Другой пример. Перед [ш'] нейтрализуются согласные фонемы *⟨ш’⟩*, *⟨щ⟩*, *⟨ж’⟩*, *⟨ж⟩*, *⟨с’⟩*, *⟨с⟩*, *⟨з’⟩*, *⟨з⟩*; все они реализуются в согласном [ш'].

В позициях нейтрализации происходит ослабление различительной силы фонем. Однако и в словоформе [в’ол], и в словоформе [в’иду] — одна и та же фонема

⟨о⟩. Она не перестала быть сама собой в случаях, где ее различительная сила ослаблена. Это как раз и говорит о том, что ее основная функция — не различение, а отождествление.

В позиции нейтрализации фонема представлена своим вариантом, в сильной позиции (т. е. в позиции, где данная фонема отличается от всех других) — своей основной разновидностью.

Есть и такие случаи: позиция активно воздействует на фонему, она заставляет избирать для реализации фонемы определенный звук (характерный именно для данной позиции), но слияния, перекрещивания фонем нет.

Например, в слове *посадка* под ударением [а], тот же звук, который встречается не только после твердых согласных, но и в начале слова, и в конце слова перед паузой (под ударением): *ад, коса*. Он не специфичен только для одной данной позиции. В слове *сядь* [с'äт'] гласный не среднего, а средне-переднего ряда, он специфичен именно для позиции между мягкими согласными. Хотя и есть сближение между представителями фонем ⟨а⟩ — ⟨э⟩ в данной позиции (звук [а] более похож на [э], чем на [а]), но полного совпадения нет. (В некоторых русских говорах сближение завершилось совпадением фонем ⟨а⟩ и ⟨э⟩ в данной позиции — они обе представлены вариантом [э]; [п'эт'] реализует и *пять* и *петь*.)

Если влияние позиции есть, но нейтрализации нет, то данная фонема представлена в данной позиции своей вариацией. Примеры. Перед звонким шумным ⟨с⟩ и ⟨з⟩ совпадают; они представлены своим вариантом [з]: *моро* [з] *бы*, *но* [з] *бы*. Согласная фонема ⟨ц⟩ не имеет парной по звонкости, ей не с чем совпадать, поэтому в случае *коне* [дз] *бы* она представлена вариацией [дз] (т. е. звонким ц).

Фонема называется по своей основной разновидности. Дан ряд позиционно чередующихся звуков: [б] || [а] || [ъ] || [ы<sup>3</sup>] || [и] (например, в суффиксе прилагательных: *свинцовы́й, звуково́й, фаянсо́вой, ножево́й, ключево́й*). В сильной позиции — [о]. Поэтому весь ряд позиционно чередующихся звуков условно называется «фонема ⟨о⟩», хотя он и включает разные звуки.

## § 15. ГИПЕРФОНЕМА

Ряд звуков [о] || [а] || [ъ] ... представляет фонему <о>. Но может быть дан и такой ряд: [а] || [ъ] ... Он — языковая реальность: *с [а] бака, с [ъ] баковод*. Основная разновидность этого ряда — звук под ударением — не представлен. Это тоже фонетическая единица. У нее есть сходство с фонемой: она представлена рядом позиционно чередующихся звуков; у нее есть отличие от фонемы: отсутствует та главная единица, которая отделяет фонему <о> от фонемы <а> (ведь ряд [а] || [ъ] ... — общий для <о> и <а>; лишь по основному представителю фонемы — гласным [о] или [а] мы решаем, к какой фонеме относится данный ряд). *Tr[а]ва, tr[ъ]вяной...* Какая фонема? *Tr[а]вы*. Значит — <а>. *B[а]да, в[ъ]дяной...* Какая фонема? *B[о]ды*. Значит — <о>. А в случае *с [а] бака, с [ъ] баковод* нет этого решающего члена фонемы — того, который встречается в сильной, различительной позиции. Поэтому отнести этот ряд к фонеме <о> или <а> нельзя. Назовем эту единицу гиперфонема <о/а>.

Гиперфонема — функциональная единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, общих для нескольких фонем, при отсутствии представителя этой единицы в сильной позиции.

Вот еще несколько примеров гиперфонем:

$\left\langle \text{к } \frac{\text{а}}{\text{o}} \text{ пу } \frac{\text{с}}{\text{з}} \text{ та} \right\rangle = \text{капуста},$

$\left\langle \frac{\text{в}}{\text{ф}} \text{ дру } \frac{\text{г}}{\text{к}} \right\rangle = \text{вдруг}, \left\langle \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \text{ то} \right\rangle = [\text{што}] = \text{что...}$

Гиперфонема может быть соотносительной не только с двумя, но и с многими фонемами: <л'(и/э/о/а) лóваја> = *лиловая*, <п(а/о) (т/т'/д/д'/ч/ц) шипн' (и/э/о/а)к> = *подшипник*<sup>1</sup>.

Чтобы показать, из каких фонем и гиперфонем состоит слово, используют фонемную (или фонематическую) транскрипцию. Она берется в ломаные скобки. Примеры такой транскрипции: <водá>; <водíй> = [ва-

дý]; <б'эл (о/а) вáтиj>,  $\left\langle \text{жд'} \text{o } \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \right\rangle = \text{ждешь...} .$

<sup>1</sup> Слово *подшипник* не членится на приставку, корень и суффикс; оно все — корень и нулевое окончание.

Гиперфонема может быть обозначена так:  $\langle \text{жд'о} \frac{\text{ш}}{\text{ж}} \rangle =$   
 $= \langle \text{жд'о(ш/ж)} \rangle = \langle \text{ждош}^2 \rangle$  (в последнем случае индекс показывает, сколько фонем объединяет данная гиперфонема).

## § 16. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПОДСИСТЕМЫ

Уже сказано, что фонемы  $\langle \text{o} \rangle$  и  $\langle \text{a} \rangle$  в безударных слогах нейтрализуются. Но так только в общеупотребительных словах. В словах специфических, необщеупотребительных (в том числе — в терминологии) этот закон не действует. Произносят: *антология* [анталог'иа], но *онтология* [онтолог'иа] (философский термин).

Свою особую фонетику имеют междометия. Служебные слова (предлоги, частицы) тоже отличаются в своих фонетических закономерностях от других слов.

Наша тема — фонетика общеупотребительных слов русского литературного языка, т. е. слов, которые все люди, владеющие этим языком, употребляют постоянно, повседневно.

Эта группа слов достаточно четкой линией отделена от слов редких, необщеупотребительных. Переходная зона между группами слов есть, но суть не в ней: важно, что большинство слов мы безошибочно относим либо к редким, необщеупотребительным словам, либо к повседневным, обычным.

Дан ряд слов: *ты, думать, хлеб, большой, встретиться, дом, книга, спорить, циркуляция, кенгуру, медведь, сильный, импозантный, верхний, индульгенция, сон, тысяча, квадратлон, засмеяться, баа, десница, око, демаскироваться...* Какие слова редкие? Сопоставьте ваш ответ с ответом вашего товарища. Вы убедитесь, что они в общем совпадут.

Итак, разграничение этих двух групп слов, в их главной части, достаточно очевидно. Эти группы слов подчиняются не во всех случаях одинаковым фонетическим законам. Не надо смешивать эти законы.

Теория фонем, основы которой здесь изложены, берет свое начало в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ. Его исследования 80—90-х и более поздних годов XIX в.— классические работы по фонологии.

Разработку фонологии продолжил Л. В. Щерба, а также его ученики и соратники, прежде всего Е. Д. Поливанов.

Л. В. Щерба впервые сделал попытку дать полное описание русской фонетической системы именно как системы, т. е. целостно (на

примере гласных). Но сам принцип, который был им положен в основу определения фонем, не давал далекой перспективы в развитии фонологической теории<sup>1</sup>.

В последних работах Л. В. Щерба искал новые пути в фонологии. Например, в академической «Грамматике русского языка» (т. 1. 1952) он считает звуки [а] и [э] в словоформах *пять — пяти* представителями одной фонемы, хотя они явно не представляют одного звукового типа. Таких отступлений от основ своей фонемной теории при решении частных вопросов у Л. В. Щербы много, и они-то часто оказывались плодотворными для развития фонологии.

Следующий этап в развитии фонемной теории — работы ученых московской лингвистической школы: Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова, А. М. Сухотина.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // Русский филологический вестник. Варшава, 1881. Т. 5. Отрывки см.: Избр. труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. Т. 1.*

«Московская» фонологическая теория:

*Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Система фонем русского языка [1945] // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.*

*Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии [1959] // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.*

<sup>1</sup> Суть ленинградской фонемной теории можно передать в виде двух основных положений:

1. Инвентарь фонем в каждом конкретном языке устанавливается по сильным, различительным позициям. Так, например, в русском языке есть фонемы ⟨т⟩ и ⟨д⟩, так как в некоторых позициях различаются звуки [т] и [д]: *там — дам*.

На это теоретическое положение и ссылаются обычно, утверждая, что данная теория имеет фонологический статус.

2. Фонемы в слабых позициях определяются (в этой теории) по их акустико-артикуляционному сходству — т. е. по чисто звуковому подобию — с фонемами в сильных позициях. Поскольку в сильной позиции обнаружена фонема ⟨т⟩ (см. об этом выше), то звук [т] во всех позициях, в том числе и слабых, представляет ту же фонему ⟨т⟩. Следовательно, не только в слове *там*, но и в словах *по [т]писали, за-га[т]ка, наро[т]* — везде одна и та же фонема ⟨т⟩.

Это означает, что в сильной позиции учитывается функция дифференциации, свойственная звукам и дающая им фонемный статус, а в слабых позициях она полностью игнорируется. Ведь в слабых позициях различительные способности звуковых единиц не те, какими они обладают в сильных позициях; фонемная теория должна это учитывать.

Такая непоследовательность не обоснована, не мотивирована ни в трудах Л. В. Щербы, ни в публикациях его последователей.

Труды Л. В. Щербы обладают высокой научной значимостью: в них много ценных обобщений и интересных наблюдений. Но это не снимает вопрос о непоследовательности его фонемной теории. Важнейшие проблемы в ней решаются нефункционально.

*Сидоров В. Н. О московской фонологической школе [1967] // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.*

*Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967.*

*Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.*

*Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., 1975.*

**«Ленинградская» фонологическая теория:**

*Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении [1912]. Л., 1983.*

*Щерба Л. В. Фонетика французского языка: Очерк французского произношения в сравнении с русским [1937]. М., 1963.*

*Щерба Л. В., Матусевич М. И. Фонетика // Грамматика русского языка. М., 1952. С. 49—100.*

## Глава 3

### ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

#### § 17. ВОЗМОЖНЫЕ И НЕВОЗМОЖНЫЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Итак, фонема дана в виде ряда позиционно чередующихся звуков. Фонемы могут нейтрализоваться, т. е. в определенной позиции могут совпасть в одной и той же звуковой реализации. Чтобы лучше понять явление нейтрализации, разберем несколько случаев в общей форме, не прибегая пока к анализу конкретных фактов.

1. В описании какого-то языка сказано: «В данном языке 20 фонем, из них одна нейтрализуется». Может ли это быть? Нет. Нейтрализация — совпадение нескольких фонем; нейтрализоваться могут минимум две фонемы. Если сказано, что нейтрализовалась одна фонема, то, следовательно, она совпала сама с собой. А это утверждение бессмысленно.

Здесь снова проявляется системность языка: фонема может обладать признаком «нейтрализуется» лишь в том случае, если есть другая фонема с признаком «нейтрализуется».

2. Могут ли две фонемы нейтрализоваться во всех позициях? Если они во всех возможных случаях совпадают (это и называется «нейтрализуются»), то они ни в одном случае не различаются и, таким образом, разницы между ними нет. Почему же тогда их считать разными фонемами? Ясно, что этот случай невозможен.

Но возможен другой, очень близкий к отвергнутому нами: две фонемы совпадают в своих реализациях, но

есть одна позиция, в которой они различаются. Однако и в ней одна из фонем имеет вариант... совпадающий с другой фонемой! Пример из русского языка: фонемы  $\langle \gamma \rangle$  и  $\langle x \rangle$ . Перед гласным они различаются: *бо* [γ] *a*, *бо* [γ] *y*... *засы* [x] *ать*, *су* [x] *ой*... Но *бо* [x], *засо* [x]... Однако в позиции перед гласным фонема  $\langle \gamma \rangle$  может факультативно выражаться звуком [г]: *бо* [г] *a*, *бо* [г] *y*... В таких случаях следует вводить понятие ф а к у л т а т и в н о й фонемы. Например, русская фонема  $\langle \gamma \rangle$  факультативна для тех, кто говорит: *бо* [γ] *a*, *бо* [γ] *y*... *бо* [x], — потому что известно, что другие ее не используют в своей речи.

Другие говорят: *бо* [г] *a*, *бо* [г] *y*... *бо* [x] (произношение *бо* [к] = бог ненормативно). У них нет фонемы  $\langle \gamma \rangle$ , а в этом слове происходит лексикализованная мена фонем  $\langle \gamma \rangle$  —  $\langle x \rangle$ . Лексикализованной мену  $\langle \gamma \rangle \parallel \langle x \rangle$  считаем потому, что она не обусловлена ни фонетическими, ни грамматическими причинами. Ее «причина» — наличие именно данного слова. Но так как и те, кто говорят *бо* [г] *a*, *бо* [г] *y*..., знают о другой манере произносить эти формы (и считают, конечно, эту манеру нормативно приемлемой), то и для них в русском языке есть факультативная фонема  $\langle \gamma \rangle$ .

«Слабость» этой фонемы не только в том, что она факультативна, но и в том, что она в одном (или двух) словах. Второе слово — *бухгалтер*; произносится *бу* [γ] *алтер*, [γ] в позиции перед гласным. Но возможно и произношение *бу* [γг] *алтер*, что допускает такую фонемную трактовку: [γг] =  $\langle xg \rangle$ . И здесь  $\langle \gamma \rangle$  оказывается факультативной.

Из дальнейшего рассмотрения мы исключаем фонему  $\langle \gamma \rangle$  — как факультативную.

3. Может ли одна фонема в определенной позиции реализоваться двумя разными звуками (в двух разных словах)? Пример: *моро* [з] *ы* — *моро* [с], *ро* [з] *а* — *много* *ро* [с], *проле* [з] *у* — *проле* [с], *погря* [з] *нуть* — *погря* [с] (можно привести множество примеров), — но: *нама* [з] *ать* — *намажь*, т. е. *нама* [ш]. В сильной позиции, перед гласным, фонема  $\langle z \rangle$  представлена согласным [з], на конце слова она представлена согласным [с], но в случае *намажь* не [с], а [ш]! Не следует ли считать, что в этой позиции фонема  $\langle z \rangle$  представлена то звуком [с] (в одних словах, их большинство), то звуком [ш] (в других, немногих словах)? Это противоречило бы самому понятию позиционных чередований.

Они, как известно, безысключительны. Для данного случая надо попробовать применить два истолкования: 1. Признать, что чередование [з] (перед гласными) || [с] на конце слова — непозиционно. Но это решение не проходит: все звонкие заменяются парным глухим на конце слова, и для фонемы ⟨з⟩ делать исключение было бы необоснованно. Все фонетические законы касаются классов звуков; в данном случае закон касается всех шумных согласных. 2. Признать, что в данном случае происходит не чередование звуков, принадлежащих одной фонеме, а грамматикализованное чередование фонем. Для этого нужно точно указать грамматические условия такого чередования. Они действительно существуют: фонема ⟨з⟩ заменяется фонемой ⟨ж⟩ в некоторых грамматических формах, в том числе в повелительной, ср.: *показать* — *покажи*, *рассказать* — *расскажи*; *намазать* — *намажь*, *отрезать* — *отрежь*. Фонема ⟨ж⟩ на конце слова должна, по общему безысключительному грамматическому правилу, реализоваться звуком [ш]; так оно и есть.

Следовательно, здесь накладываются друг на друга два закона: грамматический (мена ⟨з⟩ на ⟨ж⟩ по требованию грамматической формы; оно происходит перед флексией повелительного наклонения) и фонетический (мена [ж] на [ш] в конце слова).

Все сказанное подтверждает, что одна и та же фонема в одной и той же позиции двумя разными звуками реализоваться не может.

## § 18. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЗВОНКИХ И ГЛУХИХ ФОНЕМ

Нейтрализоваться могут только согласные фонемы, парные по глухости ~ звонкости, т. е. те, которые в сильной позиции выражены звуками:

[п	п'	ф	ф'	т	т'	с	с'	ш	ш'	к
б	б'	в	в'	д	д'	з	з'	ж	ж'	г

Согласные фонемы ⟨м⟩, ⟨м'⟩, ⟨н⟩, ⟨н'⟩, ⟨л⟩, ⟨л'⟩, ⟨р⟩, ⟨р'⟩, ⟨ж⟩ могут быть представлены и звонкими и глухими звуками, например:

[м м' н н'  
м м' н н'] и т. д.

Глухие факультативно возможны на конце слова после шумного согласного: *космы* — *лохматых кос* [м], *пес* [χ'], *пять вёт* [д], *мыс* [д']; в эмоциональной речи возможна глухость йота: *отда* [j]! Но глухость у этих согласных, во-первых, всегда вызвана позицией и, во-вторых, факультативна. Нет двух разных слов, которые отличались бы звуками [м] — [м̥] в одной позиции. Поэтому глухие согласные [м] — [м̥] — [н] — [н̥] (и т. д.) представляют те же фонемы, что и звонкие сонорные согласные [м] — [м̥] — [н] — [н̥] и т. д. Следовательно, фонемам ⟨м⟩ — ⟨м̥⟩ — ⟨н⟩ — ⟨н̥⟩ (и т. д.) не с чем совпадать: и звонкие сонорные, и их глухие двойники находятся в пределах одной фонемы.

Согласные фонемы ⟨ц⟩, ⟨ч⟩, ⟨х⟩ могут быть представлены и глухими и звонкими согласными:

[ц      ч'      х  
       $\widehat{дз}$      $\widehat{дж}'$   $\gamma]$ ,

но это различие всегда позиционно обусловлено: звонкие согласные [дз] — [дж'] — [γ] появляются только перед звонкими шумными согласными: *оте* [дз] *бы*, *до* [дж'] *бы*, *засо* [γ] *бы...* Следовательно, и здесь звонкие и глухие звуки находятся (попарно) в пределах одной фонемы. Фонемам ⟨ц⟩ — ⟨ч⟩ — ⟨х⟩ не с чем совпадать. Вот они и не могут нейтрализоваться по глухости ~ звонкости. По этому признаку они всегда в сильной позиции.

У парных по этому признаку есть три сильные позиции: 1) перед гласным (*там* — *дам*, *косы* — *козы*), 2) перед сонорным (*слить* — *злить*, *пью* — *бью*), 3) перед [в] — [в'] (*твоих* — *двоих*, *сверь* — *зверь*).

У парных по глухости ~ звонкости есть три слабые позиции: 1) на конце слова (*прут* — *пруд*), 2) перед глухими согласными (*маска* — *замазка*), 3) перед звонкими шумными согласными (*косяба* — *резьба*). В 1-й и 2-й позициях совпадение глухих и звонких фонем (т. е. фонем, представленных в сильной позиции глухими и звонкими шумными) осуществляется в глухих шумных согласных звуках, в 3-й позиции — в звонких шумных согласных звуках.

Совпадения глухих и звонких наглядно демонстрируют точные рифмы (рифма точная, если у двух слов

одинаковы ударные гласные и все звуки, следующие после них): *паркет — обед* (ср.: *паркетный, обеды*), *путь — грудь, вопрос — водовоз, хороши — ложь, рысак — шаг*. Совпадают согласные на конце слова. Примеры, когда совпадают глухие и звонкие согласные перед глухими согласными: *покупкою — голубкою* (ср.: *покупок, голубок*), *коляски — салазки, малолетки — из-под наседки, букашка — бумажка*. (Рифмы из стихотворений Н. А. Некрасова.)

Случаев, когда нейтрализуются глухие и звонкие перед звонкими шумными (совпадают в звонких согласных), значительно меньше, чем тех, когда совпадение происходит в глухих согласных. В качестве сравнительно частого случая можно упомянуть совпадение, которое обнаруживают приставки: *сбежать — разбежаться* (ср. в сильной позиции: *слететь — разлететься*), *сбить — разбить, отбежать — подбежать* (ср. в сильной позиции: *отлететь — подлететь*) и т. д.

Есть свидетельство, что в новых звательных формах: *Лиз! Федь! Володь! Сереж! Надь! Люб!* — на конце произносится звонкий, а не глухой согласный. Предположим, это означает, что есть фонемные последовательности *⟨ф'эд'⟩*, *⟨л'из⟩*, *⟨л'уб⟩* и т. д. и у них последняя фонема реализуется звонким шумным согласным. Следовательно, здесь не действует закон позиционной мены звонких на глухие. Но мена потому и признается позиционной, что она безысключительна. А исключения как раз и явились: новые звательные формы. Перечислим следствия их явления.

1. Чередование перестало быть позиционным, потому что перестало осуществляться без исключений.

2. Но в других (незвательных) формах чередование звонких ~ глухих осталось, они не изменили своего произношения: *моро [з]ы — моро [с]*, *переле [з]у — переле [с]* и т. д. Поскольку есть *Ли [з]!*, все эти многочисленные случаи чередований уже не позиционные. Чередование стало грамматикализованным, оно присуще некоторым (многим, но не всем) грамматическим формам и поэтому является средством (пускай, второстепенным) обозначения грамматических значений. Так, в *моро [с]* мена [з] на [с] показывает (в поддержку нулевой флексии) именительный падеж единственного числа (так же, как и, например, мена [з] на [ж] в *мазать — мажу* нужна для обозначения 1-го лица единственного числа — вместе с флексией -у).

Так и должно было случиться: позиционные фонетические чередования не передают значений, ведь в системе языка они просто «сняты» (см. 2, 12)<sup>1</sup>. Грамматические чередования именно потому, что они фонетически не вынуждены, не всеобщи, потому что они связаны с определенными грамматическими формами, способны передавать грамматические значения (но в русском языке не самостоятельно, а вместе с аффиксами, например флексиями).

3. Следовательно, изменилась система грамматических показателей. Если раньше при описании склонения достаточно было сказать, какие окончания используются в разных падежах, то теперь приходится отдельно упоминать все случаи, когда звонкие на конце основы перед нулевой флексией меняются на глухие. Это необходимо: ведь мена происходит не во всех случаях. В случае *Ли[з]!* (звательная форма) ее нет.

4. Поскольку система показателей, передающих грамматические значения, входит как важная сторона в грамматическую систему, можно сказать, что изменилась вся грамматическая система языка из-за того, что появилась форма *Ли[з]!* и ей подобные (в общем немногие).

Проявилась с особенной силой системность языка: все взаимно связано, одно определяет другое, каждая единица — все остальные. Но все же надо сказать это в сослагательном наклонении — проявились бы, потому что существование форм типа *Ли[з]!* может иметь другое фонологическое истолкование (с тем, что они — фонетический факт, спорить, вероятно, не следует).

Наблюдения показывают, что кроме произношения *Ли[з]!* существует и произношение *Ли[с]!* Как объяснить существование этих форм? Звательная форма *Ли[с]!*, безусловно, образована с помощью нулевой флексии, следовательно, отличающаяся от нее форма *Ли[з]!* — как-то по-другому.

Надо обратить внимание на то, что это — звательные формы. Громкое, усиленное произношение для них обычно. Увеличение силы ударного гласного вызывает ослабление и укорачивание заударного гласного. Когда в качестве звательной формы употребляется форма именительного падежа (а это как раз в нашей речи

<sup>1</sup> Здесь и далее глава соответствующего раздела обозначается курсивной цифрой, параграф — прямой.

обычно: можно назвать не только *Петъ!*, но и *Петя!*), то гласный окончания может стать предельно кратким, даже нулевым, но в модели слова он все равно остается: хотя произносится [л'из], но фонематически это ⟨л'и́за⟩. Фонема ⟨а⟩ представлена именно звонкостью [з]; здесь [з] (а не [с]) — свидетельство, что произнесена форма ⟨л'и́за⟩. Следовательно, [з] здесь не на конце слова, а перед фонемой ⟨а⟩, реализованной нулем.

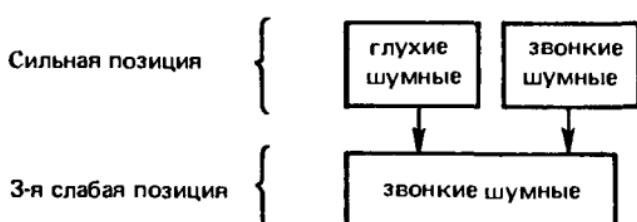
Подтверждают правильность данной трактовки такие факты. Формы *Олег!* *Лев!* *Жорж!* *Станислав!* *Невфёд!* всегда произносятся с глухими согласными в конце. Если бы звательная форма с нулевой флексией образовывалась в современном русском языке без мены звонких на глухие, то эта особенность распространялась бы и на звательные формы типа *Олег!* *Лев!* На самом деле произношение *Оле[г]!* *Ле[в]!* отсутствует. Причина одна: звонкие согласные в конце слова есть сигнал гласной, а когда гласной нет, то нет и звонкости этих согласных.

Значит, хотя произношение *Ли[з]!* *Сере[ж]!* существует, оно не говорит о том, что фонемы ⟨з⟩, ⟨ж⟩ и т. д. могут реализоваться на конце слова (когда они — последние в ряду фонем данного слова) звонкими согласными. Но они в этих формах не последние. Поэтому появление конечных звонких шумных согласных в русском произношении пока не стало реальностью. Меня звонких шумных на глухие в конце слова остается позиционной.

Чередование в 1-й и 2-й позициях такое:



Чередование в 3-й позиции такое:



## § 19. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ ФОНЕМ

Нейтрализоваться могут только согласные фонемы, парные по твердости ~ мягкости, т. е. те, которые в сильной позиции выражены звуками:

[п	[б	[ф	[в	[м	[т	[д	[с	[з	[н	[ш	[ж	[р
[п']	[б']	[ф']	[в']	[м']	[т']	[д']	[с']	[з']	[н']	[ш']	[ж']	[р']

Не могут нейтрализоваться по твердости ~ мягкости фонемы, выраженные в сильной позиции звуками ⟨ц⟩ — ⟨ч⟩ — ⟨ј⟩: им не с чем совпадать; парные по данному признаку у них отсутствуют. Не участвуют также в нейтрализации по твердости ~ мягкости фонемы ⟨л⟩ — ⟨л'⟩. Даже перед [л'] они не совпадают, ср.: *гульивый* [гул'л'ýвый] и *поллитровый* [пълл'итрóвый]. (Все остальные согласные подчиняются закону: не могут находиться рядом два согласных, различных только по признаку твердости ~ мягкости.)

Замечания требуют фонемы ⟨к⟩ — ⟨г⟩ — ⟨х⟩. Есть звуки [к] и [к'], [г] и [г'], [х] и [х']: *старик* — *старики*, *о старике*; *пирогом*, *пирогу* — *пироги*, *о пироге*; *стих* — *стихи*, *о стихе*. Они попарно принадлежат одной фонеме: [к] и [к'] = ⟨к⟩, [г] и [г'] = ⟨г⟩, [х] и [х'] = ⟨х⟩. Различия между твердыми и мягкими заднеязычными всегда обусловлены позиционно: перед гласными переднего ряда могут быть только [к'], [г'], [х']; во всех остальных позициях только [к], [г], [х].

Мягкие заднеязычные могут являться также и перед пограничным сигналом, отделяющим суффикс или флексию: *ткём*, *киоскёр*, *паникёр*. Здесь налицо сочетание не ⟨к'o⟩, а ⟨к' # o⟩, где # — знак пограничного сигнала. Мягкость [к'] и служит показателем границы двух морфем. Следовательно, в словах *кот* и *ткёт* согласные [к] и [к'] находятся не в одной позиции: ⟨кот⟩ и ⟨т<sup>2</sup>к' # от<sup>2</sup>⟩ (индекс <sup>2</sup> указывает гиперфонемы).

Поскольку твердые и мягкие заднеязычные не встречаются в одной позиции, они не представляют разных фонем.

Итак, нейтрализоваться могут только парные фонемы по твердости ~ мягкости (но не ⟨л⟩ — ⟨л'⟩<sup>1</sup>).

<sup>1</sup> Согласные ⟨л⟩ и ⟨л'⟩ сильно отличаются друг от друга по артикуляции, более значительно, чем твердые и мягкие согласные. Поэтому можно вообще не считать их парными согласными.

Есть три сильные позиции: 1) перед гласными (*мал — мял, модель — дело*); 2) на конце слова (*кон — конь, лез — лезь*); 3) перед задненёбными согласными (*банка — банька, о банке — о баньке*).

Есть три слабые позиции по твердости ~ мягкости<sup>1</sup>: 1) зубные перед мягкими зубными; 2) зубные перед мягкими шумными передненёбными; 3) зубные перед мягкими губными. В этих случаях нейтрализация происходит в мягких согласных. Во всех трех формулировках упоминаются зубные. Не надо забывать, что *⟨ц⟩*, а также *⟨л⟩ — ⟨л'⟩* в этих закономерностях не участвуют. Например, перед мягкими передненёбными совпадают (в мягких согласных) твердые и мягкие зубные, но это не касается *⟨л⟩ — ⟨л'⟩*, ср.: *колчан — кольчуга*. Пример *ползу — ползет* говорит о том, что эти согласные не соблюдают закономерность «перед мягким зубным — зубной только мягкий».

Закономерность: перед мягким зубным твердые парные зубные меняются на мягкие — прочна в современном произношении и должна строго выполняться каждым владеющим литературным языком. Произносится: *вме [с'т'] e, ne [с'н'] я, ве [з'd'] e, ра [з'н'] ица* и т. д.; произношение *вме [ст'] e, ne [сн'] я, ве [зд'] e, ра [зн'] ица* режет ухо, воспитанное на нормативной речи, и грубо нелитературно.

Слова *слева, слива, последний, ясли, злить, о козле, возле, лезли* и т. д., где зубной находится перед *[л']*, допускают два произношения: с мягким зубным — *[с'л'], [з'л']* и т. д. и с твердым — *[сл'], [зл']*. И здесь боковой зубной ведет себя не так, как другие зубные.

Рифмы *встаньте — о бант, взвесьте — о месте* совершенно точные: в первой рифме в обоих словах произносится *[н't']*, во второй — *[с't']*. Фонемный состав этих сочетаний такой: 1) в слове *встаньте* *[н']* (зубной) перед *[т']* (зубным) — позиция слабая. Поставим слово в сильную позицию: *встань*, конец слова — сильная позиция. Теперь ясно, что здесь фонема *⟨н'⟩*: *вста⟨н'⟩te*; 2) согласный *[н']* в слове *о бант* тоже представляет фонему в слабой позиции. Находим сильную позицию: *бант*. Перед твердым зубным разли-

<sup>1</sup> В действительности их больше, но наиболее частотны те, о которых говорится далее.

чаются твердые и мягкие зубные, ср.: *июньский* — *конский*. Следовательно, в слове *бант* согласный [н] в сильной позиции. Фонема здесь, ⟨н⟩: *ба⟨н⟩т*, *о ба⟨н⟩те*.

Фонемы разные: *вста⟨н⟩те* — о *ба⟨н⟩те*, звучания одинаковые. Следовательно, разные фонемы совпадают в одном звучании.

Закономерность: перед мягким шумным передненёбным твердые парные зубные меняются на парные мягкие — прочна в современном литературном произношении. Каждый должен говорить (если он владеет литературным языком): *бараба[н'ч']ик*, *бараба[н'ш']ик*, *ко[н'ч']ено*, же *[н'ш']ина* и т. д.

Под действие этого закона подпадают немногие согласные. Позиция обуславливается звуками [ч'], [ш'] (согласный [ж'] не вступает в сочетание с предшествующим зубным, т. е. нет таких слов, где было бы сочетание зубной + [ж']).

В позиции (перед [ч'], [ш']) находится... только [н']. Все остальные зубные устраниены законом, о котором говорится в следующем параграфе. Поэтому данную закономерность можно сформулировать и так: перед [ч'], [ш'] твердый [н] заменяется мягким [н'].

Формулировка проще, но она не раскрывает, что фонетическая закономерность относится не к отдельным звукам или их случайным конгломератам, а к классам звуков.

Наконец, третья закономерность: перед мягким губным твердые парные зубные меняются на мягкие — в современном произношении является позиционной у немногих людей. У большинства эта последовательность расшатана и представлена непоследовательно: произносят [з'в']ерь и [зв']ерь, и [з'в']ините и и [зв']ините, [д'в']ерь и [дв']ерь, [д'в']енадцать и [дв']енадцать, [с'в']ет и [св']ет, [с'в']яжет и [св']яжет, в и [з'б']е и в и [зб']е, ра[з'б']ить и ра[зб']ить и т. д.

Позиционную мягкость зубных согласных перед мягкими зубными отражает рифма; ср. два стихотворных отрывка:

1. Слишком я любил на этом *свете*  
Все, что душу облекает в плоть.  
Мир осинам, что, раскинув *ветви*,  
Загляделись в розовую воду.

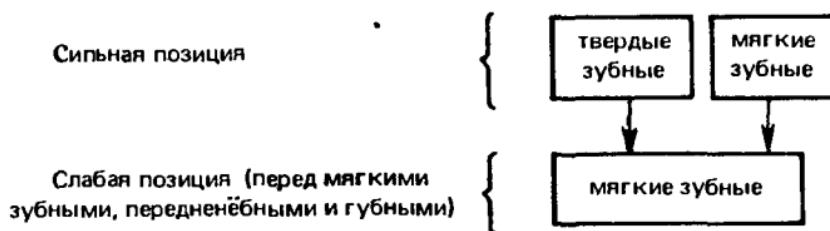
(С. А. Есенин)

2. А если  
 над умолкнувшим потоком  
 протянутая  
 засыхает ветвь —  
 то как же нам  
 в суровом и жестоком  
 молчанье  
 не застыть,  
 не помертветь?

(Н. Н. Асеев)

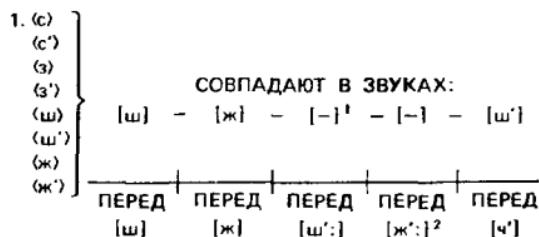
Здесь рифма требует чтения: [в'эт'ф'].

Объединяя все три нейтрализации по твердости ~ мягкости, можно представить их в виде схемы:



## § 20. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЗУБНЫХ И ПЕРЕДНЕНЁБНЫХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ

Зубные шумные — это **<с>** — **<с'>** — **<з>** — **<з'>** — **<т>** — **<т'>** — **<д>** — **<д'>** — **<ц>**. Передненёбные шумные — это **<ш>** — **<ш'>** — **<ж>** — **<ж'>** — **<ч>**. Они нейтрализуются перед передненёбными шумными. Примеры: **<сш>ить**, **ра<зш>ирить** (ср. *разогнать*, *разукрастить*), **ко<жш>вейпром** = **ко<жш>вейпром**, **<сж>ать**, **ра<зж>ать**, **ко<жж>иррест** = **ко<жж>иррест** и т. д.



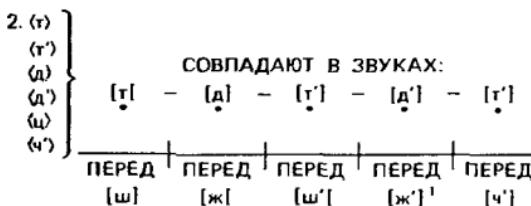
<sup>1</sup> Нуль звука.

<sup>2</sup> В конкретных словах такая нейтрализация не представлена, но поскольку фонетические законы относятся к классам звуков, то и эта нейтрализация должна считаться фонетической (хотя бы потенциальной) реальностью.

Сочетания **⟨с⟩**, **⟨з⟩** и т. д. + [ч'] на стыке приставок и корня реализуются двояко: *счистить* = [ш'ч'] *истить* и [ш':] *истить*, *исчислять* = и [ш'ч'] *ислять* и и [ш':] *ислять*. Если произносится [ш':], долгий мягкий согласный, то мена согласных идет в два такта: [с] или [з] (например, в приставках **⟨с⟩** или **⟨из⟩**) меняется по требованию следующего [ч'] на [ш']; по требованию этого [ш'] следующий согласный — [ч'] — меняется на [ш']:.

1. [с, з] + [ч'] → [ш'] + [ч'].
2. [ш'] + [ч'] → [ш'] + [ш'] = [ш':].

Во втором такте мены предшествующий согласный влияет на последующий; такое воздействие называется прогрессивы. Данный случай — единственный в русском литературном языке, когда между согласными есть прогрессивные взаимодействия. Все остальные взаимодействия (позиционные обусловленности) между согласными в русском литературном языке регрессивны: последующий согласный влияет на выбор предыдущего.



Здесь знаками [т], [д], [т'], [д'] с точкой внизу обозначены согласные взрывные передненёбные. При их произношении передняя часть языка прикасается не к зубам, как при артикуляции [т], [д], а к альвеолам, т. е. к самой передней части нёба.

Предположим, читая какой-то текст, мы нашли в нем такие слова: *лучше* (сравнительная степень от *хороший*) и *лучтие* (какое-то новообразование). Прочтем, т. е. произнесем, эти слова. На слух они не отличаются друг от друга. Разницы между ними нет. В тексте встретились такие написания: *отчаль...* (например, форма слова *отчалить*) и *оччаль* (какое-то новообразование). Попробуем произнести эти слова. В произношении они

<sup>1</sup> В конкретных словах данная реализация не представлена.

совпадают. Следовательно, различить [т'] и [ч'] в этой позиции мы не можем.

Итак, [т] и [ч] перед [ш]; [т'] и [ч'] перед [ч'] в произношении неразличимы. Почему это происходит?

Перед гласными взрывные и слитные (аффрикаты) явно отличаются: *летя...* *леча...* При этом легко можно заметить, судя по своему мускульному чувству, что у звуков [т'] и [ч'] есть общие черты: оба начинаются полным смыканием ротовых органов, за этим следует преодоление преграды напором воздушной струи. Но завершаются две артикуляции неодинаково: у [т'] последняя часть — проход воздуха через разомкнутую ротовую полость (если и есть трение, фрикция воздуха о ее «стенки», то сравнительно небольшое); у [ч'] последняя часть артикуляции — проход воздуха через узкую щель. Кроме того, само смыкание — разного места: у [т'] — передней части языка и зубов, у [ч'] — передней части языка и передней части нёба.

Почему же эти разные звуковые образования не различаются перед [ч']? Во-первых, потому, что [т'] в этой позиции сменил место своего образования: он стал передненёбным, таким же, как его «сосед справа» [ч']. Различие по месту артикуляции исчезло. Во-вторых, в позиции перед [ч'] ни у [т'], ни у [ч'] не реализуется последняя часть артикуляции. Произнесите: [ач'ч'a]... У первого согласного дана в произношении только начальная смыкательная часть артикуляции, но эта часть одинакова у [т'] и у [ч']. У них разные последующие части артикуляции, но эти-то части как раз и не реализованы. Следовательно, фонемы не различаются. Поэтому и буквосочетания тч и чч совершенно одинаково читаются и произносятся.

Следовательно, зубные и передненёбные шумные в определенных условиях нейтрализуются.

Может возникнуть сомнение: верно ли, что такая нейтрализация позиционна, т. е. осуществляется без всяких исключений, последовательно и неукоснительно? Разве нельзя произнести [с] *шисть* с ясным [с]? Можно. Но это будет противоречить языковой норме, тому, что обычно осуществляется в речи. Произношение [с] *шисть* — либо оговорка (кто-то хотел сказать *склеить*, но «на ходу» переменил намерение и после начального [с] произнес не *клеть*, а *шисть*), либо искусственное произношение, либо знак плохого владения русским языком. Оговорки, ошибки возможны в любом слове, и

они ничего не говорят о нормальном, должном произношении. Должное: [ш] шить. Нет слов, где должно было бы сочетание [с] + [ш]. Значит, чередование позиционно.

## § 21. ЧЕРЕДОВАНИЕ СОГЛАСНОЙ С НУЛЕМ

Другими словами — нейтрализация фонемы, представленной согласным нулем, и отсутствия фонемы. Здесь есть несколько случаев.

1. Сочетание фонем  $\langle\text{стн}\rangle$  и  $\langle\text{здн}\rangle$  реализуется звукосочетанием [сн], [зн]: честен — честный = че [сн] ый, звезда — звё [зн] ый.

Сравним: че [сн] ый и те [сн] ый; слышим в обоих случаях [сн], но в сильной позиции (не между [с...н]) есть различие: честен, но тесен. Значит, в словах че  $\langle\text{стн}\rangle$  ый и те  $\langle\text{сн}\rangle$  ый фонемосочетания  $\langle\text{стн}\rangle$  и  $\langle\text{сн}\rangle$  совпали по звучанию; фонема  $\langle\text{т}\rangle$ , реализованная в позиции между [с...н] нулем, совпала с... отсутствием фонемы!

Эти чередования хорошо отражают рифмы (из стихотворений Н. А. Некрасова; рифма у поэта точная): известных — чудесных, бесстрастна — прекрасна, честный — тесный, несчастной — безгласной, самовластно — прекрасна, прелестней — песней, ненастный — ясный.

Замечания требует слово бездна. Это, собственно, не одно, а два слова. 1) Бездна = много. Слово бытовой речи: У меня бездна всяких дел. Произносится: [б'энъ]. Вряд ли можно говорить, что здесь фонема  $\langle\text{д}\rangle$  представлена нулем согласного, так как связь с сочетанием без дна в настоящее время у этого слова бездна отсутствует. 2) Бездна = пропасть, ср. бездонный. Это слово поэтической лексики. В бытовой речи оно может быть только инкрустацией, вставкой из речи поэтической: И он открыл мне все бездны своего духа, все свои искания и помыслы... Нельзя сказать: «Мой-то Семен Семенович на днях свалился в бездну». Как слово поэтической лексики оно обладает особыми свойствами: произносится без [д] (по общим законам), если этого требует поэтический текст, или произносится с [д], если поэтический текст вызывает такое произношение:

Открылась без [д] на, звезд полна;  
Звезд [д] ам числа нет, без [д'] не — [д] на... (Лом.).

Звуковая организация стиха требует здесь чтения без [д] на. Но любое отклонение от нормы, которое возникает в поэтическом тексте как отклик на требование всей целостной организации этого текста, никогда не колеблет общеязыковую норму. Поэтому, независимо от того, как произносится в каждом конкретном случае *бездна* (слово поэтической лексики), чередование [д] (не между [з...н]) || [—] (между [з...н]) надо считать позиционным.

Другое подобное же чередование: сочетание ⟨нтк⟩ реализуется звуком [нк]: *студе* [нк]а, *лабора* [нк]а. Такое чередование является позиционным (т. е. представлено во всех словах с фонемосочетанием ⟨нтк⟩) лишь у некоторых лиц, владеющих литературным языком, преимущественно старшего поколения.

2. Такие слова, как *стройка*, *строю*, *строй!*, *строитель*, *строящийся* или *трамвай*, *трамваю*, *трамвайный*; или *свой*, *своя*, *свое...* явно имеют корни, оканчивающиеся фонемой ⟨j⟩; она реализуется неслоговым гласным [ү]. Но в словах *строить*, *строитель*, *строишь*; *трамваи*; *свои* никакого йота не слышно. Это потому, что фонема ⟨j⟩ в позиции после гласного перед [и] представлена нулем: *свои* = [свай] = ⟨свой⟩.

3. В словах могут быть сочетания двух одинаковых фонем, например ⟨нн⟩: *ванна* = [вáн:ъ] = ⟨ванна⟩; такие сочетания реализуются долгими, «двойными» согласными (они не обязательно в два раза длиннее кратких, обычных [н]). Но долгие согласные возможны только между гласными, один из которых (предшествующий или последующий) является ударным<sup>1</sup>. Когда же такое сочетание двух одинаковых фонем, например ⟨нн⟩, попадает в соседство с согласным, то вместо долгого звучит краткий: *финны* (с [н:]) — *финский* (с [н]); *манная* *крупа* — *манка*, *тонна* — *двухтонка* и т. д. Здесь даны примеры, где чередование отражено в орфографии, но оно существует и там, где орфография не отмечает этого чередования: *ветер* в два ба [л:]а — *двухбалльный* (с обычным кратким [л']).

Следовательно, в позиции «рядом с согласным» сочетание фонем типа ⟨нн⟩, ⟨лл⟩ и т. д. представлено кратким согласным; одна из фонем реализована нулем.

<sup>1</sup> А также на стыке приставки и корня независимо от положения по отношению к ударению, ср.: *рассыпающийся*, *оттолкнуть*, *расшалился*.

Нередко, говоря о позиционных чередованиях, употребляют глаголы подчеркнуто процессуальные: «ударный гласный [о] без ударения переходит в [а]», «звук [з] на конце слова превращается в [с]» и т. д. На самом деле налицо синхронные отношения, а не процессы. Правильные формулировки такие: [о] ударный в безударных позициях меняется на гласный [а]; звонкий согласный [з] чередуется с глухим согласным [с]...

## § 22. СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Звуки, которые позиционно чередуются, принадлежат одной и той же фонеме. Звуки, которые не находятся в отношении позиционного чередования, принадлежат разным фонемам.

Если два звука встречаются в одной позиции, они не могут находиться в позиционном чередовании. Следовательно, они, несомненно, принадлежат разным фонемам.

Как определить, сколько в русском языке согласных фонем? Надо найти позицию, где встречается наибольшее число разных согласных. Они в одной позиции — значит, представляют разные фонемы. В данной позиции их столько, что нигде, ни в какой другой позиции большего числа их не насчитать. Значит, сколько согласных звуков в этой позиции, столько в языке согласных фонем.

Самая сильная позиция в русском языке для согласных (и по глухости ~ звонкости, и по твердости ~ мягкости) — перед гласными. Посмотрим, сколько звуков встречается в положении, например, перед [о] (табл. 9).

Могут возникнуть сомнения, точно ли здесь подобраны примеры. Мы ищем согласные в одной позиции, а примеры такие: *tot* — *тёк*, т. е. в одном случае согласный перед [от], а в другом — перед [ок]. Правомерно ли такое сопоставление, не разные ли здесь позиции? Нет, наличие любых звуков после гласного не влияет на сочетаемость гласного с предшествующим согласным. Доказательство простое: если перед сочетанием [о] + α (α — любой звук или его отсутствие) встречается определенный класс звуков, то и перед сочетанием [о] + β (β — другой звук, не α) встречается этот же класс звуков. Подбор примеров это всегда покажет.

Так же доказывается, что сочетаемость гласного с предшествующим согласным не зависит от наличия ~

Таблица 9

Сочетания согласных с гласным [о]	Примеры	В позиции перед [о] представлена фонема	Сочетания согласных с гласным [о]	Примеры	В позиции перед [о] представлена фонема	Сочетания согласных с гласным [о]	Примеры	В позиции перед [о] представлена фонема
[по]	поезд	⟨п⟩	[т'о]	тёк	⟨т'⟩	[л'о]	лёд	⟨л'⟩
[п'о]	пёк	⟨п'⟩	[до]	дон	⟨д⟩	[шо]	хорошо	⟨ш⟩
[бо]	бок	⟨б⟩	[д'о]	дёготь	⟨д'⟩	[ш'о]	ещё	⟨ш'⟩
[б'о]	бёдра	⟨б'⟩	[со]	соты	⟨с⟩	[ж'о]	ожог	⟨ж'⟩
[фо]	фон	⟨ф⟩	[с'о]	весёлый	⟨с'⟩	[ж'о]	возможной	⟨ж'⟩
[ф'о]	фефёла	⟨ф'⟩	[зо]	зов	⟨з⟩	[ч'о]	плечо	⟨ч⟩
[во]	воск	⟨в⟩	[з'о]	козёл	⟨з'⟩	[ро]	рот	⟨р⟩
[в'о]	вёл	⟨в'⟩	[цо]	лицо	⟨ц⟩	[р'о]	рёв	⟨р'⟩
[мо]	мост	⟨м⟩	[но]	нос	⟨н⟩	[ю]	ёж	⟨ј⟩
[м'о]	мёрз	⟨м'⟩	[н'о]	нёс	⟨н'⟩	[ко]	кот	⟨к⟩
[то]	тот	⟨т⟩	[ло]	лом	⟨л⟩	[го]	год	⟨г⟩
						[хо]	ход	⟨х⟩

отсутствия звуков перед согласным. Итак, примеры достаточно представительны.

Сравнивая *ткёт* — *кот*, *киоскёр* — *корка*, мы могли бы прийти к выводу, что в одной позиции встречаются и [к], и [к'] ; значит, есть не только фонема ⟨к⟩, но и ⟨к'⟩. Однако интерпретация этих сочетаний, которая дана выше (см. § 19), приводит к заключению, что здесь [к] и [к'] не в одной позиции.

Есть другая точка зрения: сопоставление *ткёт* — *кот* признается вполне доказательным (при этом считается несущественным, что [к'] перед [о] всегда находится на морфемном шве); отсюда следует, что в современном русском языке есть фонемы ⟨к⟩ — ⟨к'⟩, ⟨г⟩ — ⟨г'⟩, ⟨х⟩ — ⟨х'⟩ (притом фонемы ⟨г'⟩, ⟨х'⟩ реально в словах не представлены; *берегя*, *жгя* и т. д. сейчас не факты литературного языка).

Состояние языка сейчас таково, что можно считать правомерной и ту и другую точку зрения. Пока еще нет фактов, настоятельно требующих признать существование фонем ⟨к'⟩, ⟨г'⟩, ⟨х'⟩, но уже есть факты, которые позволяют подозревать их существование. Сам язык санкционирует равновесие, равноприемлемость этих двух точек зрения.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Соотносительный ряд носовых согласных фонем по признаку «дентальность — лабиальность» [1965] // Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р. И. Фонема <н> // Там же.

Аванесов Р. И., Сидоров В. И. Система фонем русского языка [1945] // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернаций [1895] // Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

Реформатский А. А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке [1955] // Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Реформатский А. А. Слоговые согласные в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

## Глава 4

### ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

#### § 23. ЧЕРЕДОВАНИЯ ПОД УДАРЕНИЕМ

Под ударением после твердых согласных произносятся такие же гласные, как и после паузы. Сравнить: *сон* и *он* (одинаковые [o]), *шум* и *ум* (одинаковые [y]). Под ударением перед твердым согласным произносятся такие же согласные, как и перед паузой. Сравнить: *так* и *та*, *лицо* и *лицом*. Сказанное относится к реализации гласных фонем <а>, <о>, <э>, <у>. Для них позиция после твердого согласного перед твердым согласным — абсолютно сильная. Твердый согласный воздействует на них так же, как пауза, как «ничто», т. е. не влияет на реализацию этих фонем.

Мягкие же согласные, наоборот, влияют на реализацию фонем <а>, <о>, <э>, <у>. В соседстве с мягкими согласными каждая из этих фонем представлена более закрытым и более передним гласным звуком. Если мягкие согласные примыкают к гласному с обеих сторон, то влияние сильнее, с одной стороны — слабее. Например: *спать* = [спа́т'] (артикуляция [а́] сдвинута вперед и вверх, особенно значительно — в конечной части артикуляции, соседней с артикуляцией мягкого согласного); [с'п'ат] (мягкий согласный воздействует сильнее всего на начальную часть гласного); [с'п'аш'ий] (у гласного [ä] воздействие охватывает и начало, и конец, и обычно — середину артикуляции гласного).

Так ведут себя рядом с мягкими согласными ударные гласные, реализующие фонемы *⟨а⟩*, *⟨о⟩*, *⟨э⟩*, *⟨у⟩*. В этой позиции появляются вариации перечисленных фонем.

Наоборот, фонема *⟨и⟩* представлена в соседстве с мягкими согласными теми же звуками, которые встречаются рядом с паузой: *вил — ил*, *чиж — ишь*. Но после твердых согласных [и] меняется на [ы]: *избы — в [ы]збах*, *игры — раз [ы]грывать*. Последующий согласный, твердый или мягкий, на качество гласного, представляющего фонему *⟨и⟩*, заметного влияния не оказывает. Звук [ы] — вариация фонемы *⟨и⟩*.

Позиционно чередующиеся гласные [а], [‘а], [а·], [ä] представляют фонему *⟨а⟩*; позиционно чередующиеся звуки [и], [ы] — фонему *⟨и⟩*.

## § 24. ЧЕРЕДОВАНИЯ В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ. «СТАРШАЯ» НОРМА

Обозначим позиции:

в неприкрытом безударном слоге — 1;

в первом<sup>1</sup> предударном слоге после прикрывающего твердого, но не [ш] и [ж] — 2;

в первом предударном слоге после прикрывающих [ш] и [ж] — 3;

в любом безударном с прикрывающим твердым (включая [ш] и [ж]), кроме первого предударного, — 4;

в первом предударном с прикрывающим мягким или [j] — 5;

в любом безударном с прикрывающим мягким или [j], кроме первого предударного, — 6;

Позиционные чередования гласных показаны на схеме (см. с. 107).

Как видно из примеров, во всех безударных слогах нейтрализуются фонемы *⟨а⟩* — *⟨о⟩*. Такое произношение называется *аканьем*. Оно свойственно русскому литературному языку и многим диалектам.

Различение фонем *⟨а⟩* и *⟨о⟩* в безударных слогах называется *оканьем*. Оно свойственно многим дру-

<sup>1</sup> Счет безударных слогов идет от ударного:

*n e r e k a r á b k i v a j u щ i e s я*  

---

предударные      заударные

	<i>{a}</i>	<i>{o}</i>	<i>{э}</i>	<i>{и}</i>	<i>{ү}</i>
1	а а		и и		у
2	а а		ы <sup>3</sup> ы		у
3	а	ы <sup>3</sup>	ы <sup>3</sup>	ы	у
4	ъ	ъ	ъ	ы	у
5	и и	и и	и и		у
6	и и		и и		у

гим диалектам, но чуждо фонетике общеупотребительных полнозначных слов литературного языка.

Представим те же факты в табл. 10.

Таблица 10

	А	Б	В	Г	А Б В Г
<i>{a}</i>	пар пять жárко	пары пятý жарá	паровáя пятиkráтно жарковáто	вýпарить на пять вýжарить	а а ъ а и <sup>3</sup> и и а а ъ
<i>{o}</i>	гóлод нéс жéлтый	голбный несú желtéть	голодáть принесенá желтизna	вpróголодь вýнес íзжелта	о а ъ о и <sup>3</sup> и н о ы <sup>3</sup> ъ
<i>{э}</i>	свет шесть	светлéй шестой	светлотá шестъдесят	зáсветло на шесть	э и <sup>3</sup> и и э ы <sup>3</sup> ъ
<i>{и}</i>	сын пíлит жив	сынóк пилá живóй	сыновýй пилорáма живорýбныи	пáсынок вýпилить зáживо	ы ы ы и и и и ы ы ы
<i>{ү}</i>	глух люди шут	глухóй людской шутить	глуховáт людоéд шутовствó	нáглухо нéлюди вýшутить	у у у у у у у у у

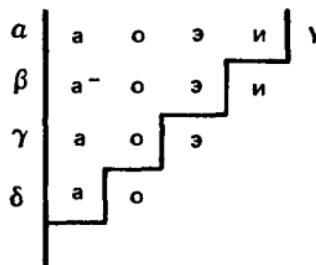
Примечание: в таблице использован ряд примеров из лекций А. Б. Шапиро.

Позиционные чередования гласных в зависимости от ударения представлены примерами — каждая фонема дается в одной и той же корневой морфеме; разница между [a] — [ä], [o] — [ö], [э] — [ë], [ү] — [ë] не учитывается.

А — позиция под ударением; Б — в первом предударном слоге; В — в непервом предударном слоге; Г — в заударном слоге.

Первая строка — после твердых (но не [ш], [ж]); вторая — после мягких; третья — после [ш], [ж].

Наиболее компактно чередование гласных можно представить так (таблица А. П. Грачева):



Фонема *⟨у⟩* не участвует в нейтрализациях: строка  $\alpha$  отделяет ее от всех остальных фонем. Фонема *⟨и⟩* нейтрализуется только в 6-й позиции; строка  $\beta$  отделяет ее на этом основании от всех остальных фонем. Фонема *⟨э⟩* нейтрализуется в позициях 3 — 6-й; нет других фонем, которые вели бы себя подобным образом. Поведение *⟨э⟩* представлено строкой  $\gamma$ . Остались фонемы *⟨а⟩* и *⟨о⟩*; обе они нейтрализуются в позициях 1 — 6-й — во всех безударных. Но все же и они отличаются позиционным поведением: в окончаниях, в заударном закрытом слоге после мягких согласных *⟨а⟩* не нейтрализуется с *⟨о⟩*. Ср.: *медвёдям* = *медве* [д'ым] = = *медве* *⟨д'ам⟩*, ср. *ослám*; но: *медвёдем* = *медве* [д'ым] = = *медве* *⟨д'ом⟩*, ср. *ослóм*. Этим *⟨а⟩* ограничивается от остальных фонем, которые в этой позиции нейтрализуются (не считая, конечно, *⟨у⟩*, которая и здесь представлена звуком [у], отдельно от остальных). Итак, мы разграничили все фонемы, каждую охарактеризовав по ее позиционному поведению.

Произношение, показанное на схеме (см. с. 107), характерно: для лиц старшего поколения; для театральной и ораторской речи; для определенных центров литературной речи (например, оно более широко распространено в речи ленинградцев старшего поколения, чем в речи москвичей того же поколения). Кроме этой нормы существует другая.

## § 25. ЧЕРЕДОВАНИЯ В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ. «МЛАДШАЯ» НОРМА

«Младшая» норма произношения безударных гласных характерна: для лиц среднего и младшего поколения; для обычной речи, бытовой или официальной (например, на работе), но не для сценической или ораторской; для некоторых центров литературной речи. Например, в Москве «младшая» норма установилась уже в конце XIX в.

Вот она:

	$\langle \text{а} \rangle$	$\langle \text{o} \rangle$	$\langle \text{э} \rangle$	$\langle \text{i} \rangle$	$\langle \text{y} \rangle$
1	а	а	э <sup>и</sup>	и	у
2	а	а	э <sup>ы</sup>	ы	у
3	э <sup>ы</sup>	э <sup>ы</sup>	э <sup>ы</sup>	ы	у
4	ъ	ъ	ъ	ы	у
5	э <sup>и</sup>	э <sup>и</sup>	э <sup>и</sup>	и	у
6	и	и	и	и	у

Отличия такие:

1. «Старшая» норма требует различения фонем  $\langle \text{а} \rangle$ ,  $\langle \text{o} \rangle$ ,  $\langle \text{э} \rangle$ , с одной стороны (они реализованы звуком [э<sup>и</sup>] в 5-й позиции), и фонемы  $\langle \text{i} \rangle$  — с другой (она в той же позиции реализована звуком [и]). «Младшая» норма все четыре фонемы реализует звуком [и]; при этом различие между 5-й и 6-й позициями исчезает; в обеих возможны только два различителя: [и], [у].

Произношение, соответствующее «старшей» норме, называется эканье. При эканье различаются: фонема  $\langle \text{i} \rangle$ , с одной стороны, и фонемы  $\langle \text{а} \rangle$ ,  $\langle \text{o} \rangle$ ,  $\langle \text{э} \rangle$  — с другой<sup>1</sup>. Речь идет о различении в первом предударном слоге, после прикрывающих мягких или [j].

Произношение, соответствующее «младшей» норме, называется йканье. При иканье во всех безударных

<sup>1</sup> Нет необходимости оговаривать, что все они не совпадают с  $\langle \text{у} \rangle$ : с  $\langle \text{у} \rangle$  не совпадает ни одна фонема.

слогах после мягких согласных не различаются фонемы *⟨а⟩*, *⟨о⟩*, *⟨э⟩*, *⟨и⟩*.

2. Другое различие между «старшой» и «младшой» нормами касается произношения *⟨а⟩* в 3-й позиции.

В «старшой» норме — *ш[э<sup>ü</sup>]гать*, *ш[э<sup>ü</sup>]ры*, *ж[э<sup>ü</sup>]ра*, *вож[э<sup>ü</sup>]ка* (род. п.)... — фонема *⟨а⟩* реализована звуком [э<sup>ü</sup>]; другой вариант этого произношения — *ш[ы<sup>³</sup>]гать*, *ш[ы<sup>³</sup>]ры* и т. д. Звук [ы<sup>³</sup>] более верхнего и более среднего положения, чем [э<sup>ü</sup>] (если [э<sup>ü</sup>] средне-переднего ряда, верхне-среднего подъема, то [ы<sup>³</sup>] — средне-средне-переднего ряда, верхне-верхне-среднего подъема).

В «младшой» норме — *ш[а]гать*, *ш[а]ры*, *ж[а]ра*, *вож[а]ка*... — фонема *⟨а⟩* реализована звуком [а].

3. По «младшой» норме нейтрализация в 5-й позиции происходит в звуке [и<sup>³</sup>], *и*-образном<sup>1</sup>. По «старшой» норме — в [э<sup>ü</sup>], *э*-образном звуке (который противопоставлен *и*-образному, реализующему фонему *⟨и⟩*).

Точно так же ряд фонем после [ш], [ж] реализуется звуком [ы<sup>³</sup>] — по законам «младшой» нормы, звуком [э<sup>ü</sup>] (э-образным) — по законам «старшой».

## § 26. СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В современном русском литературном языке в основной фонетической подсистеме, т. е. в подсистеме общепотребительных слов, существует пять гласных фонем: *⟨а⟩*, *⟨о⟩*, *⟨э⟩*, *⟨и⟩*, *⟨у⟩*. Доказательство: все они различаются под ударением, и нет позиций, где бы различалось большее число фонем.

Споры долгое время вызывали фонематическое соотношение звуков [и] || [ы]. И хотя сейчас этот вопрос потерял научную актуальность, однако полезно, в целях воспитания здоровых фонологических воззрений, рассмотреть данную проблему хотя бы вкратце.

Чередование [и] || [ы] является позиционным: после твердых согласных возможен гласный [ы] (но не [и]); не после твердых согласных — гласный [и] (но не [ы]). Формулировка «не после твердых согласных» включает три возможности: а) после мягких согласных; б) после гласных; в) после «ничего», т. е. после паузы.

<sup>1</sup> В транскрипциях можно звук [и<sup>³</sup>] («и, склоняющее к э») обозначать так: [и] — без знака ударения. Отсутствие знака ударения свидетельствует, что это [и<sup>³</sup>], т. е. гласный, «не дотянутый» до верхнего подъема.

Позиционный характер этого чередования, разумеется, не колеблют случаи типа *Ыллыгак* (топоним), ни термин *ыканье* (если бы такой термин был), ни название буквы *ы* (тоже терминология — филологическая). Хотя в этих словах гласный [ы] — начальный и поэтому возможен после паузы, в той же позиции, в которой возможен и гласный [и], но сами эти слова не могут считаться единицами общеупотребительной (нетерминологической, незаимствованной) лексики. Фонетическая система, которую мы изучаем и которая является центральной, главной в современном русском литературном языке, обобщает факты, представленные именно такой лексикой: общеупотребительной, нетерминологической, незаимствованной. В других группах лексики действуют свои фонетические законы; в них представлены особые фонетические подсистемы. Так что все эти *Ыллыгаки* для главной фонетической подсистемы не показательны.

Предположим, что действительно чередование [и] || [ы] непозиционно (доказательство «от противного»). Тогда [и] и [ы] представляют разные фонемы. Из этого вытекают такие выводы:

1. После некоторых согласных возможны не все фонемы, а только некоторые. Например, после [ч'] возможна фонема *и* и невозможна фонема *ы* (в угловые скобки *ы* поставили условно, так как проверяется гипотеза, не особая ли это фонема). Но этот случай уникален. Все остальные гласные фонемы возможны после всех согласных.

2. Склонение: *шалаши*, *шалаша*, *шалашу* ... *шалаши*; *калач*, *калача*, *калачу*... *калачи* — одно и то же, окончания тождественны. Признав [и] — [ы] разными фонемами, мы должны считать, что в формах *шалаши* — *калачи* разные окончания (*шалашы* — *калачи*); у них разный фонемный состав. Значит, эти слова имеют разные системы окончаний, значит, они принадлежат к разным склонениям. Но это противоречит тому, что все другие падежные окончания у них одинаковы: *шалаш(a)* — *калач(a)*, *шалаш(y)* — *калач(y)*...

3. Признав, что гласные [и] — [ы] представляют разные фонемы, мы должны считать, что в случаях — я [и] *ду* — он [ы] *дет*, *на* [и] *збах* — *под* [ы] *збами* происходит мена фонем. Но систематическая мена фонем в начале слова в зависимости от предыдущего слова не существует в русском языке. Такая мена должна быть

прописана только фонемам ⟨и⟩ — ⟨ы⟩, т. е. является исключением.

4. В русском стихе обычны рифмы: *дым* — *сидим*, *большими* — *твоими* и т. д., т. е. рифма признает звуки [и] — [ы] эквивалентными. Если эти гласные представляют разные фонемы, то случай опять исключителен; точная, классическая рифма не допускает рифменного отождествления разных фонем. Например, нет традиции рифмовать [о] || [а] (*потом* — *котам*)<sup>1</sup>. Как видно, принятие разнофонемности [и] — [ы] приводит к нагромождению исключений.

5. Сравним: *лист* — *листик*. Кажется, что фонема ⟨и⟩ (не ⟨ы⟩) потребовала, чтобы твердый согласный [т] сменился на мягкий [т'] — в целях ограничить себя, фонему ⟨и⟩, от ⟨ы⟩. Как будто гласные фонемы вызывают меню перед собой согласных. Но *карандаш* — *карандашик*, *корж* — *коржик* разрушает эту иллюзию: оказывается, данный суффикс вовсе не против того, чтобы его начальному гласному предшествовал твердый. Признав, что [и] — [ы] представляют разные фонемы, мы должны были бы считать, что в словах *карандашик* и *листик*, *коржик* и *ключик* два разных, хотя и синонимичных суффикса: ⟨ик⟩ и ⟨ык⟩. Так же удваются все другие суффиксы, начинающиеся на *и*. В других случаях, когда суффикс не начинается на *и*, нет такого «удвоения»; поэтому лучше считать, что и суффикс *-ик* в словах *карандашик* и *листик* один и тот же. Но тогда надо отказаться от предположения, что [и] — [ы] представляют разные фонемы. (В случаях *лист* — *листик* мена [т] — [т'] не фонетическая, а грамматическая, меняются не варианты одной фонемы, а разные согласные фонемы: *лис⟨т⟩* — *лис⟨т'⟩ик*.)

Проверяя ложное предположение, что ⟨ы⟩ — «фонема», мы снова смогли убедиться, что язык — система: неверное истолкование фонетических фактов на одном ее участке ведет за собой цепь нелепых выводов, касающихся не только области фонетики, но и морфологии, словаобразования, поэтики.

Почему возникло ошибочное желание считать [ы] реализатором особой фонемы? Л. В. Щерба, признав,

<sup>1</sup> Такая рифма называется консонаисом и встречается у немногих поэтов (В. Хлебников, И. Северянин, В. Маяковский, В. Шершеневич, П. Антокольский) как особый поэтический прием. Рифмовать же [и] — [ы] общеприято.

что [и] — [ы] чередуются позиционно, добавляет: «Но что-то мешает признать [и] и [ы] одной фонемой». Что именно?

Большинство гласных между твердыми согласными произносятся так же, как между «ничем», т. е. твердый согласный действует так же, как пауза. Произнести гласный между твердыми — значит произнести тот же гласный, который обычен между паузами. И, конечно, наоборот: произнести гласный между паузами — значит сказать то, что говорится между твердыми согласными. Перепишем последнее утверждение так: изолировать гласный, выделить его — значит произнести тот гласный, который находится между твердыми согласными. Это, как видно, определено самим законом русского языка. Все гласные, кроме [и] — [ы], подчиняются этому закону, закону равенства двух гласных в позиции между твердыми согласными и в позиции рядом с паузами. Поэтому мы легко выделяем, изолируем гласные [а], [о], [э], [у]. Напротив, гласные [ä], [ö], [ë], [ü] отдельно произнести, изолировать можно только после особой фонетической выучки.

Итак, на основе фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩, ⟨у⟩ создается навык, привычка; умение (у людей, чей родной язык — русский) выделять гласные, изолировать их от «твердого» согласного окружения, произносить в одиночку. Этот навык переносится и на [ы]: поэтому гласный [ы] тоже легко выделяется из окружения. Так сформировалось умение изолировать [ы]. Для Л. В. Щербы такое умение было очень важным признаком фонемной самостоятельности данного звука. Сейчас мы судим по-другому. Фонема не есть то, что легко выделяется. Определения фонемы в современной науке — другие.

Итак, понятно, почему возникает мысль о том, что [ы] — особая фонема. Понятно и то, что это неверная мысль.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Система фонем русского языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Гловинская М. Я. Об одиой фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Кузнецова А. М. Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

*Кузьмина С. М.* О фонетике заударных флексий // *Развитие фонетики современного русского литературного языка*. М., 1966.

*Оливериус З. Ф.* Фонетика русского языка. Praha, 1974.

*Пауфошима Р. Ф.* Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1980. № 1.

## Глава 5

### СОЧЕТАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

#### § 27. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКА

Слова *сон* и *тон* различаются только согласными [с] и [т] (речь идет не о значении этих слов, а о звучании). Но [с] и [т] — звуки, у которых много общих признаков. Не общий только один — способ артикуляции: [с] — щелевой, а [т] — взрывной. Поэтому можно сказать и так: слова *сон* и *тон* отличаются только признаками щелевой ~ взрывной первого согласного. Значит, у звуков есть такие признаки, которые нужны для различия слов.

У согласного [с] в слове *сон* различительным является также признак «зубной»: есть слово *фон*; [с] и [ф] отличаются лишь местом образования. Различительную роль у этого согласного играет и глухость, так как есть слово *зов* [зоф], в котором [з] находится в той же позиции — перед [о], что и [с] в слове *сон*; значит, в этой позиции возможны и [с], и [з], у них отличие одно: по глухости ~ звонкости. Можно найти «минимальную пару» слов для [с] — [з], все отличие которых будет только в этих согласных: *сов* (род. п. мн. ч.) — *зов*, *суп* — *зуб* [зуп] и т. д.

Твердость [с] в слове *сон* тоже различительна. Есть слова *сёла*, *поросёнок*, *припасён...* Везде перед [о] согласный [с']. Значит, перед [о] возможны [с] и [с'].

Если в позиции перед [о] согласный [с] противостоит

[т] — значит, щелевая артикуляция [с] различительна;

[ф] — значит, признак места артикуляции различителен;

[з] — значит, глухость [с] различительна;

[с'] — значит, твердость [с] различительна.

Согласный [с] в слове *сон* обладает еще одним качеством: он лабиализованный (см. 1, 6). Но этот при-

нак нельзя считать различительным. В русском языке перед [o], [y], лабиализованными гласными, согласные всегда лабиализованы. Нет противопоставления [c] — [c<sup>o</sup>] перед [o]; в этой позиции возможен только [c<sup>o</sup>]. Раз нет противопоставлений, значит, лабиализованность — признак несущественный. В функциональную характеристику он не входит. Утверждая это, мы следуем известной формуле: если  $A \subset B$ , то  $B$  — несамостоятельная (функционально незначимая) единица в системе языка.

Функциональная характеристика согласного [c] в слове *сон* такая: щелевой, зубной, глухой, твердый; в нее вошли только различительные признаки.

Согласный [c] в словоформе *нос* имеет иную характеристику, так как позиция другая: конец слова. В этой позиции согласный [c] входит в такие противопоставления: [нос] и [нот] (род. п. мн. ч. от слова *нота*) — различие в [c] и [t], значит, щелевой характер артикуляции у [c] функционально существен. Есть [нос] и [нош] (*нож*) — существенно место артикуляции. Есть далее [нос] и [брос'], где различаются [c] и [c'], значит, твердость [c] функционально существенна. Других противопоставлений нет. На конце слова [c] и [з] не противопоставлены: в этой позиции не может быть звонкого [з]. Следовательно, глухость [c] в этой позиции не различительный признак, он функционально несуществен.

И здесь действует закон: если  $A \subset B$ , то: только  $A$ . Предположим, что  $A$  равно совокупности признаков «щелевой, зубной, твердый».  $B$  — «глухой». Можно ли сказать, что  $A \subset B$ ? Если эта совокупность признаков (= A) «обнаруживается» перед гласным, то четвертым признаком может быть и «глухой» (сочетание [co]), и «звонкий» (сочетание [зо]), т. е.  $A$  не требует, чтобы непременно было  $B$  (напоминаем:  $B$  — глухость). На конце слова та же совокупность признаков (= A) неукоснительно требует, чтобы была глухость (= B), ее не может не быть на конце слова у щелевого (щелевые, мы знаем, шумные). Здесь осуществляется закон: если  $A \subset B$ , то системой учитывается только  $A$ .

Сопоставим характеристики согласного [c] в словоформах *сон* и *нос*:

[c]<sub>1</sub> — щелевой, зубной, твердый, глухой; [c]<sub>2</sub> — щелевой, зубной, твердый. У этих двух согласных разный набор различительных (функционально существен-

ных) признаков. У них разная функциональная характеристика.

В слове *разбавить* у согласного [з] (позиция — перед [б]) такая функциональная характеристика: щелевой, зубной, твердый. Есть противопоставления: [з] — [д] (*отбавить*), [з] — [в] (*вбок*, нареч.), [з] — [з'] (*резьба*). Звонкость неразличительна: перед [б] глухие шумные невозможны.

Итак, два разных звука: [с] и [з] — имеют (в определенных позициях) одну и ту же функциональную характеристику. Следовательно, функционально они тождественны. Поэтому было бы естественно их объединить и объединенной целостности присвоить особое наименование.

Будем ряд звуков, имеющих одинаковую функциональную характеристику, называть словом дифференциатор. Так, звуки [с] (на конце слова), [з] (перед звонкими согласными) представляют один и тот же дифференциатор.

Почему эти звуки — один и тот же дифференциатор, почему не разные? «Один и тот же» потому, что они в отношении друг друга не могут выполнять дифференцирующую, различительную роль. А разные дифференциаторы тем и характеризуются, что они могут различать разные слова.

Когда у двух фонетических единиц один набор различительных признаков, то это означает, что у них нет возможности (в отношении друг друга) быть различителями. Их различительные способности совпадают. Наоборот, если две фонетические единицы имеют разный набор различительных признаков, то они выступают как полноценные дифференциаторы. Например, у [с] и [т] перед гласным разные характеристики: [с] — зубной, щелевой, твердый, глухой; [т] — зубной, взрывной, твердый, глухой. И они могут различать слова: *нóсу* — *нóту*, *сон* — *тон*, *коса* — *кота* и т. д.

Набор дифференциаторов в языке устанавливается путем определения функциональных характеристик. Сколько характеристик (включающих только различительные признаки) — столько в языке и дифференциаторов. Принадлежность к той или иной фонеме не определяет характеристику дифференциаторов. Иными словами, дифференциаторы являются самостоятельными единицами относительно фонем, они не тождественны фонемам.

## § 28. СОЧЕТАНИЯ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ

Звуки не только чередуются, они могут сочетаться. Законы чередования и законы сочетания звуковых единиц дают полную картину их функционирования.

Законы сочетания звуков наиболее адекватно могут быть представлены с помощью дифференциаторов, путем обращения к различительным признакам звуков.

Перечислим законы сочетания двух согласных и покажем, что их надо формулировать на основе понятия дифференциаторов.

1. Перед глухим шумным может быть шумный только глухой.

2. Перед звонким шумным (кроме [в] — [в']) может быть шумный только звонкий.

Оба закона объединяются так: перед согласным (кроме [в] — [в']) может быть согласный только без признаков глухости ~ звонкости. Имеются в виду функционально существенные признаки.

Нет необходимости упоминать о том, что речь идет о шумных. Новая формулировка включает и сonorные, поскольку у них признак звонкости — функционально несущественный. Покажем это на схеме:

[с]	+	[т]	+	[а] ... (стать)
—		глухой		
твердый		твердый		
щелевой		взрывной		
зубной		зубной		
[з]	+	[д]	+	[а] ... (сдать)
—		звуковой		
твердый		твердый		
щелевой		взрывной		
зубной		зубной		
[л']	+	[д]	+	[а] ... (льда, род. п.)
—		звуковой		
мягкий		твердый		
боковой		взрывной		
зубной		зубной		

Формулировка фонетической закономерности в терминах различительных признаков (или дифференциаторов, поскольку дифференциаторы — совокупности различительных признаков) позволяет все три случая подвести под один закон: и у шумных (глухих и звонких), и у сonorных перед шумными (но не перед [в] — [в']) в

данной позиции признак звонкости ~ глухости не функционален.

3. Перед паузой не может быть звонкого шумного. Проще: перед паузой согласный не имеет признака глухость ~ звонкость. Проще потому, что включает сонорные; незачем отделять от них шумные согласные.

4. Перед слитным согласным (аффрикатой) не может быть взрывного того же места образования. Иначе говоря, сочетания [тц] и [цц] не противопоставлены: оба реально дают [ц:]; не противопоставлены и [тч'] — [ч'ч']: оба реально дают [ч':].

Чтобы сформулировать этот закон в терминах дифференциаторов (т. е. упоминая релевантные признаки), надо обратиться к акустической классификации. Перед резким может быть высокий прерванный только без признака резкость ~ нерезкость (ср. 1, 6).

5. Перед шумными шипящими могут быть шумные шипящие и не может быть свистящих.

Опять прибегнем к акустической классификации. Перед высокими компактными могут быть высокие только без признака диффузность ~ компактность. Закон относится к невокальным (т. е. к шумным) согласным.

Сравним:

[с]	+	[ш]		[ш]	+	[ш]
высокий диффузный		высокий компактный		высокий компактный		высокий компактный

Левое сочетание в языке запрещено (т. е. в естественной речи не говорят [сш] *ить*, и [зж] *арить*). Следовательно, у первого звука снято противопоставление признаков диффузный ~ компактный. Об этом и говорит наша формулировка.

Можно ли сформулировать этот закон с помощью артикуляционной терминологии? Попробуем. Напомним, что традиционная артикуляционная терминология (и стоящая за ней классификация) — недихотомична.

В позиции, о которой идет речь, т. е. в положении перед [ш], [ж], [ч'] возможны передненёбные и незаконные зубные. Поэтому нет противопоставления [ш] — [с], [ж] — [з], [ч'] — [ц]. Эти пары звуков отличаются только местом артикуляции. Снято их противопоставление — значит, снят признак места артикуляции. Вот чисто артикуляционная формулировка!

Она неверна. В этой позиции нет противопоставления передненёбных и зубных, но есть противопоставление передненёбных и губных, ср.: *сжать* = [жжат'] и *вжать* = [вжат'], есть противопоставление передненёбных и задненёбных: *высший* и *засохший* с сочетаниями [шш] и [хш]. Противопоставлены звуки, которые отличаются только местом артикуляции: [ш] — [х] — [ф]. Поэтому

у передненёбных в этой позиции нельзя считать незначимым признаком место артикуляции. А в таком случае никак не отражено, что в этой позиции нет различия [ш] — [с], [ж] — [з], [ч'] — [ц]. Попытка не удалась.

Не сформулировать ли закон так: перед передненёбными согласными (это указание на позицию) снят, не значим у передненёбных зычных согласных признак места артикуляции. Поскольку переднеязычные — это только зубные и передненёбные, постольку речь не идет о [ф] и [х]. Мы их отстранили. Но формулировка нехороша: мы говорим, что признак места артикуляции не значим, но сами согласные, для которых он не значим, выделили по признаку места артикуляции.

Итак, артикуляционная терминология ведет нас к выводу, что признак места артикуляции в данном случае значим и не значим. Нам мешает недихотомичность общепринятой артикуляционной классификации. Акустическая классификация диахотомична: она имеет дело не с рядом [с] — [ш] — [х] — [ф], а с парами: [ш] — [с], [ш] — [х], [ш] — [ф]. Первая пара нейтрализована.

6. Перед мягкими зубными зубные могут быть только мягкими.

7. Перед мягкими губными зубные могут быть только мягкими.

Общий закон в терминах дифференциаторов: перед диезными (мягкими) диффузными высокие диффузные не имеют признака диезности ~ недиезности.

8. Перед шумными мягкими переднеязычными зубные могут быть только мягкими.

Значит: перед диезными невокальными компактными высокими высокие диффузные не имеют признака диезность ~ недиезность (*барабанчик, барабанщик*).

9. Перед резкими вокальными (т. е. перед [р], [р']) все консонантные не имеют признака диезность ~ недиезность. Есть сочетания [тр], [тр'], [др], [др'], [ср], [ср'], [зр], [зр']. Но нет сочетаний [т'р], [т'р'] и т. д.

Акустические формулировки в некоторых случаях позволяют обобщить законы в один более широкий закон и — еще более важно — позволяют более точно, чем артикуляционные формулировки, сформулировать сам закон сочетания. (Это всегда связано с преодолением недихотомичности артикуляционной классификации.)

В большинстве случаев законы сочетаемости звуков выводимы из законов их чередования (так в русском языке, но это верно не для всех языков). Например, перед глухими согласными звонкие меняются на глухие (закон чередования), следовательно, перед глухими невозможны звонкие, т. е. звонкие не сочетаются со следующими глухими (закон сочетания). Однако надо

подчеркнуть: в большинстве случаев, но не всегда. Например, запрещенность сочетаний [т'р] и под. из законов чередований невыводима. Нет таких чередований, когда бы позиционно менялось [т'] на [т] перед [р].

Почему же в области сочетаний звуков устанавливается такая закономерность? Может быть, простая случайность — отсутствие сочетания [т'р]? Оно лексически не представлено, нет словесного материала, в котором оно проявилось, но, может быть, фонетически возможно?

Нет, сочетание [т'р] именно фонетически невозмож-но (в той фонетической системе, которая нами изучается). Запрещен в положении перед [р], [р'] (перед классом дрожащих) не один звук [т'], а все мягкие зубные (= диезные высокие диффузные). Не звук, а класс звуков. Фонетические законы сочетаемости имеют дело именно с классами, и доказательство законосообразности поведения того или иного звука именно в том, что он выступает как представитель класса.

## § 29. СРАВНЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАТОРОВ И ФОНЕМ

Главная задача фонемы — не различать, а отождествлять. Она это и делает, утверждая, что, например, в словах *полет* — *летать* — *вылет* — *летчик* один и тот же корень, так как один и тот же состав фонем в этом корне<sup>1</sup>.

Фонема хорошо отождествляет, а разграничивает в тех пределах, которые не мешают отождествлять.

Дифференциатор разграничивает. Это — его основное дело. Дифференциаторы выводятся из совокупности оппозиций (противопоставлений), а оппозиция — это и есть разграничение. Дифференциаторы умеют и отождествлять, но плохо: в тех пределах, которые положены им основным назначением — различать слова.

Например: *нёс* — *несу*. Корень один. Фонемный анализ покажет, что один: [н'ос] — [н'ису], чередование [ó] || [и] позиционно, следовательно: ⟨н'ос⟩ — ⟨н'осу⟩. А состав дифференциаторов бессилен схватить это

<sup>1</sup> Поэтому фонему — ту, которая описана в данном учебнике — можно было бы назвать идентификатором, в параллель с дифференциатором: идентификаторы отождествляют, идентифицируют языковые единицы.

единство. Гласные ударный [ó] и безударный [и] имеют разные функциональные характеристики, эти звуки нельзя отождествить как реализации одного и того же дифференциатора.

Хорошо ли, что дифференциаторы не обобщают эти [ó] и [и]? Хорошо. У этих единиц разная сила различения: ударный гласный [ó] противопоставлен гласным [á], [é], [í], [ú]. А гласный [и] (безударный) после мягких согласных противопоставлен только безударному [у]. Функциональная характеристика [и]: гласный нелабиализованный (этой констатации вполне достаточно, чтобы отличить [и] от [у] в данной позиции). Характеристики — разные, их обобщить нельзя. И надо снова подчеркнуть: это хорошо, это раскрывает природу дифференциаторов. *Она красива и мила*, ср. *мил.* — *Цветные крандаши и мела*; ср. *мел.* — *Он мёл, и она мела...* Произносятся одинаково: [м'илá].

Фонемный анализ разграничит: у одного слова [м'илá] ряд чередований ведет к ударному [í], у другого — к ударному [é], у третьего — к ударному [ó]. А разные ряды чередований — это разные фонемы. Но разные ли функциональные характеристики? Нет, одна и та же (в этой позиции [и] противопоставлен только [у]). Значит, дифференциаторы не различают эти три [и] в трех словах. Хорошо это или плохо? Хорошо. Раз система противопоставлений у любого [и] в безударных слогах одинакова, то дифференциаторы обязаны это отразить; и они это делают. Они отражают различительную силу у этих [и] (в трех наших словах) и справедливо указывают, что она во всех трех случаях одинакова.

Итак, и фонемы, и дифференциаторы — единицы функциональные, но разные. Одна (фонема) воплощает в себе функцию отождествления языковых единиц, другая (дифференциатор) — функцию разграничения их.

Если фонемой называть всякую функциональную фонетическую единицу, то дифференциатор тоже заслуживает имени *фонема*. Под таким именем и исследовались дифференциаторы учеными Пражской лингвистической школы, основоположниками теории дифференциаторов. Особенно много сделали для изучения русской фонетической системы дифференциаторов Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон.

В 1956 г. Р. И. Аванесов сделал попытку объединить пражскую и московскую теории фонем (см. его работу «Фонетика современного русского литературного языка»).

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Пражская» теория фонем (дифференциаторов):

Дюрович Л. Фонематическая интерпретация русского безударного вокализма // Ceskoslovenská rusistika. 1963. № 4.

Матезиус В. Задачи сравнительной фонологии [1947] // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Оливериус З. Ф. Фонетика русского языка. Praha, 1974.

Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Избр. труды. М., 1988.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 7—22, 38—46, 73—96.

Поиски синтеза «московской» и «пражской» теории фонем:

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Горшкова К. В. Фонетика // Горшкова К. В. и др. Современный русский язык: Часть 1. Вильнюс, 1985.

Касаткин Л. Л. Фонетика // Современный русский литературий язык/Под ред. П. А. Леканта. М., 1988.

Лешка О. Фонетика // Грамматика русского языка. Прага, 1979.

Иванов В. В. Парадигматические и синтагматические отношения в фонологической системе русского языка // Современный русский язык: Теоретический курс: В 4 т. М., 1985. Т. 1: Фонетика.

## Глава 6 ОРФОЭПИЯ

### § 30. ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

Литературный язык оберегает свое единство, свою целостность.

Почему же существует варьирование литературных норм, в том числе произносительных? Почему литературный язык терпит, что одно и то же слово, одну и ту же грамматическую форму можно произносить по-разному и различия нередко значительны?

1. Язык постоянно изменяется. Изменения его не хаотичны: они подчиняются законам. В русском литературном языке в течение длительного времени (которое измеряется веками) действовал такой закон: различительная способность гласных уменьшается, различительная способность согласных возрастает. Множество частных фонетических изменений отвечало этому общему закону (его открыл И. А. Бодуэн де Куртенэ, поэтому он называется «законом Бодуэна»).

Возьмем, например, «младшую» и «старшую» нормы в произношении гласных (см. 4, 24, 25). «Младшей» норме свойственно «иканье», т. е. неразличение фонем 〈э〉 — 〈и〉 в определенных позициях, а «старшей» — «эканье», т. е. различие этих фонем в тех же позициях. Значит, «младшая» норма не различает гласные там, где «старшая» их различает. Переход от «старшей» нормы к «младшой» — это переход к меньшей различительной силе гласных. Многие другие факты говорят о том, что такое изменение вокализма характерно для русского языка в течение многих столетий.

Сочетание твердых и мягких согласных еще в начале нашего века подчинялось таким закономерностям: 1) перед йотом могли быть только мягкие парные согласные; 2) перед мягкими губными — губные только мягкие; 3) перед мягкими губными — зубные только мягкие. Закономерность была прочной, устойчивой, ее отметили многие наблюдатели.

Сейчас эти закономерности сильно поколеблены. Они сохраняются в речи только самого старшего поколения. В речи более молодого поколения перед йотом могут быть и твердые согласные (в одних словах), и мягкие (в других словах): *подъём* — обычно с [д], но *адъютант* с [д'] и т. д. Перед мягкими губными теперь чаще произносят в одних словах мягкие губные (*дождь ли [в'] мя льет*), в других — твердые губные (*со [в] местно*). Это же относится и к сочетаниям зубных с мягкими губными.

Все эти случаи можно обобщить так: «старшая» норма требует нейтрализации, неразличения некоторых согласных в определенных позициях, «младшая» не требует нейтрализации, т. е. позволяет согласным различаться в тех же позициях. Например, раньше было допустимо сочетание [в'м'] и недопустимо [вм'], теперь допустимы оба — в одних словах предпочтительно [в'м'], в других — [вм'] (т. е. перед [м'] стали различительны [в] — [в']). Различительная сила согласных увеличивается. Многие другие факты говорят о том, что изменение консонантизма в этом направлении характерно для русского языка в течение многих столетий.

Итак, существуют законы фонетических изменений; они определяют судьбу звуковых единиц в диахронии, в историческом самодвижении языка.

В синхронии в пределах современного языка эта изменчивость дана как сосуществование двух норм —

«старшей» и «младшей», — как их соотношение, связь: есть законы перевода одного произносительного варианта в соответствующий ему другой (т. е. если он говорит [з'в'] *езды*, я говорю [зв'] *езды*, если он говорит [з'в'] *ерь*, то я — [зв'] *ерь*, и т. д.). Соответствия регулярны. Эквивалентные соответствия, возникшие в процессе истории языка, в современную эпоху предстают как произносительные варианты. Сам процесс общения, обмена речами свидетельствует об их равенстве: его [з'в'] *езды* и мое [зв'] *езды* — одно и то же слово.

Итак, первая причина возникновения синхронных произносительных вариантов — история языка.

2. Литературный язык существует в соседстве с диалектами. Литературные и диалектные нормы взаимодействуют. В городе, который окружен окающей областью, будет чувствоватьться влияние оканья. В последние десятилетия воздействие диалектов на литературные произносительные нормы усилилось и ослабло. Усилилось — потому что среднее образование становится всеобщим, контингент культурных людей широко пополняется теми, кто вырос в диалектных условиях и в детстве владел только диалектной речью. В их литературное произношение проскальзывают диалектные черты.

С другой стороны, возросло и укрепилось мнение, что литературный язык — большая культурная ценность, что им надо овладеть полностью. Поэтому диалектные произносительные особенности (в речи людей, в общем говорящих литературно) сохраняются непоследовательно, «стыдливо»: они постоянно перебиваются произношением чисто литературным. И маловероятно, чтобы какая-нибудь диалектная норма в наше время имела перспективу в литературном языке, могла значительно потеснить установившуюся норму.

3. На произношение влияет письмо. Произношение и письмо — две координированные, связанные друг с другом системы; если есть между ними частные случаи несоответствия, дискоординации, то возможно влияние одной системы на другую, чтобы преодолеть эту дискоординацию.

Из двух произносительных вариантов: [х] *то* || [к] *то*, *бли* [с'] (предлог *близ*) || *бли* [с], *войло* [ш] *ный* || *войло* [ч'] *ный*, *хо* [д'у] *т*, *ви* [д'у] *т*, *про* [с'у] *т* || *хо* [д'ъ] *т*, *ви* [д'ъ] *т*, *про* [с'ъ] *т* и т. д. — второй порожден влиянием письма. Таких случаев немало. Они относятся к про-

изношению отдельных слов или отдельных грамматических форм.

Влияние письма на произношение часто преувеличивают. Например, говорят, что произношение твердых губных и зубных согласных перед мягкими губными ([вм'] *есто*, о[бм'] *ен*, [зв'] *ерь*, [дв'] *ерь*) возникло под влиянием письма. Действительно, в словах *вместо*, *обмен*, *зверь*, *дверь* (и других) мягкий знак между согласными не пишется. Но он не пишется и в словах *гости*, *месть*, *степь*, *везде*, *уздечка*, *раздеть*, *возня*, *разница*, *разнять*; *кончить*, *стаканчик*, *пончик*, *женищина*, *барабанщик*, *казенщина*. В этих случаях мягкость в сочетаниях согласных (зубной + зубной, зубной + передненёбный) оказывается прочной и неколебимой, а мягкий знак — не пишется! Почему же письмо влияет на сочетания «зубной или губной + губной» и не влияет на сочетания «зубной + зубной»?

Объяснить это различие можно так: твердость появляется в одних фонетических сочетаниях и не появляется в других, значит, она обусловлена фонетически, а не влиянием письма. Действие закона Бодуэна, охватывая разные звуковые сочетания, остановилось перед сочетанием «зубной + зубной согласный»; будет ли охвачено и оно действием этого закона, покажет будущее. Но письмо здесь ни при чем.

Письмо может влиять на произношение отдельных слов и грамматических форм, когда это влияние не затрагивает фонетической системы. Говорили [х] *то* (и *ко [х]ти*, *но [х]ти* и т. д.), стали говорить [к] *то* (и *но [к]ти*, *ко [к]ти*). Но языковая система русского языка допускает сочетание [хт] (*вахта*, *бухта*) и сочетание [кт] (*доктор*, *трактор*). Переход от произношения [х] *то* к произношению [к] *то* не вводит нового, ранее неизвестного и фонетически запрещенного сочетания, не вводит нового типа чередования — с точки зрения фонетической системы это новшество безразлично.

Письмо не может действовать наперекор фонетической системе, законам ее движения. Оно должно либо помогать ей (содействуя Бодуэнову закону, который проявляется не только в тех случаях, когда есть помощь письма), либо, по крайней мере, быть нейтральным.

Теоретики-орфоэписты 20-х годов (С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, В. И. Чернышев, П. Я. Черных) преувеличивали влияние письма на произносительную сис-

тему русского языка. Факты языка требуют оценить это влияние более сдержанно.

Мы рассмотрели основные источники появления произносительных вариантов. Все три случая можно обобщить одной формулой: это взаимодействие разных языковых систем — или двух этапов в развитии языка, или литературной и диалектной, или устной (произносительной) и письменной.

Если в литературном языке появляются новые варианты, то надо решить, что с ними делать: признать ли оба равноправными (или один желательным, а другой допустимым); считать ли только один из них приемлемым в литературной речи, а другой преследовать и изгонять, или может быть, узаконить их использование в разных сферах речевого общения.

Мы остановимся далее на тех случаях, когда приемлемы оба варианта произношения (оба, потому что орфоэпических вариантов обычно два и только изредка три или больше).

Советы орфоэпии необходимы в таких случаях: 1) если фонема во всех позициях имеет произносительные варианты (это относится к фонемам *⟨ж’⟩*, *⟨ж’’⟩*); 2) если фонема в некоторых позициях имеет произносительные варианты; 3) если определенные грамматические формы имеют варианты, в том или ином отношении фонетически обусловленные; 4) если письмо толкает к неправильному произношению отдельных слов.

Значит, объектами орфоэпического внимания могут быть фонемы, фонемы в определенных позициях, грамматические формы и отдельные слова.

### § 31. ОРФОЭПИЯ ФОНЕМ *⟨Ж’⟩* И *⟨Ш’⟩*

1. Фонема *⟨ж’⟩* встречается в немногих словах (иногда в одной или нескольких формах слова): *дрожжи*, *вожжи*, *визжать*, *брюзжать*, *жуужжать*, *дребезжать*, *еэжу*, *сожженный*, *жжет*, *брызжет*, *брэжжить*, *позже*, *взгромозжу*, *размозжу*, *можжевельник*. Фонема *⟨ж’’⟩* может произноситься двояко: либо как [ж’:] (долгий мягкий передненёбный звонкий щелевой), либо как [ж:] (в отличие от первого — твердый согласный, но тоже долгий).

О произношении *дро* [ж’:] и, с мягким долгим согласным, давно уже говорят, что оно вытесняется (почти полностью вытеснено) произношением твердого [ж:].

На самом деле это не так. Частота произношения [ж'] колеблется в разных словах очень широко, но в некоторых из них явно преобладает [ж':]. Обследование русского произношения в 60-е годы дало такие результаты. Все информанты были разделены на три группы в зависимости от года рождения: I — лица 1870—1909 гг., II — лица 1910—1929 гг., III — лица 1930—1949 гг. Указано (в %), сколько информантов произносят данное слово с мягким [ж']:.

	I	II	III
брязжет	72	61	54
брюзжать	70	53	37
визжать	83	68	47
дребезжать	80	63	44
дрожжи	84	78	69
езжу	76	50	29
размозжить	74	56	34
позже	67	50	31

Как видно, произношение [ж'] убывает от поколения к поколению, но в целом остается достаточно высоким. Если взять суммарно все поколения, то у многих слов частота произношения с [ж'] окажется выше 50 %.

В сценической речи господствует [ж':]. В поэтической речи тоже распространено такое произношение. А. Вознесенский, читая свои стихи, произносит <sup>1</sup>: *проезжей* («Лонжумо»), *брежит* («Осень»), *выжженые* («Мастера»), *разожжены* («Потерянная баллада»), *обожжены* («Тишины!») — последовательно с [ж':].

Обе нормы — с [ж'] и [ж:] — в современном русском литературном языке надо считать равноправными.

2. Фонема <ш’> тоже имеет две реализации: *и*[ш’:]*у* или *и*[ш’ч]*у*, *товари*[ш’:] или *товари*[ш’ч']. Утверждение, что произношение <ш’> = [ш’:] исчезает и скоро будет вытеснено произношением <ш’> = [ш’ч'], оказалось, мягко говоря, преждевременным. Массовое обследование произношения показало, что примерно в 85—100 % (в разных словах) случаях господствует произношение с [ш’:].

Произношение *и*[ш’:]*у* надо считать рекомендуемым, *и*[ш’ч]*у* — допустимым.

<sup>1</sup> Запись на грампластинке.

## § 32. ОРФОЭПИЯ ФОНЕМ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПОЗИЦИЯХ

1. В современном русском языке существуют йканье и ёканье (см. 4, 25). В бытовой речи господствует йканье, на сцене — равенство обеих норм.

2. О произношении *ш [а]ры* — *ш [ы<sup>3</sup>]ры* уже говорилось (см. 4, 24, 25). Обе нормы равноправны. Бытовая речь склоняется к *ш [а]ры* (но это верно не для всех слов), сценическая и, может быть, поэтическая речь (больше, чем бытовая) склонны к традиционному *ш [ы<sup>3</sup>]ры*.

А. Вознесенский, читая свои стихи, произносит:

1. Прости меня. А впрочем, не ж[ы<sup>3</sup>] лей.  
Вот я живу. И это тяжелей.

(«Прости меня, что говорю при всех...»)

2. Падает по железу  
с небом напополам  
снежное сож[ы<sup>3</sup>]ление  
по лесу и по нам.  
· · · · ·  
ветви отяжелевые  
светлого сож[ы<sup>3</sup>]ления!

(«Снег в октябре»)

3. Ну играл! Таких оттягивал  
«паровозов»! Так играл,  
что ш[ы<sup>3</sup>]рахались рейхстаги  
в 45-м наповал!

(«Лонжюмо»)

3. Фонемы *<а>*, *<о>* в первом предударном слоге нейтрализуются либо в гласном *[а]*, либо в гласном *[ʌ]* (нелабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема). В современном русском языке господствует произношение с предударным *[а]*.

4. Вариативно произношение слов с сочетанием зубной + мягкий губной (об этом уже говорилось (см. 3, 19)). При массовом обследовании литературного произношения оказалось, что *ра[з']ве* произносят 54 % информантов, *и[з']вините* — 34 %, *[д']ве* — 31 %, *[д']вери* — 30 %, *[з']верь* — 30 % и т. д.

Есть и другие случаи, когда реализация фонемы в определенных позициях вариативна.

В творительном падеже возможны варианты: *рукой* — *рукою*, *звездой* — *звездою*, *с Таней* — *с Танею*... Но это не тема орфоэпии. Ее предметом может быть только такое варьирование форм, которое, будучи явлением грамматическим, связано с определенными фонетическими позициями.

1. Формы прилагательных единственного числа именительного падежа мужского рода в современном русском языке образуются с окончаниями *⟨иј⟩* или *⟨ој⟩*. Каждое прилагательное в данной форме может иметь и то и другое окончание. *Вот новый дом* произносится: *нов[ыи]* или *нов[ъи]*. Первое произношение реализует окончание *⟨иј⟩*, второе — *⟨ој⟩* (это станет ясно, если вспомнить, каковы реализации фонем *⟨и⟩* — *⟨о⟩* в заударных слогах после твердых согласных).

Более «старинным», имеющим корни в пушкинской эпохе (и в более давних)<sup>1</sup>, является произношение *нов[ъи]*, *сильн[ъи]*, *тверд[ъи]* и т. д., т. е. с окончанием *⟨ој⟩*. Но под влиянием письма (писали чаще *Вот новый дом*, чем *Вот новой дом*, хотя и последнее написание тоже раньше допускалось) стали все чаще произносить *нов[ыи]*, *сильн[ыи]*, *тверд[ыи]*. В начале нашего века ученым-орфоэпистам казалось, что время произношения *стар[ъи]* (им. п. ед. ч. муж. р.) прошло, что победило в этой форме окончание *[ыи] = ⟨иј⟩*. Но этот старый спор двух окончаний (истоки его — во взаимодействии старославянского и древнерусского языков тысячелетней давности!) получил неожиданный поворот: волна усиливающейся редукции дошла и до *⟨и⟩* (после твердых согласных в заударных слогах). Два глагола *выжать* [*выжът'*] и *выжить* [*выжыт'*] стало возможным произносить так, что они не различаются — [*выжът'*]; т. е. фонема *⟨и⟩* в заударных закрытых слогах после твердых согласных реализуется не только звуком *[ы]* (такая норма по-прежнему жива), но и звуком *[ъ]*. В *[ъ]* стало совпадать большее число фонем, чем прежде. Разумеется, форма *новый*, с *⟨иј⟩* в окончании, стала

<sup>1</sup> Ср. пушкинские рифмы: *Один какой-то шут печальный / Ее находит идеальной; в келье модной — холодный, на кляче косматой — бородатый, в избе холодной — голодный, за могилой — унылый, угрюмый — думой, картиной — единый...* Но есть и такие рифмы: *пистолеты — раздетый...* В пушкинское время существовали оба варианта: с *⟨ој⟩* и с *⟨иј⟩*.

произноситься и с [ы̄] и с [ъ̄]. Произношение, обретенное, казалось бы, на исчезновение, снова укрепилось. Сейчас в живой речи *нов* [ъ̄] (муж. р.) слышится не реже, чем *нов* [ы̄] (надо помнить, что речь идет об одной определенной позиции: в заударных закрытых слогах после твердых согласных).

У большинства глаголов это различие на слух мало заметно. Но у прилагательных, основа которых оканчивается на <к>, <г>, <х>, если они произносятся с окончанием <oj>, результат такой: *гром* [къ̄j] *голос*, *стро* [гъ̄j] *взгляд*, *ти* [хъ̄j] *шелест*. Фонема <o> в заударных слогах слова после твердых согласных реализуется, по требованию фонетических законов современного русского языка, гласным [ъ]. Если же эти формы произносятся с окончанием <ij>, то произносительный результат такой: *гром* [к'ӣj] *голос*, *стро* [г'ӣj] *взгляд*, *ти* [х'ӣj] *шелест*. Фонема <i>, по общим фонетическим законам, в позиции после <к>, <г>, <х> требует, чтобы эти фонемы были представлены мягкими согласными: [k'], [g'], [x']; после мягких согласных фонема <i> в заударных закрытых слогах реализуется звуком [и].

Разница между двумя вариантами одной и той же формы оказывается значительной:

*гром* [къ̄j], *стро* [гъ̄j], *ти* [хъ̄j],

*гром* [к'ӣj], *стро* [г'ӣj], *ти* [х'ӣj].

Под влиянием письма в бытовой речи господствует вариант с <ij>, т. е. *гром* [к'ӣj] и т. д. В сценической речи, на радиовещании (хотя и непоследовательно) продолжает употребляться вариант с окончанием <oj>. Литературный язык — не однородная, однообразная масса, в нем есть функциональные разновидности, и то, что сценическая речь не во всем совпадает с бытовой,— ее достоинство, а не порок; это культурная речь в квадрате: она должна осуществлять живую связь речи современников с речью русской классики, с языком великих писателей прошлого.

А русские поэты произносили так (примеры из стихотворений Н. А. Некрасова):

1. Не жалок ей нищий убогий —  
Вольно ж без работы гулять!  
Лежит на ней дельности строгой  
И внутренней силы печать.
2. За нагруженной снопами телегой  
Чинно идет жеребеночек пегий.

3. Согласишься, почтителен, тих,  
Постоишь, удалишься украдкой  
И начнёшь сатирический стих  
В комплимент перелаживать сладкий...
4. Его отец был лекарь жалкий,  
Он только лить любил, да палкой  
К ученью сына поощрял...

Естественно, что сценическая речь, стремясь сохранить язык классиков, не отказывается от нормы *гром-[къи]* (муж. р.). Но и в бытовой речи у некоторых (хотя и немногих) наших современников, безупречно владеющих литературным языком, выдерживается более или менее последовательно эта языковая норма.

2. Глаголы типа *затрагивать, подскакивать, взмахивать*, т. е. с суффиксом *-ива-* после основы на заднеязычную согласную фонему, тоже имеют два варианта произношения:

*подска[къ]вать, затра[гъ]вать, взма[хъ]вать,*  
*подска[к'и]вать, затра[г'и]вать, взма[х'и]вать.*

Эти формы образуют параллель к формам *гром [къ]й — гром [к'и]й*; параллель в том смысле, что лицо, говорящее *подска [къ]вать*, вероятнее всего говорит и *гром [къ]й*.

3. Произносят: *си [д'á]т — выси [д'ъ]т; ве [дў]т — выве [ду]т*, т. е. различие между окончаниями 1-го и 2-го спряжений сохраняется и в безударном положении. Но есть и другое произношение: *си [д'á]т — выси [д'у]т, ве [дў]т — выве [ду]т* (под ударением — разное, без ударения — одно). 1-е и 2-е спряжения различаются в ударных и не различаются в безударных окончаниях. При этом происходит мена окончаний: ударное [áт] меняется на безударное [ут].

Это похоже на то, что сказано о формах именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных: под ударением возможно только ⟨ој⟩ (*больной, молодой, простой*); в безударных слогах «конкурируют» ⟨ој⟩ и ⟨иј⟩. Сходство в том, что есть мена окончаний и она обусловлена положением в безударном слоге. Фонетическая эта мена или грамматическая: [ат] || [ут]? Несомненно, грамматическая: меняются окончания, грамматические единицы. Позиционного фонетического чередования звуков [а] || [у] в современном русском языке не существует.

Но своеобразие этого грамматического явления в том, что оно обусловлено фонетической позицией. Есть фонетические позиции: перед звонкими шумными (кроме [в] и [в']) глухие согласные звуки заменяются звонкими. Здесь в определении позиции («перед звонкими шумными, кроме [в] и [в']») используются только фонетические термины. Сама позиция поэтому должна считаться фонетической. Есть грамматические позиции: перед окончанием 1-го лица единственного числа -у фонема <д’> меняется на <ж>: *ходить* — *хожу*, *водить* — *вожу*, *садить* — *сажу* и т. д. Здесь в определении позиции («перед окончанием 1-го лица ед. ч. -у») используются только грамматические термины. Сама позиция поэтому должна считаться грамматической. Чередование флексий [ат] || [ут] грамматическое, поскольку они — единицы грамматического строя; но позиции, вызывающие это чередование, ... описываются в чисто фонетической терминологии! Это — пример сложного взаимодействия грамматики с фонетикой. Фонетический характер определения позиции позволяет в этом случае отнести и само чередование в ведение орфоэпии.

В произведениях поэтов отражена норма произношения с-ут в безударных формах 2-го спряжения: *хóлят* — *кóлют*, *полóжат* — *обглóжут*, *знáчат* — *плáчут* (Л.); *работой тешатся* — *руки чешутся*; *напишут* — *слышат* (Н.); *копья точат* — *кругом хоочут* (Бр.)<sup>1</sup>.

Надо помнить, что кроме описанной нормы существует и другая: *выси* [д’ъ]т, *но* [с’ъ]т, *хо* [д’ъ]т... Именно она и господствует в живой, повседневной речи. «Старая» норма редко реализуется в живой речи, и все-таки она не мертва, она тоже факт орфоэпического «сегодня». Она воскресает всякий раз, когда читают стихи поэтов XIX в. (а эти стихи — наше живое достояние), воспроизводят их на сцене, произносят на уроке в школе или просто читают для себя.

4. Возвратный аффикс -ся, -сь прозносится либо с твердым, либо с мягким согласным: *стремлю* [с] или *стремлю* [с'], *стремил* [съ] или *стремил* [с’ъ]. Только деепричастие с ударением на последнем слоге произносится всегда с мягким [с']: *смея* [с'], *вертя* [с'].

<sup>1</sup> Примеры из кн.: Кошутин Р. Грамматика руског језика: Гласови. Пг., 1919. С. 413.

Произношение с твердым [с] отражено рифмой (примеры из стихотворений Н. А. Некрасова):

1. Вглядись, молодица, смелее,  
Каков воевода Мороз!  
Навряд тебе парня сильнее  
И краше видать привелось?
2. Только и нам гулять не довелось  
По полям, по нивам золотым:  
Целый день на фабриках колеса  
Мы вертим — вертим — вертим!
3. Быстро, бешено неслась  
Тройка — и не диво:  
На ухабе всякий раз  
Зверь рычал ретиво.
4. Взвилась ножка вправо —  
Мы вправо... — Берегись!  
Не вывихни сустава,  
Приятель! ... Фора! bis!
5. Толпа затихла — начался  
Доклад — и длился два часа.

Рифма запечатлела и произношение деепричастий с ударением на последнем слоге ([с'] — мягкий):

Всё с погибшими созданьями  
Да с брошюрами возясь,  
Наполняя ум свой знаньями,  
Обходил ты жизни грязь.

Разумеется, читать эти стихи следует, соблюдая волю автора, не разрушая рифмы. Такие рифмы есть и у современных поэтов; если система рифмовки тяготеет к точности, то они говорят о произношении [с], [са] в возвратных формах глагола.

О состоянии этого орфоэпического варьирования в обычной (нестиховой, непоэтической) речи С. М. Кузьмина говорит так: «Существуют три произносительные системы:

1) последовательное произношение в частице -ся, -сь мягкого [с'] во всех грамматических формах и фонетических условиях (например, *собрала* [с'], *явила* [с'], *требовали* [с'], *родил* [с'а], *трудящих* [с'а]);

2) последовательное произношение в этих формах твердого [с];

3) произношение (в зависимости от фонетических условий) то твердого [с], то мягкого [с']. Поскольку в этой последней системе соотношение твердого и мягко-

го [с] — [с'] может быть различным, она делится на несколько подсистем:

а) мягкое [с'] во всех формах, кроме тех, где согласный частицы следует за твердым согласным (например, *борола* [с'], но *борол* [са]);

б) мягкое [с'] только после передних гласных (например, *борола* [с], *борол* [са], но *бороли* [с']).

Иногда в речи одного и того же лица встречается в одной и той же позиции то твердое, то мягкое [с]»<sup>1</sup>.

Обследование в 60-е годы современного произношения (частоты форм с твердым [с]) дало такие результаты:

глаголы на -лся . . . . .	75 %
” ” -ась, -ось . . . . .	65 %
” ” -ись . . . . .	38 %

Эти факты говорят о том, во-первых, что произношение этой частицы с твердым [с] достаточно широко распространено, и о том, во-вторых, что выбор варианта частицы с мягким [с'] или твердым [с] определяется (хотя и не жестко, не с вероятностью в 100 %) положением после определенных звуков. Поскольку выбор варианта частично обусловлен фонетической позицией, постольку о ней должна говорить орфоэпия.

Произношение современных поэтов тоже говорит о том, что традиционная норма — с твердым [с] — жива:

Подойдет, улыбнется силя [с]:  
Я в кого-то переселила [с]!  
Разбежала [с], как с бус стеклярус.  
Потеряла [с] я, потеряла [с]!<sup>2</sup>

(А. Вознесенский)

Эти факты существенны. Много раз орфоэпические нормы, связанные с давними культурными традициями (в том числе произношение -сь, -ся с твердым [с]) объявлялись реакционными, буржуазными (20-е и 30-е годы), устарелыми, нежелательными, искусственными, ретроградными, отсталыми, исчезнувшими. На самом деле они, наряду с более новыми нормами, живы и требуют

<sup>1</sup> Кузьмина С. М. Взаимодействие фонетики и грамматики: Процесс замены в возвратной частице твердого [с] мягким // Русский язык и советское общество: Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968. С. 104. Формы типа *смеясь* (деепричастия с ударением на последнем слоге) в данной работе не рассматривались.

<sup>2</sup> Запись на грампластинке.

орфоэпического внимания и поддержки. Ничего ретро-градного в них нет, а в сценической и поэтической речи они даже желательны:

Горлопаны, не наорали [с]?

(А. Вознесенский)

### § 34. ОРФОЭПИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ

Есть случаи, когда написание может толкать к неправильному произношению грамматических форм. Например, окончание *-ого* (род. п. прилагательных, причастий, местоимений): *большого, пятого, пишущего, того, моего* — произносится с согласным [в]. Сама массовость таких форм в речи позволяет легко понять и усвоить произносительную норму. Ошибки здесь редки. Гораздо сложнее те случаи, когда правописание является помехой орфоэпии в отдельных, более или менее редких словах.

Правописание *никого* не сбьет, например, в слове *хоровод*: буква *д* в конце слова по законам русского произношения соответствует звуку [т]; букве *о* соответствуют гласные [ъ], [а] — опять по законам русского произношения. Здесь соотношения между буквами и звуками типичны для всех русских слов. Орфоэпическое внимание должно быть приковано к другим случаям, когда соотношение букв и звуков в написании ~ произношении данного слова нетипично. Охарактеризуем несколько таких орфоэпических фактов.

1. Начнем с предлога *близ*. Он произносится с мягким согласным в конце: «*Вечера на хуторе бли [з'] Ди-каньки, бли [с'] нашего дома*. Стих отражает такое произношение:

А потом,

пробивши

бурю разозленную,

сядешь, чтобы солнца близ,

и счищаешь

водорослей бороду зеленую

и медуз малиновую слизь.

(В. В. Маяковский)

Орфографический облик слова дезинформирует; появляется возможность неверного, не отвечающего литературной норме произношения этого предлога — с твердым согласным в конце. Орфоэпическая рекомендация должна предостеречь от такого произношения.

В словарях (толковых, орфоэпических) даются справки о произношении таких слов.

2. Буквы чн в некоторых словах соответствуют звукам [шн]: *конечно* (вводное слово), *скучно*, *яичница*, *пустячный*, *скворечник*, *прачечная*, *Ильинична*, *Кузьминична*... Произносить в этих словах [ч'н] — орфоэпическая ошибка (мнения, высказываемые иногда в печати, что в этих словах отвечает норме также и произношение [ч'н], не отвечают языковой и речевой реальности и поэтому неверны).

В других словах в равной степени допустимо произношение и [шн] и [ч'н]: *булочная*, *сливочное масло*, *горчичник* и др. Наконец, многие слова могут произноситься только с сочетанием [ч'н]: *точный*, *порочный*, *восточный*, *прозрачный* и т. д. О каждом слове надо знать, как его произносить: с сочетанием [шн], [ч'н] или допустимы они оба.

«Иногда неодинаково произносятся различные производные слова от одного и того же непроизводного: например, при возможности произношения прилагательного *молочный* с [шн] и [ч'н] (*моло[шн]ая каша* и *моло[ч'н]ая каша*) существительное *молочница* ... произносится предпочтительно и чаще с [шн]: *моло[шн']ица*. Бывают также случаи, когда одно и то же слово в разных сочетаниях слов может произноситься неодинаково. Так, например, в сочетании *молочная каша*, как только что было отмечено, возможно произношение [шн], в сочетании же *молочная железа*, носящем не бытовой, а научный характер, произносится только [ч'н]»<sup>1</sup>.

Поэзия отражает произношение этих слов и требует определенного выбора нормы:

Дождь моросит, темно и скучно,  
Смотрю в окно на телеграф.  
Хотел бы думать равнодушно,  
В уме неделию перебрав.

(М. А. Кузмин<sup>2</sup>)

Движенье помнишь? Помнишь время? Лавочниц?  
Палатки? Давку? За разменом денег  
Холодных, звонких,— помнишь, ломнишь давешних  
Колоколов предпраздничных гуденье?  
(Б. Л. Пастернак)

<sup>1</sup> Аванесов Р. И. Русское литературиое произношение. М., 1972. С. 184—185.

<sup>2</sup> Фамилия поэта произносится: [куз'м'йн].

Здесь рассматривается группа слов с произношением *чн* как [шн], тем не менее каждое из слов этой группы должно рассматриваться как отдельное, особое. Нет общего правила, определяющего, в каком слове орфоэпически правомерно [ч'н], в каком — [шн]. Каждое слово надо знать. Поэтому они находятся в ведении орфоэпии отдельных слов.

3. В заимствованных словах встречается произношение [о] безударного: *боа* [боá], *сонет* [сонéт] и т. д. Только в очень немногих словах (*боа, бонмо, бомонд, Бодлер, Шопен...*) произношение [о] безударного обязательно. В большинстве заимствованных слов на месте безударного [о] допустимо и [о], и [а], либо только [а]. Например, в слове *оазис* 63 % говорящих произносят [о] безударный, в слове *сонет* — 49 %, в словах: *поэт* — 44 %, *ноктюрн* — 41 %, *конгресс* — 34 % и т. д.<sup>1</sup>

Обязательно ли произношение [о] в безударном слоге — надо знать для каждого слова отдельно.

4. В словах: *бифилекс, консоме, канапе, отель, экстерн, кашне, безе...* — перед [э] произносится твердый согласный. В других заимствованных словах возможны варианты: произносятся (в полном соответствии с нормой): *со [нэ] т и со [н'э] т, ге [нэ] тика и ге [н'э] тика, фо [нэ] ма и фо [н'э] ма, э [не] ргия и э [н'э] ргия...*

В большинстве заимствованных слов перед [э] произносится парный мягкий согласный: *текст, тема, бактерия, претензия, теория, дебют, демон, нервы, секция, серия, музей, конкретный, пионер, фанера*. Было бы грубой орфоэпической ошибкой произносить в этих словах сочетание «твёрдый согласный + [э]». Произношение твёрдого согласного перед [э] в этих словах претенциозно: ...*Алле? О, Марья Николаевна! Наконец-то! Зазналась, зазналась...* Да, да... Смотрела... *Постановочная вещь, безусловно...* Да, по сравнению с романом проигрывает, безусловно... Я, знаешь, буквально проверяла по тексту. Да, по тексту (В. Попов).

Как видно, и в этом случае надо знать, какова орфоэпическая норма произношения каждого слова.

<sup>1</sup> См.: Гловинская М. Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

## § 35. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Язык исторически изменяется. Это — объективная данность. Вместе с тем литературный язык, связанный с длительной культурной традицией и призванный объединять многие поколения, должен быть устойчивым; и чем устойчивее его нормы, тем более успешно он может выполнять свое назначение — быть литературным языком. Как язык умеет примирить эти две различные тенденции?

Разрешение противоречия в том, что «старые» и «новые» произносительные варианты функционально разграничиваются, каждый получает свою специализацию в литературном языке. И «старые» поэтому остаются живыми, нестареющими, и «молодые» противостоят им не как «молодые», а как функционально иные. Например, некоторые нормы, имеющие большую культурную традицию, но становящиеся устаревшими (или нетипичными) в бытовой речи, находят свое применение, в качестве господствующей нормы, на сцене. Представление, что сценическая речь должна быть зеркалом, рабски копирующим бытовую речь, неверно. Против такого вульгаризаторского отождествления двух функциональных разновидностей русского произношения боролись замечательные мастера Малого театра (например, Е. Д. Турчанинова), К. С. Станиславский и его ученики.

Стихотворения Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета — это современный русский язык; чтение их стихов (и на сцене, и для себя) — современное русское произношение. Надо так современно воспроизвести стих, чтобы его не разрушить. Средства (орфоэпические), которые мы привлекаем, чтобы наше восприятие стиха не было испорчено, — современные орфоэпические. А это означает, что многие произносительные особенности, полностью ушедшие из бытовой речи, остаются средством живого воспроизведения близких нам, родных нам поэтических произведений — и в этом смысле есть факты современной орфоэпии.

Так язык примиряет две противоположные тенденции: неизбежную изменчивость произносительных норм и тяготение литературного языка к стабильности. Особенности произношения, порожденные разными периодами в развитии русского языка, преобразуются в син-

## хронные функциональные разновидности языковой действительности.

Неутомимым просветителем в области орфоэлии и борцом за живые литературные нормы, за охрану в языке всего ценного, за бережное отношение к произносительным традициям был Д. Н. Ушаков. Прекрасный знаток русского языка, человек, умевший ценить и его деловые, практические, и его эстетические достоинства, Д. Н. Ушаков в 20-е и 30-е годы противостоял всем попыткам решать вопросы орфоэпии на вульгарно-социологической, на культурно-нигилистической основе. Его орфоэпические прогнозы — что живо и что мертвое — замечательно оправдались. Его рыцарственное отношение к языку — высокий пример для всех, кому дорога наша филологическая культура.

### § 36. СОЦИОФОНЕТИКА

Количество — не всегда самое важное при решении орфоэпических вопросов. «Так многие говорят» — еще не довод в пользу безраздельного господства данной орфоэпической нормы. Иногда число говорящих совсем не важно.

Местоимение *её* (род. п.) еще не так давно произносили двояко: [jɛ<sup>u</sup>jó] и [jɛ<sup>u</sup>já] (последнее — под влиянием написания *ея*). Произношение [jɛ<sup>u</sup>já] и раньше, до 1917 г., до отмены написания *ея*, было сравнительно редким, а сейчас, вероятно, так никто не произносит. Но в поэме В. Маяковского «Про это» (1923) читаем:

Стою у стенки.

Я не я.

Пусть бредом жизнь смололась.

Но только б, столько б не ея

невыносимый голос! <sup>1</sup>

Здесь само строение текста заставляет читать [jɛ<sup>u</sup>já], и нет вопроса о том, многие так произносят или немногие.

Но в других случаях для орфоэпии важен и количественный момент. Насколько распространен данный вариант, в каких социальных слоях он господствует, как его бытование связано с разными возрастными группами — все это важно для орфоэпии, и решать эти вопросы ей помогает социофонетика — ветвь социолингвистики.

«Объект синхронической социальной лингвистики — язык и его функционирование в данный момент в данном обществе в связи с: а) социальным расслоением об-

<sup>1</sup> Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 4. С. 169.  
(Есть издания, где текст искажен: напечатано — *ее*.)

щества и б) его коммуникативными потребностями,— пишет Л. П. Крысин.— Поиски и исследование корреляций и зависимостей, существующих... между языком, различными его подсистемами, с одной стороны, и обществом, различными его слоями, с другой, являются задачей... социальной лингвистики»<sup>1</sup>.

Современная социофонетика установила, например, следующее:

«По силе воздействия на фонетические явления социальные признаки располагаются в следующем порядке: 1) территориальный, 2) возраст, 3) социальное положение, 4) образование...

Остановимся вкратце на каждом из признаков.

1. Территориальный признак — место детства и место наиболее длительного пребывания говорящего: он охватывает своим действием все фонетические явления и в то же время является наиболее сильным. Это подтверждает гипотезу о существовании локальных разновидностей литературного произношения, складывающихся под влиянием диалектного окружения. Говоря о локальных разновидностях литературного языка, мы имеем в виду количественные, а не качественные различия, т. е. разную употребительность одних и тех же вариантов по этим разновидностям. При этом возможен такой случай, что во всех разновидностях преобладает один и тот же вариант, но степень преобладания различна.

Так, например, «северная» разновидность литературного произношения характеризуется: максимальным (сравнительно с другими локальными разновидностями) преобладанием мягкого согласного в сочетаниях «согласный + мягкий согласный»; высокой частотностью мягкого [ж:] ; максимальным преобладанием варианта с непроизносимым согласным в сочетаниях 〈стк〉, 〈нtk〉 и под.; преобладающей реализацией 〈ша〉, 〈жа〉 как [ша], [жа]; смягчением согласного перед 〈э〉 в заимствованных словах...

2. Возраст. Зависимость между возрастной характеристикой и сохранением в речи традиционного варианта не имеет единообразного характера для всех фонетических явлений.

<sup>1</sup> Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974. С. 6.

Для некоторых явлений (например, в сочетаниях «согласный + мягкий согласный», [ж:] || [ж:], [ш'ч'] || [ш':]) эта зависимость такова: чем моложе информант, тем ниже в его речи частотность традиционного варианта. Для других явлений (например, [ша], [жа]; т[э]) картина выглядит сложнее: в некоторых словах наблюдается такая же зависимость, в других — прямо противоположная...

Любопытно отметить, что в речи поколения 40-х годов нередко наблюдается замедление темпа убывания или возрастания употребительности традиционного варианта: развитие как бы затормаживается.

3. Социальное положение информанта. Прослеживаются два основных противопоставления: интеллигенты — рабочие; филологи — нефилологи.

Устойчивее всего традиционная норма сохраняется в речи интеллигенции; напротив, новый вариант легче усваивается рабочими...

Филологическое образование также способствует устойчивому сохранению в речи традиционного варианта, обнаруживается как в речи профессиональных филологов, так и в речи филологов-студентов.

4. Семейное влияние. Наши данные убедительно подтвердили влияние речи родителей на речь отвечающих. Особенно ярко это проявилось при учете территориальной характеристики информантов и их родителей...

5. Образование. Исходная гипотеза о влиянии образования на произношение в целом подтвердилась: чем выше уровень образования, тем употребительнее традиционный вариант. Однако в большинстве случаев зависимость эта проявляется слабо»<sup>1</sup>.

Как видно, данные социофонетики важны и для решения орфоэпических вопросов, и для исследования своей, собственно социофонетической проблематики.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

### Орфоэпия

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение [1950]. М., 1972.

Дурново Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения // Slavia. Ročník V. Sešit 2. Praha. 1926.

<sup>1</sup> Гловинская М. Я., Кузьмина С. М. Фонетика // Русский язык по данным массового обследования. С. 117—121.

*Реформатский А. А. <Ж> // Т容貌 R. Jakobson. V. 2. The Hague — Paris, 1967.*

*Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь: Новая серия. Л., 1928. Вып. 3.*

*Ушаков Д. Н. Звук Г фрикативный в русском литературном языке в настоящее время // Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР. Л., 1928. Том VI. № 3.*

---

*Аванесов Р. И. Вопросы русского сценического произношения // Культура речи на сцене и на экране. М., 1986.*

*Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948.*

*Волконский С. М. Выразительное слово. Спб., 1913.*

*Ильинская И. С., Сидоров В. Н. О сценическом произношении в московских театрах // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. I.*

*Реформатский А. А. Речь и музыка в пении // Там же.*

*Русское сценическое произношение / Под ред. С. М. Кузьминой. М., 1986.*

*Садовников В. И. Орфоэпия в пении. М., 1958.*

---

*Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1987.*

#### *Социофонетика:*

*Гловинская М. Я., Кузьмина С. М. Фонетика // Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974.*

*Гловинская М. Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.*

*Крысин Л. П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопр. языкоznания. 1973. № 3.*

*Кузьмина С. М. Вариативность произношения групп согласных // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.*

*Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандарта языка [1931] // Статьи по общему языкоznанию. М., 1968.*

*Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка [1931] // Там же.*

## Глава 7

# ТЕОРИЯ ПИСЬМА. ГРАФИКА

### § 37. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Теория письма делится на две части: графика и орфография<sup>1</sup>.

Графика — это свод общих правил о назначении письменных знаков (букв). Самые простые и самые главные правила графики имеют такой вид: в современном русском языке знак «а» употребляется; знак «ψ» — не употребляется и т. д. Эти правила определяют, каков алфавит (набор букв) русского письменного языка. Другие правила графики имеют такой вид: 1) в русском письме буква такая-то передает такую-то фонему; 2) данная фонема передается вот этой буквой.

Правила графики относятся ко всей массе словоформ и притом к любой части словоформ (корню, приставке, окончанию и т. д.).

Орфография — свод правил об употреблении букв в отдельных, конкретных словоформах. О ней речь в следующей главе.

### § 38. ТРИ ПРИНЦИПА ГРАФИКИ

Графика может быть построена на одном из трех принципов: 1) фонетическом; 2) фонематическом; 3) иероглифическом, или традиционном, или условном (это разные названия одного и того же принципа).

Фонетический принцип: буква означает звук.

Фонематический принцип: буква означает фонему.

Традиционный принцип: буква не обозначает ни звука, ни фонемы, т. е. употребление букв не обусловлено современным строением словоформы.

Русское письмо до 1918 г. было в высокой степени традиционно. И традиционной была в первую очередь графикा.

В 1917—1918 гг. это письмо, со значительными чертами иероглифичности, было реформировано.

Подготовка к реформе велась с конца XIX в. Начинателем ее был Р. Ф. Брандт, крупный ученый-лингвист. Острые, эмоционально

<sup>1</sup> Среди вопросов, относящихся к теории письма, освещаются только те, которые связаны с отношением письма к фонетической системе. Поэтому главы, посвященные теории письма, помещаются в разделе «Фонетика».

написанные статьи и брошюры Брандта привлекли внимание общества к несовершенствам русского письма. Критика была обращена именно на многочисленные традиционные написания.

Академическая комиссия под руководством Ф. Ф. Фортунатова к 1912 г. подготовила научно обоснованный проект реформы русского письма. Бюрократами он был отвергнут. Только после революции приказом наркома просвещения А. В. Луначарского новое письмо было объявлено обязательным для всех изданий. Реформа была прежде всего графической, а не орфографической. Были изъяты дублетные буквы (ї, є, ј), в конце слов перестали писать твердый знак, изменили традиционно-условные написания некоторых грамматических форм, приблизив их к фонематическому типу.

В подготовке проекта реформы участвовали выдающиеся учёные — Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, Р. Ф. Брандт, В. И. Чернышев<sup>1</sup>.

### § 39. ФОНЕМНЫЙ ПРИНЦИП РУССКОЙ ГРАФИКИ

На каком же принципе основана современная русская графика? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, как построены правила употребления букв.

Буква *о* употребляется, предположим, для обозначения звука [о]. Словоформы *дом*, *твой*, *рос* как будто подтверждают это. Но туже букву *о* пишем и в словоформах *дома*, *твоя*, *росли*, а мы так не должны были бы делать, если бы буквой *о* передавался звук [о], так как здесь нет звука [о]. Правило, значит, надо формулировать так: буква *о* передает фонему <о>.

Так же надо построить правила для всех других букв.

Следовательно, наша графика основана на фонемном принципе. Это следует из анализа графических правил.

### § 40. ОБОЗНАЧЕНИЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В русской графике буквами обозначены фонемы. В русском языке 39 фонем, а букв 33 (считая, конечно, ё особой буквой). Как могло хватить 33 буквы для передачи 39 фонем?

Существует 14 пар твердых и мягких фонем<sup>2</sup>:

⟨п б ф в м т д с з и л ш ж р  
п' б' ф' в' м' т' д' с' з' и' л' ш' ж' р'⟩.

<sup>1</sup> О работе орфографической комиссии см.: Чернышев В. И. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания // Избр. труды. М., 1970. Т. 2.

<sup>2</sup> В качестве парных включаем <л> — <л'>. Они не нейтрализуются, но для графики это несущественно.

Однако особых букв для многих фонем нет. У нас могли бы быть специальные буквы для мягких, подобно тому, как есть они в сербском письме: љ, њ ...<sup>1</sup> В одном случае такая пара есть: ћ — ќ, но остальные 13 пар не имеют особых букв, чтобы обозначить мягкие фонемы. Значит, не имеют и особых букв, чтобы обозначить твердые фонемы.

Предположим, в каком-то тексте обвели кружком букву *н*. Закрыли остальные буквы. Можно ли угадать, что обозначает эта буква: *<н>* или *<н'>*? — Очевидно, нет.

Как же письменно обозначаются эти фонемы, для которых нет особых букв?

Первый случай: мягкая согласная фонема стоит не перед гласной; тогда используется сочетание «согласная буква + мягкий знак»: *встань*, *встаньте*, *намыль*, *намылься*, *куль*, *кульки*, *пять*, *пятьдесят*. «Не перед гласной» — значит, на конце слова или перед согласной фонемой.

Второй случай: перед гласными мягкость согласных обозначается по-другому — с помощью букв *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и*. Вот так:

- <н'> + <я> = ня (няня);*
- <н'> + <о> = нё (нёс);*
- <н'> + <э> = не (нет);*
- <н'> + <у> = ню (нюхать);*
- <н'> + <и> = ни (нить).*

Так и со всеми другими согласными, не только с *<н'>*.

Сказанное можно обобщить:

- 1) *t' + а : я, е, ё, ю, и;*
- 2) *t' + ă : ь.*

Здесь *t'* — обозначение всякой мягкой согласной (у которой есть парная твердая); *а* — знак гласной; *ă* — знак «не гласная» (т. е. либо согласная, либо конец слова).

А как обозначается твердость согласных? В положении не перед гласными — отсутствием мягкого знака; в положении перед гласными — с помощью букв *а*, *о*, *у*, *ы*.

Итак, в слове *тянут* буква *т* сама по себе не указывает фонему *<t>* или *<t'>*; в зависимости от следующей

<sup>1</sup> Правда, и в сербском они обозначают палатальные (а не палатализованные).

буквы<sup>1</sup> она может указывать либо то, либо другое. Следующая буква *я* заявляет: налицо ⟨т’⟩, а не ⟨т⟩. Вместе *т + я* указывают фонему ⟨т’⟩; кроме того, *я* обозначает фонему ⟨а⟩. Значит, сочетание букв *т я* = ⟨т’а⟩. Побуквенно это соответствие разбивается так:

$$\begin{array}{c} t+ \\ \langle t \rangle + \end{array} \quad \left| \begin{array}{l} я, \\ \langle 'a \rangle \end{array} \right.$$

В слове *быть* буква *ы* обозначает фонему ⟨и⟩ и твердость предшествующего согласного; в слове *бить* используется буква *и*, чтобы обозначить ту же фонему ⟨и⟩ + мягкость предшествующего согласного.

Хорошо или плохо, что у нас такой непростой способ обозначения мягкости? Введен мягкий знак — и тем сэкономлено много букв. Мягких согласных фонем (имеющих парную твердую) у нас 14; только ⟨ш’⟩ имеет особую букву. Значит, сэкономили 13 букв.

Но если бы мягкость согласных всегда обозначалась мягким знаком, мы бы писали: «*дъадъа*», «*льубльу*», «*пъятьдъэсъат*», «*пъэръэвъэрнъомъа*» (*дядя, люблю, пятьдесят, перевернемся*). Написания были бы громоздкими. Избавиться от их громоздкости помогают буквы *я, е, ё, ю, и*.

#### § 41. НЕДОСТАТКИ В ОБОЗНАЧЕНИИ МЯГКОСТИ ФОНЕМ

Все мягкие фонемы имеют способы графического обозначения. Только у ⟨ж’⟩ нет своего особого буквенного обозначения. Она на письме передается буквосочетаниями, которые используются не только для ⟨ж’⟩, но могут иметь и другие фонемные значения. Буквенное одеяние у ⟨ж’⟩ всегда с чужого плеча. Она обозначается буквами зж (*езжу, визжать*), жж (*вожжи, дрожжи*), дж (*дожди, дождливый*). Все эти буквобозначения в иных словах имеют другое значение и другое чтение: зж и жж читаются как долгое [ж:] (*изжарить, разжалобить, кожжиррест*), жд читается как [жд] (*дважды, жду*). В первом случае передано содержание фонем ⟨зж⟩ или ⟨жж⟩, во втором — ⟨жд⟩.

Очень жаль, что фонема ⟨ж’⟩ оказалась без своего буквенного наряда. Это — одна из причин, почему в современном языке ⟨ж’⟩ неустойчива.

<sup>1</sup> Считая буквой и пробел.

Не все хорошо и с обозначением мягкости согласных фонем перед ⟨э⟩. Буква *e* должна бы обозначать мягкость предшествующей согласной, а буква *э* — твердость. На самом деле *e* часто выступает в не свойственной ей роли. Она на месте в словах *лес*, *тень*, *белый*, *лезь*, *перелей*, но *e* пишется нередко и тогда, когда надо обозначить твердость согласной: *бифштекс*, *кронштейн*, *отель*, *стенд*, *теннис*, *дельта* (реки), *модель*, *модельная* (обувь), *кашне*, *шоссе*, *безе*, *пюре*, *бретель* и мн. др.

Не заменить ли ее буквой *э* всюду, где не нужно обозначать мягкость? Такое новшество сейчас вряд ли приемлемо. Многие слова произносятся вариативно — и с твердыми и с мягкими согласными перед [э]: *ге*[нэ]-*тика* и *ге*[н'э]*тика*, [р'эгрэс] и [р'эгр'эс] и т. д. Характерно, что в орфоэпических руководствах говорится: «С твердым [д] перед [э] всегда или обычно произносятся такие-то слова...» И эта формула — «всегда или обычно» — повторяется много раз. В формулировке отражена неустойчивость произносительной нормы. А если она неустойчива, ее рано еще закреплять письменной передачей.

Так что непоследовательность в употреблении буквы *e* — недостаток письма, вызванный нестабильностью самого языка в современном состоянии.

#### § 42. ГЛАСНЫЕ БУКВЫ ПОСЛЕ Ч, Щ, Ж, Ш И Ц

По-русски не пишут «чя...щя...чю...щю...». После *ч*, *щ*, *ж*, *ш* возможны только буквы *а*, *у*, но не *я*, *ю*.

По-русски не пишут: «ши...жи...». После *ч*, *щ*, *ж*, *ш* возможна только буква *и*, но не *ы*. Разумно ли такое правило?

Все буквы шипящих согласных — *ч*, *щ*, *ш*, *ж* — не требуют, чтобы обозначали мягкость или твердость согласных. Ведь *щ*, *ш* сами по себе обозначают мягкость (*щ*) и твердость (*ш*) согласной фонемы. У *ч* не надо обозначать мягкость: фонема ⟨ч⟩ не противопоставлена твердой согласной; мягкость у [ч'] неразличительна. Наконец, *ж* показывает твердую фонему ⟨ж⟩, а для мягкой ⟨ж'⟩ особого обозначения нет.

Если нет необходимости различать твердые и мягкие фонемы, то следует из двух написаний (*ча* — *чя*, *чу* — *чю*; *жи* — *жы* и т. д.) избрать одно. Какое же лучше? Вспомним, что графика у нас фонемная. Если фонемная, то лучше избрать ту букву, которая передает гласную

фонему в самой независимой позиции. Пишем *ча*, *чу*, *жи*, *ши*..., потому что буквы *a*, *y*, *и* передают фонемы в самой независимой позиции.

После буквы *ц* надо бы, по тем же причинам, писать всегда *a*, *y*, *и* (как после *ш*, *ж*). Действительно, пишется только *ца*, *цу*. Но после *ц* пишется в одних случаях *и*, в других — *ы*. Эти случаи регулируются правилами орфографии. Графического правила не существует.

Мы говорили: фонема — ряд звуков, она лишена произносительной характеристики, а сейчас все время повторяется — «мягкая», «твердая» фонема. Упрек справедлив. Ответ на него такой. Все описание русской графики можно построить и без терминов «твердая», «мягкая». Есть фонемы:

$$\begin{array}{ll} \langle t \rangle = 1, & \langle a \rangle = 3, \\ \langle t' \rangle = 2, & \langle y \rangle = 4. \end{array}$$

Пронумеруем их, как указано. Тогда сочетание *та* можно обозначить как *⟨13⟩*, сочетание *т'a* — как *⟨23⟩*, сочетание *ту* — как *⟨14⟩*, сочетание *т'y* — как *⟨24⟩*. Эти четыре сочетания передаются буквенно так: *та*, *тя*, *ту*, *ти*. Буква *t* передает либо *⟨1⟩*, либо *⟨2⟩*; буква *a* показывает, что из этих возможностей избирается *⟨2⟩*.

Значит, можно описать графику и без употребления артикуляционных (или акустических) терминов. Мы их употребляли ради простоты объяснения, по методическим соображениям.

### § 43. ОБОЗНАЧЕНИЕ *⟨j⟩*

Для фонемы *⟨j⟩* есть буква *й* (*дай* = *⟨дај⟩*). Можно было бы писать «*дайшут*», «*дайот*», «*уйшутно*», «*йож*», «*йаблоко*», «*Ныйу-Йорк*». Но мы так не пишем (только — *Йорк* — именно так; да еще *йот*, *йод*, *Йемен*); действует такое графическое правило: *йот* (*⟨j⟩*) не перед гласной фонемой передается буквой *й* (*мой*, *строй*, *не беспокой*, *мойте*, *стройка*, *беспокойная*); перед гласной фонемой (после гласной) буквами *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и*, которые обозначают *йот* (*⟨j⟩*) + следующая гласная фонема (*моя*, *моё*, *моей*, *мою*, *мои*).

Если фонема *⟨j⟩* идет перед гласным и после согласного, то она обозначается сочетаниями букв *ъ* или *ь* + *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и* (*ружъё*, *судъя*, *Сантьяго*, *адъютант*). В этой функции *ь* не знак мягкости, *ъ* не знак твердости, т. е. твердость и мягкость фонем (перед *⟨j⟩*) буквенно не обозначена.

Выгоден ли такой способ передачи *⟨j⟩*? Выгоден. Без него написания были бы очень длинные «*йавльайщайасъя*», «*уйэзжайущайа*»... Знаки *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и* позволяют сократить эти длинные ряды букв. И тем они хороши.

Было высказано такое мнение: буквы я, ё (и пр.) нарушают фонемный принцип нашей графики, так как они передают не фонему, а целостное сочетание  $\langle j + a \rangle$ ,  $\langle j + o \rangle$  и т. д. Это неверное мнение. Анализируя графику, нужно решить два вопроса: что передают буквы — звуки или фонемы и сколько таких единиц (т. е. звуков или фонем) передают буквы.

Н. Ф. Яковлев в своих замечательных работах по теории письма первый разделил эти две проблемы. Он — опять-таки одним из первых — пришел к выводу, что русское письмо является фонемным. В работе «Математическая формула построения алфавита» (1928) он показал: целесообразно, выгодно (при известных условиях) передавать фонемы так, что нет однозначного соответствия «буква — фонема».

Что передает буква я в словоформах *ясный*, *яд*, *судья*? Звуки [ja] или фонемы  $\langle ja \rangle$ ? Посмотрим, как пишутся словоформы *яснее*, *ядовит*, *сватъя*. Звуки другие, не [ja], фонемы те же, буква та же. Значит, буква я передает сразу две фонемы:  $\langle ja \rangle$ , но именно фонемы, не звуки. Очевидно, написания эти полностью фонемны.

Так же полностью фонемны буквы *e*, *ё*, *ю*, *и*, когда они передают сочетание  $\langle j \rangle +$  гласная.

Таким образом, некоторые буквы в русском письме оказываются двузначными. Например, буквы *я*, *е*, *ё*, *ю*, *и* имеют два значения, а путаницы нет: в одном положении (после букв согласных фонем) они обозначают  $\langle t' \rangle +$  гласная, в других (не после букв согласных фонем)  $\langle j \rangle +$  гласная.

В словах *пять*, *тянут* буква я соответствует не просто [a], но вариации [å], [ä]. Нельзя ли смотреть на эту букву не только как на передатчика единиц  $\langle t' + a \rangle$ , но и как на передатчика гласного [å], [ä], фонетически отличного от [a]? Так же можно видеть в букве *ы* (*был*, *ты*) передатчика особого звука [ы]. Это мнение может показаться убедительным, но оно неверно. Написания *жил*, *шить* (и пр.) проливают свет на подлинную природу написаний типа *был*, *ты*: там, где не надо обозначать твердость предшествующей фонемы, мы пишем *и* (хотя бы и был налицо звук [ы], мы пренебрегаем его отличием от [и]). Только там, где надо передавать твердость предшествующей согласной, мы пишем *ы*. Ясно, что назначение этой буквы в том, чтобы передать твердость согласной +  $\langle i \rangle$ .

Точно так же написания *чай*, *пищать* показывают, что средствами русской графики мы не передаем вариа-

ции [ä], [ää]: там, где не надо обозначать мягкость согласных, употребляется не буква я, а буква *a*, хотя бы и произносились [ä], [ää].

То, что буква *я* передает звук [ä] (*тянут*) или [ää] (*тянет*), а буква *ы* передает звук [ы], — следствие их фонемной функции: т' непременно сдвинет гласный [a] вперед, т' непременно отодвинет гласный [и] назад.

### § 44. ПОЧЕМУ 33 БУКВЫ?

Если бы для всех мягких согласных фонем были у нас особые буквы, то их понадобилось бы 14. Но для одной мягкой ⟨ш’⟩ есть особая буква ѿ. Значит, 13 мягких обошлись без особых букв. Вместо них для мягких согласных введены ь и я, е, ё, ю, и. 6 букв. Экономия:  $13 - 6 = 7$ . Да еще есть буква Ѹ, она делает то же, что ь — обозначает ⟨j⟩ перед гласными после согласных. Эта буква — не экономия, а расточительство; из сэкономленных 7 букв надо вычесть одну; итого — 6 букв чистой экономии.

Фонем — 39. Будь для каждой особая буква, всего понадобилось бы 39 букв. 6 сэкономили. Осталось 33. Столько их и есть в русской графике.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку [1912]* // Избр. труды по общему языкоznанию. М., 1963. Т. 2.

*Григорьев В. П. Графика и орфография у А. Вознесенского // Нерешенные вопросы русского правописания*. М., 1974.

*Еськова Н. А. О разделительных знаках // О современной русской орфографии*. М., 1964.

*Кузьмина С. М. Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии*. М., 1981.

*Николаева Т. М. Графические средства // Волоцкая З. М., Молоцная Т. М., Николаева Т. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме*. М., 1964.

*Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии*. М., 1963.

*Реформатский А. А. Буква ё // О современной русской орфографии*. М., 1964.

[Фортунатов Ф. Ф. и др.] Постановления орфографической комиссии. Спб., 1912.

*Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) [1928] // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии*. М., 1970.

## Глава 8

### ТЕОРИЯ ПИСЬМА. ОРФОГРАФИЯ

#### § 45. ФОНЕМНАЯ ОСНОВА РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Есть такое правило графики: фонема *<о>* передается буквой *о*. Это правило, однако, не объясняет, как писать гласные первого слога в словах: *собака*, *заря*, *росла*, *растя*, *расписать*.

*Собака* ... Гласный первого слога не может быть поставлен (в этом корне) под ударение. Даны такие члены чередования: *c [а] бака — c [ъ] баковод* ... И все. Но гласные *[а] || [ъ]* входят и в ряд *[ó] || [а] || [ъ]* (фонема *<о>*), и в ряд *[á] || [а] || [ъ]* (фонема *<а>*). Неизвестно, что писать: по фонемному принципу допустимы *и о*, *и а*. Мы пишем *о*, потому что фонема *<о>* действительно реализуется рядом *[а] || [ъ]* (фонемное основание для такого написания есть). Но, кроме того, мы пользуемся здесь и традиционным, условным принципом: выбор между буквами *о* и *а* в пользу *о* фонемно не санкционирован, он условен. Действует правило, применимое только к данному корню: в корне *собак-* безударный гласный передается буквой *о*.

*Заря* ... Фонема в корне — *<о>*: *зори*. (Слово *зарево* в современном языке не однокоренное со словом *зори*; *зарево* нельзя истолковать с помощью слова *зори*.) По общему правилу графики надо писать «*зоря*». Но для форм единственного числа этого слова есть особое (следовательно, орфографическое) правило, по которому надо писать *заря*, *зарей*, *на заре* (написание условно, не фонемно).

*Росли, рости* ... В корне фонема *<о>*: *рос*, *рост* (*выращивать* не показательно: при суффиксе *-ива-* закономерна грамматическая замена фонемы *<о>* на фонему *<а>*: *ходит* — *похаживает*, *носит* — *разнашивает*). Ождалось бы написание *о* во всех словах с этим корнем. Но существует орфографическое правило, которое на свой, особый лад определяет правописание каждого слова с этим корнем. В одних словах и словоформах пишут *о* (*росли*, *росла*), в других — *а* (*расту*, *расти*), хотя корень, конечно, везде имеет фонему *<о>*.

Итак, чтобы верно писать слово, нужно знание не только графики, но и орфографии.

Орфография тоже (как и графика) может быть построена на трех основаниях: фонетическом, фо-

немном или традиционном (условном, иероглифическом). Определить, какова основа русской орографии, можно двумя путями: а) с помощью анализа основных орфографических правил; б) с помощью подсчета орфограмм: сколько букв (в достаточно большом тексте) написано на фонетическом основании, сколько — на фонемном, сколько без этих оснований (в последнем случае написание условно, традиционно, иероглифично).

Проанализируем основные орфографические правила.

1. «Сомнительную» (безударную) гласную поставь под ударение — в той же морфеме. Правило относится не только к корням, но и к грамматическим морфемам: пишем *делом*, потому что (в том же склонении) *веслóм*; пишем к *старушке*, потому что к *сестré*.

2. «Сомнительную» согласную (звонкая она или глухая) поставь перед гласным или сонорным.

Оба правила, бесспорно, фонемны: они учат проверять вариант фонемы ее основной реализацией, той, которая дана в сильной позиции.

3. Обозначение мягкости согласных в сильной позиции не составляет труда. Но в сочетаниях «мягкий согласный + мягкий согласный», где для первого согласного возможна слабая позиция, возникают орфографические трудности. В словоформе *встаньте* пишется *ь*, а в словоформе *о фабриканте* не пишется. Правила в учебниках нередко бывают неопределенны. «Мягкий знак не пишется в сочетаниях *ни*, *нч*, *нн*, *ри*, *чи*, *чн*, *чк...*» (и т. д. — длинный перечень. — М. П.). «В других случаях надо спрашивать в орфографическом словаре». Однако во время диктанта спрашивать в словаре не позволяют, и никто не носит все время с собой орфографический словарь. В другом учебнике сказано: «Между двумя согласными в одних словах пишется *ь* (*возьми*, *Кузьмич*, *бросьте*), а в других не пишется (*медведь*, *бантик*, *мостик*). Правописание таких слов надо запомнить». Это не правило, а отказ от правила, от орфографического руководства к действию.

Однако разумное правило, построенное на фонемных основаниях, возможно и здесь. Было предложено такое: «Мягкость согласных перед следующими мягкими согласными обычно не обозначается мягким знаком (*сентябрь*, *жизнь*, *каменищик*, *птенчик*,  *песня*). Она обозначается только в тех случаях, когда в измененном или

родственном слове мягкий согласный может оказаться перед твердым согласным (*восьми — восьмой, возьми — возьму, письменный — письмо*). Можно, вероятно, еще проще изложить фонемную суть передачи мягкости согласных в нашей орфографии.

Один ленинградский учитель дал такое объяснение: мягкость у согласного бывает своя, а бывает от «соседа». Если уберешь мягкого «соседа», а мягкость остается — она своя, и только тогда она обозначается мягким знаком. Например, в слове *встаньте* «сосед» мягкий — [t']; уберем его: *встань*. Мягкость у [n'] осталась — надо ее обозначить. Наоборот: в слове *банттик* у [n'] мягкость от «соседа»; уберем его: *бант* (сосед уже не мягкий: [t]), — и у [n'] пропала мягкость. Она — от «соседа». Ее обозначать не надо.

Учитель, автор этого правила, был стихийным фонологом. С помощью этого правила вносится разум в то, что казалось совершенно неразумным; бессмысленная зубрежка заменяется пониманием законов русского письма.

Итак, три самых главных правила русской орфографии: о правописании гласных, о правописании глухих и звонких согласных, о правописании твердых и мягких согласных — можно объединить в одно: если неизвестно, какой буквой обозначать звук, то надо найти положение, где звуки хорошо различаются (в составе той же морфемы). Это, по существу, фонемное правило, хотя слово *фонема* в нем не употребляется. Это — главное правило нашего письма, оно говорит о том, что орфография у нас фонемная.

Проверим вывод другим путем. Возьмем текст и подсчитаем, сколько букв пишутся по фонемному принципу, сколько — по другим принципам. Такой подсчет уже был произведен<sup>1</sup>. В разных текстах оказалось фонемных написаний более 90 %.

А сколько написаний отвечают произношению (если предположить, что наша орфография строится на фонетической, звуковой основе)? Их около 70 %. Тоже больше половины. Не считать ли так: русская орфография фонемная и вместе с тем фонетическая, но немного более фонемная, нежели фонетическая? Нет, это неверно.

<sup>1</sup> См.: Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1953. Т. 22. Кафедра русского языка. № 2.

Подсчет, давший 70 %, проводится так. Вот слово *вода* [вадá]. Три буквы «совпадают» со звуками (верно их передают): *в* [в], *д* [д], *а* [а]; одна буква (*о*) неверно передает звук; итого: 75 % фонетических описаний (в данном слове). Такой подсчет ошибочен.

Неверно, что написание *вода* на 75 % фонетическое: оно на 100 % фонемное. «Обозначая в слове *дом* фонемы в их собственном звучании, буквы, естественно, в то же время обозначают это слово по его действительному звучанию в устной речи. Фонетическое письмо передает слово *дом* и ему подобные так же, как и письмо фонематическое. Понятно, что по таким написаниям, одинаковым и для фонематического, и для фонетического письма, определить характер письма нельзя. Напротив, сами эти написания должны быть истолкованы как фонематические или фонетические в зависимости от других написаний, в которых наглядно обнаруживается принцип, лежащий в основе письма ... Иначе говоря, характер письма определяется не тогда, когда фонематический принцип совпадает с фонетическим, а когда они противоречат друг другу»<sup>1</sup>.

Обратимся к тем написаниям, в которых фонетический и фонематический принципы не совпадают, к таким, как буква *о* в слове *вода* (отвечает фонемному — не отвечает фонетическому принципу), к таким, как буква *с* в слове *исписать* (отвечает фонетическому — не отвечает фонемному принципу: фонема здесь ⟨з⟩, ср. *изучить*). Среди таких написаний: фонемных — нефонетических — около 90 %, нефонемных — фонетических — 8 %<sup>2</sup>.

Итак, и графика, и орфография у нас фонемы есть (или фонематические). Поэтому можно, обобщая, сказать: у нас фонемное письмо. «Фонематическое письмо — это такое, в котором одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех ее видоизменениях, как бы она ни звучала в том или ином фонетическом положении. При этом видоизменения фонемы обозначаются на письме по ее основному значению, которое обнаруживается в фонетических положениях, где качество звучания фонем не обусловлено. В результате получается то,

<sup>1</sup> Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание. С. 10.

<sup>2</sup> См. там же. С. 40.

что каждая морфема, коль скоро она содержит одни и те же фонемы, пишется всегда одинаково»<sup>1</sup>.

Распространено мнение, что фонемная теория русской орфографии дискуссионна. Посмотрим, что в этой теории спорно.

Всю теорию орфографии можно свести к таким положениям: 1. В языке существуют позиционные чередования, такие, которые определяются фонетической позицией. 2. Звуки, которые чередуются позиционно, представляют одну фонему. 3. Буквы русского письма обозначают не звуки, а эти ряды позиционно чередующихся звуков как некие целостности.

Вот и вся фонемная теория письма. Что здесь дискуссионно? Пункт второй: название *фонема*. Ведь наличие позиционных чередований в языке никто не отвергает; никто не может оспорить, что звонкие шумные на конце слов, перед паузой, безысключительно заменяются глухими. Бесспорно также, что в написаниях *хлеб — хлеба — хлебца* буква *б* передает последний согласный корня независимо от его позиционных изменений. С этим спорить невозможно. Спорно, оказывается, что «это» называют фонемой. Есть другие теории, которые термин «фонема» истолковывают по-другому.

Ну что же, выбросим пункт второй в изложении основ теории письма. Он имеет терминологический характер. И без него все остается на местах. Конечно, удобнее было бы в третьем пункте сказать вместо длинного «обозначают не звуки, а эти ряды позиционно чередующихся звуков, как некие целостности» коротко и ясно: «Обозначают не звуки, а фонемы». Но можно обойтись и без этого слова. Те факты, которые теперь передают первый и последний пункты, не дискуссионны, никто и не пытается их опровергнуть. Этих положений вполне достаточно для обоснования изложенной теории письма.

Фонемная теория помогает понять огромные достоинства русского письма. Оно едино, целостно, потому что оно фонемно, т. е. передает лишь функционально существенное в нашей речи. Не свалка разнохарактерных правил, а исторически сложившееся единство.

---

<sup>1</sup> Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание. С. 8.

Недостатков в нашей орфографии немало, и все-таки она фонемно разумна, целесообразна<sup>1</sup>.

## § 46. ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА

Наша орфография не вся последовательно фонемная. Есть три важнейших отступления от этого принципа:

1. Правописание приставок на <з>.

Фонемное написание было бы таким: *изписать, розкидать, взплеснуть, низпадать, черезполосица, беспокойный* (ср. в сильной позиции: *изливаться, разливать, взлететь* и т. д.).

Буква *с* в этих приставках пишется по фонетическому принципу, хотя он проведен и непоследовательно (ср.: *безвкусный, расщепиться* и др.).

2. Правописание букв *о, е* после шипящих для выражения <о>.

Правило это построено на основаниях, которые прямо противоречат всем другим правилам (правописание буквы для ударного положения проверяется ... безударными позициями!).

По проекту комиссии Ф. Ф. Фортунатова (1912 г.) предлагалось писать так: если произносится [о] под ударением, то пишется *о*, в безударных слогах — *е*, т. е.: *поджог — выжег, жёны — жена, жосткий — жестка, шолк — шелка, щоки — щека, чорный — чернить*. Это было бы наиболее целесообразное решение вопроса. Не попытаться ли здесь быть фонологически более последовательным и всегда после шипящих фонему <о> передавать буквой *о*? Именно фонемный принцип не советует так поступать. После шипящих обычно непозиционная мена фонем <о> || <э> в корнях: *жердь — жордочка, черти — чорт, шерсть — грубошорстный, щель — щолочка (и щелочка), чешет — очоски, шесть — сам шост, щен<sup>2</sup> — щонная, чертит — чорточка, честь — почот, шепчет — шопот, чернь — чорный, женский — жоны, шедший — шол, счесть — счол, жечь — обжог, жженье — жжоный, прочесть — прочол, желть (цинко-*

<sup>1</sup> Естественно, что явилось желание преподавать фонетику и орфографию в средней и даже начальной школе на фонемной основе. Об одном таком удачном опыте можно прочесть в статье: Жедек П. С., Репкин В. В. Значение теории для обучения орфографии // Обучение орфографии в восьмилетней школе. М., 1974.

<sup>2</sup> Частая подпись В. В. Маяковского под письмами, шутливо: *Счен*.

вая) — жолтый, кошель — кошолка, вечерний — вечер, кишечник — без кишок, дешевле — дешовыи, акушерка — акушор, горшечник — горшок, решетник — все решота и т. д. Так в сильной позиции, под ударением, чередуются ⟨о⟩ || ⟨э⟩. Чередования эти лексикализованы. Определить, что находится в безударных слогах, очень часто невозможно: *шепчет*, *шопот*, *перешоптываться*. Какая фонема — ⟨о⟩ и ⟨э⟩ — в слове *шепоток*, *шептаться*? Требование в каждом случае определить фонему было бы невыполнимо; часто здесь налицо в

безударных слогах гиперфонема  $\left\langle \frac{\text{o}}{\text{e}} \right\rangle$ . Поэтому правило Ф. Ф. Фортунатова максимально фонемно: в сильной позиции фонема передается в своем основном виде — буквой *о*, в слабых позициях пишется буква *e*, которая в русском языке привычна и как передатчик ⟨о⟩ (*нёс* — *несу*) и как передатчик ⟨э⟩ (*лес* — *лесá*).

Правило, предложенное Ф. Ф. Фортунатовым, было снято в комиссиях Временного правительства (1917), где проект реформы редактировался — большей частью не к пользе дела.

### 3. Правописание *ь* после шипящих в конце слова.

Комиссия Ф. Ф. Фортунатова предложила в конце слов после шипящих не писать *ь*: «При сохранении вообще для *ь* значения 1) знака мягкости согласных и 2) знака отделительного не в конце приставок, подкомиссия неизбежно должна была признать излишним написание этой буквы в конце слов за *ж* и *ш*, которые в господствующем произношении всегда тверды (*рож*, *пlesh*, *ходиш*, *даш*, *лиш*, *сплош*, *настеж*). Имея в виду, что звуки *ч*, *щ* в господствующем произношении всегда мягки и что мягкость эта по существующему правописанию не выражается буквой *ь* в середине слов (*безупречный*, *свечка*, *мощный*), подкомиссия предположила не писать *ь* в положении за *ч*, *щ* также и в конце слов, т. е. писать без *ь*: *толоч*, *ноч*, *печ*, *реч*, *точ в точ*, *навзнич*, *вещ*, *помощ*».

Это отвечает духу фонемной орфографии<sup>1</sup>. Предложение постигла та же участь, что и предыдущее.

Есть и другие отступления от фонемного принципа, более частного характера.

<sup>1</sup> См.: Papp F. Русская орфография в венгерской школе // *Slavica VIII. Annales Instituti philologiae Slavica. Debrecen*, 1968.

## § 47. «МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП» В ОРФОГРАФИИ

Фонемный принцип русской орфографии — объективная данность, теория письма отражает ее. Как и все, что связано с фонологией, эта теория вызывает ожесточенные возражения. Говорят, что в основе русской орфографии лежит не фонемный, а морфологический принцип. Суть его в том, чтобы каждую морфему писать одинаково. Корень в словоформах *голова* — *голов* — *головы* произносится по-разному, а пишется одинаково; это и есть проявление морфологического принципа. Обошлись без всякой фонемы<sup>1</sup>.

Сама формулировка этого «принципа» логически ущербна. На вопрос, как писать слова: [гълавá] — [га-лóф] — [гольвы] — дается ответ («морфемной теорией» орфографии): пишите одинаково. Но это не ответ. Сказав, что два объекта должны быть одинаковы, мы еще не дали им никакой характеристики. Морфемы мы, действительно, нередко пишем одинаково (не всегда!). Но как выбрать этот единый буквенный облик слова? Пишем: *дуб* — *дубы*. В одном случае написание передает произношение: *дубы*, в другом — нет: *дуб*. Почему тогда нельзя писать *дуп* — *дупы*? И здесь тоже в одном случае произношение и правописание совпадают, а в другом нет. На этот вопрос теория «морфологического принципа» не может дать ответа. (Ведь в обоих случаях сохраняется единство написания корня.)

Отвечают так: «На этот, якобы «неразрешимый» с точки зрения морфологического принципа, вопрос ... совсем не трудно ответить... Фонетическое написание «*дуп*» ... нельзя выбрать образцом для осуществления единообразного написания морфем (т. е. писать «*дупы*» так же, как «*дуп*», с буквой *n*), так как письмо в этом случае разошлось бы с произношением до потери словами смысла... Написание «*дупы*» и читалось бы как «*дупы*»<sup>2</sup>.

Это не ответ на вопрос, а повторение вопроса в качестве ответа. Задан вопрос: почему избирается именно

<sup>1</sup> О «морфологическом принципе» письма см. подробно в работах: Гвоздев А. Н. Об основах русского правописания // Избр. работы по орфографии и фонетике: К 70-летию со дня рождения. М., 1963; Иванова В. Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. М., 1976.

<sup>2</sup> Иванова В. Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. С. 234.

это единое написание, а не другое? Ответ: а потому, что при другом выборе читать будет неудобно. Но ведь об этом же и спрашивают: почему нельзя выбирать написание «дупы», т. е. почему плохо получается для чтения, для понимания слова?

У фонологов есть ответ на этот вопрос. В слабой позиции две (три, четыре) фонемы нейтрализованы. Можно на письме обозначать либо ту, либо другую — произноситься все равно будет одно и то же — общий вариант, в котором слились обе фонемы. Написано ли будет слово *дуб* с *б* или с *п* — все равно произнесут [п]. Другое дело — сильная позиция. В ней фонемы реализованы по-разному, они не совпадают в одном звуке. И если написать *п*, то и произнесут [п]; если написать *б*, то и произнесут [б]. Следовательно, можно орфограмму в слабой позиции равнять на сильную, но не наоборот.

Сторонники «морфологического принципа» такого ответа дать не могут. В основе их теории лежит призыв писать «одинаково», а на что ориентировать эту одинаковость, они знают практически (это знает каждый пишущий), но теоретически ее осмыслить — в рамках своей теории — не могут.

А что если при защите «морфологического принципа» использовать термин «сильная позиция»<sup>1</sup>? Сильная позиция — понятие, которое не существует без понятия «слабая позиция». Слабая позиция — та, в которой нейтрализованы фонемы. Включить в объяснение понятие «сильная позиция» — значит признать, что ответить на поставленный вопрос (почему не *дупы*) без помощи фонологии нельзя.

Теория «морфологического принципа» в орографии не ладит с фактами. Каждую морфему надо передавать в одном и том же буквенном облике — вот ее идеал.

Не мысля гордый свет забавить,  
Вниманье дружбы возлюбя,  
Хотел бы я тебе представить  
Залог достойнейе тебя...

<sup>1</sup> Так и поступил автор цитированной книги во втором издании (см.: Иванова В. Ф. Современный русский язык: Графика и орография. С. 234); сказав, что «дупы» писать нельзя, она затем добавляет: «...так как [б] в словоформе *дубы* находится в сильной позиции по глухости — звонкости...» — до этого и после этого о сильной позиции в книге речи нет. При этом антифонологическая направленность всей теории «морфологического принципа» и в этом издании полностью сохраняется. Невероятио, но факт!

Возьмем эти всем известные строки (а можно взять и любые другие) и посмотрим, осуществлен ли в русском письме принцип буквенного единообразия морфемы.

Ч е р е д у ю т с я:		
не мысля	мышление	с — ш
гордый	горжусь	д — ж
забавить	забавлю	в — вл
вниманье	внимать, внять	ним — ня
дружбы	друг, друзья	г — ж — з
возлюбя	возлюблю	б — бл
хотел	хочу	т — ч
тебя	тобой, ты	теб — тоб — т
представить	представлю	в — вл
залог	заложить	г — ж
достойнее	достоин	й — и

В четверостишии только одно полнозначное слово — *свет* — не имеет в корне чередований (конечно, *яркий свет* — *свеча — освещение* — слова с другим корнем, в современном русском языке это, несомненно, так).

Оказывается, в русском письме однообразный буквенный облик слов вовсе не выдерживается. Поэтому, сформулировав основной «морфологический принцип» письма, необходимо (чтобы не войти в противоречие с фактами) добавить: «Само собой разумеется, традиционные чередования *сон — сна,ходить — хожу* и т. п. на письме обозначаются». Но это не «само собой разумеется»: это «разумеет» фонемная теория.

Когда теоретики «морфологического принципа» говорят: традиционные (= непозиционные) чередования обозначаются, то имеют в виду: а позиционные нет. Но фонемный принцип письма орфографии в том и состоит, что не должны передаваться позиционные (и только позиционные) чередования, а традиционные (непозиционные) должны. Фонемная теория это даже доказывает.

Может быть, можно так рассуждать: конечно, требование морфемной теории орфографии — писать одну и ту же морфему в разных словах одинаково — в ряде случаев не выполняется. Но ведь и требование фонемной теории орфографии тоже в ряде случаев не выполняется! (см. 8, 46). Значит, в этом отношении обе теории равны.

Нет, это неверно. Те непоследовательности, которые говорят о неполном воплощении в нашей орфографии фонемного принципа, всегда ведут к затруднениям при овладении письмом, они могут быть (не сегодня и

не завтра, а в принципе) исправлены, вместо них возможно последовательное использование фонемного принципа. И это облегчит письмо. Не таковы отступления от морфемного принципа. Они не исправимы, потому что они есть непоследовательность только с точки зрения этого принципа, а с точки зрения целесообразности письма они хороши и никакому исправлению не подлежат. Невозможно писать вместо *ручка* — «*рукка*», вместо *вручить* — «*врукить*», вместо *пуши* — «*пустю*», вместо *утомление* — «*утомение*» и т. д. А этого требует принцип — писать морфему всегда одинаково (если его провести последовательно).

В. К. Тредиаковский писал: «Мы произносим например *т* в слове *упатка* от *упадок*... то *т* и надобно писать, а не *д*». Ведь мы иногда передаем на письме произношение, не соблюдая единства орфограмм: «Древняя наша орфография не может всегда наблюдать характеристических букв в производных словах. Может ли она написать *возможность* от *возмогу*, не меняя *г* на *ж*? Всяк из нас скажет, что не можно так писать». Если в случае *возмогу* — *возможность* мы передаем на письме чередование согласных, то, рассуждал В. К. Тредиаковский, надо во всех случаях передавать чередования и писать *упатка*, *улас* и т. д.

Рассуждение Тредиаковского повторяли многие учёные на протяжении всего XIX в. (В. П. Шереметевский, Р. Ф. Брандт и др.). Недоумение разрешила только фонемная теория. Она объяснила, в чем различны позиционные и непозиционные чередования: позиционные нефункциональны, поэтому их можно не передавать на письме. Фонемная теория объясняет разумность нашего письма.

Зачем нужна теория «морфологического принципа» в орфографии?

1. Для того, чтобы «опровергнуть» фонемную теорию. Это не удалось.

2. Для того, чтобы оправдать те минусы, которые есть в русской орфографии, и представить их плюсами<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> «Историческая и структурно-синхронная ограниченность возможности применения морфологического принципа к упрощению и усовершенствованию современного русского правописания породила желание воспользоваться другим — более широким и отвлеченым принципом усовершенствования орфографии — а именно: принципом фонемным, или фонематическим» (Виноградов В. В. О необходимости усовершенствования правописания // Вопросы русской орфографии. М., 1964. С. 16).

Главные минусы были обнаружены комиссией Ф. Ф. Фортунатова, но они вполне отвечали «морфологическому принципу». Написания *желудь* — *желудей* или *шелк* — *шелка*, *челка* — *чело* морфологичны (жалко, что крайне неудобны на письме). Надо добавить, что и все написания, от которых нас избавила реформа 1917 г., тоже были вполне морфологичны: *снѣгъ* — *снѣжный* — *снѣговой* — *снѣжинка*. Если следовать «морфологическому принципу», их не следовало изменять. Но их изменили. Так что есть надежда, что и другие предложения Ф. Ф. Фортунатова и его соратников тоже когда-нибудь будут реализованы, хотя это и не соответствует духу «морфологического принципа».

Итак, «теория морфологического принципа» 1) не обеспечена мыслью; 2) не соответствует фактам.

Обозначим: над буквой цифру «1» — если буква пишется по фонемному принципу, цифру «2» — если по традиционному, цифру «3» — если по фонетическому. Цифры «1—2» — если и по фонетическому и по традиционному:

1 1 1 1 1 1	11—2 1 1 1 1	1 1 1 2 1	1—2 1 1 1 1	1 2 1 1
голова,	с о бака,	з лого,	стихи,	заря,
1 2 3 1 1 1 1 1	1 1 1 1 1 1 1 1 1	1—2 1 1 1 1	1 1 1—2 2	
расписка,	переписыв а ться,		лишь	
1 1 1 2	1 1 1 1 2 1 1 1	2 1 1	1—2 1—2 1—2 1 1 1 3 1 1 1	
мышь,	помощник,	что,	а б с тракция,	

(ср. *абстрагировать*).

Наша графика и орфография в основе своей фонематичны. Это обусловливает их высокие достоинства.

#### § 48. ОРФОГРАФИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Но есть особые орфографические подсистемы, где фонемный принцип сильно потеснен. В них фонемный и традиционный (условный) принципы выступают на равных правах. Это — подсистемы собственных имён. «Если в написании *того же* (фонетически и морфологически), в написании имён нарицательных нельзя допускать разнобоя и следует добиваться единых орфограмм, например, писать всегда: *огарок*, *огонь*, *плотский*, *кулацкий*, и не допускать написания *агарок*, *агонь*, *плоцкий*, *кулатский* и т. п., то в написании имён собственных возможны *Огарков* и *Агарков*, *Огарково* и *Агар-*

*ково, Огнивцев и Агнивцев, Высотский и Высоцкий, Оленин и Аленин* и т. п. Если в написании нарицательных имен императивом служит обязательная общность на базе общенационального языка и единого орфографического принципа (фонематического — на худой конец «морфологического», что, конечно, не одно и то же!), то при написании имен собственных многое зависит от регионального и индивидуального... и даже от описок паспортистов и картографов!» (А. А. Реформатский).

В собственных именах резко возрастает количество гиперфонем — единиц, не проверяемых сильной позицией. В слове *огонь* первый гласный передан буквой *о* — это фонемное написание (ср. *огненный*, поэтому ⟨огон’⟩). Но фамилия *Огнивцев* или *Агнивцев* не имеет в современном русском языке живой связи ни со словом *огонь*, ни со словом *огненный*. Значит, *Огнивцев* (или *Агнивцев*) = ⟨ $\frac{a}{o}$ ⟩*гнивцев*, и буква *A* или *O* в начале

фамилии пишется не на фонемном, а на фонемно-традиционном основании. В слове *пушка* пишется *ш*, и это фонемное написание (ср. *много пушек, пушечный*, след. ⟨пушка⟩), но фамилия *Пушкин* — не однокоренная со словом *пушка* (однокоренные слова имеют общность не только звуковую, но и смысловую, а *Пушкин* и *пушка* по смыслу не связаны); поэтому *ш* пишется по фонемному и традиционному принципу.

Легко доказать, что в корнях слов: *Толстой* и *толст*, *Островский* и *остров*, *Чайковский* и *чайка*, *Козьма Прutков* и *прут*, *пруток* — разные орфограммы. Например:

1 1 1 1 1 1	1 1 1 1 1 1	но	1 1 1 1-2 1
<i>пруток,</i>	<i>прутки,</i>		<i>Прут к - (ов)</i>

Собственные имена пишутся с большой буквы. Неверно, что эта особенность совершенно не связана с фонемной характеристикой нашего письма: большая буква выделяет слова, которые составляют особую подсистему — и особую именно в отношении использования фонемного принципа<sup>1</sup>. (Другой, конечно, смысл имеет большая буква в начале предложений.)

<sup>1</sup> См.: Реформатский А. А. Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. М., 1965; Калакуцкая Л. П. Орфография фамилий // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.

Заметим, что и слитные ~ раздельные написания не лежат вне фонемного принципа: они, хорошо или плохо, связаны с передачей пограничных сигналов, а пограничные сигналы — явление фонематическое.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Аванесов Р. И.* Приставки на <з>: О правописании приставок на -з в связи со смежными вопросами // *О современной русской орфографии*. М., 1964.

*Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Реформа орфографии в связи с проблемами письменного языка [1930] // *Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии*. М., 1970.

*Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Чельцова Л. К.* Письма об орфографии. М., 1969.

*Виноградов В. В.* О необходимости усовершенствования нашего правописания // *Вопросы русской орфографии*. М., 1964.

*Гловинская М. Я.* Написание двойных согласных в заимствованных словах // *Проблемы современного русского правописания*. М., 1964.

*Дурново Н. Н.* К вопросу о реформе русского правописания // *Русский язык в советской школе*. 1930. № 3.

*Еськова Н. А.* Графическая передача фонемы <и> в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом // *О современной русской орфографии*. М., 1964.

*Еськова Н. А.* Передача фонемы <о> после шипящих и <ц> // *Проблемы современного русского правописания*. М., 1964.

*Ильинская И. С., Сидоров В. Н.* Современное русское правописание // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1953. Т. 22. № 2.

*Калакуцкая Л. П.* Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных // *Орфография собственных имен*. М., 1965.

*Кузьмина С. М.* Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981.

*Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)* / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1965.

*Орфография и русский язык* / Под ред. И. С. Ильинской. М., 1966.

*Реформатский А. А.* Упорядочение русского правописания // *Русский язык в школе*. 1937. № 1 и 6; 1938. № 1.

*Реформатский А. А.* Орфография собственных имен // *Орфография собственных имен*. М., 1965.

*Ушаков Д. Н.* Русское правописание: Очерк его происхождения, отношение его к языку и вопросы о его реформе [1911]. М., 1917.

*Шапиро А. Б.* Русское правописание [1951]. М., 1961.

# ЛЕКСИКОЛОГИЯ

## ВВЕДЕНИЕ

### § 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Язык часто и не без основания называют «языком слов». В самом деле, слова — его непосредственно воспринимаемые конкретные единицы. Их совокупность образует словарный состав языка, или его лексику. Наука, изучающая лексику, называется лексикологией.

Слово как единица языка выступает объектом разных лингвистических дисциплин: в фонетике изучается его звуковая сторона, в словообразовании — строение и способы образования, в морфологии — его грамматические формы и значения, в синтаксисе — способы соединения слов и форм слов в словосочетания и предложения. В лексикологии слово рассматривается как единица словарного состава языка, имеющая некое предметное (лексическое) значение. Слово *стол*, например, представляет здесь интерес прежде всего как название предмета мебели: *обеденный (письменный) стол*, специального оборудования: *операционный стол*, питания, пищи: *обильный (диетический) стол*, того или иного отделения в учреждении: *стол заказов (находок)*, как единица, которая находится в определенных отношениях с другими однородными по значению лексическими единицами, скажем, как входящая в класс наименований мебели вместе со словами *стул, кресло, диван, кровать, шкаф* и т. п.

Противопоставление грамматических форм слова (словоформ) в одном и том же значении (*Мне нравится этот стол; Мы сидим за столом; Привезли новые столы для читального зала*) является несущественным для лексикологии. Это предмет изучения грамматики. И, наоборот, изучение сходства и различия смысловых вариантов одного и того же слова во всей системе их форм (*стол, стола, столу... — 'предмет мебели', стол, стола, столу... — 'питание, пища'* и т. п.) — одна из важных задач лексикологии.

Подобно другим единицам языка единицы лексики образуют некоторые системные отношения. Раскрытие природы и описание системного характера лексики представляют основной предмет и главную задачу современной теоретической лексикологии. Ей подчинены частные задачи: 1) изучение лексической семантики (природа, виды и типы значений слов, структура лексических единиц, синтагматические и парадигматические отношения в лексике, категориальные отношения лексических единиц: многозначность, омонимия, синонимия, конверсия, антонимия, семантическое поле и др.); 2) классификация словарного состава языка по основным оппозициям [лексика исконная и заимствованная, активная и пассивная (устаревшая и новая), общенародная и ограниченного употребления (терминологическая, диалектная, жаргонная), стилистически нейтральная и маркированная, например книжная или разговорная, и др.]; 3) систематизация основных типов фразеологических единиц; 4) разработка общей типологии словарей и описание основных типов словарей русского языка.

## § 2. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА

Как уже говорилось, единицы языка связаны между собой и зависят друг от друга. Они образуют систему — множество элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом. В лексической системе языка такими элементами являются простейшие единицы — «слова-понятия», как их называл Л. В. Щерба<sup>1</sup>, т. е. слова, взятые в одном из их значений (например, *стол* как обозначение предмета мебели) или однозначные слова (*береза*). Из таких простейших «клеточек», отражающих соответствующие сегменты действительности (предметы, свойства, явления, отношения и т. п.), и складывается лексическая система языка как определенная целостность.

«Слова-понятия» — элементы лексической системы — тесно взаимодействуют друг с другом; их могут связывать отношения: смысловой мотивированности внутри одного и того же слова (*тяжелый* — ‘имеющий боль-

<sup>1</sup> Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 291.

шой вес', *тяжелый*<sub>2</sub>—'грузный, лишенный легкости', *тяжелый*<sub>3</sub>—'трудный, требующий большого труда, усилий'...), эквивалентности (*тяжелый* — *тяжеловесный*), противоположности (*тяжелый*—*легкий*), обратности обозначаемых отношений (*чемодан тяжелее сумки* — *сумка легче чемодана*), включения элемента в класс (*тяжелый* — как одно из наименований класса обозначенний веса). Такие отношения единиц, лежащие в основе категории многозначности, синонимии, антонимии, конверсии, семантического поля, буквально пронизывают лексику, организуя ее как систему. Своебразную семантически «негативную» категорию представляет собой омонимия — «равноименность» разных языковых единиц. Все производные базового слова иерархически организованы на основе мотивационных отношений в системе словообразовательных гнезд (см. «Словообразование», 7, 48). Лексические единицы оказываются, таким образом, достаточно упорядоченными системно, входя в целую сеть разнообразных и пересекающихся структурно-смысловых отношений.

Системность лексики проявляется, однако, не только в том, что ее единицы могут быть распределены по семантическим полям (ср. обозначение времени, пространства, цвета, движения, рода и т. п.), категориальным классам (классы многозначных слов, синонимов, антонимов и др.), оппозициям типа исконное ~ заимствованное, активное ~ пассивное, общеупотребительное ~ ограниченное, нейтральное ~ стилистически маркированное и т. п., но и в самом характере употребления лексических единиц, где есть свои закономерности. Обращает на себя внимание прежде всего то, что содержательно тождественные и близкие лексические единицы, принадлежащие к одному семантическому полю, классу, употребляются одинаково или достаточно сходным образом, обнаруживая полностью или существенно совпадающую сочетаемость с другими словами, ср., например, полные и частичные синонимы: *орфография* — *правописание*, *друг* — *товарищ*. Слова же с далекими друг от друга значениями, например *необходимость* и *барабан*, напротив, не обнаруживают общей характерной сочетаемости.

Существуют свои закономерности и в использовании единиц той или иной лексической категории: так, варианты (значения) многозначного слова обнаруживают тенденцию употребляться преимущественно в несовпа-

дающих контекстах; напротив, антонимы реализуют свою главную функцию противопоставления в одних и тех же контекстах. В сочетании того или иного слова с другими словами в тексте есть свои законы, определяемые системой языка: между значением данного слова и значениями сочетающихся с ним слов должно быть смысловое согласование (см. 1, 3). Так, характерную сочетаемость глагола *лететь* — ‘перемещаться по воздуху’ образуют его связи в тексте прежде всего с такими классами слов, которые обозначают птиц, насекомых, летательные аппараты: *голубь* (*стрекоза, самолет, ракета*) *летит*, пассажиров или экипаж: *Туристы летят на скоростном лайнере*, предметы, приводимые в быстрое движение силой толчка, удара: *камень (мяч, пуля) летит*, человека, животных, наземные и водные средства передвижения (при обозначении быстрого, как полет, движения):  *всадник (конь, поезд, катер) летит*, быстро проходящее время: *время летит, летят дни (года)*, и некоторыми другими. В качестве определителей и уточняющих характеристик здесь используются классы слов, обозначающих исходный пункт, направление, цель, скорость полета и др.

Существенно подчеркнуть, что системность в лексике может быть как очевидной, непосредственно наблюдаемой, так и уходить своими корнями в «глубину» языка, т. е. обнаруживаться на определенном уровне абстракции, проявляться в глубинной структуре языка. Смысловые различия глаголов *вязать* (*свитер*), *наживать* (*состояние*), *разбивать* (*сквер*), *сажать* (*кляксу*), *составлять* (*список*), *строить* (*дом*), как и множества им подобных, оказываются не столь существенными, как кажется на первый взгляд, и обусловлены конкретными значениями соответствующих существительных. Подобные глаголы имеют один и тот же объединяющий их «глубинный смысл» — ‘каузировать’, т. е. делать так, чтобы что-то появилось, начало иметь место. С помощью нескольких десятков таких функций оказывается возможным систематизировать всю несвободную сочетаемость слов языка.

Лексическая система сходна по своей структуре с другими системами, изоморфна им: ее единицы подобно, скажем, фонемам и морфемам взаимодействуют друг с другом в контексте, входят в определенные классы единиц, противопоставляются или, напротив, нейтрализуются, образуют классы и т. п.

Вместе с тем лексическая система по сравнению с другими системами значительно сложнее: количество ее элементов и разнообразие их отношений не идут ни в какое сравнение с элементами других систем. «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах насчитывает свыше 120 000 слов, число же фонем в разных языках не превышает нескольких десятков. При этом надо иметь в виду, что большинство употребительных слов многозначно по своей природе. У глагола *идти*, по данным этого словаря, 26 значений. Исключительно разнообразны и взаимоотношения лексической единицы с контекстом: ведь для того, чтобы различать значения полисемичного слова, необходимы соответствующие типовые «опознавательные контексты» (для большинства слов — многочисленные).

Характерной особенностью лексической системы является также ее открытость. Лексика как самый «подвижный» уровень языка в наибольшей степени отражает изменения, происходящие в различных сферах жизни. Следствием этого является наличие в ней неологизмов и устаревших слов. Устойчивость и подвижность элементов лексики характеризуются определенным равновесием.

Разумеется, не все в лексике структурировано в равной мере: одни из микросистем более упорядочены, чем другие. Здесь есть и асистемные явления, подобно тому, как в правилах могут существовать исключения, не умаляющие, однако, значения самих правил.

Как будет показано ниже (см. 2, 12), одним из важнейших принципов структурирования лексики являются родо-видовые отношения слов: *роза, тюльпан, гвоздика, астра, незабудка, подснежник...* — цветок; *физика, химия, география, биология, история, литературоведение, языкознание...* — наука.

Такое включение однородных единиц в соответствующий класс осуществляется на основе их принадлежности к определенным семантическим полям, совокупность и взаимодействие которых являются ярким проявлением системной организации лексики. Однако в последовательном членении семантических сфер лексики на классы, подклассы, микросистемы и более частные группы наряду со строго системными отношениями можно обнаружить и асистемные отношения, известные отклонения от системы, «сбивы» в классификации. Говоря о подобных лексико-семантических системах с обоб-

щающими родовыми словами, В. А. Звегинцев отмечал, что «не все слова языков, обладающих такими обобщающими словами, можно распределить по группам, имеющим единое обобщающее слово. Члены некоторых лексических групп, хотя и объединяются по принципу наличия в них общего семантического начала, однако вместе с тем наделяются такой добавочной смысловой нагрузкой стилистического или идеографического порядка, которая тянет их в разные стороны и препятствует выделению обобщающего слова. В лексическом ряду: *спешить* — *торопиться* — *нестись* — *лететь* и пр. трудно найти слово, которое было бы способно заменить собой все эти слова, вместе взятые (как слово *дерево* заменяет название любой породы деревьев или каждое по отдельности)»<sup>1</sup>. Нет, например, в русском языке и родового названия садовых кустарников: *смородина*, *малина*, *крыжовник*...

Не все одинаково системно в многозначности слов. Так, существительные, обозначающие цифры (*единица*, *двойка*, *тройка*, *четверка*, *пятерка*, *шестерка*, *семерка*, *восьмерка*, *девятка*, *десятка*), обычно развиваются значения ‘цифра’, ‘оценка знаний’, ‘игральная карта’, ‘автобус, троллейбус, трамвай определенного маршрута’, ‘группа людей в каком-нибудь количестве’, ‘лодка в спортивном соревновании (по числу весел)’. И здесь наряду с общей и даже поразительно стройной системностью значений обнаруживаются факты асистемного характера: изолированными оказываются значения ‘упряжка (из трех лошадей)’ у слова *тройка*, ‘карточная игра’ у существительного *девятка* и др.

Причины экстралингвистического характера «задерживающих» развитие некоторых значений: ‘оценка’ — у слов, начиная с *шестерки* (пятибалльная система), ‘лодка’ — у нечетных наименований (так как название спортивной лодкидается по числу парных весел: *четверка*, *восьмерка*) и т. п.

Антагонистические отношения выражаются регулярно, системно разными словами: *горячий* — *холодный*, *приходить* — *уходить*, но и здесь могут быть асистемные отступления, когда противоположные смыслы могут передаваться значениями одного и того же слова: *оговориться* — ‘сделать оговорку’ (специально, сознательно) и *оговориться* — ‘ ошибиться’.

<sup>1</sup> Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957. С. 269.

Факты асистемности, имеющие место в языке, должны учитываться, но не должны преувеличиваться: они осознаются на фоне регулярных, системных отношений, превалирующих над ними.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 84—133.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977 С. 5—20.

# Глава 1

## ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

### § 3. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

#### Семасиология и ономасиология — два раздела лексической семантики

Значение языковых единиц изучается в особом разделе языкоznания — с е м а н т и к е . Лингвистическая семантика как научная дисциплина имеет своим предметом исследование значения единиц разных уровней языка. Объект лексической семантики — предметно-понятийное значение слова.

Лексическая единица представляет собой единство знака, т. е. ее звуковой или графической стороны, и значения, т. е. специфически языкового отражения определенного предмета (явления) действительности, скажем, в виде ее словарного определения.

В процессе речевого общения слушающий (читающий) декодирует (воспринимает) текст, а говорящий (пишущий), кодируя смысл, порождает текст, меняясь соответственно ролями. В одном случае возникает вопрос: «Что значит это слово?»; в другом: «С помощью какого слова (или каких слов) можно выразить это понятие (этот смысл)?» Значения лексических единиц могут поэтому исследоваться в двух противоположных направлениях: от знака к значению и от значения к знаку. В соответствии с этим выделяются два раздела (аспекта) семантики: с е м а с и о л о г и я , в которой значение изучается в направлении от плана выражения к плану содержания, и о н о м а с и о л о г и я , где значение изучается в направлении от плана содержания

к плану выражения. Эти аспекты семантики неразрывно связаны друг с другом как теория значения и обозначения.

Выделение указанных разделов в современной семантике существенно для понимания природы основных лексических категорий, одни из которых являются преимущественно семасиологическими (например, многозначность), другие — ономасиологическими (например, синонимия, семантическое поле); разграничение этих аспектов существенно и для типологии словарей семасиологической и ономасиологической ориентаций (ср. толковый словарь, с одной стороны, и идеографический или синонимический — с другой).

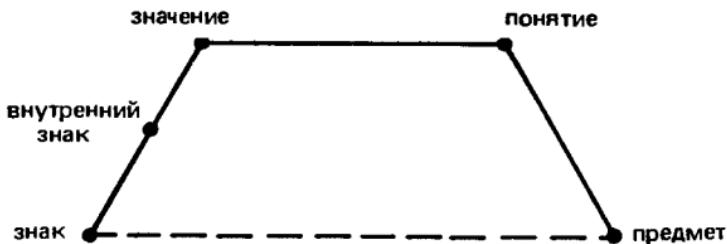
## Факторы, определяющие значение лексических единиц

Основной функцией лексической единицы является номинация, т. е. называние предметов, существ, явлений, признаков, отношений, действий и др. Между такой единицей и соответствующим предметом (в широком смысле этого слова) устанавливается определенная отражательная связь, закрепленная в практике речевого общения, в силу чего слово обладает известным предметно-понятийным, или лексическим, значением.

Эта функция качественно отличает лексическое значение от словообразовательного и грамматического, которые обозначают прежде всего смысловые отношения между производящей основой и основой производного слова или различными взаимосвязанными грамматическими формами слов. Значение слова как номинации всегда конкретнее значения корневой морфемы, так как последняя не может быть непосредственно наименованием предмета, лишена лингвистической категориальности (значения предметности, свойства, признака, действия и др.) и передает лишь общее понятие чего-либо; ср., с одной стороны, *теплый, тепло, теплота, теплеть* и *-тепл-* — с другой.

Значение лексической единицы определяется рядом факторов, важнейшими из которых являются отражаемая в языке внеязыковая действительность, мышление и система языка. Взаимосвязь и взаимодействие этих факторов могут быть наглядно представлены в виде трапеции<sup>1</sup>:

<sup>1</sup> Эта модель лексического значения является современной модификацией «семантического треугольника» Огдена — Ричардса (см.: Ogden C. K., Richards I. A. The meaning of meaning. N.-Y., 1927), в котором понятие и значение совмещаются в одной вершине, не дифференцируются.



В лексическом значении находит обобщенное отражение определенный предмет, «сегмент», «кусочек» действительности; слово является названием не отдельного предмета, а целого класса предметов, так как «в языке есть только о б щ е е»<sup>1</sup>. Лексические единицы являются обозначениями множества подобных предметов.

Предметы и явления действительности отражаются в сознании человека в виде логических понятий и языковых значений.

Понятие как форма мышления и категория логики представляет собой отражение всех существенных с точки зрения общественной практики признаков и свойств предмета, итог его познания. Научное описание понятия «вода» занимает, например, много столбцов убористого текста в энциклопедиях; ему посвящены целые монографии. Оно неизмеримо богаче по содержанию, чем значение слова. Отметим в этой связи, что главное значение слова *вода* кратко определяется в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова как ‘прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой в чистом виде химическое соединение водорода и кислорода’.

Лексическое значение слова — категория языка. Это специфически языковое отражение предмета, его краткая характеристика. Если основное назначение понятия — давать полное научное отражение объекта, то главная функция значения — экономно и эффективно намекать на определенное внеязыковое содержание, на специальные знания, имеющиеся в человеческом опыте. Лексическое значение — это минимальный набор наиболее характерных дифференциальных признаков (взятых обычно из числа признаков понятия), позволяющий экономным образом «опознать» обозначаемый

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 249.

предмет. В отличие от научного понятия языковое значение называют «наивным понятием», т. е. обыденным представлением о предмете (явлении), характерным для среднего интеллигентного носителя языка и основанным часто на донаучных понятиях, закрепленных в языке<sup>1</sup>; такие понятия могут иногда существенно не совпадать: ср. понятие высоты в геометрии (перпендикуляр, опущенный из вершины геометрической фигуры на основание; в треугольнике, например, их три) и в повседневной практике (вертикальная линия, идущая снизу вверх: *высота дома*).

Являясь составной частью лексической единицы, значение оказывается неразрывно связанным в системе языка с соответствующим знако м — внешним и внутренним. Внешний (материальный) знак, представляющий слово в устной или письменной речи, — это звуковая (графическая) оболочка слова: *вода* [влáдá]; внутренний знак — психический образ звучащего или написанного слова, его аналог во внутренней речи. При помощи внутренних знаков и соответствующих значений человек формирует мысль, думает «про себя», при помощи внешних — «переводит» мысль в устную или письменную речь, делая ее доступной для других. За каждым знаком закрепляется определенное значение. Их единство и образует лексические единицы, с помощью которых членится в языке отображаемый в них мир. Поскольку количества знаков, а также характер их соотношения при обозначении определенного «сегмента» действительности в разных языках обычно не совпадают, постольку значения слов в таких языках могут различаться по своему смысловому объему. В этом смысле состав и взаимоотношение наличных знаков в системе языка оказываются существенной предпосылкой, определяющей объем содержания и смысловые границы слов.

Лексическое значение, тесно связанное в составе слова с определенным языковым знаком, соотносится благодаря отражательной деятельности мышления с предметами внеязыковой действительности. Прямой связи между знаком и предметом нет: она опосредована мышлением и языком, отражающими объективно сущ-

<sup>1</sup> А. А. Потебней соотношение значения и понятия понимается как взаимоотношение ближайшего и дальнейшего значения слова (см.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2. С. 19).

ствующий мир. Исключение составляют лишь звуко-подражания: *апчи*, *капать* (ср. *кап-кан*), *кукушка*, *мяукать* и т. п.

Так лексическое значение единицы, обусловливаясь рассмотренными выше факторами, получает в языке свою определенность и специфику.

## Виды лексического значения

У языковой единицы можно выделить различные виды лексического значения, взаимосвязанные друг с другом в пределах единого целостного объекта.

1. Сигнifikативное значение лексической единицы представляет собой специфически языковое отражение действительности. В этом своем аспекте лексическое значение выступает как «собственно семантическое», намекающее на определенное внеязыковое содержание. Такое значение прежде всего и раскрывается в словарях. По определению А. И. Смирницкого, это — «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании... входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка...»<sup>1</sup>. Сигнifikативное значение отвечает на вопрос: «Что значит данное слово?»

2. Структурное значение является формальной характеристикой свойств лексической единицы, фиксирующей ее место в системе. В его основе лежит отношение знаков друг к другу. Выделяются два типа структурного значения: синтагматическое и парадигматическое.

Синтагматическое структурное значение, или валентность, характеризует линейные отношения лексической единицы, ее характерную сочетаемость с другими единицами. Совокупность слов, с которыми может сочетаться лексическая единица, образует ее дистрибуцию.

В собственно лексическом плане сочетаемость языковой единицы с другими регулируется законом семантического согласования слов, согласно которому в смысловую связь вступают только те единицы, в значении которых есть общие, повторяющиеся семантические компоненты (см. 1, 4). Например, в соче-

<sup>1</sup> Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 152.

таниях *пить воду* (*чай, кофе, сок*) таким повторяющимся, общим семантическим компонентом является ‘жидкость’; он входит в толкование всех этих слов: *пить* — ‘проглатывать жидкость’, *вода* — ‘прозрачная бесцветная жидкость’, существительные *чай, кофе, сок* толкуются через слово *напиток* — ‘жидкость для питья’ [ср. в этой связи невозможность таких сочетаний, как «*пить хлеб (бутерброд, яблоко)*»]. Слова *идти, ехать*, с одной стороны, и *медленно, быстро* — с другой, семантически согласуются между собой благодаря общему смысловому компоненту — ‘скорость’, сочетание же «*стоять медленно*» оказывается невозможным, так как глагол *стоять* обозначает статическое состояние и не содержит в своем значении указанного компонента.

Синтагматическое структурное значение (валентность) лексической единицы — одна из ее важнейших характеристик, раскрывающая закономерности употребления слов в тексте. Важно знать не только то, что значит слово, но и то, как оно употребляется в языке.

Парадигматическое структурное значение характеризует нелинейные отношения лексических единиц, образующих в силу их семантической общности определенный класс (парадигму в широком смысле этого слова). Эту разновидность структурного значения, с помощью которой определяется место данной единицы в парадигме путем ее противопоставления другим единицам класса, называют *значимостью* (ср. *valeur* Ф. де Соссюра). В качестве примеров лексических парадигм могут быть названы синонимический ряд, антонимическая пара (группа), лексико-семантическая группа (например, название частей тела), семантическое поле (обозначение наименований родства, времени, пространства и т. п.). Каждая единица лексики, помимо своего собственно смыслового содержания, характеризуется не только свойственной ей валентностью (сочетаемостью в тексте), но и определенной значимостью в системе. Так, значимость слова *утро* (=x) определяется его промежуточным положением в парадигме между словами *ночь* и *день*: ... *ночь* — *утро* — *день* — *вечер*..., т. е. *ночь* — x — *день*; ср. сигнификативное значение этого слова — ‘начало дня’.

Парадигматическое и синтагматическое значения лексических единиц оказываются соотнесенными как их взаимосвязанные структурные характеристики. Чем

ближе друг другу такие единицы в парадигме, тем больше сходства в их употреблении. Абсолютные или очень близкие по значению синонимы, например, употребляются совершенно или почти одинаково.

Структурное значение образует формальный «каркас» лексического значения, который позволяет отождествлять и различать языковые единицы по их валентности и значимости и наполняется конкретным содержанием в ином — отражательном, сигнификативном аспекте.

Важно подчеркнуть, что один и тот же «сегмент» действительности, одно и то же понятийное содержание могут быть по-разному распределены между словами в различных языках, и тогда значимости соотносительных лексических единиц, их сочетаемость и объемы значения полностью не совпадают;ср. англ. wash — ‘мыть’, ‘стирать’ и русск. мыть и стирать:

wash	мыть
	стирать

Англ. to wash one's feet (a cup, the floor); to wash a dress (a shirt), русск. вымыть ноги (чашку, пол), но: выстирать платье (рубашку). Английский глагол wash лишь частично соответствует русскому глаголу мыть в силу их различной значимости в системах сопоставляемых языков, а последний «покрывает» лишь часть содержания первого.

3. Эмотивное значение представляет собой оценочный, эмоционально-экспрессивный компонент значения лексической единицы, выражаемый обычно с помощью стилистически окрашенных слов (эти слова снабжены в словарях специальными стилистическими пометами). Выбор стилистически маркированного слова служит выражением того или иного закрепленного в языке оценочного отношения говорящих к обозначаемым фактам; последнее же оказывает соответствующее интеллектуально-эмоциональное воздействие на тех, кто воспринимает речь.

Толкование слов с эмотивным значением представляет двучленную структуру:  $M \cdot C$ , где  $M$  («модальная

рамка», по терминологии А. Вежбицкой<sup>1</sup>) символизирует эмоционально-оценочное отношение к обозначаемому и представляет эмотивное значение (эстетическую, переживаемую информацию), а *C* — сигнификативное значение (семантическую информацию).

Различие в эмотивном значении лексических единиц становится особенно ощутимым, если сопоставить стилистически разные слова с одинаковыми сигнификативными значениями, т. е. стилистические синонимы;ср. нейтр. *идти* с высок. *шествовать* (+ *M·C*) и прост. *топать* — (-*M·C*): [Репин] *шествовал* — именно *шествовал!* (словно под музыку!) по залам Третьяковской галереи, среди своих прославленных картин, а за ним в отдалении шла толпа почитателей (Чук.); *Топай отсюда!* Ср. еще: *глаза — очи, гляделки; знамя — стяг; выгнать — вытурить* и т. п. Эмотивное значение как эмоционально-экспрессивное выражение положительной или отрицательной оценки качественно отличается от «собственно отражательного», сигнификативного. Вместе с тем они взаимодействуют в составе лексического значения. Стилистическая маркированность слова может приводить к определенной модификации его значения: *шествовать*, например, значит не просто ‘идти’, а ‘идти, двигаться торжественно, важно’, *уплетать* (разг.) значит ‘есть быстро, с аппетитом’.

4. Денотативное значение<sup>2</sup> — предметное значение, характеризующее связь лексической единицы с обозначаемым объектом, определенную ее направленность на него.

В зависимости от того, как употребляется в тексте то или иное слово, какой конкретный предмет оно называет, какую конкретную ситуацию обозначает, в нем реализуется то или иное актуальное значение (тот или иной актуальный смысл). В отличие от сигнификативного аспекта значения здесь уместен вопрос не «Что зна-

<sup>1</sup> См. об этом: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 32—33.

<sup>2</sup> Денотативное значение в указанном понимании называют также референционным или референтным. «Референция — это отношение актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» (Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 6).

чит (вообще) слово?», а «Что обозначает слово (в данном случае, в данной ситуации)?».

Характер «денотативной ориентации» языковой единицы актуализирует различное ее значение: от основного, первичного, главного до вторичных, частных, контекстуальных; ср.: *лес* — ‘деревья, стоящие во множестве на корню; пространство, обильно заросшее деревьями’ в употреблениях типа *густой лес, сосновый лес, собирать грибы в лесу и лес вышеек (мачт, штыков)* — о большом количестве возвышающихся предметов, где первичной номинацией является слово *множество*; ср. также: *голубое море и море людей (ржи, веселья); литься (о воде и голосе)* и т. п. «Прямое» и «смещеннное» употребление слова благодаря его двойной «денотативной ориентации» может приводить к каламбурному столкновению исходного и актуализируемого смысла. В. В. Виноградов в статье «Основные типы лексических значений слова» приводит диалог, напечатанный в одном из журналов прошлого века: «“У меня сегодня весь день в голове стреляет.— Сами виноваты, зачем завели в ней так много дичи”. Без понимания семантических отношений соответствующих слов в лексической системе русского языка нельзя лингвистически осмыслить, в чем соль этой остроты, этого каламбура...»<sup>1</sup> (ср.: *стреляет в голове и стрелять дичь на охоте, дичь как обозначение диких птиц, объекта стрельбы и дичь как синоним слов чепуха, ерунда, вздор, т. е. первичных номинаций*).

Существенно заметить, что изменение денотативного значения слова, расширение его референтных связей приводит к перестройке лексического значения и в других ярусах. Так, слово *дичь* в приведенном выше употреблении получает вторичное производное сигнifikативное значение: ‘чепуха, ерунда, вздор’, входит в новые синтагматические и парадигматические отношения: *говорить (слушать) дичь* (ср. *стрелять дичь*) — класс слов со значением ‘нелепость’ (ср. *дикые птицы*) и др., приобретает оттенок оценочно-сниженного употребления (ср. в словарях стилистическую помету «разг.»: *не говори дичи*).

Таким образом, различные виды значения, отражая разные стороны одного и того же объекта — лексиче-

<sup>1</sup> Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 164.

ского значения, оказываются тесно взаимосвязанными. Сигнifikативное значение лексической единицы отражает окружающий нас мир, структурное — фиксирует ее место в системе, эмотивное — выражает эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого, денотативное — характеризует актуальную соотнесенность слова с предметом (ситуацией).

#### § 4. ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Конкретизируем понятие лексической единицы.

Основной единицей в лексикологии является слово, рассматриваемое с точки зрения его предметно-понятийного содержания.

Трудности определения слова, учета всех его свойств и противопоставлений смежным единицам в общей дефиниции не должны подвергать сомнению сам факт его существования.

Анализ показывает, что большинство употребительных слов представляют собой структуры, состоящие из элементарных лексических единиц, «слов-понятий», например: *вода* ⊃ *вода<sub>1</sub>* — ‘прозрачная бесцветная жидкость’ (*речная вода, стакан воды*); *вода<sub>2</sub>* — ‘напиток для утоления жажды или лечебный’ [*фруктовая (газированная, минеральная) вода*]; *вода<sub>3</sub>* — ‘водная поверхность и ее уровень’ (*отражаться в воде, высокая вода*); *вода<sub>4</sub>* — ‘водное пространство какого-нибудь района’ [мн. ч.: *внутренние (территориальные) воды*]; *вода<sub>5</sub>* — ‘потоки, струи, волны, водная масса’ (мн. ч.: *весенние воды, воды Днепра*); *вода<sub>6</sub>* — ‘минеральные источники, курорт с такими источниками’ (мн. ч.: *лечиться на водах, поехать на воды*), *вода<sub>7</sub>* — ‘нечто бесодержательное и многословное’ (переносное, ед. ч.: *Не доклад, а сплошная вода!*)<sup>1</sup>.

Слово как основная лексическая единица — структура взаимосвязанных элементарных лексических единиц — его лексико-семантических вариантов (ЛСВ): *вода* ⊃ *вода<sub>1</sub>, вода<sub>2</sub>, вода<sub>3</sub>* и т. д. ЛСВ слова различаются своими лексическими значениями и совпадают по своей форме (написанию и произ-

<sup>1</sup> Знак ⊃ обозначает включение одной величины в другую: *A ⊃ B* — ‘*A включает B*’ или ‘*B включается в A*’. Цифры обозначают различные ЛСВ слова.

ношению). Если слово однозначно, оно представлено одним ЛСВ: *врач<sub>1</sub>* ⊂ *врач*.

ЛСВ и слово являются единицами двусторонними: это единство знака (звукового, графического) и значения как идеального отражения предметов или явлений действительности. ЛСВ — это совокупность всех грамматических форм слова, имеющих определенное лексическое значение. Так ЛСВ *вода<sub>2</sub>* представляет собой парадигму грамматических форм падежей и числа: *вода* [влá], *воды* [влáy], *воде* [влд'é] ... *воды* [вódy], *вод* [вot], *водам* [vóbd'm] ... со значением 'напиток'.

ЛСВ представляет собой, так сказать, «клеточку» лексической системы языка, ее исходную «рабочую» единицу. Различные формальные и семантические комбинации лексико-семантических вариантов дают в итоге многозначные слова, синонимические ряды, антонимические противопоставления и т. п.

План выражения слова и ЛСВ называется лексемой, а план их содержания — семемой<sup>1</sup>. Лексема — знак, звуковая или графическая оболочка лексической единицы, ее форма; семема — ее элементарное значение, содержание, которое реализуется в тексте каждый раз, когда употребляется эта единица. Семемы имеют коммуникативный, социальный характер. Словари фиксируют их в качестве значений слов.

Итак, ЛСВ представляет собой единство лексемы (формы) и семемы (содержания):

$$\text{ЛСВ} = \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_1},$$

слово — структуру взаимосвязанных между собой ЛСВ:

$$\text{СЛОВО} \supset \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_1} \rightleftharpoons \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_2} \rightleftharpoons \frac{\text{лексема}}{\text{семема}_3} \dots$$

(см. выше смысловую структуру слова *вода*).

<sup>1</sup> «Слово в семасиологическом аспекте — единство лексемы (звукоряда) и семемы (значения)» (Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: VI международный съезд славистов (Прага, 1968): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 353). Термин «лексема» употребляется и в более широком понимании как совокупность словоформ, обладающих тождественным лексическим значением (см. «Морфология», I, 1). В современной лексической семантике термин «лексема» употребляется более дифференцированно: его содержательный план обозначается специальным термином «семема».

Конкретная реализация лексемы в тексте выступает как лекса: словоформы *вода*, *воде*, *водами* — три лексы одной и той же лексемы *вода*.

Совокупность всех лекс слов образует его лексему, совокупность всех семем — его значение.

Будучи элементарной единицей плана содержания в языке, семема в то же время не является предельной в анализе: она состоит из сем. Сема — минимальная, предельная единица плана содержания, выделяемая в результате специального компонентного анализа значения слова.

Семема представляет собой структуру сем. Центральной и главной в структуре семемы является архисема — общая сема, свойственная всем единицам определенного класса, например обозначениям родства. В значении слова *отец* — ‘мужчина по отношению к своим детям’, как и во всех других названиях родства, выделяется архисема *родственник*. Единицы класса объединяются и различаются с помощью архисемы и дифференциальных сем, входящих в семемы этих единиц. Пять дифференциальных сем, с помощью которых структурируется указанное выше значение слова *отец* (*мужской пол*, *родитель*, *прямое родство*, *кровное родство*, *первое поколение*)<sup>1</sup> и уточняется архисема *родственник*, служат основанием для противопоставления этого слова другим наименованиям родства: *отец* — *мать* (*мужской пол* — *женский пол*), *отец* — *сын* (*родитель* — *рожденный*), *отец* — *дядя* (*прямое родство* — *непрямое родство*), *отец* — *отчим* (*кровное родство* — *некровное родство*), *отец* — *дед* (*первое поколение* — *второе поколение* [родителя]) и т. п.

Кроме указанных сем, обеспечивающих устойчивость смысловой структуры слова, в его значении (семеме) выделяются также контекстальные семы, возникающие в определенных ситуациях употребления лексической единицы. За счет таких сем создаются различного рода оттенки значения, на основе которых могут развиваться новые производные значения: *Жуковский* — *отец современной аэродинамики* (*основоположник*); *Полковник наш рожден был хватом: слуга*

<sup>1</sup> Подробнее см.: Ломтев Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // Филол. науки. 1964. № 2.

*царю, отец солдатам* (Л.), т. е. *(отечески заботящийся о других)*.

С помощью сем описываются сходства и различия лексических единиц, осуществляется их тождествение и противопоставление. В отличие от семемы, которой свойственно содержание социального характера, сема — операциональная единица плана содержания, используемая в лингвистическом анализе.

Лексическим единицам свойственны не только индивидуальные, но и категориальные значения. Например, слова типа *веселиться* и *радоваться*, *страх* и *ужас*, *родина* и *отчизна* или *добро* и *зло*, *подниматься* и *опускаться*, *живой* и *мертвый* характеризуются не только конкретными, но и обобщенными, категориальными значениями эквивалентности или противоположности, которые вскрываются в противопоставлении целых серий аналогичных языковых единиц. Это дает основание выделить такие, например, категориальные отношения, как многозначность, омонимия, синонимия, конверсия, антонимия, и соответствующие классы единиц: многозначные слова, омонимы, синонимы, конверсины, антонимы, дающие в совокупности представление об основных категориях лексики.

Лексическая категория — это единство обобщенного лексического значения, соответствующих форм выражения (тождества, совпадения или различия лексем) и функций, характеризующих определенный класс единиц. Например, синонимия как лексическая категория — это семантическая эквивалентность, выражаемая формально различными словами, которые реализуют в тексте функции замещения и уточнения, а также стилистические функции.

## § 5. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Значение слова — не простая сумма, а структура элементарных значений — семем. (В ином плане можно говорить о структуре лексико-семантических вариантов, образующих слово, что то же.) Смысловая структура слова предполагает определенную взаимосвязь и иерархию (последовательность подчинения) его значений.

Значения (ЛСВ) слова взаимосвязаны друг с другом, семантически мотивированы относительно друг друга благодаря общности или непрерывной последовательности их внутренних форм. Внутреннюю

форму можно определить как способ представления в языке внеязыкового содержания<sup>1</sup>. Это то, как представляется говорящим на данном языке та или иная его единица. В ряду значений слова, последовательно вытекающих друг из друга, каждое предшествующее выступает как внутренняя форма последующего. Внутренняя форма слова наиболее явно обнаруживается в исходном (основном) значении, которое создает перспективу целостного восприятия лексической единицы, взаимосвязи внутренних форм значений в составе единого целого.

Общность внутренних форм значений (или иначе: наличие у них общей внутренней формы) отчетливо выступает, например, в слове *кольцо*. См. в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова:

*кольцо*, -á, мн. кольца, колéц, кольцами, ср. 1. Предмет в форме окружности, обода из металла, дерева, кости и т. п. Золотое к. Костяное к. Гимнастические кольца. 2. То, что имеет такую форму. Годичное к. (слой, ежегодно нарастающий в стволе дерева). Пускать дым кольцами. Трамвайное к. (поворотный круг на трамвайных путях). 3. перен., чего. Положение, при котором кто-и. полностью изолирован от окружающего, замкнут круговой линией чего-и. К. блокады. Вырваться из кольца окружения.

Значения слова объединяются в единое смысловое целое благодаря представлению о кольце, присутствующему в их толковании.

Сложнее и разнообразнее опосредованы общим способом представления ('пространство, свободное от чего-нибудь или предназначеннное для чего-либо') значения слова *поле* в том же словаре<sup>2</sup> (см. 1, 6).

Внутренняя форма периферийных, переносных значений может «затемняться», что нередко ведет к их семантическому обособлению. «Затемнение» внутренней формы многозначного слова вызывает распад слова на омонимы (см. 2, 8).

В основе семантической мотивированности лежит не только сходство, но и регулярная непрерывная последовательность внутренних форм значений (ЛСВ) слова типа 'действие' — 'место этого же действия':

<sup>1</sup> Термин «внутренняя форма» (innere Form) принадлежит В. Гумбольдту (см.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 100 и след.). В русском языкоизании это понятие было всесторонне обосновано А. А. Потебней (см., например: Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35—214).

<sup>2</sup> По своему происхождению слово *поле* семантически связано с др.-русск. *полъ* — 'открытый, свободный, полый'.

*Переход через улицу запрещен — подземный переход; 'действие' — 'результат этого действия': сочинение стихов — собрание сочинений поэта; 'действие' — 'деятель': Команда пошла в нападение — Хорошая игра нападения московского «Динамо» и т. п.*

Для понимания иерархии смысловой структуры слова необходимо обратить внимание на два типа отношения значений: инвариантное — вариантное и главное — частное.

В ЛСВ, образующих семантическую структуру слова, можно выделить теоретически некое общее содержание подобно тому, как в многочлене выделяется общий множитель:  $ab + ac + ad = a(b + c + d)$ . Это общее, или инвариантное<sup>1</sup>, значение слова, свойственное всем семантическим вариантам слова и определяющее его детерминирующее содержание; оно является предельно обобщенным и семантически наиболее простым и представляет собой лингвистическую абстракцию, полезную для семантического анализа слов и лексических категорий более высокого порядка. Общее (инвариантное) значение слова *вода* (см. 1, 4), раскрывающее семное соотношение его лексико-семантических вариантов, можно определить, например, как ' $H_2O$ '.<sup>2</sup> В семантическом поле (см. 2, 12) выделение общего значения имеет первостепенное значение для системного описания лексики. Так, для большого класса слов, обозначающих передачу (*передать, подарить, вручить, продать, завещать, сообщить* и др.) общее значение может быть определено в терминах семантического языка модели «Смысл ↔ Текст» как 'каузировать кого-нибудь начать иметь что-то'. Отношение значений слова к его общему значению (т. е. общему содержанию лексико-семантических вариантов) позволяет установить их семантическую иерархию по степени близости к нему: центральные, доминирующие значения оказываются семантически наиболее простыми; периферий-

<sup>1</sup> Об общем (инвариантном) значении слова и процедуре его выделения см.: Курлович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 245—246.

<sup>2</sup> Определение общего значения слова представляет значительные трудности, но не является, как иногда полагают, безнадежным. Даже в самых «сложных» в этом отношении словах путемнейтрализации различий ЛСВ можно выделить некоторый инвариантный смысл: *земля* — 'третья от Солнца планета, рассматриваемая в определенном количественном и качественном отношении со всем, что относится к ней' (см.: Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 164).

ные, зависимые — семантически более сложными и потому дальше отстоящими от общего значения слова.

В ином плане иерархическая смысловая структура основной лексической единицы проявляется в различном характере взаимоотношения слова — в его разных значениях — с контекстом. В слове выделяется главное значение, которое в наименьшей степени обусловлено контекстом, и частные значения, которые в большей степени зависят от него: в них к семантическому содержанию главного значения как бы присоединяются содержательные элементы (семы) контекста<sup>1</sup>. В отличие от общего значения, данного в специальном научном анализе, главное и частные значения слова являются непосредственно воспринимаемыми в тексте.

Слово в главном значении обладает самой широкой и разнообразной сочетаемостью; в этом проявляется его относительная независимость от контекста: ср. *вода<sub>1</sub>* — ‘прозрачная бесцветная жидкость’ — чистая (прозрачная, мутная, грязная, холодная, теплая, сырая, питьевая, дождевая, речная, морская...) вода; пить (пробовать, переливать, проливать, носить, черпать, качать, подогревать, кипятить, охлаждать, очищать...) воду; цвет (вкус, запах, состав, стакан, бутылка, бочка, запас, глоток, движение, течение, напор, энергия...) воды; обливаться (обрывгиваться, мыться) водой и мн. др. В частных значениях сочетаемость слова, наоборот, предстает как ограниченная, избирательная, иногда «жесткая», позволяющая опознать, выделить тот или иной ЛСВ; ср.: *вода<sub>2</sub>* — ‘напиток’ — минеральная (газированная, фруктовая, содовая...) вода; *вода<sub>4</sub>* — ‘водное пространство какого-нибудь района’ — мн. ч.: *внутренние (территориальные, нейтральные) воды*.

Главное значение слова является семантически наиболее простым (*вода<sub>1</sub>* — ‘прозрачная бесцветная жидкость’) и наиболее близким к его общему значению ( $\text{H}_2\text{O}$ , aqua distillata). Частные значения обнаруживают более сложную семью структуру: так, значение второго ЛСВ этого же слова (*вода<sub>2</sub>* — ‘напиток’) может быть истолковано через содержание первого как ‘вода + приготовленная путем насыщения газом’ или ‘вода + с добавлением фруктовой эссенции’: *газированная*

<sup>1</sup> Главное значение слова дается первым в словарной статье, частные — в определенном порядке следуют за ним.

*(фруктовая) вода*. Между значением слова (семантической простотой ~ сложностью) и его сочетаемостью обнаруживаются отношения обратной пропорциональности: чем беднее содержание слова, тем шире его сочетаемость, и наоборот.

Главное и частные значения выделяются на функциональной основе взаимодействия слова с контекстом. Поэтому главное значение рассматривается как реализация детерминирующей первичной семантической функции слова, а частное — его зависимых вторичных семантических функций<sup>1</sup>. Соответственно этому можно говорить о главном (первичном) и частных (вторичных) ЛСВ слова.

Тождество звуковой (графической) оболочки главного и частных значений и их внутренняя семантическая взаимосвязь объединяют эти значения в единую смысловую структуру. Это проявление принципа семантической интеграции значений слова. Одновременно с этим частные значения должны чем-то формально противопоставляться главному и друг другу, что реализует уже иной, органически взаимосвязанный с первым принцип — семантической дифференциации значений в слове; такие значения воспринимаются и дифференцируются в тексте благодаря дополнительным «опознавательным признакам»: характерной ограниченной сочетаемости ЛСВ, отличительной (часто единственной) синтаксической функции, определенной грамматической конструкции<sup>2</sup>.

Отсюда возникает необходимость рассмотреть хотя бы в общих чертах типы лексических значений слова. Наиболее полная и глубокая разработка этого вопроса дана в статье В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова»<sup>3</sup>.

По В. В. Виноградову, в слове выделяется прежде всего **прямое, номинативное значение**, непосредственно направленное на предметы, явления, действия, качества действительности. «Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фунда-

<sup>1</sup> Термины принадлежат Е. Куриловичу (см.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. С. 237—250).

<sup>2</sup> Фактически это приводит к «удлинению» знака в тексте; ср., например, *положение тела в пространстве* и *положение о выборах, играть на скрипке и играть в футбол*.

<sup>3</sup> См.: Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. С. 162—189.

мент всех других его значений и применений»<sup>1</sup>. Номинативное значение совпадает по своему содержанию с рассмотренным выше главным значением; тут сочетаемость определяется предметно-логически и не знает собственно языковых ограничений. В слове может быть несколько номинативных значений. Тогда по отношению к основному, номинативному значению (главному) остальные выступают как номинативно-производные. Они бывают обычно уже и специализированнее, чем основное номинативное значение, и нередко закрепляются за какими-либо грамматическими формами, например формами числа: *капли* — ‘жидкое лекарство, принимаемое по числу капель’; *трения* — ‘враждебные столкновения, споры, мешающие ходу дела’ (ср. основные номинативные значения этих слов; *капля* — ‘маленькая отдельная частица жидкости округлой формы’; *трение* — ‘сила, препятствующая движению одного тела по поверхности другого’).

Наряду с прямыми, номинативными значениями В. В. Виноградов выделяет три типа лексических значений, которые по-разному обусловлены синтагматически и являются по своей природе частными значениями, реализующими вторичные семантические функции. На употребление слов в таких значениях накладываются некоторые языковые ограничения, которые и служат их формально выраженным показателями.

Фразеологически связанные значения реализуются в словах (ЛСВ), которые способны сочетаться в определенных смыслах только с небольшим кругом слов. Они противостоят свободным, несвязанным значениям (ср. сочетаемость слова в его главном значении). Одно из значений глагола *лопнуть* является фразеологически связанным, выделяясь лишь в нескольких устойчивых оборотах типа *лопнуть со смеху* (*со злости, от злобы, от зависти*); ср. свободу сочетания этого глагола в прямом, номинативном значении: *канат* (*стакан, трос*) *лопнул*; *веревка* (*нитка, струна, ваза, обивка, подкладка*) *лопнула*; *стекло* *лопнуло* и мн. др. Ср. также: *горючий* — ‘горький’: *горючие слезы*; *безысходный* — ‘непоправимый, не имеющий исхода’: *безысходное горе* (*положение*), *безысходная тоска* (*скорбь, нужда*); *брать* — ‘охватывать’: *тоска* (*досада, зло, смех, сомнение*) *берет*. Употребление слов во фразеоло-

<sup>1</sup> Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. С. 171.

гически связанных значениях ограничено самой системой языка, а не предметно-логически. Сочетаемость слов с такими значениями нельзя расширять, так как это приводит к нарушению языковой нормы, хотя и не всегда лишено смысла: «восторг (счастье) берет», «карый чемодан» и т. п. У некоторых слов фразеологически связанное значение является единственным: *карие глаза* (очи).

Синтаксически ограниченные (обусловленные) значения обнаруживаются в словах (ЛСВ), за которыми закрепляются строго определенные функции в предложении. Таковы, например, предиктивно-характеризующие значения у вторичных ЛСВ, которые употребляются в отличие от первичных только в роли сказуемого (реже — обращения, обособленного определения и приложения): *медведь* — ‘неуклюжий, неповоротливый человек’; *осел* — ‘тупой упрямец’; *шляпа* — ‘безынициативный человек, растяпа’; *петух* — ‘забияка’; *орел* — ‘гордый, сильный, смелый человек’; блеск в значении ‘замечательно’: *Он у нас настоящий герой. Орел!; Мороженое — блеск!*; Эй, *шляпа*, чего стоишь! Работать надо; Я этого упрямца, *осла*, слышать больше не хочу. Закрепление за вторичными ЛСВ определенной, изолированной от других, синтаксической функции приводит к обособлению их семантики, приобретающей оценочный характер. Синтаксически ограниченное значение может быть у слова его единственным значением: *Картина — загляденье!* (т. е. ‘на что нельзя не заглядеться’).

Конструктивно обусловленные значения реализуются во вполне определенных конструкциях слов, требуют для своего раскрытия отличительных форм их синтаксических сочетаний. Например, у глагола *втянуться* наряду с конструктивно необусловленным значением ‘вобраться внутрь, впасть’ (*Его щеки после болезни втянулись*,ср.: *живот сильно втянулся*) есть значение, обусловленное конструкцией «глагол + предлог *в* + существительное в винительном падеже» — ‘привыкнуть, найдя удовлетворение в чем-нибудь’: *втянуться в работу* (*дело, учебу, занятия, какую-либо игру*). Ср. также: *разобраться в ком* или *в чем-нибудь* — ‘изучив, хорошо понять’: *разобраться в чьем-нибудь характере* (*вопросе, деле, обстоятельствах чего-нибудь*) (прямое номинативное значение — ‘привести в порядок; разобрать свои вещи’: *Разбрался на столе и сел рабо-*

*тать*). Различная конструктивная обусловленность служит формальным средством дифференциации значений слова: *играть во что-нибудь* — ‘участвовать в спортивных соревнования, проводить время в каком-нибудь занятии’: *играть в футбол (волейбол, теннис)* и *играть на чем-нибудь* — ‘исполнять музыкальное произведение’: *играть на рояле (скрипке, гитаре)*. Конструктивно обусловленное значение может быть номинативным, исходным и даже единственным в слове: *плакаться на свою судьбу (свои несчастья)*.

Следует подчеркнуть, что отмеченные вторичные, синтагматически обусловленные значения могут перекрещиваться как выделяемые на разных основаниях. Так, конструктивно обусловленное значение у глагола *втянуться (втянуться в работу)* является в ином плане фразеологически связанным, так как этот глагол входит в сочетание с вполне ограниченным кругом слов, обозначающих какое-либо занятие.

И еще одно замечание. Противопоставление рассмотренных трех типов вторичных значений первичному, номинативному не является абсолютным: они по-своему номинативны; это вторичные номинации, опирающиеся на первичные значения слова.

## § 6. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

Каждая единица лексической системы входит одновременно в два вида отношений: синтагматические (или линейные) и парадигматические (нелинейные). Благодаря этому она «закрепляется» в системе, характеризуясь определенной сочетаемостью с другими единицами (дистрибуцией) и значимостью («местом» в парадигме семантически однородных единиц). Слова *кошка, собака, корова*, образующие вместе с другими названиями домашних животных парадигму, в пределах которой они объединяются на основе интегрального признака — архисемы и противопоставляются по дифференциальным признакам — семам (см. 1, 4)<sup>1</sup>, входят в лексической системе в соотносительные устойчивые

<sup>1</sup> Ср. по данным словарей: *кошка* — ‘домашнее млекопитающее животное из семейства, к которому относятся также тигр, лев и т. п.’; *собака* — ‘домашнее животное из семейства млекопитающих, к которому относятся также волк, лисица и т. п.’; *корова* — ‘домашнее молочное животное, самка крупного рогатого скота’.

синтагматические связи с другими классами слов; при этом соответственно обнаруживаются зоны как совпадающей (общей), так и несовпадающей (специфической) сочетаемости:

кошка — черная, бежит...	... мяукает, мурлычет
собака — черная, бежит...	... лает, визжит
корова — черная, бежит...	... мычит, бодается

Синтагматические и парадигматические свойства лексических единиц оказываются соотнесенными: чем «ближе» друг к другу расположены лексические единицы по своему смысловому содержанию в парадигме, тем больше сходства в их употреблении, и наоборот. Поэтому при изучении значения, которое не дано нам непосредственно, а должно моделироваться, исключительно важное значение имеет учет характера употребления лексической единицы, ее связей и отношений с другими словами в тексте.

Определить место языковой единицы в лексической системе — значит выявить ее синтагматические и парадигматические свойства в их взаимосвязи.

Синтагматическая характеристика лексических единиц основывается на понятии позиции. Поскольку лексикология (в отличие от фонологии) имеет дело со значимыми, т. е. двусторонними, единицами, это понятие должно быть истолковано в ней содержательно. Позиция — это положение лексической единицы в тексте по отношению к другим словам, образующим классы семантически однородных единиц<sup>1</sup>. Лексическая единица ( $X$ ) обладает, как правило, множеством позиций, сочетаясь со словами разных семантических классов ( $A, B, C\dots$ ):  $X(A), X(B), X(C)$  и т. д. В каждой позиции слова реализуется то или иное значение (или выступает тот или иной ЛСВ): *поле* — ‘безлесная равнина, пространство’: *необозримое* (*необъятное, открытое, чистое*) *поле* (ср. былинное: *в чистом поле*); *поле вод*; *ехать* (*идти...*) *по полю* (*полем*); *гулять по полю* (*в поле*), *пастись в поле...*; ср. также широкий круг сочетаний типа *расты, стоять* (о траве, цветах, деревьях и т. п.), *собирать цветы, устроить привал в поле* и мн. др. (условный класс слов с неспециализированным значением пространственной семантики: подчеркивается естест-

<sup>1</sup> Такой класс может быть представлен и одним-единственным словом: например, для прилагательного *пахотный*, сочетающегося с определяемым словом *земля*, трудно указать класс слов.

венное, природное происхождение объекта, его большая широта, протяженность<sup>1</sup>, незанятость (чем-либо); *поле<sub>2</sub>* — ‘обрабатываемая под посев земля’: *посевное поле*; *ржаное (пшеничное, кукурузное, клеверное, гречишное...)* поле; *плодородные (бесплодные...)* поля; *черноземные (глинистые...)* поля; *поле под паром*; *труженики полей*; *пахать (засевать — засевать, возделывать...)* поля; *убирать урожай с полей...* (класс слов с семантикой земледелия); *поле<sub>3</sub>* — ‘большая площадка, пространство, специально оборудованное для спортивных соревнований’: *футбольное (хоккейное, ледяное)* поле; *летнее поле*; *центр (левая, правая половина)* поля; *выйти на поле*; *удалить кого-либо с поля*; *выбить мяч в поле (за пределы поля)*; *покинуть поле победителями (побежденными)*; *играть на чужом (своем) поле* (ср. *хозяева поля*) ... (класс слов спортивной тематики); *поле<sub>4</sub>* — ‘пространство, в пределах которого проявляется действие каких-либо сил, какой-либо закономерности’ (спец.) — *электромагнитное (силовое, векторное, гравитационное)* поле; *поле тяготения (притяжения)*; *семантическое поле...* (класс специальных терминологических слов, указывающих на принцип организации поля в разных областях знания); *поле<sub>5</sub>* — ‘чистая полоса вдоль края листа в книге, рукописи’ — обычно мн. ч.: *поля тетради (рукописи...)*; *заметки на полях*; *оставить (отчертить) поля (в тетради)*; *писать (отмечать что-либо) на полях* [класс слов, обозначающих предмет (продукт писания, печати), которому принадлежит обозначаемое, процесс писания или его результат]; *поле<sub>6</sub>* — ‘*край шляпы*’ — обычно мн. ч.; *поля (у) шляпы; мягкие (длинные) поля; модные (красивые) поля; загнуть (отогнуть) поля; загнутые (отогнутые) поля; (смотреть) из-под полей (шляпы)* [класс слов, обозначающих предмет (головной убор), которому принадлежит обозначаемое, форму и ее изменение, эстетическую оценку] и др.

Позиции бывают совместимыми и несовместимыми для той или иной лексической единицы. Позиции *кукурузное поле* и *черноземное поле* совместимы для ЛСВ *поле<sub>2</sub>*, так как в них реализуется одно и то же значение существительного. Напротив, позиции

<sup>1</sup> Характерно сравнение широкий, как поле, подчеркивающее широкий простор обозначаемого: Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы... (Г.).

*кукурузное поле* и *хоккейное поле* несовместимы для одного ЛСВ, поскольку в них выступают разные значения, соответствующие различным ЛСВ слова: *поле<sub>2</sub>* и *полез*, но совместимы для всего слова в целом. Совокупность совместимых позиций лексической единицы дает наглядное представление о ее дистрибуции, «окружении», о смысловых связях с определенными классами других единиц (см. 1, 3).

С точки зрения дифференциальной функции в лексикологии, как и в фонологии, можно выделить сильные и слабые позиции языковых единиц (ЛСВ). В сильной позиции ЛСВ слова противопоставляются, дифференцируются; реализуется их вполне определенное значение:

<i>посевное поле</i>	( <i>поле<sub>2</sub></i> )
<i>семантическое поле</i>	( <i>поле<sub>4</sub></i> )
<i>тетрадь с полями</i>	( <i>поле<sub>5</sub></i> )

Подавляющее большинство приведенных контекстов (при рассмотрении смысловой структуры слова *поле*), представляют собой сильные позиции, в которых значения этого слова дифференцируются. В слабой позиции, которая совместима хотя бы для двух ЛСВ, имеет место нейтрализация (неразличение) значений лексических единиц:

<i>колхозное поле</i>	( <i>поле<sub>1</sub>, поле<sub>2</sub></i> )
<i>зеленое поле</i>	( <i>поле<sub>1</sub>, поле<sub>2</sub>, полез</i> )
<i>узкие поля</i>	( <i>поле<sub>5</sub>, поле<sub>6</sub></i> ).)

Разграничение сильных и слабых позиций существенно для понимания природы и функционирования единиц различных лексических категорий. Значения многозначного слова, например, тяготеют к употреблению в сильных позициях, чтобы отличаться друг от друга; синонимы — в слабых, нейтрализуемых, чтобы замещать и уточнять друг друга.

Парадигматические свойства лексических единиц рассматриваются в их оппозициях. Оппозиция — это содержательное противопоставление единицы другим семантически однородным лексическим единицам внутри определенной парадигмы.

Синтагматические и парадигматические свойства лексических единиц, как уже отмечалось, являются их взаимно дополняющими характеристиками. Поэтому оппозиции таких единиц необходимо рассматривать

в тесной связи с их дистрибуцией (сочетаемостью). Это дает основание выделить основные типы отношений лексических единиц.

Рассмотрим оппозиции элементарных лексических единиц (ЛСВ), обозначив их буквами *A* и *B*. Значения этих единиц (структуры сем) представим в виде заштрихованных, а их дистрибуцию — обычных кругов.

Оказываются возможными четыре основных типа отношения лексических единиц (табл. 11)<sup>1</sup>.

I тип. Лексические единицы *A* и *B* совпадают по употреблению и значению. Они обладают эквивалентной (совпадающей) дистрибуцией и нулевой, т. е. практически отсутствующей, оппозицией. Такие отношения могут быть проиллюстрированы абсолютными синонимами: *языкознание* и *лингвистика*.

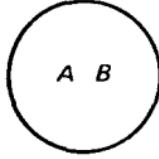
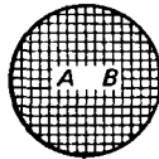
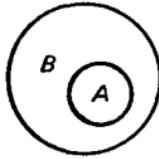
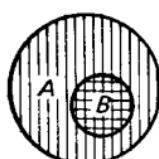
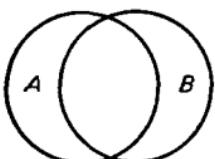
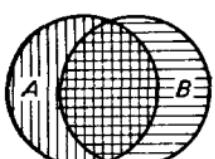
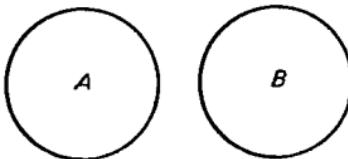
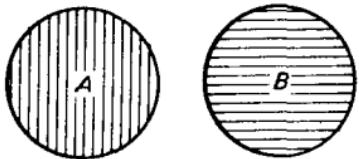
II тип. Дистрибуция лексической единицы *A* включается в дистрибуцию единицы *B*, а значение первой как более сложное, содержательное, наоборот, включает в себя значение второй. Это широко представленные в лексике отношения вида и рода: *квас* и *напиток*. Широта сочетаемости языковых единиц оказывается обратно пропорциональной объему их значения.

Дистрибуция таких единиц называется включенной (в ином направлении: включающей), а оппозиция — привативной, где один член (маркированный, отмеченный) имеет какой-то семантический признак, а второй его лишен — *A* — *не-A*: *лингвистика* и *наука*.

III тип. Дистрибуция и значения лексических единиц *A* и *B* частично совпадают, перекрещиваются. Это широко распространенное отношение семантически близких лексических единиц, синонимов, антонимов и других категорий слов. Так, слова *мужчина* и *женщина* наряду с общим семантическим содержанием ('*homo sapiens*') имеют каждое «свои» противопоставленные по полу семьи; они обладают как общей, так и несовпадающей сочетаемостью: *умный* (*красивый*, *энергичный*...) *мужчина* — *умная* (*красивая*, *энергичная*...)

<sup>1</sup> О логической классификации смыслоразличительных оппозиций см.: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 73—99; Караплов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 106—108. Данные в таблице типы являются основными. Они могут осложняться, например, включение может быть многократным: *овчарка* — *собака* — *животное*.

Таблица 11

Типы отноше- ния лек- сических единиц	Дистрибуция	Оппозиция
I	 эквивалентная	 нулевая
II	 включенная (включающая)	 привативная
III	 контрастирующая	 эквиполентная
IV	 дополнительная	 дизъюнктивная

женщина, но: *мужчина женился, женщина вышла замуж.*

Подобные единицы имеют контрастирующую дистрибуцию (различаются, противопоставляются в одинаковых позициях) и образуют эквиполентную (равнозначную) оппозицию.

**IV тип.** Лексические единицы *A* и *B* не совпадают по употреблению и значению. Это отношение семантически очень удаленных друг от друга слов: *утонченность* и *груз*, *воля* и *стол*, *интегрировать* и *бежать*. Они не входят в ощущимую парадигму и являются «внеположенными». Подобные отношения оказываются характерными и для значений большого количества многозначных слов: *тонкий* (*ломтик хлеба*) и *тонкий* (*вкус*), *жарить* (*котлеты*) и *жарить* (*в шашки*).

Такие единицы характеризуются дополнительной (несовпадающей) дистрибуцией и образуют диэзюнктивную оппозицию. Дополнительной дистрибуцией характеризуются, в частности, употребления значений (ЛСВ) многозначного слова, тяготеющих к сильным, несовпадающим, различительным позициям.

Указанные выше основные типы отношения языковых единиц лежат в основе лексических категорий, определяют их природу, специфику и закономерности функционирования в тексте.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.  
*Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 84—97.

*Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1982. С. 17—58, 87—97.

*Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 237—250.  
*Современный русский язык: Теоретический курс: Лексикология.* М., 1987. С. 10—40.

*Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977. С. 49—65, 183—193, 213—227.

## Глава 2 ЛЕКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

### § 7. МНОГОЗНАЧНОСТЬ

#### Определение многозначности

Многозначность, или полисемия,— это семантическое свойство слова иметь одновременно несколько значений (обнаруживать несколько взаимосвязанных ЛСВ). «Нижним пределом» многозначности является однозначность (моносемия), которая

характеризуется наличием у слова только одного значения (ЛСВ): *береза, грустить, диссертация, перила, пруд, холм* и мн. др.

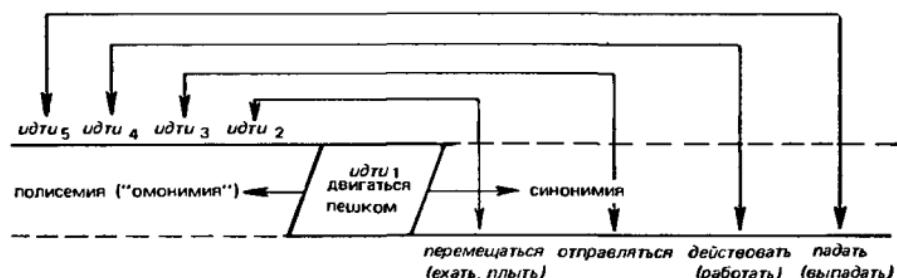
Большинство употребительных слов многозначно. В процессе развития языка слово в результате употребления и осмысления его в различных контекстах «образует» новыми значениями. Человеческое познание — беспредельно, ресурсы же языка ограничены, поэтому мы вынуждены обозначать одним и тем же знаком различные, но при этом как-то связанные предметы. Но дело не только и, по-видимому, не столько в принципе экономии языковых средств. Более существенно то, что многозначность отражает важнейшее свойство познания и мышления — обобщенное воспроизведение действительности. Эта лексическая категория оказывается не только экономным, но и удобным способом хранения в языке информации о мире.

С собственно лингвистической (семантической) точки зрения развитие многозначности объясняется законом асимметрии знака и значения, открытym С. О. Карцевским. Знак и значение обычно не покрывают полностью друг друга: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток»<sup>1</sup>. Один и тот же знак «стремится обладать иными функциями, нежели его собственная», а значение «стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны...»<sup>2</sup> Неустойчивое равновесие, в котором находятся лексема и семема как знак и значение, объясняет природу языковых единиц, обладающих свойством быть одновременно и устойчивыми, выполняя коммуникативную функцию, и подвижными, изменяясь в соответствии с условиями конкретного контекста. Приспособливаясь к определенной обозначаемой ситуации, лексические единицы изменяются постепенно и только частично, расширяя свое смысловое содержание, но оставаясь принципиально теми же единицами.

<sup>1</sup> Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкоznания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2. С. 85.

<sup>2</sup> Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. С. 90.

Каждая лексическая единица входит в пересекающиеся ряды полисемии и синонимии. Асимметрия знака и значения приводит к тому, что исходный ЛСВ (главное значение) слова, например 'двигаться пешком' у глагола *идти*, в результате постепенного «приспособления» к конкретным условиям других типов контекста (нежели его собственные) дает начало новому качеству — образованию вторичных, частных значений (ЛСВ) слова и соотносимых с ними синонимов, которые могут рассматриваться как толкования семантических вариантов слова:



Знак и значение, по С. О. Карцевскому, выходят из рамок, предназначенных им исходным симметричным отношением, и постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Знак *идти* не только покрывает свое главное, основное значение — 'двигаться пешком', но и «захватывает» во вполне определенных контекстуальных условиях и другие значения, связанные с исходным; ср.: 'перемещаться (ехать, плыть...)' — *Поезд идет с большой скоростью; Теплоход плавно идет по реке* [*идти*<sub>2</sub>]; 'отправляться' — *Пора идти домой* [*идти*<sub>3</sub>]; 'действовать, работать' — *Часы идут точно* [*идти*<sub>4</sub>]; 'падать, выпадать' — *Идет сильный дождь* [*идти*<sub>5</sub>] и т. д. Таким образом, благодаря «семантической экспансии» знака на смежные области обозначаемого он обогащается содержательно. Это с одной стороны. С другой — каждый из его смыслов стремится выразиться в другом знаке; ср.: не только *Идет снег*, но и *Падает снег; Снег выпал*. Благодаря этому в языке естественно возникают многозначность (*идти<sub>1</sub>* — *идти<sub>5</sub>*...) и синонимия (*идти* — *падать, выпадать*).

Характерной особенностью многозначности (в отличие от омонимии) является то, что значения (ЛСВ), образующие смысловую структуру слов, в системе языка оказываются повторяющимися, типичными, законо-

мерными. Регулярность и предсказуемость семантических отношений ЛСВ (разумеется, проявляющиеся в различной степени в разных лексических классах слов) делают многозначность удобной классификационной категорией: она представляет собой своеобразную «сетку» регулярных отношений, на которую «нанизываются» ЛСВ как элементарные отражения предметов действительности. Во многих семантических классах слов отмечаются параллелизм в развитии значений и достаточно пропорциональные отношения между последними (*бас* — 1. ‘самый низкий мужской голос’: 2. ‘певец с таким голосом’: 3. ‘медный духовой инструмент низкого регистра’ = *баритон* — 1. ‘мужской голос, средний между басом и тенором’: 2. ‘певец с таким голосом’: 3. ‘медный духовой инструмент среднего регистра и тембра’ = *тенор* — 1. ‘высокий мужской голос’: 2. ‘певец с таким голосом’: 3. ‘медный духовой инструмент, соответствующий такому голосу по регистру’ (ср.: *альт*, *дискант*, *сопрано*); *медведь* — ‘крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами’: 2. ‘неуклюжий, неповоротливый человек’ = *осел* — 1. ‘родственное лошади животное невысокого роста с большой мордой и длинными ушами’: 2. ‘тупой упрямец’ = *лиса* — 1. ‘хищное млекопитающее из семейства собачьих с длинным пушистым хвостом’: 2. ‘хитрый, льстивый человек’).

Как и другие лексические категории, многозначность характеризуется определенным набором признаков. Многозначность (полисемия) — это семантическое отношение внутренне связанных (т. е. взаимно мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим друг друга позициям слова. Обозначив символами  $X_1$  и  $X_2$  два ЛСВ с тождественными звуковыми (графическими) оболочками, получим формулу многозначности:

$$X_1 \rightleftharpoons X_2,$$

где знак  $\rightleftharpoons$  указывает на внутреннюю связь значений: *вода<sub>1</sub>*  $\rightleftharpoons$  *вода<sub>2</sub>*...

### Типы многозначности

Типы многозначности (полисемии) выделяются по трем основаниям: 1) характеру языковой мотивирован-

ности значений слова; 2) зависимости частных значений от главного и их взаимосвязи друг с другом; 3) виду их оппозиции.

1. По характеру языковой мотивированности значений (ЛСВ) многозначного слова различаются два типа полисемии: метафорическая и метонимическая многозначность.

Метафорическая связь значений основывается на сходстве обозначаемых предметов, явлений, признаков, действий. Это позволяет выделить соответствующие разновидности такой многозначности, например<sup>1</sup>:

сходство формы, внешнего вида, производимого впечатления: *круг<sub>1</sub>* (*начертить круг*) ⇌ *круг<sub>2</sub>* (*спасательный круг*); *конь<sub>1</sub>* (*вороной конь*) ⇌ *конь<sub>2</sub>* (*ход конем*) ⇌ *конь<sub>3</sub>* (*гимнастический конь*); *сладкий<sub>1</sub>* (*сладкий виноград*) ⇌ *сладкий<sub>2</sub>* (*сладкий сон*);

сходство местоположения: *подошва<sub>1</sub>* (*кожаная подошва*) ⇌ *подошва<sub>2</sub>* (*подошва горы*); *потолок<sub>1</sub>* (*белить потолок*) ⇌ *потолок<sub>2</sub>* (*потолок полета самолета*) ⇌ *потолок<sub>3</sub>* (*четверка по физике — его потолок*);

сходство в структуре оценок: *легкий<sub>1</sub>* (*легкий чемодан*) ⇌ *легкий<sub>2</sub>* (*легкий текст*); *перерasti<sub>1</sub>* (*Сын стал очень высоким, перерос отца*) ⇌ *перерasti<sub>2</sub>* (*перерости своего учителя*);

сходство в способе представления действий: *поддерживать<sub>1</sub>* (*Сваи поддерживают мост; ср. поддерживать под руку*) ⇌ *поддерживать<sub>2</sub>* (*поддерживать чье-нибудь предложение, чью-нибудь кандидатуру*); *охватывать<sub>1</sub>* (*охватывать руками ствол дерева*) ⇌ *охватывать<sub>2</sub>* (*Ее охватила радость*) ⇌ *охватывать<sub>3</sub>* (*охватить кого-либо общественной работой*);

сходство функций: *дворник<sub>1</sub>* (*работать дворником*) ⇌ *дворник<sub>2</sub>* (*включить дворник, стрелка дворника — у смотрового стекла автомобиля*); *барометр<sub>1</sub>* (*рутный барометр*) ⇌ *барометр<sub>2</sub>* (*'показатель каких-нибудь изменений, состояния чего-нибудь': барометр общественного мнения*).

Метонимическая связь значений основывается на смежности, соположении обозначаемых предметов, действий, признаков и обнаруживает также ряд разновидностей, например:

действие — результат действия: *сооружение<sub>1</sub>* (*со-*

<sup>1</sup> Главный и частный ЛСВ (главное и частное значения) в этом параграфе условно обозначаются индексами 1 и 2 (3).

*оружение монумента) ⇔ сооружение<sub>2</sub> (монументальное сооружение); сушка<sub>1</sub> (медленная сушка) ⇔ сушка<sub>2</sub> (вкусные сушки);*

*действие — инструмент, средство действия: расческа<sub>1</sub> (расческа волос) ⇔ расческа<sub>2</sub> (пластмассовая расческа); упаковка<sub>1</sub> (отдел упаковки) ⇔ упаковка<sub>2</sub> (картонная упаковка);*

*действие — место действия: проезд<sub>1</sub> (Проезд по улице запрещен) ⇔ проезд<sub>2</sub> (узкий проезд); вырубка<sub>1</sub> (вырубка деревьев) ⇔ вырубка<sub>2</sub> (собирать землянику на вырубке);*

*действие — субъект действия: нападение<sub>1</sub> (нападение на вратаря) ⇔ нападение<sub>2</sub> (Нападение «Динамо» играло хорошо); руководство<sub>1</sub> (руководство предприятием) ⇔ руководство<sub>2</sub> (смена руководства);*

*свойство — носитель, субъект свойства: красота<sub>1</sub> (красота гор) ⇔ красота<sub>2</sub> (красоты гор); талант<sub>1</sub> (талант ученого) ⇔ талант<sub>2</sub> (молодые таланты);*

*содержащее — содержимое: аудитория<sub>1</sub> (светлая аудитория) ⇔ аудитория<sub>2</sub> (внимательная аудитория); стакан<sub>1</sub> (граненый стакан) ⇔ стакан<sub>2</sub> (Чай очень хороший: выпил три стакана);*

*часть — целое и целое — часть: тенор<sub>1</sub> (петь тенором) ⇔ тенор<sub>2</sub> (известный тенор); голова<sub>1</sub> (седая голова) ⇔ голова<sub>2</sub> (Он — умная голова); груша<sub>1</sub> (сажать грушу) ⇔ груша<sub>2</sub> (спелая груша); орудие<sub>1</sub> (орудие производства, сельскохозяйственное орудие, орудие общения — о языке) ⇔ орудие<sub>2</sub> ( дальнобойное орудие);*

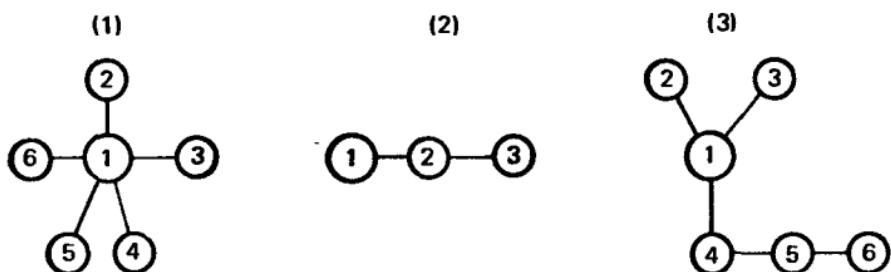
*деформировать или обрабатывать определенным способом — создавать нечто в результате этого: копать<sub>1</sub> (копать землю) ⇔ копать<sub>2</sub> (копать яму); варить<sub>1</sub> (варить рис) ⇔ варить<sub>2</sub> (варить рисовую кашу).*

Перечисленные типы и разновидности полисемии даны, так сказать, в их чистом виде. В реальных словах метафорические и метонимические связи значений соседствуют и взаимодействуют: голова<sub>1</sub> — ‘часть тела’ ⇔ голова<sub>2</sub> — ‘ум, рассудок’ (метонимия) ⇔ голова<sub>3</sub> — ‘пищевой продукт в форме шара, конуса’ (голова сахара) (метафора); вырезка<sub>1</sub> (как действие) ⇔ вырезка<sub>2</sub> (газетная вырезка) ⇔ вырезка<sub>3</sub> — ‘мясо из средней части туши, филе’ (метонимия); ср.: вырезка<sub>2</sub> ⇔ вырезка<sub>3</sub> (метафора: общая внутренняя форма — ‘то, что вырезано’).

2. Смысловую структуру многозначного слова невозможно правильно представить без понимания схемы

соединения и иерархической зависимости его значений (ЛСВ). Между тем в словарях, дающих «линейное» расположение значений слова, эта зависимость не может быть отражена в полной мере. Для такой схемы необходимы плоскость, «топос». Топологические типы многозначности раскрывают различный характер зависимости частных (вторичных) значений от главного (первичного) и взаимосвязи последних между собой.

По характеру сцепления значений в слове можно выделить три топологических типа многозначности — радиальную, цепочечную и радиально-цепочечную полисемию:



Радиальная полисемия характеризуется тем, что все частные (вторичные) значения непосредственно связаны с главным (тип 1). Ее схема напоминает радиусы окружности. Главное значение слова *круг* — ‘часть плоскости, ограниченная окружностью, а также сама окружность’ — непосредственно мотивирует все его значения: *круг<sub>1</sub>* ⇌ [круг<sub>2</sub> — ‘круглая площадка’], [круг<sub>3</sub> — ‘предмет в форме окружности’: спасательный круг], [круг<sub>4</sub> — ‘замкнутая область, сфера чего-нибудь’: круг вопросов (интересов, обязанностей)], [круг<sub>5</sub> — ‘совокупность людей, объединенных общими интересами, связями’: широкий круг знакомых, в своем кругу], [круг<sub>6</sub> — ‘общественная, профессиональная группа’: мн. ч.—в литературных (дипломатических) кругах].

При цепочечной полисемии каждое из частных значений непосредственно связано только с ближайшим предшествующим значением цепочки (тип 2): *правый<sub>1</sub>* — ‘противоположный левому’ ⇌ *правый<sub>2</sub>* — ‘консервативный, реакционный’: *правая партия* ⇌ *правый<sub>3</sub>* — ‘придерживающийся более реакционных, консервативных взглядов, чем основная масса партии или представителей политического, философского направления’.

Смешанным, гибридным типом многозначности является радиально-цепочечная полисемия (тип 3). Одни звенья смысловой структуры связаны здесь по принципу расходящихся радиусов, другие — цепочек: *жар<sub>1</sub>* — ‘горячий, сильно нагретый воздух’: *Обдало жаром* ⇌ *[жар<sub>2</sub>* — ‘место, где очень жарко’]: *Не сиди на самом жару; Кастрюля стоит на жару*, *[жар<sub>3</sub>* — ‘горячие угли без пламени’: *загребать жар в печи*], *[жар<sub>4</sub>* — ‘повышенная температура тела’: *У ребенка жар; Больной в жару* ⇌ *жар<sub>5</sub>* — ‘разгоряченное, лихорадочное состояние, вызванное каким-нибудь возбуждением, волнением, а также румянец от него’: *Его бросило в жар от этих слов; Лицо пышет жаром* ⇌ ⇌ *жар<sub>6</sub>* — ‘сильное внутреннее возбуждение, пыл, страстный порыв, рвение’: *Приняться с жаром за работу; Работать с жаром*]. По сравнению с предшествующими топологическими типами радиально-цепочечная полисемия является самой распространенной (второй тип в чистом виде — явление редкое).

3. Типы полисемии, основанные на видах оппозиции значений (ЛСВ) многозначного слова, позволяют выделить две существенные разновидности многозначности: ассоциативную и ассоциативно-смысловую.

Ассоциативная многозначность — наиболее распространенная разновидность полисемии. В ее основе лежит дизъюнктивная оппозиция значений, которые несовместимы или очень далеки по своему смыслу (семному, компонентному составу) и связываются лишь ассоциативным признаком (т. е. общностью, единством их внутренних форм), «скрепляющим» совершенно разные понятийные сферы: *гнездо<sub>1</sub>* (*птичье гнездо, вить гнезда*) и *гнездо<sub>2</sub>* (*словообразовательное гнездо*); *встать<sub>1</sub>* (*встать со стула*) и *встать<sub>2</sub>* (*Перед глазами встали картины счастливого будущего*); *тонкий<sub>1</sub>* (*тонкий катан*) и *тонкий<sub>2</sub>* (*тонкий слух*).

Ассоциативно-смысловая многозначность характеризуется не только ассоциативной, но и содержательной связью значений слова, т. е. сигнifikативно, общими семами их компонентного состава. В основе такой многозначности может лежать как эквивалентная (*корень<sub>1</sub>* — ‘подземная часть растения’: *корень дерева* и *корень<sub>2</sub>* — ‘внутренняя, находящаяся в теле часть волоса, зуба, ногтя’: *корень зуба; линия<sub>2</sub>* — ‘черта, определяющая направление, предел, уровень чего-нибудь’):

линия полета снаряда, линия горизонта и линия — ‘направление, образ действий, взглядов’: вести линию на что-нибудь, линия поведения; падать<sub>1</sub> — ‘опускаться, валиться на землю, книзу’: падать на землю, навзничь и падать<sub>2</sub> — ‘опускаться, свисая’: волосы падают на лоб), так и привативная оппозиция (армия<sub>1</sub> — ‘вооруженные силы государства’: Советская армия и армия<sub>2</sub> — ‘сухопутные вооруженные силы государства в отличие от морских и воздушных сил’: сухопутная армия; лето<sub>1</sub> — ‘год’: Ей исполнилось восемнадцать лет и лето<sub>2</sub> — ‘самое теплое время года’: Лето — лучшее время отдыха) <sup>1</sup>.

### Функции многозначных слов

Многозначность — категория семасиологическая по преимуществу. Большинство часто воспроизведимых в речи слов, будучи полисемичными, представляют по сути своей «пересечение» на одной лексеме ряда семантических полей (смысловых сфер лексики), обычно далеко отстоящих друг от друга (см. анализ слов *вода*, *поле* и др.). «Фрагменты» содержания многозначного слова чаще всего понятийно разнородны и не образуют гомогенного единства. С этой точки зрения при изучении полисемии и использовании многозначных слов большую ценность представляет не ономасиологический подход (как и какая часть семантических полей выражается определенной лексемой), а семасиологический: что значит, обобщает данное слово, на какие понятийные сферы оно ориентировано разными своими значениями. Различные по значению ЛСВ многозначного слова должны необходимым образом дифференцироваться, поэтому они тяготеют к употреблению в сильных, взаимоисключающих друг друга позициях и характеризуются дополнительной дистрибуцией. Это — главная семантическая функция полисемии.

Близкое же, контактное употребление ЛСВ слов реализует их стилистические функции. Так, повтор одного и того же ЛСВ служит средством речевой экспрессии: *Клин клином вышибают*; *Дурак дураком*; *Ехать так ехать!* Другой стилистической функцией многозначных слов является каламбур — неожиданное сближение разных значений слова, создающее образ-

<sup>1</sup> Выделены совпадающие компоненты определений значений (о типах оппозиций см. I, 6).

ный эффект. П. А. Вяземский иронически замечает в своей «Старой записной книжке»: «Вообще комедии наши ошибочно делятся на *действия*. Можно делить их на главы, потому что *действия* в них никакого нет» (столкновение значений ‘часть драматического произведения’ и ‘проявление деятельности, а также сама деятельность, функционирование’).

## § 8. ОМОНИМИЯ

### Определение омонимии

На фоне многозначности о м о н и м и я — отношение слов с совпадающим написанием (произношением) и несвязанными значениями — предстает как категория негативная. В отличие от значений (ЛСВ) многозначных слов отношения омонимов являются нерегулярными, изолированными, непропорциональными и непредсказуемыми: *предложение*<sup>1</sup> (*внести предложение, сделать кому-нибудь предложение, спрос и предложение*) и *предложение*<sup>2</sup> (*бессоюзное сложное предложение*); *пол*<sup>1</sup> (*паркетный пол*) и *пол*<sup>2</sup> (*мужской пол*); *планировать*<sup>1</sup> (*планировать строительство*) и *планировать*<sup>2</sup> (*постепенно, плавно снижаться на самолете с выключенным мотором, на планере*: *Самолет планирует, идя на посадку*).

Омонимия как лексическая категория — это семантическое отношение не связанных по значению слов, совпадающих по своему написанию (звуканию) и различающихся в тексте благодаря их разным, взаимоисключающим позициям. Семантическое отношение имеет здесь, таким образом, негативный смысл как отрицание живой смысловой связи слов. Пусть  $X^1$  и  $X^2$  — слова-омонимы; тогда формула омонимии примет следующий вид:

$$\neg (X^1 \Leftrightarrow X^2),$$

где  $\neg$  — знак отрицания (читается: неверно, что одинаковые по форме слова  $X^1$  и  $X^2$  семантически связаны). В этом смысле омонимия является отрицанием полисемии, а в семантическом плане варьирования последней — ее пределом.

Возникновение омонимов объясняется различными причинами: 1) формальным совпадением различных по

происхождению слов в результате определенных исторических изменений их внешнего облика: *пол<sup>1</sup>* (*в комнате*), др.-русск. *полъ* — ‘основание’ — общеславянское слово, родственное др.-инд. phálakam — ‘доска, планка’ и *пол<sup>2</sup>* (*мужской, женский*), др.-русск. и ст.-слав. *полъ* — общеславянское слово, вероятно родственное алб. *raře* — ‘сторона, партия, раздел, отделение’; 2) различного рода словообразовательными процессами, например, прибавлением к основе (корню) омонимичных суффиксов; ср. *городище<sup>1</sup>* как увеличительное к *город* с суффиксом *-ище<sup>1</sup>* (ср.: *домище, хвостище*) и *городище<sup>2</sup>* — ‘место, где в древности был город’ с суффиксом *-ище<sup>2</sup>* как указанием на место, где прежде находился предмет или происходило действие (ср. *пожарище*), и 3) распадом полисемии, т. е. семантическим обособлением значений (ЛСВ) прежнего многозначного слова в отдельные слова-омонимы: *лавка<sup>1</sup>* (*сидеть на лавке*) и *лавка<sup>2</sup>* (*книжная лавка*); *рак<sup>1</sup>* (*ловить раков*) и *рак<sup>2</sup>* (*рак желудка*); *долг<sup>1</sup>* (*взять в долг*) и *долг<sup>2</sup>* (*гражданский долг*).

## Классификация омонимов

При систематизации единиц лексической категории целесообразно выделять ее центр и периферию. Характерные особенности и закономерности тех или иных категориальных отношений ярче всего проявляются в центральной части классификационной структуры, «угасая» по направлению к ее периферии, в смежных явлениях категории. Одна из наиболее обстоятельных классификаций такого рода предложена В. В. Виноградовым в работе «Об омонимии и смежных явлениях»<sup>1</sup>.

Центр, или ядро, лексической омонимии образуют, по В. В. Виноградову, полная и частичная омонимия.

Полные лексические омонимы принадлежат к одной части речи и совпадают во всей системе их форм: *блок<sup>1</sup>* (*поднимать что-нибудь блоком*) и *блок<sup>2</sup>* (*блок прогрессивных партий; шлакобетонный блок; блок электропитания*); *топить<sup>1</sup>* (*топить печку*) и *топить<sup>2</sup>* (*топить лодку*); *кормовой<sup>1</sup>* (*кормовой севооборот, кормовая свекла, кормовое растение*; ср. *корм*) и *кормовой<sup>2</sup>* (*кормовой флаг, кормовая часть судна, кормовое весло; ср. корма*).

<sup>1</sup> См.: Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295—312.

Частичные лексические омонимы могут принадлежать как к одной и той же, так и к разным частям речи. Один из таких омонимов во всех своих формах (или в единственной своей форме) совпадает с частью форм, например множественного (или единственного) числа существительных, несовершенного вида глагола или отдельной формой другого слова. Частичная омонимия примыкает к полной, так как один из членов омонимической пары (в нижеследующих примерах — второй) является «полным» омонимом по отношению к отдельным формам (отдельной форме) другого или других: *хор/хоры*<sup>1</sup> (*хор из оперы, народные хоры*) и —/хоры<sup>2</sup> (*подняться на хоры, стоять на хорах*); *задаток/задатки*<sup>1</sup> (*вносить задаток, задатки*) и —/задатки<sup>2</sup> (*человек с хорошими задатками*); *долг<sup>1</sup>/долги* (*взять в долг, огромные долги*) и *долг<sup>2</sup>/—* (*священный долг*); *расположить/располагать*<sup>1</sup> (*расположить, располагать участников симпозиума в гостинице*) и —/располагать<sup>2</sup> (*располагать временем*); *выговорить/выговаривать*<sup>1</sup> (*выговорить, выговаривать слово*) и —/выговаривать<sup>2</sup> (*выговаривать кому-нибудь за опоздание*); ср. частичную омонимию в одной-единственной форме: *стук<sup>1</sup>*, *скрип<sup>1</sup>* (формы им.-вин. п. ед. ч. существительных) и *скрип<sup>2</sup>* (*скрипнул*), *стук<sup>2</sup>* (*стук в дверь*) как «междометные формы» глагола; *даром<sup>1</sup>, рядом<sup>1</sup>* (формы тв. п. ед. ч. существительных *дар, ряд*) и *даром<sup>2</sup>* — ‘бесплатно, бесполезно’, *рядом<sup>2</sup>* — ‘близко’.

«Созвучие» языковых единиц, относящихся к явлениям, смежным с омонимией, т. е. находящимся на ее периферии, определяется в большей степени факторами грамматики, словообразования, фонетики (графики), чем лексики.

Омоформы — это совпадающие по звучанию и написанию формы разных слов одной и той же части речи или разных частей речи:

А что же делает *супруга*  
Одна в отсутствии *супруга*?

(А. С. Пушкин)

Ср.: *одна из самых удивительных артистических карьер* и *пустить лошадь в карьер*; *разинуть пасть* и *пасть* смертью храбрых; горячая *печь* и *печь* пироги. Здесь совпадение форм существительных: именительного падежа единственного числа слова *супруга* и родительного падежа единственного числа слова *супруг* (*супру-*

*га<sup>1</sup> — супруга<sup>2</sup>*), родительного падежа множественного числа слова *карьера* и винительного падежа единственного числа слова *карьер* (*карьер<sup>1</sup> — карьер<sup>2</sup>*), а также форм именительно-винительного падежа единственного числа существительных *пасть, печь* и инфинитива глаголов *пасть, печь* (*пасть<sup>1</sup>, печь<sup>1</sup> — пасть<sup>2</sup>, печь<sup>2</sup>*). Как видно, омонимическое совпадение таких слов имеет место в одной или нескольких формах их словоизменительных парадигм (ср. еще: *супругу<sup>1</sup>* (вин. п. ед. ч.) — *супругу<sup>2</sup>* (дат. п. ед. ч); *супруг<sup>1</sup>* (род. п. мн. ч.) — *супруг<sup>2</sup>* (им. п. ед. ч.).

О м о м о р ф е м ы представляют собой омонимичные морфемы: суффиксы, префиксы, основы. Примерами омоморфем являются суффикс существительных среднего рода предметного значения *-л<sup>1</sup>* (*шило, мыло, точило*) и суффикс *-л<sup>2</sup>* как показатель прошедшего времени глагола (*мыла, шила, точила*). Аналогичные омонимичные морфемы представлены в серии существительных: *хворост-ин<sup>1</sup>-а, изюм-ин<sup>1</sup>-а* (ср.: *хворост, изюм*); *свин-ин<sup>2</sup>-а, баран-ин<sup>2</sup>-а* (ср.: *свинья, баран*); *глуб-ин<sup>3</sup>-а, шир-ин<sup>3</sup>-а* (ср.: *глубокий, широкий*). В русском языке значительно число омонимичных приставок: *на<sup>1</sup>-колоть* (*дров*) и *на<sup>2</sup>-колоть* (*значок на куртку*); *на<sup>1</sup>-строить* (*дач*) и *на<sup>2</sup>-строить* (*гитару*); *про<sup>1</sup>-смотреть* (*внимательно газету*) и *про<sup>2</sup>-смотреть* (*ошибку*). В рядах слов *право, правосудие, вправе* и *правый, вправо* наблюдается омоморфемность основ *прав-<sup>1</sup>* и *прав-<sup>2</sup>*. Обычно омоморфемные основы характеризуются различной членностью: (*за-говорить*)<sup>1</sup> — ‘начать говорить’ и (*за-говорить*)<sup>2</sup>; ср.: *заговор, заговорщик*; (*нор-к*)<sup>1</sup>-а, ср. *нора* и (*норк*)<sup>2</sup>-а — ‘пушной зверек из семейства куниц’; (*жил-к*)<sup>1</sup>-а, ср. *жила* и (*жилк*)<sup>2</sup>-а (*артистическая жилка*). Омонимия части (морфемы) неизбежно приводит к омонимии целого (слова): *на<sup>1</sup>-строить — на<sup>2</sup>-строить > настроить<sup>1</sup> — настроить<sup>2</sup>*; (*нор-к*)<sup>1</sup>-а — (*норк*)<sup>2</sup>-а > *норка<sup>1</sup> — норка<sup>2</sup>*.

О м о ф о н ы представляют собой разные слова, совпадающие по звучанию, но различающиеся по написанию: *кот* и *код* — [кот], *косный* и *костный* — [кóсныи], *бачок* и *бочок* — [блчóк] и т. п. Ср. созвучие ряда слов у Д. Минаева:

«Чья же пьеса ныиче шла?»  
— «Александрова». — «Была  
С шиком сыграна, без шика ли?»  
— «С шиком, с шиком: громко  
шикали».

Омографы в отличие от омофонов совпадают по написанию, но различаются в произношении благодаря различному ударению: замо́к (*на двери*) и зáмок — ‘дворец’; мукá (*пшеничная*) и мúка (*Не жизнь, а мука*); стрéлки (*часов*) и стрелкý (*из лука*, ср. меткие стрелки).

## Омонимия и многозначность

«Затемнение» внутренней формы слова, отдельных его ЛСВ может привести к нарушению их взаимной мотивированности и образованию омонимов. Это так называемые семантические омонимы. Обособление значений прежде единого многозначного слова в отдельные, самостоятельные слова-омонимы — процесс длительный и постепенный, поэтому резкой границы между многозначностью и омонимией во многих случаях нет.

Нет омонимии вообще — есть омонимия определенной исторической эпохи, известного «состояния» языка. То, что было многозначностью для одной эпохи, может оказаться разобщенным на омонимы для другой.

Одна из главных задач при рассмотрении взаимоотношения между омонимией и многозначностью — это определение критерий в их разграничения. Главный критерий — семантический: утрата значениями (ЛСВ) прежнего многозначного слова их взаимной языковой мотивированности, т. е. способности обнаруживать общность или непрерывность их внутренних форм (см. 1, 5). Другими, дополнительными критериями разграничения многозначности и омонимии могут быть: образование у омонимов разных несоотносимых словообразовательных гнезд, развитие у них характерной несовпадающей лексической и фразеологической сочетаемости, различный характер членности на морфемы, резкое изменение грамматического значения (например, его «преодоление») и др.

Причины возникновения омонимии из многозначности могут быть как экстралингвистическими (изменение обозначаемых реалий, их утрата и др.), так и собственно лингвистическими (различные изменения в самой системе языка). И в том, и в другом случае это приводит к нарушению былой связи ЛСВ слова, к «затемнению» их мотивированности. Важно учитывать тип полисемии слов: для метафорически связанных в прошлом значений при образовании омонимов существен такой показатель, как изменение самого предмета или знания

о нем, для метонимически мотивированных значений — изменения в мотивирующем ЛСВ, при цепочечной полисемии — утрата «промежуточного звена» и т. п.

Обратимся к некоторым иллюстрациям этих положений.

Омонимы *рак*<sup>1</sup> — ‘покрытое панцирем пресноводное или морское животное с клешнями и брюшком, называемым обычно шейкой’ и *рак*<sup>2</sup> — ‘злакачественная опухоль’ возникли из полисемии. Название болезни дано по сходству внешнего вида рака со способом, формой распространения опухоли, т. е. на основе метафоры. Эта внутренняя форма была в свое время прозрачной, ясно ощутимой. В «Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенному» (Спб., 1822. Ч. 5. С. 940—941) читаем: «Болезнь, состоящая из опухоли... видом круглой, тугой, цветом синеватой или багровой, сопровождаемой жестокой болью. Величиной сначала бывает с горошину, но после распускается в раскинувшись вокруг себя наподобие *раковых ног* и будто коленчатые жилы, напыщенные черною и густою кровью...»<sup>1</sup> Признак, положенный в основу производного значения, оказался внешним, случайным, далеко не отражающим сути обозначаемого: изучение различных видов и форм раковых заболеваний, не только внешних, но и внутренних процессов расширило и изменило представление об этой болезни, поэтому «связующий» признак перестал осознаваться. Семантический критерий омонимии (утрата значениями взаимной языковой мотивированности, общности внутренней формы) поддерживается другими, дополнительными: слова-омонимы входят в ряды несовместимых<sup>1</sup> лексических сочетаний; ср.: *ловить, (варить, есть...) раков и рак желудка (пищевода, легких...)*, *лечение (профилактика...) рака и др.*; первый из омонимов противопоставлен второму кругом характерных фразеологических окружений: *на безрыбье и рак рыба; показать, где раки зимуют; когда рак свистнет; как рак на мели; покраснеть как рак и др.*; второй в отличие от первого имеет конструктивно обусловленное значение (*рак ч е г о: рак печени*) и употреб-

<sup>1</sup> В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1939. Т. 3. Стлб. 1210) также можно найти указание на прежнюю связь значений слова *рак*; ср.: «хроническая злакачественная опухоль на наружных или внутренних органах, разрастающаяся по здоровой ткани *клешнеобразными разветвлениями*». Но это уже скорее исторический комментарий, чем современное толкование.

ляется только в формах единственного числа; каждый из омонимов входит в свое семантическое (словообразовательное) гнездо: *рак<sup>1</sup>*, *раковый<sup>1</sup>* (ср. *раковые шейки*), *ракообразные*, *рачий*, *рачиха*, *раколов* и *рак<sup>2</sup>*, *раковый<sup>2</sup>* (*раковое заболевание*).

Омонимы *такт<sup>1</sup>* — ‘метрическая музыкальная единица; равномерно следующие друг за другом удары, ритм’ (ср.: *тактовый*, *тактный*, *тактировать*) и *такт<sup>2</sup>* — ‘чувство меры, умение вести себя подобающим образом’ (ср.: *тактичный*, *тактичность*, *бестактный*) представляли прежде единое многозначное слово со значениями, связанными по функции (намек на соблюдение такта в прямом и переносном употреблении слова; ср. *соблюдать такт*). Анализ употребления этого слова в прошлом веке подчеркивает живую тогда связь его значений, теперь — омонимов: *Грановский был одарен удивительным тактом сердца. У него все было так далеко от неуверенной в себе раздражительности, от притязаний, так чисто, так открыто, что с ним было необыкновенно легко* (Герц.), т. е. ‘равномерное биение сердца’ ⇌ ‘размеренность в поведении, тактичность’.

До середины прошлого столетия значения слова  *завод* — ‘действие по глаголу  *заводить*’, например,  *завод часов*, и ‘промышленное предприятие’ и др. были тесно связаны метонимически как указания на действие и его результат:  *завод конский* (*овечий*, *кожевенный*, *мыловаренный*, *лесопильный*, *медный*, *ружейный*) — это то, что «заведено»; ср. устаревшее для нашего времени словосочетание  *завести завод (фабрику)*. Глагол  *заводить* обладал прежде более широким смысловым содержанием и мотивировал оба рассматриваемых значения: ‘полагать начало или основание’ ( *заводить училище*), ‘навивать часовую цепочку на барабан’ ( *заводить часы*) и др. В связи с сужением сферы употребления глагола  *заводить* в значении ‘основывать’, т. е. причиной собственно языковой, а не экстралингвистической, постепенно исчезает представление о заводе как о чем-то «зведенном», ослабевает связь существительного с глаголом и «затемняется» его внутренняя форма, связывавшая значение ‘промышленное предприятие’ со значением действия:  *завод часов (механизма)*. Постепенно формируются несоотносительные семантические гнезда омонимов:  *завод<sup>1</sup>* ( *заводить*,  *заводка*,  *заводной*) и  *завод<sup>2</sup>* ( *заводчик*,  *заводоуправление*,  *заводской*,  *завком* и др.). Омонимы дифференцируются по своей сочетаемости

(сильным позициям): завод часов (*пружины, механизм*), завод ключом, суточный (недельный) завод и металлургический (автомобильный, судостроительный...) завод, строить завод, работать на заводе и др. Омонимы различаются в современном языке своей морфемной членностью: «...то обстоятельство, что слово  *завод* в контексте  *завод у игрушки* имеет префикс *за-*, а в контексте *консервный завод* представляет собой основу непроизводную, лучше всяких других доводов объективно свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с омонимной парой, а не с двумя значениями одного слова»<sup>1</sup>. Ср.: *при-ход*<sup>1</sup> (*приходить*) и *при-ход*<sup>2</sup> (*церковный*).

Омонимы *лавка*<sup>1</sup> (*сидеть на лавке*) и *лавка*<sup>2</sup> (*книжная лавка писателей*) связывались прежде в одно слово по принципу цепочечной полисемии. Выпадение из структуры прежнего многозначного слова «промежуточного звена» — ‘скамья, стол для товаров’ (т. е. прилавок), связывавшего их, привело к образованию омонимов.

### Функции омонимов

Как и многозначные слова, омонимы употребляются во взаимоисключающих друг друга сильных позициях. Это позволяет реализовать основную семантическую функцию омонимов — дифференцировать различные по значению и совпадающие по звуковым оболочкам слова. Так как эти слова не связаны по смыслу, не мотивированы, сила их взаимного исключения в тексте значительно больше, чем у значений (ЛСВ) многозначного слова.

Ономасиологическая ценность омонимии неизмеримо меньше, чем у полисемии. Это тоже лексическая категория семасиологической ориентации. Лексическая омонимия — отношениеозвучных внеположенных единиц с дизъюнктивной оппозицией и дополнительной дистрибуцией (см. 1, 6).

Контактное употребление омонимов в тексте или даже их «наложение», полное «слияние» в одной форме реализует определенные стилистические функции, являясь средством создания каламбура, образного

<sup>1</sup> Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 434—435.

столкновения разных смыслов, подчеркнутой экспрессии: *Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок я не в состоянии* (П.); *Платя свой долг, ты тем самым его выполняешь* (Козьма Прутков). Выразительность лозунга *Миру — мир!* подчеркнута употреблением омонимов.

## § 9. СИНОНИМИЯ

### Определение синонимии

Синонимия, или семантическое отношение лексических единиц, полностью или частично совпадающих по своему значению, в отличие от многозначности и омонимии представляет наибольший интерес как категория ономасиологическая. Синонимы — это языковые средства выражения одного и того же содержания или близких смыслов, уточнения отдельных сторон обозначаемого и его оценки.

Как уже отмечалось (см. 2, 7), возникновение и лингвистическая природа синонимии объясняется асимметрией знака и значения, стремлением выражать известное содержание не только своим основным знаком (первой формой), но и другими языковыми средствами.

Известно несколько подходов к определению и изучению синонимии. Они соответствуют разным видам (или аспектам) значения слова (см. 1, 3). В собственно семантическом (сигнификативном) аспекте синонимы определяются как слова (ЛСВ) одной и той же части речи с полностью или частично совпадающими значениями. В структурном аспекте они рассматриваются операционально как слова, которые могут взаимно замещать друг друга, не изменяя смысла предложения<sup>1</sup>. Наконец, в эмотивном (в семиотике — прагматическом) плане синонимы выступают как выражение эмоционально-экспрессивной оценки обозначаемого. Такие definizioni не исключают, а взаимно дополняют друг друга до полного определения синонимов.

Семантической сущностью синонимии и мерилом ее проявления в каждом конкретном случае является

<sup>1</sup> Такое понимание синонимии идет от логики, где оно является распространенным: «Если два имени являются синонимами (имеют во всех отношениях одно и то же содержание), то всегда можно одно заменить другим, не меняя содержание целого» (Чёрч А. Введение в математическую логику. М., 1960. Т. I. С. 18).

эквивалентность содержания лексических единиц. Эквивалентным может быть все содержание слов (*языкознание — лингвистика*), содержание отдельных их значений [*луна<sub>1</sub>* — ‘спутник Земли’ — *месяц<sub>2</sub>* — ‘луна’ (‘диск луны или его часть’): *светит луна — светит месяц*; ср. *луна<sub>2</sub>* — ‘спутник любой планеты’: *десять лун Сатурна и месяц<sub>1</sub>* — ‘единица исчисления времени, равная одной двенадцатой части года’: *вернуться через месяц*] или совпадающих частей значений (ЛСВ) слов [*ключ* — ‘источник, в котором вода выходит с напором, с силой’ — *родник* — ‘источник, в котором вода просачивается на поверхность земли’; *пачка* — ‘несколько однородных предметов (обычно книг, бумаг), сложенных или связанных вместе’ — *кипа* — ‘обычно большое количество книг, бумаг, собранных вместе, но не обязательно уложенных или связанных’].

Синонимия, таким образом, — эквивалентность всего или части содержания лексических единиц, а сами синонимы семантически тождественны в пределах всех или части своих значений (ЛСВ) или совпадающих частей значений (ЛСВ) и в соответствии с этим взаимозаменимы в тексте в тех нейтрализуемых, слабых позициях, которые соответствуют их общему содержанию, т. е. пересечению объемов их значений (см. 1, 6). Слова *ключ* и *родник* в равной мере могут быть употреблены, если просто называется какой-то источник, если же, например, надо акцентировать, что вода бьет в нем ключом, идет с напором, употребляется только первое из этих двух слов, так как общего, «пересекающегося» содержания (‘источник’) недостаточно для подчеркивания специфики обозначаемого предмета.

Эквивалентные (‘пересекающиеся’) содержания синонимов находятся в отношении взаимной замены, двусторонней импликации<sup>1</sup>: *Тренер заменяет вратаря* ↔ *Тренер заменяет голкипера*; *Это был высокий юноша* ↔ *Это был рослый юноша* (эквивалентное содержание последней пары синонимов — ‘высокого роста’). Легко заметить, что эквивалентность как семантическое отношение — понятие абсолютное, синонимы же как средство ее выражения — относительное.

Необходимо подчеркнуть одну немаловажную

<sup>1</sup> Импликация — логическое отношение вида  $A \rightarrow B$  — ‘если  $A$ , то  $B$ ’. При двусторонней импликации истинно и обратное отношение: ‘если  $A$ , то  $B$ ’ и ‘если  $B$ , то  $A$ ’, т. е.  $A \leftrightarrow B$ .

мысль: синонимами нельзя считать любые частично сходные по смыслу лексические единицы. Синонимы — «это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях»<sup>1</sup>. Следовательно, чем более устойчива нейтрализация семантически сходных слов, тем выше степень их синонимичности, тем в большей степени они синонимы.

Сказанное дает основание определить синонимию как полную или частичную эквивалентность значений, выраженных разными лексемами:

$$X \simeq Y,$$

где знак  $\simeq$  является условным и «усередненным» обозначением полной (=) и частичной семантической эквивалентности ( $\approx$ ) языковых единиц. Символы  $X$  и  $Y$  подчеркивают, что синонимы (в отличие, скажем, от многозначности:  $X_1$  и  $X_2$ ) — разные по форме слова.

Принимая во внимание функции синонимов, о которых будет сказано ниже, синонимию как лексическую категорию можно определить следующим образом: это семантическое отношение тождественных или близких по содержанию значений, выражаемых формально различными словами (ЛСВ), которые реализуют в тексте семантические функции замещения и уточнения, а также оценочно-стилистические функции.

### Классификация синонимов

В синонимические отношения вступают обычно несколько слов. Они образуют с и н о н и м и ч е с к и й ряд (или синонимическую парадигму), где и идентифицируются относительно д о м и н а н т ы — определяющего слова ряда. Это слово семантически наиболее простое по семенному составу, за редким исключением стилистически нейтральное, синтагматически наиболее свободное и употребительное. Являясь своеобразной «точкой отсчета» в синонимическом ряду, доминанта в большинстве случаев приближается к выражению эквивалентного содержания, общего всем членам парадигмы. Именно на фоне доминанты синонимы воспринимаются как семантически более сложные и стилистически мар-

<sup>1</sup> Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 130.

кированные. Доминанта возглавляет синонимический ряд и дается в словарях в его начале: *Танцевать, плясать, отплясывать* (разг.), *откальвать* (разг.).

*Танцевать* — исполнять какой-либо танец, принимать участие в танцах; *плясать* — исполнять преимущественно народный танец, какую-либо пляску, слово часто употребляется для того, чтобы подчеркнуть живой, несдерживаемый, шумный и т. п. характер танца (танцев); слова *отплясывать* и *откальвать* имеют усиительный характер, подчеркивая особую живость, лихость, непосредственность пляски.

Типы синонимов выделяются по двум основаниям. В зависимости от количества позиций, в которых синонимы могут замещать друг друга (т. е. во всех или в части), и соответственно степени совпадения их значений выделяются полная (абсолютная) синонимия и частичная синонимия, в зависимости от их функций — семантическая (идеографическая) и стилистическая синонимия. Полная синонимия характеризуется эквивалентной дистрибуцией и нулевой оппозицией, частичная — контрастирующей дистрибуцией и эквивалентной (равнозначной) оппозицией единиц (см. I, 6).

Такое разграничение типов синонимии и кладется в основу классификации синонимов.

Полные (абсолютные) синонимы совпадают по своим значениям и характерной сочетаемости: *языкознание* — *лингвистика*, *орфография* — *правописание*, *вратарь* — *голкипер*, *забастовка* — *стачка*, *кавалерия* — *конница*. Их количество в языке сравнительно невелико. Частичные синонимы не совпадают полностью по своим значениям и употреблению; причем степень несовпадения может быть весьма различной: *бросать* — *кидать*, *рассказывать* — *повествовать*, *линия* — *чайка*, *луна* — *месяц*, *трудный* — *тяжелый*. Количественно такие синонимы преобладают в языке.

Семантические, или идеографические, синонимы, выражая существенно общее, вместе с тем отличаются определенными элементами своих значений, нередко отчетливо осознаваемыми внутренними формами, оттеняя, например, различные стороны обозначаемого (*кругкий* — *незлобивый* — *покорный* — *смиренный*, *узкий* — *тесный* — *тонкий*, *веселый* — *радостный*, *смотреть* — *глядеть*) или разную степень проявления признака, свойства, действия (*размолвка* — *ссора*, *страх* — *ужас*, *талантливый* — *гениальный*, *ломать* —  *крушить* — *сокрушать*). Стилистические сино-

нимы выражают ту или иную эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого: *лицо — лик* (высок.) — *рожа* (прост.); *выгнать — изгнать* (книжн.) — *вытурить* (прост.); *родина — отчизна* (высок.); *убежать — удрать* (разг.). Семантико-стилистические синонимы отличаются друг от друга как по своему значению, так и по эмоционально-экспрессивной окраске: *течь — хлестать* (разг.) — ‘течь, литься сильно, с шумом’ (*Вода хлещет из крана*); *ссора — перепалка, перебранка* (разг.) — ‘крикливая ссора обычно из-за пустяков’; *редкий — жидкий* (разг.) — ‘очень редкий’ ( *жидкий лес, жидкая борода*).

По своей структуре синонимы делятся на разнокоренные (они преобладают в лексике: *молодость — юность, смелый — храбрый, здесь — тут, есть — кушать, шелестеть — шуршать, радоваться — ликовать*) и однокоренные (*выругать — отругать, открыть — раскрыть, заглавие — заголовок, качать — раскачивать*). Значительное количество синонимических пар (рядов) содержит в своем составе заимствованные слова (*недостаток — дефект, летчик — пилот, нападающий — форвард, безветрие — штиль*), в том числе из старославянского (*короткий — краткий, выбрать — избрать, город — град*).

В заключение необходимо подчеркнуть, что практически «рабочей» единицей при изучении и описании лексической синонимии в словарях оказывается ЛСВ, так как многозначное слово обычно входит разными своими значениями в несколько синонимических рядов: *свободный<sub>1</sub> — независимый* (*свободный, независимый народ*), *свободный<sub>2</sub> — вольный, привольный* (*свободная, вольная, привольная жизнь*), *свободный<sub>3</sub> — беспрепятственный* (*свободный, беспрепятственный въезд*), *свободный<sub>4</sub> — незанятый* (*Сейчас он свободный, незанятый человек*), *свободный<sub>5</sub> — пустой* (*свободная, пустая квартира*), *свободный<sub>6</sub> — просторный, широкий* (*свободное, просторное, широкое платье*).

### Функции синонимов

Структурно-семантические и стилистические свойства различных типов синонимов наглядно проявляются в их основных функциях в тексте.

Важнейшими семантическими функциями синонимов являются замещение и уточнение.

Функция замещения состоит в замене следующих друг за другом синонимов в одном предложении или фрагменте текста. Это позволяет разнообразить речь, сделать ее более выразительной, избежать ненужных повторов одного и того же слова. Функция замещения характерна прежде всего для адекватных (полных) синонимов как равноценных номинаций обозначаемого: *Водители локомотивов, тепловозов, междугородных и городских автобусов, не добившись удовлетворения своих требований о повышении заработной платы после первой стачки, объявили повторную забастовку* (из газет). Взаимное замещение часто наблюдается у сокращений и их развернутых эквивалентов (*ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства, УДН — Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, вуз — высшее учебное заведение*), у слова и его аналитического эквивалента (*загудеть — дать гудок, победить — одержать победу*), слова и его перифразы (*телевизор — голубой экран, нефть — черное золото*).

Функция замещения отмечается и у частичных синонимов, если их различие нейтрализовано (несущественно) в тексте: — Да и вы, Надежда Алексеевна, куда спешиште? Подождите *месяца*, он теперь скоро взойдет. Еще светлее будет ехать.— Пожалуй,— сказала Надежда Алексеевна,— я давно не ездила при *луне* (Т.)<sup>1</sup>.

Функция уточнения реализуется как раскрытие различных свойств и характерных признаков обозначаемых предметов действительности. В отличие от функции замещения она проявляется в пределах определенного фрагмента текста при близком, контактном расположении синонимов. Очень часто специфика обозначаемых предметов, явлений, свойств и признаков, действий не может быть раскрыта одним словом. Поэтому возникает необходимость в одновременном употреблении сразу нескольких частично синонимичных слов, не совпадающие семы которых «направляются» на обозначаемое с различных точек зрения, выявляя в нем новые, специфические свойства. Функция уточнения — важнейшая у синонимов. Ее роль особенно существенна в языке художественной литературы при создании эстетически значимых языковых образов — ярких, выра-

<sup>1</sup> Отметим, что иногда со словом *месяц* связывается представление о серповидной форме, а со словом *луна* — о круглой.

зительных, богатых разнообразными ассоциациями.

При уточнении возможны два основных типа контекстов: нейтрализующий, в котором различие синонимов не является существенным для данного текста, и дифференцирующий, где в центре внимания оказываются их различия.

В нейтрализующем контексте происходит соединение синонимов, «сложение» их сем, необходимое для адекватного изображения специфики обозначаемого: *Нашла она обоих поляков в страшной бедности, почти в нищете*, без кушанья, без дров, без папирос, задолжавших хозяйке (Д.). Бедность людей изображена здесь как граничащая с нищетой: *страшная бедность — это почти нищета*. «Усиление» семантики слова **бедность** в контексте благодаря определению **страшная** и соседству со словом **нищета** «притягивает» к нему сему интенсивности, которая присутствует в существительном **нищета** — ‘крайняя бедность’. Употребление только одного из этих слов (первого) не давало бы полноты и ощущимости изображения, которое достигается с помощью приема уточнения, взаимодействия синонимов. Напротив, в дифференцирующем контексте синонимы и их несовпадающие семы противопоставляются, что также уточняет мысль: — *Милостивый государь, — начал он почти с торжественностью, — бедность не порок, это истина... Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто* (Д.). (Дается одна из качественных характеристик сопоставления слов с различной степенью проявления признака, свойства.)

С помощью частичных синонимов может уточняться не только интенсивность — градация качества, свойства, действия (**бедность — нищета, красивый — прекрасный, радоваться — ликовать**), но и способ осуществления, совершения действия (**идти — шагать — вышагивать — ступать**), различные стороны обозначаемого (**товарищ — друг, злободневный — актуальный — животрепещущий, быстрый — резвый — проворный — бойкий**) и др.

Стилистические функции качественно отличаются от семантических, хотя и взаимодействуют с ними. При тождестве или высокой степени своего смыслового сходства стилистические синонимы противопо-

ставляются в тексте по своему эмотивному значению (см. 1, 3), согласуясь в стилевом плане с соответствующими фрагментами текста.

Важнейшими стилистическими функциями являются функция оценки и функция стилевой организации текста.

Функция стилистической оценки как выражение отношения (положительного или отрицательного) к обозначаемому основывается на различной стилевой характеристике слов:

- (+) лик (высок.)
- (0) лицо
- (--) физиономия (разг.)
- (--) рожа (прост.)

Выбор слова из стилистической парадигмы имеет оценочно-стилистический характер: *нежный лик, выразительное лицо, постная физиономия, противная рожа*.

Слова согласуются между собой в речи не только семантически, но и стилистически. Синонимы, согласуясь семантико-стилистически в тексте с их окружением, выполняют функцию его стилевой организации: — *Лодыри, просыпайтесь! Дрыхнуть сюда приехали? Работать надо!* — гремел его голос (Аж.).

Уста и губы — суть их не одна.  
И очи — вовсе не гляделки!  
Одним доступна глубина.  
Другим... глубокие тарелки!

(А. Марков)

Ср. согласование: *дрыхнуть — лодыри* как маркеров стилистически сниженного текста и противопоставление *уста, очи — доступна глубина; губы, гляделки — (доступны) глубокие тарелки*.

В стилистических синонимах в силу взаимодействия эмотивного и сигнifikативного значения может происходить «сгущение» их семантики, поэтому они могут выражать большую степень проявления качества, свойства, действия по сравнению с соответствующими нейтральными словами, используясь как средство градации: *Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грязнул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш* (М. Б.).

### Определение конверсии

Конверсия как выражение «обратных» отношений языковых единиц — конверсивов — первоначально обратила на себя внимание в синтаксисе. Грамматические конверсивы — соотносительные формы залога в действительном и страдательном оборотах: *Государство охраняет памятники культуры ↔ Памятники культуры охраняются государством*<sup>1</sup>. Они обозначают — в различных направлениях — отношения субъекта и объекта. Лексические конверсивы в отличие от грамматических выражаются не формами одного и того же слова (*охранять — охраняться*), а разными словами: *Студент сдает экзамен профессору ↔ Профессор принимает экзамен у студента* (*сдавать — принимать*).

Лексическая конверсия пока еще недостаточно исследована; ее изучение началось сравнительно недавно. Нет пока и словарей конверсивов. Между тем это категориальное отношение является весьма существенным в лексической системе как одно из выражений эквивалентности высказываний.

По своей природе и функциям лексические конверсивы разнообразнее грамматических; они выражают отношения не только субъекта и объекта (*Башня опирается на фундамент ↔ Фундамент поддерживает башню*; *Штора пропускает свет ↔ Свет проходит сквозь штору*), но и агента и контрагента того или иного действия (*Молодой шахматист выигрывает у мастера ↔ Мастер проигрывает молодому шахматисту*; *Он продает картину товарищу ↔ Товарищ покупает картину у него*), членов определенной ситуации (*Профессиональные клубы превосходят любительские ↔ Любительские клубы уступают профессиональным*; *Он старше ее ↔ Она моложе его*) и др., т. е. участников ситуации, замещающих соответственно позиции подлежащего и дополнения.

Конверсия выступает как конструктивный принцип различной организации высказывания с точки зрения разных, но взаимодействующих участков одной и той же ситуации. Преобразование по конверсии связано с меной не только конверсивов, но и самих актантов.

---

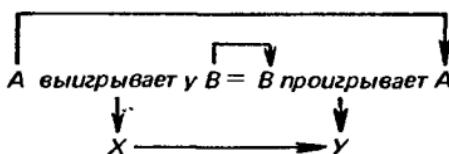
<sup>1</sup> Знак ↔ указывает на смысловую эквивалентность высказываний, находящихся в отношении конверсии.

Для характеристики основных свойств лексических конверсивов обратимся к конкретному примеру: «Спартак» выигрывает у «Зенита»  $\leftrightarrow$  «Зенит» проигрывает «Спартаку».

Лексические конверсивы  $X$  (*выигрывает*) и  $Y$  (*проигрывает*) должны прежде всего иметь как минимум две валентности, так как они выражают двусторонние отношения участников обозначаемой ситуации. Одно и то же действие (отношение) представлено в двух направлениях — от одного участника ситуации  $A$  («Спартак») к другому  $B$  («Зенит») (прямые отношения  $R$ ) и, наоборот, от  $B$  к  $A$  (обратные отношения  $R^{-1}$ ):

$$\begin{array}{ccc} A & \xrightarrow{\text{выигрывает у } (R = X)} & B \\ \text{«Спартак»} & \xleftarrow{\text{проигрывает } (R^{-1} = Y)} & \text{«Зенит».} \end{array}$$

В синтаксическом отношении конверсивы характеризуются наличием прямой и обращенной ролей в структуре. При преобразовании по конверсии участники ситуации меняются синтаксическими ролями: подлежащее исходного высказывания становится дополнением обращенного, дополнение исходного высказывания — подлежащим обращенного, а слово, выражающее отношения членов обозначаемой ситуации, заменяется в обращенном предложении на свой конверсив:



В семантическом плане конверсивы имеют однаковую предметную соотнесенность, представляя один и тот же смысл в разных направлениях: ‘что касается  $A$ , то он выигрывает’, ‘что касается  $B$ , то он проигрывает’ и т. п. Обозначая в составе высказываний одно и то же, соотносительные конверсивы обладают разными значениями: *выигрывать* — ‘побеждать, одерживать победу’, *победа* — ‘успех в чем-либо’; *проигрывать* — ‘терпеть неудачу’, *неудача* — ‘неуспех’ (такие конверсивы отрицают друг друга).

Конверсия как лексическая категория — это семантическое отношение обратных по своему значению слов (ЛСВ) в прямых и обращенных высказываниях, кото-

ные обозначают одну и ту же ситуацию:

$$AR \ (= X)B \leftrightarrow BR^{-1} \ (= Y)A,$$

где *A* и *B* — участники одной ситуации («Спартак», «Зенит»), *R* и *R<sup>-1</sup>* — их прямое и обратное отношения, передаваемые с помощью конверсивов *X* и *Y* (*выигрывать*, *проигрывать*).

Конверсивы обнаруживают эквивалентную оппозицию, противопоставляясь своими несовпадающими обратными семами и контрастирующей дистрибуцией, способностью различаться благодаря различным лексемам в тождественных позициях: *выигрывать/проигрывать матч* (забег, заплы...), но блестяще *выиграть* — позорно *проиграть* (см. 1, 6).

### Классификация конверсивов

Конверсивы классифицируются по формальным и семантическим свойствам.

Структурные типы конверсивов основаны на их принадлежности к определенной части речи:

конверсивы-глаголы: *сдавать — снимать (комнату)*; ср: *сдавать — принимать (экзамены)*, *входить — вмещать, продавать — покупать, оглушить — оглохнуть (от)*: *Он продает мне книгу ↔ Я покупаю у него книгу; Мотор оглушил нас ↔ Мы оглохли от мотора;*

конверсивы-существительные: *учитель — ученик, автор — произведение, владелец — собственность, муж — жена, отец — сын: Л. В. Щерба — учитель В. В. Виноградова ↔ В. В. Виноградов — ученик Л. В. Щербы; Николай Иванович — отец Филиппа Николаевича ↔ Филипп Николаевич — сын Николая Ивановича;*

конверсивы-прилагательные (формы сравнительной степени): *мологе — старше, сильней — слабей, выше — ниже, дороже — дешевле: Брат мологе сестры ↔ Сестра старше брата; Альбом дороже книги ↔ Книга дешевле альбома.*

Назовем некоторые другие структурные типы конверсивов: конверсивы-наречия (*Экспресс едет быстрее обычного автобуса ↔ Обычный автобус едет медленнее экспресса*), конверсивы-предлоги (*Картина висит над фотографией ↔ Фотография висит под картиной*). Небольшое количество слов в силу своих семантико-синтаксических свойств (возможность «обращения», мены субъекта и объекта) способны выражать конверсивные

отношения без «обратного противочлена». Это «конверсивы в себе»: *Петров дружит с Николаевым* ↔ *Николаев дружит с Петровым*; *Лена разговаривает с Людой* ↔ *Люда разговаривает с Леной*; *Я — его соавтор* ↔ *Он — мой соавтор*.

Семантические типы конверсивов — это классы конверсивных противопоставлений слов, выделяемые на основе определенных обобщенных значений, характеризующих связь, соположение, взаимозависимость и взаимодействие, причинно-следственные отношения обозначаемых предметов и явлений действительности. Вот некоторые из них:

‘передача’: *Отец передает сыну библиотеку* ↔ *Сын получает от отца библиотеку*; *Он одолживает мне деньги* ↔ *Я занимаю у него деньги*;

‘приобретение / утрата’: *Студенты приобретают знания в области лингвистики* ↔ *У студентов появляются знания в области лингвистики*; *Мы израсходовали деньги* ↔ *У нас кончились деньги*;

‘состав, наличие, обладание’: *Два атома водорода и один атом кислорода образуют молекулу воды* ↔ *Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода*; *Директор имеет трех заместителей* ↔ *У директора есть три заместителя*;

‘заполнение объема, содержания, времени’: *Сосуд вмещает десять литров воды* ↔ *В сосуд входят десять литров воды*; *Сборы в дорогу заняли весь вечер* ↔ *Весь вечер ушел на сборы в дорогу*;

‘соположение в пространстве и времени’: *Я стою перед вами* ↔ *Вы стоите за мной*; *Наш поезд приходит раньше вашего* ↔ *Ваш поезд приходит позже нашего*;

‘зависимость, причинно-следственные отношения’: *Невнимательность часто порождает ошибки* ↔ *Ошибка часто проистекают из-за невнимательности* и др.

### Функции конверсивов

Конверсивы подобно синонимам представляют наибольший интерес как категория ономасиологическая, а именно: как конструктивный элемент формирования эквивалентных высказываний (прямого и обращенного), изображающих одну и ту же ситуацию с точки зрения разных ее участников — меняющихся синтаксическими ролями субъекта и объекта. Конверсивы всегда соположены в синонимичных предложениях, так что

употребляемая в тексте фраза всегда предполагает свой «скрытый» синоним, которому по той или иной причине не было отдано предпочтение: *Народ — творец искусства* (ср. *Искусство — творение народа*). В этом их главная семантическая функция.

Стилистическая функция конверсивов — экспрессивное подчеркивание той или иной мысли путем ввода в текст обоих конверсивов: *Поражение врага — это наша победа* (ср. *Враг потерпел [от нас] поражение ↔ Мы победили врага*). Они могут быть источником каламбура, основанного на обращении к «скрытому», соподразумеваемому конверсиву: *Краткость в романе была, но не хватало ее брата* (О. Донской); ср.: *Краткость — сестра таланта ↔ Талант — брат краткости*.

## § 11. АНТОНИМИЯ

### Определение антонимии

Важную роль в лексической системе языка играют антонимы — слова, выражающие противоположность: *сильный — слабый, истинный — ложный, входить — выходить, добро — зло*. Антонимия является выражением в языке противоположности.

Различия в предметах и явлениях действительности, существенные с точки зрения человеческой практики, при их оценке отражаются в языке как противоположные. «Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного различия, до противоположности*<sup>1</sup>». Онтологически противоположность представляет собой существенное различие, которое может быть выражено в языке как средствами определенных номенклатур (например, единицами измерения длины, высоты, времени, возраста, температуры, скорости, цены и т. п.), так и особыми словами — антонимами; ср.: *У большого температура 35,6° (36,6°, 39,8°) и У большого низкая (нормальная, высокая) температура*. Оценочная квалификация температурного различия дала возможность осмыслить его как противоположность: *низкая — высокая (температура)*. Осознание противоположности в языке всегда опирается на определенную точку отсчета (норму), в данном случае — это понятие

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 128.

нормальной температуры человеческого тела ( $36^{\circ}$  —  $37^{\circ}$ ); ср. еще: *высокий — средний — низкий* (*рост*); *рано — вовремя — поздно* (*прийти*).

Антонимия — это выражение противоположности внутри одной и той же сущности, противоположное определение ее. Дифференцируя ту или иную сущность, антонимы как знаки «раздвоенного» на противоположности единства одновременно и определяют предел проявления какого-нибудь качества, свойства, действия, и указывают на неразрывную связь противоположностей: *горячий* и *холодный* — границы качественной оценки температуры, взаимоотрицающие полярности и вместе с тем сопряженные взаимопроникающие компоненты целого.

Логическую основу антонимии образуют несовместимые противоположные видовые понятия, входящие в объем соответствующего родового понятия: «легкий» — «тяжелый» (*вес*), «теплеть» — «холодать» (*изменение температуры*), «истина» — «ложь» (*соответствие действительности*). Применительно к антонимии следует говорить о двух видах противоположности. Контрарная противоположность выражается такими видовыми понятиями «*X*» и «*Y*», между которыми возможно промежуточное, среднее понятие «*Z*» и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим положительным содержанием: «холодный» — (*«прохладный*, *«теплый*») — «горячий». Комплементарная противоположность представлена такими видовыми понятиями «*X*» и «*Y*», которые взаимно дополняют друг друга до родового понятия, так что между ними невозможно никакое другое, промежуточное понятие: «истинный» — «ложный». Как и контрарные, эти понятия являются крайними, предельными на оси противоположности. В этом случае родовое понятие исчерпывается двумя противоположными видовыми, каждое из которых характеризуется своим положительным содержанием; отрицание одного из них дает строго определенное значение другого: «неистинный» значит «ложный».

Необходимо иметь в виду, что логической основы антонимии не образуют противоречащие понятия, т. е. отношения типа «*A*» — «не-*A*»: «молодой» — «немолодой», «холодный» — «неколодный». Они качественно отличаются от комплементарных отношений тем, что второе понятие (*«не-*A*»*) здесь весьма неопределенно, а потому не может быть крайним, предельным на оси

противоположности (например, «немолодой» — это и «средних лет», и «пожилой», и «старый»). Истинными противоположностями являются предельные видовые понятия «молодой» — «старый», «холодный» — «горячий».

При изучении антонимии важно учитывать не только «глубинные» логические, но и собственно лингвистические, категориальные свойства противопоставляемых единиц. Логическая модель противоположности, рассмотренная выше, реализуется в языке как антонимия не у всех слов, а только у тех, которые обозначают качество, противопоставленную направленность действий, состояний, признаков, свойств, а также у ограниченного круга слов со значением пространственных и временных координат. Именно поэтому слова с качественной и «направленной» семантикой типа *легкий* — *тяжелый* (о предмете, вопросе), *совершенный* — *несовершенный* (о красоте, произведении искусства), *садиться* — *вставать* (*на стул, со стула*) являются антонимами, а сходные с ними или даже формально совпадающие *легковой* — *грузовой* (о транспорте), *совершенный* — *несовершенный* (вид в грамматике), *сидеть* — *стоять* истинной антонимии не выражают.

У всех единиц, относящихся к той или иной лексической категории, есть определенный общий признак, например, у синонимов — эквивалентность. Такой инвариантный признак есть и у антонимов. Это — предельное отрицание, вскрываемое в толковании одного из них и свидетельствующее об их крайнем расположении на оси противоположности: *умный* — *глупый* ('предельно неумный'), *истинный* — *ложный* ('неистинный', предельно отрицающий истину), *входить* — *выходить* (*входить* — 'идя, начинать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь', *выходить* — 'идя, переставать находиться в каком-нибудь помещении, где-нибудь'), но *начинать* — *переставать* можно истолковать как 'начинать — начинать не', например, *начинать петь* — *переставать петь* ('начинать не петь'), и тогда различие глаголов сводится к глубинному отрицанию, которое также предельно, так как они обозначают диаметрально противоположно направленные действия.

Обнаруживая высокую степень сходства смысловых структур и толкований, антонимы различаются по одному существенному признаку (основанию) противопо-

ставлением противоположных сем: *горячий* ('температура выше нормы') — *холодный* ('температура ниже нормы'), *лето* ('самое теплое время года') — *зима* ('самое холодное время года').

Таким образом, сущность антонимии состоит в выражении взаимного предельного отрицания семантически однородных лексических единиц *X* и *Y* со значением качества и/или направленности:

$$X - Y [ = (\neg X)_{\max}],$$

где второе слово — максимальное (*max*) отрицание первого. В силу природы своих значений антонимы используются в языке прежде всего и главным образом для выражения противоположности.

Антонимия как лексическая категория — это семантическое отношение противоположных значений, выражаемых формально различными словами, которые реализуют в тексте функцию противопоставления и другие связанные с нею функции.

Как и синонимам, антонимам свойственны эквиполентная оппозиция и контрастирующая дистрибуция (см. 1, 6). Они также обладают как общей, совпадающей, так и индивидуальной сочетаемостью: *летний день* — *летняя ночь*, *теплый день* — *теплая ночь*, но: *солнечный, погожий день* и *лунная, глубокая ночь*. Однако в силу того, что антонимы соответствуют несовместимым понятиям («*холодный*» — «*горячий*», «*истинный*» — «*ложный*»), их значения в отличие от синонимов направлены не на уточнение обозначаемых предметов, действий, признаков, а на их противопоставление или сопоставление. Ономасиологический аспект рассмотрения лексических единиц является и здесь преобладающим.

### Классификация антонимов

Антонимы классифицируют исходя из их формальных и семантических свойств.

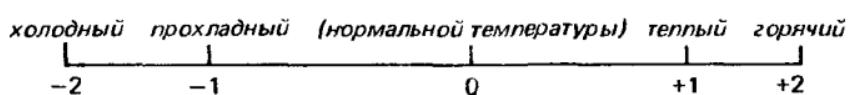
С точки зрения структурной классификации антонимы делятся на разнокоренные (*высокий* — *низкий*, *веселый* — *грустный*, *левый* — *правый*, *громко* — *тихо*, *подъем* — *упадок*, *всё* — *ничто*, *в* — *из*) и однокоренные, которые различаются противоположными по значению приставками (*прилетать* — *улетать*, *влезать* — *слезать*, *связывать* — *развязывать*, *ввоз* — *вывоз*) или

образуют противоположность в результате прибавления к слову приставки, придающей ему противоположный смысл (*культурный — некультурный*, *вкусный — невкусный*, *научный — антинаучный*, *сильный — бессильный*).

Особый непродуктивный тип представляет собой энантиосемия, или внутрисловная антонимия,— противоположность значений одного и того же слова: *оговориться<sub>1</sub>* (*намеренно*) — ‘сделать оговорку’ — *оговориться<sub>2</sub>* (*нечаянно*) — ‘ошибиться’; *одолжить<sub>1</sub>* (*кому-нибудь* денег) — *одолжить<sub>2</sub>* (*у кого-нибудь* денег). Значительно более распространена речевая энантиосемия: *Ох, и умен!* (= ‘глуп’); *Ну и чистый!* (о грязном костюме, внешнем виде человека). Как видно, противоположность подчеркивается здесь различной лексической сочетаемостью, конструктивной обусловленностью, разным интонационным оформлением противоположных ЛСВ слова.

Семантическая классификация антонимов основывается на выражаемом ими типе противоположности. В зависимости от этого они подразделяются на классы антонимов.

**1. Первый класс.** Антонимы, выражающие качественную противоположность, реализуют в языке контрапарную противоположность и обнаруживают градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая характеризует постепенное изменение качества, свойства, признака и т. п.:



Ср.: **красивый** — (*симпатичный* — [*обычный на вид*] — *невзрачный*) — *безобразный*; **легкий** — (*нетрудный* — [*средней трудности*] — *нелегкий*) — **трудный** и т. п. Истинными антонимами являются симметричные крайние члены парадигмы<sup>1</sup>.

Качественные прилагательные с приставками *не-* и *без-* образуют антонимы с соответствующими бесприставочными словами только в том случае, если они представляют собой предельные члены парадигмы: *грамотный — неграмотный*, *безграмотный*; *убедительный —*

<sup>1</sup> «Глубина» антонимической парадигмы зависит от типовой сочетаемости антонимов; ср.: *холодный — горячий* (о воде) и *холодный — теплый* (о погоде).

*неубедительный; сильный — бессильный* (ср. промежуточные члены таких оппозиций: *малограмотный, не совсем убедительный, слабосильный*). Противопоставления же типа *молодой — немолодой, высокий — невысокий* антонимии не образуют, так как они выражают противоречащие понятия.

К первому классу антонимов примыкает небольшая группа обозначений временных и пространственных координат, не являющихся качественными словами, но обладающих своеобразными ступенчатыми парадигмами: *позавчера — вчера — сегодня — завтра — послезавтра, передний — средний — задний* (о вагоне).

**2. Второй класс.** Антонимы, выражающие до полнительность (комплémentарность), составляют сравнительно небольшое количество пар слов, парадигмы которых представлены всего двумя членами (если, конечно, не считать их синонимов):

*истинный ложный*

Для антонимов этого класса имеет силу утверждение:

$$\neg X \rightarrow Y \quad \text{и} \quad \neg Y \rightarrow X$$

(*неистинный → ложный, неложный → истинный*).

Примерами комплементарных антонимов, взаимно дополняющих друг друга до целого, могут служить пары: *влажный — сухой, война — мир, добровольный — принудительный, жизнь — смерть, можно — нельзя, конечный — бесконечный, соблюдать — нарушать*.

Слова, выражающие строгую комплементарность, характеризуются классифицирующим, ограничительным (дизъюнктивным) характером своих значений: *болен — здоров, правда — неправда, верный — неверный*. В выражениях типа *Он не совсем здоров; Это было полуправдой* мы имеем дело с обиходным и «смягченным» (эвфемистическим) употреблением слов, *истинный* смысл которых — ‘болен’, ‘неправда, ложь’.

**3. Третий класс.** Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков, образуют векторную, направленную противоположность, широко представленную в языке и остававшуюся долгое время за пределами лингвистического исследования. Это антонимия типа *входить — выходить, подниматься — опускаться*,

*одеваться — раздеваться, ускорять — замедлять; восход — заход, сборка — разборка, увеличение — уменьшение; сторонник — противник, революция — контрреволюция, законный — противозаконный, вперед — назад, в — из, к — от и т. п.*

### Функции антонимов

Антонимам свойственно преимущественно контактное употребление в определенных контекстах, в которых раскрываются их важнейшие функции, например:

противопоставление: *Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх* (Г.); *Ты богат, я очень беден...* (П.);

взаимоисключение: *У него было о людях одно-единственное мнение — хорошее или плохое, он им или верил, или нет* (Сим.);

ч е р е д о в а н и е, последовательность фактов, из которых один не может быть одновременно с другим, но возможен после другого: *Он то тушил свечу, то опять зажигал ее* (Ч.);

п р е в р а щ е н и е одной противоположности в другую, пр o т и в о р е ч и е как совмещение противоположных начал в чем-либо: *Все вдруг стало сложным — самое простое* (А. Т.);

Конец! Как звучно это слово,  
Как много — мало мыслей в нем...

(М. Ю. Лермонтов)

о х в а т всего класса предметов, всего явления, действия, отношения, свойства, качества с помощью указания на их противоположности: — *Вы не поверите, они измучили меня со всех сторон, все, все, и враги ... и друзья* (Д.); ср.: *от мала до велика, с утра до вечера*.

## § 12. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

### Определение семантического поля

Лексическая система во всех опосредованиях ее единиц наиболее полно и адекватно отражается в семантическом поле — лексической категории высшего порядка. Семантическое поле (СП) — это иерархическая

структурой множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением<sup>1</sup>.

Лексические единицы включаются в определенное СП на основании того, что они содержат объединяющую их архисему, например, 'время' — для всех обозначений времени, 'родственник / родственница' — для всех наименований родства, 'цвет' — для всех цветообозначений и т. д.

Поле характеризуется однородным понятийным содержанием своих единиц, поэтому его «строевыми элементами» обычно являются не слова, соотносимые своими значениями с разными понятиями, а ЛСВ. Многозначные слова чаще всего входят своими различными значениями (ЛСВ) в разные СП, например *сестра<sub>1</sub>* — в обозначения родства, *сестра<sub>2</sub>* — в наименования лиц медицинского персонала, и только сравнительно редко — в одно и то же поле; ср.: *день<sub>1</sub>* и *день<sub>2</sub>* как обозначение части суток и всех суток.

Понятие «поле» абсолютно по своей принципиальной структуре и вместе с тем относительно в непосредственном анализе лексики, т. е. обычно ограничено определенной исследовательской задачей. Собственно говоря, всю лексику можно представить в виде иерархии семантических полей разного ранга, в виде структуры тезауруса (т. е. идеографического, ономасиологического словаря): большие семантические сферы лексики делятся на классы, классы — на подклассы и т. д. вплоть до элементарных семантических микрополей. Элементарным семантическим микрополем является лексико-семантическая группа (ЛСГ) — относительно замкнутый ряд лексических единиц одной части речи, объединенных архисемой более конкретного содержания и иерархически более низкого порядка, чем архисема поля. Так, в большом по своему объему СП 'человек (*homo sapiens*)' можно, например, выделить ЛСГ, характеризующие различные стороны интеллектуальной деятельности человека: ЛСГ<sub>1</sub> (*ум, разум, мышление, мысль, понятие, суждение, рассуждение, умозаключение, анализ, понимание...*), ЛСГ<sub>2</sub> [*думать, мыслить, рассуждать, судить (о чем-нибудь), вдумываться, вникать, умозаключать, анализировать, понимать, постигать, схватывать (умом) ...*], ЛСГ<sub>3</sub> [*умный, разумный, муд-*

<sup>1</sup> О различных подходах к определению семантического поля см.: Караполов Ю. Н. Общая и русская идеография. С. 23—34

*рый, понятливый, толковый, рассудительный, думающий (прил.), смышенный, сметливый, смекалистый ...]* и др.

Важнейшим структурирующим отношением элементов в семантическом поле является гипонимия — его иерархическая система, основанная на родо-видовых отношениях (см. 1, 6). В основе гипонимии лежит отношение несовместимости — свойство семантически однородных лексических единиц, соотносящихся с понятиями, объемы которых не пересекаются. Гипонимия представляет собой включение единиц в соответствующий класс наименований. Слова, соответствующие видовым понятиям (например, *пудель, дог, овчарка, борзая, спаниель*), выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием (*собака*) — их гиперониму, и как согипонимы по отношению друг к другу. Гиперо-гипонимические отношения структурируют СП сверху донизу и снизу доверху. Понятия «гипоним» и «гипероним» в поле — относительны. Так, гипероним *собака* при «восхождении» к вершине поля становится гипонимом по отношению к иерархически более высокому слову *животное* и т. д. На основе гипонимии взаимосвязанные лексические единицы последовательно объединяются в ЛСГ, подклассы, классы, классы классов, семантические сферы, образуя сложную многомерную структуру взаимосвязанных СП.

Из свойств гипонимов, существенных для раскрытия отношения элементов СП, отметим следующие. Во-первых, в отличие от синонимии (см. 2, 9) как одного из важных семантических измерений поля, гипонимия определяется в терминах односторонней импликации: всегда возможна замена гипонима на гипероним как подведение вида под род (*Он купил розы → Он купил цветы*); обратное не всегда возможно, так как, например, цветы могут быть не только розами. Во-вторых, значение гипонима семантически сложнее, богаче, чем у гиперонима, а представленный им класс предметов уже (см. 1, 6). Семантическое отношение согипонимов — это отношение элементов одного класса; гипонимы включают в себя смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу соответствующими дополнительными дифференциальными семами;ср.: *физика, химия, математика, лингвистика* и их гипероним *наука*.

## Структура семантического поля

В семантическое поле как таковое (в отличие от ЛСГ) входят слова (ЛСВ) разных частей речи. Поэтому единицам поля свойственны не только 1) синтагматические и 2) парадигматические, но и 3) ассоциативно-деривационные отношения. Они образуют три измерения СП: 1) *родной отец, любить отца, отец семейства...*; 2) *отец — мать, сын, дочь, дед...*; 3) *отец — отцовский, отчий, отеческий, по-отечески...* (словообразовательная деривация); *отец<sub>1</sub>* — ‘мужина по отношению к своим детям’, *отец<sub>2</sub>* — ‘родоначальник, основоположник чего-нибудь’, *отец<sub>3</sub>* — ‘служитель культа’ (семантическая деривация, указывающая на связь семантического поля обозначений родства со смежными полями).

Единицы СП могут входить во все типы семантических категориальных отношений. Так, прилагательное *высокий* как член одной из ЛСГ СП ‘человек’ входит в отношения гипонимии (*высокий — рост*), синонимии (*высокий — рослый, длинный, долговязый*), антонимии (*высокий — низкий*), конверсии (*Иван выше Петра ↔ Петр ниже Ивана*), словообразовательной деривации (*высокий — высокоодаренный, высота*), полисемии [*высокий<sub>1</sub> — высокий<sub>2</sub> (высокий урожай), высокий<sub>3</sub> (высокая награда), высокий<sub>4</sub> (высокий стиль), высокий<sub>5</sub> (высокое качество), высокий<sub>6</sub> (высокий тенор)*]. Ассоциативно-деривационные отношения полисемии характеризуют связь данной ЛСГ с другими ЛСГ поля ‘человек’ и смежными полями. Разумеется, не каждое слово поля входит по своей природе в любое из указанных семантических отношений: существительное *стол*, например, не имеет антонима.

Несмотря на большое разнообразие в организации семантических полей и специфику каждого из них, можно говорить о некоторой принципиальной структуре СП, которая предполагает наличие его ядра, центра и периферии. Возьмем в качестве примера поле ‘передача’, ограничившись для простоты изложения глаголами, образующими основу этого поля; ср.: *передавать — передача, вручать — вручение* и т. п. Общее (инвариантное) значение поля в его «чистом» виде содержит семантически наиболее простое слово *передавать* — ‘каузировать кого-нибудь начинать иметь что-либо’: *Она передает ему книгу*. Глагол *передавать* вместе с близкими

ему по семантике словами (синонимами типа *вручать* — ‘передавать непосредственно из рук в руки’, антонимами и конверсивами типа *брать (назад)*, *принимать* и некоторыми словообразовательными дериватами) образует класс единиц неспециализированной передачи — ядро семантического поля.

Эта ядерная часть СП как бы обволакивается классами специализированной передачи, где общее значение поля усложняется по мере удаления от ядра. Эти классы представляют собой центр семантического поля: ‘дарение’ (*дарить, преподносить, презентовать...*), ‘купля-продажа’ (*покупать, продавать, сбывать...*), ‘оплата и ссуда’ (*платить, одолжать,ссуживать...*), ‘завещание’ [*завещать, оставлять (после себя);* ср. *получать в наследство*], ‘пересылка и транспортировка’ (*посыпать, переправлять, доставлять...*), ‘передача информации по каналам связи’ [*передавать (по радио), транслировать, телеграфировать...*] и др.

В силу закона асимметрии знака и значения (см. 2, 7) семантика передачи может выражаться единицами других, смежных полей, лежащих на периферии данного поля, что свидетельствует о тесной взаимосвязи семантических полей в лексической системе языка. Глаголы со значением изготовления, приготовления, создания чего-либо в особых контекстах, реализующих их вторичные семантические функции, способны обозначать передачу: *Родители построили детям дачу* ( $\approx$  *передали, подарили*); *Мать очистила маленькому сыну апельсин, и тот с аппетитом съел его* ( $\approx$  *очистила и дала*).

Для единиц СП во многих случаях можно указать их характерные синтагматические и парадигматические свойства, соотнесенные друг с другом. Рассмотренным выше глаголам передачи свойственна, например, общая основная формула дистрибуции:  $N_1VN_4N_3$ , где N обозначает имя в определенном падеже ( $N_1$  — им.,  $N_3$  — дат.,  $N_4$  — вин.); а V — глагол передачи, например: *Декан вручает грамоту юбиляру* (ср. модификацию этой формулы при усложнении семантики глагола, например, *продавать* — ‘отдавать за плату’:  $N_1VN_4^1N_3$  за  $N_4^2$  — *Он уступает книгу мне за рубль*). Единицам семантических полей ‘человек’ (класс: ‘части тела’) и ‘орудия труда’ свойственна конструкция  $N_1VN_5$  (с различного рода расширениями): *Я слышал (это своими) ушами; Он*

*схватился руками (за перекладину); Они разгребают (снег) лопатами и т. п.*

Существенно совпадающая сочетаемость единиц поля отражает их парадигматическую близость и семантическую общность: *дарить* — ‘давать подарок’, *продавать* — ‘отдавать за плату’, *транслировать* — ‘передавать по радио или телевидению’.

Слово (ЛСВ) предстает в СП во всех его характерных связях и разнообразных отношениях, реально существующих в лексической системе языка.

Рассмотренные выше лексические категории оказываются в поле взаимосвязанными и соположенными как его важнейшие составляющие. Они синтезируются в нем.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 175—315.*

*Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 104—165.*

*Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.*

*Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 295—312.*

*Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 106—113.*

*Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. С. 148—218.*

*Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 467—507.*

*Современный русский язык: Теоретический курс: Лексикология. М., 1987. С. 40—80.*

*Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977. С. 65—130, 183—232.*

# СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

## ВВЕДЕНИЕ

Словообразование как особый раздел языкоznания стало складываться в 40—50-е годы нашего века, прежде всего благодаря трудам В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. И. Смирницкого. Уже в те годы начали разрабатываться некоторые важные проблемы общей теории синхронного словообразования: место словообразования в ряду лингвистических дисциплин, проблемы членности слова, принципы установления отношений синхронной производности, своеобразие семантики и строения производных слов разных частей речи.

В 60—80-е годы теория синхронного словообразования получила дальнейшее развитие. Наука о словообразовании, выделившись из морфологии и лексикологии, стала самостоятельной лингвистической дисциплиной, имеющей свой объект исследования, свою методику анализа и систему понятий.

### § 1. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СИНХРОННОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ

Этот раздел учебника посвящен современному синхронному словообразованию. (В современном языкоznании как синонимы терминов «словообразование», «словообразовательный» используются термины «деривация», «деривационный».) Лишь в некоторых его частях рассматриваются отдельные вопросы исторического словообразования. Это нужно для того, чтобы четко отделить собственно синхронное изучение словообразования от диахронического, что важно в практике исследования и преподавания русского языка.

При синхронном и диахроническом (историческом) подходах к словообразованию многие понятия, называемые одним и тем же термином, получают разное содержание. Таково, например, понятие «производность» и связанные с ним понятия «производная основа» и «производящая основа».

При диахроническом подходе, для того чтобы установить производность слова и, следовательно, опре-

делить, какое из сравниваемых родственных слов послужило базой для образования другого, т. е. какое имеет производящую основу, а какое — производную, надо изучить конкретную историю этих слов и выяснить, какое из них более раннее, а какое более позднее, какое из слов исторически образовано от другого.

При синхронном анализе, для того чтобы установить производную и производящую основы, нужно ответить на вопрос: какая из двух однокоренных основ более простая по форме и по смыслу (производящая), а какая более сложная (производная)<sup>1</sup>? Для этого надо определить, каково формальное и семантическое соотношение данных основ в изучаемый период жизни языка.

Итак, термины «производная» и «производящая» основы употребляются и в синхронном, и в диахроническом словообразовании. Однако если в диахроническом словообразовании они по смыслу равны причастиям от глагола *производить*, т. е. производная — это ‘произведенная; та, которая произведена’, производящая — ‘та, которая произвела’, то в синхронном словообразовании эти термины имеют не процессуальное, а функциональное значение (находящиеся в определенных отношениях между собой). Чаще всего распространен такой вид отношений: производящая — более простая по форме и смыслу, чем однокоренная производная<sup>2</sup>. Значение производящей основы мотивирует значение производной основы, а форма производящей основы является базой для построения формы производной основы. Слово, содержащее производящую основу, называется производящим (базовым). Слово, содержащее производную основу, называется производным. Слово, содержащее непроизводную основу, называется непроизводным.

Разграничение синхронного и диахронического подходов имеет большое значение при изучении словообра-

<sup>1</sup> Здесь указывается наиболее распространенный вид отношений между производной и производящей основами. Иные виды отношений между ними рассматриваются в гл. 2.

<sup>2</sup> Некоторые исследователи вместо терминов «производящая основа» и «производная основа» в синхронном значении употребляют термины «мотивирующая основа» и «мотивированная основа» (см.: Русская грамматика. М., 1980), «базовая основа» и «выводимая основа» (см.: Янко-Триницкая Н. А. Членность основы русского слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. Вып. 6. С. 533).

зования, так как именно в этом разделе языкоznания смешение диахронии и синхронии происходит особенно часто. Это объясняется тем, что слово является такой единицей языка, которая может менять свое значение, не меняя формы. Благодаря этому рвутся связи между словами, когда-то (в прошлые эпохи!) родственными, но сохранившаяся формальная близость нередко мешает увидеть этот разрыв и толкает на то, чтобы объединять слова разошедшиеся, ставшие чужими.

Еще на рубеже XIX—XX вв. требование ограничивать синхронное словообразование от диахронического выражали блестящие русские языковеды И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатов. Занимаясь историей языка, они большое внимание уделяли теории синхронного языкоznания и — в том числе — теории синхронного словообразования. Факты одной эпохи нельзя объяснить, мерить мерками другой. Это общее требование признается всеми учеными, не только лингвистами. Признается оно и языковедами, но в словообразование пробивается труднее, чем в другие разделы языкоznания. Выступая в 1903 г. на съезде преподавателей русского языка с докладом «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», Ф. Ф. Фортунатов говорил: «...категорию крупных ошибок в школьных учебниках русской грамматики представляет смешение фактов, существующих в данное время в языке, с теми, которые существовали в нем прежде...»<sup>1</sup> Изучая словообразование, не следует считать родственными пары слов типа *дерево* и *деревня*, *лапа* и *лапоть*, потому что между этими словами нет живых семантических связей. Ведь очевидно, что *деревня* не есть ‘населенный пункт, в котором растет много деревьев’, а *лапоть* не является ‘обувью для лапы’. Такие толкования были бы явно искусственными и приводили бы к произвольному навязыванию языку не свойственных ему семантических связей.

Как же обнаружить имеющиеся в языке (а не мнимые) связи между словами? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим внимательнее, что отличает производное слово как особую единицу языка.

<sup>1</sup> Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957. Т. 2. С. 443.

## § 2. ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО. КРИТЕРИЙ Г. О. ВИНОКУРА

Производные слова отличаются от непроизводных по характеру выражения значения: непроизводные слова — это ничем не мотивированные, условные обозначения действительности, тогда как значение производного слова всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующего производящего. Как писал Г. О. Винокур, именно такое разъяснение значения производных слов, а «не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей)»<sup>1</sup>.

Возьмем слова *волк*, *волчонок* и *волчица*. Почему именно этот звуковой комплекс называет данное животное в слове *волк* не отражено. Ср. название «волк» в других языках: *Iupus* (лат.), *le Loup* (фр.), *der Wolf* (нем.). Непроизводное существительное *волк* не имеет внутренней формы: связь между значением слова и его строением отсутствует. Слова же *волчонок* и *волчица* имеют внутреннюю форму, так как их значение опирается на их строение. Значение этих слов определяется значением их составных частей: основы *волк-* и суффиксов *-онок* (ср.: *слонёнок*, *тигрёнок*, *лисёнок* и т. п.) и *-иц(а)* (ср.: *буйволица*, *медведица* и т. п.); *волчонок* — ‘детеныш волка’, *волчица* — ‘самка волка’. Значение производного слова нам часто подсказывается его строением. Если бы мы прочли фразу *У стены сарая стоял маленький кабаржонок*, мы бы догадались, что речь идет о не взрослом живом существе (даже если бы мы не знали, что слово *кабарга* обозначает животное из рода оленей), так как понять значение слова *кабаржонок* нам помог суффикс *-онок*, известный из слов *утёнок*, *слонёнок*, *волчонок* и многих других названий детенышей.

Приведенное высказывание Г. О. Винокура рассматривают как основной критерий при установлении отношений производности. Как следует его применять? Ведь между производным и производящим словами наблюдаются очень разные виды отношений, а толкование значения слова в словарях не всегда может быть опорой при анализе. Например, существительное *подосиновик* словари определяют так: «съедобный гриб, имеющий

<sup>1</sup> Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

красную или коричнево-красную шляпку». Толкование не содержит слова *осина*. Однако мы ясно ощущаем состав и внутреннюю форму слова *подосиновик* (ср. *подберёзовик*)<sup>1</sup>. Изменив толкование этого слова так: ‘гриб, который часто растет под осиной’, — мы определили его значение посредством указания на связь с соответствующей производящей основой. На необходимость применения таких толкований и указывал Г. О. Винокур, считая, что это «составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов».

Приведем для сравнения еще несколько словарных (1) и словообразовательных (2) толкований: *дождевик* — 1) «род верхней одежды, легкий плащ»; 2) ‘верхняя одежда, служащая для защиты от дождя’; *косынка* — 1) «головной платок»; 2) ‘косой по форме головной платок’; *косяк* — 1) «стая птиц, рыб и некоторых других животных»; 2) ‘имеющая форму косого угла стая птиц, рыб и некоторых других животных’.

Наименования в языке не всегда основываются на самых типических признаках предмета. Иногда они базируются на признаках случайных, второстепенных. Поэтому и производные слова не всегда создаются на основе наиболее типических связей между производным и производящим. Эти связи могут быть индивидуальными. Однако в том случае, если анализируемое слово может быть истолковано так, что толкование включает производящее, анализируемое слово следует считать производным. Сравним существительные *нож* и *ножовка*. Есть ли между этими словами связь? Формальная связь очевидна, так как слово *ножовка* включает сегмент *нож*. Вместе с тем имеется и связь семантическая: *ножовка* — ‘небольшая узкая пила, напоминающая нож’. Вывод такой: необходим и достаточен хотя бы один общий неграмматический компонент в семантике двух имеющих формальную общность слов (производного и производящего), чтобы можно было считать, что они находятся в отношениях производности. (Мы не касаемся здесь других необходимых признаков, связывающих производное и производящее; см. об этом гл. 2.) Подчеркнем, что среди всех родственных слов

<sup>1</sup> См. подробнее о внутренней форме производных слов: Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН СССР. Сер. лнт. и яз. 1985. Вып. 6.

между производным и производящим наблюдается наименьшая формальная и смысловая разница.

Рассмотрим подробнее два специфических вида семантических отношений между производным и производящим.

### § 3. ОТНОШЕНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

В тех случаях, когда производное слово основывается на переносных (метафорических) значениях производящего, их связывают отношения метафорической производности<sup>1</sup>. Например, глаголы *обезьянничать* — ‘слепо подражать другим, перениматъ черты поведения других’; *ишачить* (вульг.) — ‘тяжело и много работать’, *попугайничать* — ‘повторять чужие слова’ базируются на переносных значениях существительных *обезьяна*, *ишак*, *попугай*<sup>2</sup>. Они включают в себя семантический компонент ‘подобно тому, кто обозначен глаголом в переносном значении’: ‘подобно обезьяне’, ‘подобно ишаку’, ‘подобно попугаю’.

### § 4. ОТНОШЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНОЙ МОТИВАЦИИ

Трудный для анализа и вместе с тем нередкий случай представлен в таких парах слов, как *белый* — *бельё*, *полк* — *полковник*, *каша* — *кашевар*. Связаны ли эти слова отношениями производности? Попробуем применить к ним критерий Винокура. Дадим словам более сложным по форме такие толкования: *бельё* — ‘нижняя одежда белого цвета’; *полковник* — ‘человек, который командует полком’ (или: командир полка); *кашевар* — ‘ тот, кто варит кашу’. Эти толкования не вполне адекватно передают семантику анализируемых слов: ведь мы знаем, что *бельё* бывает и цветное, *полковник* не обязательно командует полком, а *кашевар* варит не только кашу. Вместе с тем между приведенными парами слов есть явная, не только формальная, но и смысловая, связь. Попробуем изменить толкования так, чтобы отра-

<sup>1</sup> См. об этом: Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования, I. Ташкент, 1975. С. 53—57.

<sup>2</sup> Эта закономерность отмечена О. П. Ермаковой. См.: Ермакова О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Актуальные проблемы русского словообразования, I. С. 62.

зить ее: *бельё* — ‘нижняя одежда, которая нередко имеет белый цвет’; *полковник* — ‘тот, кто командует значительным воинским подразделением, в том числе полком’; *кашевар* — ‘тот, кто готовит пищу, в том числе кашу’. Определения такого рода вскрывают связь между производным и производящим и правильно отражают семантику производного.

Итак, анализируемые слова имеют живые семантические связи с производящими, но связи эти можно назвать *периферийными* (т. е. не основными, окраинными), потому что семантика производных не включает семантику производящих целиком, как в парах типа *дом — домик*, *стол — столик*, *тигр — тигрёнок*, но связана с семантикой производящего лишь «краешком» своего значения. Еще примеры: *госпиталь — госпитализировать*; *канарейка — канареекчик*. *Госпиталь* — ‘больница для военных’, *госпитализировать* — ‘помещать в любую больницу, в том числе в госпиталь’; *канарейка* — ‘певчая птица’, *канареекчик* — ‘корм для певчих птиц, в том числе канареек’. Для слов, связанных отношениями периферийной производности, характерен семантический компонент ‘в том числе’.

## § 5. ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Среди производных слов с точки зрения семантической есть две большие группы:

а) слова, значение которых полностью складывается из значения их составных частей: *дом-ик* — ‘маленький дом’, *дом<sup>1</sup>-иц-е* — ‘большой дом’, *волч-онок* — ‘детеныш волка’, *шутливое повторя-тель* — ‘человек, который повторяет’ (значение суффикса — ‘производитель действия’, значение основы — название самого этого действия);

б) слова, значение которых основывается на значении составных частей, так что значение каждой составной части входит в значение слова, но вместе с тем значение слова не является простой их суммой. Таковы, например, существительные *носильщик*, *белок*, *синяк*. Существительное *носильщик* обозначает не просто ‘лицо, которое носит что-либо’, а ‘лицо, профессия которого — переносить багаж на вокзалах’. Таким образом,

<sup>1</sup> Здесь и далее перед буквами *e* и *u*, обозначающими мягкость предшествующего согласного, знак мягкости не ставится.

это существительное имеет добавочные семантические компоненты, не входящие в значение составляющих его морфем,— они содержат характеристику действия *носить* ('выполняемое по профессии') и ограничивают число объектов этого действия: не любой объект, например продукты, книги, маленьких детей, но лишь багаж. Слово *белок* обозначает не любой предмет белого цвета, а 'белую часть яйца': *синяк* — не любой предмет синего цвета, а 'кровоподтек синего цвета'. Сравним однокоренные существительные, произведенные от прилагательных *косой* и *тёплый*: одно называет '*косой* по форме головной платок' (*косынка*), а другое — 'имеющую форму косого угла стаю птиц, рыб или других животных' (*косяк*); одно называет '*теплый* товарный вагон' (*теплушка*), а другое — '*теплое* помещение для выращивания рассады, цветов и т. п.' (*теплица*). Различие в семантике этих слов не связано с их строением. Эту часть семантики слова нельзя вывести из его состава, нельзя предугадать. Ее надо знать.

Свойство производного слова выражать нечто, не содержащееся в значении его составных частей, называют фразеологичностью (или идиоматичностью) семантики.

Это свойство слова по отношению к русскому языку ранее других отметил А. М. Пешковский (1925 г.). Подробно исследовал это свойство слова и предложил термин фразеологичность семантики М. В. Панов (1956 г.).

Фразеологичность — свойство лексической семантики слова. Она не затрагивает его словообразовательного значения (о словообразовательном значении см. гл. 4). Подробнее различие между словами с фразеологической и нефразеологической семантикой рассматривается в гл. 7.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию [1946] // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

Ермакова О. П. Идиоматичность семантики и членимость слова // Актуальные проблемы русского словообразования, 2. Ташкент, 1976.

Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Вып. 6.

Панов М. В. О слове как единице языка // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1956. Т. 51.

Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? [1925] // Избр. труды. М., 1959.

# Глава 1

## ВИДЫ МОРФЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

### § 6. МОРФ И МОРФЕМА

Наименьшая формальная часть слова, имеющая значение, называется морфом. (Этот термин иногда употребляют в женском роде — морфа, род. п. ед. ч.: морфы.) Следовательно, дальнейшее деление морфа на части приведет к выделению незначимых элементов — фонем.

Для примера возьмем слово *перечитывать* и разделим его на части таким образом, чтобы с каждой частью было связано какое-либо значение. Для этого надо, чтобы каждая часть этого слова встречалась с тем же значением в других словах. Получим такое членение: *перечитыва-ть*. Легко убедиться, что с каждой частью слова связано определенное значение: *-чит-* обозначает определенное действие (ср.: *читать, читальня, читатель* и т. п.); *пере-* обозначает повторность действия ('еще раз', ср.: *переписать, переделать, перешить, перестроить* и т. п.); *-ыва-* имеет значение несовершенного вида (ср.: *разбрасывать, переделывать* и т. п.); *-ть* — показатель формы инфинитива.

Дальнейшее дробление морфов не приведет к выделению значимых частей слова.

Словоформы состоят из морфов, т. е. каждое слово состоит хотя бы из одного морфа (*вчера, там, где, я* и т. п.). Для русского языка типичны двух- и трехморфные слова (*рек-а, глуп-ый, пере-ши-ть, стен-к-а* и т. п.). Самые длинные слова русского языка могут включать семь-восемь морфов (*по-на-вы-пис-ыва-л-и*).

При анализе слова мы членим его на морфы. Однако в лингвистике употребляется и другой термин для названия наименьших значимых частей слова — морфема. Какова разница между этими терминами?

Чтобы показать различие между морфемой и морфом, сравним их с фонемой и звуками, представляющими ту или иную фонему. Так, фонема *<а>* представлена звуками [а], [à] и [ä] в словах [пáртъ], [п'áткъ] и [п'áт']. Аналогичное явление наблюдаем в словообразовании, ср.: *ленинград-ец* и *ленинград-ц-а*; *творог* и *творож-ник*. В первой паре слов различные морфы (*-ец* и *-ц-*) представляют одну и ту же суффиксальную морфему, во второй паре слов различные морфы

(творог- и творож-) представляют одну и ту же корневую морфему.

Таким образом, морфема — это обобщенная единица, тогда как морфы — это конкретные репрезентанты (представители) морфемы, обнаруживаемые при членении слова.

Аналогичное разграничение терминов проводится при изучении и других сторон языка; ср. термины «сема» и «семема», «лекса» и «лексема». В этом противопоставлении термины с суффиксом *-ема* обозначают обобщенную единицу языка, а термины без этого суффикса — конкретные факты, непосредственно наблюдаемые в речи.

Зачем нужны эти двойные ряды терминов? Очевидно, что при изучении структуры слова необходимо оперировать не только конкретными звуковыми сегментами, данными нам непосредственным наблюдением, но и обобщенными единицами, наделенными общей функцией в составе слова.

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал о термине «морфема»: «Считать подобный термин лишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин «дерево» и довольствоваться частными названиями «дуб», «береза», «ель», «ива» и т. д.»<sup>1</sup>.

## § 7. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МОРФЕМ

### КАК ПРОИСХОДИТ ОБЪЕДИНЕНИЕ МОРФОВ В МОРФЕМУ?

#### Алломорфы

В одну морфему объединяются морфы, которые характеризуются следующими двумя признаками: 1) имеют тождественное значение; 2) их формальное различие обусловлено грамматической (морфонологической) позицией (см. гл. 3) в слове: положением до или после определенного класса единиц<sup>2</sup>. Следовательно, они не могут занимать одну и ту же позицию в слове. Такое рас-

<sup>1</sup> Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языкознание // Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 291.

<sup>2</sup> Иногда в качестве особого признака алломорфов выделяют третий: формальная близость. Этот признак вытекает из признака второго, ибо если формальное различие морфов обусловлено их позицией в слове, то они обладают, как правило, фонематической близостью. Таким образом, выделение третьего признака является излишним.

пределение по позициям называется дополнительным распределением или дополнительной дистрибуцией. Например, заднеязычные фонемы корня не могут сочетаться с суффиксом прилагательных *-н-*, в этой позиции они чередуются с соответствующими шипящими: *г/ж, к/ч, х/ш*. Поэтому в словах *творог — творожный, песок — песочный, пух — пушиной* морфами одной морфемы являются *творог-* и *творож-, песок-* и *песоч-, пух-* и *пуш-*, так как наличие шипящих *ж, ч, ш* в составе этих морфов обусловлено позицией этих морфов в слове — положением перед суффиксом прилагательных *-н-*. В случаях, когда конечной фонеме *⟨к⟩* основы предшествует фонема *⟨с⟩*, чередование отсутствует: *отпуск-ной, выпуск-ной, гротеск-ный*.

Суффиксальный морф *-ц-* выступает перед флексиями, начинающимися гласными фонемами, а морф *-ец* — перед нулевой флексией: *саратов-ц-а, саратов-ц-у, саратов-ц-ем<sup>1</sup>, саратов-ц-ы, саратов-ц-ев* и т. д., но *саратов-ец-о*.

В том случае, когда суффиксу предшествуют две согласные фонемы, морф *-ец* выступает и перед флексиями-гласными: *бегл-ец — бегл-ец-а, мертв-ец — мертв-ец-а, горд-ец — горд-ец-а, лж-ец — лж-ец-а, нагл-ец — нагл-ец-а, хитр-ец — хитр-ец-а*.

Такие тождественные по значению морфы, формальное различие между которыми объясняется только их позицией в слове, являются по отношению друг к другу алломорфами. Алло — интернациональный терминноэлемент, связанный по происхождению с гр. *allos* (другой, разный). В лингвистической литературе последних лет широко употребительны термины, включающие элемент *алло-*. Они противопоставлены терминам с суффиксом *-ема* и терминам без суффикса; ср. такие трехчленные ряды терминов: *фон — аллофон — фонема, морф(a) — алломорф(a) — морфема, граф — аллограф — графема, лекс(a) — аллолекс(a) — лексема*.

<sup>1</sup> Морфы, как правило, везде даются орфографически. Буква *е* здесь передает фонему *⟨о⟩*, ср. *отцом*. Везде фонетическую транскрипцию даем с той степенью точности, которая необходима для изучения словообразования. Если фонема непроверяема, указываем одну из ее фонемных интерпретаций, обычно совпадающую с орфографией, на-

пример суффикс *-ск-* передается транскрипцией *⟨ск⟩*, а не *⟨ $\frac{3}{c}$ к⟩* или *⟨Зк⟩*.

Алломорфы одной морфемы могут выступать в разных словоформах одного слова (например, *-ец/-ц-*: *ленинград-ец*, *ленинград-ц-а*) и разных лексемах (например, *книг-/книж-*: *книг-а*, *книж-ный*; *песок-/ песоч-*: *песок*, *песочный*; *-ник/-нич-*: *школь-ник*, *школь-нич-еский*).

## Варианты морфемы

В одну морфему объединяются также морфы, характеризующиеся следующими признаками: 1) тождественные по значению; 2) тождественные по позициям; 3) способные в любых позициях заменять друг друга. Эти морфы называются **вариантами морфемы**. Таковы, например, флексии творительного падежа существительных и прилагательных женского рода *-ой* и *-ую* (ср.: *весной* и *весною*, *зимой* и *зимою*, *городом* и *городою*; *бедной* и *бедною*, *доброй* и *доброю*).

Варианты морфемы находятся между собой в отношениях свободного варьирования, тогда как алломорфы — в отношениях дополнительного распределения. Вариантных морфем в русском словообразовании немного. К ним относится, например, суффикс *-охонек/-ошенек* (*краснёхонек* — *краснёшенек*, *синёхонек* — *синёшенек*).

И алломорфы, и варианты морфем являются вариациями формальной стороны (т. е. плана выражения) морфемы. По значению (т. е. в плане содержания) различие как между алломорфами, так и между вариантами морфемы отсутствует.

Не являются ни алломорфами, ни вариантами морфы, формальное различие между которыми объясняется их фонетической позицией, т. е., например, морфы [дуб] и [дуп] в словоформах *дубы* (им. п. мн. ч.) и *дуб* (им. п. ед. ч.), морфы *без-* и *бес-* в словах *бе[з]-ногий* и *бе[с]-кровный*, морфы *под-* и *пот-* в словах *по[д]-бросить* и *по[т]-кинуть*. В этих и аналогичных случаях чередование объясняется живыми фонетическими законами языка и поэтому не имеет отношения к словообразованию.

## § 8. КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Все множество морфем русского языка может быть разбито по разным основаниям на несколько классов. В классификации морфем учитываются следующие признаки: роль морфем в слове, их значение, место в составе слова, происхождение.

## Корни и аффиксы

Выделяются морфемы корневые (корни) и аффиксальные. Основанием для такого членения служит роль этих морфем в составе слова: корневые морфемы — обязательная часть слова, не существует слов без корня. Аффиксальные морфемы — это факультативная часть слова. Имеются слова без аффиксальных морфем: *я, ты, здесь, вчера, там*. Корни — это такие морфемы, которые могут использоваться в речи самостоятельно или в сопровождении одного из видов аффиксов — флексий<sup>1</sup>. Некоторые аффиксальные морфы омонимичны корневым морфам служебных слов: приставка *без-* и предлог *без*, приставка *от-* и предлог *от*, приставка *с-* и предлог *с* и т. п. Аффиксальные морфемы иногда используются самостоятельно: *Поменьше употребляй всяких измов* (Из разговорной речи); *Никакому «псевдо» не должно быть места в искусстве* (Из газет). В этих контекстах аффиксы перестают быть аффиксами, они превращаются в корни и употребляются в роли существительных.

Существует мнение, что основное различие между корнями и аффиксами заключается в степени абстрактности значения: первые имеют конкретное значение, вторые — абстрактное. С этим трудно согласиться. Имеются корневые морфемы с очень общим значением (например, в словах *это, отношение, делать*) и аффиксальные морфемы с более конкретным значением (например, в словах *слонёнок, лисёнок* суффикс имеет значение ‘детеныш’ или ‘невзрослый’; в словах *дом-ице, стол-ице* — ‘большой’). Поэтому указанное различие является мнимым. Более того, существует синонимия аффиксальных и корневых морфем, свидетельствующая о близости значения аффиксов и корней. Так, приставка прилагательных *пре-* синонимична наречию *очень* (ср.: *пре-милый* и *очень милый*); глагольная приставка *за-* — слову *начать* (ср.: *забегал, закричал и начал бегать, кричать*); суффикс существительных *-ик* синонимичен слову *маленький* (ср.: *паровозик* и *маленький паровоз*). Однако, будучи способными выражать одни и те же значения, корни и аффиксы различаются по способу выражения:

<sup>1</sup> См. об этом: Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР: В 5 т. М., 1966. Т. 1. С. 69; см. также: Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М. 1956 С 51—52.

корни выражают значение самостоятельно, аффиксы — только в сочетании с корнями<sup>1</sup>. С этим связано еще одно важное различие между корнями и аффиксами.

Корни могут быть единичными, встречающимися лишь в одном слове, аффиксы не бывают единичными. (Об уникальных частях слова типа *-овь (любовь)*, *-унок (рисунок)* см. в гл. 2.) Аффиксы, входя в слово, относят слова к какой-то разновидности, какому-то классу предметов, признаков, процессов. Что же является означаемым для них? То общее, что отвлекается из значения ряда слов, включающих эти элементы. Поэтому их специфика как строевых элементов слова состоит в том, что они обязательно повторяются в ряде слов. Это важное свойство аффиксов как формальных принадлежностей слова было отмечено еще в конце XIX — начале XX в. известным русским языковедом Ф. Ф. Фортунатовым.

Итак, принципиальное различие между аффиксальными и корневыми морфемами — обязательная повторяемость аффиксов в аналогично построенных и обладающих общим элементом значения словах и безразличие к этому свойству корней. Иными словами, существуют корни, повторяющиеся во многих словах, и корни, встречающиеся лишь в одном слове (*какаду, я, фрау* и т. п.), но нет и не может быть аффиксов, встречающихся лишь в одном слове. Единичные корни редки. Это слова, не дающие производных, так называемые слова без родственников. Однако важна сама принципиальная возможность существования таких слов.

### Виды аффиксов

С точки зрения места морфемы в составе слова по отношению к корню все аффиксы<sup>2</sup> делятся на префиксы — расположенные перед корнем — и постфиксы — расположенные после корня. Термин «постфикс» иногда употребляют в узком смысле — для названия аффикса *-ся/-сь*, который всегда располагается после флексии: *умывается, сержусь*.

<sup>1</sup> Ср. высказывание А. А. Реформатского: «Если лексика непосредственно называет действительность... то грамматика всегда является опосредованной» (*Реформатский А. А. Введение в языкознание*. М., 1967. С. 248).

<sup>2</sup> Подробная классификация аффиксов дана в кн.: *Реформатский А. А. Введение в языкознание*. С. 263—270.

Среди аффиксальных морфем по их функции в языке и характеру значения различают два больших класса: морфемы словообразовательные (деривационные) и словоизменительные. В этом разделе мы рассматриваем аффиксы словообразовательные; об аффиксах словоизменительных и их отличии от аффиксов словообразовательных см. в гл. 7, а также в разделе «Морфология».

Словообразовательные морфемы в русском языке могут располагаться: 1) перед корнем; тогда их называют префиксы (или приставки) и 2) после корня; тогда их называют суффиксы. Например: 1) *при-летать, рас-красавица, сверх-человек, ультра-радикал, архи-плут, пре-милый, противо-туберкулезный, сверхзвуковой, анти-военный*; 2) *артист-к(а), газет-чик, журнал-ист, коров-ник, цемент-н(ый)*. Суффиксы, как правило, располагаются перед флексиями. В русском языке существует лишь один суффикс *-ся*, который располагается после флексий: *всмотрим-ся, зачитаем-ся, набегаешь-ся*.

Термин «префикс» имеет два значения — широкое и узкое: а) аффиксальная морфема, расположенная перед корнем, слева от корня (противополагается постфиксам); б) один из видов деривационных морфем (приставка), противополагаемый другому виду деривационных морфем (суффиксам).

Некоторые ученые (В. М. Марков, П. П. Шуба и др.) выделяют в русском языке еще один вид деривационных морфем — конфики, которые состоят из двух частей (префиксальной и постфиксальной) и действуют в словообразовательном акте комплексно, как нечто единое. Например: *кричать — раскричаться* (нет глаголов «раскричать» или «кричаться»), *говорить — говориться, звонить — звониться* и др. В этих словах два элемента *рас-* и *-ся*, *с-/со-* и *-ся* выступают как единое словообразовательное средство; ср. также: *сотрапезник, сопалатник, антикомарин, суглинок, пасынок*.

Выделение конфиксов как особых морфем при изучении структуры русского слова нецелесообразно. Наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка. Кроме того, постфиксальные части конфиксов совпадают, как правило, по значению с соответствующими приставками и суффиксами, т. е. *ко-, входящее в конфикс со...-ник* (например, *сотрапезник, сопалатник*), тождественно по значению приставке *ко-* (ср. *ко-автор*); *-ник*, входящий в этот же конфикс, тождествен по значению суффиксу *-ник* (ср.: *школь-ник, словар-ник*). Изучая, как функционируют аффиксы при создании подобных слов, следует отметить, что в таких случаях суффикс и приставка участвуют как две морфемы в едином акте словообразования, присоединяясь к производящей основе одновременно, а не последовательно, т. е. используются как единое словообразовательное средство. Такой способ словообразования называют приставочно-суффик-

сальным (см. об этом в гл. 4). Название этого способа словообразования конфиксацией, а соответствующих морфем конфиксами не углубляет нашего понимания этого явления, а лишь заменяет одни термины другими.

## **Морфемы синонимичные и омонимичные**

Понятия «синоним» и «омоним», которые используются в лексике, применимы и к морфемам как единицам языка, имеющим и значение, и форму. Примерами синонимических морфем могут быть приставки *сверх-* и *супер-*, обозначающие ‘высокая степень’ (*сверхмодный, супермодный*), суффиксы *-их(a)* и *-иц(a)*, обозначающие самок животных (*волчица и слониха*), суффиксы *-ш(a)* и *-к(a)*, обозначающие женщин (*кондукторша и артистка*). Омонимичными являются такие аффиксы, в значении которых нет общих смысловых компонентов. Так, в русском языке есть несколько омонимичных суффиксов существительных *-к(a)*. Они имеют такие значения: 1) ‘женскость’ (*румынка, москвичка*); 2) ‘отвлечённое действие’ (*разборка, перепечатка*); 3) ‘уменьшительность’ (*головка, ножка*).

Существуют омонимичные суффиксы, которые присоединяются к словам разных частей речи. Таковы, например, суффикс лица имен существительных *-ист* (*гитар-ист*) и суффикс прилагательных *-ист(ый)* (*лес-ист-ый, болот-ист-ый, гор-ист-ый*). Единицы *-ист* и *-ист-* не являются одной морфемой, так как их значение различно.

## **Морфемы исконные и заимствованные**

При диахроническом изучении словообразования с точки зрения происхождения различают морфемы исконные и заимствованные, приведшие в русский язык в составе тех или иных слов. Это противопоставление относится и к корневым, и к аффиксальным морфемам, из последних в первую очередь к деривационным. В русском языке среди словоизменительных морфем заимствования встречаются крайне редко.

Учитывая происхождение морфем, можно в обобщенном виде так представить строение русского производного слова: 1) **Pк + Pa;** 2) **Pк + Иa;** 3) **Ик + Иa;** 4) **Ик + Pa;** где **P** — русская морфема, **И** — иноязычная, **к** — корневая, **a** — аффиксальная.

Примеры: 1) *нож-ик, бел-изн-a, вы-черн-и-ть, пере-бел-и-ть, грязн-ый; 2) архи-глуп-ый, анти-военн-ый, ультра-лев-ый, ультра-звук, контр-удар, значк-ист, звуко-фикациj-a, хвост-ист, лист-аж; 3) журнал-ист, диплом-ант, анти-либераль-н-ый; 4) газет-чик, пальт-eц-o.*

Существуют аналогичные виды морфов как конкретных представителей морфем, т. е. имеются морфы корневые и аффиксальные, префиксальные и постфиксальные, словоизменительные и словообразовательные, приставочные и суффиксальные, исконные и заимствованные.

## **Особенности суффиксов и приставок**

Основные виды словообразовательных морфем в русском языке, как уже говорилось, суффиксы и префиксы (приставки). Различие между ними не сводится

только к различию их места в составе слова. Внешние структурные особенности лежат в основе целого ряда специфических черт суффиксов и приставок.

1. В русском языке грамматические свойства слова выражаются обычно морфемами, помещаемыми в конце слова, — **флексией**. Находясь рядом с флексией, суффикс нередко бывает спаян с ней<sup>1</sup>, так что указание на суффикс с необходимостью должно включать в себя указание на систему флексий, присущих формам того или иного слова. Так, слова с суффиксом **-ость** и нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа являются существительными женского рода 3-го склонения, слова с суффиксом **-ун** и нулевой флексией в форме именительного падежа единственного числа — существительными мужского рода 2-го склонения. Точно так же и глагольные суффиксы образуют глаголы, имеющие определенные грамматические свойства. Суффикс **-е-** образует от имен прилагательных глаголы только непереходные (**бел-е-ть, син-е-ть, стар-é-ть, молод-е-ть**), а суффикс **-и-** — переходные (**бел-и-ть, син-и-ть, стар-и-ть, молод-и-ть**). Ср.: *На горизонте синеет лес* и *Это белые синить не требуется; Семенов заметно стареет* и *Эта шляпа его старит*.

Приставки более автономны, свободны: они независимы от влияния флексий и не несут информации о грамматических свойствах слова.

2. Присоединение приставки не изменяет принадлежности слова к части речи, а присоединение суффикса может и оставить слово в пределах той же самой части речи (*луна — лун-ник, артист — артист-к-а, дом — дом-ик, колхоз — колхоз-ник, переплет — переплетчик*), и перевести производное слово в иную часть речи (*жёлтый — желт-ок, желт-ить, бегать — бег-ун, трясти — тряс-к-ий*).

3. В русском языке нет суффиксов, которые бы производили слова разных частей речи: **-лив(ый)** — суффикс, производящий только прилагательные (**молчаливый, терпеливый, счастливый**), **-ец** — только существительные (**глупец, хитрец, творец**). Конечно, в производных существительных типа **молчаливость** существует суффикс **-лив-**, но он является частью производящей

<sup>1</sup> См.: Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М., 1986. С. 363—365. См. также: Крушинский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. С. 83.

**основы (молчалив-ый)** и не служит для образования имен существительных.

Для приставок не обязательна тесная связь со словами какой-либо одной части речи. Существуют приставки, которые могут присоединяться к словам различных частей речи, сохраняя одно и то же «универсальное» значение:

*раз-: раз-ухабистый, раз-веселый; рас-красавица, рас-красавчик;*

*пре-: пре-весёлый, пре-милый; пре-комедия;*

*со-: со-автор, со-гражданин, со-редактор; со-переживать, со-существовать; новообразования: со-стыковаться, со-стыковка.*

4. Суффиксы и приставки по характеру выражаемых ими значений различны. Присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения. Так, глаголы с приставками *улететь, прилететь, отлететь, вылететь, подлететь* обозначают те же действия, что и глагол *лететь*. Приставка только добавляет к их значению указание на направление движения. Глаголы *отгрометь, отвести* обозначают то же действие, что и глаголы *грометь, цвести*, приставка *от-* лишь добавляет к их значению указание на прекращение действия. Наречие *презабавно*, прилагательные *премильный, разлюбезный, сверхскоростной* обозначают тот же признак, что и слова без приставок, но с оттенком большой степени его проявления.

Большая часть приставок в русском языке имеет значения, подобные тем, о которых говорилось. Поэтому приставки присоединяются преимущественно к словам, обозначающим действия (глаголы) и признаки (прилагательные и наречия). Для этих частей речи важно определение направления действия, времени его протекания, меры или степени признака.

Для имен существительных соединение с приставками менее характерно: *частица — античастица, раздел — подраздел, экспресс — суперэкспресс, демократ —ультрадемократ*. Однако число таких слов (сравнительно с существительными, не включающими приставок) не столь велико. В существительные, так же как в прилагательные, наречия и глаголы, приставки чаще вносят дополнительные указания на меру, степень (*плут — архиплут, кубок — суперкубок*) или указания временного характера (*язык — прайзык, родина —*

*прапородина, история — предистория, человек — дочеловек).*

Значения суффиксов иного рода. Они колеблются от широких и отвлеченных до значений очень большой конкретности. Широта и отвлеченность значения свойственна суффиксам глаголов и прилагательных. Какое значение имеют суффиксы прилагательных *-н-, -ов- и -ск-* в словах: 1) *автобус-н-ый, автомобиль-н-ый, желез-н-ый, книж-н-ый, колхоз-н-ый, бумаж-н-ый*; 2) *ламп-ов-ый, осин-ов-ый, игр-ов-ой, поиск-ов-ый*; 3) *институт-ск-ий, мор-ск-ой, комсомоль-ск-ий?* Эти суффиксы обозначают признак через отношение к тому, что названо исходным существительным. Такие же широкие отвлеченные значения имеют и глагольные суффиксы; ср. *-ну- и -е-:* 1) *прыг-ну-ть, толк-ну-ть*; 2) *умн-е-ть, глуп-е-ть, син-е-ть.* Суффикс *-ну-* имеет значение мгновенности, однократности действия. Значение суффикса *-е-* более отвлеченное. Он обозначает ‘делаться, становиться каким-нибудь’.

Суффиксы существительных в целом более конкретны. Имеются суффиксы, служащие для образования названий лиц, предметов, отвлеченных понятий. Внутри этих общих групп есть отдельные суффиксы, закрепленные за обозначением какой-либо узкой сферы предметов или явлений. Так, суффикс *-онок* служит для обозначения невзрослых существ: *тигрёнок, лисёнок, поварёнок* и т. п.

Суффиксы имен существительных в русском языке — самые многочисленные и разнообразные. Они классифицируют предметы действительности, как бы делят весь мир на классы: названия людей по профессии, по признаку, по действию, по месту жительства; названия невзрослых существ и т. д.

Среди суффиксов существительных есть суффиксы с конкретным значением и с широким абстрактным значением [например, суффикс отвлеченного признака *-ость* (*весёлость, ласковость, сахаристость, прыгучесть, живучесть*), суффикс отвлеченного действия *-ниј-* (*разбрасывание, переписывание*)].

5. Суффиксы нередко вызывают изменения в строении конца основы (чертедование фонем), так как на границе морфов происходит взаимоприспособление основы и суффикса, ср.: *горох — горош-ек, горош-ин-а; бумага — бумаж-н-ый* (см. подробнее в гл. 3). Приставки обычно не влияют на строение начала слова. Таким об-

разом, приставки ведут себя в слове как элементы формально более отъединенные, самостоятельные, чем суффиксы.

6. Обособленность приставок в составе слова поддерживается еще одной их особенностью. Они могут иметь побочное ударение в составе слова (*а́нти-демократи́чный, прòтиво-воздùшный, прòтиво-пожárный, сò-нанимáтели, внутрì-клéточный, а́нти-нейтралиtéт*). Суффиксам это не свойственно. Наличие особого ударения и структурная самостоятельность в составе слова приводят к тому, что позиционные изменения гласных, распространяющиеся на все морфемы слова, могут не затрагивать приставок. Например, приставка *со-* со значением совместности в безударных слогах слова может сохранять [o], не подвергаясь редукции и не изменяясь в [ъ] или [a]<sup>1</sup>: *сòнанимáтель, соопекúн, сòруководýтели*.

Позиционные изменения согласных (например, ассимилятивное смягчение согласных) на стыке приставки и корня иные, чем на стыке корня и суффикса.

7. Универсальность значения приставок, близость их семантики к семантике частиц и наречий, их структурная самостоятельность в составе слова приводят к тому, что приставки в своей массе являются более продуктивными морфемами, чем суффиксы. Их употребление менее регламентируется ограничениями, связанными с семантикой основы (о понятии продуктивности см. гл. 6).

### Нулевые словообразовательные аффиксы

Словообразовательные аффиксы (подобно флексиям) могут быть не выражены каким-либо звуком или комплексом звуков. Такие аффиксы называют нулевыми. Нулевой аффикс будем изображать знаком *ø*.

Значение нулевых аффиксов может быть различным, т. е. существуют омонимичные нулевые аффиксы. Например, в морфологии в словоформах *думал-ø, брат-ø, ламп-ø* выделяем такие нулевые аффиксы: в первом слове *-ø* показатель мужского рода и единственного числа (ср. формы с материально выраженным аффиксами жен. и ср. р.— *дума-л-а, дума-л-о* и аффиксом

<sup>1</sup> Это явление описано Е. И. Голановой. См.: *Развитие фонетики современного русского языка*. М., 1971.

мн. ч.—*дума-л-и*); во втором *-ө* — показатель иминительного падежа единственного числа; в третьем *-ө* — показатель родительного падежа множественного числа.

Каковы требования, необходимые для выделения нулевого словаобразовательного аффикса?

Так как грамматический нуль есть значимое отсутствие какой-либо грамматической единицы, то основанием для выделения слов с нулевыми словообразовательными аффиксами должно быть значение соответствующих слов. В их значении должен быть семантический компонент, который обычно в данном языке выражается с помощью деривационных аффиксов. Иными словами, при выделении нулевых словообразовательных аффиксов необходимо учитывать строение всей словообразовательной системы данного языка, так как фон для выделения слов с нулевыми аффиксами — слова с ненулевыми аффиксами, имеющими тоже значение, которое мы приписываем нулевому.

Итак, словообразовательные нулевые аффиксы следует выделять при наличии двух условий: 1) деривационное значение, которое приписывается нулевому аффиксу, обычно выражается в данном языке с помощью словообразовательных аффиксов, т. е. нулевой аффикс должен иметь синонимичные ненулевые аффиксы; 2) наряду с рассматриваемым словом имеется однокоренное слово, более простое по смыслу, которое могло бы быть производящим для анализируемого в том случае, если бы деривационное значение последнего выражалось ненулевым аффиксом.

Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих условий, чтобы невозможно было выделить нулевой деривационный аффикс. Поясним сказанное примерами.

1. Слово *гам* обозначает процесс. Процессуальное значение имен существительных обычно выражается в русском языке с помощью аффиксов, например суффиксами *ниj(e)*: *пение, рассматривание, вышивание*; *-к(a)*: *подвеска, разбивка, переноска, подпись*; *-б(a)*: *борьба, пальба, молотьба, косьба* и т. д. Однако нулевого словообразовательного аффикса в слове *гам* нет. (В нем есть нулевая флексия им. п. ед. ч.: *гам-ө*, спр.: *гам-а, гам-у* и т. д.) Основание для такого утверждения — невыполнение второго из названных выше двух условий. В русском языке нет такого однокоренного слова (а оно должно было бы быть глаголом), которое могло бы стать производящим для *гам*. Глагол *гамкать*

не соотносителен с *гам* по значению: *гам* — ‘громкий, нестройный гул голосов’; *гамкать* — ‘отрывисто лаять’ (прост.), ‘браниться’ (обл.).

2. Нулевой суффикс есть в тех именах существительных со значением процесса, наряду с которыми имеются и производящие глаголы, ср.: *промыв-ə* — *промывать*, *разрыв-ə* — *разрывать*. Такие существительные входят в ряды слов, выражающих процессуальное значение с помощью «обычных» (ненулевых) суффиксов:



Таким образом, наличие нулевого суффикса в составе слова *промыв* отражает его большую формальную и смысловую сложность по сравнению со словом, содержащим производящую основу: *промывать*.

3. В словах типа *какаду*, *колибри* нет оснований выявлять нулевой словообразовательный аффикс, так как мы не можем приписать ему деривационное значение (например, «птица», «живое существо»). Отсутствует первое условие. Отсутствует и второе условие — нет основ, которые были бы производящими для данных слов.

Нулевые словообразовательные аффиксы в русском языке являются с у ф ф и к с а м и. Это объясняется тем, что слова с нулевыми аффиксами по своему значению и по соотношению с производящими входят в парадигматические ряды с производными, имеющими ненулевые суффиксы.

Нулевые суффиксы действуют преимущественно в словообразовании имен существительных. Кроме значения отвлеченного действия нулевые суффиксы могут обозначать лицо по действию или по признаку (*задира*, *заика*, *подлиза*; *интеллектуал*, *универсал*), отвлеченные признаки (*муть*, *темь*, *синь*, *гладь*) и некоторые другие значения<sup>2</sup> (см. об этом в гл. 5).

<sup>1</sup> ə — нулевой суффикс отвлеченного действия, ф<sub>ф</sub> — нулевая флексия именительного падежа единственного числа; ср. в других падежах: *промыв-ə(а)*, *промыв-ə(у)*...

<sup>2</sup> Полное описание нулевых деривационных аффиксов дано в статье: Лопатин В. В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопр. языкоznания. 1966. № 1.

Нулевых приставок в русском языке нет, так как в нем нет слов, которые бы выражали значение, характерное для приставок, и вместе с тем могли трактоваться как производные от однокоренных бесприставочных слов.

В отсутствии нулевых приставок обнаруживается резкое различие между суффиксами и приставками.

Различия между приставками и суффиксами свидетельствуют о неоднородности суффиксов и приставок, о большей лексичности приставок, т. е. об их близости к самостоятельным словам.

Различия между суффиксами и приставками оказывают влияние и на различие между способами словообразования, в которых действуют эти аффиксы (т. е. на суффиксацию и префиксацию).

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Винокур Г. О. Форма слова и части речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.*

*Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику // Пер. с англ. М., 1959. Гл. 5—7.*

*Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1.*

*Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 22—34.*

*Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 1.*

## Глава 2

### ЧЛЕНИМОСТЬ И ПРОИЗВОДНОСТЬ ОСНОВ

Существуют два четко противопоставленных класса основ — основы нечленимые, т. е. не делимые на морфы, содержащие один морф (*дом, конь*), и членимые на морфы, т. е. состоящие из двух и более морфов [*бор-ец, нож-ик, по-раз-брос-а-(ть)*]. Помимо двух резко разграниченных классов можно выделить большое число промежуточных, переходных случаев, т. е. можно говорить о разных степенях членности основ<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Способы определения степени членности слова предложены М. В. Пановым (см.: *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка*. М., 1968. С. 214—216; *Панов М. В. Степени членности слова // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членность слова*. М., 1975).

Иные пути установления степеней членности основ предлагают: *Янко-Триницкая Н. А. Членность основы русского слова; Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков)*. М., 1974.

Многие авторы, рассматривая понятие членности, говорят то о членности слова, то о членности основы, но, по существу, изучают одну и ту же проблему, которую все же точнее назвать членностью основы, так как слова типа *вод(a)*, *бел(ый)*, *ид(y)*, содержащие однокорневую основу + морфему-флексию, обычно называют нечленными. Таким образом, слово с нечленной основой называют нечленным словом, слово с членной основой — членным словом, т. е. здесь принято то же словоупотребление, что и по отношению к словам с производными/иепроизводными основами, которые называют соответственно производными/непроизводными словами.

Большая или меньшая членность основы зависит от ряда факторов. Ослабление степени членности основы наблюдается тогда, когда одна из частей слова (корневая или аффиксальная) в каком-либо отношении дефектна. Рассмотрим эти случаи.

## § 9. СВЯЗАННЫЕ КОРНИ

Суффиксы и приставки отличаются от корней тем, что они не имеют в языке самостоятельного употребления (см. гл. 1). Они всегда находятся при корне слова, как бы «привязаны» к нему. Корни же употребляются и в соединении с деривационными аффиксами (*дом-ик*, *пра-дед*, *лимон-н-ый*), и без них (*дом*, *дед*, *лимон*). Однако существуют слова, корни которых живут в языке только в соединении с суффиксами и приставками, т. е. как бы в «связанном» виде. Основы таких слов называют связанными (термин Г. О. Винокура). Однако точнее в таких случаях было бы говорить о связанных корнях.

Связанные корни находим в словах *свергнуть*, *отвергнуть*, *низвергнуть*; *добавить*, *отбавить*, *прибавить*, *добавка*, *прибавка*, *прибавление*; *вонзить*, *пронзить*. Связанные корни по ряду признаков отличаются от свободных корней (лишены способности употребляться вне связи с деривационными морфемами; обязательно должны повторяться в ряде слов). Они не являются полноценными корнями. Поэтому их предложено называть радикусоидами (от лат. *radix* — корень и гр. *-oid* — подобный). Термин «радикусоид» введен А. А. Реформатским.

Разберем для примера слова с радикусоидом *верг-/верж-*. Он встречается в ряде глаголов с приставками (*ввергнуть*, *свергнуть*, *низвергнуть*, *отвергнуть*) и в отглагольных существительных (*низвержение*, *свержение*, *извержение*). В современном языке радикусоид *верг-/*

*верж-* сам по себе непонятен. Его значение можно вывести только из состава тех слов, в которые он входит. В XVIII в. глагол *вергнуть* (со значением ‘кинуть, бросить’) еще мог употребляться свободно (без приставок) в торжественном книжном языке, однако в живой речи он был уже неупотребителен. В современном языке многие слова с radixoidом *верг-* делятся на морфемы благодаря тому, что они составляют группу противопоставленных в смысловом отношении слов. Значение приставок в них выступает вполне отчетливо: *ввергнуть в бездну* (направление действия внутрь, ср.: *ввести, входить, ввинуть*), *отвергнуть предложение* (направление действия от чего-нибудь, ср.: *отбросить, откинуть*), *свергнуть царя, низвергнуть тирана* (в обоих случаях направление действия вниз, ср.: *бросить царя, низринуться с горы*), *извержение вулкана, вулкан изверг лаву* (направление действия изнутри чего-нибудь).

В индивидуальном поэтическом сознании radixoid *верг-/верж-* может вычленяться из состава слова и в какой-то степени осмысляется. Так, В. В. Маяковский употребляет его как самостоятельное слово: *Встаньте, ложью верженные ниц...*

Особый разряд слов со связанными корнями составляют иноязычные заимствования: *агит-ировать, агитация, агит-атор; изол-ировать, изол'-ация, изол'-атор; спекул-ировать, спекул'-ация, спекул'-ант*. В этих словах имеются связанные корни *агит-, изол-, спекул-* и суффиксы со значением действия, отвлеченного действия и действующего лица или предмета. Слова такого рода хорошо членятся, так как входят в двойные ряды соотношений — слов с тем же аффиксом и слов с той же основой. Ср. также: *тур-изм, тур-ист; ate-изм, ate-ист; эго-изм, эго-ист*.

Отметим следующие особенности слов с radixoidами:

1. Численность слов с radixoidами различна. Она зависит от характера значения слова, от принадлежности слова к той или иной части речи, а также от наличия в языке слов, соотносительных с данным по семантике и морфемному составу.

2. Чем активнее и сопоставимее ряд слов со связанным корнем, чем яснее в слове значение входящих в него словообразовательных аффиксов, чем деятельнее в языке эти аффиксы, тем отчетливее членимость слова. Особенно четко выделяются деривационные аффиксы п р о

тивоположных значений: *обуть — разуть, одеть — раздеть, добавить — отбавить*.

3. Слова со связанными корнями, входящие в двойные ряды соотношений (слов с тем же радиксоидом и слов с тем же аффиксом), хорошо членятся: *ассоциировать — ассоци-ация, изол-ировать — изол'-ация*.

4. В словах со связанными корнями может происходить перенесение смыслового веса слова с корня на аффиксы, чаще всего приставки: *поднять, отнять, разнять*. Значение корня в таких словах неясно, оно утрачено языком и выводится из значения тех слов, в состав которых входит.

5. Лучше членятся слова со связанными корнями, имеющие конкретные значения. Слова с отвлеченными значениями легче утрачивают членимость, ср.: *от-нять, раз-нять и понять* ('постигнуть умом'), *внять* (*он не внял моим мольбам*).

## § 10. УНИКАЛЬНЫЕ ЧАСТИ СЛОВА

Уже говорилось о том, что повторяемость является обязательным свойством аффиксов. Между тем есть слова, в которых при обычных корневых морфемах имеются сегменты, не повторяющиеся в других словах: *-ос-* в *белёсый*, *-овь* в *любовь*, *-ель* в *гибель*, *-вор(a)* в *дет-вор(a)*, *-альон* в *почтальон*, *-арус* в *стеклярус* и т. п. Что представляют собой такие единичные сегменты? Значимы ли они в составе слова?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Входя в ряд однокоренных слов *дети — детский — детвора, белый — беленький — белизна — беловатый — белёсый, любить — любовь — любимый, гибнуть — погибать — гибель, почта — почтовый — почтовик — почтальон, отрезки -вор-, -ос-, -альон, -ов', -ел'* и подобные с несомненностью вычленяются из состава слова, так как часть, предшествующая им, встречается с тем же значением в других словах<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Ср. высказывание чешского ученого Милоша Докулила: «Принципиальная членимость основы зависит от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением и в других, реально в языке существующих словах» [Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. T. I: Teorie odvozování slov.* Praha, 1962. С. 212. (Резюме на рус. яз.)].

Чем же являются эти отрезки в составе слова? Они отличаются от корневых и аффиксальных морфем тем, что не служат строительным материалом для образования новых слов, а лишь входят в состав отдельных, нетипичных для современного языка по своей структуре слов (построенных по действовавшим ранее в языке закономерностям или заимствованных из других языков).

Слова с «обычными» корнями и аффиксами могут и воспроизводиться в речи как готовые единицы языка, и производиться по определенным моделям, т. е. строиться. Именно поэтому они принципиально отличаются от слов с единичными отрезками, которые входят в один ряд сопоставлений и не могут производиться (строиться) в речи. Такие слова, как *любовь*, *белёсый*, *гибель*, *почтальон*, *почтамт*, *стеклярус* и другие подобные, всегда воспроизводятся как готовые единицы.

Присмотримся внимательнее к семантике единичных отрезков. Очевидно, что прибавление такого уникального отрезка влияет на значение слова; так, *почта* ≠ *почтальон*, *почта* ≠ *почтамт*, *белый* ≠ *белёсый*, *стекло* ≠ *стеклярус*, *non* ≠ *нападья*. Можно было бы сделать вывод, что подобные отрезки значимы, например *-амт* имеет значение 'главное учреждение из рода тех, которые названы производящей основой', *-'арус* — 'украшение из материала, названного производящей основой'. Проверим, так ли это.

Посмотрим, имеют ли отрезки *-амт* и *-'арус* значение вне состава тех слов, в которых они закреплены, т. е. будут ли они понятны носителям языка, если их «приставить» к каким-либо другим основам. Составим слова с этими отрезками, подбирая производящие основы того же семантико-грамматического разряда, что и основы, с которыми «спаяны» наращения: 1) *аптек-амт*, *вокзал-амт*, 2) *желез'-арус*, *янтар'-арус* (или по модели с наложением морфов: *янтарус*). Предполагаем, что *аптек-амт* должно значить 'главная аптека', *желез'-арус* — 'украшение из железа' и т. п. Опрос информантов показал, что наши слова непонятны 97 % отвечающих, т. е. единичные сегменты вне слов, в которых они закреплены, незначимы.

Единичные сегменты неоднородны по значению. Существуют сегменты, значения которых подобны значению деривационных аффиксов данного языка:

<i>поп</i>	:	<i>попадья</i> <sup>1</sup>	=	<i>аптекарь</i>	:	<i>аптекарша;</i>
<i>почта</i>	:	<i>почтальон</i>	=	<i>киоск</i>	:	<i>киосёр;</i>
<i>любить</i>	:	<i>любовь</i>	=	<i>желать</i>	:	<i>желание.</i>

Другая группа слов имеет сегменты, которым нельзя приписать значение, выраженное в данном языке с помощью деривационных аффиксов:

<i>белый</i>	:	<i>белёсый</i>	=	<i>чёрный</i>	:	?
<i>стекло</i>	:	<i>стеклярус</i>	=	<i>серебро</i>	:	?

Первая группа единичных сегментов уникальна лишь по форме, их значение (если оно им приписывается общественным или индивидуальным языковым сознанием) не является чем-то необычным, оно подобно значению ряда морфем данного языка. Вторая группа сегментов уникальна и по форме, и по значению. Их смысл неясен. Именно поэтому слова, включающие единичные сегменты первой группы, стоят ближе к «настоящим» производным словам и лучше членятся. Они тяготеют к словам с синонимичными аффиксами. Слова, включающие единичные сегменты второй группы, членятся хуже. Членение таких слов подобно членению фразеологических сочетаний.

Используя терминоэлемент *-фикс* (ср.: *суффикс, префикс, аффикс, постфикс*), назовем рассмотренные единичные сегменты *унификсами*, так как основное свойство таких единиц — уникальность, единичность.

В чем отличие унифика от «обычных» корневых и аффиксальных морфем?

Унификации единичны и не употребляются в свободном виде. Это отличает их и от корневых, и от аффиксальных морфем. Аффиксы тоже не употребляются в свободном виде, но они повторяются в разных словах. Корни являются единичными, но свобода употребления — их принципиальное свойство. Правда, радиксоиды всегда повторяются, иначе они не будут вычленяться как корни (ср.: *с-верг-нуть, от-верг-нуть*). Таким образом, унификации — это особый вид единичных сегментов, выступающих лишь в связанном виде. Одна группа унификсов по значению подобна аффиксам, другая — фразеологична.

---

<sup>1</sup> Ср. высказывание Н. Д. Арутюновой: «Функция суффикса в слове *попадья* близка к роли суффикса в словах *ударница, поэтесса, курсантка* и др.» (Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961. С. 46).

Слова с унификсами не создаются, не строятся в речи. Для того, чтобы эти слова употребить, их надо знать. И этим свойством слова́, включающие унифика́сы, близки фразеологическим сочетаниям. Однако и фразеологические сочетания, и слова с унификсами сами могут служить образцом для создания новых — индивидуальных — фразеологических сочетаний и новых слов. И в этом тоже заключается их сходство. Естественно, что, если новообразование становится общеупотребительным и порождает новые слова, унификс теряет свою уникальность — свойство, отличающее его от аффиксов,— и переходит в разряд аффиксов.

Между унификсами и суффиксами не всегда проходит четкая граница. Иногда их разделяет промежуточная зона — в тех случаях, когда имеются два или три слова с общим элементом, но лишь одно из них хорошо известно, т. е. принадлежит общелитературному языку. В такой промежуточной зоне еще совсем недавно находился отрезок *-дrom*, превратившийся на наших глазах в полноправный аффикс, ср.: *ракетодром*, *космодром*, *автодром*, *мотодром*.

Мы рассмотрели постфиксальные унифика́сы. Возможны и префиксальные унифика́сы, но они менее характерны для русского языка. Их можно видеть в словах *ра-дуга* (ср. *дуга*), *кур-носый* (ср. *нос*), *бахвалиться* (ср. *хвалиться*) (примеры Н. А. Янко-Триницкой). Среди таких унифика́сов также имеются уникальные и по форме, и по значению; уникальные только по форме.

Выше мы говорили о словах со связанными корнями, сочетающимися с рядом аффиксов. Существуют слова со связанными корнями, встречающимися в сочетании лишь с одним аффиксом (например, *бужен-ин-а*, ср. слова с тем же суффиксом: *строганина*, *солонина*). Такие слова имеют корни связанные и притом уникальные, так сказать «у н и р а д и к с о и д ы». Очевидно, унирадиксоиды так же отличаются от обычных (т. е. повторяющихся) радиксоидов, как унифика́сы от аффиксов.

## § 11. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЧЛЕННОСТЬ СЛОВА<sup>1</sup>

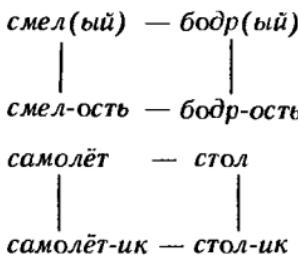
Так как в составе слова, кроме полноценных морфем, могут быть части ущербные, дефектные (связанные корни и уникальные аффиксы), то наличие таких частей

<sup>1</sup> Для простоты мы рассматриваем здесь только слова, основы которых состоят из двух морфов.

ослабляет членимость слова. В соответствии с этим среди членимых слов можно различать три класса: 1) слова, включающие свободные корни и повторяющиеся аффиксы; 2) слова, включающие связанные корни (радиксоиды) и повторяющиеся аффиксы; 3) слова, включающие связанные уникальные корни (унирадиксоиды) или унификсы.

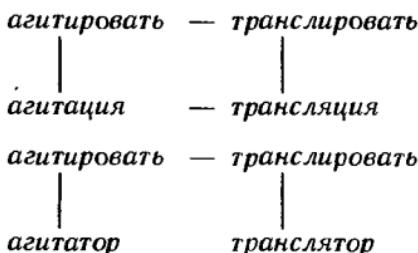
Рассмотрим подробно эти три группы слов.

1. Слова первого класса членятся лучше всего, так как, имея свободные основы и повторяющиеся аффиксы, они входят в двойные ряды соотношений и членятся без остатка на основу и аффикс. Они обладают самой высокой степенью членимости:



Такие ряды соотношений называют **словомобразовательным квадратом**<sup>1</sup>. По терминологии Н. А. Янко-Триницкой, подобные слова обладают **полной свободной членимостью**.

2. Слова со связанными корнями, входящие в двойные ряды соотношений, также образуют **словомобразовательный квадрат**:



Однако такие слова членятся хуже, чем слова со свободными корнями. По терминологии Н. А. Янко-Триницкой, они имеют **полную связную членимость**.

3. Слова, включающие унификсы или унирадиксоиды, входят в один ряд соотношений — слов с той же

<sup>1</sup> О понятии «словомобразовательный квадрат» см.: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 82—84.

основой или слов с тем же аффиксом — и обладают остаточной членностью, ибо одна из частей таких слов выделяется не по ее соотношению с такой же частью в других словах, а как остаток от выделения соседнего морфа. Место остаточного сегмента по отношению к «полноценному» морфу определяет его роль в слове. Если в слове есть свободный корень, его левый сосед подобен префиксу (*ра-дуга*), а правый — суффиксу (*почт-альон*). Если в слове есть «полноценный» суффикс, его левый «дефектный» сосед является радиксоидом (*мал-ина*). Если в слове имеется «полноценный» префикс, его правый сосед является радиксоидом (*раз-у-ть*).

Слова с остаточной членностью образуют четыре степени членности. Приведем примеры слов с остаточной членностью, располагая их в порядке ослабления членности:

1. <i>поп-адъя</i>	:	<i>поп</i>	=	<i>генераль-ша</i>	:	<i>генерал</i>
<i>почт-альон</i>	:	<i>почта</i>	=	<i>комбайн-ер</i>	:	<i>комбайн</i>
2. <i>бел'-ос(ый)</i>	:	<i>бел(ый)</i>	=	?	:	?
<i>стекл'-арус</i>	:	<i>стекло</i>	=	?	:	?
3. <i>бужен-ина</i>	:	—	<i>ср.</i> <i>конь</i>	—	:	<i>кон-ина</i>
4. <i>мал-ина</i>	:	—	<i>ср.</i>	?	:	<i>смород-ина</i>
				?	:	<i>кал-ина</i>

Слова, имеющие остаточную членность, не образуют словообразовательного квадрата.

Итак, членность слов зависит от следующих факторов: 1) основа употребляется свободно или связанно; 2) аффикс повторяем или уникален; 3) аффикс по значению подобен или не подобен другим аффиксам данного языка; 4) связанный корень повторяем или уникален; 5) аффикс употребляется или не употребляется при свободных корнях.

## § 12. ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДНОСТИ

Значение трех рассмотренных классов слов не в одинаковой мере мотивируется значением их составных частей. В тех случаях, когда слово входит в двойной ряд сопоставлений — слов с той же основой и с тем же аффиксом, оно членится на «полноценные» морфемы. Значение такого слова мотивируется значением каждой из составляющих его частей. Слова, которые входят лишь в один сопоставительный ряд, не могут быть мотивированы значением всех составляющих их частей,

так как одна из этих частей «дефектна»: или их корень уникален, выступает лишь в связанном виде, или элемент, присоединенный к корню, является не деривационным аффиксом, а унификсом.

В тех случаях, когда прикорневая часть слова — унификс, которому нельзя приписать значения, синонимичного значению словообразовательных морфем данного языка, значение соответствующего слова не является ни полностью условным, ни полностью мотивированным. Оно содержит нечто от семантики основы, повторяющейся в других словах. Не зная слова *белёсый*, мы догадываемся, что оно как-то связано со словом *белый*; не зная слова *детвора*, догадываемся, что оно как-то связано со словом *дети*.

Значение слов, имеющих связанный уникальный корень и повторяющийся аффикс, тоже не мотивировано значением всех составляющих его частей. Если для нас ясно, какие признаки положены в основу названия видов мяса *строганина*, *солонина*, то мы не можем этого сказать о слове *буженина* или о названиях ягод *малина*, *смородина* и т. п., так как части *мал'*-, *смород'*-, *бужен'*- нам непонятны. Мы узнаем в этих словах лишь категориальное, классифицирующее значение суффиксов, относящее их к разряду однотипных слов<sup>1</sup>.

Учитывая различия в форме и значении разных групп членимых основ, целесообразно разграничивать соответствующие основы и терминологически. В наиболее общем виде это разграничение можно сформулировать так: основы, входящие в два ряда соотношений, назовем **членимыми** и **производными**. Основы, входящие в один ряд соотношений, назовем **членами**, но **не производными**. Отметим, что некоторые слова со связанными корнями, входящие в два ряда соотношений, не являются производными, так как ни одно не может быть признано производящим по отношению к другому. Этот вопрос подробнее рассматривается далее.

Таким образом, понятие членности является более

<sup>1</sup> Ср. высказывание Н. Д. Арутюновой: «...такие существительные с единичными основами, как *калина*, *малина*, *ежевика*, *говядина* и др., не могут считаться прямыми и непосредственными знаками объекта. Эти слова также мотивированы в своем значении, так как суффикс указывает на класс предмета, подводит его под определенную категорию, включает в тот или иной разряд» (Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. С. 18).

общим и широким, чем понятие производности, т. е. каждая производная основа членится, но не каждая членимая производна.

Понятие производности является основным для словообразования, так как именно соотношение производных и производящих составляет суть механизма словообразования.

### § 13. ПРИЗНАКИ ПРОИЗВОДНЫХ ОСНОВ

Перечислим признаки производных основ:

1. Слова с производными основами входят в двойной ряд соотношений: а) слов с той же основой и б) слов с тем же аффиксом — и, следовательно, членятся на основу и аффикс.

Это принципиально важное свойство слов с производными основами, так как такие слова могут строиться и служить моделью для построения и других слов; они могут и производиться, и воспроизводиться в речи. Именно поэтому они принципиально отличаются от слов, которые входят в один ряд соотношений и вычленяют не аффикс, а остаточный элемент, не встречающийся в других словах (унификс или унирадикальсоид); такие слова не могут производиться в речи — они всегда воспроизводятся. Их нельзя построить, их надо знать.

2. При каждой производной основе должна быть производящая база<sup>1</sup>. Мы употребляем этот термин как более широкий вместо распространенного «производящая основа», так как в качестве производящих выступают не только основы (*писа-тель*), но и слова (*город — при-город*), словосочетания (*зачётная книжка — зачётка, железная дорога — железнодорожник*) и — реже — словоформы [им. п. ед. ч. *алгебра — алгебра-ист*, им. п. мн. ч. *телят(a) — телят-ник, телятница*, инфинитив: *женить — жениг'-б(a)* (ср.: *кос(ить) — кос'-б(a)*]. Чаще всего, однако, в русском

<sup>1</sup> Необходимость введения термина «производящая база» вместо широко распространенного «производящая основа» убедительно доказывает Р. С. Манучарян (см.: Манучарян Р. С. Словообразовательное значение в разных аспектах // Русский язык: Вопросы теории и методики. Ереван, 1976. С. 21). О том же пишет В. В. Лопатин (см.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М., 1977. С. 11).

словообразовании в качестве производящей базы используются именно основы.

3. Среди всех однокоренных слов между производной и производящей имеются наименьшие формальные и (или) смысловые различия.

4. Производная основа всегда может быть истолкована посредством ссылки на производящую (критерий Винокура!).

Повторим, что отношения производности могут объединять слова со связанными корнями в тех случаях, когда такие слова входят в двойные ряды соотношений и одно из таких слов может рассматриваться в качестве производящего для семантики других, например *агитировать — агит-ациj-(a)*, *агитировать — агит-атор*.

## § 14. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА

В соответствии с понятиями «производность» и «членимость» применяются два вида анализа слов — **словообразовательный** и **морфемный**.

Задача синхронного словообразовательного анализа той или иной основы — установить, является ли эта основа непроизводной или производной; в последнем случае следует выяснить, какая база является производящей по отношению к анализируемой основе и с помощью какого словообразовательного средства и каким способом она произведена.

Единица (основа, словоформа, словосочетание), непосредственно мотивирующая анализируемое слово и по смыслу, и по форме, и является производящей базой.

Чтобы найти производящую базу, надо соотнести анализируемое слово с двумя рядами единиц: 1) включающих ту же основу и 2) включающих то же (или — те же) словообразовательные средства. (Если слово входит лишь в один ряд соотношений, оно не является производным.) Словообразовательные средства, используемые при производстве слова, называют **формантами**. В качестве формантов в русском языке выступают суффиксы, приставки, нулевые суффиксы, приставки и суффиксы, используемые как единое словообразовательное средство — единый формант (например, *со-...-ник* в словах типа *трапезник*, *без-...j(e)*)

в словах типа *безденежье*). Таким образом, в состав форманта может входить один или несколько словообразовательных аффиксов.

Разберем слово *паровозный*. Оно входит в такие ряды слов: 1) *паровоз, паровоз-ик, паровоз-ищ-е...* 2) *вагон-н-ый, камен-н-ый, дорож-н-ый...* Из этого сопоставления мы можем сделать вывод, что прилагательное *паровозный* образовано с помощью суффикса *-н-* от сложного существительного *паровоз*. Такой ответ станет очевидным, если мы рассмотрим семантику и форму прилагательного *паровозный*:

1) оно значит 'относящийся к паровозу', т. е. его значение мотивировано значением существительного *паровоз* и обнаруживает непосредственную смысловую зависимость от этого существительного;

2) оно обнаруживает непосредственную зависимость от существительного *паровоз* и по форме: содержит основу этого существительного и суффикс прилагательных *-н-*.

Таким образом, словообразовательный анализ следует начинать с конца слова: отделив флексию, найти производящую базу и вычленить словообразовательный формант. Не следует сразу искать корень слова, так как это может привести к неверным выводам. Если в слове *паровозный* мы сразу выделим корни *пар-* и *воз-* и решим, что слово *паровозный* образовано путем сложения основ, то ошибемся, так как это слово произведено от «готовой» основы *паровоз* и словообразовательным формантом является в нем суффикс *-н-*. Таким образом, оно произведено суффиксальным способом, а не путем сложения основ<sup>1</sup>.

Словообразовательный и морфемный анализы (последний обычно в школе называют разбором слова по составу или морфологическим разбором) не следует смешивать. Термин «морфологический анализ» (или «морфологический разбор») неудачен, так как он связывается со словом *морфология*, а не *морфема*. Морфемный анализ отличается от словообразовательного и по задачам, и по результатам. Цель его — установить, из каких морфем состоит слово. В результате морфемного анализа мы узнаем состав слова. Морфемный анализ должен опираться на результаты словообразо-

<sup>1</sup> Методика словообразовательного анализа очень четко дана в кн.: Панов М. В. Изучение состава слова в национальной школе. Махачкала, 1979. С. 38—44.

вательного: только поняв, как образовано слово, можно правильно расчленить его на морфы. (Очевидно, слова членимые, но непроизводные словообразовательному анализу подвергать не следует.)

Для сравнения результатов морфемного и словообразовательного анализа разберем слово *разброска*.

При словообразовательном анализе мы должны найти производящую базу анализируемого слова. Очевидно, ею является основа глагола *разбросать*, так как: 1) существительное *разброска* обозначает 'действие по глаголу *разбросать*', т. е. глагол *разбросать* с е м а н т и ч е с к и мотивирует существительное *разброска*; 2) глагол *разбросать* служит для существительного *разброска* производящим и по форме: *разброска* образовано от основы глагола *разбросать* с помощью суффикса *-к(а)*, ср.: *подбросить* — *подброс-к(а)*, *читать* — *чит-к(а)*, *починить* — *почин-к(а)*. Как видим, с точки зрения словообразовательного анализа слово *разброска* является отглагольным существительным, произведенным способом суффиксации. Его основа содержит производящую основу *разброс-* и суффикс *-к(а)*: *разброс-к(а)*. При словообразовательном анализе мы не выделяем в производящей основе приставку *раз-*, так как она не играет роли в образовании слова *разброска* и, следовательно, не является словообразовательным формантом. Она досталась этому существительному в наследство от основы производящего глагола *разбросать*.

Производя морфемный анализ, следует выделять все значимые части слова, т. е. все морфы, из которых состоит слово. Поэтому в основе *разброс-* вычленяем приставку *раз-*, сопоставляя глагол *разбросать* с глаголами *раскидать*, *развеять*, *распылить* и под., и корень *брос-*, ср.: *бросание*, *броновый*, *выбросить*, *отбросить*. Следовательно, при морфемном анализе существительного *разброска* выделяются следующие части: 1) приставка *раз-* (ср.: *рас-кладка*, *раз-носка*); 2) корень *-брос-* (ср.: *от-брос-ы*, *под-брос-ить*, *под-брос-ка*); 3) суффикс *-к-* (ср.: *под-гон-к-а*, *раз-бор-к-а*, *раз-вес-к-а*); 4) окончание именительного падежа единственного числа (ср.: *вод-а*, *ног-а*, *уборк-а*). С точки зрения морфемного анализа основа слова *разброска* содержит три морфемы (приставку, корень и суффикс): *раз-брос-к(а)*. На вопрос, как образовано анализируемое слово, морфемный анализ не отвечает.

Словообразовательный анализ показывает нам, что слова образуются не только из мельчайших строительных единиц — морфем (например, *стол-ик*, *апельсин-ов-ый*, *чай-ник*), но и из более крупных частей — строительных блоков, состоящих более чем из одной морфемы: *паровоз-н-ый*, *разброс-к-а*.

Применяя фигурные скобки, можно изобразить иерархическое строение слов типа *самолётный*, *пароходный*, *паровозный* следующим образом:  $\{(сам- + о- + -лёт) + -н\} + -ый$ ,  $\{(пар- + о- + -ход)\} + -н- + -ый$ .

«Крупноблочных» слов много. Это не обязательно слова, включающие два корня:  $\{(учи- + -тель) + -ниц-\} + -а$ ;  $\{(кол- + -хоз-) + -ник\}$ ;  $\{пре- + (ум- + -н-)\} + -ый$ ;  $\{((пере- + пис-) + -ыва-) + -ниj\} + -е^1$ .

Последовательность этапов словообразования можно изобразить и другим способом: *писать* — *переписать* — *переписывать* — *переписываниj(e)*.

Для того, чтобы правильно произвести анализ слова, следует учитывать не только соотношение двух слов (производного и производящего), но и соотношение слов в словообразовательном типе (см. об этом в гл. 4) и — шире — в системе словообразования. Так, например, анализируя слова *писарь* (ср. *писать*), *пахарь* (ср. *пахать*), можно решить, что в них выделяется глагольная основа *писа-*, *паха-* и суффикс *-рь*. Привлечение для анализа слов *звонарь* (ср. *звонить*), *лекарь* (ср. *лечить*) показывает, что *а* относится к суффиксу, который присоединяется к глагольному корню: *пис-арь* (*пис-ать*), *пах-арь* (*пах-ать*), *звон-арь* (*звон-ить*).

## § 15. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СЛОВА<sup>2</sup>

Изменения в словарном составе языка, изменения в значении слов приводят к изменениям в членности слов.

### Опрошениe

Исторический процесс, приводящий к потере словом членности, называется опрошением. Понятие опрошения введено В. А. Богородицким, который опреде-

<sup>1</sup> Такого вида запись использовал Г. О. Винокур (см.: *Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. С. 441*).

<sup>2</sup> Об исторических изменениях в составе слова см. подробнее: Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

лил его следующим образом: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом (мы бы сейчас сказали: морфемным составом.— Е. З.) утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. Так, например, слова *вкус* (ср.: *ку-с-ать*, *кус-ок*), *забыть* и т. п. имеют только целостное значение и морфологический состав этих слов (*в-кус*, *за-быть* и т. п.) уже не чувствуется. Таким образом, при опрощении связь слова с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них»<sup>1</sup>.

Опрощение приводит к тому, что слово утрачивает свою внутреннюю форму и приобретает целостное немотивированное значение, морфемные швы зарастают. Так, например, возникли новые непроизводные слова *убить*, *забыть* (эти глаголы не могут быть семантически истолкованы через *бить*, *быть*).

В результате опрощения язык пополняется новыми корневыми морфемами, которые становятся центрами новых словообразовательных гнезд. Таковы существительные *мыло* (произведенное исторически от глагола *мыть*), дающее в современном языке производные *мылить*, *мыльный*, *мыльница*, существительное *вкус* (исторически связанное с глаголом *кусать*), ср. его производные: *вкусовой*, *вкусовщина*, *превкусный*, *вкуснятина*; *дар* (исторически связанное с *дать*), ср. производные: *дарить*, *подарить*, *подарок*, *даровой*.

Изменение значения слова и утрата семантических связей с производящим — основная причина опрощения. Наиболее часто опрощению подвергаются конкретные существительные с фразеологической семантикой типа *лапоть*, *ломоть*, *белка*, *крыло*, *копыто* (связь со словами *лапа*, *ломать*, *белый*, *крыть*, *копать* утрачена). Кроме того, опрощению благоприятствуют: 1) звуковые изменения, вследствие которых данное слово расходится с родственными словами (так, изменение формы слова *облако* (из *обвлако*) способствовало его разъединению со словами *влачить*, *влечь*); 2) выпадение из языка родственных слов (слово, потеряв своих «родственников», становится «одиноким», изолированным, что приводит к его опрощению, так произошло со словом

<sup>1</sup> Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 99—100.

кольцо, первоначально уменьшительное от существительного коло, вышедшего из употребления).

## Переразложение

Другой процесс исторического изменения состава слова — переразложение: перемещение границ в составе слова. Этот процесс был открыт И. А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX в.<sup>1</sup> Изучая историю индоевропейского склонения, И. А. Бодуэн де Куртенэ открыл закон «сокращения основ в пользу окончаний», который состоит в том, что в процессе исторического развития конечные гласные основы («тематические гласные») отошли к падежным окончаниям, т. е. граница между морфемами основы и окончания стала проходить в ином месте.

Большая повторяемость в речи конечных элементов слова — окончаний — привела к тому, что процесс переразложения шел слева направо, т. е. часть основы отходила к окончанию. Часто употребляясь в сочетании с предшествующими им звуками основы, окончания стали ассоциироваться совместно с этим повторяющимся с ними звуком или комплексом звуков.

Переразложение может происходить не только между основой и окончанием, но и между другими частями слова. И в этих случаях направление процесса обычно то же, т. е. слева направо. Таково переразложение между основой и суффиксом. В результате этого вида переразложения формируются новые производные суффиксы. Такие суффиксы называют иногда составными или сложными. Так, на базе ряда производных существительных со значением лица, образованных при помощи суффикса *-ик* от основ прилагательных с суффиксом *-н-* (например, *умн-ый человек* — *умн-ик*, *глазн-ой врач* — *глазн-ик*), отрезок *-ник* стал восприниматься как целостный суффикс, так как соответствующие существительные могут быть истолкованы и как производные от существительных: *умник* — ‘человек большого ума’, *глазник* — ‘врач, который лечит глаза’. С помощью суффикса *-ник* образуются имена лиц непосредственно от основ существительных: *колхоз* — *колхоз-ник*.

<sup>1</sup> См.: Бодуэн де Куртенэ И. А. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний // Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. С. 19 и след.

## § 16. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Цель этимологического анализа — установить происхождение слова, объяснить историю его возникновения, вскрыть прошлые словообразовательные связи слова, показать, как возникло его современное значение. Этимологический анализ опирается на данные истории русского языка и других языков. Так, например, слово *облако* исторически связано с глаголом *влачить* (ср. форму с полногласием *волочить* с приставкой *об-*: *обволочить* — *обволакивать*). Начальное *в* после приставки *об-* утратилось: *об-влак-о* → *облако*. Вследствие изменения значения слова и звукового изменения произошло опрощение: слово *облако* в современном языке имеет непроизводную основу.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 419—442.

*Лопатин В. В.* О двух этапах морфемного членения слова // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членность слова. М., 1975.

*Панов М. В.* Изменение членности слов // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 т. М., 1968. Т. 2: Словообразование современного русского литературного языка. С. 214—216.

*Янко-Триницкая Н. А.* Членность основы русского слова // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. 1968. Вып. 6.

## Глава 3

### МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Морфонология — раздел языкоznания, изучающий связи между фонологией и морфологией, т. е. использование фонологических средств в словоизменении и словообразовании. Термин «морфонология» путем гаплогии образовался из морфо-фонологии (= морфологическая фонология = фономорфология). Задача морфонологии — установить: а) фонемный состав морфем разных видов; б) правила соединения морфем в слове, т. е. условия взаимоприспособления (варьирования)

морфем при их объединении; в) порядок следования морфем<sup>1</sup>.

При образовании производного слова нередко происходит взаимоприсоединение соединяющихся морфов. По законам русского языка на границе морфем не все сочетания звуков допустимы. На границе морфем (морфемном шве) может происходить четыре вида явлений:

1) чередование фонем (конец одного морфа изменяется, приспосабливаясь к началу другого);

2) интерфиксация — между двумя морфами вставляется незначимый (асемантический) элемент — и н т е р ф и к с (от лат. *inter* — между, *fixus* — прикрепленный) (термин введен А. М. Сухотиным; ср.: суффикс, префикс, постфикс и другие термины с элементом *-фикс*);

3) наложение (или интерференция) морфов — конец одного морфа объединяется с началом другого;

4) усечение производящей основы — конец производящей основы отсекается и не входит в производное слово.

### § 17. СТРУКТУРА КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

Для русского языка характерно различие в структуре именных и глагольных корней. Именные корни имеют исход на согласную (исключение составляют заимствованные корни типа *пальто*, *кино*, *кенгуру*); глагольные могут иметь исход и на согласную (*пис-ать*, *люб-ить*, *ход-ить*) и на гласную (*ши-ть*, *да-ть*, *би-ть*). Это различие играет важную роль в словообразовании, так как оно определяет разный характер использования именных и глагольных корней в словообразовании.

### § 18. ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ

Морфонология изучает чередования фонем, обусловленные их грамматической (морфонологической) позицией. Такие чередования следует отличать от чередований звуков, обусловленных их фонетической позицией. Ср. пары словоформ: 1) *рука* — *ручной*,

<sup>1</sup> К области морфонологии относится также ударение. Однако в настоящей главе оно не рассматривается. Мы даем здесь лишь очень краткую характеристику словообразовательной морфонологии. См. подробнее: Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

*писать* — *пишу* и 2) [вадá] — [вóды], [разб'йт'] — [раск'йнут']. Очевидно, что чередование *к/ч* перед суффиксом *-н-* и чередование *с/ш* перед флексией 1-го лица единственного числа *-у* обусловлены именно грамматической формой слова. Ведь в русском языке возможны сочетания *к + н* (ср. *книга*) и *с' + у* (ср.: *лось* — *лосю*, *карась* — *карасю*, *сюсюкать*). Недопустимы эти сочетания только в определенных формах, т. е. в позициях, определяемых какими-либо морфологическими или словообразовательными условиями. Чередования фонем, определяемые грамматическими позициями, называют грамматическими (или морфонологическими, морфологическими). Все эти названия передают особенность данных чередований — независимость от современных фонетических условий.

В результате грамматических чередований изменяется фонемный состав слова, а в результате позиционных фонетических изменений состав фонем в слове не меняется.

Непременный признак чередований — повторяемость, поскольку нельзя говорить об обусловленности какого-либо различия в фонемном составе грамматической позицией, если такое различие встречается всего лишь один раз. Следовательно, единичность, неповторяемость противоречит самой сущности явления чередования.

### Чередования согласных

**Чередования в морфах основы на морфемном шве.** Для русского словообразования наиболее характерны чередования на морфемном шве корня (или основы) и суффикса: *друг* — *друж-б-а*, *кусок* — *кусоч-ек*. Эти чередования распространяются на согласные фонемы и имеют регressive направление, т. е. последующая морфема вызывает изменение в предшествующей. В русском словообразовании имеются суффиксы ч е р е д у ю щ и е и н е ч е р е д у ю щ и е. К чередующим суффиксам (т. е. к суффиксам, вызывающим чередования) относится, например, суффикс существительных *-онок/-ат(а)*, служащий для образования названий невзрослых существ. Он вызывает чередования: заднеязычные/шипящие, *д/ж*, *д'/ж*, парные твердые согласные/парные мягкие: *волк* — *волч'-онок*, *верблюд* — *верблюж-онок*,

медведь — медвеж'-онок, тигр — тигр'-онок, слон — слон'-онок, лев — льв'-онок, орел — орл'-онок, повар — повар'-онок и т. д. Примером нечередующих суффиксов может быть суффикс относительных прилагательных **-ов-**: парк — парк-ов-ый, воск — воск-ов-ой, апельсин — апельсин-ов-ый. При характеристике каждого суффикса следует указать, вызывает ли он чередование в предшествующем морфе и какое именно.

Перечислим чередующие суффиксы:

существительных: **-ник**, **-ниц(a)**, **-н'(a)**, **-к(a)**, **-ок**, **-к(o)**, **-ств(o)**, **-'онк(a)**, **-'онок/-'ат(a)**, **-j(o)**, **-j(a)**, **-ениj(e)**, **-иц(e)/-иц(a)**, **-ин(a)**, **-инк(a)**, **-их(a)**, **-иц(a)**, **-изн(a)**, **-ик**, **-ишк(o)/-ишк(a)**, **-изм**, **-ист**, **-ич**, **-ин'(a)**, **ø** (+ система флексий существительных типа *кость*), **-ец**, **-'атин(a)**, **-'атник**, **-'анин**, **-'аг(a)**, **-чик**, **-щик**, **-щин(a)**, **-ш(a)**, **-'уг(a)**, **-'ур(a)**, **-'ак**, **-'аш**, **-'ox(a)**;

прилагательных: **-н-**, **-ск-**, **-j-**, **-ин-**, **-ист-**, **-лив-**, **-чат-**, **-ач-**, **-ан-**, **-н'**, **-нин**, **-'ав-**, **-енн-**, **-еньк-/ -онък-**, **-'охонък-/ -'ошеньк-**, **-'ущ-**;

глаголов: **-нича-**, **-ө-/и-**, **-е-**.

Суффиксы, совпадающие по форме, но различные по значению, как правило, ведут себя в отношении чередования одинаково, т. е. вызывают одни и те же чередования. Ср. производные с суффиксом **-ин(a)** от основ на заднеязычные, имеющие значения: а) увеличительности; б) единичности; в) вида мяса. Например: а) волк — волч-ина, носорог — носорож-ина, бульдог — бульдож-ина; б) урюк — урюч-ина, горох — горош-ина, жемчуг — жемчуж-ина; в) белуга — белуж-ина, севрюга — севрюж-ина, собака — собач-ина. Во всех образованиях, независимо от того, каково значение производных, обнаруживаются одни и те же чередования: *г/ж*, *к/ч*, *х/ш*.

Так же как и другие морфонологические явления, чередования могут быть продуктивными и непродуктивными. Наиболее продуктивны следующие виды чередования согласных: парные твердые согласные с мягкими (*н/н'*, *с/с'*, *т/т'*, *ð/ð'*: *слон* — *слон'-онок*, *лиса* — *лис'-онок*, *кот* — *кот'-ище*); заднеязычные с шипящими (*г/ж*, *к/ч*, *х/ш*: *нога* — *нож-ища*, *песок* — *песоч-ек*, *мох* — *миш-ист-ый*). Кроме продуктивности следует учитывать распространенность чередований, т. е. их широкую или узкую представленность в явлениях словообразования. Названные выше типы чередований широко распространены.

К непродуктивным и малораспространенным относятся чередования *ц/ч* (отец — отеч-еский; например, отеческая забота), *д/ж* (верблюд — верблюж-атина, медведь — медвеж-онок), *с/ш* (черкес — черкеш-енка), *з/ж* (князь — княж-еский) и некоторые другие.

**Понятие морфонемы.** Итак, алломорфы одной морфемы могут различаться чередующимися фонемами. Ряд чередующихся фонем, выступающих в алломорфах одной морфемы, называется морфонемой. Ряд может быть представлен несколькими членами или одним членом, например:  $\frac{\text{к}}{\text{ч}}$  (рука — ручка),  $\frac{\text{Г}}{\text{ж}}$  (друг — дружеский — дружба),  $\frac{\text{х}}{\text{ш}}$  (монах — монашеский — монашество — монашка).

Существует иной вид записи морфонемы — с помощью фигурных скобок: {с — с' — ш}, {з — з' — ж}, {т — т' — ч}, {д — д' — жд — ж}, {б — б' — бл'}, {ф — ф' — фл'}, {в — в' — вл'}, {п — п' — пл'}, {к — ч}, {г — ж} и т. п.

Понятие морфонемы служит объединению различных морфов в одну морфему (см. подробнее ниже).

Не все представители морфонемы равноправны. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что не все члены чередующегося ряда могут занимать любые грамматические позиции.

Как установить, какой из представителей морфонемы главный? Естественно основным представителем морфонемы считать тот член, из которого можно легче всего предсказать все остальные члены чередовательного ряда. Например, можно ли в парах *т/ч* и *к/ч* считать *ч* основным представителем морфонемы в каждой чередующейся паре? Нет, так как *ч*, входя в два ряда чередований, может «предсказать» нам в качестве своих «сочередователей» и *т*, и *к*, тогда как *т* и *к* однозначно предсказывают *ч*. Следовательно, основными членами этих морфонем являются *т* и *к*.

В соответствии с мнением о том, что один из представителей морфонемы является основным (главным), некоторые ученые применяют морфонологическую транскрипцию для изображения именно этого представителя морфонемы: РУКА, РУКНОЙ, МОГТ', МОГУ, МОГОШ.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что перед чередующими суффиксами морфонема выступает в слабом (не основном) виде, а перед нечредующими — в сильном (основном).

Для словообразования характерна направленность чередований от основного (или более сильного) члена морфонемы к более слабым ее представителям, т. е. производящая основа обычно содержит основной (или более сильный) член морфонемы, а производная — более слабый: *друг — дружить — дружба*, *сухой — сушил — сушить*, *волк — волчица — волчонок*, *медведь — медвежонок*. При этом в ряду чередующихся фонем, являющихся членами одной морфонемы, из пары согласных, коррелятивных по твердости ~ мягкости, основным является твердый.

**Чередования в морфах основы не на морфемном шве.** Этот вид чередований согласных для русского словообразования малохарактерен. Он представлен несколькими непродуктивными или малопродуктивными чередованиями почти не существенными для живого русского словообразования типа *жать — жму, жать — жну, понять — понимать*.

**Чередования в аффиксальных морфах.** Чередования согласных в аффиксальных морфах малохарактерны для русского словообразования.

Чередование фонем  $\langle\bar{ш}\rangle/\langle\chi\rangle$  обнаруживается в морфах суффиксов *-щик/-чик, -щиц(a)/-чиц(a), -щин(a)/-чин(a)*. Морфы с фонемой  $\langle\chi\rangle$  выступают после основ на фонемы  $\langle\text{т}\rangle, \langle\text{д}\rangle$ , которым не предшествует иной согласный (обычно сonorный): *разведчик, плакатчик, летчик, наводчик; газетчица, буфетчица; солдатчина, складчина*. Морфы с фонемой  $\langle\bar{ш}\rangle$  выступают в других позициях — после основ на все согласные (кроме *т, д*), а также после основ на *т, д*, которым предшествует согласная фонема: *фрезеровщик, экскаваторщик, алиментщик, флейтщик, подавальщица, банщица; хлестаковщина, молчалинщина, тамбовщина* и т. п.

У морфонемы  $\{\bar{ш} — \chi\}$  суффикса *-щик/-чик* основным вариантом следует признать морф с фонемой  $\langle\bar{ш}\rangle$ , так как он выступает в тех позициях, в которых возможен морф *-чик* с другим значением: ср. *стаканищик* (о человеке) — *стаканчик* ('маленький стакан'), *барабанищик* (о человеке) — *барабанчик* ('маленький барабан').

В отличие от ранее рассмотренных видов чередований согласных здесь обнаруживается прогрессивное направление воздействия соседнего морфа (слева направо — от основы к суффиксу).

Чередования согласных на морфемном шве приставка/основа редки в русском словообразовании, ср.: *имморальный, иррегулярный*.

### Чередования гласных

Чередования гласных для русского словообразования менее характерны, чем чередования согласных. В русском словообразовании значительную роль играет лишь чередование гласный/нуль звука, встречающееся «внутри» корневых и на границе аффиксальных морфов: *лоб-ө — л ≠ 'б-ище, сон-ө — с ≠ н-иться, лев-ө — л' ≠ ≠ в-ица, орел-ө — ор ≠ л'-онок; сын-ок-ө — сын- ≠ к-а, саратов-ец-ө — саратов- ≠ ц-а, прыж-ок-ө — прыж- ≠ к-а; во-б ≠ ра-ть — в ≠ -берем, ото-б ≠ рать — от ≠ -берем.* Во всех случаях чередование гласный/нуль звука вызывается структурой соседнего морфа справа (т. е. направление чередования регressive) — гласный сохраняется, если в соседнем морфе представлен нуль звука; нуль звука выступает тогда, когда в соседнем справа морфе имеется гласный.

Таким образом, в русском языке существует особая морфонема {гласная/нуль}, играющая важную роль в словообразовании.

Чередование в корневых морфемах гласных фонем *⟨о⟩/⟨а⟩* продуктивно в образовании форм несовершенного вида глагола с помощью суффикса *-ива-*: *выносит — вынашивает, расспросит — расспрашивает, обусловит — обуславливает.* Это чередование не отличается регулярностью, т. е. не распространяется на все случаи образования указанных форм.

### § 19. ПОНЯТИЕ СУБМОРФА

В корневых морфах нечленимых слов выделяются сегменты, совпадающие по составу фонем с аффиксальными морфами данного языка, но не имеющие в слове никакого значения. Такие сегменты называются субмортами (нечто, подобное морфу). Субморфы тождественны морфам данного языка, но только по форме; значения они не имеют. Имеет ли в таком случае смысл

<sup>1</sup> Напомним, что знак *≠* изображает нуль звука, а знак *ø* — нулевые флексии и аффиксы.

выделение субморфов? Значимость субморфов для строения слова обнаруживается в том, что они ведут себя как морфы по отношению к явлениям морфонологии, например к чередованиям и усечению основ. Так, чередование гласный/нуль звука и чередование *ц/ч* происходит в одних и тех же условиях при словоизменении и при словообразовании в суффиксальном морфеме *-ец* и в субморфме *-ец*. Единица *-ец* с полным гласным выступает перед нулевой флексией, нуль звука — перед флексией, выраженной гласным. В суффиксе *-ец* и в субморфме *-ец* обнаруживаются одни и те же чередования (*е/≠, ц/ч*) перед суффиксом уменьшительности *-ик*: *любим-ец* — *любим-≠ч-ик*,ср.: *конец* — *кон≠ч-ик*.

Наличие субморфа в составе слова может влиять на словообразовательное «поведение» слова, а именно на сочетаемость основы, включающей данный субморф, с теми или иными аффиксами.

## § 20. ИНТЕРФИКСАЦИЯ

Другой вид явлений, происходящих на морфемном уровне, — **ин тер фи кса ция**. Она состоит в том, что между двумя морфемами вставляется асемантическая (незначимая) прокладка, устраниющая сочетания фонем, запрещенные законами морфонологии или не характерные для структуры русского слова. Такие прокладки могут появляться в слове также по аналогии. Межморфемные прокладки, играющие в структуре слова чисто соединительную функцию, называются **и н т е р ф и к с а м и**. Термин «интерфикс» принят в работах А. А. Реформатского, М. В. Панова и других ученых. Существуют и иные названия этого явления: пустые морфы, вставки, прокладки.

Для ограничения интерфиксов от значимых частей слова (морфов) здесь и далее заключаем их в круглые скобки:

убеж-ищ-е  
прибеж-ищ-е  
вмести-(л)-ищ-е

сахар-н-ый  
дорож-н-ый  
шоссе-(j)-н-ый  
кофе-(j)-н-ый

бор-е<sup>ц</sup>  
твор-е<sup>ц</sup>  
не-(в)-е<sup>ц</sup>

ленинград-ск-ий  
лондон-ск-ий  
ялт-(ин)-ск-ий  
орл-(ов)-ск-ий  
дели-(j)-ск-ий  
африк-(ан)-ск-ий

кип-уч-ий  
гор'-уч-ий  
не-(в)-уч-ий

ленинград-е<sup>ц</sup>  
лондон-е<sup>ц</sup>  
ялт-(ин)-е<sup>ц</sup>  
орл-(ов)-е<sup>ц</sup>  
дели-(j)-цы  
африк-(ан)-е<sup>ц</sup>

Интерфиксация не способ словообразования, стоящий в одном ряду с суффиксацией и префиксацией (о способах словообразования см. в гл. 5). Это — одно из морфонологических средств, используемых для соединения морфов в слове. Она по своей функции аналогична чередованию.

Возникает вопрос: почему, изучая словообразование с синхронной точки зрения, нельзя считать интерфиксы особым видом суффиксов, например «консонантизирующими» или «вокализирующими» суффиксами?

Интерфиксы (как и субморфы) не имеют з на ч е н и я в составе слова. Их функция чисто соединительная, строевая. Между тем и суффиксы, и приставки в составе слова значимы, имеют определенную семантическую нагрузку. Ставя интерфиксы в один ряд с суффиксальными или префиксальными морфемами, мы разрушаем определение морфемы как наименьшего з на ч и м о г о элемента в составе слова. Включение интерфиксов в число морфем привело бы к тому, что термином «морфема» стали бы называться явления функционально различные: семантические части слова и асемантические прокладки.

Незначимость интерфикса в семантике слова доказывается наличием тождественных по значению образований с интерфиксами и без них. Ср. производные с интерфиксом *-ов-* и без него: *завком-(ов)-ский* и *завком-ский*, *санпросвет-(ов)-ский* и *санпросвет-ский*, *исполком-(ов)-ский* и *исполком-ский*, *нэпман-(ов)-ский* и *нэпман-ский*.

Незначимость интерфикса, т. е. достаточность для выражения деривационного значения суффикса без интерфика, доказывается также наличием тождественных по значению образований с различными интерфиксами. Вот ряд примеров образований с разными интерфиксами: *Брю* — *брн-(ов)-ский*, *брн-(ен)-ский*; *Петушки* — *петушк-(ин)-ский*, *петушк-(ов)-ский*.

### Функции интерфиксов

В русском словообразовании интерфикссы обычно используются для соединения: 1) основы и суффикса; 2) двух основ в составе сложного слова. (Отметим, что интерфикссы используются и в словоизменении, см. гл. 4.) Рассмотрим наиболее типичные случаи употребления интерфиксов.

Использование интерфиксов на границе основы и суффикса — самый распространенный вид интерфиксации в русском словообразовании.

1. После основы, кончающейся гласной фонемой, перед суффиксом, начинающимся гласной, обычно употребляется интерфикс-согласный. Так как основы на гласные не характерны для строения русского слова, этот вид интерфиксации выступает преимущественно в образованиях от заимствованных основ и служит средством включения заимствованных слов в русское словообразование: *арго* — *арго-(т)-изм*, *арго-(т)-изация*, *арго-(т)-ический*; *кабаре* — *кабаре-(т)-ист*; *авиа-(н)-изация*, *чили-(н)-изм*, в названиях детенышей: *вола-би-(н')-онок*, *колибри-(н')-онок*.

Среди русских по происхождению основ исход на гласные встречается лишь у глагольных основ. Интерфикс *-л-* находим в словах *жи-(л)-ец*, *пои-(л)-ец*, *корми-(л)-ец*, *суди-(л)-ице*, *жи-(л)-ице* (ср.: *прибеж-ице*, *убеж-ице*). Интерфикс *-в-* употребляется в прилагательных с суффиксом *-уч(ий)*: *петь* — *пе-(в)-учий*, *жить* — *жи-(в)-учий* (ср.: *гор'-учий*, *кип'-учий*).

2. Интерфiksы-согласные появляются также обычно после основ на гласные, если суффикс начинается согласным. Здесь действует тенденция «избавиться» от основ на гласные, не типичные для структуры русского слова. В этом случае чаще всего выступают интерфiksы *-j-*, *-ш-*, *-в-*, *-н-*: *кофе-(й)-ный*, *шоссе-(й)-ный*; *кофе-(й)-ник*, *реле-(й)-щик*; *Сомали* — *сомали-(й)-ский*; *Дели* — *дели-(й)-цы*.

Интерфикс *-ш-* выступает в образованиях сниженной стилистической окраски. Это придает интерфиксу *-ш-* стилистическую значимость и сближает со «стилистическими суффиксами» (см. гл. 4): *кино* — *кино-(ш)-ный*, *кино-(ш)-ник*; *домино* — *домино-(ш)-ный*, *домино-(ш)-ник*; *МГУ* — *эмгэу-(ш)-ный*, *эмгэу-(ш)-ник*; *ГАИ* — *гаи-(ш)-ник*.

3. В производных с основами, оканчивающимися группой согласных, перед суффиксом, начинающимся согласным, обычно употребляются интерфiksы, начинающиеся гласным, чаще всего интерфiksы *-ов-*, *-ин-*: *Столб-цы* — *столбц-(ов)-ский*, *Ялта* — *ялт-(ин)-ский*, *Клязьма* — *клязъм-(ин)-ский*.

Использование интерфиксации для соединения двух (или более) основ в составе сложного слова — продуктивное явление. Фонема *<о>* — наиболее распространенная

ненный интерфикс в этой позиции: *вод-(о)-воз*, *дым-(о)-ход*, *мусор-(о)-провод*, *желт-(о)-зелёный*, *хлеб-(о)-булочный*; *син-(е)-зелёный*.

## О соотношении понятий «интерфикс» и «производный суффикс»

Во многих учебниках и исследованиях по словообразованию интерфисы как особый структурный элемент слова не выделяются. Вместо этого вычленяются многочисленные производные суффиксы, не отличающиеся по значению от соответствующих простых. Так, например, наряду с простым суффиксом *-н(ый)* выделяются производные суффиксы *-ин(ый)*, *-йн(ый)*; наряду с *-ник* — суффиксы *-иник*, *-йник*, *-овник*, *-очник*; наряду с *-ит* — суффиксы *-нит*, *-лит*, *-инит*; наряду с *-ец* — суффиксы *-вец*, *-овец*, *-нец*, *-лец*, *-инец*, *-анец*; наряду со *-ск(ий)* — суффиксы *-овск(ий)*, *-инск(ий)*, *-ansk(ий)*, *-иск(ий)* и т. д. В каждой группе производные суффиксы тождественны по значению простому. Правомерно ли в таком случае выделение производных суффиксов как особых значимых единиц? Нет, так как носителем значения является не весь отрезок после основы, а лишь тот элемент его, который присутствует во всех производных словах с данным деривационным значением, т. е. простой суффикс. Поэтому с функциональной точки зрения (только она и имеет значение при синхронном исследовании) в качестве суффикса выделяют ту минимальную часть слова, которая является носителем значения.

В ряде работ сочетания интерфикс + суффикс рассматриваются как алломорфы простого суффикса. Правомерно ли это? Термином «алломорф» принято называть тождественные по значению единицы, находящиеся в позиции дополнительного распределения (типа *-чик/-ицик*, *-ец/≠ц*, *рук-/руч-*, *ног-/нож-*, *лоб-/л≠б*, *от-/ото-*). Как было показано выше, в употреблении интерфиксов нет строго позиционного распределения. Здесь нередко действует аналогия или узус (обычай). Поэтому сочетания интерфикс + суффикс не должны рассматриваться в одном ряду с единицами, распределенными по законам морфологии, и называть их термином «алломорф» неправомерно. При изучении языка необходимо различать регулярные, морфонологически обусловленные явления и явления, в действие которых вмешивается узус, словарные закономерности.

## Чей «слуга» интерфикс?

Когда в качестве самостоятельных производных суффиксов или алломорфов простых суффиксов выделяют сегменты типа *-овск-*, *-иск-*, *-овн*, *-ин-*, *-овник*, *-иник* и подобные, создается впечатление, что в пределах этого комплекса (т. е. между суффиксом и интерфиксом) более тесная связь, чем между основой и интерфиксом. Незначимые отрезки (интерфисы) рассматриваются как части суффикса, т. е. как его своеобразные «слуги». Между тем если использовать метафорическое понятие «слуги», то интерфикс является скорее «слугой» основы, чем суффикса: один и тот же интерфикс обслуживает производные от одной и той же основы с разными аффиксами, т. е. «требует» использования интерфикаса именно основа, а не суффикс. Ср.: *петь — ne(в)ец*, *ne(в)ица*, *ne(в)учий*, *ne(в)ун*, *ne(в)унья*, *ne(в)чий*; *гну — гну(ч)иха*, *гну(ч)онок*, *гну(ч)инный*; *Америка — америк(ан)ец*, *америк(ан)ка*, *америк(ан)ский*, *америк(ан)ствовать*.

Следовательно, интерфикс придает основе такой вид, что она может включиться в словообразование в качестве производящей; одновременно с этим он способствует тому, чтобы придать единство строению различных производных от одной и той же основы. В тех случаях, когда интерфикс действует по требованию законов морфонологии, чаще всего основы с исходом на гласный присоединяют к себе интерфисы-согласные (глагольные основы + интерфикс *-л-* или *-в-*; основы несклоняемых заимствованных существительных + интерфисы *-j-*, *-ш-*, *-н-*, *-т-*, реже другие).

### § 21. УСЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩИХ ОСНОВ

Усечение производящей основы при аффиксальном словообразовании — один из видов взаимоприсоединения морфем, стоящий в одном ряду с чередованием фонем и интерфиксацией: в производной основе отсутствует конечная фонема (или группа фонем) производящей основы. Усечение основ при суффиксальном способе словообразования — одно из морфонологических средств. Его не следует путать с усечением (сокращением) основ как способом словообразования (см. гл. 5). Усечение противоположно интерфиксации. При интерфиксации происходит увеличение производной основы, а при усечении — ее сокращение. Усечению могут подвер-

гаться основы существительных, прилагательных и глаголов. Усекается конечная часть основы. Обычно усекается суффикс (или совпадающий с ним субморф) или конечный гласный корня. Цель усечений — избежать нарушения каких-либо законов морфологии, а именно: а) устранить скопление согласных на морфемном шве, т. е. облегчить суффиксу, начинающемуся согласным, присоединение к основе: *тряпка* — *тряп-j(o)*, *кокетка* — *кокет-ничать*; *дудка* — *дуд-еть*; б) устраниТЬ скопление гласных на морфемном шве, т. е. придать основе на гласный, имеющей не свойственное русскому языку строение, более «привычный» для словообразования вид: *либретто* — *либретт-ист*, *пальто* — *пальт-ишко*, *резюме* — *резюм-ировать*.

В производных от глагольных основ подвергаются усечению только глагольные суффиксы или тематические гласные. Усечение или неусечение суффикса есть обязательный признак словообразовательного типа. Например, всегда полностью включают производящую глагольную основу производные существительные с суффиксом *-тель*: *получать* —  *получа-тель*, *отправить* —  *отправи-тель*. В производных других типов, например существительных с суффиксом *-ун*, присутствует основа, равная корню: *бегать* — *бег-ун*, *прыгать* — *прыг-ун*. Таким образом, имеются суффиксы, вызывающие усечение, и суффиксы, не вызывающие усечения. В словообразовании же от основ существительных и прилагательных многие суффиксы действуют то как усекающие, то как неусекающие в зависимости от того, каков исход производящей основы.

## § 22. НАЛОЖЕНИЕ (ИЛИ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ) МОРФОВ

Особый вид явлений, происходящих на границе морфем, составляет **наложение** (или **интерференция**) морфов, т. е. совмещение конца одного и начала другого морфа.

Наложение морфов — особый вид гаплологии (т. е. исчезновения одного из двух тождественных слогов, непосредственно следующих друг за другом). Наложение морфов — словообразовательная гаплология, один из видов морфонологического взаимоприспособления морфов на границе морфем.

Целесообразность ввода специального термина для называния этого явления диктуется следующим. Гапло-

логию принято рассматривать как явление фонетическое. Наложение морфов — явление морфонологическое, осуществляющееся в определенных морфологических условиях — на морфемном шве. Кроме того, наложение морфов может касаться не только слов.

Рассмотрим слова *розоватый* и *лиловатый*. С помощью какого суффикса они образованы? Нет сомнения, что в этих прилагательных один и тот же суффикс *-оват-*, обозначающий слабую степень обнаружения признака, что и в словах *желтоватый*, *черноватый*, *красноватый* и др. Какова основа этих слов? Они соотносятся по форме и по значению с прилагательными *розовый* и *лиловый*, так как *розоватый* — ‘розовый в слабой степени’, *лиловатый* — ‘лиловый в слабой степени’. Однако если мы соединим основы производящих прилагательных с суффиксом *-оват-*, то получим вместо наших прилагательных: *розов-оватый*, *лилов-оватый*, т. е. слова с лишним слогом *-ов-*. Может быть, мы неверно выделили суффикс и следовало выделить *-ат-*? Но суффикс *-ат-* не имеет значения слабой степени признака. Попробуем иначе выделить основу. Однако в русском языке нет основы *лил-*, которая обозначала бы определенный цвет, основа *роз-* тоже нам не подходит, так как это основа существительного, а суффикс *-оват-* со значением слабой степени признака соединяется лишь с основами качественных прилагательных.

Вывод один: наше первоначальное выделение суффикса и основы правильно, но при словообразовании один из тождественных слогов *-ов-* утратился. Произошла интерференция соединяющих морфов, они не соприкоснулись, а один «наехал» на другой.

Наложение морфов происходит на стыке:

1) основы и суффикса, например: *лиловый + -оватый = лиловатый*, *коричневый + -оватый = коричневатый*, *розовый + -оватый = розоватый*, *Архангельск + -ский = архангельский*, *Свердловск + -ский = свердловский*, *Смоленск + -ский = смоленский* и т. п. Наложение морфов можно видеть также в производных от основ на гласные: *такси + -ист = таксист*, *наци + -изм = нацизм*, *денди + -истый = дендистый*, *регби + -ист = регбист*.

2) основы и интерфикс: «*Динамо* + -(ов)ский = *динамовский*», «*Динамо* + -(ов)ец = *динамоэц*, *городно* — *городновский*, *городновец*.

## § 23. РАЗНОВИДНОСТИ АЛЛОМОРФОВ

Мы говорили о том, что в одну морфему объединяются тождественные по значению морфы, различие между которыми объясняется их позицией в слове и, следовательно, они находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Рассмотрев явления морфемного шва, можно сделать вывод, что существуют две разновидности алломорфов. Одни различаются чередованием фонем [рук-/руч-, ног-/нож-, книг-/книж-, нос-/нос'-(ик), лев-/л' ≠ в(а)/л' ≠ в(ище), лоб/лоб'(ик)/л ≠ б(а)/л ≠ б'(ище), рот-/р ≠ т(а)/рот' (ик); -ок/-оч-/ ≠ к-, -ец/ ≠ ц/-еч-/ ≠ /ч-, -ик/-ич-], другие — усечением или отсутствием усечения конечного элемента [пальто/пальт'-(ишко), кенгуру/кенгур'-(онок), бочк(а)/боч-(онок), редк(ий)/ред'- (еть), крепк-(ий)/креп-(нуть), мокр-(ый)/мок-(нуть), утк-(а)/ут'-(онок) и т. п.].

## § 24. ИНТЕРФИКСЫ И СУБМОРФЫ

Как соотносятся понятия «субморф» и «интерфикс»? И те и другие являются незначимыми сегментами, выделяемыми из состава слова, но между этими единицами имеется существенная разница — функциональная и структурная:

1. Субморфы составляют часть морфа. При выделении субморфов из состава морфа остается незначимая часть. Ср. такие незначимые отрезки, как *чеп* (из *чепец*), *нем* (из *немец*), *боч* (из *бочка*), *ут* (из *утка*). Интерфиксы не являются частью ни корневого, ни суффиксального морфа — они занимают положение между морфами. При выделении из состава слова интерфикаса полноценность соседних морфов не нарушается.

2. Субморфы всегда по форме совпадают с морфами, тогда как интерфиксы могут и совпадать, и не совпадать с морфами.

3. Интерфиксы вычленяются из слова при членении на формальном и семантическом уровне. Ср.: *Америка* — *америк-*(ан)-ск-ий, *кино* — *кино-*(ш)-ник, *кофе* — *кофе-*(й)-ник, *шоссе* — *шоссе-*(й)-н-(ый). Субморфы вычленяются из слова при членении слова на формальном уровне, ср.: *кон/ец*, *чеп/ец*, *боч/ка*, *ут/ка*. Их выделение важно для изучения морфонологии.

Итак, помимо морфем, слова могут включать ущербные морфемы — **к в а з и м о р ф е м ы** (радиксоиды, унификсы), а также межморфемные прокладки — интерфиксы. В этом можно видеть известный параллелизм между формальным и семантическим строением слова. Подобно тому как смысл слова не всегда складывается полностью из смысла морфем, но может содержать так называемые смысловые приращения, так и форма слова не всегда складывается только из морфем, а может содержать какие-то единицы, имеющие другой лингвистический статус.

Сравнивая интерфиксы и смысловые приращения, характеризующие фразеологичные по семантике производные слова, можно увидеть между ними еще одно сходство. Исследование языка можно проводить с точки зрения анализа языковых единиц и с точки зрения их синтеза. Понятие интерфикаса особенно полезно использовать при анализе производного слова, так как оно избавляет от описания многочисленных производных суффиксов. В грамматику не следует вводить многочисленные составные сегменты типа **-овск-, -иск-, -анск-, -йск-, -ическ-, -ческ-**; **-шник, -овник, -очник; -лец, -овец, -анец, -инец, -вец** и др. Достаточно выявить суффиксы **-ск-, -ник, -ец** и основу, чтобы понять значение слова. Прокладки **-ов-, -ин-, -ан-, -ш-, -ј-** и др. незначимы<sup>1</sup>. Зная, что они выполняют лишь соединительную функцию, их следует трактовать как особые строевые элементы языка. Аналогичным образом, как это показала О. П. Ермакова, изучать фразеологичность семантики производного слова «легче» с точки зрения анализа языковых единиц, тогда как синтез производных слов, включающих семантические приращения,— проблема очень сложная<sup>2</sup>, вряд ли могущая найти разрешение.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.*

<sup>1</sup> Был проведен эксперимент, доказывающий, что выделение интерфиксов облегчает усвоение русского языка нерусским. См.: Панов М. В. Разные суффиксы или один? // *Русский язык и родные языки в школах народов СССР*. М., 1979. С. 48—65.

<sup>2</sup> См. об этом: Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

*Земская Е. А.* О понятии «позиция» в словообразовании // *Развитие современного русского литературного языка. 1972: Словообразование. Членимость слова*. М., 1975. С. 14—25.

*Земская Е. А.* К проблеме множественности морфонологических интерпретаций // Там же. С. 69—88.

*Маслов Ю. С.* О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема» // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1961. Т. 301. Вып. 60.

*Панов М. В.* О грамматической форме // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1959. Т. 73. Вып. 6.

*Панов М. В.* Изучение состава слова в начальной школе. Махачкала, 1979.

## Глава 4

### СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП

Словообразовательный тип — это схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы<sup>1</sup>, 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) формально-го соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т. е. для аффиксальных способов тождественностью аффикса<sup>2</sup>.

Словообразовательный тип — основная ячейка словообразовательной системы языка, так как именно в его пределах по аналогии со словами того или иного типа и происходит преимущественно образование новых слов. Мы пишем «преимущественно» потому, что какое-то количество слов (ничтожное по сравнению с общей массой) образуется вне словообразовательных типов — по образцу отдельных слов, с нарушениями законов типового словообразования.

Чтобы установить, к какому словообразовательному типу относится то или иное слово, необходимо убедиться

<sup>1</sup> Этот признак не является строго обязательным. Дело в том, что имеется значительное число производных слов, характеризуемых общностью двух других признаков, но производимых от основ разных частей речи. Ср. производные от основ глаголов (*баловство, воровство, хвастовство*), от основ существительных (*шутовство, жениховство, фатовство, вдовство, пижонство*) и от осюов прилагательных (*лукавство*).

<sup>2</sup> Близкое определение словообразовательного типа принято в работах: Dokulil M. *Tvoření slov v češtině*. Т. I. С. 202; *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.*: В 5 т. М., 1964. Т. 1: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. С. 279; *Русская грамматика*. М., 1980.

в том, что данное слово является производным, а для этого нужно соотнести анализируемое слово с производящим. Следующим этапом анализа является установление трех признаков словообразовательного типа, о которых говорилось выше. Определение всех этих показателей словообразовательного типа возможно только при соотнесении подвергнутой первоначальному анализу пары слов с другими словами, обладающими теми же признаками. Естественно, что легче всего подобрать слова с аффиксом, имеющим одну и ту же форму, и произведенные одним и тем же способом словообразования. Рассматривая их, можно установить, обладают ли они общностью семантического соотношения производящего и производного. При отрицательном ответе следует сделать вывод, что производные относятся к разным словообразовательным типам.

Так, не относятся к одному словообразовательному типу существительные, произведенные от основ имен существительных суффиксальным способом с помощью суффикса *-ин(a)* (т. е. обладающие общностью двух элементов): *баранина, севрюжина, конина, котлетина, домина, горошина, изюмина, соломина*. Объясняется это тем, что приведенные существительные характеризуются разными семантическими соотношениями между производными и производящими. Среди этих существительных выделяются три группы слов, каждая из которых характеризуется одинаковыми семантическими соотношениями производящих и производных:  
1) *баран*: *баранина = севрюга = конь: конина*, т. е. ‘название животного’: ‘название мяса этого животного’, производное обозначает ‘мясо того животного, которое названо производящей основой’; 2) *котлета*: *котлетина = дом: домина*, ‘название предмета’: ‘название того же предмета большой величины’, производное имеет значение увеличительности; 3) *горох*: *горошина = изюм: изюмина = солома: соломина*, т. е. ‘совокупность вещества (или предметов)’: ‘один предмет из этой совокупности’; иными словами, производное имеет значение единичности — ‘один предмет из совокупности, названной производящей основой’.

### Словообразовательное значение

Установив семантические соотношения между производящими и производными, мы тем самым определяем

словообразовательное значение данного типа. Таким образом, словообразовательное (деривационное) значение является общим для производных данного типа и устанавливается на основании семантического соотнесения производящих и производных. Выявляя словообразовательное значение типа, следует отвлечься от конкретного лексического значения определенного слова и стремиться установить то общее, что свойственно ряду слов и что отражено в их структуре, т. е. связано с семантикой производящей базы и форманта. Ведь задачей словообразования является не изучение семантики каждого отдельного слова, а изучение семантики слова в связи с его строением. Именно поэтому словообразование изучает целые серии (ряды) одинаковым образом построенных слов. В семантике слова для словообразования важна не его конкретная лексическая индивидуальность, а то общее, что отражено в его строении. Это и есть словообразовательное значение.

Словообразовательное значение производных слов разных типов обладает разной степенью конкретности. Наряду с такими конкретными значениями, как 'детеныш животного, названного производящей основой', существуют такие отвлеченные значения, как 'относящийся к тому, что названо производящей основой'. Именно так формулируется деривационное значение прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*, производимых от основ существительных: *лесной*, *автомобильный*, *дорожный*; *асфальтовый*, *бензиновый*, *парковый*.

Словообразовательные значения неоднородны — то, что было сказано о словообразовательных значениях, относится к словообразовательным значениям простых слов. Сложные слова, сращения, аббревиатуры (т. е. все производные, наделенные производящей базой, включающей несколько основ) имеют словообразовательные значения иной природы. Такое деривационное значение называют *сintагматическим*<sup>1</sup>. Оно сводится к идеи соединения составляющих производное простых основ. В тех случаях, когда словосложение соединяется с аффиксацией, синтагматическое деривационное значение осложняется значением, вносимым аффиксом, например значением отвлеченного действия.

<sup>1</sup> См.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. С. 54—55.

(в словах типа *лесосплав-ø*, *сенокос-ø*, *ледоход-ø*), значением производителя действия (в словах типа *скоростной*, *стеклодув-ø*, *мореход-ø*, *канатоход-ец*, *орденонос-ец*).

## § 25. ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

В зависимости от характера деривационного значения различают две сферы деривации:

1) лексическое значение производных тождественно значению производящих, но производные отличаются от производящих принадлежностью к иной части речи (и, следовательно, синтаксической функцией);

2) лексическое значение производных не тождественно значению производящих.

Явления первого рода польский лингвист Е. Курилович предложил называть синтаксической деривацией, явления второго рода — лексической деривацией<sup>1</sup>, а соответствующие производные — синтаксическими и лексическими дериватами.

К области синтаксической деривации относятся такие словообразовательные типы, как:

отлагольные существительные со значением отвлеченного действия: *перешивание*, *переклеивание*, *развеска*, *ходьба*, *мольба*, *переход*, *отлет*;

отадъективные существительные со значением отвлеченного признака: *веселость*, *звонкость*, *синь*, *глушь*, *доброта*, *чернота*, *голубизна*, *белизна*, *синева*;

отсубстантивные прилагательные, обозначающие общее, неконкретизированное в производном отношении к тому, что названо производящей основой: *цементный*, *лесной*, *автомобильный*, *вкусовой*, *грязевой*, *банановый*, *абрикосовый*.

Что отличает названные словообразовательные типы от явлений лексической деривации? Перечисленные производные тождественны по лексической семантике производящим. Они выражают то же значение, что и производящие, но средствами иной части речи, и, следовательно, имеют иные синтаксические функции. При этом у них, конечно, различны общекатегориальные зна-

<sup>1</sup> См.: Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57—70. В последнее время термины «лексическая деривация» и «синтаксическая деривация» используют и в другом значении; см.: Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.

чения, определяемые их принадлежностью к разным частям речи. Так, прилагательное *лесной* имеет то же лексическое значение, что и существительное *лес*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака ('относящийся к лесу').

Присмотримся внимательнее к семантике существительных — синтаксических дериватов.

Что значит *желтизна* сравнительно с *желтым* или *храбрость* по сравнению с *храбрым*? Лексическое значение однокоренных слов тождественно: существительное обозначает без всякой семантической добавки определенный признак, выражаемый прилагательным. Совсем в иных семантических соотношениях находятся слова *желтый* и *желток*, *желтяк* или *храбрый* и *храбрец*. Существительные называют какие-то предметы, наделенные признаком, обозначаемым производящим прилагательным. Для словообразования неважно, что эти существительные называют определенные предметы, характеризуемые признаком, обозначенным производящей основой (*желток* — 'часть яйца', *желтяк* — 'желтый огурец', *храбрец* — 'храбрый человек'); для словообразования важно лишь то, что эти существительные обозначают 'нечто, наделенное признаком', 'предмет — носитель признака', а не 'признак в отвлечении от его носителя', как слова *желтизна*, *храбрость* и им подобные. Именно значение 'носитель признака' и есть тот существенный для словообразования семантический компонент, который отличает слова типа *желток*, *храбрец* от производящих прилагательных *жёлтый*, *храбрый*, с одной стороны, и ограничивает их от синтаксических дериватов (слов типа *желтизна*, *храбрость*) — с другой.

Какова семантика прилагательных — синтаксических дериватов — типа *лесной*, *грязевой*, *цементный*?

В современном русском языке среди отсубстантивных прилагательных имеется большая группа образований, резко отличающихся по значению от всех других типов прилагательных. Ее составляют в основном прилагательные с суффиксами *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, имеющими самые широкие связи с производящими основами. Значение таких прилагательных является в собственном смысле относительным. Они обозначают отношение к тому, что названо производящей основой; причем отношение, не конкретизированное в прилагательном, в принципе — любое.

Характер отношения, выражаемого прилагательным, получает конкретизацию лишь в контексте (в сочетании с существительными или в более широком контексте). Само прилагательное обозначает общее, широкое, недифференцированное отношение к предмету, названному производящей основой. Прилагательные типа *лесной*, *грязевой* — есть перевод (транспозиция) значения предмета (субстанции) в значение признака ('относящийся к ...').

Для того, чтобы более наглядно показать специфику значения прилагательных — синтаксических дериватов, сравним их с однокоренными прилагательными — лексическими дериватами.

Важным свидетельством принципиального семантического различия между прилагательными — синтаксическими дериватами и однокоренными лексическими дериватами является тот факт, что наряду почти с каждым производным прилагательным первой группы имеется прилагательное второй группы, ср.: *лесной* ('относящийся к лесу') и *лесистый* ('обильно покрытый лесом'), *глазной* ('относящийся к глазу') и *глазастый* ('с большими глазами'), *грязевой* ('относящийся к грязи') и *грязный* ('покрытый грязью').

Еще ярче семантические особенности рассматриваемых прилагательных обнаруживаются при сравнении сочетаний, включающих однокорневые лексические дериваты: *грязная дорога (тряпка)*, *грязное лицо (пальто, окно)*, *грязный стол* и *грязевое лечение*, *грязевые очки*, *грязевая лечебница (буря)*, *грязевой осадок*<sup>1</sup>.

Во всех сочетаниях с прилагательным *грязный* реализуется значение 'покрытый грязью', 'загрязненный'. Именно поэтому это значение и можно считать лексическим значением данного слова. В сочетаниях же с прилагательным *грязевой* и другими синтаксическими дериватами выражаются разные виды отношения к тому, что названо производящей основой. Вот почему значение таких прилагательных есть выражение отношения к предмету, обозначенному производящей основой, и только. А какой вид отношения будет назван, станет известно лишь из сочетания прилагательного с существительным или из более широкого контекста.

<sup>1</sup> О различиях в семантике между однокоренными прилагательными с суффиксами *-н-* и *-ов-* см.: Земская Е. А. О некоторых фактурах развития словаобразовательной системы современного русского языка // Проблемы современной филологии. М., 1965.

Расшифруем приведенные ранее сочетания: *грязевое лечение* — ‘лечение с помощью грязи’, *грязевые очки* — ‘очки от грязи’, *грязевой осадок* — ‘осадок, состоящий из грязи’.

В отличие от синтаксических дериватов лексические обозначают и вне контекста признак вполне определенный, независимый от того, какой предмет они характеризуют. Выражаемое ими отношение к предмету, обозначеному производящей основой, бывает конкретизировано в самом слове и часто содержит какую-то семантическую «добавку» к значению отношения: *носастый* — ‘с большим носом’, *лесистый* — ‘характеризуемый обилием леса’.

Итак, производные, относимые к области синтаксической деривации, объединяются специфичностью семантики. Они имеют то же лексическое значение, что и производящие, но выраженное словом иной части речи, сп.: *белый снег* и *белизна снега*, *смелый поступок* и *смелость поступка* (выражение признака в виде субстанции), *читать газету* и *читка газеты*, *развешивать бельё* и *развешивание белья* (выражение процесса в виде субстанции), *лечить грязью* и *грязевое лечение*, *ручка двери* и *дверная ручка* (выражение субстанции в виде признака).

Деление словообразовательных типов на область синтаксической и лексической деривации есть основное, принципиальное деление всей системы словообразования. Характер семантики синтаксических дериватов определяет специфику их поведения при словообразовании. Так как их семантика тождественна семантике слов, послуживших для них производящими, сами они могут быть лишь формально производящими, а семантику производное слово заимствует от начального члена словообразовательной цепи<sup>1</sup>. Так, наречие *по-дачному* семантически связано с существительным *дача* (‘как на даче’), а формально использует синтаксический дериват — прилагательное *дачный*: *дача* — *дачный* — *по-дачн-ому*; наречие *по-цирковому* семантически связано с существительным *цирк* (‘как в цирке’), а формально — с прилагательным *цирковой*: *цирк* — *цирк-овой* — *по-цирков-ому*.

<sup>1</sup> Эта важная закономерность установлена О. П. Ермаковой (см.: Ермакова О. П. Расхождение формальной и семантической производности // Актуальные проблемы русского словообразования, 2. Ташкент, 1976. С. 19—33).

## § 26. КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ<sup>1</sup>

По разным основаниям словообразовательные типы делятся на ряд групп. В зависимости от того, относится ли производное слово к той же части речи, что и производящее, или переходит в иную часть речи, различают транспозиционные и нетранспозиционные словообразовательные типы<sup>2</sup>. Вся сфера синтаксической деривации относится к транспозиционным типам, так как сущность синтаксической деривации и состоит в переводе производного в иную часть речи по сравнению с производящим. Поэтому деление на транспозиционные и нетранспозиционные существенно лишь для сферы лексической деривации, так как в ней есть типы и транспозиционные, и нетранспозиционные. К нетранспозиционным принадлежат все типы, относящиеся к префиксальному способу словообразования, а также часть суффиксально-префиксальных и суффиксальных типов.

М. Докулил, кроме транспозиционных, выделяет еще две группы словообразовательных типов — модификационные и мутационные (или немодификационные)<sup>3</sup>. Модификационными называются такие типы производные которых обозначают лишь какое-то видоизменение (модификацию) значения производящего слова. К ним относятся типы существительных, прилагательных и наречий с суффиксами субъективной оценки (*чёрный — чёрненький, черноватый; стол — столиц*, *столище; быстро — быстренько*), типы существительных со значением единичности и собирательности (*горох — горошина; учитель — учительство; пионер — пионерия*), типы существительных со значением ‘невзрослое существо’ (*слон — слонёнок, лиса — лисёнок*), типы глаголов, выражающих количественно-временные модификации действия (*молчать — помолчать, греметь — отгреметь, говорить — заговорить и т. п.*).

<sup>1</sup> Мы не рассматриваем здесь типы, по которым производятся сложные слова, т. е. слова, наделенные синтагматическим деривационным значением.

<sup>2</sup> Под транспозицией понимается перевод слова из одной части речи в другую.

<sup>3</sup> См.: Dokulil M. *Tvoření slov v češtině*. T. I. В книге не только описывается словообразовательная система чешского языка, но и рассматриваются основные проблемы общей теории словообразования. Это одна из самых значительных работ по словообразованию в общем и славянском языкознании.

Мутационные (от лат. *mutatio* — изменение) словообразовательные типы включают производные, которые обозначают не модификацию значения производящего, а нечто иное: *лес* — *лесник*, *школа* — *школьник*, *комбайн* — *комбайнёр*, *сахар* — *сахарница*, *горб* — *горбун*, *пожар* — *пожарник*, *раздевать* — *раздевалка*, *колоть* — *колун* и т. п. Значения производных немодификационных словообразовательных типов очень разнообразны.

Производные модификационных словообразовательных типов всегда принадлежат той же части речи, что и их производящие: *синий* — *синенький*, *синеватый*; *тигр* — *тигрёнок*; *студент* — *студенчество*.

Мутационные словообразовательные типы могут относиться и к той части речи, что производящее (*чай* — *чай-ник*, *молоко* — *молоч-ник*, *аптека* — *аптек-арь*), и к иной (*писать* — *писатель*, *читать* — *читальня*, *сухой* — *сухарь*, *сушить*).

Фразеологичность семантики производного слова, по-разному обнаруживается в производных разных словообразовательных типов. Она свойственна лишь тем производным, которые относятся к мутационным типам. Производным модификационных типов, а также тем транспозиционным, которые являются синтаксическими дериватами, фразеологичность семантики не свойственна. Не следует думать, однако, что класс слов, наделенных фразеологичностью семантики, невелик. Он составляет основную и типическую часть производных слов, ибо производные, относящиеся к сфере синтаксической деривации и к модификационным типам, представляют собой менее значительную сферу словообразования. Подчеркнем, что рассматриваемая особенность касается лексической семантики производных слов. Те семантические добавки, о которых шла речь, не влияют на словообразовательное значение слова. Так, все слова с суффиксом *-тель*, мотивированные глаголами (типа *учитель*, *писатель*, *мечтатель*, *водитель*, *получатель*, *отражатель*), образуют один словообразовательный тип со значением ‘производитель действия, названного производящей основой’. Словообразовательное значение слова устанавливается независимо от того, свойственна ли производному слову фразеологичность семантики или нет.

## § 27. ПОНЯТИЕ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В лингвистической литературе часто используют недифференцированно, как синонимы, термины «словообразовательный тип» и «модель». В них обычно вкладывают то содержание, которое мы придаём термину «тип». Термин «модель» целесообразно использовать для обозначения морфонологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа. Слова одного и того же типа могут производиться с разными морфонологическими особенностями (по разным морфонологическим моделям): 1) с чередованием фонем на границе морфов и без него (ср.: *таганрож-ский* — *танагрог-ский*, *риж-ский*, *лейпциг-ский*); 2) с помощью интерфиксов и без них (ср.: *ленинград-ский* и *орл-(ов)-ский*; *ялт-(ин)-ский*); 3) с усечением основы и без него (ср.: *Манилов* — *манилов-щина* и *прямолинейн(ый)* — *прямолиней-щина*; *самбо* — *самб-ист* и *каноэ* — *каноэ-ист*); 4) с наложением морфов и без него (ср.: *ливовий* — *ливоватый* и *красный* — *красноватый*).

Таким образом, в одном словообразовательном типе могут объединяться слова, произведенные по разным моделям. Для одних словообразовательных типов такое объединение характерно, другим оно не свойственно.

## § 28. ВИДЫ ОТНОШЕНИЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

После ознакомления с многообразием словообразовательных типов рассмотрим, какие виды отношений могут быть между производной основой и производящей базой.

Для того, чтобы узнать, какая из двух основ является производной по отношению к другой, следует найти показатели отношения производности. Такими показателями обычно являются большая сложность (формальная и/или — смысловая) производной по отношению к производящей. Большая смысловая сложность производной состоит в том, что она содержит дополнительный семантический компонент по сравнению с производящей, а большая формальная сложность в том, что она включает помимо производящей основы какой-либо формальный показатель, чаще всего — деривационный аффикс (при этом учитываются и нулевые аффиксы).

1. Самый распространенный и хорошо изученный вид отношений производности таков: производная основа и семантически, и формально сложнее производящей, т. е. она по смыслу выводится из производящей, а по форме является более сложной, так как содержит производящую основу + аффикс: *салат* — *салат-ница(а)* — ‘вместилище для салата’, *получать* — *получатель* — ‘лицо, которое получает’, *волк* — *волчонок* — ‘детеныш волка’.

2. Производная основа по форме сложнее, чем производящая, а по смыслу они имеют равную сложность. Этот вид отношений имеет два подвида:

а) производящее и производное относятся к разным частям речи: *не(ть)* — *не-ние* — ‘действие по глаголу *неть*'; *вежлив(ый)* — *вежлив-ость* — ‘отвлеченный признак по прилагательному *вежливый*’;

б) производное и производящее относятся к одной части речи. В таких случаях слово более сложное по форме может отличаться стилистической окраской. Довольно многочисленны случаи, когда слово, более сложное по форме, наделено стилистической окраской сниженностя, разговорности, ср.: *стен(а)* — *стен-к(а)*, *книг(а)* — *книж-к(а)*, *свеч(а)* — *свеч-к(а)*, *табурет* — *табурет-к(а)*. Слова с суффиксом *-к-* не отличаются по семантике от слов непроизводных, они не имеют уменьшительного значения: *Принеси табуретку из кухни; Зажги свечку; Не дашь мне эту книжку на неделю?* Их отличие — стилистическое<sup>1</sup>. В немногочисленных случаях в качестве «стилистических морфем» выступают приставки, ср.: *забыть* — *позабыть*, *умереть* — *помереть* (с заменительной префиксацией).

Редки случаи, когда слово, более сложное по форме, отличается стилистической окраской книжности, ср.: *кобыл(а)* и *кобыл-иц(а)* (книжн.). Например, у Пушкина: *Кобылица молодая,/честь кавказского тавра...* Ср. также: *лис(а)* — *лис-ица(а)*.

Этот подвид отношений производности представлен немногочисленными фактами.

3. Производная и производящая основы имеют равную сложность по форме, а по смыслу производная мотивируется производящей и является более сложной:

<sup>1</sup> Ср.: Шелякин М. А. Историко-семантическая структура образований с приставкой *пре-* // Лингвистический сборник. Новосибирск, 1963; Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. С. 147.

*иллюстр-ирова(ть) — иллюстр-атор* — ‘лицо, которое иллюстрирует’.

Таким образом, в трех перечисленных случаях производную основу отличает от производящей то, что она является хотя бы в одном отношении (формальном или смысловом) более сложной, чем производящая.

4. Отношения производности могут связывать слова, которые имеют равную формальную и смысловую сложность. Тогда показателем направления производности являются отношения, типические для системы языка. Существует два подвида таких отношений производности:

а) если основы относятся к разным частям речи (*агит-ировать — агит-ация*), будем называть производной ту, которая выражает значение, категориально свойственное не той части речи, к которой относится данное слово. Так, категории глагола в системе языка свойственно обозначать действия (процессы), категории прилагательных — признаки, категории существительных — предметность. Именно поэтому, сопоставляя однокоренные глагол и существительное, обозначающие соответственно «действие» — «отвлечённое действие» (если они имеют равную формальную сложность), можно заключить, что производными являются вторые члены каждой пары. Таковы отношения между парами *агит-ирова(ть) — агит-ациј(a)*, *трансл-ирова(ть) — трансл'-ациј(a)* и т. п.<sup>1</sup>;

б) если основы относятся к одной и той же части речи (*комсомол-ец — комсомол-ка*, *эстон-ец — эстон-ка*), будем называть производной ту, которая имеет деривационное значение, постоянно выражаемое в данном языке с помощью производных основ<sup>2</sup>. Так, в русском языке имена существительные, обозначающие лиц женского пола, как правило, образуются от однокоренных существительных, называющих лиц мужского пола, ср.: *пионер — пионер-ка*, *артист — артист-ка*, *швед — швед-ка*, *узбек — узбеч-ка*. В соответствии со всей си-

<sup>1</sup> Если же в парах глагол — существительное (со значением отвлечённого действия), прилагательное — существительное (со значением отвлечённого признака) глагол или прилагательное по форме более сложные, то они являются производными: *ремонт — ремонт-ирова(ть)*, *мужество — мужеств-енн(ый)*.

<sup>2</sup> Этот вопрос рассмотрен подробно в статье: Земская Е. А. О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица // Русский язык в национальной школе. 1970. № 5.

стемой русского словообразования и в парах типа *комсомолец* — *комсомолка* будем считать слово женского рода производным от соотносительного имени лица мужского рода, а не от существительного *комсомол*, потому что в русском языке именам лиц женского пола не свойственно образование непосредственно от существительных неодушевленных.

5. Если из двух однокоренных основ одна стилистически нейтральна, а другая стилистически окрашена, производной основой является последняя<sup>1</sup>. Этот вид отношений касается только однокоренных слов, тождественных по значению. При этом между ними возможны разные виды формальных отношений:

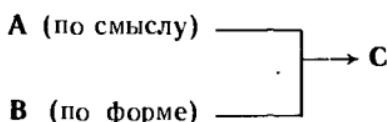
а) производная сложнее по форме, ср. *стена* — *стенка*;

б) обе основы имеют равную формальную сложность, т. е. равное число морфов, ср. существительные полные и усеченные: *преферанс* — *преф*, *трамвай* — *трам*, *магнитофон* — *маг*;

в) производящая основа сложнее (!) по форме. Следовательно, стилистическая окрашенность производного оказывается признаком более сильным (весомым), чем формальная простота основы: *афер-ист* — *афер*, *корабель-щик* — *корабел*.

## § 29. РАСХОЖДЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ФОРМАЛЬНОЙ И СМЫСЛОВОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

Кроме названных выше пяти видов отношений между производной и производящей основами, имеются случаи расхождения отношений формальной и смысловой производности, когда следует говорить об основе, производящей по форме (**B**), и основе, производящей по смыслу (**A**) (шестой вид отношений)<sup>2</sup>:



<sup>1</sup> Это явление рассмотрено в кн.: *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка*. С. 283.

<sup>2</sup> О разных случаях этого вида отношений производности см. в статье: Земская Е. А. Заметки по современному русскому словообразованию // Вопр. языкоznания. 1965. № 3.

Иными словами, по форме основа **С** равна основе **В**, осложненной каким-либо деривационным аффиксом, а по смыслу она мотивирована не основой **В**, а основой **А**.

Расхождения отношений производности наблюдаются регулярно тогда, когда в качестве формально производящего используется как готовый строительный материал синтаксический дериват (см. 4, 26). В таких случаях семантически производящим является исходный член ряда однокоренных слов (**А**), от которого и образован синтаксический дериват (**В**):

$$A \rightarrow B \rightarrow C$$

Нередко в таких случаях формально производящим является отсубстантивное прилагательное. Например, префиксально-суффиксальные наречия, содержащие приставку *по-* и суффикс *-ому*, формально соотносятся с отсубстантивными именами прилагательными — синтаксическими дериватами, а семантически — с однокоренными существительными. Наречия типа *по-северному*, *по-курортному* произведены формально от основ прилагательных: *северн(ый)* — *по-северн-ому*, *курортн(ый)* — *по-курортн-ому*. Семантически же такие наречия соотносятся с однокоренными именами существительными: *по-северному* — ‘как на севере’, *по-курортному* — ‘как на курорте’. Ср. наречия с суффиксом *-о*, по форме производимые от основ отсубстантивных прилагательных, а семантически соотносимые не с прилагательными, а с однокоренными существительными: *метеорн(ый)* — *метеорн-о* — ‘как метеор’, *крапивн(ый)* — *крапивн-о* — ‘как крапива, подобно крапиве’.

## § 30. ОТНОШЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

Производная основа может находиться в отношениях производности не с одной, а с двумя (реже — более) производящими основами. Такие отношения называют отношениями множественной производности.

Множественность производности характерна для словообразования разных частей речи. Например, наречия с приставками *пре-*, *сверх-*, *архи-* (*премило*, *превесело*; *сверхчисто*, *сверхбыстро*; *архимодно*) могут быть образованы и от префиксальных прилагательных с помощью суффикса *-о* (*премилый* — *премил-о*, *превесёлый* — *превесел-о*, *сверхчистый* — *сверхчист-о*, *архимодный* — *архимодн-о*), и от наречий с помощью при-

ставок (*мило — пре-мило, весело — пре-весело, чисто — сверх-чисто, модно — архи-модно*), прилагательные с приставками предложного происхождения (*до-, пред-, без- и т. п.*) могут производиться и на основе сочетаний существительных с предлогом (*до войны — до-воен-ный, перед праздником — пред-празднич-ный, без классов — бес-класс-ов-ый*) и с помощью приставок от прилагательных; ср.: *военные — до-военные (годы); праздничный — пред-праздничный (день); классовое — бес-классовое (общество)*.

О множественной мотивации допустимо говорить лишь в тех случаях, когда производное в одном и том же значении может быть соотнесено и по форме, и по смыслу с разными производящими. При этом между производным и разными производящими должны быть минимальные отличия. К таким случаям относятся, например, существительные типа *перезащита* (ср.: *защита — перезащита; перезащищать — перезащита*), *перерегистрация* [1] от *регистрация*, 2) от *перерегистрировать*]. Примеры явлений множественной мотивации см. 7, 48.

### § 31. ВИДЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРОИЗВОДНОЙ И ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВАМИ

Словообразовательное значение устанавливается на основании семантического соотношения между производными и производящими. Если поставить вопрос, какие в общем виде семантические отношения возможны между производящей базой и производным словом, обнаружим, что можно различать четыре вида таких отношений<sup>1</sup>:

1) отношения транспозиции. Значение производящего переводится из одной части речи в другую; при этом производное получает новое категориально-грамматическое значение, но сохраняет то же лексическое значение: *свежий — свежесть, переписывать — переписывание*;

2) отношения модификации. Значение производного целиком базируется на значении производящего, оно лишь осложнено некоторой семантической добавкой: *мяч — мячик, деревня — деревенька, делать —*

<sup>1</sup> См. об этом в кн.: *Пастушенков Г. А. Структура слова (единицы структурно-семантического плана)*. Калинин, 1977. С. 73—74.

*доделать, переделать.* Этот вид отношений характерен для модификационных типов;

3) отношения эквивалентности. Лексическое значение производного эквивалентно значению производящего слова или словосочетания. Этот вид отношений характерен для таких способов словообразования, как аббревиация (*МГУ — Московский государственный университет, ООН — Организация Объединенных Наций, райком — районный комитет*) и усечение (*заместитель — зам, специалист — спец, магнитофон — маг, заведующий — зав*). Семантически эквивалентные производные, как правило, отличаются от производящих стилистической окраской разговорности (усечения) или книжности (аббревиатуры) (см. подробнее 5, 33).

Отношения эквивалентности обнаруживаются также в способе словообразования, который принято называть универбацией (или семантической конденсацией): словосочетание при помощи суффиксации «свертывается» в слово: *зачётная книжка — зачётка, попутная машина — попутка, «Вечерняя Москва» — Вечёрка, Историческая библиотека — Историчка, манная крупа — манка*. Этот способ, так же как и усечение, действует преимущественно в разговорной речи.

Особый подвид отношений семантической эквивалентности образуют суффиксальные производные, отличающиеся от производящих стилистической окраской: *свечка, стенка, книжка, позабыть, кобылица*. В таких случаях аффикс играет роль лишь стилистического средства;

4) отношения мотивации (в узком смысле слова<sup>1</sup>). Значение производного выводится тем или иным образом из значения производящего слова или словосочетания (если речь идет о сложном слове). Этот вид отношений самый распространенный и самый «лексически капризный». Он охватывает мутационные (немодификационные) словообразовательные типы. Значение производного может быть связано со значением производящего по-разному. Ср. такие слова, как *подснежник, горячка (болезнь), чернушка (гриб), антикарь, бумажник*.

<sup>1</sup> Мы делаем это уточнение, так как все рассмотренные виды отношений могут быть названы отношениями мотивации в широком смысле слова.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М., 1986.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. T. 1: Teorie odvozování slov. С. 191—219. (Резюме на рус. яз.)

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: К теории части речи // Очерки по лингвистике. М., 1962.

Ермакова О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Актуальные проблемы русского словообразования, 1. Ташкент, 1975. С. 57—63.

Земская Е. А. Заметки по современному русскому словообразованию // Вопр. языкоznания. 1965. № 3.

Русская грамматика. Praha, 1979, § 716—878.

Улуханов И. С. О принципах описания значений словообразовательно мотивированных слов // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. 1970. № 1.

## Глава 5

### СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ<sup>1</sup>

Понятие способ словообразования в синхронном и в диахроническом словообразовании имеет разное содержание. В диахроническом словообразовании это понятие служит для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств), каким путем образовано производное слово; в синхронном словообразовании оно используется для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова (о понятии «деривационное значение» см. в гл. 4).

Способы словообразования устанавливаются в зависимости от того, какие средства используются для выражения деривационного значения производного слова, поэтому следует различать две основные группы способов словообразования: аффиксальные и неаффиксальные.

В аффиксальных способах словообразования<sup>2</sup> основным средством выражения деривационного значения производного слова является аффикс (один или в

<sup>1</sup> Способы синхронного словообразования современного русского языка подробно описаны в кн.: Виноградов В. В. Русский язык; Русская грамматика. М., 1980.

<sup>2</sup> Иногда эти способы словообразования называют морфологическими. Этот термин не передает точно содержания обозначаемого понятия и приводит к ненужным ассоциациям со словом морфология.

сочетании с другими средствами, в первую очередь с парадигмой словоизменения производного слова). Естественно, что при этом учитываются и нулевые аффиксы (значимое отсутствие аффикса) (см. об этом в гл. 1).

В неаффиксальных способах словообразования аффиксы не участвуют. Для выражения деривационного значения производного слова служат иные средства, например порядок следования частей производного слова, усечение производящей основы (или основ), изменение парадигмы словоизменения, при образовании производного слова на базе словосочетания — единое ударение.

В зависимости от того, сколько производящих основ участвует в словообразовании, различают способы образования простых и сложных слов. Если в качестве производящей выступает одна основа, производное является простым словом. Если производящих основ две или более, производное является сложным словом. В составе сложного слова может быть и более двух компонентов. Сложные слова, в которые входит более трех компонентов, крайне редки и относятся к области окказионального словообразования (см. гл. 7).

## § 32. АФФИКСАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Аффиксальные способы словообразования очень разнообразны, с их помощью создается основной массив производных слов. Эти способы разграничиваются исходя из того, какого рода аффиксы (суффиксы, префиксы) принимают участие в выражении деривационного значения. С другой точки зрения, различают смешанные и несмешанные (чистые) аффиксальные способы словообразования. В несмешанных способах в качестве форманта используется одно средство (например, суффикс или префикс). В смешанных способах в состав форманта входят несколько словообразовательных средств (например, суффикс и префикс).

Суффиксальный способ словообразования (суффиксация) — выражение деривационного значения с помощью суффикса и системы флексий производного слова. Как правило, производные одного и того же словообразовательного типа относятся к одному и тому же типу словоизменения. Однако среди суффиксальных существительных есть такие типы, в которых производные в зависимости от каких-то причин имеют разные

парадигмы словоизменения. Выбор парадигмы производного может зависеть от грамматических признаков производящего, например категории одушевленности. Так, отглагольные существительные с суффиксом *-л-*, обозначающие производителя действия, относятся к общему роду, если они обозначают лицо (*объедала, обдирала, зубрила*), а если они обозначают предмет, то к среднему роду (*пугало, кадило*).

Суффиксация действует в словообразовании всех частей речи. Производные могут относиться как к той же части речи, что и производящие, так и к иной.

Существительные: *переплёт — переплёт-чик, учитель — учительница; жёлтый — желт-ок; мечтать — мечта-тель.*

Прилагательные: *мама — мам-ин, асфальт — асфальт-ов-ый, глаз — глаз-аст-ый, разрезать — разрез-н-ой.*

Глаголы: *лентяй — лентяй-ничать, белый — бел-е-ть.*

Наречия: *быстрый — быстр-о, светлый — светл-о.*

Сложносуффиксальный способ — выражение деривационного значения производного с помощью словосложения и суффиксации — действует в словообразовании имен существительных: *орденоносец, канатоходец, землепроходец* (не существует ни слов «орденонос», «канатоход» и т. д., ни слов «носец», «ходец» и т. д.).

Префиксальный способ словообразования (префиксация) — выражение деривационного значения производного слова с помощью префиксов — действует в словообразовании всех частей речи, но при префиксации (в отличие от суффиксации) производное всегда относится к той части речи, что и производящее.

Существительные: *город — при-город, радикал —ультра-радикал, атака — контрап-атака, удача — сверхудача, фашист — анти-фашист, красавица — рас-красавица, автор — со-автор.*

Прилагательные: *умный — пре-умный, прочный — сверхпрочный, военный — анти-военный.*

Глаголы: *читать — пере-читать, бежать — вы-бежать, думать — раз-думать, звенеть — за-звенеть.*

Наречия: *быстро — пре-быстро, глупо — сверхглупо.*

Префиксально-суффиксальный способ — в качестве форманта используются префикс и

суффикс. Оба аффикса участвуют в едином акте словообразования одновременно. Внутри префиксально-суффиксального способа словообразования различаются два подвида:

1) производящим является сочетание существительного с предлогом. Предлог в составе производного преобразуется в приставку<sup>1</sup>, наряду с приставкой в состав производного входит суффикс.

Существительные: *без денег — без-денеж-ј(е)*, *за рекой — за-реч-ј(е)*, *под окном — под-окон-ник*, *на рукаве — на-рукав-ник*.

Прилагательные: *на столе — на-столь-н(ый)*, *при школе — при-школь-н(ый)*, *меж колхозами — меж-колхоз-н(ый)*;

2) в качестве производящей используется основа какой-либо части речи, к которой одновременно присоединяются приставка и суффикс. Производное не соотносится с сочетанием с предлогом.

Существительные: *накипь — анти-накип-ин*, *сын — па-сын-ок*, *курс — со-курс-ник*, *нос — пере-нос-ица*, *звезда — со-звезд-иј-е*.

Прилагательные: *размер — со-размер-н(ый)*, *предел — со-предел-н(ый)*.

Глаголы: *читать — в-читать-ся*, *думать — за-думать-ся*, *бегать — на-бегать-ся*, *простой — у-прост-и-ть*, *близкий — при-близ-ить*, *меньше — у-меньш-ить*.

Наречия: *умный — по-умн-ому*, *честный — по-честн-ому*, *благородный — по-благородн-ому*; *французский — по-французск-и*.

Нулевая суффиксация — выражение деривационного значения производного слова с помощью нулевого суффикса — может выступать в чистом виде и в сочетании с другими словообразовательными средствами. Нулевая суффиксация без применения других средств словообразования представлена только в словообразовании имен существительных. Сюда относятся отлагольные и отадъективные существительные со значением отвлеченного действия (*приход, вывоз*), отвлеченного признака (*синь, сушь, гниль*), лица, названного по действию (*обжора, зашка*), и некоторые другие.

Нулевая суффиксация рассматривается иногда как бессуффиксный способ словообразования. При таком подходе не дается ответа на вопрос, какое средство является выражителем деривационного

<sup>1</sup> См. об этом: Виноградов В. В. Русский язык. С. 97—98, 120—121, 190.

значения. Между тем задача синхронного словообразования — объяснить, с помощью какого средства выражается то или иное деривационное значение. Если мы считаем, что таким средством является нулевой суффикс, мы соотносим данное производное слово с другими производными словами, имеющими синонимичные деривационные значения, и тем самым определяем место анализируемого слова в словообразовательной системе. Если же мы интерпретируем то или иное производное как бессуффиксное, мы не отвечаем на вопрос о том, с помощью какого средства выражается его деривационное значение, соотносится ли оно с другими типами словообразования. Такое толкование имеет меньшую объяснительную силу.

Префиксация в сочетании с нулевой суффиксацией — выражение деривационного значения слова с помощью префикса и нулевого суффикса — обнаруживается в словообразовании существительных (*седой* — *проседь*, *синий* — *просинь*) и прилагательных (*без ноги* — *безногий*, *без головы* — *безголовый*).

Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией — выражение деривационного значения производного слова с помощью словосложения и нулевой суффиксации — действует в словообразовании существительных (например, с общим значением действия — *ледоход*, *сенокос*, со значением действующего лица — *скалолаз*, *блюдолиз*, *зубоскал*) и прилагательных (*светловолосый*, *белозубый*).

### § 33. НЕАФФИКСАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Неаффиксальные способы словообразования используются преимущественно в словообразовании сложных слов. Существует четыре разновидности неаффиксального способа словообразования.

Чистое сложение — производное слово образовано путем соединения одной или нескольких основ какой-либо части речи с самостоятельным словом. Последний компонент — основной в сложении, так как именно он является носителем морфологических показателей. Этот способ действует в словообразовании существительных и прилагательных. Начальный член (или члены) может находиться с основным как в равноправных отношениях — отношениях сочинения (*чёрно-белый*, *сине-зелёный*, *диван-кровать*, *плащ-палатка*), так и в неравноправных — отношениях подчинения (*водонепроницаемый*, *засухоустойчивый*).

Компоненты, входящие в сложение, могут объединяться:

а) без интерфиксса. При производстве имен существительных продуктивны сложения типа *вагон-ресторан*, *плащ-палатка*, *платье-костюм*, *диван-кровать*. Они объединяются отношениями сочинения;

б) посредством интерфиксса. Этот вид сложений составляют слова типа *лесостепь*, *морозоустойчивый*. Он включает и существительные, и прилагательные. Сложения этого вида могут быть в отношениях равноправных (сочинения) — *серо-жёлтый* и неравноправных (подчинения) — *водонепроницаемый* ('непроницаемый для воды').

Показателями цельнооформленности сложного слова являются закрепленный порядок компонентов, единое ударение (обычно на последней части), а также отсутствие изменяемости (при склонении) у начальных членов сложений, в том числе и тех, которые не имеют соединительной гласной: *Он спал, укрывшись плащ-палаткой*; *Спросите разрешение у генерал-майора*. Последний признак является факультативным для некоторых сложений: *Пообедай в вагоне-ресторане*.

Особый разряд в русском языке составляют единицы типа *телеателье*, *фотопленка*, *киноаппарат*. Первые части таких единиц тяготеют к разряду аналитических прилагательных, следовательно, такие единицы представляют собой явления промежуточные между словосложением и словосочетаниями с аналитическими прилагательными.

**Срацение.** Этот способ действует только при образовании имен прилагательных: *быстро растворимый*, *впередсмотрящий*, *долгоиграющий*. Срацения отличаются от сложений тем, что они во всех своих формах тождественны по морфемному составу словосочетаниям, на базе которых они образованы. От соответствующих словосочетаний срацения отличаются тем, что имеют единое ударение и закрепленный порядок частей (ср. с вышеприведенными словами: *расторимый быстро*, *играющий долго*).

Однако обычно производное срацение не является простой суммой значений производящих, а содержит нечто своеобразное — какое-то обобщение значений производящих, иногда некоторый элемент терминологизации значения. Это отражается на сочетаемости срацений с существительными. Так, прилагательное *долгоиграющий* применяется только к пластинкам (можно лишь в шутку сказать о ребенке: «*Какой у нас долго-*

*играючи Петенька!»), быстрорасторимый — к сахару и т. п.* Этой семантической и сочетаемостной прикрепленностью сращения как целостные слова отличаются от свободных сочетаний слов, послуживших базой для их образования.

**А б б р е в и а ц и я** — сложение усеченных основ или усеченных и полных основ. Аббревиация действует только в словообразовании имен существительных: *колхоз, ССР, ВЛКСМ, СЭВ, исполком, зарплата*. Производные слова, относящиеся к способу аббревиации, называются *аббревиатурами* (или *сложносокращенными словами*). По значению аббревиатуры эквивалентны словосочетаниям, путем сокращения которых они образованы: *ГУМ — Государственный универсальный магазин, СЭВ — Совет Экономической Взаимопомощи, ООН — Организация Объединенных Наций, зарплата — заработка плата*. При утрате соотносительности между аббревиатурой и словосочетанием утрачивается ее словообразовательная мотивированность, т. е. происходит опрощение. Так, например, слово *загс* широко известно людям, говорящим по-русски. Это учреждение, где регистрируются браки, рождение, смерть. Однако расшифровка этой аббревиатуры известна немногим (*запись актов гражданского состояния*); ср. также *кожимит — имитация кожи; метизы — металлические изделия*.

В зависимости от того, из каких компонентов складываются аббревиатуры, различают разные виды их<sup>1</sup>. Назовем основные из них:

а) **буквенные**, т. е. состоящие из названий начальных букв каждого слова словосочетания: *ССР* (эсэсэср), *ВЛКСМ* (вээлкаэсэм), *ПТУ* (пэтэу);

б) **звуковые**, т. е. состоящие из начальных звуков каждого слова словосочетания (они читаются, как слова): *ГАИ — Государственная автоинспекция, ЦУМ — Центральный универсальный магазин, МИИТ — Московский институт инженеров транспорта*;

в) **слоговые**, т. е. состоящие из начальных частей каждого слова словосочетания: *колхоз — коллективное хозяйство, исполком — исполнительный комитет, профком — профсоюзный комитет*;

г) состоящие из начальной части первого слова и

<sup>1</sup> Подробное описание аббревиации дано в кн.: Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.

целого второго слова: *подлодка* — подводная лодка, *детсад* — детский сад, *жилотдел* — жилищный отдел;

д) состоящие из начальных звуков ряда первых слов и начальной части последнего: *Институт мировой литературы* — ИМЛИ;

е) состоящие из начала первого слова словосочетания и конца последнего (этот вид аббревиатур формируется в последнее время): *ра[дио + стан]ция* — радиация, *VELO [сипед + авто]мобиль* — веломобиль, *мо[то + велоси]пед* — мопед, *био[логия + электро]ника* — бионика, *пара[шют + аква]ланг* — параланг. Этот вид словообразования развивается в современном русском языке под влиянием западноевропейских, откуда заимствуются существительные, произведенные указанным способом, для названия новых явлений действительности. Так, слово *мотель* со значением ‘гостиница для автомобилистов’ появилось в русском языке в конце 50-х годов нашего века из английского *motorist’s hotel* — мотель<sup>1</sup>. Однако появление этой группы слов (небольшой, но постепенно возрастающей) позволяет говорить о рождении в русском языке нового подвида аббревиатурного способа словообразования. Во всяком случае часть таких слов (например, *мопед*, *бионика*) могла быть произведена и на русской почве, и заимствована<sup>2</sup>.

Сложносокращенный способ словообразования получил развитие после Великой Октябрьской социалистической революции, когда возникла необходимость создать много новых названий для явлений советской действительности.

Среди существительных, созданных аббревиатурным способом словообразования, есть такие, которые оказались очень удобными и прочно вошли в русский язык. От них образуются новые слова: *комсомолец*, *комсомольский*; *колхозник*, *колхозный*. Однако в образовании сложносокращенных слов, особенно составленных не из частей слов, а из отдельных звуков или названий букв, необходима умеренность и осторожность. Сами по себе,

<sup>1</sup> См.: Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. С. 160.

<sup>2</sup> По отношению к некоторым словам приходится с несомненностью говорить только о заимствовании, поскольку одна из их составных частей отсутствует в русском языке. Таково новое слово *ротель* — ‘отель на колесах’ (из лат. *rota* — ‘колесо’ и *отель*) (см. о таких словах: Брагина А. А. Отель — мотель — ротель // Вопр. культуры речи. 1965. № 6).

по своей звуковой форме, эти слова непонятны и нередко чужды русскому языку.

В истории аббревиации наблюдается движение от создания единиц, не похожих на обычные слова, к созданию аббревиатур, напоминающих обычное слово. Для современного русского языка характерна тенденция к созданию аббревиатур, близких обычным словам<sup>1</sup>. При этом ставятся следующие задачи:

а) аббревиатура должна быть благозвучной, многосонорной, не вызывающей нежелательных ассоциаций: *релин — резиновый линолеум, бестер — гибрид белуги и стерляди*;

б) желательно, чтобы аббревиатура напоминала обычное слово, вплоть до полной омонимии: *ДОМ — добровольное объединение молодежи; АРФА — архитектурный факультет*.

В художественной литературе могут создаваться, с установкой на шутку, каламбур, аббревиатуры, напоминающие слова далекой семантической сферы, например в научно-фантастических романах А. и Б. Стругацких: *НИИЧАВО — Научно-исследовательский институт чародейства и волшебства*.

**У сечениe.** В современном языке под влиянием аббревиации создается еще один способ неаффиксального словообразования — усечение производящей основы по аббревиатурному способу, т. е. вне зависимости от границы морфем. Этот способ действует только в словообразовании имен существительных (*заместитель — зам, заведующий — зав, магнитофон — маг, рок-н-ролл — рок, бадминтон — бад*)<sup>2</sup>. Он характерен для разговорной речи. Возможно, что активации этого способа словоизводства в современном русском языке способствовало влияние современных западноевропейских языков<sup>3</sup>.

**Неаффиксальные способы образования** сложных слов характерны только для имен существительных (чистое сложение и аббревиация) и прилагательных (сращение). Их отличие от аффиксальных спо-

<sup>1</sup> См. об этом: *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка*. С. 97.

<sup>2</sup> См.: Земская Е. А. Понятия производности, оформленности и членности основ // *Развитие словообразования современного русского языка*. М., 1966; Янко-Триницкая Н. А. Влияние на словообразовательную систему новой семантически единой группы слов // *Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского литературного языка*. С. 269—280.

<sup>3</sup> См., например: Берлизон С. Б. Сокращения в современном английском языке // *Иностранные языки в школе*. 1963. № 3. Ср. в разговорном английском языке: doc (doctor), lab (laboratory); в разговорном французском языке: exam (examen), Huma («Humanité»), prof (professeur), labo (laboratoire), sympa (sympatique).

солов состоит в том, что производные слова не имеют категориального, классифицирующего значения (носителем которого является аффикс), отличающего их от производящего. Значение производного складывается из объединения значений производящих слов.

### § 34. СУБСТАНТИВАЦИЯ

В словообразовании особое место занимает способ, при котором деривационное значение в производном выражается с помощью специфического преобразования парадигмы словоизменения производящего. Этот способ принято называть конверсией (от лат. *conversio* — обращение).

В русском языке конверсия действует при образовании имен существительных, мотивированных и по форме, и по смыслу прилагательными или причастиями. Данный вид конверсии называется субстантивацией (ср. термин субстантив — имя существительное). При этом парадигма прилагательного или причастия преобразуется: 1) количественно — существительное сохраняет лишь часть «прилагательной» парадигмы (формы одного из трех родов или формы мн. ч.) и 2) качественно — согласовательные флексии прилагательного или причастия преобразуются в независимые аффиксы существительного<sup>1</sup>: *сладкое, холодное, рыбное, молочное, мясное, третье, первое, второе; слабительное, наружное, внутреннее; бобовые, зонтичные, цитрусовые, парнокопытные; учительская, диспетчерская, профессорская, ординаторская, прорабская; ванная, аппаратная, телевизорная, бильярдная, душевая*. Такие производные называют субстантиватами<sup>2</sup>.

Сущность этого способа состоит в том, что изменение парадигмы словоизменения производящего играет роль словообразовательного средства. Таким образом, этот способ занимает промежуточное место между способами неаффиксальными (при которых аффиксы не иг-

<sup>1</sup> Ср.: «Окончания прилагательных, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» (Виноградов В. В. Русский язык. С. 164).

<sup>2</sup> О субстантивации как способе синхронного словообразования см.: Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967.

рают роли словообразовательного средства) и аффиксальными (при которых действуют специальные деривационные аффиксы).

\* \* \*

Исследуя способы словообразования, В. В. Виноградов, помимо «нескольких типов морфологического словообразования (т. е. образования новых слов с помощью аффиксов)», выделил ряд иных способов, с помощью которых производятся новые слова<sup>1</sup>. Выделение этих способов словообразования было важно для понимания процессов словообразования, для углубления теории словообразования. В. В. Виноградов показал, что словарный состав языка не только расширяется за счет появления новых производных слов, но есть и иные пути появления новых слов. Рассматривая эти способы словообразования, В. В. Виноградов не ставил перед собой задачи разграничивать явления синхронии и диахронии, однако он понимал глубокое своеобразие аффиксальных способов и подчеркивал их принципиальное отличие от неаффиксальных способов словообразования. Он писал: «В сущности... при анализе синтактико-морфологических, синтаксических и лексико-морфологических способов образования слов мы вкладываем в термины «словообразование» несколько иное содержание по сравнению с теми случаями, когда говорим об образовании производных слов посредством сочетания основ и аффиксов, корневых и аффиксальных морфем»<sup>2</sup>.

На современном этапе изучения словообразования представляется принципиально важным разграничивать способы синхронного словообразования и способы словообразования, действующие в диахронии. Исходя из этой задачи, кратко охарактеризуем способы словообразования, выделенные В. В. Виноградовым и относящиеся к историческому словообразованию, т. е. к диахронии:

<sup>1</sup> См.: Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 156—158; *его же*. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Там же. С. 207—220.

<sup>2</sup> *Его же*. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. С. 212.

а) лексико-семантический, состоящий «в переосмыслении прежних слов, в формировании омонимов путем распада одного слова на два»<sup>1</sup>: *успевать* — ‘хорошо учиться’; ср. *успеваемость* и *успевать* — форма несовершенного вида к *успеть*. Слова, образованные этим способом, — результат исторического развития. Многие из них в системе современного языка являются непроизводными, т. е. не связанными со словами, породившими их когда-то;

б) лексико-синтаксический — «довольно редкая лексикализация словосочетаний» (*умалишённый, сумасшедший* — из *с ума сшедший, простофиля*), а с другой стороны, «синтаксическое преобразование глагольных предложений в слова (например, *почти, поцелуй; не-тронь-меня* и т. п.)»<sup>2</sup>. Этот способ так же, как правило, действует в сфере исторического словообразования. Слова, образуемые этим способом, создаются в результате длительного исторического развития и обычно производятся индивидуальным путем, а не каким-либо типизированным образом.

К синхронному словообразованию относится лишь один типизированный вид лексико-синтаксического словообразования — сращение (см. 5, 33);

в) морфолого-синтаксический — возникновение нового слова в результате перехода слова или отдельной словоформы в другую часть речи: *благодаря* — предлог (из формы деепричастия глагола *благодарить*). Морфолого-синтаксический способ объединяет разные явления. К диахроническому словообразованию относятся происходящие в результате длительного исторического развития изменения принадлежности той или иной единицы к определенной части речи, к синхронному — регулярные виды перехода слов какой-либо части речи в иную часть речи. К последним относится субстантивация.

От субстантивации как способа синхронного словообразования следует отличать иные виды перехода слов или словоформ одних частей речи в другие, например переход словоформ различных частей речи в междометия (*батюшки! господи!*), переход причастий в прилага-

<sup>1</sup> Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования. С. 158.

<sup>2</sup> Его же. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. С. 209.

тельные, который принято называть термином «адъективация» (*блестящий ум, начитанный мальчик*)<sup>1</sup>, а также употребление словоформ различных частей речи в роли существительных (*Ваше ох меня испугало; Это резкое уходите! до сих пор звучало в ушах*). В последнем случае новых имен существительных не образуется: *ох* и *уходите!* не новые имена существительные, а именно употребление междометия и глагола в функции существительного.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования [1951] // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 155—165.*

*Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967.*

## Глава 6

### ВАЛЕНТНОСТЬ МОРФЕМ И ПОНЯТИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ

#### § 35. ВИДЫ ОГРАНИЧЕНИЙ СОЧЕТАЕМОСТИ МОРФЕМ

Ранее мы рассмотрели проблему отождествления морфем, т. е. вопрос о том, каковы основания объединения различных морфов в одну морфему. Это — парадигматический аспект словообразования. Для того, чтобы уяснить полностью механизм словообразования, важно рассмотреть вопрос о том, какие закономерности регулируют сочетаемость морфем при образовании производного слова, т. е. изучить валентности (сочетаемостные свойства) морфем<sup>2</sup>. Это — синтаксис.

<sup>1</sup> В. В. Лопатин убедительно показывает, что адъективация в отличие от субстантивации не является способом синхронного словообразования (см.: *Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопр. языкоznания. 1965. № 5*).

<sup>2</sup> Термин «валентность» употребляется в синтаксисе для обозначения сочетаемостных свойств слова. В ряде работ для обозначения валентности морфем используют термин «внутренняя валентность» противопоставляя его термину «внешняя валентность» (валентность слова). См., например: *Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). М., 1968.* Для названия этого раздела словообразования используют также термин «морфотактика» (см.: *Ворт Д. С. Морфотактика и морфонемика // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. Т. 1. С. 397—402*).

гматический аспект словообразования. Очевидно, что можно изучать валентность как аффиксальных морфем, так и корневых, т. е. одинаково закономерны вопросы: с какими основами сочетается тот или иной аффикс? С какими аффиксами сочетается та или иная основа?

Изучая валентность морфем, необходимо выявлять их сочетаемостные свойства, определяемые возможностями системы языка. При этом следует отграничивать явления, не допускаемые системой языка, от явлений, возможных в данном языке, но не представленных лексически<sup>1</sup>. Так, например, в русском языке названия детенышей животных легко образуются с помощью суффикса *-онок* (*лисёнок*, *слонёнок*, *воронёнок* и т. д.). Однако от существительного *какаду* производное с суффиксом *-онок* лексически не представлено. Между тем при необходимости оно может быть образовано с помощью интерфиксa *-ч-* или *-н-*: *какадучёнок*, *какадунёнок*. В то же время образовать название детеныша от основы глагола или прилагательного в принципе невозможно, это противоречит устройству системы языка.

Итак, описывая словообразование, необходимо изучить не только то, что реально существует, но и то, что возможно, хотя лексически не представлено. Такое изучение поможет обнаружить расхождения между потенциями системы словообразования и тем, как их реализует норма языка и узус. Только такое рассмотрение даст полное представление о системе словообразования данного языка.

Валентность морфем разных типов изучена еще мало. Для того, чтобы получить полное представление о сочетаемостных свойствах морфем, следует выявить те ограничения, которые могут препятствовать соединению деривационных морфем с производящей основой. Существует несколько видов таких ограничений. Нередко они действуют комплексно, но для ясности изложения мы рассмотрим действие каждого из них в отдельности.

### Семантические ограничения

Семантические ограничения — основной вид ограничений, определяемых системой языка. Семантические ограничения очень разнообразны; они вызы-

<sup>1</sup> См.: Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967; *его же*. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

ваются чаще всего семантической несовместимостью морфем. Поскольку части речи являются самыми общими лексико-грамматическими разрядами слов, самые широкие ограничения такого рода проявляются в сочетаемости аффикса с основами той или иной части речи. Так, суффикс действующего лица *-тель* сочетается лишь с основами глаголов, сочетание его с основами существительных и прилагательных невозможно. Суффикс лица *-чик/-щик* сочетается с основами глаголов и существительных, а суффикс лица *-ец* — с основами глаголов, существительных и прилагательных.

Кроме таких общих ограничений действуют ограничения более специализированные, т. е. тот или иной аффикс может сочетаться не со всеми основами данной части речи, а лишь с основами определенной семантики. Например, суффикс *-ш(a)*, производящий существительные, обозначающие лиц женского пола по профессии (*кондукторша, агрономша*) или жен по мужу (*генеральша, адмиральша*), сочетается лишь с основами существительных — наименований лиц мужского пола по профессии, но не по иному признаку. На семантические ограничения могут накладываться так называемые прагматические ограничения. Так, суффикс прилагательных *-оват(ый)*, обозначающий неполноту признака, сочетается лишь с основами качественных прилагательных, обозначающих нежелательные (плохие) свойства, ср. *глуповатый, староватый*, но отсутствуют: «умноватый», «молодоватый». Человек как бы не хочет уменьшать положительно оцениваемые (хорошие) признаки.

### Словообразовательные ограничения

К разряду системных ограничений относятся словообразовательные ограничения — имеется в виду не участие тех или иных видов производных основ в качестве производящих. Для примера можно назвать имена прилагательные с суффиксами субъективной оценки *-еньк(ий), -охоньк(ий)/-ошеньк(ий), -ущ(ий), -енн(ый)*: *жёлтенький, желтёхонький/желтёшенький, большущий, высоченный*. От прилагательных этих типов не образуются производные. Словообразовательный потенциал таких основ исчерпан; они замыкают словообразовательную цепь (о понятии «словообразовательная цепь» см. в гл. 7).

## **Формальные ограничения**

Важный вид системных ограничений представляют собой **формальные ограничения**. Одни из них разрешаются на уровне морфонологии — происходит взаимоприспособление морфем при их соединении в составе слова. С этой целью используются чередование фонем, усечение производящей основы, интерфиксация (см. об этом в гл. 3). Формальные ограничения, которые не может устранить морфонология, приводят к невозможности соединения морфем. Так, суффикс прилагательных **-н-** не сочетается с существительными типа *парк, воск*, имеющими в исходе группу согласных. В таких случаях используется суффикс **-ов-**, имеющий в начале гласный: *парковый, восковой*.

Другой пример. Суффикс **-ш(а)** сочетается не со всеми основами имен лиц мужского пола, а лишь с теми, которые кончаются на сонорные (*директорша, генеральша*) и **-нт** (*музыкантша*).

Кроме системных имеются ограничения другого рода, идущие не от системы языка, а от ее реализации и нормой и узусом. Таковы ограничения стилистические и лексические.

## **Стилистические ограничения**

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем вызываются стилистической несовместимостью морфем и объясняются тем, что словообразовательные морфемы, подобно словам, могут обладать определенной стилистической окраской. Обычно наблюдается тенденция к стилевой однородности сочетающихся морфем; например, аффиксы, имеющие литературно-книжную окраску, тяготеют к соединению с производящими основами слов, наделенных такой же окраской. Нейтральные в стилистическом отношении слова могут сочетаться с морфемами любой окраски и употребляться в любом стилистическом окружении (в этом и состоит их нейтральность).

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем имеют иной характер, чем ограничения семантические, словообразовательные и формальные. Они обнаружаются как тенденции сочетаемости ~ несочетаемости, а не как строгие, ненарушаемые законы. В определенных условиях эта необычность производных существительных, создаваемая контрастностью сочетающихся

в составе слова единиц, может понадобиться говорящему, желающему использовать выразительные возможности языка.

Рассмотрим действие стилистических ограничительных тенденций.

В тех случаях, когда суффикс имеет сниженную стилистическую окраску, он тяготеет к сочетанию с нейтральными и сниженными основами (просторечными и разговорными) и «не любит» книжных основ. Таковы суффиксы прилагательных *-ущ(ий)* и *-енн(ый)*, обозначающие большую степень проявления признака; ср.: *жирноу́щий*, *толсту́щий*, *здорову́щий* — от *здравый* (*прост.* в значении «большой»), *вредноу́щий*, *страшну́щий*; *толстенны́й*, *здравенны́й*. От прилагательных книжного стиля образование производных с этими суффиксами затруднено. Вряд ли возможны прилагательные типа *«культурну́щий»*, *«активну́щий»* и т. д.

Различие между заимствованными и исконными морфемами существенно для диахронического словообразования. Оказывается, однако, что это различие, но только в преобразованном виде, важно и для синхронного изучения языка. Нерусское происхождение морфемы (факт истории языка) может влиять на ее стилистическую окраску, становясь фактором синхронного словообразования (выступает как стилистическое ограничение в сочетаемости морфем). Именно поэтому многие морфемы иноязычного происхождения, приобретая активность в русском языке, сохраняют сочетаемость — преимущественную или исключительную — с книжными заимствованными основами. Так, суффикс *-ификаци* *j-(a)* существительных, обозначающих ‘снабжение тем, что названо производящей основой’, проявляет активность на почве русского языка, но функционирует при этом преимущественно в кругу нейтрально-книжных заимствованных основ: *радиофи́кация*, *кинофи́кация*, *газифи́кация*, *электрифи́кация*. Возможны образования и от русских основ, лишенных стилистической окраски сниженностии: *теплофи́кация*, *звукофи́кация*.

### Лексические ограничения

Появлению новообразования того или иного типа могут препятствовать ограничения, идущие со стороны лексики. В качестве причин ограничения выступают в основном такие факторы, как явления омонимии и за-

нятость данного «семантического места» другим словом. Эти причины объясняются несоответствием между возможностями словообразовательной системы и лексическими нормами. Рассмотрим каждую из причин.

1. Появлению производного слова определенного типа может препятствовать наличие в лексической системе языка слова с другим значением, омонимичного тому, которое должно было бы быть произведено. По этой причине отсутствуют некоторые соотносительные с именами лиц мужского пола наименования женщин с суффиксом *-к(а)*. Нет пар *пилот* — «*пилотка*», *штукатур* — «*штукатурка*», *электрик* — «*электричка*», так как соответствующие слова на *-к(а)* имеют другие значения: *пилотка* — ‘шапка’, *штукатурка* — ‘материал’ и ‘действие по глаголу’, *электричка* — ‘поезд’<sup>1</sup>.

2. Образованию производного слова какого-то типа могут препятствовать не только факты омонимии (т. е. занятость слова той же формы для выражения иного значения), но и занятость данного «семантического места» иным словом, например непроизводным словом другого корня. Так, при наличии активного суффикса *-онок* для образования названий детенышей наряду с частотным соотношением типа *слон* — *слонёнок*, *орел* — *орлёнок*, *заяц* — *зайчонок* в русском языке есть соотношения *собака* — *щенок*, *свинья* — *поросёнок*, *курица* — *цыплёнок*, *лошадь* — *жеребёнок*, *овца* — *ягнёнок*. Наличие этих названий детенышей (соотношения такого рода называют супплетивным словообразованием<sup>2</sup>) препятствует образованию слов с суффиксом *-онок* от перечисленных основ. В таких производных нет необходимости. Они могли бы быть созданы лишь в шутку или с несколько иным значением (например, переносно о ребенке: *Он такой свинёнок!*).

### § 36. ВАЛЕНТНОСТЬ МОРФЕМ И ПРАВИЛА ИХ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Мы рассмотрели факторы, ограничивающие валентность морфем. В тех случаях, когда валентность морфем

<sup>1</sup> См. об этом: Янко-Триницкая Н. А. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. С. 201.

<sup>2</sup> О супплетивном словообразовании (или словообразовательном супплетивизме) см.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

допускает их соединение, вступают в ход правила в зависимости от способления морфем, т. е. действует уже валентность морфов (из нескольких морфов одной морфемы выбирается какой-то один, подходящий для сочетания с соседним морфом). Таким образом, при изучении синтагматического аспекта словообразования необходимо четко разграничивать два рода явлений: 1) установление сочетаемостных характеристик (валентности) морфем и 2) установление условий морфонологического приспособления морфов при их сцеплении в слове. (Очевидно, что если валентности морфем не допускают их соединения, не потребуется и их морфонологического приспособления.)

Эти два рода явлений называют терминами «морфотактика» и «морфонемика»<sup>1</sup>.

Например, суффикс *-н-*: 1) сочетается («выбирает») с основами существительных, преимущественно неодушевленных<sup>2</sup>, в том числе с исходом на заднеязычные (*рук-, книг-*); 2) при этом в морфах основы происходит чередование *к/ч, г/ж: руч-н-ой, книж-н-ый;*

суффикс *-ск-*: 1) сочетается («выбирает») с основами одушевленных и неодушевленных существительных, в том числе с исходом на заднеязычные (*помещик-, чиновник-*); 2) при этом перед суффиксальным морфом вставляется интерфикс *-е-*, а в морфе основы происходит чередование *к/ч: помещич- (е)-ск-ий, чиновнич- (е)-ск-ий.*

Эти два рода явлений при синхронном порождении слова взаимозависимы. Если не произошло выбора морфем, не может произойти и их взаимоприспособления. До тех пор пока не произошло морфонологического «сцепления» морфов, мы не получим готовой производной основы.

Не следует думать, что, разграничивая эти два рода явлений, мы вводим в синхронию элемент диахронии — последовательность. При порождении слова происходит одновременное соотнесение его с двумя рядами слов (с той же производящей базой и с рядом структурно однотипных слов), которое предполагает вхождение произ-

<sup>1</sup> См.: Ворт Д. С. Морфотактика и морфонемика. С. 397—398.

<sup>2</sup> Сочетаемость суффикса *-н-* с основами существительных одушевленных ограничена узким кругом основ: *человечный, конный, рыбный, скотный, детный* и немногие другие; см. об этом: *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.* Т. I. С. 344, 350—353.

водного в два ряда соотношений. Аналогичным образом происходит реализация таких явлений, как валентность морфем и правила их морфонологического приспособления.

Такое описание словообразования, при котором не рассматривается валентность морфем, а сразу дается характеристика структуры производной основы<sup>1</sup>, не объясняет механизм создания слова. Так, если утверждается, что суффикс прилагательных *-н-* не выступает после заднеязычных<sup>2</sup>, мы не получаем сведения о валентности морфемы *-н-*, т. е. не узнаем, можно ли в русском языке произвести прилагательные с суффиксом *-н-* от основ на заднеязычные (*книга, снег, песок*). Между тем сведения такого рода наука о словообразовании должна давать. Если при характеристике словообразовательного типа дается описание готовых производных основ, но не указывается, каким производящим они соответствуют, мы получаем обедненное представление о словообразовании, ибо производные, имеющие одинаковое строение, могут по-разному соотноситься с производящими и иметь разное морфонологическое строение. Так, производные прилагательные с суффиксом *-н-*, которому предшествует фонема *⟨ж⟩* в составе производной основы (*чертёж-ный, кож-ный, мяте́ж-ный, книж-ный, снеж-ный*), неоднородны. Одни из них образованы без чередования на морфемном шве и соотносятся с производящими основами, имеющими *ж* в исходе (*чертёж — чертёжный, мяте́ж — мяте́жный, кожа — кожный*), другие образованы с чередованием *г/ж* и соотносятся с производящими основами на *г* (*книг-а — книж-ный, снег — снеж-ный*). Таким образом, одна и та же фонема *⟨ж⟩* в производном слове выступает и как результат чередования *г/ж*, и как фонема *⟨ж⟩*, пришедшая в производное из производящего. Не разграничивать факты такого рода — значит давать неполное представление о явлениях словообразования.

Добавим, что описание подобного рода затушевывает разницу и в строении производящих основ, ибо ос-

<sup>1</sup> Описание такого рода дано в кн.: *Грамматика современного русского литературного языка*. М., 1970 (гл. «Словообразование»).

<sup>2</sup> Это утверждение было бы верно лишь как характеристика структуры уже полученного производного слова — конечного этапа словообразовательного акта: *книж-ный, творож-ный, песоч-ный*; но оно не содержит сведений о возможностях сочетаемости суффикса *-н-* с производящими основами, т. е. о валентности этой морфемы.

новы типа *чертёж-*, *кож-*, *мятеж-* содержат в исходе морфонему {ж}, а основы типа *снег-*, *книг-* — морфонему {г — ж}.

Следовательно, в тех случаях, когда описание содержит только характеристику уже готовых производящих основ, страдает собственно словообразовательная характеристика фактов, а получает объяснение лишь строение готовой производной основы<sup>1</sup>. Между тем, изучая словообразование, важно знать, какие производящие основы могут быть использованы при создании производного слова, а какие — нет, какие аффиксы сочетаются (или не сочетаются) с основами того или иного строения, какие морфонологические явления при этом происходят.

### § 37. ПОНЯТИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ

С понятием валентности морфем тесно связано понятие продуктивности. Продуктивными называют такие единицы, которые в языке той или иной эпохи служат образцом для построения новых единиц. Если речь идет о продуктивности отдельных элементов языка (например, морфем), то имеют в виду их активность в образовании новых словоформ или слов, способность производить новые формы слова и новые слова.

Рассмотрим, как используется понятие продуктивности в словообразовании. «Понятие продуктивности можно в принципе применять как к целому типу, так и к любой составной части словообразовательной структуры слова»<sup>2</sup>, т. е. можно изучать продуктивность аффиксов, словообразовательных типов, способов словообразования.

Наиболее существенно для словообразования понятие продуктивности словообразовательного типа, потому что словообразовательный тип является той схемой (формулой), по образцу которой в основном и происходит создание новых слов.

Милош Докулил предложил различать два вида продуктивности в словообразовании: эмпирическую и системную. Рассмотрим эти виды продуктивности применительно к понятию «словообразовательный тип».

<sup>1</sup> См. критику такого подхода в кн.: Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977. С. 46—49.

<sup>2</sup> Dokulil M. Tvoření slov v češtině. T. 1. С. 205.

1. Эмпирической продуктивностью обладает словообразовательный тип, по образцу которого в языке определенной эпохи производятся новые слова. Чтобы решить, продуктивен или нет какой-либо тип в тот или иной период времени, следует установить, служит ли он в этот период образцом для производства новых слов. Ответ на этот вопрос можно получить только эмпирическим путем, исследуя новообразования определенной эпохи. Таким образом, эмпирическая продуктивность — понятие *для языка* словообразования. Она зависит в значительной степени от общественных потребностей в производстве слов определенного типа.

2. Системная продуктивность типа зависит от ограничений разного рода, налагаемых системой языка и регулирующих производство слов данного типа. Ее устанавливают путем выяснения условий, ограничивающих возможность производства слов данного типа. Таким образом, системная продуктивность — понятие *с языка* словообразования. Она зависит от внутриязыковых факторов.

Определить, обладает ли какой-либо тип эмпирической продуктивностью, — значит ответить на вопрос, дает ли он новообразования, активен ли он как образец в тот или иной период времени.

Устанавливая эмпирическую продуктивность, различают два полюса: типы непродуктивные, замкнутые (т. е. не дающие новообразований; такие типы можно задавать списком производных слов данного типа) и типы продуктивные, открытые, незамкнутые (т. е. порождающие новообразования). Примером первых может быть тип отглагольных существительных с суффиксом *-с(а)*, обозначающих лицо по действию: *плакать — плакса, хныкать — хныкса*. Примером вторых — отадъективные существительные с суффиксом *-ость* со значением отвлеченного признака (например, *смелость, свежесть, бодрость*), отглагольные существительные с суффиксами *-ни-* и *-к(а)* со значением отвлеченного действия (*чтение, объявление; разноска, прибавка*).

Между типами очень высокой продуктивности (к ним относятся только что перечисленные) и типами полностью непродуктивными много промежуточных случаев, отражающих многообразие фактов языка. Поэтому нередко делаются попытки установить степени продуктивности (шкалы продуктивности). Различают

типы высоко-, средне-, малопродуктивные. Эти попытки часто оказываются субъективными. Помогает уточнить степень эмпирической продуктивности типа указание на то, в каких сферах языка он продуктивен (в научно-технической терминологии, в разговорной речи, в языке газет и т. п.).

Системная продуктивность типа зависит от собственно языковых причин, т. е. от ограничений, накладываемых системой языка на действие типа. Поэтому любой словообразовательный тип (поскольку он существует) обладает какой-то системной продуктивностью. Сказать, что какой-то тип не обладает системной продуктивностью,— значит утверждать, что никаких возможностей для производства слов у него нет, а есть лишь одни ограничения; следовательно, не существует слов, образованных по этому типу, а сам этот тип — фикция. Чтобы охарактеризовать системную продуктивность типа, требуется установить, каковы структурные, семантические и стилистические ограничения в производстве слов данного типа, как ограничивает его действие соседство синонимических типов, а также наличный состав лексики:

1. Для того, чтобы установить сферу действия определенного типа, следует, определив лексико-грамматический круг производящих основ, проследить, от каких основ данного круга не могут быть произведены слова изучаемого типа и почему<sup>1</sup>. Следовательно, важно установить не только возможности образования слов данного типа, но и отсутствие этих возможностей («невозможности»).

2. Другой важный вопрос, который необходимо изучить при установлении системной продуктивности типа: каковы его соотношения с синонимичными типами? Если какое-либо значение выражается лишь одним типом производных слов, новое слово данной семантики всегда создается по этому типу, его строение предопределено. Следовательно, данный тип обладает высокой системной продуктивностью, даже если новообразования данного типа немногочисленны. Если же какое-то значение

<sup>1</sup> В качестве примера исследования такого рода можно назвать: Улуханов И. С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа) // Развитие словообразования современного русского языка; Бахтурина Р. В. Значение и образование отмытенных глаголов с суффиксом *-ө-* // *-и-ть* // Там же.

выражается несколькими словообразовательными типами, происходит борьба конкурирующих типов, что ослабляет их системную продуктивность. В таком случае обычно высокой системной продуктивностью обладает один из них, тормозящий активность других.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Dokulíš M. *Tvoření slov v češtině*. Praha, 1962. T. 1. С. 204—206.  
(Резюме на рус. яз.)

Земская Е. А. О понятии «позиция» в словообразовании // *Развитие современного русского языка*. 1972: Словообразование. Членность слова. М., 1975.

### Глава 7

## СТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ СИНХРОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Словообразование представляет собой особую систему языка. Специфика этой системы определяется ее связями с «соседними» системами — лексикой и морфологией:

а) словообразование как важнейшее средство создания номинативных единиц языка «работает» на лексику и поэтому зависит от нее (о некоторых видах зависимости словообразования от лексики говорилось в гл. 6);

б) словообразование связано с морфологией, так как каждое производное слово создается как слово определенной части речи, характеризуемое определенными грамматическими значениями. Арсенал средств, используемых в словообразовании, подобен арсеналу средств, используемых при создании словоформ. Такие деривационные морфемы, как суффиксы, тесно спаяны с флексиями. Использование многих суффиксов регулируется морфологическими свойствами основ.

Вопрос о границах системы синхронного словообразования учеными решается по-разному. Распространено мнение, что систему синхронного словообразования формируют лишь продуктивные типы<sup>1</sup>. Однако между продуктивными и непродуктивными типами не всегда проходит четкая граница. В языке происходит постоян-

<sup>1</sup> См.: Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. С. 42.

ное взаимодействие между синонимическими типами разной продуктивности; одни типы сдерживают продуктивность других. Поэтому правильнее считать, что систему синхронного словообразования составляет совокупность всех словообразовательных типов в их взаимодействии<sup>1</sup>. Кроме того, при образовании новых слов могут получать активность вычленяемые из состава слова части, не имеющие статуса морфем (унификсы, радикоиды). Это обстоятельство заставляет включать в систему словообразования не только производные, но и членимые слова (как периферийную, но важную область).

Система синхронного словообразования — сложная иерархическая организация, в которой обнаруживается противопоставление единиц разной структуры и разной степени сложности.

### § 38. ЕДИНИЦЫ СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Основной единицей системы синхронного словообразования является производное слово, ибо оно представляет собой тот конечный результат, ради которого и происходит акт словообразования. Производное слово занимает центральное место в системе словообразования; оно состоит из простейших (внутрисловных) единиц и входит в единицы более сложные — комплексные (о внутрисловных единицах см. гл. 1—3).

### § 39. КОМПЛЕКСНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Комплексные единицы системы словообразования формируются противопоставлениями разного рода: соотношением однокоренных слов и соотношением слов, имеющих разные корни, но одно и то же словообразовательное строение.

Комплексными единицами системы словообразования являются: словообразовательная пара, словообразовательный тип, словообразовательная категория, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо.

Простейшая из комплексных единиц — словообразовательная пара: соотношение производной

<sup>1</sup> См.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. С. 12—13.

и производящей основ: *белый — белить*, *регулировать — регулировщик*, *пионер — пионерка*, *чернила — чернильница*, *писать — переписать*, *красавица — красавица*. Словообразовательные пары, между которыми имеются тождественные формальные и семантические отношения, входят в один словообразовательный тип: *сахар — сахарница*, *селедка — селедочница*, *сухарь — сухарница*. Термином *словообразовательный тип* называют не совокупность словообразовательных пар, а схему (формулу) построения производных слов (подробнее о словообразовательных типах см. в гл. 4).

## § 40. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Словообразовательная категория (СК) — единица более абстрактная и сложная, чем словообразовательный тип; она формируется совокупностью словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения. Словообразовательная категория выделяется на основании единства деривационного значения, в то время как средства выражения этого значения могут быть различными. В качестве примера словообразовательной категории можно привести категорию имен существительных, обладающих значением ‘производитель действия, названного производящей основой’, образуемых разными суффиксами от основ глагола. В эту категорию входят существительные с суффиксами *-тель*: *отправи-тель*, *получа-тель*; *-ец*: *бор-ец*, *твор-ец*; *-ун*: *бег-ун*, *крик-ун*; *-щик*: *нормиров-щик*, *сортиров-щик* и т. п.

Словообразование каждой части речи целесообразно описывать исходя из того, какие словообразовательные категории в ней действуют в пределах одного и разных способов словообразования.

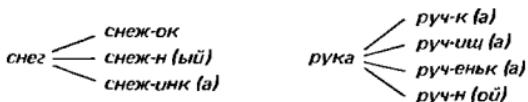
## § 41. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЦЕПЬ

Рассмотрим ряд однокоренных слов: *учи(ть)* — *учитель* — *учи-тель-ниц(a)*; *бел(ый)* — *бел-i(ть)* — *побели(ть)* — *побел-к(a)* — *побелоч-н(ый)*; *готов(ый)* — *готов-i(ть)* — *за-готов(ить)* — *заготов-к(a)* — *заготов-щик* — *заготовщиц-к(iй)*. Эти ряды производных выстроены так, что каждая предыдущая единица яв-

ляется непосредственно производящей для последующей: глагол *учить* служит производящим для существительного *учитель*; от имени существительного мужского рода *учитель* произведено имя лица женского пола — *учительница*. Совокупность производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей, называется словообразовательной цепью (или цепочкой). Эта комплексная единица выявляет ступенчатый характер русского словообразования. Она демонстрирует синтагматические отношения между однокоренными словами. Слова в цепи связаны отношениями последовательной производности.

## § 42. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Между однокоренными словами существуют не только отношения последовательной производности, но и отношения совместной производности (кодеривации). Иными словами, такие отношения можно назвать радиальными — от одного производящего образуются пучки производных:



Совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словоизводства, называют словообразовательной парадигмой (СП).

Очевидно, что парадигматические отношения в словообразовании выявляются не только в СП. Однако закрепление термина СП именно за данным содержанием целесообразно, так как применение этого термина аналогично применению термина «морфологическая парадигма». Его введение способствует установлению изоморфизма между словообразованием и морфологией. Подобно тому, как словоформы склонения и спряжения образуют морфологические парадигмы, совокупность производных от одного и того же слова образует его словообразовательную парадигму. Понятие СП — новое в теории синхронного словообразования. Возникновение его связано с поисками изоморфизма между строением разных систем языка, стремлением выявить парадигма-

тические отношения между единицами словообразования<sup>1</sup>. Подобно морфологическим парадигмам СП имеют постоянный член (производящая база) и переменные члены (деривационные аффиксы). В отличие от морфологических парадигм, которые объединяют словоформы одного слова, СП объединяют разные слова, в том числе слова разных частей речи, и не включают слово, служащее производящим для членов парадигмы.

В русском языке СП бывают разветвленными и могут насчитывать более 10 членов. СП распадаются на блоки, включающие производные одной части речи: с у б с т а н т и в н ы й, г л а г о л ь н ы й, а д ъ е к т и в н ы й, н а р е ч н ы й. В парадигме слов разных частей речи имеются черты сходства и различия. Наибольшее сходство наблюдается в парадигме слов, относящихся к одной части речи и к одной лексико-семантической группе.

Приведем для примера словообразовательные парадигмы двух групп слов, каждая из которых с лексико-грамматической точки зрения представляет собой единство. Для простоты сравнения рассмотрим лишь суффиксальные производные (табл. 12—13).

Сравнение словообразовательных парадигм слов одной семантической группы показывает, что между ними наблюдается большее сходство в наборе определенных деривационных значений, чем в конкретном наборе производных с одним и тем же аффиксом, потому что в словообразовании одно и то же значение (и для русского языка это особенно характерно) нередко имеет разные средства выражения. Таким образом, существует асимметрия между означаемым и означающим: одно и то же деривационное значение может быть выражено с помощью разных аффиксов. Например, значение 'признак в отвлечении от носителя' может быть выражено с помощью суффиксов *-ость* (*фиолетовость*), *-изн(а)* (*белизна*), *-от(а)* (*чернота*), *-ев(а)* (*синева*), *-ө(синь)*; значение 'самка животного' может быть выражено с помощью суффиксов *-их(а)* и *-иц(а)*; значение 'свойственный, относящийся к ...' — прилагательными с суффиксами *-ов-*, *-ин-*, *-j-* (*слоновый*, *тигровый*, *волчий*).

<sup>1</sup> Знаменательно, что это понятие примерно в одно время вводят лингвисты разных стран, вкладывая в него близкое, хотя иногда и несколько разное содержание. См. об этом подробнее: Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: вопросы его истории и современного состояния (Виноградовские чтения I—VIII). М., 1978.

## Конкретная словообразовательная парадигма прилагательных со значением цвета

Часть речи произ- водного	Словообразовательное значение	Исходные прилагательные					
		красный	синий	белый	жёлтый	чёрный	
Прила- гатель- ное	Степени призна- ка	оценочность	красненький	синенъкий	беленъкий	жёлтенъкий	чёрненъкий
		слабая степень	красноватый	синеватый	беловатый	желтоватый	черноватый
		сильная степень	краснущий	синющий	(белющий) <sup>1</sup>	желтущий	чернущий
Сущест- витель- ное	Название отвлеченного признака	краснота — — —	синева — — синь	— — белизна —	— — желтизна (жельть)	чернота — — чернь	

Существительное	Название носителя признака	—	синяк	беляк белила белок белуха	желтяк желток желтуха	черняк
		краснуха	—	—	—	— <sup>2</sup>
		краснушка	синюха синюшка	—	—	—
		—	—	белянка	—	—
		—	—	бельё <sup>3</sup>	—	—
		—	—	—	—	—
Глагол	а) Становиться каким; б) обнаруживать признак	краснеть	синеть	белеть	желтеть	чернеть
	Делать каким	краснить	синить	белить	желтить	чернить
Наречие	Название признака призыва	красно	сине	бело	(желто)	чёрно

<sup>1</sup> В круглых скобках помещены потенциальные слова.

<sup>2</sup> Существительное *чернила* разошлось по значению с прилагательным *чёрный* (ср.: *синие, зелёные, фиолетовые, красные чернила*) и в современном языке не является производным от данного прилагательного.

<sup>3</sup> Существительное *бельё* включаем в парадигму как связанное с прилагательным *белый* отношениями периферийной мотивации.

## Конкретная словообразовательная парадигма

Часть речи производного	Словообразовательное значение	Исходное		
		волк	слон	ишик
Существительное	Уменьшительность	— — волчок —	— слоник — —	— — ишичик —
	Увеличительность	волчище волчина	слонище слонина	ишичище ишичина
	Оценочность	— волчика — —	— слоничка — —	— ишичика — —
	Самка	волчиха волчица	слониха —	ишичиха —
	Детеныш	волчонок волчоныш	слонёнок слонёныши	ишичонок ишичоныш
	Мясо животного	(волчина) волчатина	(слонина) слонятина	(ишичатина)
	Лицо, связанное с животным <sup>3</sup>	— волчатник	— —	— —
Прилагательное	Помещение для животного	— волчатник —	— (слонятник) слоновник	— (ишичатник?) —
	Принадлежащий, свойственный животному	волков волчий волчинный —	(слонов) — — слоновий	(ишиков) ишичий ишичинный —
Глагол	Производить на свет	—	—	—
	Вести себя как...	—	—	ишичить

<sup>1</sup> Ср. чередование *и/и* в других основах на *-н-*: *карман — кармашек*,

<sup>2</sup> В квадратных скобках помещены супплетивные образования, т. е. слова

<sup>3</sup> Деривационное значение 'лицо, связанное с животным' может иметь

существительное

<i>собака</i>	<i>баран</i>	<i>корова</i>	<i>обезьяна</i>
<i>собачка</i>	—	<i>коровка</i>	<i>обезьянка</i>
—	—	—	—
—	<i>барашек(н/ш)<sup>1</sup></i> <i>баранчик</i>	—	—
<i>собачица</i> <i>собачина</i>	<i>баранище</i> —	<i>коровища</i> ( <i>коровина?</i> )	<i>обезьянница</i> —
( <i>собачушка</i> ) ( <i>собачишка</i> ) <i>собачонка</i> <i>собаченция</i>	( <i>баранишка</i> ) —	<i>коровушка</i> ( <i>коровишка</i> ) <i>коровенка</i> ( <i>коровенция</i> )	( <i>обезьянушка</i> ) ( <i>обезьяншка ?</i> ) —
ср. <i>кобель/сука</i>	ср. <i>овца</i>	ср. <i>бык</i>	—
[ <i>щенок</i> ] <sup>2</sup> ( <i>собачоныши</i> )	[ <i>ягнёнок</i> ] —	[ <i>тёлёнок</i> ] —	— <i>обезьянши</i>
( <i>собачина</i> ) <i>собачатина</i>	<i>баранина</i>	[ <i>говядина</i> ]	( <i>обезьянина</i> )
<i>собачник</i> <i>собачатник</i>	—	<i>коровник</i> —	—
<i>собачник</i> <i>собачатник</i> —	[ <i>овчарня</i> ] —	<i>коровник</i> —	<i>обезьянник</i> —
<i>собакин</i> <i>собачий</i>	<i>баранов</i> <i>бараний</i>	<i>коровин</i> <i>коровий</i>	( <i>обезьянин</i> ) <i>обезьянний</i>
—	—	—	—
[ <i>щениться</i> ]	[ <i>ягниться</i> ]	[ <i>телиться</i> ]	—
<i>собачить(ся)</i>	—	—	<i>обезьянничать</i>

*ремень — ремешок, олень — олешек.*другого корня, служащие для выражения данного деривационного значения.  
семантические подтипы: 'охотник' (на волков), 'любитель' (собак), 'служитель'

Особенно велико разнообразие в выражении модификационных — уменьшительных, увеличительных и оценочных значений.

Развитая асимметрия между деривационными значениями и средствами их выражения резко отличает словообразовательные парадигмы от морфологических. Для морфологии характерно большее единство единства выражения того или иного грамматического значения; обычно мы можем предсказать формы косвенных падежей, зная форму именительного падежа, или формы спряжения, зная форму инфинитива и 1-го лица глагола. Именно поэтому при обучении языку иностранцев задания типа «просклоняйте (или пропрягайте) такое-то слово» обычны. Иначе обстоит дело в словообразовании. Рассмотрим СП прилагательных со значением цвета; в ней шесть производных, аналогичных по значению и средству его выражения: формы субъективной оценки (степени качества), переходные глаголы на *-ить* и на *-еть*, наречия. Другие члены СП не совпадают полностью. Некоторые производные совпадают у нескольких производящих. Это существительные со значением ‘отвлеченный признак’ (*краснота, чернота, белизна, желтизна*) и ‘носитель признака’ (*желток, белок; синяк, желтяк, беляк, черняк; краснуха, синюха, желтуха, белуха*; о различии лексических значений этих существительных см. 7, 44).

Таким образом, в СП разных прилагательных со значением цвета представлен одинаковый набор деривационных значений, которые имеют не совпадающие средства выражения. Аналогичный вывод можно сделать по отношению к СП названий животных. В этих парадигмах особенно ярко обнаруживаются связи между словообразованием и лексикой. Так, некоторые из значений, свойственные данной группе слов, у отдельных слов могут быть не выражены, потому что они имеют в языке другое лексическое средство выражения. Например, в парадигме слов *собака, корова, баран* нет названий детеныша и самки — мешает супплетивное словообразование (в языке имеются слова других корней — *щенок, ягнёнок, телёнок, овца* и противопоставленные по полу наименования: *сука — кобель, корова — бык*). От слова *корова* нет названия мяса «*коровина*», хотя мясо коровы широко употребляется в пищу, так как имеется существительное другого корня — *говядина*.

Чтобы абстрагироваться от «капризов» лексики и узуса, от многообразия средств выражения одного и того же словообразовательного значения, введем понятие «типовая словообразовательная парадигма»<sup>1</sup>. Типовую парадигму получаем, отвлекаясь от конкретных способов выражения тех или иных деривационных значений.

Типовую парадигму формируют конкретные парадигмы, в которых представлен один и тот же набор деривационных значений. Перечислим для примера семантические места, которые содержит типовая парадигма существительных — названий животных. Существительные — уменьшительные, увеличительные и оценочные; наименования самки и детеныша; наименования мяса животного; наименования помещения для животного (*коровник, попугайник*); такие слова могут создаваться с интерфиксами -ов- (*слоновник* — по аналогии с *коровник*) и -ат- (*тигрятник, слонятник* — по аналогии с *телятник*); наименования лица, связанного с животным; здесь выделяются три семантические подтипа: а) 'любитель того, что называет производящее' — *собачник, кошатник, голубятник* (с интерфиксом -ат-), ср. производные от иных семантических групп существительных: *грибник, бабник*; б) 'тот, кто ухаживает за животным' — *коровник, телятник*; в) 'тот, кто охотится на животное' — *волчатник, медвежатник*. Прилагательные высокопродуктивны и имеют такие значения: 'принадлежащий животному', 'свойственный ряду животных'. Глаголы непродуктивны и немногочисленны и выражают два вида значений: а) от слов, имеющих метафорическое значение, относимое к человеку, образуются глаголы со значением 'вести себя подобно тому, кто назван производящим словом': *собачиться, ишасть, попугайничать, обезьянничать, петушиться*; б) 'производить на свет' — эти глаголы создаются только от супплетивных названий детенышей: *жеребиться, телиться, ягниться, щениться*.

Рассмотрение типовых СП показывает, что это структуры с закрытым числом членов. От слов каждой

<sup>1</sup> Это понятие под именем «словообразовательно-семантическая парадигма» предложено Р. С. Манучаряном (см.: *Манучарян Р. С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков)* // Вопросы семантики: Тезисы докладов. М., 1971. С. 121).

лексико-семантической группы могут быть образованы производные лишь определенных деривационных значений. Для наглядности представим типовые парадигмы тех же лексико-семантических групп (табл. 14—15).

Системный характер СП проявляется не только в том, что они представляют собой структуры с закрытым числом членов, но и в том, что между отдельными членами имеются отношения взаимозависимости. Так, например, если в парадигме есть уменьшительные произ-

Таблица 14

**Типовая словообразовательная парадигма прилагательных, обозначающих цвет**

Сфера деривации (по Кириловичу)	Характеристика словообразовательного типа	Характер производных	Часть речи производного	Словообразовательное значение	Характеристика лексической семантики производного
Лексическая деривация	Модификационные	Нетранспозиционные	Прилагательное	Степени признака уменьшительность увеличительность оценочность	Лишенные фразеологической семантики
			Глагол	делать каким становиться каким обнаруживать признак	
		Транспозиционные	Наречие	признак признака	
Синтаксическая деривация	Мутационные	Существительное		название отвлеченного признака (номіна abstracta)	
				название носителя признака (номіна concreta)	
Лексическая деривация					Наделенные фразеологической семантикой

Таблица 15

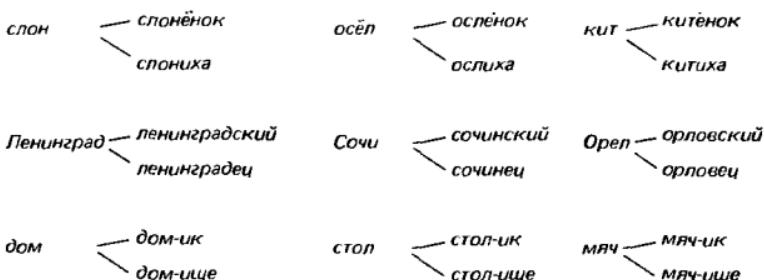
**Типовая словообразовательная парадигма  
существительных — именаний животных**

Сфера деривации (по Куриловичу)	Характеристика словообразовательного типа	Характер производных	Часть речи производного	Словообразовательное значение
Лексическая деривация	Модификационные	Нетранспозиционные	Существительное	уменьшительность увеличительность оценочность название самки название детеныша
	Мутационные			название мяса животного название помещения для животного название лица, связанныго с животным: 1. 'любитель'; 2. 'служитель'; 3. 'охотник'
Синтаксическая деривация		Транспозиционные	Прилагательное	принадлежащий животному свойственный животному
Лексическая деривация	Мутационные		Глагол	вести себя подобно тому, кто назван животным производить на свет детеныша

водные, в ней должны быть и увеличительные; если в ней есть название лица мужского пола, то можно ожидать и название лица женского пола; если есть название самки, должно быть и название детеныша. Члены СП образуют оппозиции разного рода, например противопоставленность по степени признака (градуальная оппозиция): уменьшительность ~ увеличительность (сто-

*лик/столище, головка/головища*); слабая ~ сильная степень проявления признака (*черноватый/чернущий, холодноватый/холоднющий*); чрезмерность реализации действия ~ недоведение действия до нужного предела (*пересолить/недосолить, переварить/недоварить*). Иные виды противопоставлений могут рассматриваться как оппозиции эквиполентные (каждый член оппозиции содержит специфический признак, отличающийся от признака, свойственного другому члену как противоположный, антонимичный): глаголы со значением начала ~ конца действия (*загреметь/отгреметь, зацвести/отцвести*), направления действия внутрь ~ наружу (*войти/выйти, влететь/вылететь*), и т. п.

В структуре типовых СП следует различать м а к с и м а ль н ы й набор семантических мест, допускаемых системой языка в качестве производных от слов данной лексико-семантической группы, и р е г у л я р н о ре а л и зу е м ы й набор производных. Совокупность производных, связанных с производящим регулярной связью, предложено называть м и к р о с т р у к т у р а м и. Например:



Члены парадигмы являются по отношению друг к другу кодериватами.

Сравнение типовых и конкретных СП показывает, какие закономерности регулируют соединение основ и аффиксов при образовании производных. Как мы видели, размерно-оценочные существительные легко образуются от названий животных. При этом базовые слова разного грамматического рода сочетаются с разными суффиксами. Так, суффиксы *-к(a)*, *-енциj(a)* и *-'онк(a)* сочетаются только со словами женского рода: *собачка, коровка, собаченция, коровёнка, собачонка*. Слова *коровенция* нет в узусе, но оно может быть образовано, так как сцепление данного суффикса с основой женского рода не противоречит системным связям этих единиц.

Однако с основами мужского рода эти суффиксы соединиться не могут, так как они спаяны с системой флексий женского рода. Слова типа «волчка», «ишачка» ('маленький ишак'), «бараненция» не могут быть образованы. Основы мужского рода обслуживаются уменьшительными суффиксами *-ик* (*слоник*) и *-ок/ #к* (выступает после основ на заднеязычные: *ишачок, волчок*), спаянными с системой флексий мужского рода. Таким образом, распределением конкретных средств выражения единого деривационного значения уменьшительности распоряжается морфология.

Ограничения другого рода идут от лексики. Как мы видели, отсутствие производных со значением детеныша и самки от слов *корова, собака, баран* объясняется тем, что это семантическое место занято словами других корней (супплетивные образования). Таким образом, лексика и морфология, как ближайшие соседи словообразования, обнаруживают свое влияние в фактах реализации ~ нереализации тех или иных единиц.

На реализацию словообразовательных потенций оказывают влияние также фонетика и синтаксис. Фонетические особенности слова, например характер находящихся в исходе основы звуков, а также место ударения определяют сочетаемость основ и аффиксов (см. об этом в гл. 6). Воздействие синтаксиса можно видеть в том, что процессу универбации подвергаются не все типы словосочетаний, а лишь некоторые; на характер фразеологических наращений в семантике слова влияет его синтаксическая сочетаемость (см. 7, 44).

### § 43. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА

Если сцеплению аффикса и основы мешают узуальные ограничения, они могут быть преодолены. При наличии общественного или индивидуального заказа на слово создается производное слово, реализующее словообразовательный потенциал производящего. Время появления подобных слов установить невозможно. Они живут в языке под спудом, заключены в словообразовательных возможностях языка, но реально могут и не появляться, если в них нет нужды.

Потенциальные слова заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм и образуются по продуктивным словообразовательным типам.

Таким образом, СП имеют прогнозирующую силу. Так, если мы знаем, что в типовую СП входят слова с тем или иным деривационным значением, мы можем ожидать их появления от любого слова той или иной лексико-семантической группы. Например, конкретные парадигмы названий животных постоянно пополняются членами, реализующими все те деривационные значения, которые содержит типовая СП. Названия детенышней активно создаются от любых, даже самых редких, названий животных: *кабаржонок*, *кускусёнок*, *мамонтёнок* и т. п. Слова со значением ‘мясо животного’ потенциально образуются от любого названия животного: *китятина*, *слонятина*, *гнучатина* (от имени антилопы *gnu*) и т. п.

Не все слова, заполняющие пустые клетки словообразовательной парадигмы, являются потенциальными и лишенными фразеологической семантики. Это относится к словообразовательным типам: 1) не обладающим высокой продуктивностью и/или 2) в качестве форманта которых выступают многозначные аффиксы. Так, например, встретив вие контекста слова *журавлятник*, *попугайник*, *бегемотник*, мы могли бы понять их только в рамках тех значений, которые предсказывает типовая СП (1) помещение; 2) лицо — а) ‘служитель’, б) ‘любитель’, в) ‘охотник’), но что именно означают эти существительные, мы не могли бы сказать. Приведем примеры употребления таких слов в текстах, когда их значение проясняется окружением: *попугайник*, *бегемотник* — ‘помещение’ (*Выстроен новый попугайник; В бегемотнике тепло и чисто*); *журавлятник* — ‘служитель’ (*Прибавились хлопоты пастухам-журавлятникам*).

Когда говорящий произносит потенциальное слово, он не повторяет ранее слышанное знакомое слово, а создает новое по известному ему образцу. По существу, это чистая реализация возможностей словообразовательного типа. Примером таких высокопродуктивных типов, по которым создаются потенциальные слова, могут быть префиксальные существительные (с приставками *анти-*, *сверх-*, *не-*), прилагательные (с приставками *архи-*, *анти-*, *сверх-*), глаголы (с приставками *за-*, *от-*, *до-*, *пере-* в некоторых значениях), существительные с суффиксами *-тель*, *-ниj(e)*, *-ость*, *-ищ(e)* с увеличительным значением, прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-ов-*, *-н-*.

## § 44. СЕМАНТИКА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ И УЗУАЛЬНЫХ СЛОВ. ЕЩЕ РАЗ О ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТИ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Потенциальные слова отличаются от узуальных характером своего значения. Значение потенциальных слов целиком складывается из значения составляющих их частей, в нем нет ничего добавочного, индивидуального, а значение производных узуальных слов, хотя и складывается из значения составляющих его морфем, нередко может иметь нечто добавочное, индивидуальное, что нельзя узнать из модели, а необходимо знать заранее. Как уже говорилось, это свойство называют фразеологичностью семантики слова. В приведенных СП (см. табл. 12—15) ярко видно различие между разными разрядами производных в отношении к фразеологичности семантики. Напомним, что не все узуальные слова характеризуются фразеологичностью семантики. Модификационные производные, имеющие размерно-оценочные значения, значения 'детеныш', 'самка', а также синтаксические дериваты — существительные со значением отвлеченного признака лишены фразеологичности семантики.

Фразеологичность семантики по-разному обнаруживается у слов разных частей речи и разных семантических разрядов. Глагол и прилагательное в целом менее фразеологичны, чем существительное. Имена лиц менее фразеологичны, чем названия предметов. Наиболее ярко фразеологичность семантики обнаруживается у предметных существительных с конкретным значением. Так, существительные, имеющие деривационное значение 'носитель признака', содержат самые разнообразные фразеологические наращения, что определяет различие их лексических значений: *желтуха, краснуха* — название болезней; *белуха* — морское млекопитающее белого цвета; *беляк* — 1) заяц, 2) белогвардеец; *синяк* — кровоподтек синего цвета; *желтяк* — желтый огурец; *черняк* — черный шар на выборах, отрицательный бюллетень на выборах.

Яркость внутренней формы таких слов, прозрачность строения позволяет использовать их для названия самых разных предметов и явлений<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Интересные наблюдения над значением конкретных существительных с фразеологической семантикой содержатся в статье: Ерман-

Явление фразеологичности семантики не следует смешивать с явлением лексикализации, которое происходит, когда слово подвергается опрощению, как, например, в существительных *копыто* (нет связи с глаголом *копать*), *лапоть* (нет связи с существительным *лапа*). Подчеркнем, что слова, характеризуемые фразеологичностью семантики, являются производными; в них четко выделяются морфемный состав и словообразовательное значение.

Среди фразеологических наращений имеются наращения регулярные, повторяющиеся у целого разряда слов, и наращения индивидуальные. Например, у слов со значением ‘производитель действия’ повторяющимся наращением бывает ‘по профессии’: *учитель, писатель, водитель, копировщик, формовщик* и т. п. Ср. слова с тем же деривационным значением, лишенные этого наращения: *мечтатель, любитель, заявитель, отправитель, получатель* (на почте), *читатель, жилец, беглец, творец*. Примером слов, содержащих нерегулярные смысловые наращения, могут быть слова: *украшательство* — ‘украшение дурного вкуса и с преувеличением’; *укрывательство* — ‘умышленное скрытие дурного’; *описательство* — ‘бездумное описание’.

Фразеологичность семантики производного слова объясняется не только спецификой лексических значений тех или иных производных слов, но и общими особенностями системы языка, а именно наличием полисемантических слов и аффиксов.

Кратко охарактеризуем два типических вида фразеологичности семантики производного слова, связанные с указанной особенностью языка.

1. Значение производного базируется на одном из значений многозначного производящего, но установить, на каком именно, зная лишь состав производного, невозможно.

Сравним существительные 1) *испытатель*, 2) *водитель*, 3) *проигрыватель* и производящие глаголы. Эти существительные обозначают: 1) ‘лицо, которое испытывает аппараты или материал’; 2) ‘лицо, которое водит разные виды транспорта (трамвай, троллейбус, автобус и т. п.)’; 3) ‘механизм, который служит для проигрывания пластинок’. Как видно из толкований, данные существительные соотносятся лишь с одним из значений производящих глаголов, ибо *испытатель* это не тот, кто испытывает жажду, терпение, чувство страха

кова О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур.

и т. п.; *водитель* не тот, кто водит карандашом по бумаге, а *проигрыватель* вовсе не тот, кто проигрывает в карты, шахматы или в спортивных соревнованиях. Существительное базируется на одном, определенном значении глагола и не связано с другими.

2. Состав производного не указывает, какое именно значение полисемантичного аффикса использовано в нем. Примером может служить приведенное слово *проигрыватель*. Оно обозначает инструмент (механизм), а не лицо, как мы могли бы предположить, встретив слово такого состава. Таким образом, источник фразеологичности здесь не только многозначность основы, но и семантика суффикса *-тель*. Существительные с суффиксом *-тель*, имея общее значение ‘производитель действия’, могут обозначать в русском языке: ‘лицо — производитель действия’ и ‘предмет — производитель действия’. Последнее значение может быть конкретизировано так: ‘инструмент’ (*выключатель, распылитель, опрыскиватель*), ‘вещество’ (*краситель, заменитель*), ‘место’ (*распределитель, вытрезвитель*). Реализация того или иного из этих значений непредсказуема, она не может быть выведена из состава слова. Мы не можем догадаться, если не знаем этого, что *краситель* — красящее вещество, а не рабочий, производящий окраску, *опрыскиватель* — механизм, а не название специальности, а *вытрезвитель* — место-учреждение, а не какой-либо медицинский препарат, способствующий вытрезвлению. Таким образом, многозначность аффиксов, проявляющаяся в соединении с одним и тем же типом основ, определяет один из широко распространенных видов фразеологичности семантики производного слова.

#### § 45. ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ?

Рассмотрим этот вопрос, сравнивая типовые СП имени и глагола. Выше были приведены конкретные и типовые парадигмы прилагательных и существительных (см. табл. 12—15), рассмотрим (для сравнения) типовую СП глагола (табл. 16), в которой представлены самые общие деривационные значения отглагольных производных.

Из сравнения типовых СП слов разных частей речи видно, сколь разными закономерностями регулируется словообразовательный потенциал разных частей речи.

Таблица 16

## Типовая словообразовательная парадигма глагола

Сфера деривации (по Куриловичу)	Характеристика словообразовательного типа	Характер производных	Часть речи производного	Словообразовательное значение
Лексическая деривация	Модификационные	Нетранспозиционные	Глагол	Пространственные модификации действия Временные модификации действия Модификация действия по степени интенсивности
Лексическая и синтаксическая деривация			Прилагательное	Активный процессуальный признак Пассивный процессуальный признак
Синтаксическая деривация		Транспозиционные	Наречие	Процессуальный признак признака
Лексическая деривация	Мутационные			Имя отвлеченного действия (помеп <i>actionis</i> )
			Существительное	Имя деятеля (помеп <i>agentis</i> ) Имя пассивного лица (помеп <i>patientis</i> ) Имя объекта Имя инструмента (помеп <i>instrumenti</i> ) Имя расходуемого продукта Имя места действия (помеп <i>loci</i> )

Словообразовательный потенциал всех частей речи определяется семантикой производящего, составом его семантических компонентов, но у глагола он в сильной степени зависит и от синтаксических связей глагола (его сочетаемости). Глагол называет целую ситуацию, участники которой могут быть обозначены отдельными словами, в том числе производными. Поэтому в сфере отглагольного словоизводства можно отметить такую закономерность: производные создаются как реализация валентностей производящего глагола. Например, глагол *учить* имеет такие валентности: *кто* ('производитель действия' — *учитель*), *кого* ('объект действия' — *ученик*), *где* ('место действия' — *училище*). При этом не каждая валентность глагола находит реализацию в производном слове (так, нет производного, реализующего валентность содержания: *учить чему*), но нет отглагольных производных, которые имели бы семантику отсутствующей у глагола валентности<sup>1</sup>. Поэтому, например, непереходные глаголы не имеют производных со значением объекта действия, а безличные глаголы — производных со значением производителя действия, т. е. не может быть обозначения результата от глаголов *спать*, *сидеть*, *стоять* и под., обозначения производителя действия от глаголов *смеркаться*, *вечереть*, *светать* и под.

Приведем еще некоторые примеры отглагольных производных; со значением инструмента действия — *чем* (*косить* — *косилка*, *молотить* — *молотилка*), места действия — *где* (*спать* — *спальня*, *читать* — *читальня*, *красить* — *красильня*, *раздеваться* — *раздевалка*), остатка, отхода от действия — *что* (*рубить* — *обрубок*, *пилить* — *о-пил-к-и*, *грызть* — *о-грыз-ок*).

В области отыменного производства наблюдается иная картина. У имен существительных и прилагательных нет таких разветвленных синтаксических свойств, которые могли бы лежать в основу создания на их базе производных. От имен существительных, особенно конкретной семантики, создаются производные,

<sup>1</sup> Эта закономерность отмечена рядом ученых; см.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка; Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис; Buzássyová K. Sémantická štruktúra slovenských deverbalív. Bratislava, 1974; Морозова Т. С. Структура словообразовательных парадигм природных деструктивных глаголов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.

основанные на тех или иных семантических компонентах производящего, таких, например, как: одушевленность ~ неодушевленность, конкретность ~ абстрактность, размерность, вещественность.

Однако и в сфере отыменного словообразования создание производных может опираться на типические лексико-синтаксические связи производящего. Так, для слова *пожар* характерна связь с предикатом *тушить*, отсюда: *пожарник* — ‘кто (тушит) пожар’. Аналогично: *барабанищик* — ‘кто (бьет) в барабан’, *пианист* — ‘кто (играет) на пианино’; *грибник* — ‘кто (любит собирать) грибы’ и т. п. Таким образом, словообразовательное значение производных может быть реализацией валентностей глагола-предиката, типичного для данного имени: *аптекарь* — ‘кто (работает) в аптеке’ (субъект назван по месту действия), *чайник* — ‘сосуд, где (кипятят или заваривают) чай’. Итак, в основу семантики производных ложатся лексико-синтаксические связи имени.

На словообразовательный потенциал слов разных частей речи оказывают влияние также следующие факторы: употребительность, стилистическая окраска, широта сочетаемости, связь семантики слова с жизнью человека (прагматика). Можно отметить, что словообразовательный потенциал шире:

1) у слов высокоупотребительных, чем у слов малоупотребительных;

2) у слов нейтральных, чем у слов стилистически окрашенных;

3) у слов, обладающих широкой сочетаемостью, чем у слов, обладающих ограниченной сочетаемостью;

4) у слов, относящихся к целенаправленной деятельности человека, к сферам, важным для жизни человека, чем у слов, называющих явления иного рода.

## § 46. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА И ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ

Между особенностями реализации словообразовательного потенциала слова (имени или глагола) и тем, какие семантические приращения характеризуют его семантику, имеются определенные связи. Для отсубстантивных производных характерно следующее. Глагол — предикат словосочетания, который типичен для имени, не находит прямого отражения в составе слова и служит базой для семантики фразеологических

наращений. Так, если состав слова *пожарник* показывает, что это ‘имя лица, связанного каким-то образом с пожаром’, то знание типических связей этого имени (пожар прежде всего следует тушить) подсказывает, что существительное *пожарник* именует человека, тушащего пожары, но не устраивающего их<sup>1</sup>. У отглагольных производных источники семантической фразеологичности иные. Они обычно основываются на именном члене, «спрятанном» в базовом словосочетании и не вошедшем в состав производного. Возьмем ряд отглагольных существительных со значением действующего лица: *наборщик* — ‘кто набирает (шрифт в типографии)’, *водитель* — ‘кто водит (общественный транспорт)’, *регулировщик* — ‘кто регулирует (уличное движение)’ и т. п.

Таким образом, различие в способах реализации словообразовательного потенциала имени и глагола определяет и различие в том, какой характер имеют фразеологические наращения отглагольных и отыменных производных. Эти важные и интересные различия были открыты и описаны в работах О. П. Ермаковой.

## § 47. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА

За пределами словообразовательных парадигм находятся слова, которые производятся с нарушением словообразовательных закономерностей, действующих в языке. Такие слова называют окказиональными. Термином «окказиональный» принято называть факты, не соответствующие общепринятым языковым нормам.

Окказиональные слова отличаются тем, что при их образовании нарушаются (обычно сознательно, в целях экспрессивности) законы построения соответствующих общеязыковых единиц, нормы языка<sup>2</sup>. Окказиональные

<sup>1</sup> О том, можно ли предсказать семантику производного слова, зная состав его морфем, см.: Милославский И. Г. О регулярном приращении значения при словообразовании // Вопр. языкоznания. 1975. № 6.

<sup>2</sup> Об окказиональном словообразовании см.: Ханица Э. И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М., 1972; Калниязов М. У. Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования, 1. С. 285—291; Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Там же. С. 413—418; Лыков А. Г. Современная русская лексикология. М, 1976.

факты — это факты речи, а не факты языка. Окказиональные слова противостоят словам узультым. Окказиональные слова отличаются от новообразований языка (неологизмов) тем, что сохраняют свою новизну, свежесть независимо от реального времени их создания. Окказионализмы Державина, Пушкина и других писателей прошлого дышат новизной и сейчас, хотя им более ста лет, а молодые слова *колхоз*, *ООН*, *БАМ*, *ракетодром*, *телевидение*, *капрон* сейчас уже не воспринимаются как неологизмы.

Окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям. Поэтому окказионализмы разного рода иногда называют индивидуальными (или авторскими), подчеркивая их необщепринятость и отнесенность к известному создателю. При этом окказиональное (или индивидуальное) противопоставляют общенародному, языковому. Однако отличительной особенностью окказионализмов является не их связь с определенным творцом (индивидуальный характер), а то, что при их образовании произошло нарушение действующих в языке законов производства тех или иных единиц. Окказиональные слова — антиподы слов потенциальных, так как последние создаются по законам словообразования. Нет принципиальных отличий между окказионализмами авторскими (писательскими) и окказионализмами, не претендующими на авторство,— детскими или разговорными, ибо в этих трех сферах преимущественно и создаются окказионализмы.

Существует несколько видов окказионализмов. С точки зрения того, как именно нарушаются при окказиональном словообразовании законы действия словообразовательного типа, можно различать два вида окказионализмов: 1) произведенные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов; 2) произведенные по образцу типов непродуктивных и малопродуктивных в ту или иную эпоху, т. е. с нарушением законов эмпирической продуктивности.

В окказионализмах первого вида нарушаются условия образования производных слов того или иного типа безразлично к тому, обладает ли данный тип эмпирической продуктивностью или нет.

В окказионализмах второго вида нарушается общая пассивность, бездеятельность типа в ту или иную эпоху,

но условия образования производных слов этого типа не затрагиваются.

Образцом для производства окказионализмов может быть не только непродуктивный словообразовательный тип, но и отдельное непроизводное, но членимое слово. В таком случае говорят о словообразовании по конкретному образцу (термин Н. А. Янко-Триницкой). Это третий вид окказионализмов. Этот вид окказионального словообразования объясняется тем, что непроизводные, но членимые (см. гл. 2) слова являются определенными структурами, которые могут действовать как образец.

Окказиональное словообразование названных видов (как и любое словообразование) совершается под воздействием аналогии. Аналогия при этом действует и как фактор регулярности, единобразия (так как окказионализм берет за образец обычное слово), и как фактор нарушения регулярности (так как окказионализм, беря за образец обычное слово, чем-то не похож на него, отличается от него)<sup>1</sup>. Именно поэтому окказиональные слова непредсказуемы. Их появление в языке нельзя предвидеть. Этим они отличаются от слов, производимых по правилам продуктивности, появление которых можно предугадать. Рассмотрим несколько примеров окказионализмов разных видов.

Активно образуются окказионализмы, в которых используются производящие основы иной семантической группы, чем это диктуют правила действия словообразовательного типа. Например, поэт Вл. Бахнов называет иронический цикл стихов, посвященных лопухам, «Лопухиада». Имена существительные с суффиксом *-иад(a)*, обозначающие совокупность чего-либо (это значение сохраняется в окказионализме), образуются от основ иной семантики: от географических названий и имен собственных. Ср. ряд таких названий: «Россиада» — поэма Хераскова, «Сибириада» — название кинофильма.

Существительные с приставкой *пра-*, обозначающей первоначальность, изначальность чего-либо, производят имена существительные, обозначающие разного рода научно-исторические понятия: *прапородина, праязык, праславяне*. Употребление слова *пра-телефоны*,

<sup>1</sup> О сложности действия фактора аналогии в словообразовании см.: Шмелев Д. Н. Об одном случае активной аналогии в современном языке // Развитие современного русского языка. М., 1963.

нарушающего сочетаемость приставки *пра-*, в стихотворении Р. Рождественского «Ретро» создает яркий образ древнего предмета:

Что за изгнбы моды?  
Время  
сошло с ума:  
бабушкины комоды  
в блочные  
лезут  
дома!  
Вещи  
нездешней формы  
люстры,  
шкатулки,  
бра.  
Медные  
*пра-телефоны,*  
чайники  
тоже «пра».

Примером окказионализма, образованного по конкретному образцу, может быть наречие *вполноги*, созданное по образцу наречий *вполглаза*, *вполголоса*, *вполуха*, обозначающих неполноту признака:

У всякой неполноты  
Пределы свои и традиции:  
Балерины танцуют *вполноги*  
на репетиции...

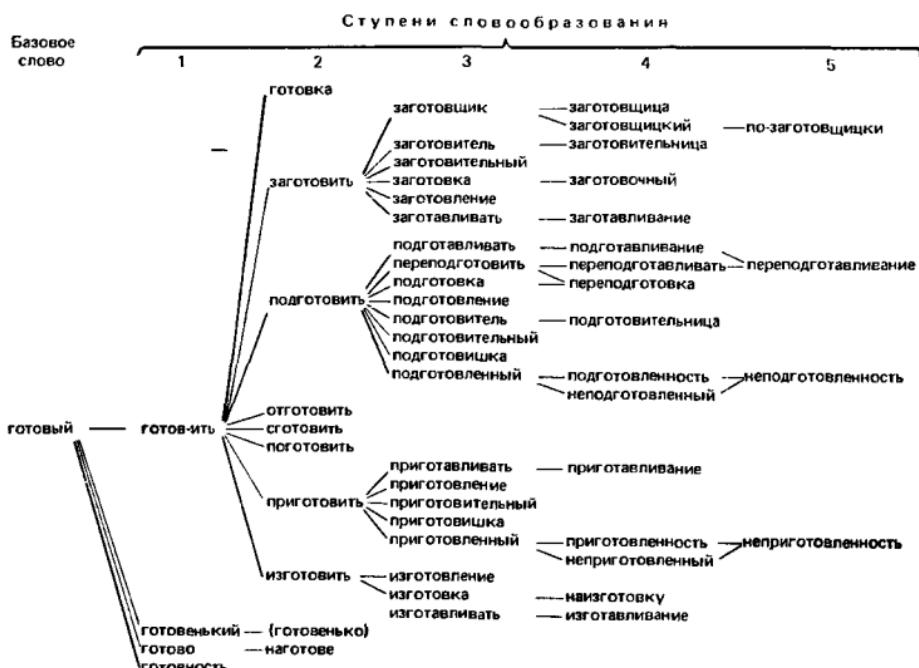
(А. Коваленков)

При образовании окказионализмов действуют и специфические способы словообразования. Назовем один из них — *ка л а м б у р н ы й*. Окказионализм по форме напоминает узульное слово, которое, однако, изменено так, что каламбурно сближается со словами других семантических групп. Сталкиваясь в структуре окказионализма, два близких по звучанию, но далеких по значению узульных слова формируют сложную семантику окказионализма, в результате чего окказионализм приобретает каламбурное звучание. Таковы слова *дымократия* и *дымократы*, в которых сложно скрещивается семантика слов *демократия*, *демократы* и *дым*, *дымовая завеса*: ...это — *дымовая завеса, под прикрытием ее внутренняя и внешняя реакция* пытается повернуть ход истории вспять. Вот и получается: речь идет не о демократии, а о дымократии. Чем больше дыму, тем сподручней орудовать.

*Конечно, демократы не говорят в открытую о своих намерениях. Но чего они добиваются — не секрет* (Из газет).

## § 48. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО

Словообразовательные цепи и парадигмы являются составными частями наиболее сложной и многочленной единицы словообразования — словообразовательного гнезда. Они взаимодополняют друг друга и реализуют парадигматические и синтагматические связи слов в гнезде. В своей совокупности цепи и парадигмы и являются тем строительным материалом гнезда, который позволяет вскрыть его сложную иерархическую организацию. Словообразовательное гнездо — это иерархически организованная, упорядоченная совокупность всех производных базового слова. Дадим в качестве примера гнездо прилагательного *готовый* (с некоторыми сокращениями), отчетливо показывающее ступенчатый характер русского словообразования и сложную иерархическую организацию гнезда<sup>1</sup>.



<sup>1</sup> Богатый материал словообразовательных гнезд русского языка дается в кн.: Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978; его же. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

## § 49. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИКРОСИСТЕМЫ

В формировании словообразовательной системы языка участвуют в качестве составных частей такие подчиненные микросистемы, как микросистема производных, составляющих слова одной части речи, и микросистема производных от слов одной части речи. Эти микросистемы представляют собой заданные самой природой языка членения системы словообразования. Они обнаруживают тесную связь словообразования с морфологией, так как и часть речи, к которой относится производящая основа, и часть речи, к которой относится производное, влияют на характер производного.

Производное слово наследует от производящего определенные свойства, зависящие от принадлежности последнего к той или иной части речи. Эти свойства объединяют все производные, образованные от той или иной части речи (отсубстантивные, отглагольные, отадъективные, отнаречные).

В то же время производное слово, принадлежа к определенной части речи, характеризуется определенными грамматическими признаками. Эти признаки составляют отличительные черты всех производных, относящихся к данной части речи (производные существительные, глаголы, прилагательные, наречия). Словообразованию каждой части речи присущи свои особенности. Для словообразования глагола характерна префиксация, менее развитая в производстве существительных, прилагательных и наречий. С другой стороны, такие способы словообразования, как аббревиация и усечение, действуют только в словообразовании существительных.

Кроме того, в конструировании системы словообразования в качестве особых выделяются микросистемы производных: а) относящихся к одному и тому же способу словообразования — суффиксация, префиксация, нулевая суффиксация, аббревиация и т. д. и б) микросистемы производных, включающих один и тот же словообразовательный формант.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии [1952] // Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Dokulil M. *Tvorění slov v češtině*. Praha. 1962. T. 1: Teorie odvozování slov. (Резюме на рус. яз.)

Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.

Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // *Русский язык: вопросы его истории и современного состояния* (Виноградовские чтения I—VIII). М., 1978. С. 63—77.

Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

## Глава 8

### СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Три основные знаменательные части речи — существительное, прилагательное и глагол — характеризуются своеобразием как в отношении способов словообразования, так и в отношении деривационных аффиксов и характерных для каждой части речи деривационных значений.

Здесь будут рассмотрены лишь основные черты словообразования названных частей речи<sup>1</sup>.

Словообразование каждой части речи целесообразно описывать исходя из того, какие словообразовательные категории действуют в пределах разных способов словообразования.

#### § 50. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Имя существительное в словообразовательном отношении — самая богатая часть речи. Кроме способов словообразования, действующих в сфере других частей речи, имеются специфические субстантивные способы словообразования: аббревиация, усечение основ, субстантивация. Существует лишь один способ словообразования, не распространяющийся на существительные,— сращение (это способ словообразования прилагательных).

В словообразовании существительных широко представлена суффиксация. Этим способом производятся существительные от основ различных частей речи: имен существительных, прилагательных, глаголов и

<sup>1</sup> Подробнее описание словообразования различных частей речи см. в работах: В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1986; Русская грамматика. М., 1980 (гл. «Словообразование»); Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование (гл. 9); Русская грамматика. Praha, 1979 (гл. «Словообразование»).

реже наречий. По сравнению со словообразованием других частей речи число суффиксов существительных самое значительное.

Производные, относящиеся к области синтаксической деривации, образуются от основ имен прилагательных и глаголов.

Отприлагательные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного признака и образуются с помощью суффиксов:

**-ость:** глупый — глуп-ость, весёлый — весёл-ость;

**-от(а):** добрый — добр-ота, прямой — прям-ота;

**-ин(а):** тихий — тишина;

**-изн(а):** белый — бел-изна, голубой — голуб-изна;

**-ө + изменение конечного согласного основы + система флексий существительных типа кость:** зелёный — зелень, гнилой — гниль, сухой — сушь;

**-ө + усечение суффикса или субморфы -н-** производящей основы + система флексий существительных типа стол: интимный — интим, примитивный — примитив, грандиозный — грандиоз. Эти образования синонимичны существительным с суффиксом **-ость**, ср.: грандиоз и грандиозность.

Среди имен существительных с суффиксами **-ость**, **-от(а)**, **-изн(а)**, **-ин(а)** имеются слова, не относящиеся к области синтаксической деривации, так как они не равны по значению однокоренным прилагательным. Таковы названия физических параметров, т. е. измерений (типа *скорость*, *глубина*, *ширина*, *высота*)<sup>1</sup>.

Отглагольные синтаксические дериваты имеют значение отвлеченного действия и образуются с помощью суффиксов:

**-ниј(е):** рисовать — рисова-ние, петь — пе-ние;

**-к(а):** носить — нос-ка, разрезать — разрез-ка;

**-ө:** отгонять — отгон-ө, перелететь — перелет-ө;

**-б(а):** косить — кось-ба, молотить — молоть-ба.

Область лексической деривации включает ряд словообразовательных категорий.

Производные от основ имен существительных.

1. Существительные, имеющие размерно-оценочные значения. Эти значения по-разному обнаруживаются в производных. Чаще всего значение уменьшительности совмещается со значением положительной оценки (ла-

<sup>1</sup> См.: Панов М. В. Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 27.

скательности), а значение увеличительности — со значением отрицательной оценки (уничижительности):

**-ик:** дом — дом-ик, мяч — мяч-ик;

**-чик:** карман — карман-чик, автомобиль — автомобиль-чик;

**-ец:** брат — брат-ец, доклад — доклад-ец;

**-ц(е)/-ец(о)/-иц(е):** окно — окон-це, корыто — корыт-це, письмо — письм-ецо;

**-иц(а):** вода — вод-ица, вещь — вещ-ица;

**-ок:** друг — друж-ок, лист — лист-ок;

**-к(о):** яйцо — яич-ко, ведро — ведёр-ко;

**-к(а):** рука — руч-ка, нога — нож-ка;

**-еньк(а):** нога — нож-енька, рука — руч-енька;

**-иш(е), -ищ(а):** дом — дом-ище, книга — книж-ища;

**-ин(а):** дом — дом-ина, газета — газет-ина;

**-ишк(а), -ишк(о):** дом — дом-ишака, слон — слон-ишака, письмо — письм-ишко;

**-'ошк(а):** рыба — рыб'-ошка, комната — комнат'-ошка;

**-ышк(о):** перо — пер-ышко, крыло — крыл-ышко;

**-'онк(а):** рука — руч-онка, газета — газет'-онка;

**-енциј(а):** книга — книж-енция, старуха — старуш-енция.

2. Существительные, имеющие собирательное значение:

**-ств(о):** учитель — учитель-ство, офицер — офицер-ство;

**-иј(а):** комсомол — комсомол-ия, пионер — пионер-ия;

**-н'(а):** ребята — ребят-ня, офицер — офицер-ня, солдат — солдат-ня;

**-ј(о):** ворон — ворон'-ј(о), зверь — звер'-ј(о), пацан — пацан'-ј(о), профессор — профессор'-ј(о), тряпка — тряп'-ј(о);

**-ур(а):** профессор — професс-ура, аппарат — аппаратор-ура.

3. Особую словообразовательную категорию составляют существительные, обозначающие совокупность каких-то предметов или явлений, связанных с тем, что называет производящее существительное. Такие производные образуются с помощью суффикса **-иан(а):** Ленин — Ленин-иана, Пушкин — Пушкин-иана, Мольер — Мольер-иана. То же значение могут иметь производные с суффиксом **-(и)ада.** Обычно они употребляются в

книжных заголовках: «Бюрократиада» Маяковского, «Россиада» Хераскова.

4. Существительные, имеющие значение единичности, производятся от основ существительных вещественных с помощью суффиксов:

-ин(а): *горох — горош-ина, фасоль — фасол-ина, виноград — виноград-ина;*

-инк(а) (значение единичности совмещается со значением уменьшительности): *песок — песч-инка, снег — снеж-инка, солома — солом-инка.*

5. Существительные, имеющие значение невзрослоти, образуются от названий животных и лиц с помощью суффиксов:

-онок (во мн. ч. -'ата): *тигр — тигр'-онок, мышь — мыши-онок, повар — повар'-онок;*

-оньши: *змея — змеј-оньши, волк — волч-оньши.*

6. Существительные женского рода, соотносительные с однокоренными существительными мужского рода, обозначающие живые существа женского пола.

Существительные, обозначающие лиц женского пола, образуются от основ соотносительных существительных с помощью различных суффиксов.

Одни из суффиксов прибавляются к неусеченной основе соотносительного существительного:

-их(а): *дворник — дворнич-иха, повар — повар-иха;*

-ш(а): *кондуктор — кондуктор-ша, доктор — доктор-ша* (о жене доктора и докторе-женщине);

-j(а): *певун — певун'-j(а), шалун — шалун'-j(а).*

Другие суффиксы присоединяются к основе существительного, лишенной суффикса лица:

-щик/-щиц(а), -чик/-чиц(а): *сортировщик — сортиров-щица, наладчик — налад-чица, буфетчик — буфет-чица;*

-ец/-иц(а): *красавец — красав-ица, упрямец — упрям-ица.*

Третью группу представляют суффиксы, которые в одних случаях присоединяются к основе существительного, содержащей суффикс лица, а в других — к основе, лишенной этого суффикса. Таковы, например, суффиксы -к(а) и -ниц(а).

Суффикс -к(а). В тех случаях, когда существительное мужского рода содержит суффиксы -ец, -анин или -ин, соотносительное существительное женского рода не включает элементов -ец и -ин: *литовец — литов-ка, эстонец — эстон-ка, комсомолец — комсомол-ка, киев-*

лянин — киевлян-ка. В других случаях суффикс -к(а) присоединяется к основе существительного: студент — студент-ка, пионер — пионер-ка, москвич — москвич-ка, швед — швед-ка.

Суффикс -ниц(а) присоединяется к основам существительных с суффиксом -тель: учитель — учительница, писатель — писательница.

Если же существительное мужского рода имеет суффикс -ник или -ик, то он не входит в существительное, но соотносится с -ница, -ица в существительном женского рода: колхозник — колхоз-ница, школьник — школь-ница.

Существительные, обозначающие самок животных, производятся от соотносительных существительных с помощью суффиксов:

-иц(а): тигр — тигр-ица, волк — волч-ица, орел — орл-ица;

-их(а): слон — слон-иха, лебедь — лебед-иха;

-к(а): голубь — голуб-ка, глухарь — глухар-ка.

7. Существительные со значением лица, связанного каким-либо образом с тем, что названо производящей основой, образуются с помощью суффиксов:

-щик/-чик: барабан — барабан-щик, баня — банщик, газета — газет-чик;

-ник: школа — школь-ник, колхоз — колхоз-ник;

-ец: Ленин — ленин-ец, комсомол — комсомол-ец;

-ист: Маркс — маркс-ист, Пушкин — пушкин-ист, трактор — трактор-ист;

-ант: квартира — квартир-ант, диплом — дипломант;

'-ор: комбайн — комбайн'-ор, киоск — киоск'-ор;

-арь: аптека — аптек-арь, библиотека — библиотек-арь;

-ич: Москва — москв-ич, Кострома — костром-ич;

'-ак: Тула — тул'-ак, Пермь — перм'-ак;

-анин: Рига — риж-анин, Рим — римл'-анин;

-ач: борода — бород-ач, усы — ус-ач;

-ан: пузо — пуз-ан, горло — горл-ан.

8. Существительные со значением ‘вместилище, помещение для того, что названо производящей основой’ производятся с помощью суффиксов:

-ник: чай — чай-ник, молоко — молоч-ник, пчела — пчель-ник;

-ниц(а): сахар — сахар-ница, салат — салат-ница.

9. Существительные со значением ‘место, связанное

с тем, что названо производящей основой' производятся с помощью суффиксов:

-**н'(а):** колокол — колоколь-ня, кофе — кофе-(й)-ня;

-**ищ(е):** пожар — пожар-ище, костёр — костр-ище ('место от костра').

От основ имен прилагательных производятся наименования лиц, живых существ и предметов со значением 'носитель признака, названного производящей основой'. При этом используется суффиксация: 1) материально выраженная, 2) нулевая.

1) Суффиксация материально выраженная:

-**ак:** пошлый — пошл'-ак, бедный — бедн'-ак, толстый — толст'-ак, порожний — порожн'-ак;

-**ец:** скупой — скуп-ец, слепой — слеп-ец;

-**ик:** умный — умн-ик, черновой — чернов-ик;

-**атин(а):** кислый — кисл'-атина, пошлый — пошл'-атина;

-**аг(а):** весёлый — весел'-ага, здоровый — здоров'-ага;

-**уг(а):** хитрый — хитр'-уга, жадный — жадн'-уга.

Существительные разнообразных предметных значений образуются с помощью суффикса -к(а) на базе сочетаний прилагательное + существительное. В качестве производящей основы используется основа имени прилагательного; семантически же существительное эквивалентно всему словосочетанию: летучее заседание — летуч-ка, овсяная крупа — овсян-ка. Суффикс производящей основы может усекаться: вечерняя газета — вечёр-ка, десятилетняя школа — десятилет-ка.

2) Нулевая суффиксация.

Среди отприлагательных имен существительных, производимых нулевой суффиксацией, имеется два словообразовательных типа:

а) существительные, имеющие значение 'носитель признака, названного производящей основой': универсальный — универсал, интеллектуальный — интеллектул, индивидуальный — индивидул;

б) такое же деривационное значение имеют существительные, производные от основ имен прилагательных с помощью суффикса и одновременного усечения производящей основы, но семантически эквивалентные одному или нескольким сочетаниям, включающим однокоренное прилагательное + существительное. Усекается конечная часть производящей основы вне зависимости от границы морфем. Производное кончается на твердый

согласный и относится к мужскому роду независимо от рода существительного, входящего в опорное слово-сочетание (склоняется по образцу слов типа *стол*): *синхронный перевод — синхрон, мемориальный музей, мемориальные соревнования — мемориал, факультативный курс — факультатив*. В редких случаях производное относится не к мужскому роду, например *ретроспективный показ — ретроспектива*.

Для существительных, производимых от основ глаголов, характерны такие значения производных:

1. Существительные, обозначающие 'производитель действия, названного производящей основой'. Такие производные могут быть именами лиц и именами орудий, инструментов (ср. *врун* — человек и *колун* — предмет, *исполнитель* — человек и *выключатель* — прибор, *разведчик* — человек и *передатчик* — механизм).

Для производства существительных со значением 'производитель действия' используются суффиксы:

**-тель:** *мечтать — мечта-тель, исполнить — исполнитель, выпрямить — выпрями-тель;*

**-чик/-щик:** *возить — воз-чик, придумать — придумщик, корректировать — корректировщик;*

**-ец:** *бороться — бор-ец, творить — твор-ец;*

**-л(а)** — со значением лица, **-л(о)** — со значением орудия: *обирать — обира-ла, зубрить — зубри-ла, пугать — пуга-ло, кадить — кади-ло;*

**-ун:** *врать — вр-ун, прыгать — прыг-ун;*

**-ө(а):** *заикаться — заик-ө-а, задирать(ся) — задир-ө-а.*

Чисто инструментальное (орудийное) значение имеют существительные с суффиксом **-лк(а):** *сеять — сеялка, прочищать — прочища-лка.*

2. Существительные со значением 'место, где совершается действие, названное производящей основой', производятся с помощью суффиксов:

**-льн'(а):** *читать — чита-льня, раздевать — раздева-льня;*

**-лк(а):** *раздевать — раздева-лка, сушить — сушилка;*

**-ищ(е):** *учить — учи-(л)-ище, вместить — вмести-(л)-ище.*

Большая часть префиксаальных типов существительных обладает высокой продуктивностью и образуется с легкостью, близкой образованию словоформ.

Для префиксальных существительных наиболее характерны следующие словообразовательные категории:

1) Производные с общим значением интенсивности, высокой степени того, что названо производящей основой:

*раз-*: красавица — *рас-красавица*, граф — *раз-граф*;

*сверх-*: человек — *сверх-человек*, гигант — *сверх-гигант*, прибыль — *сверх-прибыль*, запоминание — *сверх-запоминание*;

*супер-*: экспресс — *супер-экспресс*, пятитонка — *супер-пятитонка*, танкер — *супер-танкер*, кубок — *суперкубок*;

*архи-*: демократ — *архи-демократ*, порядок — *архи-порядок*;

*ультра-*: мода — *ультра-мода*, радикал — *ультра-радикал*, звук — *ультра-звук*;

*гипер-*: вежливость — *гипер-вежливость*, коррекция — *гипер-коррекция*, фонды — *гипер-фонды*;

*экстра-*: мода — *экстра-мода*, хлеб — *экстра-хлеб*, совершенство — *экстра-совершенство*.

2) Производные с общим значением противоположности, отрицания:

*анти-*: частица — *анти-частица*, роман — *анти-роман*, герой — *анти-герой*;

*противо-*: меры — *противо-меры*, действие — *противо-действие*;

*контр-*: удар — *контр-удар*, позиция — *контр-позиция*, инициатива — *контр-инициатива*;

*де-/дез-*: гуманизация — *де-гуманизация*, информация — *дез-информация*;

*не-*: счастье — *не-счастье*, покой — *не-покой*, руководитель — *не-руководитель*;

*дис-*: пропорция — *дис-пропорция*, гармония — *дисгармония*, комфорт — *дис-комфорт*.

3) Производные с общим значением неистинности, ложности:

*псевдо-*: рецензия — *псевдо-рецензия*, открытие — *псевдо-открытие*;

*квази-*: диалог — *квази-диалог*, открытие — *квази-открытие*, доказательство — *квази-доказательство*.

4) Производные со значением совместности:

*со-*: автор — *со-автор*, редактор — *со-редактор*, переживание — *со-переживание*.

5) Производные со значением подчиненности:  
**под-**: *вид* — *под-вид*, *класс* — *под-класс*, *группа* — *под-группа*, *язык* — *под-язык*;  
**суб-**: *продукты* — *суб-продукты*, *инспектор* — *суб-инспектор*, *аренда* — *суб-аренда*.

Кроме того, в словообразовании существительных действуют отдельные малопродуктивные приставки.

Предфиксально-суффиксальным способом образуются существительные на базе сочетаний существительных с предлогами. В составе производного предлог преобразуется в приставку. Производящим является сочетание имени существительного с предлогом. Производные, как правило, обозначают предметы, соотнесенные в пространственном или временном отношении с тем, что названо производящей основой. Наиболее употребительны при этом суффиксы *-ник*, *-j(e)*, *-иц(a)*.

1) Производные с пространственными значениями:

**под** ... *-ник* (предмет, находящийся под тем, что названо производящей основой): *под снегом* — *под-снеж-ник*, *под локтем* — *под-локот-ник*;

**на** ... *-ник* (предмет, находящийся на том, что названо производящей основой): *на колене* — *на-колен-ник*, *над почкой* — *над-почеч-ник*;

**за** ... *-j(e)* (то, что находится за предметом, названным производящей основой): *за рекой* — *за-реч-j(e)*, *за Волгой* — *за-волж-j(e)*;

**при** ... *-j(e)* (то, что находится рядом с предметом, названным производящей основой): *при Урале* — *Приурал'-j(e)*, *при море* — *при-мор'-j(e)*;

**меж** ... *-j(e)* (то, что находится между предметами, названными производящей основой): *меж горами* — *меж-гор'-j(e)*, *меж бровями* — *меж-бров'-j(e)*.

2) Производные с временными значениями:

**меж** ... *-j(e)*: *меж сезонами* — *меж-сезон'-j(e)*;

**пред** ... *-j(e)*: *пред зимой* — *пред-зим'-j(e)*.

3) Производные, обозначающие отсутствие того, что названо производящей основой, образуются с помощью приставки *без*- и суффиксов *-иц(a)* и *-j(e)*:

**без** ... *-иц(a)*: *без работы* — *без-работ-ица*, *без дороги* — *без-дорож-ица*, *без корма* — *бес-корм-ица*;

**без** ... *-j(e)*: *без денег* — *без-денеж-j(e)*, *без людей* — *без-люд'-j(e)*, *без земли* — *без-земел'-j(e)*, *без рыбы* — *без-рыб'-j(e)*, *без культуры* — *бес-культур'-j(e)*.

Группа префиксально-суффиксальных существительных не соотносится с сочетанием предлог + существительное. Приставка, входящая в производное, не имеет омонимичного предлога. Эта группа малочислена и дает мало новообразований. В производных участвуют приставка *анти-* и суффикс *-ин*: *комар — анти-комар-ин*, *спазма — анти-спазм-ин*, шутливые: *анти-ведм-ин*, *анти-любв-ин*. Производные называют средство против того, что названо основой производящего существительного.

Предфиксация в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства от основ имен прилагательных существительных со значением ‘слабой степени обнаружения какого-либо признака, названного производящей основой’. При этом действует префикс *про-* в соединении с нулевым суффиксом.

Производные содержат те же чередования, что слова типа *сушь*, и относятся к тому же склонению: *жёлтый — про-желт'-о, седой — про-сед'-о*.

Производство сложных существительных осуществляется несколькими способами. В русском языке сложные слова обычно состоят из двух основ, но могут включать и большее число компонентов.

С точки зрения способа соединения компонентов различаются две группы сложных существительных: компоненты которых соединяются с помощью интерфикса («соединительного гласного») и — реже — компоненты которых соединяются без помощи интерфика.

Рассмотрим сначала сложные существительные с интерфиксами.

Способом чистого сложения образуются имена существительные, последняя (опорная) часть которых является самостоятельным существительным. В качестве первого компонента обычно используются основы: имен прилагательных, существительных, реже — числительных и местоимений: *вольн-(о)-слушатель, сух-(о)-фрукты, груз-(о)-отправитель, лес-(о)-промышленность; перв-(о)-источник, втор-(о)-разрядник, сам-(о)-защита, сам-(о)-критика*.

Первый компонент сложения служит конкретизатором значения опорного компонента.

Сложение в соединении с суффиксацией. В таких сложных существительных чаще всего действуют суффиксы *-ец, -тель, -чик/-щик, -ник, -ij(e): орден-(о)-нос-ец, красн-(о)-флот-ец, воздух-(о)-плава-*

*тель, железн-(о)-дорожник, легк-(о)-мысл-ие, долг-(о)-лет-ие.* Сложное слово может иметь значение лица, предмета или отвлеченного понятия.

**Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией.**

Сложения с опорным глагольным компонентом преимущественно обозначают производителя действия, названного глагольной основой. Они составляют две основные семантические группы:

а) наименования лиц и животных: *стал-(е)-вар, кост-(о)-рез, скал-(о)-лаз, скор-(о)-ход, кор-(о)-ед;*

б) наименования механизмов: *атом-(о)-ход, тепл-(о)-воз, пул-(е)-мёт.*

Значительно менее продуктивны сложения со второй глагольной частью, обозначающие действие в отвлечении от его носителя: *лед-(о)-ход, снег-(о)-пад, солнц-(е)-нёк.*

Первая часть сложения содержит конкретизацию действия, выраженного опорным компонентом: называет характер действия (*скороход*), его объект (*пулемёт, короед*) или субъект (*солнцепек, ледоход*).

Сложения с опорным именным компонентом имеют значение ‘носитель отношения к предмету, названному опорным компонентом сложения и конкретизированному первым компонентом сложения’. В качестве первого компонента сложения может выступать основа имени существительного, прилагательного или глагола: *нос-(о)-рог, утк-(о)-нос, лиз-(о)-блюд.* Сложное слово обычно является именем лица или животного.

Сложные слова без соединительного гласного — более редкий тип слов. Примером их могут быть существительные типа *Ленинград, генерал-майор, меч-рыба.* Словообразование существительных способом аббревиации и субстантивации рассмотрено выше (см. 5, 33, 34).

## § 51. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В словообразовании имен прилагательных развиты суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, словосложение и сращение.

При помощи суффиксации прилагательные производятся и от основ имен прилагательных, и от основ других частей речи.

Производные, относящиеся к области синтаксической деривации, образуются от основ имен существительных и наречий (редко).

От основ имен существительных неодушевленных синтаксические дериваты образуются с помощью суффиксов **-н-** (*цемент* — *цемент-н-ый*, *лес* — *лес-н-ой*, *школа* — *школь-н-ый*), **-ов-** (*бензин* — *бензин-ов-ый*, *апельсин* — *апельсин-ов-ый*) и **-ск-** (*море* — *мор-ск-ой*, *институт* — *институт-ск-ий*).

От основ имен существительных одушевленных синтаксические дериваты производятся с помощью суффиксов: **-ин** (*мама* — *мам-ин*, *папа* — *пап-ин*, *Маша* — *Маш-ин*), **-ов** (*отец* — *отц-ов*, *братья* — *братья-ов*, *Иван* — *Иван-ов*) и **-ск-** (*учитель* — *учитель-ск-ий*, *президент* — *президент-ск-ий*).

Прилагательные, относящиеся к области лексической деривации, производятся от основ прилагательных, существительных, глаголов, наречий, изредка — междометий и местоимений.

Производные от основ имен прилагательных объединяют обычно под названием категории субъективной оценки, так как они совмещают объективное обозначение степени обнаружения признака с его субъективной оценкой говорящим:

**-онък-/енък-:** *синий* — *син-енък-ий*, *добрый* — *добр-енък-ий*, *плохой* — *плох-онък-ий*;

**-ущ-:** *чёрный* — *чёрн-ущ-ий*, *синий* — *син'-ущ-ий*, *злой* — *зл'-ущ-ий*;

**-енн-:** *страшный* — *страш-енн-ый*, *высокий* — *высоч-енн-ый*;

**-ошенек/-охонек** (устар.): *чёрный* — *чёрн'-ошенек*, *белый* — *бел'-ошенек*; *чёрный* — *чёрн'-охонек*, *белый* — *бел'-охонек*.

Прилагательные с суффиксом **-оват-** обозначают объективную степень слабости, неполноты проявления признака (ср.: *беловатый* и *беленький*): *чёрный* — *чёрн-оват-ый*, *глупый* — *глуп-оват-ый*.

От основ имен существительных одушевленных производятся прилагательные, обозначающие свойственность рода лиц или животных:

**-j-:** *баран* — *баран-ий*, *волк* — *волч-ий*, *заяц* — *заяч-ий*, *девица* — *девич-ий*, *чиновник* — *чиновнич-ий*;

**-ин-:** *пчела* — *пчел-ин-ый*, *лошадь* — *лошад-ин-ый*;

**-ов-:** *морж* — *морж-ов-ый*, *кит* — *кит-ов-ый*, *слон* — *слон-ов-ый*;

**-ск-:** солдат — солдат-ск-ий, генерал — генераль-ск-ий.

На базе значения свойственности нередко развивается качественно-характеризующее значение, которое отличает рассматриваемые прилагательные от синтаксических дериватов, ср.: барское отношение, генеральский тон, волчий аппетит.

От основ имён существительных неодувненных образуются прилагательные с общим значением 'наделенный тем, что названо производящей основой':

**-ат-:** горб — горб-ат-ый, усы — ус-ат-ый;

**-ист-:** болото — болот-ист-ый, лес — лес-ист-ый;

**-чат-:** колено — колен-чат-ый, пузырь — пузыр-чат-ый;

**-лив-:** талант — талант-лив-ый, дождь — дожд-лив-ый.

От основ глаголов производятся прилагательные, которые обозначают процессуальные признаки. Наиболее типичны два вида значений: пассивное ('испытывающий действие, названное производящей основой') и — реже — активное ('исполняющий действие, названное производящей основой'). При этом действуют суффиксы:

**-н-:** выдвигать — выдвижен-ой, разрезать — разрезн-ой;

**-л-:** линять — линял-ый, гореть — горел-ый;

**-к-:** мылить — мыл-к-ий, колоть — кол-к-ий;

**-уч-/-ач-:** шипеть — шипуч-ий, сидеть — сид-ач-ий;

**-чив-:** влюбиться — влюбчив-ый, задуматься — задумчив-ый;

**-ист-:** поджарить — поджар-ист-ый;

**-чат-:** рассыпаться — рассыпчат-ый;

**-м-:** допустить — допусти-м-ый, возбудить — возбуди-м-ый.

От основ наречий образуются прилагательные с помощью суффикса **-н'-** и интерфикса **-ш-:** вчера — вчера-(ш)-н-ий, сегодня — сегодня-(ш)-н-ий.

Префиксация — один из самых продуктивных способов словообразования прилагательных. Наиболее многочисленна категория прилагательных, обозначающих интенсивность, полноту проявления признака:

**наи-** (прилагательное обычно содержит суффикс **-ейш-/-айш-:**) умнейший — наи-умнейший, глупейший — наи-глупейший;

*пре-*: умный — пре-умный, глупый — пре-глупый; чаще в повторах: добрый-предобрый, милый-премилый;

*раз-*: веселый — раз-веселый; чаще в повторах: удалый-разудалый, потешный-распотешный;

*пере-* (обычно в повторах): тертый — пере-тертый, писаный — пере-писаный;

*архи-*: прозаический — архи-прозаический, благородный — архи-благородный;

*сверх-*: молодой — сверх-молодой, одаренный — сверх-одаренный;

*супер-*: модный — супер-модный, тяжелый — супер-тяжелый;

*экстра-*: новый — экстра-новый, модный — экстра-модный;

*ультра*: оригинальный — ультра-оригинальный, современный — ультра-современный.

Другую словообразовательную категорию составляют прилагательные, в которых приставки имеют значение отрицания, противоположности:

*не-*: умный — не-умный, красивый — не-красивый;

*анти-*: гуманный — анти-гуманный, военный — анти-военный;

*противо-*: воспалительный — противо-воспалительный ('направленный против воспаления'), химический — противо-химический, атомный — противо-атомный ('направленный против химического или атомного оружия').

Префиксально-суффиксальным способом образуются прилагательные на базе именных и глагольных сочетаний.

Прилагательные, производимые на базе сочетаний существительных с предлогами, преобразуемыми в составе производных в приставки, могут включать разнообразные приставки, а из суффиксов *-н-* (преимущественно), реже *-ов-*, *-ск-* и некоторые другие:

*без-*: без пилота — бес-пилотный, без шума — бесшумный;

*вне-*: вне завода — вне-заводской, вне земли — внеzemельный;

*внутри-*: внутри института — внутри-институтский, внутри школы — внутри-школьный;

*до-*: до школы — до-школьный, до посева — до-посевный;

**за-:** за бортом — за-бортовой, за рекой — за-речный;

**меж-:** меж планетами — меж-планетный, меж колхозами — меж-колхозный;

**на-:** на горе — на-горный, на столе — на-столный;

**над-:** над глазом — над-глазный, над окном — надоконный;

**около-:** около звезды — около-звёздный, около солнца — около-солнечный;

**под-:** под вагоном — под-вагонный, под крышей — под-крышный;

**после-:** после полёта — после-полётный, после посева — после-посевный;

**пред-:** перед съездом — пред-съездовский, перед дипломом — пред-дипломный;

**при-:** при тайге — при-таёжный, при реке — приречной;

**противо-:** против пожара — противо-пожарный, против шума — противо-шумный;

**чрез-:** через ступень — чрес-ступенний, через полосу — чрес-полосный.

На базе соединения отрицания *не* с сочетанием имени существительного с предлогом *без* образуются имена прилагательные с сложной приставкой *небез-* и суффиксом *-н-*. Производное имеет значение неполноты, слабой степени проявления признака: *не без пользы* — *небесполезный*, *не без греха* — *небез-грешный*, *не без вреда* — *небез-вредный*. Прилагательные с приставкой *небез-* отличаются по значению от прилагательных с приставкой *без-* и отрицанием *не-*. Ср.: *Этот напиток не безвреден* (т. е. вреден, отрицается безвредность напитка) и *Этот напиток небезвреден* (т. е. вреден в слабой степени).

Прилагательные, образованные префиксально-суффиксальным способом от основ глаголов, образуются с помощью приставки *не-* и суффиксов *-н-* и *-м-*. Производные обозначают ‘невозможность подвергнуться действию’:

**не- ... -н(ый):** разорвать — *не-разрыв-ный*, возвратить — *не-возврат-ный*;

**не- ... -м(ый):** исцелить — *не-исцели-мый*, переносить — *не-переноси-мый*.

Префиксация в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства прилагательных на базе сочетаний предлога *без* с именами существительными.

Обычно эти существительные называют часть тела человека или животного. Производное обозначает 'не имеющий того, что названо производящей основой': *без ноги — без-ног-ий, без руки — без-рук-ий, без глаз — безглаз-ый*. Реже производящая основа относится к иному семантическому разряду: *без листьев — без-лист-ый, без коры — бес-кор-ый*. Возможны однокорневые образования с тем же значением, содержащие в своем составе суффикс (*без-лист-ый — без-лист-н-ый, безязык-ий — без-языч-н-ый*).

Способ **сложения** продуктивен в словообразовании прилагательных. Компоненты сложного прилагательного всегда соединяются с помощью интерфикса («соединительного гласного»).

Способом **чистого сложения** производятся имена прилагательные, опорный компонент которых является самостоятельным прилагательным. Первый компонент может находиться с опорным в отношении сочинения или подчинения. Обычно в качестве первого компонента выступает основа прилагательного или существительного: *профессорск-(о)-преподавательский; хлеб-(о)-булочный, мяс-(о)-молочный, засух-(о)-устойчивый*.

Сложения в соединении с материально выраженной суффиксацией содержат суффиксы **-н-, -ск- и -ов-**. Нередко в качестве производящих выступают составные наименования: *Дальний Восток — дальневосточный, железная дорога — железнодорожный*.

Второй компонент сложения имеет либо тот же суффикс, что и соответствующее простое прилагательное (ср.: *комнатный* и *многокомнатный*, *годовой* — *круглогодовой*), либо суффикс **-н-** (ср.: *береговой* и *правобережный*).

В качестве опорной может выступать основа существительного (см. примеры выше) или глагола (*медеплавильный, победоносный*).

Сложение в соединении с нулевой суффиксацией используется для производства прилагательных от тех же субстантивных основ, которые участвуют в производстве прилагательных способом префиксации в соединении с нулевой суффиксацией (типа *безногий*). В первой части сложения обычно выступает основа имени прилагательного, числительного или наречия, например: *синеглазый, краснощёкий, светловолосый, одноухий, мелкоколосый*.

Рассматриваемые прилагательные могут иметь тождественные по значению образования с суффиксом *-н-*: *многоголосый* — *многоголосный*.

Сращение используется только в словообразовании имен прилагательных.

Сращения отличаются от сложений тем, что они по своему морфемному составу тождественны синонимичному сочетанию. Однако в отличие от словосочетаний они имеют не свободный, а закрепленный порядок следования частей и единое главное ударение на последнем члене сращения: *мало-употребительный, вёчно-зелёный, само-пышущая* (о ручке) (ср.: *употребительный мало* и т. п.).

## § 52. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

В словообразовании глаголов главенствующее место занимает внутриглагольное словообразование, т. е. производство от основ глагола чистой префиксацией и префиксально-суффиксальным способом. Суффиксация имеет меньшее значение, а словосложение для словообразования глагола совсем малохарактерно.

Суффиксальным способом глаголы производятся преимущественно от основ имен существительных и прилагательных<sup>1</sup>. Производные относятся к области лексической деривации.

От основ имен существительных образуются глаголы, обозначающие действия, различным образом связанные с тем, что названо производящей основой:

**-ө-/и(ть):** *бригадир* — *бригадир-ить, кочегар* — *кочегар-ить, соль* — *сол-ить*. При спряжении словообразовательный суффикс *-и-* чередуется с нулем: *слесарь-ить* — *слесар'-ө-у;*

**-нича(ть):** *столяр* — *столяр-ничать, либерал* — *либераль-ничать;*

**-ова(ть):** *форма* — *форм-овать, борона* — *борон-овать;*

**-ствова(ть):** *учитель* — *учитель-ствовать, прокурор* — *прокурор-ствовать;*

**-а(ть):** *обед* — *обед-ать, ужин* — *ужин-ать;*

**-е(ть):** *вдова* — *вдов-еть, пот* — *пот-еть.*

<sup>1</sup> Суффиксальное производство глаголов от основ глаголов тесно связано с образованием форм вида и залога, т. е. относится к морфологии, и поэтому в настоящей книге не рассматривается.

От основ имен прилагательных образуются глаголы, обозначающие:

'делать каким-либо в соответствии со значением производящей основы' — с помощью суффикса *-θ-/i(tь)*: *синий* — *син-ить*, *злой* — *зл-ить*;

'делаться, становиться каким-либо в соответствии со значением производящей основы' — с помощью суффикса *-e(tь)*: *синий* — *син-еть*, *добрый* — *добр-еть*.

Менее продуктивны отприлагательные глаголы с суффиксами *-ова(tь)* (типа *пустой* — *пуст-овать*) и *-ничать* (типа *важный* — *важничать*, *жадный* — *жадничать*, с наложением на стыке морфем).

Суффиксальное производство глаголов от других частей речи гораздо менее значительно.

От междометий, звукоподражаний и местоимений образуются глаголы с помощью суффикса *-a-* (если производящее оканчивается на гласный или *-j-*, используется интерфикс *-k-*): *ах* — *ах-ать*, *ой* — *ой-(к)-ать*, *ну* — *ну-(к)-ать*, *мяу* — *мяу-(к)-ать*, *ты* — *ты-(к)-ать*, *вы* — *вы-(к)-ать*.

Префиксация глаголов отличается богатством и выразительностью. Среди префиксальных глаголов различаются две большие группы: с приставками пространственных значений и с приставками количественно-временных значений.

Глаголы с приставками пространственных значений обозначают различные направления действия:

*в-:* *бежать* — *в-бежать*, *нести* — *в-нести*;

*вз-:* *бежать* — *вз-бежать* (в гору), *лететь* — *вз-лететь*;

*до-:* *бежать* — *до-бежать*, *лететь* — *до-лететь*;

*за-:* *бежать* — *за-бежать* (за что-нибудь);

*на-:* *бежать* — *на-бежать*, *лететь* — *на-лететь* (на что-нибудь);

*о-/об-:* *бежать* — *о-бежать*, *лететь* — *об-лететь* (что-нибудь);

*от-:* *бежать* — *от-бежать*, *лететь* — *от-лететь*;

*пере-:* *бежать* — *пере-бежать*, *лететь* — *пере-лететь* (через реку);

*при-:* *бежать* — *при-бежать*, *лететь* — *при-лететь*;

*про-:* *бежать* — *про-бежать* (под мостом), *лезть* — *про-лезть*;

*с-:* *бежать* — *с-бежать* (с горы), *лезть* — *с-лезть* (со стола);

**у-:** бежать — у-бежать, лететь — у-лететь.

Глаголы с приставками количественно-временных значений обозначают временные пределы, а также силу, интенсивность или слабость, неполноту действия.

1. Глаголы, обозначающие начало процесса:

**за-:** петь — за-петь, говорить — за-говорить;

**по-:** бежать — по-бежать, плыть — по-плыть;

**вз-:** (с оттенком интенсивности действия) : кричать — вз-кричать, реветь — вз-реветь.

2. Глаголы, обозначающие окончание процесса:

**от-** ('прекращение процесса') : цвести — от-цвести, греметь — от-грометь;

**до-** ('доведение действия до конца') : думать — до-думать, читать — до-читать, шить — до-шить.

3. Глаголы, обозначающие окончание действия с оттенками полноты, тщательности, энергичности, силы его выполнения:

**раз-:** ругать — раз-ругать, баловать — раз-баловать, целовать — рас-целовать;

**пере-:** жарить — пере-жарить, кормить — пере-кормить;

**на-:** безобразничать — на-безобразничать, возить — на-возить;

**про-:** жарить — про-жарить, варить — про-варить (как следует), сушить — про-сушить;

**вы-:** мерить — вы-мерить, строгать — вы-строгать.

4. Глаголы, обозначающие полную исчерпанность предмета действием, а также причинение неприятности, ущерба действием:

**вы-:** топтать — вы-топтать, рубить — вы-рубить;

**из-:** мылить — из-мылить (все мыло), писать — ис-писать (карандаш);

**за-:** сечь — за-сечь (до смерти), играть — за-играть (мелодию);

**с-:** носить — с-носить (башмаки), винтить — с-винтить (винт);

**от-:** сидеть — от-сидеть (руку), топтать — от-топтать (ноги);

**про-:** носить — про-носить (брюки до дырки), пла-кать — про-плакать (все глаза).

5. Глаголы, обозначающие дополнительное, добавочное действие, добавление чего-либо действием, а также слабость, неполноту действия:

**до-** ('дополнительное действие'): *грузить — до-грузить, купить — до-купить;*

**под-** ('дополнительное действие — для количественного увеличения объекта', 'прибавление действием'): *лить — под-лить, купить — под-купить;*

**под-** ('дополнительное, повторное действие — для более полного достижения результата'): *варить — подварить (кашу; =доварить), красить — под-красить;*

**при-:** ('неполнота действия'): *встать — при-встать, лечь — при-лечь;*

**над-:** *рубить — над-рубить, колоть — над-колоть, бить — над-бить;*

**недо-:** *выполнить — недо-выполнить, думать — недо-думать, рассказать — недо-рассказать.*

Префиксально-суффиксальным способом образуются глаголы от основ глаголов и от основ других частей речи.

Глаголы, производимые от основ глаголов, образуют две группы:

а) приставка + производящая основа + суффикс несовершенного вида;

б) приставка + производящий глагол + *ся*.

Рассмотрим каждую группу более детально.

а) Неполноту, ослабленность действия обозначает группа одновидовых глаголов несовершенного вида, имеющих прерывисто-длительное значение:

**по-:** *трещать — по-треск-ивать, кричать — по-крик-ивать;*

**при-:** (с оттенком дополнительности действия): *плясать — при-пляс-ывать, говорить — при-говар-ивать;*

**под-:** (с оттенком дополнительности действия): *петь — под-пе-вать, свистеть — под-свист-ывать;*

**на-:** *петь — на-пе-вать, свистеть — на-свист-ывать, шептать — на-шепт-ывать.*

Интенсивность, тщательность совершения действия выражает группа глаголов с приставками:

**вы-:** *шагать — вы-шаг-ивать, плясать — вы-пляс-ывать;*

**на-:** *звонить — на-зван-ивать; хвалить — на-хвал-ивать.*

б) Глаголы, образуемые одновременным присоединением приставки и *-ся*, многообразны по значениям:

**в-...-ся** ('предельная исчерпанность действия, углубленность в действие'): *читать — в-читать-ся, думать — в-думать-ся;*

**за-...-ся** ('увлеченность действием'): *думать — за-думаться, читать — за-читаться;*

**на-...-ся** ('удовлетворенность действием'): *гулять — на-гуляться, работать — на-работать-ся;*

**из-...-ся** ('исчерпанность в результате действия, приобретение каких-либо отрицательных свойств в результате действия'): *хулиганить — ис-хулиганиваться, писать — ис-писать-ся;*

**до-...-ся** ('достижение результата после интенсивного выполнения действия'): *звать — до-зваться, звонить — до-звониться.*

Глаголы, производимые от основ имен с участием префиксально-суффиксальным способом, используют различные приставки в соединении с суффиксами *-ə-/i(ть)* и *-e(ть)*:

**за-...-ить:** *штора — за-шторить, рыба — за-рыбить;*

**об-...-ить:** *лес — об-лесить;*

**при-...-ить:** *земля — при-землить, луна — при-луниТЬ.*

Для отыменного производства глаголов префиксально-суффиксальным способом характерен префикс *обез-*. Производные на *-ить* обозначают 'лишить того, что названо производящей основой': *соль — обес-солить, вред — обез-вредить.* Производные на *-еть* обозначают 'лишиться того, что названо производящей основой': *сила — обес-силеть, ум — обез-уметь.*

Глаголы, производимые от основ имен прилагательных суффиксально-префиксальным способом, производятся с помощью различных приставок (чаще всего *у-* и *о-*) и тех же суффиксов *-ə-/i(ть)* и *-e(ть)*: *плотный — у-плотнить, глубокий — у-глубить, благородный — о-благородить; слабый — о-слабеть, скучный — о-скучить.*

Способ сложения не типичен для словообразования глаголов. Существуют единичные сложные глаголы, образованные этим способом (*самоустраниТЬся, самовоспламениться* и некоторые другие).

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М., 1986.*

*Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973. С. 241—302.*

*Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.*

# МОРФОЛОГИЯ

## Глава 1

### ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРЕДМЕТ МОРФОЛОГИИ

#### § 1. СЛОВО, СЛОВОФОРМА, ЛЕКСЕМА, ПАРАДИГМА

Так же как и в словообразовании, объектом рассмотрения в морфологии является слово. Встретив в письменном тексте последовательность между двумя пробелами типа *дом*, *в*, *подберёзовику*, *чёрносмородинового*, *приостанавливают*, мы говорим, что перед нами слово. Если мы не знаем значения слова или сомневаемся в правописании его корня, приставки или суффикса, мы обращаемся к словарю. Известно, что в словаре нет существительных в форме дательного падежа единственного числа, как *подберёзовику*, нет прилагательных в форме родительного падежа мужского рода, как *чёрносмородинового*, нет глаголов в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени, как *приостанавливают*. Вместо всех падежных и числовых форм существительных в словаре выступает форма именительного падежа единственного числа; вместо всех падежных, числовых и родовых форм прилагательных — форма мужского рода именительного падежа единственного числа; вместо временных, личных, числовых форм глагола — инфинитив. Таким образом, словарная форма выступает как заместитель всех конкретных форм с данным лексическим значением.

В слове *так* звук [а] называет определенную наблюдаемую акустическую и артикуляторную единицу русского языка. В то же время фонема ⟨а⟩ выступает как некий заменитель многих звуков русского языка: [а], [ā], [i<sup>ε</sup>]. В слове *веду* [в'и<sup>ε</sup>ду] последовательность [в'и<sup>ε</sup>д-] представляет собой глагольный корневой морф. Этот корень может выступать и в форме иных морфов: [в'и<sup>ε</sup>д'-от], [в'о-л], [влж-атыj] и т. п. Однако можно говорить и о том, что последовательность [в'и<sup>ε</sup>д-] представляет собой некий заменитель всех упомянутых единиц. В этом случае говорят уже о морфеме. (Ср. различие между употреблением терминов «звук» и «фонема».)

Нетрудно видеть, что подобные же отношения связывают словарную форму как таковую и словарную форму как заменитель других конкретных форм с данным лексическим значением. К сожалению, в отличие от фонетики и словообразования, где противопоставление звука и фонемы, морфа и морфемы является основой науки, в морфологии различие между конкретной единицей и заменителем нескольких конкретных единиц проводится не всегда. В обоих случаях зачастую говорят о слове. Необходимо, однако, различать конкретно наблюдаемую единицу и абстракцию, заменяющую ряд конкретных единиц. Например, *стол, стола, столом, столы, столов, столах* — это конкретно наблюдаемые единицы, словоформы. Но *стол* как заменитель всех словоформ с тем же лексическим значением — это лексема. А словоформы *стол, стола, столу, столом, столе, столы, столов, столам, столами, столах* образуют парадигму лексемы *стол*.

Нередко лингвисту важно отметить морфологическую характеристику словоформы, оставив в стороне ее лексическое наполнение. В таком случае принято употреблять термин «форма слова». Именно в таком смысле можно говорить, например, о форме именительного падежа любого существительного, о форме прошедшего времени женского рода любого глагола или родительного падежа множественного числа любого прилагательного. При этом указание на форму слова может определять словоформу в отвлечении от ее лексического значения однозначно (например, форма родительного падежа единственного числа мужского рода прилагательного). Однако в ряде случаев указание на форму слова может определять несколько словоформ в отвлечении от их лексического значения. Таковы, например, форма именительного падежа существительного (обоих чисел), форма прошедшего времени глагола (три родовые формы единственного числа и одна форма множественного числа и т. п.).

Итак, конкретное употребление слова следует называть словоформой (ср. с понятиями «звук» и «морф»). Слово как представитель группы конкретных словоформ, обладающих тождественным лексическим значением, следует называть лексемой (ср. с понятиями «фонема» и «морфема»). Всю совокупность словоформ, входящих в данную лексему, следует называть парадигмой (ср. с понятиями «вариант» и «вариа-

ция фонемы», а также с понятием «набор алломорфов»). О словоформе с определенными морфологическими характеристиками в отвлечении от ее лексических особенностей следует говорить как о форме слова.

## § 2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОКОНЧАНИЯ

Как известно, словообразование изучает вопрос о том, из каких значимых частей состоит словоформа. Подавляющее большинство русских словоформ состоит из основы и окончания (флексии): *город-ом, добр-ая, бег-у, принос-ишь* и т. д. Однако в русском языке есть словоформы, лишенные окончаний: *кино, такси, хаки, бац* и др. Эти словоформы следует отличать от тех, где в качестве окончания выступает нуль звука: *город, стен, хороши*. Словоформы с нулевым окончанием включены в парадигму, члены которой имеют материально выраженные окончания: *город — города — городу* и т. д.; *стен — стены — стенам — стенах* и т. д.; *хороши — хороша — хороший — хорошие* и т. д.

Вопрос о том, есть ли в словоформе окончание, и если есть, то где оно находится, практически довольно ясен. Однако строгий теоретический ответ на этот вопрос дать не столь просто.

Весьма распространено определение, согласно которому окончание — это значимая часть слова, служащая для связи слов в словосочетании и предложении. В соответствии с этим определением в словосочетании *хорошую погоду* у словоформы *хорошую* легко выделить окончание *-ую*, потому что именно благодаря этой значимой части слова выражается связь между существительным *погода* и прилагательным *хороший*.

В словоформе *стучит*, взятой изолированно (например, как название одного из рассказов И. С. Тургенева), практически выделяется окончание *-ит*. Однако едва ли эта значимая часть словоформы служит средством связи. Она указывает прежде всего на то, что действие носит реальный характер, совершается в момент речи, проистекает независимо ни от автора, ни от адресата сообщения. В словоформах *дни* и *ночи*, видимо, выделяется окончание *-и*. Однако это окончание также едва ли служит для связи словоформ. Оно прежде всего указывает на множественность (не единичность) феноменов, обозначенных данными лексемами.

Таким образом, очевидно, что приведенное определение окончания не очерчивает полностью тот круг значимых частей словоформы, который принято рассматривать как окончание.

Существует и иное определение окончания: окончание — это такая значимая часть словоформы, которая различает словоформы одной лексемы (в отличие, например, от суффиксов, которые различают словоформы разных лексем). В самом деле, в *пиши-у* есть окончание *-у*, поскольку именно с помощью этого средства происходит дифференциация разных словоформ лексемы *писать*: *пишу*, *пишешь*, *пишет*, *пишем* и т. д. С другой стороны, в *писатель* есть суффикс *-тель*, поскольку именно эта часть слова образует новую лексему с собственной парадигмой. Едва ли можно опровергнуть данное определение. Однако и принять его невозможно, поскольку в нем неизвестное (что такое окончание) определяется через другое неизвестное (что такие словоформы одной лексемы, где граница между ними и разными лексемами).

Согласно третьему определению, окончание — это морфема, занимающая позицию в конце словоформы. Однако и это свойство характерно не для всех окончаний и не позволяет отделить их от суффиксов. Дело в том, что ряд русских слов не имеет окончаний и последним морфом в словоформе может оказаться и суффикс (*темно*), и корень (*такси*). Кроме того, некоторые окончания могут находиться не в абсолютном конце словоформы: *пят-ью-десятую*, *улыба-ешься*.

Все три рассмотренных признака окончания — связывающая функция, противопоставление словоформ (а не лексем), позиция в конце слова — отражают определенную тенденцию в истории развития грамматической мысли. Эта тенденция характеризовалась повышенным вниманием к форме языковых единиц. Соответственно морфология выступала как наука о формах слов, различающихся своими сочетательными свойствами. В самих словоформах эти различия в сочетательных свойствах выражались окончаниями. Формальной приметой окончания являлась позиция в конце словоформы.

Без сомнения, все указанные характеристики довольно точно охватывают суть морфологических явлений, хотя и представляют их несколько упрощенно по сравнению с тем, как морфологический строй выглядит в действительности.

Итак, окончание — это значимая часть словоформы. Окончание чаще всего располагается в конце словоформы. С помощью окончаний различаются словоформы одной лексемы. Окончания могут выполнять связующую функцию в словосочетании и предложении. Кроме того, окончания могут отражать и некоторые моменты действительности.

Таким образом, главная трудность в определении окончания сводится к уяснению того, какие именно значения выражаются окончаниями. Ведь и другие значимые части словоформы — корни, приставки, суффиксы — также отражают действительность. Иногда утверждают, что специфика окончаний состоит в том, что их значения носят весьма абстрактный, обобщенный характер. Действительно, с помощью окончаний можно выразить значения единичного предмета: *дом-ə*, *стен-а*, *весл-о* и множества предметов: *дом-а*, *стен-ы*, *вёсл-а*. Однако с помощью окончаний нельзя указать количество предметов более точно. С помощью окончаний можно характеризовать действие как одновременное с моментом речи, предшествующее этому моменту или следующее за ним. Однако с помощью окончаний невозможно конкретно определить момент речи (вчера, на прошлой неделе, в будущем году и т. п.). Будучи в принципе верным, указанное свойство окончаний не позволяет отделить их от других форм, которые также могут иметь абстрактное значение (ср.: *стол-ы* и *несколько стол-ов*).

Специфика значений, передаваемых окончаниями, в том, что эти значения не только являются абстрактными, но реализация их носит обязательный и регулярный характер. Например, абстрактное значение количества предметов характеризует почти все формы существительных. При этом наличие словоформы, обозначающей единичный предмет, почти на 100 процентов предопределяет наличие словоформы, обозначающей множество предметов. *Стол*, *дом*, *дорога*, *лампа*, *перо*, *одеяло* указывают на единичные предметы. Существование в языке этих словоформ предопределяет наличие словоформ, обозначающих те же предметы во множестве: *столы*, *дома*, *дороги*, *лампы*, *перья*, *одеяла*. По-русски нельзя назвать эти предметы, не обозначив при этом их единичность или множественность.

Точно так же по-русски нельзя обозначить действие личной формой глагола без того, чтобы не выразить

временну́ю отнесенность этого действия: читаю, пишешь, смотришь; читал, писал, смотрел; буду читать, напишишет, будешь смотреть. Существование словоформы с одним временным значением полностью предопределяет существование словоформы с тем же лексическим, но другим временным значением. Иными словами, окончания выражают такое абстрактное значение, реализации которого в определенном круге словоформ являются обязательными и характеризуются регулярностью. Такие значения принято называть грамматическими. Если говорят о грамматическом значении, то оно обозначает: во-первых, значение, которое формально выражено именно окончанием; во-вторых, значение, которое, являясь абстрактным, имеет обязательную и регулярную реализацию.

Следовательно, окончание — это такая значимая часть слова, которая может служить для связи слов в предложении и может выражать такое абстрактное значение, которое, являясь обязательным, образует регулярный ряд словоформ.

### § 3. КОЛИЧЕСТВО ЭЛЕМЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ В ОКОНЧАНИИ И КОЛИЧЕСТВО ОКОНЧАНИЙ В СЛОВОФОРМЕ

Существенной особенностью знаковых единиц является их асимметричный дуализм. Это свойство (отмеченное впервые русскими и чешскими лингвистами) заключается в том, что членение на уровне формы не совпадает с членением на уровне содержания. Иными словами, одна единица плана выражения может содержать несколько элементов плана содержания.

Таким свойством обладают и многие русские окончания. Например, окончание в словоформе *нес-у* одновременно выражает несколько обязательных, регулярно реализуемых значений: 1) ‘отношение к моменту речи (совпадение с ним)’; 2) ‘отношение к участникам коммуникации (указание на говорящего как на производителя действия)’; 3) ‘число производителей действия (один)’. Не менее характерным является соединение в одном окончании функций связи словоформ и определенных содержательных характеристик. Так, в словосочетании *любуюсь озер-ом* окончание указывает на связь между глагольной и именной словоформами, определяет, какой именно является эта связь, а также ука-

зывает на единичный предмет. Таким образом, в одном и том же окончании могут соединяться обе его характеристики: связующая и содержательная.

Как уже отмечалось, в русском языке существуют слова, лишенные окончаний. Наиболее распространены словоформы с одним-единственным окончанием, которое может иметь множество функций, выражать множество значений. Однако встречаются и такие словоформы, в которых представлено не одно окончание. Например, в словоформе *пишу* все грамматические значения (времени, лица, числа, наклонения) передаются окончанием *-у*; в словоформе *писала* грамматические значения (времени и наклонения) передает окончание *-л*, а грамматические значения рода и числа — окончание *-а*; в словоформе *несите* грамматическое значение наклонения передает окончание *-и*, а грамматическое значение лица и числа — окончание *-те*.

Впрочем, такое выделение окончаний в словоформах типа *писала* или *несите* не является общепринятым. Традиционно выделяют суффиксы *-л* и *-и*, поскольку указанные морфемы не выступают в конце словоформ. Однако с помощью этих морфем образуются не лексемы, а словоформы одной лексемы. Обсуждаемые морфемы противопоставляются «обычным» суффиксам и получают наименование словоизменительных, или формообразующих, суффиксов.

#### § 4. ПОНЯТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Для того чтобы выделить окончание, нужно определить те элементы значения в словоформе, которые являются грамматическими. Иными словами, нужно разложить содержательные свойства словоформы и ее сочетательные возможности на набор признаков. (Ср. с подобной операцией представления звуков через их дифференциальные — артикуляционные или акустические — признаки или представления значения морфем через набор категориальных и конкретных признаков.)

Рассмотрим, как можно проанализировать значение словоформы *домиком*:

«...эта словоформа

- 1) означает вообще предмет;
- 2) означает нечто неодушевленное;
- 3) означает предмет определенного вида;

- 4) означает нечто маленькое;
- 5) информирует о том, что имеется в виду один предмет (а не несколько);
- 6) допускает, например, словосочетания *белым домиком, любуюсь домиком, перед домиком* и не допускает *хорошо домиком* (иначе говоря, принадлежит к классу словоформ с синтаксическими функциями существительного);
- 7) допускает, например, словосочетание *домиком, который я построил* и не допускает *домиком, которого я построил* (этот элемент значения можно назвать «синтаксической неодушевленностью»);
- 8) допускает, например, словосочетания *белым домиком* или *домиком, который стоит на горе* и не допускает *белой домиком* или *домиком, которое стоит на горе* (т. е. относится к мужскому роду);
- 9) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белыми домиком* (этот элемент можно назвать синтаксическим единственным числом);
- 10) допускает, например, словосочетания *любуюсь домиком, доволен домиком, стою перед домиком* и не допускает *стою в домиком, лишился домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиненным творительным падежом»);
- 11) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белому домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиняющим творительным падежом») <sup>1</sup>.
- Все выделенные признаки четко разделяются на два типа: 1—5-й отражают в словоформе элементы объективной действительности, 6—11-й определяют возможность связей данной словоформы с другими. Разумеется, не все первые пять признаков являются грамматическими. Лишь 5-й признак обладает этим свойством, будучи обязательным и регулярным для подавляющего большинства словоформ. Но 6—11-й признаки, определяя связующие возможности данной словоформы, являются грамматическими, поскольку они определяют не индивидуальные связи данной словоформы с другими, а обязательные связи данной формы слова. Иными словами, речь идет не о возможности связей типа *умным домиком, вижу домиком, строю домиком*, существую-

<sup>1</sup> Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 22—23.

вание которых исключено по причине содержания, а о возможности сочетаемости определенных словоформ, характеризующихся некоторыми общими характеристиками.

Каждое из указанных грамматических значений лежит в основе соответствующей грамматической категории. В словоформе проявляется конкретное грамматическое значение. Но для этого значения заведомо должно существовать, по крайней мере, еще одно однородное конкретное значение. Конкретные значения (два или более) входят в общее грамматическое значение. Например, словоформа указывает на то, что имеется в виду один предмет. Эта характеристика является грамматической, поскольку она обязательна (название почти любого предмета в русском языке сопровождается указанием на количество предметов) и регулярна (существование словоформы, называющей множество тех же предметов). Итак, словоформа со значением единичного предмета вместе с соответствующей словоформой, указывающей на множество предметов, образуют общую характеристику, связанную с числом предметов.

Другой пример. Словоформа *иди* содержит указание на призыв, побуждение к действию (т. е. имеет конкретное значение), которое входит в общую характеристику «отношение действия к действительности». Эта общая характеристика может принимать такие конкретные значения, как «реальность», «побуждение», «предположение». Перед нами — грамматическое значение, поскольку его воплощение для личных глагольных словоформ, во-первых, обязательно, а во-вторых, регулярно.

В обоих рассмотренных случаях мы имели дело с грамматическими категориями, т. е. с системами словоформ, выражющими конкретное воплощение одного и того же общего грамматического значения.

Грамматическую категорию могут формировать и те грамматические значения, которые выполняют связывающую функцию. Например, словоформа  *завод* сочетается со словоформой *большой*, а словоформа *фабрика* — со словоформой *большая*. Способность предопределять форму согласуемых словоформ охватывает все существительные. Следовательно, эта характеристика обязательна и связана с грамматической категорией, которую образуют те характеристики словоформ, которые диктуют выбор согласуемой словоформы.

Понимание того, что морфология имеет дело с феноменами двух типов — номинативными и синтаксическими, — принципиально важно. В прошлом существовало мнение, что морфология не связана с номинативным содержанием. Именно такое понимание предмета морфологии отражается в традиционном определении окончания как морфемы, являющейся только средством связи словоформ.

### § 5. ТИПЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Грамматические категории обычно классифицируют по двум основаниям: по количеству членов, образующих категорию, и по характеру отношений между ними. Грамматическая категория не может иметь менее двух членов. Если бы существовала лишь одна форма с каким-либо значением, то это значение не могло бы быть грамматическим, поскольку оно было бы лишено, во-первых, соотношения конкретного и общего, а во-вторых, регулярности. Те категории, которые состоят из двух членов, называют *бинарными*. Однако существуют грамматические категории и с большим числом членов. Трехчленной, например, является категория времени. Еще большее количество членов содержит категория падежа.

Противопоставления, образующие грамматическую категорию, могут (как и в случае фонетических оппозиций) составлять эквивалентную оппозицию, т. е. быть в таких отношениях, когда члены равноправны. Именно в таких отношениях находятся словоформы, образующие, например, категорию числа у существительных. Возможны также категории, члены которых составляют привативную оппозицию, т. е. находятся в таких отношениях, когда один из членов может передавать не только «свой» признак, но и признак, выражаемый другим членом. Так, по мнению некоторых ученых, «устроена» категория времени у глаголов несовершенного вида, где словоформы прошедшего времени указывают на действие до момента речи, словоформы будущего времени — на действие после этого момента, а словоформы настоящего времени могут указывать на действие безотносительно к моменту речи. (Ср. с противопоставлением типа *секретарь — секретарша*, где второй член обозначает только лицо женского пола, а первый — лиц обоих полов.)

Особенностью грамматических категорий является также их способность или неспособность противопоставлять словоформы одной лексемы. Рассмотрим некоторые примеры.

Категория числа у существительных способна противопоставлять словоформы, которые ничем иным, кроме значения числа, друг от друга не отличаются: *стол* — *столы*, *дорога* — *дороги*, *ружьё* — *ружья*. Категория времени у глаголов способна противопоставлять словоформы, которые отличаются друг от друга не только значением времени, но и другими грамматическими значениями. *Написал* и *напишу* отличаются друг от друга значением времени, а также значениями рода и лица. Значения рода и лица являются грамматическими. Следовательно, грамматические категории числа у существительных и времени у глаголов способны противопоставлять словоформы одной лексемы.

Существительные *кум* и *кума*, *заведующий* и *заведующая*, *студент* и *студентка* различаются своими сочетательными возможностями, которые, будучи обязательными, формируют категорию рода у существительных. Однако рассматриваемые существительные различаются не только сочетательными свойствами, но и по содержанию: *кум*, *заведующий*, *студент* указывают на лицо мужского пола; *кума*, *заведующая*, *студентка* — на лицо женского пола. Характеристика по полу не является обязательной для существительных. Не является она и регулярной: далеко не всегда у существительного со значением лица или животного найдется коррелят со значением противоположного пола. (Как образовать по-русски названия лиц женского пола от *наглец* или *борец*?) Следовательно, категория рода у существительных не способна противопоставлять словоформы одной лексемы. Эта категория сочетается всегда с такими характеристиками, которые не являются грамматическими и формируют противопоставление лексем.

Грамматические категории, способные противопоставлять словоформы одной лексемы, принято называть **свойственными**. Грамматические категории, не способные противопоставлять словоформы одной лексемы, принято называть **классифицирующими** либо **лексико-грамматическими**.

## § 6. ПРЕДМЕТ И ГРАНИЦЫ МОРФОЛОГИИ

Итак, задачи морфологии состоят в следующем. Во-первых, морфология должна определить принципы объединения словоформ в лексему. Во-вторых, она должна установить, какая часть значения словаформы является грамматической. В-третьих, морфология должна составить перечень и установить характер грамматических категорий, соотнести их с характеристиками отражаемой в языке действительности, определить набор формальных средств, участвующих в формировании грамматических категорий.

Поскольку морфология неразрывно связана с грамматическими значениями и грамматическими категориями, она является частью грамматики. Слово «морфология» иногда употребляют для обозначения собственно морфологии и словообразования. Однако чаще под морфологией понимают только словоизменение. Термин «словоизменение» часто употребляется как синоним термина «морфология» в узком смысле слова (без словообразования). Как и многие другие лингвистические термины, морфология обозначает и правила словоизменения, и науку об этой стороне языка.

Уже не раз отмечалось, что морфология имеет дело как с содержательными, так и со «связывающими» свойствами словоформ. Таким образом, морфология одной стороной примыкает к словообразованию, к той части, которая содержит учение о смысловых свойствах русских морфем, другой — к синтаксису, к той части, которая содержит учение о формальной структуре словосочетаний и предложений.

Граница между морфологией и словообразованием проходит как граница между окончаниями и другими типами морфем, как граница между значениями, появление которых в словоформах обязательно и регулярно, и значениями, которые этими свойствами не обладают. Так, увеличительность ~ уменьшительность не является предметом морфологии, а изучается словообразованием. Это значение не характеризует обязательно все формы существительных. Среди них имеются такие, которые либо никак не охарактеризованы по этому признаку (*город, стол, стена*), либо вообще чужды этому признаку (*сметана, электричество*). Вместе с тем значение увеличительности ~ уменьшительности не яв-

ляется регулярным. Существование словоформы со значением уменьшительности не обязательно предопределяет наличие словоформы со значением увеличительности, и наоборот; ср.: *дом — домик — домище* и *коробка — коробочка —?*; *рука — ручка — ручища* и *тоска —? — тощища*.

Изучая обязательные сочетательные свойства словоформ, морфология проявляет к этому явлению самодовлеющий интерес. В этом отличие морфологического подхода от синтаксического, при котором словоформа рассматривается не сама по себе, а как элемент единиц более высокого уровня — словосочетания и предложения.

Существуют и такие характеристики словоформ, которые лишь одной своей стороной включены в морфологию. Например, значение одушевленности ~ неодушевленности, будучи обязательным для существительных, не является для них регулярным. Следовательно, с точки зрения содержания эта характеристика не является предметом морфологии. Однако одушевленность или неодушевленность существительного влияет на выбор согласуемых словоформ. Эта «связывающая» характеристика существительных, имея не индивидуальный, а обобщенный характер, является предметом изучения в морфологии.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 68—83.  
Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 13—17, 36—41.  
Винокур Г. О. Форма слова и части речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.  
Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 3—34.

- 
- Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.  
Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.  
Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.  
Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.  
Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. М., 1966.  
Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

## Глава 2

# УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

### § 7. КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСЕМ И СЛОВОФОРМ

Обратившись к словарю русского языка, мы можем подсчитать, какое количество лексем в нем представлено. Однако нам трудно точно сказать, какое количество различных словоформ стоит за этими лексемами. Ведь у различных лексем разный набор словоформ. Разумеется, все это множество должно быть каким-то образом упорядочено. Традиционно классификации подвергаются именно лексемы, поскольку круг стоящих за ними словоформ интуитивно представляется ясным. Однако теоретически это едва ли корректно, поскольку в таком случае прежде всего должны были бы быть объяснены правила объединения словоформ в лексемы. Поскольку такие правила не являются самоочевидными, логически целесообразно было бы классифицировать реально наблюдаемые объекты, а именно словоформы. Разумеется, результаты будут прежде всего зависеть от принципов классификации.

Традиционно вопрос о частях речи, т. е. о группировке лексем и словоформ, принадлежит морфологии. Однако он весьма существен и для словообразования (ср. особенности словообразования разных частей речи), для синтаксиса (ср. синтаксические функции разных частей речи) и даже для фонетики (ср. особенности произношения тех или иных звуков в зависимости от различий в принадлежности соответствующих слов к той или иной части речи).

### § 8. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ЛЕКСЕМЫ

Одним из принципов классификации является возможность или невозможность функционирования словоформы в качестве члена предложения или целого предложения. Одни словоформы либо являются членами предложения, либо могут создать предложение, а другие служат для связи словоформ в словосочетании и предложении либо выражают отношение говорящего к ситуации или какому-либо ее участнику. При этом словоформы второго типа не являются членами предложе-

ния. Например, словоформы *дом, красивый, бежишь, весело* называют определенные явления действительности и могут употребляться в предложении в качестве его членов. Словоформы *вероятно, конечно* не могут быть членами предложения, но могут функционировать в качестве предложения. В то же время словоформы *и, на, если, через, ведь* указывают либо на связь между словоформами, либо на отношение говорящего к содержанию предложения вообще или к какому-либо из отражаемых в нем явлений действительности в частности. Членами предложения они не являются и функционировать в качестве предложения не могут. Эта особенность служебных слов была подчеркнута в исследованиях А. А. Потебни и Л. В. Щербы.

Однако не следует полагать, что, обладая служебными функциями, эти словоформы не имеют какого-либо содержания. Лишенные обычно способности быть членами предложения или самостоятельно создать предложения, эти словоформы не просто связывают члены предложения или целые предложения, но и обозначают характер тех отношений, в которых находятся соответствующие явления действительности. Об этом писал, в частности, В. В. Виноградов, приводя пример из повести И. С. Тургенева «Бретёр»:

— *Лучков неловок и груб,— с трудом выговорил Кистер: — но...*

— *Что но? Как вам не стыдно говорить но? Он груб, и неловок, и зол, и самолюбив... Слышите: и, а не но.* Ср. также: *шёл в кино — шёл из кино; Он ведь знает.— Он, мол, знает* и т. п. Наличие у служебных слов самостоятельного номинативного значения обосновано в трудах А. А. Шахматова и В. В. Виноградова.

Ф. Ф. Фортунатов, В. В. Виноградов, И. И. Мещанинов, А. И. Смирницкий и некоторые современные лингвисты полагают, что служебные слова ближе к морфемам, чем к самостоятельным словам. В таком сближении отражается и понимание синтагматической несвободы, присущей морфемам и служебным словам, и наличие у тех и других самостоятельного значения.

Служебные слова можно определить как слова, которые не могут являться ни членами предложения, ни потенциальным минимумом предложения. Те словоформы, которые являются или могут являться членами предложения, называют самостоятельными

**с л о в а м и.** Поскольку все служебные слова лишены форм словоизменения, можно говорить о них как о лексемах, состоящих из одной-единственной словоформы.

## **§ 9. КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВОФОРМ ПО ПРИНЦИПУ «СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ»**

Разумеется, способность быть или не быть членом предложения — не единственный синтаксический критерий, который может быть применен для классификации словоформ. В качестве другого синтаксического критерия может быть избрана та конкретная синтаксическая роль в предложении, которую может или не может играть словоформа. При такой классификации формы именительного падежа существительных, например, будут противопоставлены формам косвенных падежей, ибо первые могут выступать в роли подлежащего, а вторые лишены такой возможности. Полные формы прилагательных окажутся противопоставленными кратким формам, поскольку последние не могут выступать в роли определений. В разные рубрики попадут инфинитив, формы причастий и личные формы глаголов, так как область синтаксических функций у каждого типа форм различна.

Однако некоторые традиционные части речи обнаруживают общность синтаксических свойств. Так, формы прилагательных способны определять формы существительных, но не формы глаголов.

Этот принцип классификации (конкретная синтаксическая роль) дает особенно важные результаты при упорядочивании таких словоформ, лексемы которых состоят из одной-единственной словоформы. Например, словоформа *пальто* может выступать в синтаксической роли подлежащего и дополнения, а словоформа *беж* — нет. На этом основании можно противопоставить неизменяемые существительные типа *метро, такси, пальто* и неизменяемые прилагательные типа *беж, хаки, люкс*.

Особенно интересные результаты дает классификация по указанному принципу словоформ, которые обычно относят к наречиям. Среди этих словоформ найдутся такие, которые могут характеризовать: 1) только образ действия: *быстро, умело, точно* и т. п.; 2) образ действия и признак предмета: *варить всмятку и яйца всмятку; читать вслух и чтение вслух*; 3) образ действия и состояние предмета: *играют весело и гостям весело, хо-*

*роши отдохнул и детям — хорошо; 4) только состояние предмета: жаль, надо, можно, нельзя, недосуг и т. п.*

Чрезвычайно важен этот принцип и при классификации служебных слов. Напомним, что эти лексемы также являются неизменяемыми, т. е. обладают парадигмой, состоящей из одной-единственной словоформы.

Как известно, служебные слова, которые используются одновременно для связи слов в простом предложении и для связи частей сложного предложения либо только для связи частей сложного предложения, называют союзами: *И* ель сквозь иней зеленеет, *и* речка подо льдом блестит (П.). Служебные слова, которые выражают различные «подчиненные» отношения существительного и некоторых падежных форм числительного к другим словам в предложении, называют предлогами: *идти к дому, сделать из зависти, приехать через три дня* и т. п. Не все служебные слова могут выполнять синтаксические функции, характерные для предлогов и союзов. Такие слова, как *даже, именно, например* и т. п., выполнять ни одной из перечисленных функций не могут.

Пристальное внимание к особенностям синтаксических функций лексем и словоформ составляет характерную черту русской науки. Именно эта ее особенность позволила А. А. Шахматову и Д. Н. Овсяннико-Куликовскому выделить так называемые предикативные наречия, а Л. В. Щербе, В. В. Виноградову, Н. С. Поспелову определить статус этих единиц в системе частей речи, установить характер их связи с другими словоформами и лексемами. Отдавая должное важности наблюдений ученых над синтаксическим «поведением» лексем и словоформ, следует, однако, помнить, что «синтаксический критерий» не является единственным при определении состава частей речи.

## § 10. МЕСТОИМЕННЫЕ И НЕМЕСТОИМЕННЫЕ ЛЕКСЕМЫ

В основу классификации языковых единиц может быть положен не только функционально-синтаксический, но и семантический критерий. В качестве такого критерия, в частности, выступает то, как обозначено явление действительности: либо по его отношению к конкретной ситуации, лингвистической или экстралингвистической, либо вне зависимости от этой ситуации. Например, определенный объект может быть обозначен как *дом* или как *он*, определенный признак — как *большой* или как *такой, этот*, определенное количество — как *двадцать восемь* или как *столько*, определенное время — как *ночью* или как *тогда*, определенное место — как *вдали* или как *там*. Первые обозначе-

ния конкретно называют явление действительности, а вторые такого названия не содержат и указывают на явление действительности лишь в конкретной ситуации. Взятое само по себе, обозначение такого типа совершенно непонятно говорящему или слушающему. Можно лишь догадываться, какие конкретные фрагменты действительности обозначаются предложениями *Она — такая; Он там; Их туда столько (поехало)*.

Не «самодостаточным», а отысканным образом называют явления действительности и такие словоформы, которые не всегда относят к местоимениям как части речи: *Дело состоит в следующем; В работе достигнуты определённые успехи; Настоящим ставлю Вас в известность* и т. п.

Пожалуй, наиболее решительно писал о неправомерности выделения местоимений как части речи А. М. Пешковский. Однако типичной для русских лингвистов была умеренная позиция, которую, в частности, занимали А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, выделявшие местоимения как ограниченную группу лексем, заменяющих существительные и прилагательные.

## § 11. КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВОФОРМ ПО ПРИНЦИПУ «СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ»

Рассмотренная классификация словоформ на местоименные и неместоименные опиралась на значение корневых морфем. Среди местоименных словоформ оказались такие, которые обладают различными грамматическими характеристиками: *такой, она, там* и др.

В принципе вполне возможны классификации, в основу которых кладется лексическое значение словоформ. Таким образом могут быть объединены, например, словоформы, имеющие значение цвета: *белый, голубизной, черните*; движения: *бег, бегу, бегом, плывать, ездой*; родства: *сыном, удочерить, бабушкина* и многие другие. Однако для учения о частях речи принято, во-первых, брать более крупные единицы, а во-вторых, рассматривать не корневое значение, а значение окончания. Лишь в тех случаях, когда словоформа не имеет окончания, ее семантическая принадлежность определяется по значению основы.

В русской науке всегда последовательно проводилась мысль о том, что *бег, размышление, храбрость*,

*синева* — существительные, хотя значения их корней указывают на действие и признак. При этом в качестве аргумента выдвигалось то обстоятельство, что существительное обозначает предмет не в конкретном, а в максимально обобщенном, грамматическом смысле. М. В. Панов показал, что принадлежность к части речи формально определяется вовсе не значениями корней, а *значениями суффиксов и окончаний*<sup>1</sup>. Именно они явно указывают, за малыми исключениями, к какой части речи принадлежит слово.

Содержательных единиц в рассматриваемом типе классификации словоформ три: предмет, признак, действие.

Значения корней (основ) могут совпадать с соответствующими значениями окончаний: *дом-у, беж-ишь, стар-ого*, а могут и противоречить им: *выход-у, бел-им, толст-ит*. Во втором случае каждое из трех значений, выражаемых окончаниями, может поддерживаться материально выраженным (и нулевым) суффиксами: *молч-ани-ю, стар-ость-ю, гор-н-ого* и т. п. Слова типа *пальто*, как это следует из их корневой семантики и синтаксических свойств, принадлежат к группе «предмет». Слова типа *беж* по своим семантическим и синтаксическим свойствам относятся к группе «признак».

Некоторые трудности возникают при определении принадлежности к части речи слов типа *булочная, столовая, шашлычная, суточные*. Система окончаний характеризует их как прилагательные, однако они обозначают вполне конкретные предметы, что отражено, в частности, и в синтаксических свойствах этих слов. Теми же противоречиями характеризуются вопросительные, неопределенные и отрицательные местоимения, обозначающие предметы. Семантика требует отнесения их к существительным, система окончаний сближает их с прилагательными, а сочетание с согласующимися словоформами у этих лексем затруднено.

В соответствии с указанными принципами наибольшую трудность вызывает классификация словоформ, обычно относимых к причастиям и деепричастиям: *пишущий, боровшиеся, сделанного; сказав, делая*. Словоформы обоих типов выражают окончаниями и действия и признаки (предметов или действий). В силу этого

<sup>1</sup> См.: Панов М. В. О частях речи в русском языке // Филол. науки. 1960. № 4.

их одинаково легко (и одинаково трудно) включить как в группу «действие», так и в группу «признак».

Предлагаемая семантическая классификация, как кажется, позволяет упорядочить подавляющее большинство словоформ русского языка. Однако она оставляет неохарактеризованными служебные слова (они не могут обозначать ни предмет, ни признак, ни действие), а также некоторые полнозначные словоформы: *вероятно, конечно, видимо, да, нет, здравствуйте, пожалуйста, во-первых, следовательно* и т. п. Не совсем ясно в этой классификации место количественных и собирательных числительных. По значению, выражаемому окончаниями этих словоформ, можно предполагать их включенность и в группу «предмет» и в группу «признак» (ср. словоформы типа *дв-ух, тр-емя, четвер-ым*).

## § 12. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВОФОРМ

В основу классификации словоформ можно положить также наличие одних и тех же грамматических категорий. В этом случае словоформы типа *дом, животное, зима, столом, окнами, стенах* образуют одну группу, ибо все они выражают категории числа, падежа, и только эти категории. Кроме того, все они противопоставлены словоформам типа *добрый, старый, большой, хорошего, злых, юными*, поскольку эти словоформы выражают такие категории, как «род», «число», «падеж», «полнота ~ краткость».

Однако классификация по принципу «наличие одних и тех же грамматических категорий» не всегда приводит к столь ясным результатам, как в описанном выше случае противопоставления существительных и прилагательных. Наиболее сложно «устроены» в русском языке словоформы, традиционно включаемые в глагол. Даже формы настоящего и прошедшего времени различаются набором выражаемых грамматических категорий. В прошедшем времени выявляется отсутствующая в настоящем времени категория рода. Не совпадают грамматические категории у глаголов в формах изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений. Еще разительнее различия в наборах грамматических категорий у личных форм глагола и инфинитива, личных форм глагола и причастий, инфинитива и причастий.

Среди русских лексем немало таких, которые лишены окончаний и, следовательно, средствами самой словоформы не выражают ни одной грамматической категории. Такие лексемы, как *пальто*, *такси*, *ГЭС*, по принципу «наличие одних и тех же грамматических категорий» резко противостоят большинству существительных, выражающих в своих словоформах категории и числа и падежа. Лексемы типа *бежь*, *хаки*, семантически тождественные прилагательным, не обладают никакими грамматическими категориями, присущими прилагательным. Поэтому данная классификация возможна лишь для словоформ, имеющих окончания. При этом можно представить следующие типы словоформ:

- 1) существительные (выражают падеж и число, род словоформами выражается непоследовательно, находя четкое отражение лишь в формах согласуемых с существительным слов);
- 2) прилагательные (выражают падеж, число, род и полноту ~ краткость);
- 3) инфинитивы (выражают вид и залог);
- 4) деепричастия (выражают вид);
- 5) причастия (выражают атрибутивность, вид, залог, время, падеж, число, род);
- 6) глаголы в форме изъявительного наклонения настоящего-будущего времени (выражают вид, залог, наклонение, время, лицо, число);
- 7) глаголы в форме сослагательного наклонения (выражают вид, залог, наклонение, род, число);
- 8) глаголы в форме изъявительного наклонения прошедшего времени (выражают вид, залог, наклонение, время, число, род);
- 9) глаголы в форме повелительного наклонения (выражают вид, залог, наклонение, лицо, число);
- 10) словоформы, не выражющие грамматических категорий,— несклоняемые существительные и прилагательные, сравнительная степень, наречия, служебные слова.

Наиболее детально морфологическая классификация была разработана Ф. Ф. Фортунатовым и его последователями — А. М. Пешковским, Д. Н. Ушаковым и М. Н. Петерсоном. Так, Петерсон в работах 20-х годов различал самостоятельные слова с формами словоизменения и без форм словоизменения. Среди слов с формами словоизменения Петерсон выделял слова «падежные» (*стол, ты, семь*), «родовые» (*быстрый, читающий, второй, такой и быстр, читал, взят*) и «личные» (*пишу*). Несмотря на безупречную логическую последовательность, классификации такого типа страдает явной односторон-

ностью. Она, в частности, объединяет в качестве лексических единиц без форм словоизменения такие различные с семантической и синтаксической точек зрения слова, как *ах*, *пальто*, *добрее*, *вчера*, *сказав*. Односторонность морфологических классификаций неоднократно подвергалась критике, в частности со стороны Л. В. Щербы и В. В. Виноградова.

### § 13. ТРАДИЦИОННОЕ УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Любой из критериев, охарактеризованных выше, не приводит к той системе частей речи, которая традиционно существует в русском языке. Выделяемые части речи — результат ряда компромиссов между синтаксическим, семантическим и морфологическим принципами классификации словоформ. Именно в принципиально компромиссном характере традиционной классификации кроется причина непрекращающихся разногласий по тем или иным вопросам выделения частей речи.

Традиционно в русской морфологии выделяют следующие самостоятельные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие. Иногда также выделяют категорию состояния и модальные слова.

Традиционный перечень частей речи — не результат какой-либо логически последовательной классификации. Это компромисс между классификациями разных типов. Обычно части речи подводят под определенные рубрики, а не представляют как итог последовательных логических классификаций. Именно в результате такого разделения вне классификации остаются словоформы, которые не попали ни в одну из предопределенных рубрик. Поэтому, например, все ученые выделяют в особую группу междометия — словоформы, которые, будучи грамматически не охарактеризованными, не обладают ни определенной семантикой, ни определенными синтаксическими свойствами (типа *ах*, *увы*, *боже мой*, *господи*, *ура*). Как слова вне частей речи В. Н. Сидоров характеризовал, например, *да*, *нет*, *пожалуйста* и некоторые другие слова. В этой связи уместно вспомнить мнение Л. В. Щербы: «В вопросе «о частях речи» исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо... принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязываетя языковой системой... Поскольку мы... имеем дело не с классификацией, нечего опасаться, что некоторые

слова никуда не подойдут,— значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию»<sup>1</sup>.

Принципиально компромиссный характер решений, принимаемых по вопросу о частях речи, приводит к тому, что проблема частей речи относится к числу «вечных» проблем в грамматике.

В различных пособиях по русскому языку можно найти такое определение: «Части речи — это лексико-грамматические группы (классы) слов». Будучи в принципе верным, это определение нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, следует иметь в виду, что собственно лексическое (корневое) значение играет весьма ограниченную роль в выделении частей речи. Видимо, точнее было бы говорить о семантических группах, имея в виду весьма общую семантическую классификацию, преимущественно выражющуюся окончаниями и отчасти суффиксами. Во-вторых, под грамматическими группами следует понимать результат группировки на основе синтаксических и собственно морфологических характеристик. В-третьих, необходимо учитывать, что эта классификация проводится не всегда логически последовательно. В-четвертых (последнее по месту, но не по важности), нуждается в уточнении, какие именно явления, словоформы или лексемы группируются. Обычно в литературе речь идет о классификации лексем. Это обстоятельство создает немалые теоретические трудности, поскольку, как уже отмечалось, словоформы одной лексемы могут обладать различными грамматическими характеристиками (формы глагола), выполнять различные конкретные синтаксические функции и т. п. Впрочем, следует также иметь в виду, что существуют и такие семантические, синтаксические и морфологические характеристики, которые одинаково определяют все словоформы одной лексемы (или подавляющее большинство их), принадлежащие к одной части речи.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 83—87.

Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 41—46.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

<sup>1</sup> Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 64—66.

*Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов.* Л., 1968.

*Кубрякова Е. С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.

*Панов М. В.* О частях речи в русском языке // Филол. науки. 1960. № 4.

*Супрун А. Е.* Части речи в русском языке. М., 1971.

*Тихомирова Т. С.* К вопросу о переходности частей речи // Филол. науки. 1973. № 5.

## Глава 3

### ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные — все без исключения — обладают одним синтаксическим свойством — могут иметь согласованное определение: *хорошему дому, новое пальто, высокая стена, красивые очки*. Существительные, морфологически охарактеризованные, выражают значения числа и падежа: *городом, руках, стене, столу, дня*. Существительные, морфологически не охарактеризованные, не выражают никаких грамматических значений. Все существительные имеют обобщенное значение предмета. Указанное значение у морфологически не охарактеризованных существительных выражается корнем. У морфологически охарактеризованных существительных корень не всегда имеет значение предмета, он может обладать значением признака или действия. В этом случае значение предмета непременно должно присутствовать в суффиксе: *сер-ост-и, движ-ени-ю, бег-отн-ёй, бел-изн-ы; син-ю, бег-а*. Отмеченное синтаксическое свойство характеризует все словоформы, а следовательно, и лексемы существительных. Морфологические категории, о которых идет речь, принято считать формообразующими, словоизменительными.

#### СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

##### § 14. РОДОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Различия в роде у существительных проявляются:

- 1) в согласовании с разными формами полных и кратких прилагательных и причастий: *большой завод, большая фабрика, большое поле*; 2) в согласовании с разными формами глаголов в прошедшем времени изъявительного наклонения и в сослагательном наклонении: *был*

*завод, была фабрика, было поле; 3) в возможности замены разными формами местоимений: завод — он, фабрика — она, поле — оно.*

Допустим, что известны словоформы всех падежей единственного числа существительных завод, фабрика, поле. Тогда различаются между собой и наборы согласуемых с этими падежными формами полных форм прилагательных и причастий. Набор словоформ мужского рода ( завод) большой, большого, большому, большой, большим, о большом противопоставлен набору словоформ женского рода ( фабрика) большая, большой, большой, большую, большой, о большой и набору словоформ среднего рода ( поле) большое, большого, большому, большое, большим, о большом. И хотя набор словоформ мужского рода отличается от набора словоформ среднего рода лишь в именительном и винительном падежах — это разные наборы.

В русской науке принято рассматривать не только согласовательные проявления родовой принадлежности существительных. Очевидно, что родовая принадлежность части одушевленных существительных связана с их лексическим значением: *студент* (муж. р.), *учительница* (жен. р.), *бык* (муж. р.), *овца* (жен. р.) и т. д. Однако грамматическая характеристика рода существительного вовсе не тождественна указанию на пол существа. Во-первых, многие существительные, обозначающие неодушевленные предметы, могут быть охарактеризованы по роду, но не по полу. Во-вторых, не всегда характеристика одушевленных существительных по роду (мужской или женский) совпадает с одноименной характеристикой по полу: например, самцов и самок обозначают существительные мужского и женского рода: *муравей, леопард, дельфин; белка, куница, змея*.

Родовая принадлежность существительного также связана с его «внешним обликом» в форме именительного падежа единственного числа и набором окончаний в других падежных формах. Однако родовая принадлежность, однозначно определяя согласовательные и субSTITУционные свойства существительных и формируя таким образом грамматическую категорию, выявляет семантические и словоизменительные свойства существительных лишь с некоторой долей вероятности: непоследовательно проявляясь в семантике и словоизменении, род не формирует этими характеристиками грамматической категории.

## § 15. ОДУШЕВЛЕННОСТЬ ~ НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Возьмем существительные  *завод* и  *мальчик*. Оба существительных относятся к мужскому роду, однако набор прилагательных, согласуемых с падежными формами существительного  *завод*, не годится для падежных форм существительного  *мальчик*: ( *вижу*)  *большой завод* —  *большого мальчика*. И хотя различие в наборах согласуемых прилагательных для этих существительных проявляется лишь в винительном падеже — это разные наборы. Этого факта достаточно для того, чтобы рассматривать  *завод* и  *мальчик* как существительные с разными согласовательными свойствами.

Существительные  *завод* и  *мальчик*, независимо от формы падежа, по-разному соединяются с формой винительного падежа  *который*, вводящей придаточную определительную часть сложноподчиненного предложения;ср.:  *Говорили о заводе, который я знал.* —  *Говорили о мальчике, которого я знал.* Учет особенностей согласовательной связи форм винительного падежа единственного числа требует «расщепления» мужского рода на две разновидности — по семантическому признаку в зависимости от одушевленности или неодушевленности называемого предмета. Однако при этом нельзя забывать того, что существительные типа  *завод* и  *мальчик* обнаруживают общность в формах согласования с краткими формами прилагательных и причастий, с глаголами в форме прошедшего времени; они одинаковым образом замещаются личными местоимениями ( *он*,  *ему* и др.), хотя по-разному — местоимениями вопросительными и относительными ( *кто*,  *что*). Поэтому существительные типа  *завод*,  *мальчик* по многим показателям противостоят словам типа  *фабрика*,  *поле*. Видимо, исходя из обусловленных пониманием рода различий между существительными типа  *завод* и  *мальчик*, целесообразно рассматривать их как неодушевленную и одушевленную разновидности слов мужского рода.

## § 16. КАТЕГОРИИ РОДА И ОДУШЕВЛЕННОСТИ ~ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Допустим, что нам известны формы шести падежей и обоих чисел для существительных  *завод*,  *мальчик*,  *фабрика*,  *поле*. Анализ формы не только единственного, но и множественного числа вновь подтверждает противо-

поставленность существительных типа  *завод и мальчик*, ибо и во множественном числе наборы согласуемых с ними полных форм прилагательных и причастий различаются: (*вижу*) *большие заводы — больших мальчиков*.

Наборы согласуемых полных форм прилагательных и причастий для всех падежей множественного числа у существительных типа *фабрика* и *поле* совпадают. Однако если заменить существительное *фабрика* существительным *девочка*, то формы согласуемых прилагательных и причастий для единственного числа этих существительных будут совпадать, а для множественного числа — различаться: (*вижу*) *большие фабрики — больших девочек*. Если последовательно проводить принцип родового противопоставления, по которому существительные одного рода требуют одинакового набора согласуемых с ними словоформ, то необходимо отнести существительные типа *фабрика* и *девочка* к разным родам. Однако, принимая во внимание широкую зону совпадений в характере согласования этих существительных друг с другом, видимо, целесообразно выделять среди существительных женского рода две разновидности по семантическому основанию — одушевленную и неодушевленную. Те же соображения требуют «расщепления» на одушевленную и неодушевленную разновидности и существительных среднего рода: (*вижу*) *большие поля — больших насекомых*.

Как отмечено выше, существительные мужского рода в зависимости от одушевленности или неодушевленности требуют разных форм винительного падежа слова *который*, вводящей придаточную определительную. Та же зависимость существует и во множественном числе у существительных женского и среднего рода; ср.: *это были фабрики, которые я знал — это были девочки, которых я знал; это были поля, которые я знал — это были животные, которых я знал*.

Таким образом, различия в выборе согласуемых словоформ во множественном числе связаны с одушевленностью ~ неодушевленностью, но род, выделяемый на основе согласовательных свойств форм именительного падежа единственного числа существительных, не оказывает влияния на выбор согласуемых форм полных прилагательных и причастий во множественном числе: *были большие заводы, фабрики, поля*. Однако в русском языке можно найти частный случай, когда и при сущест-

вительном в форме множественного числа выбор согласуемого прилагательного (или причастия) определяется родом существительного. Речь идет о сочетаниях типа  *заводы, каждый из которых выполнил план; фабрики, каждая из которых работает успешно; поля, каждое из которых даёт богатый урожай.*

Все сказанное можно подытожить следующим образом: в единственном числе выбор согласуемой словоформы определяется числом и родом существительного. В мужском роде этот выбор обусловлен еще одушевленностью ~ неодушевленностью существительного. Во множественном числе выбор согласуемой словоформы определяется числом и одушевленностью ~ неодушевленностью существительного. Род во множественном числе, равно как и одушевленность ~ неодушевленность в женском и среднем роде единственного числа, на выбор определяющей словоформы не влияет.

## § 17. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, НЕ ОТНОСЯЩИЕСЯ НИ К ОДНОМУ ИЗ ТРЕХ РОДОВ

Три традиционных рода не отражают свойств всех русских существительных, даже рассматриваемых в форме именительного падежа единственного числа. Речь идет о существительных, называющих предметы, являющиеся единственными, конкретными, связанными с идеей счета, однако не имеющими формальных внутрисловных средств для выражения единственности ~ множественности: *брюки, весы, ножницы, очки, сани, счёты, часы, щипцы* и др. Ясно, что существительные такого типа, будучи с точки зрения содержания обычными словами русского языка, не могут быть отнесены ни к мужскому, ни к женскому, ни к среднему роду. Необходимо признать, что эти существительные составляют в русском языке особый род. Поскольку многие существительные этого рода обозначают предметы, состоящие из двух частей (*очки, сани, ножницы, брюки, ворота*), их род называют **парным** (ср. с условностью наименований «мужской», «женский», «средний» род). Среди существительных парного рода нет таких, которые обозначают одушевленные предметы. Поэтому согласуемые с этими существительными прилагательные, причастия, глаголы в форме прошедшего времени или заменяющие эти существительные местоимения полностью совпадают с соответствующими согласуемыми словоформами.

ми, связанными с формами множественного числа неодушевленных существительных мужского, женского и среднего рода. Однако такая точка зрения сугубо формальна. Учитывая и значение существительных парного рода, необходимо признать, что они, равно как и словоформы, с ними согласуемые, обладают омонимией чисел<sup>1</sup>. Выделение парного рода продиктовано еще и тем, что грамматические категории должны охватывать в свою лексику, объединяемую понятием «часть речи» (в данном случае — существительные).

Таким образом, в русском языке существует система четырех родов, три из которых (за исключением парного) подразделяются на одушевленную и неодушевленную разновидности. Эта система может быть представлена в виде семи согласовательных классов: I — мужской неодушевленный ( *завод*), II — мужской одушевленный ( *мальчик*), III — женский неодушевленный ( *фабрика*), IV — женский одушевленный ( *девочка*), V — средний неодушевленный ( *поле*), VI — средний одушевленный ( *насекомое*), VII — парный ( *брюки*). Можно утверждать, что в русском языке нет существительных, которые не могли бы быть отнесены к одному из семи согласовательных классов.

Изложенный взгляд на род русских существительных подробно обоснован Н. Н. Дурново и А. А. Зализняком<sup>2</sup>, однако, несмотря на свою убедительность и опору на обширный материал, не является общепринятым в русской грамматике. Более обычной является теория трех грамматических родов.

## § 18. СУЩЕСТИТЕЛЬНЫЕ, СПОСОБНЫЕ ЗАНИМАТЬ НЕ ЕДИНСТВЕННУЮ ПОЗИЦИЮ В КЛАССИФИКАЦИИ

В русском языке есть существительные, которые можно отнести одновременно к нескольким согласовательным классам. Эти существительные «скрещенных» согласовательных классов (по терминологии А. А. Зализняка) могут быть двух типов:

<sup>1</sup> Словосочетание *большие дома* выражают множественное число дважды — формами существительного и согласуемого прилагательного; словосочетание *новое пальто* — один раз — формой прилагательного; словосочетание *новые часы* — дважды, однако содержательно число здесь не выражено, как, например, и в выступающем без согласуемых слов существительном *пальто*.

<sup>2</sup> См.: Зализняк А. А. Русское имение словоизменение. С. 62—81; Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.; Пг., 1924. Статья «Род».

1. Существительные, обозначающие вещества, материалы, имеющие собирательное значение, называющие отвлеченные действия, процессы, состояния, игры, географические пункты,— короче, существительные, лексические значения которых не связаны с выражением идеи количества. Эти существительные, имеющие форму единственного числа, принадлежат к женскому или среднему роду, не обладают различиями в согласовании, обусловленными одушевленностью ~ неодушевленностью, и, следовательно, могут рассматриваться как принадлежащие одновременно III и IV (*молодёжь*) или V и VI (*студенчество*) классам. Слова этой группы, имеющие форму множественного числа, могут рассматриваться как относящиеся одновременно к I, III, V и VII (*духи*) классам.

2. Существительные, способные обладать двумя значениями рода — мужского и женского: *невежа, забияка, соня*. Если данное слово характеризует лицо женского пола (*Маша была ужасная невежа*), слово относится к женскому роду; если лицо мужского пола (*Петя был невообразимый забияка*), слово относится к мужскому роду. Такие существительные называют существительными общего рода.

В последние десятилетия к существительным общего рода активно тяготеют слова, прежде относившиеся к мужскому роду: *доктор, врач, директор, секретарь, хирург, агроном* и т. п. Причем, обозначая лиц женского пола, эти существительные легко сочетаются с формами женского рода прошедшего времени глаголов: *доктор, пришла, директор сказала*, а также легко заменяются местоимением-существительным *она*. Таким образом, слова типа *директор, доктор, инженер* уже не являются словами мужского рода, но еще и не стали словами общего рода. Ведь они могут сочетаться с прилагательными в форме мужского рода (*хороший,уважаемый* и т. п.) и не могут сочетаться с прилагательными в форме женского рода (по-русски нельзя сказать «*хорошая доктор*» или «*уважаемая директор*» даже при обозначении лиц женского пола). Перед нами, так сказать, «кандидаты» в слова общего рода.

Новейшие изменения в структуре рода существительных связаны с условиями жизни людей — активным участием женщин в производственной и общественной жизни, освоением ими «мужских» профессий, занятием «мужских» должностей. Язык располагал для обозна-

чения этих профессий и должностей существительными мужского рода. Возникало противоречие между явлениями жизни и средствами языка. Однако едва ли можно предполагать, что полное вхождение в общий род слов типа *директор* и тем более словосочетаний типа *хорошей доктора* (род. п.) или *уважаемой секретарю* (дат. п.) произойдет в ближайшее время.

### § 19. СВЯЗЬ МЕЖДУ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ СУЩЕСТИТЕЛЬНОГО И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

На практике — особенно в процессе преподавания русского языка как неродного — возникает задача определить согласовательные возможности существительного. Как уже отмечалось, эти возможности часто не зависят от значения существительного, а также от его «внешнего облика». Однако существуют некоторые вероятностные зависимости, помогающие предсказывать согласовательные возможности существительного.

Личные существительные следует противопоставить неличным. Если личные существительные обозначают лиц женского пола, то они относятся к IV согласовательному классу, если же лиц мужского пола, то ко II согласовательному классу. В тех же случаях, когда обозначается лицо и мужского и женского пола, существительное принадлежит либо к общему роду («скрещенные» II и IV согласовательные классы), либо к мужскому одушевленному (II согласовательный класс). Возможность двух решений в последнем случае обусловлена неустойчивостью языковой нормы; ср.: *врач (Иванова) пришла — врач (Петров)* пришёл, но пошёл к своему врачу (*Ивановой*) — пошёл к своему врачу (*Петрову*). Опираться на «внешний облик» личных существительных при определении их рода не следует; ср.: *юноша, девушка и староста, студент и мадам*. В этой сфере действует лишь критерий семантический.

Другое дело — существительные неличные. Принадлежность к тому или другому роду определяется их «внешним обликом». Слова на *-а/-я* принадлежат, как правило, к женскому роду: *стена, но антраша*; на твердый согласный — к мужскому; на *-о, -е* — к среднему: *село, поле, но городишко, кофе*. Однако и здесь не полная ясность; слова, оканчивающиеся на *-ь* (или фонети-

чески на мягкий согласный), могут относиться как к мужскому, так и к женскому роду: *день*, но *тень*. Хотя формальный критерий часто дает неудовлетворительные результаты, он не корректируется семантическими соображениями. Последних в области родового распределения неличных существительных нет.

Особенно важно это иметь в виду при определении родовой принадлежности существительных, обозначающих животных. Существительные типа *корова*, *овца*, *коза* обозначают самок и принадлежат к женскому роду. Существительные типа *бык*, *баран*, *козёл* обозначают самцов и принадлежат к мужскому роду. Однако такое совпадение необязательно: существительные типа *соболь*, *бегемот*, *кит* принадлежат к мужскому роду, типа *собака*, *черепаха*, *щука* — к женскому роду, а обозначают особей обоего пола.

## § 20. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

В русском языке грамматическая информация о словоформе, как правило, заключена в ней самой. Так, русская словоформа *столом* выражает и принадлежность к существительным, и неженский род, и единственное число, и творительный падеж.

Подавляющее большинство существительных, оканчивающихся в форме именительного падежа единственного числа на твердый (не шипящий) согласный, указывает тем самым на принадлежность к мужскому роду: *топор*, *стол*, *город* и т. д. Изменение родовой принадлежности существительных типа *доктор* «подрывает» эту закономерность, поскольку именно так оформлена основа у многих существительных, тяготеющих к общему роду.

Стремятся изменить свою родовую принадлежность не только лексемы типа *доктор*. В том же направлении действуют аббревиатуры и неизменяемые заимствования. Аббревиатуры женского рода типа *ГЭС* и *ОНН*, заимствования типа *мадам* также «подрывают» традицию, связывающую именительный падеж единственного числа на согласный с мужским родом. В том же самом направлении действуют и собственные существительные. Тенденция относить существительные, оканчивающиеся в форме именительного падежа единственного числа на *-о*, *-е*, к среднему роду, например, нарушается не только аббревиатурами мужского рода (*райфо*, *НАТО*),

заемствованиями (*кофе*), но и именами собственными (*Пеле, Токио*).

Так как «внешний облик» словоформы дает меньше информации о родовой принадлежности существительного (увеличилась степень неопределенности), то тем более информативными для определения этой принадлежности стали согласованные с существительным словоформы. Таким образом, с уменьшением информации о роде существительного, даваемой словоформой, возросла ценность информации о роде существительного, даваемой согласованными с ним словами. В этом исследователи и видят одно из проявлений тенденции развития русского языка от синтетического строя к строю аналитико-синтетическому.

## КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

### § 21. ОБОЗНАЧЕНИЕ СЛОВОФОРМОЙ КОЛИЧЕСТВА ПРЕДМЕТОВ

Большинство существительных обозначают либо один предмет, либо число предметов большее, чем один: *дом — дома, день — дни, дорога — дороги*.

Некоторые существительные называют предметы, вообще чужды идеи счета. Это: 1) названия веществ, материалов: *молоко, сливки, тёс, дрова, духи*; 2) существительные со значением собирательности, некой нерасчлененной совокупности: *студенчество, листва, джунгли, финансы, деньги*; 3) существительные, имеющие значение действия или состояния: *паника, хлопоты*; 4) названия игр: *преферанс, казаки-разбойники, прятки, футбол, регби*; 5) собственные наименования: *Черемушки, Бирюлёво, Сочи, Таллинн*. У существительных названных групп число (как и род у неодушевленных существительных) не обозначает никаких свойств объектов, а характеризует только словоформы. Единственное или множественное число у таких существительных может замещать одно другое, не изменяя значения предложения, а создавая лишь стилистический эффект: *Это он, старая дрожжа, проквасил нам постояльцев* (М. Г.); *Времени нет молоки распивать* (Ш.).

В русском языке немало также таких существительных, которые обозначают предметы, не чужды идеи счета, однако не выражают эту идею формально. Можно выделить две группы таких слов: 1) существительные

типа *сани*, *брюки*, *ворота*, *ножницы*; 2) неизменяемые существительные, т. е. существительные типа *пальто*, *такси*, *кенгуру*, не изменяющиеся ни по падежам, ни по числам. В самом деле, в словосочетаниях *подъехали сани*, *заскрипели ворота*, *купил пальто и брюки*, *увидел такси* нельзя ответить на вопрос, о каком количестве саней, ворот, брюк, пальто или такси идет речь. Ответ может быть получен только с привлечением более широкого контекста — языкового или ситуационного. Использование ситуационного контекста помогает понять, что куплены, по-видимому, одни брюки и одно пальто. В случае неединичности купленных предметов на это, как на явление весьма необычное, должно было бы быть специальное указание в тексте: *купил двое брюк и три пальто*. Языковой контекст еще более явно может указать на количество (единичное или не единичное) предметов. Например: *Подъехали сани, и из них выскоцил красноармеец* — разумеется, сани были одни (выскочить из многих саней красноармеец явно не мог); *Подъехали сани, и из них выскочила рота солдат* — видимо, саней было довольно много (целая рота в одних санях не поместилась бы). А в предложении *Подъехали сани, и из них выскочили красноармейцы* вопрос о количестве саней остается неясным, поскольку словоформа *красноармейцы* может обозначать и двух человек (тогда можно предполагать наличие одних саней), и, скажем, сто (тогда, конечно, сани были не одни).

Таблица 17

Несчетные существительные	Счетные существительные		
	словоформы со значением единичности предмета	словоформы со значением множественности предметов	словоформы с неясным значением числа предметов
молоко	дом	дома	ворота
сливки	корова	коровы	сани
беготня	поле	поля	такси
хлопоты	день	дни	пальто
регби			кенгуру
футбол			
молодёжь			
опилки			
листва			
студенчество			

Таким образом, с точки зрения реального противопоставления предметов по единичности ~ множественности существительные могут быть разделены на две группы — счетные и несчетные. В свою очередь, словоформы одних счетных существительных могут иметь значение единичности ~ множественности, словоформы других называют предметы, количество которых неясно (табл. 17).

## § 22. СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВОФОРМ С РАЗНЫМ КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Каждая форма существительного, независимо от количества обозначаемых ею предметов, принадлежит к тому или другому грамматическому числу. Единственное число имеет свою систему окончаний существительных и согласованных с ними слов, множественное число — свою; ср.: *течёт вкусное молоко — текут вкусные сливки; началась ужасная паника — начались ужасные хлопоты*. Неизменяемые существительные могут характеризоваться и единственным и множественным числом согласуемых слов; ср.: *подъехало свободное такси — подъехали свободные такси; висит новое пальто — висят новые пальто*.

С этой точки зрения все формы существительных (не предметы) могут быть сгруппированы следующим образом: со значением грамматического единственного числа, со значением грамматического множественного числа, со значением обоих чисел (табл. 18).

Таблица 18

Единственное число		Множественное число	Единственное и множественное число
молоко	листва	сливки	такси
беготня	студенчество	хлопоты	пальто
футбол	поле	опилки	кенгуру
молодёжь	день		
дом			
корова			

Таким образом, если мы говорим о какой-либо словоформе, что она единственного или множественного числа, то это отнюдь не значит, что она соответственно об-

значает один (или более чем один) предмет. Точно так же указание на то, что в действительности существует один (или более чем один) предмет не равносильно утверждению, что его называет существительное в форме единственного (или множественного) числа. Такие соответствия являются довольно частым явлением, но они не универсальны: например, *коровы* — и грамматическое и реальное множественное число; *сани* — грамматическое множественное число, но реальное значение числа неясно; *молоко* — грамматическое единственное число, вопрос о реальном значении числа не имеет смысла; *хлопоты* — грамматическое множественное число, вопрос о реальном значении числа не имеет смысла. Итак, грамматическое значение числа у данной словоформы может не совпадать с реальным числовым значением.

### § 23. ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВОФОРМЫ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КОНТЕКСТА

В русском языке возможны и такие случаи, когда и грамматическое и реальное значения числа у данной словоформы совпадают, но в контексте эта словоформа получает совсем иное слововое значение. Например: *рыба* имеет грамматическое значение единственного числа, обозначает единичный предмет, однако предложение *Здесь рыба водится* обозначает примерно то же, что и предложение *Здесь рыбы водятся*; в словоформе *университетах*, без сомнения, и в грамматике, и в реальной действительности обозначено множественное число, однако в предложении *Чему вас только в университетах учили?* словоформа *университетах* явно имеет значение единичности.

В некоторых контекстах словоформы множественного числа, обозначающие счетные существительные, могут не получать значения реальной множественности. Это, например, объект в конструкциях типа *Вы все делаете нечто: по театрам ходите, разговоры разговариваете, книги читаете* (с неодобрительным значением). В этих случаях во множественном числе часто выступают даже несчетные существительные: *чай распиваете, по Лондонам и Парижам разъезжаете*. Иногда множественное число и в самых обычных контекстах может получать значение реальной единичности: *У нас гости: Саша приехал или: У тебя родственники есть: брат. Та-*

ким образом, под влиянием контекста реальное единственное и множественное число может трансформироваться, переосмыляться.

Особенности указанного значения форм единственного и множественного числа навели исследователей на мысль, что таким образом в русском языке может передаваться значение определенности ~ неопределенности. Как известно, категория определенности ~ неопределенности, существующая во многих европейских языках и передаваемая там преимущественно с помощью артикля, в русском — как грамматическая категория — отсутствует. Единственное число у существительных может терять значение реальной единичности и приобретать значение множества неопределенных предметов, некой совокупности единиц. Точно так же множественное число может указывать на то, что обозначенный предмет неопределенен, неизвестен. Во всех приведенных примерах легко вставить перед соответствующим существительным подходящую форму лексемы *какой-то*; ср.: *Здесь рыба водится*. — *Здесь какие-то рыбы водятся*; *Чему вас только в университетах учили?* — *Чему вас только в каком-то университете учили?* Таким образом, можно утверждать, что в результате взаимодействия формы числа с контекстом может не только нарушаться соответствие между грамматикой и отражением действительности, но и возникать новый элемент смысла, связанный с определенностью ~ неопределенностью.

## § 24. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЧИСЛОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Противопоставление единственного и множественного числа формально выражается преимущественно противопоставлением системы окончаний, однако этим не исчерпывается. Счетные существительные могут, например, обладать основой единственного числа, совершенно отличной от основы множественного числа: *человек* — *люди*, *ребёнок* — *дети*.

В то же время в русском языке есть факты, когда в формальном соотношении слов можно усмотреть противопоставление по числу, но в действительности здесь представлены иные отношения. Это могут быть отношения действия и его результата: *посадка деревьев* — *молодые посадки*; *начался посев* — *посевы зазеленели*; вещества и вида вещества: *вино* — *вина* (*креплённое*,

*сухое, шипучее); вода — воды (фруктовая, минеральная, газированная); качества и предметов, обладающих этим качеством: ёмкость бака — все ёмкости заняты.*

Есть в русском языке случаи, когда лексема в форме единственного числа с множеством значений соотносится с несколькими лексемами в форме множественного числа, закрепляя за каждой часть своих значений: *зуб — зубы* (у человека или животного) и *зубья* (у инструмента); *лист — листы* (бумаги) и *листья* (на дереве).

Формальные различия могут касаться и самой основы существительных. Возможны разные типы изменения основ при образовании форм числа. Это может быть чередование по твердости ~ мягкости, где смягчение конечного согласного основы нельзя объяснить фонетически; перед нами — морфологическое чередование: *сосед — соседи, чёрт — черти, колено — колени*. Такое же явление наблюдается в некоторых формах множественного числа лексемы *церкви*: *церквам, церквами, церквах*. Основы существительных единственного и множественного числа могут различаться и качеством конечного согласного: *око — очи, ухо — уши*. Однако это необязательная характеристика основ, оканчивающихся в форме единственного числа на задненёбный: *колёсико — колёсики*. Чередование можно усмотреть и в соотношениях такого типа, как *бесёнок — бесенята, козлёнок — козлята* или *хозяин — хозяева*.

Основа множественного числа может представлять собой результат наращения основы единственного числа: *стул — стулья, брат — братья или кум — кумовья*. Но возможно и явление, когда основа множественного числа — результат усечения основы единственного числа: *цветок — цветы, армянин — армяне, господин — господа* (в последнем случае происходит еще и чередование конечного согласного по твердости ~ мягкости). Двойное изменение — чередование и наращение — представлено и в соотношениях типа *клок — клочья, сук — сучья*.

Наиболее распространено различие основ единственного и множественного числа на беглый гласный. Причем здесь может наблюдаться отличие всех форм множественного числа от некоторых форм единственного числа: *отец, отца — отцы* или отличие одной формы множественного числа от всех форм единственного числа:

*песня, песням — песен; кухня, кухнями — кухонь; статья, статьи — статей; певунья, певуны — певуний.* Следует отметить, во-первых, что это чередование может сопровождаться и чередованием по твердости ~ мягкости: *песня — песен*; во-вторых, что в качестве беглого гласного на буквенном уровне могут выступать не только *о* и *е*, но и *и*: *певунья — певуний*.

## § 25. О ПРИРОДЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Очевидно, что значение «количество (единичность ~ множественность) предметов» охватывает подавляющее большинство русских существительных. Таким образом, за некоторыми исключениями, эту характеристику грамматического числа можно считать обязательной. Подавляющее большинство словоформ, указывающих на единичный предмет, предопределяет существование словоформы, указывающей на множество таких же предметов. Однако и здесь, как отмечалось, существуют исключения. Следовательно, если пренебречь случаями, входящими в «исключения», противопоставление «единичность ~ множественность» оказывается обязательным и регулярным. Иными словами, оно формирует грамматическую категорию. При этих условиях данная категория выступает как формообразующая, словоизменительная, поскольку она способна противопоставлять словоформы, более ничем не отличающиеся друг от друга. Именно как словоизменительную грамматическую категорию понимали число у существительных А. А. Шахматов и В. В. Виноградов.

Возможен и другой взгляд на те же факты. Можно не рассматривать как исключения случаи, отмеченные выше. Тогда характеристика «количество предметов» не оказывается ни обязательной, ни регулярной. При этом нельзя говорить ни о какой грамматической категории — ни о словоизменительной, ни о классифицирующей.

Однако очевидно, что грамматическое число обладает определенными согласовательными возможностями. Причем различие в этих возможностях, обусловленное числовой характеристикой словоформы, носит универсальный, обязательный характер. В этом случае перед нами — грамматическая категория, определяющая оформление связи между словоформами. Ясно, что при такой интерпретации грамматической категории числа

она выступает в качестве классифицирующей. Ведь словоформы, различающиеся по этой категории, непременно различаются и какими-нибудь другими, не-грамматическими характеристиками. Понимание категории числа как классифицирующей, рассматривающей не словоформы одной лексемы, а разные лексемы, также представлено в русской лингвистической традиции (в трудах таких выдающихся лингвистов, как Ф. Ф. Фортунатов, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов).

Понимание числа как категории либо словоизменительной, либо классифицирующей имеет важные следствия, во-первых, для понимания морфологической структуры существительных, а во-вторых, для определения числа согласовательных классов существительных.

Если число — словоизменительная категория у существительных, то морфемы, передающие его значение, следует считать окончаниями. Если же число — классифицирующая категория, то передающие его значение морфемы следует считать суффиксами. Однако в русском языке показатели числа одновременно являются и показателями падежа (считать эти же элементы показателями рода нет оснований, поскольку род выражается ими весьма непоследовательно). Совмещение в одном элементе структуры слова функций и окончания и суффикса, как известно, встречается в русском языке. Словообразовательную и грамматическую информацию несут окончания, например, в лексемах *шашлычная*, *заведующий*, *суточные*. Строго говоря, такие явления должны изучаться и в словообразовании и в морфологии. Если применить эту мысль к показателям числа и падежа, то следует сделать вывод, что их падежная функция должна изучаться в морфологии, а числовая — в словообразовании.

Исходя из этого, в данном случае следовало бы не рассматривать вопросы, связанные с образованием форм множественного числа существительных, и перенести анализ их в словообразование. Однако, хотя морфологи и трактовали категорию числа у существительных по-разному, авторы работ по словообразованию стремились не касаться вопроса о категории числа, считая его сферой грамматики. Причем это положение нельзя объяснить субъективными желаниями ученых. Поскольку падеж и число неразрывно связаны в плане выражения, любое описание образования падежных

форм есть описание и показателей того или иного числа. В то же время описание показателей числа, если оно дается не только для словарной формы (им. п. ед. ч.), есть уже описание падежных показателей. Поэтому вопрос о форме выражения числовых значений рассматривается вместе с вопросом о падежных формах.

Если представить себе, что формы единственного и множественного числа существительных — это разные лексемы, то система согласовательных классов будет выглядеть не так, как она представлена нами ранее. Лексемы мужского рода образуют в этом случае два класса — мужской одушевленный и неодушевленный, поскольку различия в выборе согласуемых форм у существительных мужского рода касаются и единственного числа. Единственное число женского и среднего рода существительных образуют два других согласовательных класса. Набор согласуемых форм для существительных парного рода совпадает с набором для существительных неодушевленных трех остальных родов во множественном числе (набор определяющих словоформ для *сани* совпадает с аналогичным набором для *дома, стены, поля*). Особый согласовательный класс составят одушевленные существительные множественного числа (наборы определяющих словоформ для *слоны, козы, насекомые* совпадают).

Тогда система согласовательных классов существительных будет выглядеть следующим образом: I — единственный мужской неодушевленный (*стол*); II — единственный мужской одушевленный (*слон*); III — единственный женский (*стена, коза*); IV — единственный средний (*поле, насекомое*); V — единственный и множественный парный (*саны*), множественный неодушевленный мужской (*столы*), множественный неодушевленный женский (*стены*), множественный неодушевленный средний (*поля*); VI — множественный одушевленный мужской (*слоны*), множественный одушевленный женский (*козы*), множественный одушевленный средний (*насекомые*).

## § 26. СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КАТЕГОРИЯМИ РОДА И ЧИСЛА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Рассмотренные категории рода и числа у существительных оказались во многом сходными. Если не считать «исключений» случаи типа *сметана, сливки*,

*пальто*, то, во-первых, обе категории являются классифицирующими, разделяющими не формы одной лексемы, но разные лексемы. Во-вторых, обе категории тогда выделены на основании обязательных синтаксических (а не номинативных!) элементов значения. В-третьих, обе категории связаны с действительностью: число — с количеством, род — с полом. (Однако этот аспект представлен не во всех формах существительных.) В-четвертых, согласовательные характеристики у обеих категорий могут приобретать содержательную ценность. Достаточно сравнить *большая неряха* или *ужасный неженка*, где согласованное определение указывает на пол предмета, и *новое пальто* или *старые леди*, где согласованное определение указывает на число предметов. В-пятых, парадигма существительного не всегда определяет однозначно его род или число. Таково качественное сходство категорий рода и числа у существительных.

Однако третья и пятая характеристики представлены у обеих грамматических категорий по-разному количественно. Грамматический род связан со значением пола лишь у многих одушевленных существительных. Грамматическое число связано со значением количества у подавляющего большинства существительных (исключение — существительные VII согласовательного класса и несчетные существительные других классов). Парадигма существительного более информативна для определения числа, чем для определения рода. Например, парадигма единственного числа традиционного I склонения типа *вода, земля* явно указывает на значение числа, значение же рода *ею* определяется неоднозначно (женский род, личное существительное мужского рода типа *папа* или общий род). Та же парадигма во множественном числе явно указывает на грамматическое множественное число, а в отношении рода допускает предположение о любом из четырех возможных значений.

Именно эти количественные различия и позволяют многим исследователям по большинству фактов относить число у существительных к содержательным словоизменительным грамматическим категориям, а род — к синтаксическим классифицирующим грамматическим категориям.

# КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

## § 27. СВЯЗЫВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Формы существительных противопоставляются друг другу не только по числовым значениям. Например, такой ряд словоформ, как *дом, дому, домом, dome*, характеризуется общим лексическим значением и называет единичный предмет, однако в этом ряду нет двух одинаковых словоформ. Формальные различия между словоформами очевидны. Сложнее ответить на вопрос о том, какие неформальные различия имеются между ними.

По-видимому, если словоформы взяты изолированно, нельзя увидеть между ними какое-либо смысловое различие. Однако абсолютно ясны сочетательные различия между рассматриваемыми словоформами. Причем эти различия проявляются как для «подчиненных», так и для «подчиняющих» словоформ. Например, сочетание *хороший дом* возможно, а *«хороший дому»* — невозмож но, должно быть *хорошему дому*, но невозможно сочетание *«хорошему домом»* и т. д.; *дом стоит* возможно, а *«дому стоит»* — невозможно, *идти к дому* возможно, а *«идти к домом»* — невозможно и т. д.

Таким образом, можно утверждать, что формы существительных обладают некоторой характеристикой, которая предопределяет возможность или невозможность соединения их с другими словоформами. Необходимы два уточнения. Во-первых, речь не идет о таких характеристиках, предопределяющих выбор связываемых словоформ, как род и одушевленность. Очевидно, что в рассматриваемом примере лексема *дом* (а следовательно, и все ее формы) принадлежит к мужскому роду и называет неодушевленный предмет. Однако не эти факторы обусловили выбор именно тех словоформ, которые могут быть связаны со словоформами *дом, дому, домом* и т. п. Во-вторых, когда речь идет о возможности или невозможности связи между словоформами, имеется в виду не лексическая, осмысленная связанность, а грамматическая правильность. В самом деле, *железным летом* — лексически невозможная связь, но грамматически она совершенно правильна, а *холодному летом* — грамматически невозможная связь, а лексиче-

ски вполне обоснованная. Особенno важно разграничение грамматической и лексической правильности для обсуждаемой «связывающей» характеристики форм существительных.

## § 28. ПАДЕЖ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Таким образом, можно утверждать, что у форм существительных, помимо категорий рода, одушевленности ~ неодушевленности и числа, существует еще одна характеристика, относящаяся к выбору связанных словоформ. Эту характеристику называют падежом существительного. Лежащие в основе падежа свойства словоформ являются общими свойствами существительных, они формируют категорию падежа. Категория эта — словоизменительная, благодаря ей могут противопоставляться словоформы, лишенные каких бы то ни было неформальных — смысловых и «связывающих» — различий.

Не следует, однако, полагать, что падеж как грамматическая категория имеет только связывающую функцию. При рассмотрении категорий рода, одушевленности ~ неодушевленности и числа уже было показано, что при определенных условиях «связывающие» категории могут приобретать содержательную ценность, а содержательные в своей основе категории могут иметь чисто связывающую функцию. Достаточно напомнить для первого случая пример типа *доктор пришёл — доктор пришла* или *ужасный соня — ужасная соня*, а для второго — *новые брюки или вижу большой дом — вижу большого слона*.

Категории падежа содержательная ценность тоже отнюдь не чужда. Однако смысловая характеристика не заключена в самой словоформе, а возникает в результате взаимодействия формы существительного с «подчиняющей» ее словоформой. Действительно, между изолированными словоформами *рука*, *руку*, *рукой* нет смысловых различий, а есть только различие в синтагматических возможностях. Однако в словосочетаниях *рука ударила*, *руку ударила*, *рукой ударила* указанные различия между словоформами имеют содержательную ценность.

## § 29. ЧИСЛО ПАДЕЖЕЙ

Сложность вопроса о числе падежей очень четко была сформулирована А. И. Соболевским: «Сколько падежей? Ответ на этот вопрос не только труден, но прямо невозможен. Если принять за основание звуковую форму имени... то мы должны будем сказать, что одни имена... имеют меньше падежей, чем другие... и что число падежей неопределенно. Если же принять за основание грамматическое значение... то мы должны будем насчитать большое количество падежей... Тогда, например, форма *хлеба* в разных предложениях (*Я взял себе хлеба, Мясо лучше хлеба, Мягкость — свойство хлеба*) будет представлять 3 падежа: *partitivus, ablativus* и *possessivus*»<sup>1</sup>.

В самом деле, анализ форм существительных неизбежно приводит к мысли, что число падежей у них различно. Таких «падежей» может быть шесть: *шкаф, шкафа, шкафу, шкафом, шкафе, шкафу*; пять: *дом, дома, дому, домом, доме*; четыре: *степь, стёпи, степью, степи*; три: *мыши, мыши, мышью* или даже один: *пальто*, что равносильно отсутствию падежа как грамматической категории.

Хотя традиционное решение вопроса о числе падежей у существительных все-таки связано с анализом формы, этот анализ опирается не на каждое конкретное существительное, а на систему, включающую в себя все падежные формы всех существительных. Практически при определении того или иного падежа каждый многократно пользовался этим приемом. Например: *Видели слона* — какой падеж у словоформы *слона*? Форма может указывать и на родительный падеж, и на винительный; здесь — винительный. Почему? Потому что в данном контексте словоформа *слона* может быть заменена без потери грамматической правильности словоформами *козу* (*кого, что*). В родительном падеже (*нет слона*) та же словоформа не может, без потери грамматической правильности, замениться на *козу* (*кого, что*) — она должна быть заменена на *козы* (*кого, че го*).

<sup>1</sup> Цит. по кн.: Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 141 (Соболевский А. И. Русский исторический синтаксис. Лекции. 1892—93 гг.).

## § 30. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАДЕЖЕЙ

Уже отмечалось, что изолированная падежная форма не может обозначить то отношение, которое связывает явления, обозначенные этой словоформой и словоформой «подчиняющей». Например, словоформа *человеком* сама по себе не предопределяет того, в каких именно отношениях находится «человек» с другими предметами. Это могут быть, например, отношения и субъекта действия: *Всякое дело человеком славится*, и объекта действия: *любоваться человеком*. Не следует полагать, что высказанным соображениям противоречат такие, например, случаи, как *«Огня!», — кричат* (Кр.) или: *Карету мне, карету!* (Гр.). Здесь падежная форма взаимодействует с отсутствующим, но подразумеваемым глаголом.

При этом падежная форма выступает как своего рода омоним. Набор значений для того или другого падежа может варьироваться в зависимости от лексического значения словоформы. Так, словоформа *человеком* едва ли может в тексте получить значение места, а словоформа *берегом* такое значение получает: *идти берегом*; словоформа *человеком* имеет в тексте значение субъекта действия, а для словоформы *берегом* это едва ли возможно. Иными словами, содержательная характеристика падежа зависит от лексического значения существительного.

В русском языке различные лексемы способны соединяться с разным количеством падежных форм. Например, глагол *слушать* может соединяться с формами именительного [*А Васька слушает...* (Кр.)], винительного [...] *Слушайте Революцию* (Бл.)] и творительного [*Всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушайте революцию* (Бл.)] падежей. Глагол *говорить* может еще соединяться с формой дательного падежа: *говорить сыну*. Существуют и словоформы (полнозначные и служебные), которые могут сочетаться с одной-единственной падежной формой существительного. Так, словоформы типа *холодно, жарко, весело* в значении состояния могут соединяться без предлога только с формами дательного падежа: *мне холодно, ребятам весело*. Предлог *из*, например, сочетается только с формой родительного падежа, а предлог *к* — только с формой дательного падежа. Это различие в свойствах «подчиняющих» лексем также оказывает воздействие на содержательные ха-

рактеристики падежных форм. В тех случаях, когда «подчиняющая» лексема может соединяться с одной единственной падежной формой, трудно говорить о содержании, выражаемом падежной формой. (Ср. с отсутствием содержательных характеристик у прилагательных, определяющих существительные необщего рода.) Если «подчиняющее» слово имеет значение действия или состояния, то единственная сочетающаяся с ним падежная форма имеет значение субъекта этого действия или состояния. В тех же случаях, когда «подчиняющая» лексема может соединяться с несколькими падежными формами, каждая из них наделена особым содержанием: *сын принёс, сыну принёс, сына принёс*. (Ср. с содержательными характеристиками прилагательных, соединяющихся с существительными общего рода.)

Не следует, однако, представлять дело упрощенно, полагая, что различие в возможном наборе «подчиненных» падежных форм всегда имеет содержательную ценность. Здесь (как и в фонетике и в словообразовании) возможно свободное варьирование; ср.: *помощь не требуется — помощи не требуется; не давать разрешения — не давать разрешение; памятник поэта — памятник поэту* и т. п. Кроме того, на значение падежной формы влияет и характер синтаксических отношений, в которые включена эта форма: относится ли она только к какому-либо слову или ко всему предложению в целом. Например, формы родительного падежа в предложении *Он лишился покоя третьего февраля* имеют различное значение, что обусловлено, в частности, различием в их синтаксических ролях: первая форма связана с глаголом, а вторая — со всем предложением<sup>1</sup>.

Итак, падежная форма может быть лишена собственного содержания только связывая словоформы в словосочетании и предложении. Однако падежная форма может и выражать определенное содержание. Каково оно будет, зависит от самой падежной формы, от лексических значений «подчиненного» и «подчиняющего» слов, от синтаксических возможностей «подчиняющего» слова, а также от характера связи, в которую вступает падежная форма.

<sup>1</sup> См. также: Шведова Н. Ю. Дихотомия «присловные-неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. М., 1978.

## § 31. СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ

В русском языке можно выделить следующие падежи:

1. Именительный падеж. Ему соответствует набор словоформ в таком, например, контексте, как *У меня есть* (наличествующий предмет). Разумеется, можно придумать другие контексты, где будет употребляться точно такой же набор словоформ.

2. Дательный падеж. Ему соответствует набор словоформ в таком, например, контексте, как *Я иду к* (предмет, по направлению к которому совершено движение). Тот же набор словоформ будет употребляться и во множестве иных контекстов, например, в таких, как *Я аплодирую* (адресат) или *Я пишу* (*читаю, рассказываю, пою* и т. д.).

3. Винительный падеж. Он выделяется на основе набора словоформ, выступающих в таком, например, контексте, как *Я говорю про* (предмет говорения) или *Я читаю* (*пишу, вижу* и т. д.), где предмет — объект действия.

4. Творительный падеж. Он выделяется на основе набора словоформ, выступающих в таком, например, контексте, как *Я интересуюсь* (предмет интереса). Тот же набор словоформ употребляется и в контекстах *Я увлекаюсь* (*знакомлюсь с, восхищаюсь*) (объект действия); *Я иду* (*говорю, сижу с*) (объект совместного действия); *Я работаю* (*делаю, пишу*) (орудие действия).

5. Предложный падеж. Этот падеж формируется на основе набора словоформ, выступающего, например, в контексте *Я говорю о* (объект говорения). Контекстов, требующих данного набора словоформ, очень много в русском языке: *Я знаю толк в* (предмет понимания). Однако такой контекст, как *Я живу в* (место жительства), требует уже иного набора словоформ: достаточно сравнить *Я говорю о лесе (степи)* и *Я живу в лесу (степи)*. Таким образом, традиционный предложный падеж распадается на два падежа: собственно предложный и местный.

6. Местный падеж. Как следует из сказанного, этот падеж выделяется в контексте *Я живу в* (место жительства). Контекстов, требующих такого набора словоформ, в русском языке также немало: *Они находятся в* (место нахождения); *Я гуляю в* (место гуляния) и т. п.

7. Родительный падеж. Как известно, традиционный родительный падеж у некоторых существительных располагает двумя формами: *чая и чаю, сахара и сахару, сыра и сыру* и т. д. Интерпретация этого факта в рамках предлагаемого понимания падежа зависит от определения контекстов, в которых могут употребляться указанные словоформы. Нетрудно увидеть, что не во всех контекстах можно употребить обе формы. Например, контекст *У... есть недостаток* (предмет, обладающий недостатком) допускает лишь формы на *-а/-я*: *чая, сахара, сыра*. Контекст *стакан...* (предмет в данном количестве) допускает формы как на *-а*, так и на *-у*: *чая и чаю, сахара и сахару, сыра и сыру*. Следовательно, формы на *-а* и *-у* в одних контекстах находятся между собой в состоянии свободного варьирования (как и, например, формы *водою — водой, дверями — дверьми, граммов — грамм*); в других — возможны лишь формы на *-а*. Нет таких контекстов, формы в которых традиционно относятся к родительному падежу и могут оканчиваться только на *-у*. Таким образом, следует выделять первый универсальный родительный, употребляемый во всех соответствующих контекстах: *сестры, вина, шкафа, сахара, песка, сыра, чая* и второй родительный, включающий большее количество словоформ, однако не всегда способный заменять первый: *сестры, вина, шкафа, сахара — сахару, песка — песку, сыра — сыру, чая — чаю*.

Предлагаемая «процедура» различия падежей приводит не только к обоснованию выделения традиционных падежей — именительного, двух родительных, дательного, винительного, творительного, предложного и местного, — но и к обозначению некоторых новых явлений, которые необходимо трактовать как падежи, хотя их «удельный вес» в системе падежей практически чрезвычайно мал.

8. В контекстах *два..., полтора (полторы)..., оба (обе)...*, *три..., четыре...* (предметы, о количестве которых сообщается) выступают наборы форм, традиционно трактуемые как родительный падеж. В соответствии с высказанными выше соображениями, видимо, нужно в данном случае говорить о первом универсальном родительном падеже. Дело, однако, в том, что указанный набор форм не совпадает ни со вторым, ни с первым родительным. Несовпадение касается не только словоформ типа *шага (У шага есть недостаток)* и *шагá (два шага)*,

*чáса (У часа есть недостаток) и часá (полтора часа).* Не ударением, но окончаниями различаются в данном контексте так называемые адъективные существительные; ср.: *У мастерской (часового, пирожного) есть недостаток.— Три мастерских (мастерские) (соответственно часовыx, пирожных).* Учет этого факта требует выделения так называемого счетного падежа. Существенная особенность этого падежа по сравнению с предыдущими заключается в следующем. Во-первых, число контекстов, в которых он выступает, строго ограничено и чрезвычайно легко поддается описанию. Во-вторых, этот падеж возможен только у существительных, обладающих номинативным значением множественного числа.

9. В контексте *Я жду...* (объект ожидания) набор форм будет выглядеть следующим образом: *жену, отца, конца, начала, автобус и автобуса, письмо и письма*. Ясно, что интерпретировать этот набор как винительный падеж невозможно (*конца, начала*). Нельзя усмотреть здесь и родительный падеж (*жену*). Не остается иного выхода, как признать данный набор форм особым, ждательным падежом. Отличие нового падежа от традиционных заключается в том, что его употребление ограничено глаголом *ждать* (и производными от него), а также отчасти глаголами *бояться, слушаться, остерегаться, опасаться*.

10. Контекст *Он вышел в...* (объект превращения) предполагает употребление словоформ *начальники, люди*. Признать этот набор форм именительным падежом — значит допустить возможность употребления именительного после предлога и в крайне необычной синтаксической функции; в то же время ни к какому иному падежу данный набор форм не сводим [в наборе для винительного — *начальников, людей (Я вижу...)*]. Приходится выделить еще один падеж — превратительный. Выводить эти факты в область фразеологии нецелесообразно, так как слишком широк круг контекстов, где используется форма этого падежа: *произвести, выйти, выбиться, принять, выбрать, рваться, смотреть и т. д.*

Изложенная система падежей не может рассматриваться как идеальная. Для этого существуют, по крайней мере, две причины. Первая состоит в том, что основные понятия не всегда определяются достаточно строго. Так, в частности, неясно, рассматривать ли противопо-

ставление (*принеси*) чаю — чая как противопоставление «сстояний» (тот же самый в разных «состояниях», т. е. чай весь или часть) или как противопоставление «предметов» (разный чай). Очевидно, что в зависимости от того, какое решение будет принято, падежная система будет строиться по-разному. Вторая причина состоит в том, что воображаемая «таблица» предметов и тех значений, в которых они выступают, практически не может быть полностью заполнена. Так, А. А. Зализняк, внесший большой вклад в изучение этого вопроса, считает вполне возможным, что «внимательный анализ фактов позволит обнаружить и другие... явления... могущие привести к формированию новых падежей»<sup>1</sup>.

Однако при всех недостатках указанный подход к падежу как к грамматической категории нам кажется принципиально правильным. Этот подход подтверждает, в частности, ту мысль, что не существует ни одного существительного, которое обладало бы набором разных форм для всех падежей. На неполном учете материала базируется и школьное определение значения падежа через местоимения *кто* и *что*. Следует напомнить, что даже традиционные шесть падежей не могут быть выделены, если использовать только какое-либо из этих местоимений. Система русских падежей в действительности содержит столь большое количество членов, что даже совместное использование — при фиксированных контекстах — двух местоимений, обладающих относительно большим количеством различных форм, не позволяет определить все существующие падежи.

### § 32. ЗНАЧЕНИЯ, ВЫРАЖАЕМЫЕ ФОРМАМИ ПАДЕЖЕЙ

Вопрос о значениях русских падежей уже давно привлекает внимание языковедов, однако до сих пор его нельзя считать решенным. Бесспорным достижением многолетних исследований является выделение у падежей двух различных функций: *обстоятельственной* и *субъектно-объектной* (по терминологии Е. Куриловича, соответственно наречной и синтаксической)<sup>2</sup>. При этом одни падежи (им., род., вин., дат. п.)

<sup>1</sup> Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С. 52.

<sup>2</sup> См.: Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.

главным образом служат для выражения субъектно-объектных отношений. Лишь во вторую очередь эти падежи могут выражать обстоятельственные значения. Другие падежи (например, творительный) прежде всего выражают обстоятельственные значения и лишь во вторую очередь могут передавать значения субъектно-объектные.

Существующие в многочисленных пособиях перечни значений падежей учитывают эти два типа значений. Однако не всегда принимается во внимание то обстоятельство, что падежная форма может быть лишена собственного содержания, выполняя лишь связывающую функцию. Так, едва ли можно говорить о значении приближения у дательного падежа, имея в виду случай *подойти к дому*. Ведь здесь значение приближения выражается не собственно падежной формой, а предлогом и «подчиняющим» словом. В словосочетании *подойти к метро*, например, падежное окончание отсутствует, что отнюдь не мешает выражению значения приближения.

Основные значения падежных форм можно представить следующим образом:

Именительный падеж преимущественно выражает значение субъекта действия: *птицы поют*, но может выражать и значение его объекта: *Почтенный замок был построен, как замки строиться должны* (П.).

Родительный падеж может выражать значение и субъекта действия: *родителей не было дома, доклад директора*, и его объекта: *коснуться руки*. Он выступает в значении обладателя: *стихи детей* (ср.: *стихи детям*). В обстоятельственной функции падеж имеет значение времени: *второго мая восемидесятого года*.

Дательный падеж преимущественно выражает значение адресата (косвенного объекта) действия: *писать брату*, однако может иметь значение и субъекта действия: *детям весело*, а иногда и объекта действия: *подчиняться правилам*. Обстоятельственных значений не выражает.

Винительный падеж преимущественно выражает значение объекта действия: *писать письмо*, однако может иметь и значение субъекта действия: *больного знобит*. Может употребляться и в обстоятельственном значении: *работать всю ночь*.

Творительный падеж широко употребляется в обстоятельственной функции, обозначая орудие дейст-

вия: *Солдаты шилом бреются* (Н.); время действия: *работать вечерами*; место действия: *идти берегом*. Однако может употребляться и в значении объекта действия: *любоваться озером* или субъекта действия: *пьеса исполняется музыкантом*.

Предложный падеж, употребляемый всегда после предлогов, служит лишь для связи словоформ в словосочетании и предложении, а также помогает дифференцировать разные омонимичные значения предлогов; ср.: (*идти*) *в лес* (направление) — *в лесу* (место); (*ходить*) *на площадь* (направление) — *на площади* (место).

Приведенный перечень не является полным, поскольку он учитывает лишь главные значения основных падежей. Кроме того, следует иметь в виду, что в некоторых случаях возможна нейтрализация некоторых падежных значений. Например, в примерах типа *принимать душой* можно интерпретировать значение падежной формы и как субъектное и как обстоятельственное; в примерах типа *корова доится* значение падежной формы можно понимать и как субъектное ('корова дойная') и как объектное ('корову доят').

Вопрос о содержании падежных форм важен и для изучающих русский язык как неродной. При этом особенно существенно выяснение того, какими падежными формами может быть выражено значение субъекта, объекта, адресата действия и т. п. Значение субъекта действия в принципе может быть выражено формами всех падежей: *трава растёт*; *ни огня, ни дыма нет*; *мне холодно*; *больного тошнит*; *пьеса исполняется музыкантом*. Значение объекта действия также может быть выражено различными падежными формами: *улица* (им. п.) *освещается фонарями*; *лишиться покоя* (род. п.); *подчиняться приказу* (дат. п.); *читать книгу* (вин. п.); *наслаждаться покоем* (тв. п.) и даже сочетанием предлога со словоформой: *мечтать об отдыхе* (предл. п.).

Важно также иметь в виду, что некоторые значения, передаваемые падежными формами, могут выражаться и иными средствами. Например, значение «орудие» может быть выражено формой творительного падежа и предложно-падежным сочетанием: *резать ножом*, *резать с помощью ножа*. Значение места действия также может быть выражено разными средствами: *идти берегом*, *идти по берегу*, *идти вдоль берега*.

Очевидно, что падежная форма существенно зависит от лексических и синтаксических свойств «подчиняющего» слова и от смысловой и формальной организации предложения. Таким образом, вопрос о содержательных характеристиках падежных форм тесно смыкается, с одной стороны, с проблемами синтаксиса, а с другой — с проблемами лексической семантики. Повышенный интерес, проявляемый к этим проблемам в настоящее время, дает новые импульсы для решения вопроса о значениях падежных форм, который не является собственно морфологическим.

## ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Как уже было отмечено, падеж противопоставляет формы одной лексемы. Наиболее распространено представление о числе как о характеристике, также противопоставляющей формы одной лексемы. В этом смысле и принято говорить о склонении существительных, т. е. о парадигме существительного, о наборе составляющих ее словоформ.

Парадигмы разных существительных различают по нескольким основаниям: 1) по наборам окончаний; 2) по изменениям в основе; 3) по количеству членов в парадигме. Классификация типов парадигм может быть проведена и для устной и для письменной форм языка. Эти классификации будут несколько отличаться одна от другой.

Проанализируем основные типы склонения существительных (число будем считать словоизменительной категорией). Условимся рассматривать письменную форму языка в акцентуированной записи (именно таким образом представлено склонение русских существительных в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка).

По принципу «набор окончаний» склонение существительных делят на три основных типа: 1) субстантивное склонение, т. е. склонение собственно существительных; 2) адъективное склонение, т. е. склонение существительных, представляющих собой субстантивированные прилагательные; 3) смешанное склонение, т. е. склонение существительных, имеющих черты субстантивного и адъективного склонения.

### § 33. СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Субстантивное склонение подразделяют на разновидности мужского, женского и среднего рода. А. А. Зализняк предлагает различать окончания стандартные (т. е. наиболее распространенные и потому принимаемые за норму) и нестандартные.

В качестве стандартных окончаний для мужского рода принимаются следующие (первые окончания можно условно назвать твердой разновидностью, вторые — мягкой) (табл. 19):

Таблица 19

Падеж	Окончание ед. ч.	Примеры	Окончание мн. ч.	Примеры
И. Р.	- <i>ə</i> /- <i>ь</i> - <i>a</i> /- <i>я</i>	завод, житель завода, жителя	- <i>y</i> /- <i>i</i> - <i>ov</i> , - <i>ey</i>	заводы, жители, заводов, жителей
Д.	- <i>u</i> /- <i>ю</i>	заводу, жителю	- <i>am</i> /- <i>jam</i>	заводам, жителям
В. неодуш. одуш.		как И. как Р.		как И. как Р.
Т.	- <i>om</i> /бездуд. - <i>em</i> , уд. - <i>ēm</i> - <i>e</i>	заводом, жите- лем заводе, жителе	- <i>ami</i> /- <i>jami</i> - <i>ax</i> /- <i>jax</i>	заводами, жи- телями заводах, жите- лях

В письменной форме языка стандартные окончания модифицируются в пять подтипов:

1. Если основа оканчивается на *-k*, *-g*, *-x* (*чайник*, *бульдог*, *грех*), выступают окончания твердой разновидности с заменой *-ы* на *-и*.

2. Если основа оканчивается на *-и*, *-ж*, *-ч*, *-щ* (*марш*, *морж*, *мяч*, *товарищ*), выступают окончания твердой разновидности с заменой *-ы* на *-и*, безударного *o* на *e*. Кроме того, в этом случае в родительном падеже множественного числа выступает окончание *-ей* [вместо стандартного *-ов/-ев* (*-ёв*)].

3. Если основа оканчивается на *-ц* (*месяц*), выступают окончания твердой разновидности с заменой безударного *o* на *e*.

4. Если основа оканчивается на гласный, кроме *и*, или *й* (*случай*, *герой*), выступают окончания мягкой разновидности с заменой *-ь* на *-й*. Кроме того, в этом

случае в родительном падеже множественного числа выступает безударное *-ев* или ударное *-ёв* (вместо стандартного *-ей*).

5. Если основа оканчивается на *-и* (*сценарий*), то также выступают окончания мягкой разновидности с заменой *-ь* на *-й*. В этом случае наблюдается та же особенность в родительном падеже множественного числа, что и в 4-м типе. В предложном падеже единственного числа выступает ударное *-е* или безударное *-и* (вместо стандартного *-е*).

Нетрудно видеть, что все пять подтипов на фонологическом (не буквенном!) уровне в основном сводимы к стандартным окончаниям. На этом уровне могут интерпретироваться как стандартные 1-й и 3-й подтипы и форма предложного падежа единственного числа в 5-м подтипе. Тогда нестандартными являются 1-й подтип и объединение 4-го и 5-го подтипов. Причина сохранения этих двух подтипов заключается в особом оформлении родительного падежа множественного числа.

Однако не следует полагать, что этими фактами исчерпываются нестандартные явления в наборе окончаний у парадигмы существительных мужского рода субстантивного склонения.

Нестандартный набор окончаний имеет существительное *путь*. Существительные на *-анин/-янин*, а также *боярин* имеют стандартные окончания твердой разновидности, кроме именительного падежа множественного числа, где у них выступает *-е* вместо стандартного *-ы* ( *заводы, но армяне*), и родительного падежа множественного числа, где у них нулевое окончание вместо стандартного *-ов* ( *заводов, но армян*). Ряд существительных имеет нестандартное окончание именительного падежа множественного числа *-а/-я* (вместо стандартных *-ы/-и*): *рукава, якоря*. Некоторые существительные имеют нестандартное нулевое окончание родительного падежа множественного числа: *олос, сапог*.

Для женского рода существует ряд стандартных окончаний (табл. 20).

Как и у существительных мужского рода, окончания существительных женского рода модифицируются в те же пять подтипов. При этом во 2-м подтипе (после основ на *-и, -ж, -ч, -щ*) в родительном падеже множественного числа выступает нулевое окончание (в безударной позиции) или *-ей* (в ударной): *карт — луж, но межей*. В 4-м подтипе (после основ на гласный, кроме *и*,

и *-й*) в родительном падеже множественного числа выступает *-й* (вместо *-ь*, *-ей*): *недель* — *ноздрей*, но *змей*. В 5-м подтипе (после основ на *-и*) в родительном падеже множественного числа те же особенности, что и в 4-м подтипе: *порций*, *аудиторий*. Кроме того, у слов этого подтипа в дательном и предложном падежах единственного числа выступает *-и* (вместо *-е*): *порции*, *аудитории*.

Таблица 20

Падеж	Окончание ед. ч.	Примеры	Окончание мн. ч.	Примеры
И. Р.	<i>-а/-я</i> <i>-ы/-и</i>	<i>карта, неделя</i> <i>карты, недели</i>	<i>-ы/-и</i> <i>о/безуд.</i>	<i>карты, недели</i> <i>карт, недель</i>
Д.	<i>-е</i>	<i>карте, неделе</i>	<i>-ам/-ям</i>	<i>картам, неделям</i>
В. неодуш. одуш.	<i>-у/-ю</i> <i>-у/-ю</i>	<i>карту, неделю</i> <i>корову, богиню</i>	<i>как И.</i> <i>как Р.</i>	<i>карты, недели</i> <i>коров, богинь</i>
Т.	<i>-ой/безуд.</i>	<i>картой, неделей</i>	<i>-ами/-ями</i>	<i>картами, неде-</i>
П.	<i>-ей, уд. -ей</i> <i>-е</i>	<i>карте, неделе</i>	<i>-лями</i> <i>-ах/-ях</i>	<i>лями</i> <i>картах, неделях</i>

У существительных женского рода могут быть и иные отклонения от стандартного набора окончаний — нестандартное безударное окончание *-ей* (род. п. мн. ч.) в мягкой разновидности: *корчей*, *сходней*.

Значительная группа существительных женского рода, соответствующая традиционному III склонению, имеет особый набор окончаний (табл. 21):

Таблица 21

Падеж	Окончание	Примеры
<b>Единственное число</b>		
И., В. Р., Д., П. Т.	<i>-ь</i> <i>-и</i> <i>-ю</i>	<i>тетрадь, мышь</i> <i>тетради, мыши</i> <i>тетрадью, мышью</i>
<b>Множественное число</b>		
И. Р. Д. В. неодуш. одуш. Т. П.	<i>-и</i> <i>-ей</i> <i>-ам/-ям</i> <i>как И.</i> <i>как Р.</i> <i>-ами/-ями</i> <i>-ах/-ях</i>	<i>тетради, мыши</i> <i>тетрадей, мышей</i> <i>тетрадям, мышам</i> <i>тетрадями, мышами</i> <i>тетрадях, мышах</i>

Нестандартный набор окончаний в формах множественного числа имеет существительное *гроздь* (*гроздья* — им. п., *гроздьев* — род. п.).

В качестве стандартных окончаний для среднего рода принимаются следующие (табл. 22):

Таблица 22

Падеж	Окончание ед. ч.	Примеры	Окончание мн. ч.	Примеры
И.	-о, безуд. -е, уд. -ё	болого, море	-а/-я	болота, моря
Р.	-а/-я	болота, моря	о/безуд. -в, уд. -ей	болот, морей
Д.	-у/-ю	болоту, морю	-ам/-ям	болотам, морям
В. иеодуш. одуш.	как И.	как И.		как И.
Т.	-ом/безуд. -ем, уд. -ём	чадо болотом, морем	как Р. -ами/-ями	чад болотами, морями
П.	-е	болоте, море	-ах/-ях	болотах, морях

Окончания существительных среднего рода модифицируются в те же пять подтипов. При этом в родительном падеже множественного числа у существительных 2, 4 и 5-го подтипов имеют место те же особенности, что и у существительных женского рода, а в предложном падеже единственного числа в 5-м подтипе — те же особенности, что и у существительных мужского и женского рода.

Кроме того, особый набор окончаний имеют существительные среднего рода на *-мя*. Этим их склонение несколько напоминает парадигму существительных *путь* и *тетрадь*, однако и отличается от них (табл. 23).

Таблица 23

Падеж	Окончание ед. ч.	Примеры	Падеж	Окончание мн. ч.	Примеры
И., В.	-я	зnamя	И., В.	-а	зnamёна
Р., Д., П.	-и	зnamени	Р.	о	зnamён
Т.	-ем	зnamенем	Д.	-ам	зnamёnam
			Т.	-ами	зnamёnamи
			П.	-ах	зnamёnaх

Кроме того, некоторые существительные среднего рода имеют особые окончания в именительном падеже множественного числа: *яблоки*, *окошки*; другие нестан-

дартно оформляют родительный падеж множественного числа: *облаков, болотцев* (ср.: *болот, морей*). У ряда существительных среднего рода наблюдаются обе особенности: *лички, лициков*.

Внутри субстантивного склонения выделяется еще и так называемый нулевой тип, т. е. парадигма, состоящая из одной формы. В последнее время круг существительных, относимых к этому типу склонения, увеличивается.

Обычно всякого рода иноязычные элементы ассилируются языком-получателем. Заемствованные слова начинают и в фонетическом и в морфологическом аспекте вести себя «так же, как и исконные слова русского языка». Казалось бы, заемствования должны были бы «примкнуть» к тому типу склонения, который предопределяется их родом и конечным звуком основы. Этого, однако, во многих случаях не происходит. Так, заемствования, оканчивающиеся на гласный (*боа, какаду, какао*), не включились в систему русского словоизменения, а образовали внутри этой системы свою подсистему, составили свои собственные правила.

Не следует, впрочем, думать, что нулевое субстантивное склонение возникло исключительно за счет заемствований. Этот тип создавался и пополнялся за счет аббревиатур. Причем усиление позиций нулевого склонения благодаря аббревиатурам происходит оттого, что в этот тип склонения начинают включаться существительные, оканчивающиеся не только на гласный, но и на согласный (например, не только *роно*, но и *ГЭС*).

К нулевому субстантивному склонению относятся и фамилии на *-ых/-их, -аго/-яго, -ово* (*Черных, Долгих, Дубяго, Дурново*). Не изменяются по падежам фамилии, оканчивающиеся на согласный, если они обозначают лиц женского пола: *роман Анны Зегерс, у Галины Волчек*.

Еще в начале XX в. изменялись по I субстантивному склонению украинские фамилии на *-ко* и *-енко*, однако в настоящее время в нормированной речи они не склоняются. Многие лица, владеющие русским литературным языком, не склоняют географические названия на *-ово/-ево, -ино*: *подъехал к Вельяминово, рядом с Пушкино*.

Среди существительных нулевого субстантивного склонения много географических наименований иноязычного происхождения: *Осло, Токио, Катманду, Тби-*

лиси, Чили, Душанбе; Бангладеш, Чад и др. Однако не все иноязычные названия не склоняются: изменяются названия на -а (*Гавана, Прага*, хотя не всеми склоняется *Алма-Ата*) и на согласный (*Лондон, Париж*).

### § 34. АДЪЕКТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Адъективное склонение существительных<sup>1</sup> также подразделяется на разновидности мужского, женского и среднего рода (табл. 24).

Таблица 24

Падеж	Род		
	мужской	женский	средний
<b>Единственное число</b>			
И.	вожатый, учащийся	запятая	животное
Р.	вожатого, учащегося	запятой	животного
Д.	вожатому, учащемуся	запятой	животному
В. неодуш.	целковый	запятую	сказуемое
одуш.	как Р.	борзую	как И.
Т.	вожатым, учащимся	запятой	животным
П.	вожатом, учащемся	запятой	животном
<b>Множественное число</b>			
И.	вожатые, учащиеся	запятые	животные
Р., П.	вожатых, учащихся	запятых	животных
Д.	вожатым, учащимся	запятым	животным
В. неодуш.	целковые	как И.	сказуемые
одуш.	как Р.	борзых	как Р.
Т.	вожатыми, учащимися	запятыми	животными

### § 35. СМЕШАННЫЙ ТИП СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Большая группа существительных, а именно русские фамилии с суффиксами *-ын/-ин, -ов/-ев (-ёв)*, склоняется по образцам, совмещающим элементы субстантивного и адъективного склонений<sup>2</sup> — это смешанный тип склонения (табл. 25).

<sup>1</sup> Подробнее об этом типе склонения см. в гл. «Имя прилагательное».

<sup>2</sup> В отличие от фамилий названия населенных пунктов с теми же суффиксами (*Киев, Иваново, Калязин, Бородино*) склоняются по образцам субстантивного склонения. По субстантивному типу изменяются и неславянские имена собственные на *-ин, -ов* (*Дарвин, Чаплин, Вирхов*).

Падеж	Единственное число		Множественное число
	мужской род	женский род	
И.	Попов, Репин	Попова, Репина	Поповы, Репины
Р.	Попова, Репина	Поповой, Репиной	Поповых, Репиных
Д.	Попову, Репину	Поповой, Репиной	Поповым, Репиным
В.	как Р.	Попову, Репину	как Р.
Т.	Поповым, Репиным	Поповой, Репиной	Поповыми, Репиными
П.	Попове, Репине	Поповой, Репиной	Поповых, Репиных

К этому же типу склонения относятся несколько неодушевленных существительных (*швартов, кабельтov, ничья, третъe*), окончания которых (с точностью до наличия твердой ~ мягкой разновидности) отличаются от приведенных выше.

### § 36. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОСНОВЕ ПРИ СКЛОНЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

При изменении существительных по числам происходит не только изменение окончаний, но и преобразование в основе. Наиболее частым случаем таких преобразований является чередование гласных *о, е, ё*, иногда даже *и с # или ь*: *городок — городка, конёк — конька, бревно — брёвен, ущелье — ущелий*. В русском языке нет правил, позволяющих по форме именительного падежа единственного числа определить, будет ли представлено чередование при словоизменении существительного. В своем большинстве эти чередования определяются по словарю.

Преобразования в основе претерпевают существительные среднего рода на *-мя* (им. п. ед. ч.). У них к основе прибавляется *-ен-*: *зnamя — знамени, имя — имени*.

Нередкое явление — отличие основы единственного числа от основы множественного числа. Здесь возможны два случая — усечение основы единственного числа на *-анин/-янин*: *южанин — южане, армянин — армяне* и преобразование в формах множественного числа основы, оканчивающейся в форме единственного числа на *-онок/-ёнок*: *вну́чонок — вну́чата, телёнок — телята*. Нередки и другие преобразования основы. Они могут состоять в расширении основы: *мать — матери, чудо — чудеса, сын — сыновья, муж — мужья* или в усечении

ее: *болгарин* — *болгары*, *татарин* — *татары*; в чередовании конечных согласных основы: *око* — *очи*, *ухо* — *уши*; в сочетании расширения основы и чередования согласных: *сук* — *сучья*, *крюк* — *крючья*<sup>1</sup>.

### § 37. ТИПЫ ПАРАДИГМ ПО ОТНОШЕНИЮ К МЕСТУ УДАРЕНИЯ В СЛОВОФОРМАХ

Как известно, формы существительных разных парадигм могут различаться местом ударения. Удалось установить среди существительных субстантивного склонения шесть схем ударения: схема с постоянным ударением на основе, схема с постоянным ударением на окончании (кроме случаев с нулевым окончанием), четыре схемы подвижного ударения<sup>2</sup>. Наглядно основные схемы ударения существительных субстантивного склонения можно представить так (табл. 26):

Т а б л и ц а 26

Падеж	Схема ударения					
	1	2	3	4	5	6
Единое число						
И., Р., Д., В., Т., П.	На основу ( <i>карта, спор</i> )	На окончание ( <i>очко, стол</i> )	На основу ( <i>море, сад</i> )	На окончание ( <i>вино, лист</i> )	На основу ( <i>зуб, вещь</i> )	На окончание ( <i>губа, конь</i> )
Множественное число						
И.	На основу ( <i>карты, споры</i> )	На окончание ( <i>очки, столы</i> )	На окончание ( <i>моря, сады</i> )	На основу ( <i>вины, листвы</i> )	На основу ( <i>зубы, веши</i> )	На основу ( <i>губы, кони</i> )
Р., Д., Т., П.	»	»	»	»	На окончание ( <i>зубов, вещей</i> )	На окончание ( <i>губам, коням</i> )

<sup>1</sup> Исчерпывающий перечень преобразований в основе, имеющих место при склонении существительных, можно получить в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка (М., 1977). Пользуясь этим словарем, следует иметь в виду, что он ориентирован исключительно на письменную форму языка, поэтому не все отмеченные в нем закономерности можно непосредственно переносить на уровень звуков и фонем.

<sup>2</sup> Более подробно классификация схем ударения внутри субстантивного и других типов склонения существительных дана в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

## § 38. РАЗЛИЧИЯ В СОСТАВЕ ПАРАДИГМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

При всем различии в окончаниях, в характере изменений основы, в распределении ударения любая парадигма существительного должна представлять собой «матрицу», строками которой являются падежи, а столбцами — числа.

Однако не все клетки такой матрицы оказываются заполненными. Прежде всего это относится к существительным, обладающим формой только одного числа. Например, существительные типа *борьба*, *родство*, *мусор*, *пыль*, традиционно называемые существительными *singularia tantum*, не обладают формами множественного числа. Существительные типа *помои*, *хлопоты*, *духи*, *сливки*, традиционно называемые существительными *pluralia tantum*, не обладают формами единственного числа. Существительные типа *саны*, *ножницы*, *ворота*, способные обозначать и один и множество предметов, также обладают грамматическими формами только множественного числа.

У незначительного числа существительных практически не употребляются некоторые падежные формы. Так, у лексем *мечта* и *мольба* не употребляется форма родительного падежа множественного числа. Есть в русском языке парадигмы, которые состоят только из формы родительного падежа множественного числа: например, словоформы-парадигмы *щец* и *дровец*. Все парадигмы, лишенные каких-либо членов, принято называть дефектными.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 89—109.

*Виноградов В. В.* Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 128—152.

*Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. М., 1976. С. 116—187.

*Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 25—57.

*Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 36—52, 55—80.

*Золотова Г. А.* К вопросу о типах падежных значений // Рус. язык в нац. школе. 1970. № 4.

*Курилович Е.* Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.

*Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.* М., 1968.

Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960.

Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 465—483.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 111—126.

Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 19—41.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 177—244.

Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 483—530.

## Глава 4

### ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

#### § 39. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ

Имя прилагательное как часть речи формируют словоформы, имеющие значение *признаковости*. Это свойство словоформ тесно связано с их синтаксической характеристикой: к прилагательным относят лишь те лексемы, которые обозначают признаки предметов, а потому способны определять существительные и не способны определять глаголы. Именно таким образом можно показать, что словоформы типа *белую, беж, хаки, хороший* — прилагательные, а словоформы типа *наперегонки* (*бег наперегонки и бежать наперегонки*), *ёжиком* (*волосы ёжиком и стричь ёжиком*), *вкрутую* (*яйцо вкрутую и варить вкрутую*) — не прилагательные<sup>1</sup>. К прилагательным не причисляют также словоформы, которые, обозначая признак и относя его к предмету, выражают одновременно значение действия и иные связанные с действием характеристики: время, указание на связь с субъектом или объектом. Таким образом, словоформы типа *борющийся, заплаканный, эксплуатируемый* не являются прилагательными.

Среди словоформ, относимых к прилагательным, есть морфологически охарактеризованные: *доброго, умён, хорошую, богата, светлое* и морфологически не охарактеризованные: *бордо, авиа, люкс, нетто* и т. п. Хотя морфологически не охарактеризованных прилагательных в русском языке явное меньшинство, нельзя

<sup>1</sup> См.: Панов М. В. О частях речи в русском языке // Филол. науки. 1960. № 4.

все же выделять имя прилагательное как часть речи на морфологической основе.

У подавляющего большинства прилагательных имеются категории рода, числа, падежа, а также полноты ~ краткости. Все эти грамматические категории являются словоизменительными и противопоставляют формы одной лексемы.

### § 40. КОЛИЧЕСТВО ФОРМ В ПАРАДИГМЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Некоторые прилагательные включают в свои парадигмы полные и краткие формы: *хороший — хорош, толстая — толста, верное — верно*. Другие лексемы обладают только полными формами: *зрелый, героический, стальной, турецкий*. Существует небольшая группа изменяемых прилагательных, представленных только краткими формами: *рад, горазд, одинёшнек*.

Краткие формы различаются по роду и числу; полные формы — по роду, числу и падежу. Таким образом, разные прилагательные имеют различный состав форм в парадигме. Парадигма может состоять из одного единственного члена (*беж*), иметь 4 члена (*рад, рада, радо, рады*), 24 (в единственном числе 6 падежей и 3 рода + 6 падежей во множественном числе), как в случаях типа *героический, стальной*, и 28 членов ( $24 + 4$  краткие формы), например в случаях типа *хороший, добрый*.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношении к парадигме прилагательного форм превосходной и сравнительной степени. Форма превосходной степени типа *добрейший, величайший* может быть образована далеко не от всех прилагательных. Ее отличает от формы положительной степени содержание, а именно указание на высшую степень проявления признака. Таким образом, перед нами типичный словообразовательный феномен. Следовательно, данное содержание выражается либо суффиксом, либо комбинацией суффикса и приставки: *наилегчайший, преддобрейший*. Заметим, что парадигма формы превосходной степени обладает 24 формами, как и парадигма любого прилагательного, лишенного кратких форм.

Сложнее обстоит дело с формой сравнительной степени типа *добрее, чище, хуже*. Форма сравнительной степени также может быть образована не от всех прила-

гательных. С ней также связывается содержание — указание на большую степень проявления признака. Перед нами также типичный словообразовательный феномен. Следовательно, формальное средство, имеющее отмеченные характеристики, является суффиксом. Включать форму сравнительной степени в парадигму прилагательного не следует.

Существует давняя традиция, сохранившаяся в школьной грамматике, считать сравнительную степень при существительном (*Брат выше сестры*) формой прилагательного, а при глаголе (*Подняться выше*) — формой наречия. Уже отмечалось в связи с проблемой границы между прилагательными и наречиями, что прилагательными являются только такие словоформы, которые выражают признак предмета и не способны выражать признак действия; наречия же способны выражать и признак действия и признак предмета. Таким образом, сравнительная степень не может быть формой прилагательного как части речи; она представляет собой разряд с особым словообразовательным значением внутри наречий.

#### § 41. КАТЕГОРИЯ ПОЛНОТЫ ~ КРАТКОСТИ У ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Формы полных и кратких прилагательных, взятые изолированно, по значению не различаются. Словоформы этих двух типов разнятся своими сочетательными свойствами. Краткие формы могут выступать только в функции сказуемого, полные — и в функции сказуемого и в функции распространителя субстантивной словоформы (определения). Однако это не означает, что указанное «сочетательное» различие всегда именно таково. В сочетании с некоторыми лексическими значениями прилагательных это различие приобретает и содержательный характер; ср.: *ребёнок здоров* (в данный момент) — *ребёнок здоровый* (вообще); *он молодой* (общая характеристика) — *он молод* (не годится для какого-либо важного дела). Таким образом, отношения между полными и краткими формами прилагательных принципиально напоминают отношения между различными падежными формами существительных (различия в сочетаемости при противопоставлении изолированных словоформ — содержательные различия при употреблении тех же словоформ в контексте).

Необходимо отметить, что противопоставление полных и кратких форм зачастую представлено лишь для отдельных значений многозначных прилагательных. Причем различные значения имеют тенденцию закрепляться за определенными синтаксическими позициями; ср., например, употребление прилагательного *плохой* в значении ‘некоторый’ в атрибутивной функции и употребление прилагательного *плохой*, *плох* в значении ‘слабый здоровьем’ в предикативной функции<sup>1</sup>.

### § 42. КАТЕГОРИИ РОДА, ОДУШЕВЛЕННОСТИ ~ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ, ЧИСЛА И ПАДЕЖА У ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательные, формы которых различаются характеристикой по роду и одушевленности ~ неодушевленности, в изолированном употреблении по смыслу не различаются. Различия между этими словоформами носят «сочетательный» характер. (См. о том же у существительных.) Однако в некоторых случаях соответствующие характеристики прилагательных приобретают содержательную ценность. Ср.: *ужасный невежа* (лицо мужского пола) — *ужасная невежа* (лицо женского пола); *посмотрите на этот лопух* (предмет) — *посмотрите на этого лопуха* (лицо). В первом примере указание на пол лица содержится только в прилагательном; во втором одушевленность выражается и формой существительного и формой прилагательного.

Прилагательные, формы которых различаются характеристикой по числу, в изолированном употреблении также по смыслу не различаются. Различия между этими словоформами имеют «сочетательный» характер. (См. о категории числа у существительных.) Соответствующие формы прилагательных, как правило, хотя и далеко не всегда, дублируют количественные характеристики соответствующих существительных; ср.: *новый дом* (единичность) — *новые дома* (множественность). В сочетании с неизменяемыми существительными именно прилагательные выражают числовую характеристику предметов: *старое пальто* — *старые пальто*, *трамвайного депо* — *трамвайных депо*. Однако в сочетании

<sup>1</sup> См. подробнее: Виноградов В. В. Русский язык. С. 219—222; Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке // Уч. зап. МГУ. 1952. № 150.

с существительными типа *саны* и прилагательные не в состоянии выразить числовую характеристику: *новые ворота, тупые ножницы* могут указывать и на один предмет и на множество предметов.

Как и рассмотренные выше грамматические категории, падеж противопоставляет формы прилагательных не по содержательным, а по «сочетательным» признакам. Падежные формы прилагательных в сочетании с существительными дублируют их падежную характеристику. Сочетаясь с неизменяемыми существительными, падежные формы прилагательных являются единственным внешним выражителем падежной характеристики. Например, в словосочетании *новому дому* дательный падеж выражен и окончанием прилагательного, и окончанием существительного, а в словосочетании *новому пальто* — только окончанием прилагательного.

### § 43. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Как уже отмечено, окончания прилагательных в большинстве случаев лишены собственного содержания и выполняют либо связывающую, либо дублирующую функцию. Это является объективной предпосылкой того, что в русском языке увеличивается число словоформ, которые по значению и синтаксическим свойствам являются прилагательными, однако не обладают морфологическими характеристиками прилагательных: например, такие лексемы, имеющие одну форму, как *хаки, беж, люкс, нетто, брутто, хинди, урду*. По мнению некоторых исследователей, к лексемам этого типа тяготеют первые части таких единиц, как *телеателье, радиомагазин, фотолаборатория, плавбаза* и т. п.<sup>1</sup> Без сомнения, *теле-, радио-, фото-* не могут рассматриваться как обычные части сложного слова: слишком велика их семантическая и фонетическая самостоятельность. Однако и полной самостоятельности эти единицы не имеют: они не могут относительно свободно перемещаться в предложении. По-видимому, «жесткое» местоименное положение — следствие их морфологической неоформленности.

<sup>1</sup> См.: Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

## § 44. СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ЕЕ СВЯЗЬ С МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

Традиционно в морфологии рассматривается вопрос о семантических разрядах прилагательных. В зависимости от того, называется ли признак непосредственно: *синий, чистый, быстрый, скучой, глупый* или через отношение к какой-то иной субстанции: *городской, бабушкин, пятый, двигательный*, прилагательные делят на качественные и относительные.

Внутри относительных прилагательных в зависимости от субстанции, дающей основу для признака, выделяют три группы:

1. Прилагательные могут характеризовать предмет через его отношение к счету: *первый выстрел, двадцатого числа, сотому дому, двести пятьдесят четвёртая школа*. Согласно школьной традиции, эти словоформы рассматриваются как порядковые числительные. В научной грамматике подобные словоформы принято интерпретировать как количественные прилагательные, поскольку они обладают всеми признаками прилагательного.

2. Прилагательные могут характеризовать предмет через его отношение к одушевленному объекту: *кошkin дом, отцовский пиджак, дедушкин валенок, змеиное жалo, волчья пасть*.

3. Прилагательные могут характеризовать предмет через его отношение к неодушевленному предмету или действию: *городской пейзаж, ходкий товар, весенняя песня, плавательный бассейн*. Как известно, в последних двух случаях характер «отношения» бывает разным<sup>1</sup>.

Все эти факты могут быть положены в основу семантической классификации прилагательных. Возможные результаты такой классификации, хотя и в ограниченной степени, предопределяют морфологические свойства прилагательных. Например, все относительные прилагательные лишены кратких форм. Однако это не означает, что все качественные прилагательные имеют краткие формы.

В большой степени морфологические свойства прилагательного предопределены его словообразователь-

<sup>1</sup> См.: Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 187—189.

ной структурой. Так, прилагательные, имеющие на конце основы *-ск*, не образуют кратких форм: *геройский*, *комический*, но *трусливый* — *труслив*, *смешной* — *смешон*, *комичный* — *комичен*.

Как особую группу принято рассматривать прилагательные типа *царёв*, *дедушкин*, *волчий*, образованные от названий животных и лиц с помощью суффиксов *-ов/-ев (-ёв)*, *-ын/-ин*, *-ый/-ий*, *-ой*. Эти прилагательные не образуют кратких форм и имеют особый тип склонения. Обычно такие прилагательные называют притяжательными. Однако это название не следует понимать буквально. С одной стороны, подобные прилагательные могут и не выражать значения принадлежности: *волчья стая*, *свиной студень*. С другой — значение принадлежности могут иметь и прилагательные с иными суффиксами: *отцовский пиджак*, *царский дворец*. В этих случаях прилагательные не имеют особенностей, объединяющих притяжательные (в узком смысле этого слова) прилагательные.

Существуют также вероятностные зависимости между лексемой прилагательного (ее семантическими и словообразовательными характеристиками) и ее способностью образовывать формы сравнительной и пре-восходной степени, отвлеченное существительное и другие члены потенциально возможного словообразовательного гнезда.

#### § 45. ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В соответствии с высказанными соображениями под склонением прилагательных следует понимать изменение по родам, числам и падежам полных форм, по родам и числам кратких форм, а также само преобразование форм по полноте ~ краткости.

У прилагательных выделяют два основных типа склонения: адъективное и смешанное.

Адъективное склонение прилагательных и существительных в принципе совпадают. Однако прилагательные, в отличие от большинства существительных, изменяются по родам. Кроме того, сравнивая адъективное склонение прилагательных и существительных, необходимо добавить следующее. Под ударением в именительном падеже единственного числа мужского рода и совпадающих с ним падежах выступает окончание *-ой*.

В зависимости от конечного гласного основы этот тип с ударными окончаниями разделяется на три подтипа: 1) после парных по твердости ~ мягкости согласных: *скупой*, *злой*; 2) после задненёбных: *сухой*, *нагой*; 3) после твердых шипящих: *большой*, *чужой*. Без удара в именительном падеже единственного числа мужского рода и совпадающих с ним падежах выступает окончание *-ый/-ий*. В зависимости от «конца» основы возможны шесть разновидностей наборов окончаний: *добрый*, *синий*, *тихий*, *рыжий*, *куцый*, *длинношней*<sup>1</sup>.

Краткие формы прилагательных адъективного типа склонения образуются (если образуются!) с помощью следующих окончаний: *о* (муж. р. ед. ч.), *-а/-я* (жен. р. ед. ч.), *-о*, *-е* (ср. р. ед. ч.), *-ы/-и* (мн. ч.). При этом могут происходить звуковые изменения в основе, наиболее частым из которых является появление в мужском роде беглого *о* или *е(ё)*: *узкий* — *узок*, *долгий* — *долог*, *грешный* — *грешен*, *умный* — *умён*.

У прилагательных на *-ный/-ний* краткая форма мужского рода образуется в результате «отбрасывания» второго *и* основы: *самоуверенный* — *самоуверен*, но *самоуверенна*. Это правило может иметь и факультативный характер: *божественный* — *божественен* и *божествен*. Краткие формы иногда могут быть образованы и нестандартным образом: *большой* — *велик*, *маленький* — *мал*, *солёный* — *солон*.

Прилагательные смешанного типа склонения близки к существительным соответствующего типа склонения, но в отличие от них изменяются по родам (табл. 27). Среди этих прилагательных и те, у которых основа на *-ин*, *-ий*, *-ов*, а также порядковое прилагательное *третий*. Все эти прилагательные лишены кратких форм.

Следует обратить внимание на то, что в именительном падеже единственного числа прилагательных типа *лисий* представлено нулевое окончание. Основа этих прилагательных выступает в формах *лисиј-* и *лисј-*. Только при такой интерпретации морфемного состава этих словоформ можно говорить о том, что их склонение близко к склонению лексем типа *дядин*.

Теоретически можно рассматривать форму имени-

<sup>1</sup> Более подробную схему адъективного склонения прилагательных см. в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка (с. 56).

тельного падежа единственного числа *лисий* как состоящую из корня и окончания *-ий*. Тогда основа этих прилагательных выступает в двух видах: *лис-* и *лисј-*. Однако при такой трактовке склонение прилагательных типа *лисий* оказывается отличным и от склонения прилагательных типа *дядин* и от адъективного склонения.

Таблица 27

Род	Падеж	Суффиксы		
		<i>-ын/-ин</i>	<i>-ов/-ев, -ёв</i>	<i>-ий (-й)</i>
Единственное число				
Муж. и ср.	И.	<i>дядин</i>	<i>отцов</i>	<i>лисий</i>
	Р.	<i>дядино</i>	<i>отцово</i>	<i>лисье</i>
	Д.	<i>дядина, дяди- ного</i>	<i>отцова</i>	<i>лисьего</i>
	В. муж. не- одуш.	<i>дядину, дяди- ному</i>	<i>отцову</i>	<i>лисьюму</i>
	муж. одуш.	<i>дядин</i>	<i>отцов</i>	<i>лисий</i>
	ср.	<i>дядино</i>	<i>отцово</i>	<i>лисье</i>
	Т.	<i>дядином</i>	<i>отцовым</i>	<i>лисьим</i>
	П.	<i>дядином</i>	<i>отцовом</i>	<i>лисъем</i>
	И.	<i>дядина</i>	<i>отцова</i>	<i>лисья</i>
	Р., Д., Т., П.	<i>дядиной</i>	<i>отцовой</i>	<i>лисьей</i>
Жен.	В.	<i>дядину</i>	<i>отцову</i>	<i>лисью</i>
Множественное число				
	И.	<i>дядины</i>	<i>отцовы</i>	<i>лисши</i>
	Р., П.	<i>дядиных</i>	<i>отцовых</i>	<i>лисших</i>
	Д.	<i>дядиным</i>	<i>отцовым</i>	<i>лисьим</i>
	В. неодуш. одуш.	<i>дядины</i>	<i>отцовы</i>	<i>лисши</i>
	Т.	<i>дядиных</i>	<i>отзовых</i>	<i>лисших</i>
		<i>дядиными</i>	<i>отзовыми</i>	<i>лисими</i>

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 126—137.
- Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 157—177, 197—199, 219—227.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 57—61.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 82—91.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 540—572.

## Глава 5

# ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

### § 46. ОТСУТСТВИЕ КАТЕГОРИИ РОДА КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

К числительным как части речи относят такие лексемы, которые имеют значение количества. Однако этой, чисто семантической характеристики недостаточно для отделения собственно числительных от некоторых существительных. Такие, например, слова, как *сотня*, *десяток*, *дюжина*, *тысяча*, *миллион*, хотя и означают количество, являются существительными. Они способны соединяться с согласующимися словоформами: *праволовские миллионы*, *боевая сотня*; и можно утверждать, что эти слова являются обычными существительными, поскольку имеют категорию рода.

Однако не все лексемы, обозначающие количество, обладают такими свойствами. Лексемы типа *семь*, *двадцать*, *сто*, *пятеро*, *двоє*, во-первых, не обладают противопоставлением по роду, а во-вторых, практически не могут сочетаться с согласующимися словоформами и, таким образом, лишены рода как грамматической категории у прилагательных и существительных. В случаях типа *круглое пять* перед нами типичный пример субстантивации (ср.: *круглые пятёрки*).

Можно утверждать, что числительные — это такие лексемы с количественным значением, которые лишены рода как классифицирующей грамматической категории. В этой связи особенно важно рассматривать род как характеристику, охватывающую абсолютно все существительные, в том числе существительные парного рода.

Исключением из общего правила являются числительные *два*, *оба*, *полтора*, которые имеют противопоставление по роду в зависимости от рода «подчиняющего» слова: *два города* — *две деревни*, *оба мальчика* — *обе девочки*, *полтора часа* — *полторы минуты*. Разумеется, по признаку рода эти слова отличаются от слов типа *семь*, *десятъ*, *сто*, сближаясь с прилагательными, от которых, однако, отличаются семантически (ср. *два* и *второй*), а также тем, что противопоставляют

только две родовые формы и имеют родовые характеристики у ограниченного круга падежных форм.

В этой связи особого внимания заслуживает вопрос о принадлежности лексемы *один* к той или иной части речи. Эта лексема имеет значение количества, однако она не принадлежит ни к существительным, ни к числительным, так как обладает словоизменительной категорией рода. Именно наличие этого морфологического признака, равно как и существование словоизменительной категории числа, требует отнесения лексемы *один* к прилагательным. Причем эта лексема является прилагательным, употребляясь и в количественном и в ограничительном значениях: *Он пробыл на даче всего один день; В амбаре у него одни мыши.*

## § 47. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА У ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Существительные, обозначающие количество, способны выражать идею счета и лексическими и грамматическими средствами: *десяток — два десятка — десятки; сотня — пять сотен — сотни*. Числительные, лексически обозначая количество, лишены способности грамматически передавать идею единичности ~ множественности; ср.: *десятки — два раза по десять; сотни — пять раз по сто*.

Можно было бы предполагать, что системой окончаний числительные указывают на грамматическое число. Однако семантически слововое значение окончаний числительных «опустошено», как и слововое противопоставление связанных с числительными глагольных форм: *пятеро пришло — пятеро пришли; семь человек идет — семь человек идут*.

Таким образом, можно утверждать, что у числительных нет содер жательного противопоставления по единичности ~ множественности. Числительные в этом смысле стоят ближе всего к существительным, чуждым идеи счета, типа *одиночество, скуча, сметана, сливки*. Однако даже по сравнению с подобными существительными эта грамматическая категория у числительных еще более ослаблена, поскольку они не могут сочетаться с согласующимися словоформами, которые у существительных обычно дублируют соответствующее грамматическое число.

## § 48. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА У ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Уже было обращено внимание на двойственное положение числительных в системе имен: по семантической сути числительные близки к существительным, но в то же время некоторые числительные, обладающие категорией рода, напоминают прилагательные. Эта двойственность особенно ярко проявилась в категории падежа у числительных. В именительном падеже и совпадающем с ним винительном числительные выступают в качестве главного компонента в словосочетании и «подчиняют» падежную форму соответствующего существительного. При этом существительное выступает либо в счетной форме, либо в форме родительного падежа множественного числа: *(стоят) два города, семь деревень, двадцать заводов*. Во всех же остальных падежах — картина иная: *(думать) о двух городах, семи деревнях, двадцати заводах*. Числительное уже не «подчиняет» форму существительного, не ставит его в форме родительного падежа множественного числа или счетной форме; наоборот, само числительное выступает в той же падежной форме, какую имеет существительное.

В этой особенности также четко проявляется различие между числительными и существительными с количественным значением. Например, именительный падеж числительного *(стоит десять деревьев)*, как и существительное с количественным значением *(десяток деревьев)*, предопределяет родительный падеж множественного числа существительного. Между тем в косвенных падежах, например в дательном, и после существительного *десятку* (ср.: *к десятку деревьев*), как и при сочетании с формой именительного падежа, выступает «подчиненный» родительный падеж *(деревьев)*, а после числительного *десяти* (ср.: *подошёл к десяти деревьям*) — дательный падеж *(деревьям)*. Итак, в именительном падеже (а также в винительном) формы числительных выступают как «подчиняющие», требующие от существительного определенного падежа и числа.

Такую же «подчиняющую» функцию выполняют числительные после предлога *по*, имеющего распределительное значение: *(получить) по два рубля, семь яблок, сто банок*. Во всех остальных случаях падежная форма числительного остается «подчиненной», согласующейся, имеющей такую форму, какую имеет связанное с ней существительное.

## § 49. ТИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Будучи лексемами с количественным значением, числительные подразделяются на две семантические группы: 1) *к о л и ч е с т в е н н ы е* числительные, просто называющие количество предметов: *сто сорок три, шестьдесят восемь, семьдесят*; 2) *с о б и р а т е л ь н ы е* числительные, называющие количество как некоторую совокупность: *семеро, двое, пятеро*. Выделяемые группы не совпадают не только по содержательным характеристикам, но и по сочетательным возможностям. Если сочетательные возможности количественных числительных не ограничены, то собирательные числительные соединяются только с наименованиями лиц мужского пола (*возможно два друга и двое друзей*, но только *два дома, две подруги*) и с существительными парного рода, не чуждыми идеи счета (*двое ножниц, пятеро саней*). Причем в последнем случае сочетания с числительными *два, три, четыре, оба, полтора* невозможны.

Другим принципом классификации числительных является их морфемная структура. Среди числительных выделяют *простые*, т. е. состоящие из одного корня: *два, сто, трое, семеро, шесть*; *сложные*, т. е. состоящие из двух нефлексийных морфем, по крайней мере одна из которых не может употребляться самостоятельно: *шестнадцать, восемьдесят, девяносто*; *составные*, т. е. содержащие две и более корневые морфемы, способные употребляться самостоятельно: *сто три, двести восемьдесят семь*.

## § 50. СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Подробное описание склонения числительных представлено в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

Числительное *полтора* имеет три формы: *полтора* (им. и вин. п. муж. и ср. р.), *полторы* (им. и вин. п. жен. р.), *полутора* (в остальных падежах).

Нестандартно склоняются числительные *два, оба*, у которых различаются формы мужского и женского рода, и *три, четыре* (табл. 28).

Количественные числительные от *пяти* до *десети*, от *одиннадцати* до *двадцати* и *тридцать*, так же как и существительные типа *тетрадь, мышь*, имеют три падеж-

ные формы (*пять* — им. и вин. п.; *пятью* — тв. п.; *пяти* — в остальных падежах).

Таблица 28

Падеж	Род				
	мужской и сред- ний	жен- ский	мужской и сред- ний	жен- ский	
И. Р., П. Д. В. неодуш. одуш. Т.	два  двух  двум  как И. как Р.  двумя	две  двух  двум  как И. как Р.  двумя	оба  обоих  обоим  как И. как Р.  обоими	обе  обеих  обеим  как И. как Р.  обеими	три, четыре  трех, четырёх  трём, четырём  как И. как Р.  тремя, четырьмя

Количественные числительные *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* также имеют три падежные формы: вышеназванные в именительном и винительном падежах, формы с изменением обеих частей (типа *пятьюдесятью*) в творительном падеже, формы с изменением обеих частей (типа *пятидесяти*) в остальных падежах.

Количественные числительные *сорок*, *девяносто*, *сто*, *полтораста* имеют две падежные формы: *сорок*, *девяносто*, *сто*, *полтораста* (им. и вин. п.); *сорока*, *девяноста*, *ста*, *полтораста* (род., дат., тв. и предл. п.).

Названия сотен (*двести*, *триста*, *четыреста* и от *пятисот* до *девятисот*) склоняются по следующему образцу:

И. <i>двести</i>	<i>пятьсот</i>
Р. <i>двухсот</i>	<i>пятисот</i>
Д. <i>двумстам</i>	<i>пятистам</i>
В. <i>двести</i>	<i>пятьсот</i>
Т. <i>двумястами</i>	<i>пятьюстами</i>
П. <i>двухстах</i>	<i>пятистах</i>

Собирательные числительные *двоое*, *трое*, *четверо*, *пятеро*, *шестеро*, *семеро*, *восьмеро*, *девятеро*, *десятого* и числительные типа *сколько*, *несколько*, *столько*, *много*, *немного* склоняются по такому образцу:

И.	<i>двоое</i>	<i>четверо</i>	<i>сколько</i>
Р., П.	<i>двоих</i>	<i>четверых</i>	<i>скольких</i>
Д.	<i>двоим</i>	<i>четверым</i>	<i>скольким</i>
В. неодуш. одуш.		как И. как Р.	
Т.	<i>двоими</i>	<i>четверьми</i>	<i>сколькими</i>

У остальных числительных склоняются все составляющие их части.

Падежные характеристики числительных, как и других имен, зачастую не имеют собственного номинативного содержания. Это объективное обстоятельство способствует тенденции к утрате числительными склонения. Однако здесь эта тенденция проявляется иначе, чем у существительных и прилагательных: если последние образуют неизменяемые классы, то числительные утрачивают словоизменение не для отдельных лексем, а для всех числительных либо в определенных позициях, либо в определенных стилях речи. Например, отмечается, что математики, как правило, говорят *не равно семи, а равно семь, не равняется двум пэ, а равняется два пэ*. Они объясняют это тем, что в математическом языке окончания не должны играть никакой роли<sup>1</sup>.

Другим проявлением этой тенденции являются широко распространившиеся в последнее время словосочетания типа *Союз-32, Олимпиада-80, Ту-154*. Эти новации заменили сочетания существительных с определяющими словами — порядковыми прилагательными. Однако, выполняя функции порядковых прилагательных, количественные числительные, в отличие от них, не изменяются по падежам. Таким образом, происходит сближение между аналитическими прилагательными и указанным употреблением количественных числительных. В случае *Олимпиада-80* значение падежа формально выражает существительное (ср.: *костюм беж*). Но в словосочетании *Ту-154* или *Экспо-70* значение падежа оказывается вовсе не выраженным (ср.: *пальто беж*). Число сочетаний такого типа в современном русском языке увеличивается. Для этого имеются как экстралингвистические причины — модификация одних и тех же предметов (*Москвич-403, 407, 412; Север-3, 6* и т. д.), так и лингвистические причины — такие конструкции короче, и это соответствует общей тенденции к сокращению обозначений.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 137—143.

Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 241—264.

<sup>1</sup> См.: *Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка*. М., 1968. С. 88.

*Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. М., 1976. С. 256—268.

*Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 66—68.

*Супрун А. Е.* Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964.

## Глава 6

### МЕСТОИМЕННЫЕ СЛОВА

При обсуждении вопроса о частях речи в русском языке местоименным словам было отказано в статусе особой части речи. Однако местоименные слова, распределяясь среди существительных, прилагательных, числительных и наречий, характеризуются некоторыми морфологическими особенностями, отличающими их от «типовых представителей» соответствующих частей речи.

#### **§ 51. КАТЕГОРИИ РОДА И ОДУШЕВЛЕННОСТИ ~ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ У МЕСТОИМЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ**

К местоименным существительным относят местоимения личные: *я, ты, мы, вы, он, она, оно*; возвратное: *себя*; вопросительные: *кто, что*; неопределенные: *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что, некто, нечто*; отрицательные: *никто, ничто, некого, нечего*.

Хотя местоименные существительные редко сочетаются с прилагательными, только по их сочетанию, как известно, можно определить родовую принадлежность существительного. В соответствии с этим критерием местоименные существительные *он, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто, некто* принадлежат к мужскому роду; *она* — к женскому; *оно, что, что-то, что-нибудь, что-либо, кое-что, нечто и ничто* — к среднему. Местоименные существительные *я, ты* принадлежат к общему роду: *я говорил (говорила), ты сказал (сказала)*. Местоимение *кто* может сочетаться с формами прилагательных мужского и женского рода, указывая соответственно на лиц мужского или женского пола. Однако при обозначении лиц обоего пола местоимение *кто* сочетается с глаголом в формах прошедшего време-

мени и сослагательного наклонения лишь в форме мужского рода: *Кто вышел замуж?* Местоименное существительное *себя* может, видимо, иметь не одну родовую форму; ср.: *себя, больного; себя, больную*. Однако, поскольку эта лексема имеет дефект в парадигме (отсутствует форма именительного падежа), утверждать противопоставленность мужского и среднего рода не представляется возможным. Местоименные существительные *некого, нечего* имеют тот же дефект в парадигме, что и *себя*, поэтому их можно причислять и к мужскому и к среднему роду. (Ср. с противопоставлением «женский род — неженский род» у числительных типа *два — две, оба — обе.*)

Все местоименные существительные обладают категорией одушевленности ~ неодушевленности: *я, ты, мы, вы, кто* и производные от него — одушевленные; *что* и производные от него — неодушевленные. Местоименные существительные *он, она, оно, они, себя* могут выступать и как одушевленные и как неодушевленные: (*вижу*) *их всех — их все*. Одушевленность или неодушевленность местоименных существительных зависит в этом случае от одушевленности или неодушевленности заменяемых местоимениями существительных: *вижу их всех — альпинистов, но вижу их все — вершины*.

Таким образом, местоименные существительные, как и обычные существительные, могут быть охарактеризованы через согласовательные классы. Принадлежность ряда местоименных существительных к согласовательному классу определяется однозначно. Например, *ничто* принадлежит к V согласовательному классу, *некто* — ко II. Однако из-за наличия местоименных существительных так называемого общего рода, а также из-за существования лексем и одушевленных и неодушевленных ряд местоименных существительных относится одновременно к нескольким согласовательным классам. Так, *я* и *ты* принадлежат ко II и IV согласовательным классам, *он* — к I и II, *она* — к III и IV и т. д.

## § 52. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА У МЕСТОИМЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Противопоставление по числу внутри парадигмы имеют местоименные существительные *он, она, оно*. Формы множественного числа у этих лексем омонимичны.

Личные местоименные существительные *я*, *ты* и *мы*, *вы* нельзя рассматривать как связанные только противопоставлением по числу. Ведь *мы* — это не ‘много я’, но ‘я и другие’; *вы* — это не ‘много ты’, а ‘совокупность различных лиц’.

Остальные местоименные существительные по своим семантическим свойствам не чужды идеи счета, однако не обладают морфологическими средствами для выражения числового противопоставления. Они напоминают существительные типа *пальто* и *санки*. При этом местоименные существительные *себя*, *кто*, *кто-то*, *кто-нибудь*, *кто-либо*, *кое-кто* в принципе более или менее естественно могут выражать числовые противопоставления согласуемыми словоформами: *себя*, *большого — себя*, *больных*; *кто такой — кто такие* (ср.: *новое пальто — новые пальто*).

Другие не чуждые идеи счета местоименные существительные не способны выражать противопоставление по числу и самой своей формой и согласуемыми словоформами: *что такое* возможно, а «*что такие*» — невозможно (ср.: *новые сани* — и об одних санях и о нескольких санях) <sup>1</sup>.

### § 53. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА У МЕСТОИМЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

У некоторых местоименных существительных нет части падежных форм. Не существует формы именительного падежа у местоименных существительных *себя*, *некого*, *нечего*. Местоименное существительное *некто*, наоборот, имеет лишь эту форму. Только форму именительного-винительного падежа имеет *нечто*. В тех случаях, когда «предметы», обозначенные этими местоимениями, оказываются в контекстах, требующих иных падежных форм, приходится использовать иные лексемы: *нечто произошло* (им. п.), *увидел нечто* (вин. п.), но *приблизился к чему-то* (дат. п.), *подумал о чём-то* (предл. п.).

<sup>1</sup> Поскольку семантика вопросительных и неопределенных местоименных существительных с корнем *что*, а также отрицательных местоименных существительных не совсем ясна, не исключена также и интерпретация этих лексем как чуждых идеи счета. Тогда все эти лексемы следует интерпретировать так же, как лексемы типа *честность*, *молоко* или *хлопоты*, *сливки*.

Кроме того, последовательное «открытие» падежей для местоименных существительных *он*, *она*, *оно* должно привести к увеличению числа падежей. Местоименные существительные *он*, *она*, *оно* в ряде падежей, выделенных для существительных, могут иметь по две формы, отнюдь не находящиеся между собой в отношениях свободного варьирования. Речь идет о случаях типа *у него нет* (род. п.) и *лишился его* (род. п.), *подошёл к ней* (дат. п.) и *нравится ей* (дат. п.), *вижу их* (вин. п.) и *смотрю на них* (вин. п.) и т. д. Несколько упрощая дело, можно утверждать, что после предлогов выступают формы с начальным *и*, при отсутствии предлогов — формы, не имеющие *и*.

Наличие разных форм характеризует не только местоименные существительные *он*, *она*, *оно*, *оны*, но и *никто*, *ничто*, *некого*, *нечего*, у которых в сочетании с предлогом представлены так называемые разорванные формы: *не лишился ничего* (*никого*); *нет ни у чего* (*ни у кого*); *сказать некому* — *пойти не к кому*.

## § 54. МЕСТОИМЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Значительную группу лексем среди традиционно выделяемых местоимений составляют **местоименные прилагательные**. По своей семантике они подразделяются на **притяжательные**: *мой*, *твой*, *наш*, *ваши*, *свой*; **указательные**:  *тот*, *этот*, *такой*, *этакий*, *таков*, *следующий*; **определительные**: *всякий*, *всяческий*, *каждый*, *любой*, *весь*, *целый*, *иной*, *другой*, *сам*, *самый*; **вопросительные**: *какой*, *который*, *чей*, *каков*; **неопределенные**: *какой-то*, *какой-нибудь*, *какой-либо*, *чей-то*, *чей-нибудь*, *чей-либо*, *коекакой*, *некоторый*, *некий*; **отрицательные**: *никакой*, *никоторый*, *ничей*.

Все местоименные прилагательные — **изменяемые**, они обладают словоизменительными категориями рода, числа и падежа. Местоименные прилагательные лишены противопоставления по полноте ~ краткости. Все они **полные** в том смысле, что изменяются не только по числам и родам, но и по падежам. В отличие от обычных прилагательных не все местоименные прилагательные могут выступать в роли **сказуемого**.

## § 55. МЕСТОИМЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Местоименные слова выделяются и среди числительных: *сколько, столько, несколько, сколько-нибудь, сколько-то, нисколько*. Так же как и иные числительные, эти слова не обладают категориями рода и числа. Проявление категории падежа у этих лексем такое же, как у обычных числительных: они «подчинают» себе существительные в именительном падеже (*несколько друзей*), равном ему винительном (*вижу несколько домов*) и в дательном падеже с предлогом *по* в распределительном значении: *По сколько рублей они получили?* Во всех остальных падежах местоименные числительные уподобляются в падеже связанным с ними существительным: *к нескольким представителям, говорить о стольких вещах*. У местоименных числительных в винительном падеже может проявляться категория одушевленности ~ неодушевленности: (*вижу*) *несколько домов — нескольких юношей*. Впрочем, это противопоставление не всегда выдерживается: можно сказать и *вижу несколько юношей*. По семантике местоименные числительные могут быть подразделены на определенные: *сколько*; указательные: *столько*; отрицательные: *нисколько*; неопределенные: *несколько, сколько-то* и т. п.

## § 56. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

Наиболее полное описание типов склонения местоименных слов представлено в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

Нерегулярное склонение имеют местоименные существительные *я, ты, мы, вы, себя*:

И.	я	ты	мы	вы
Р., В.	меня	тебя	нас	vas
Д.	мне	тебе	нам	вам
Т.	мной	тобой	нами	вами
П.	мне	тебе	нас	вас

Склонение местоименных существительных *кто, что*, что приближается к склонению прилагательных типа *лиście* или *дядино*:

И.	кто, что	Т.	кем, чем
Р.	кого, чего	В.	кого, что
Д.	кому, чему	П.	ком, чём

Местоименные существительные *он*, *она*, *оно* имеют различные основы для именительного падежа обоих чисел и для всех иных падежей. Окончания этих лексем практически совпадают с окончаниями прилагательных типа *лисий*. Особенность данных лексем состоит в том, что в зависимости от наличия или отсутствия предлогов они имеют разные падежные формы.

Склонение местоименных существительных *никто*, *ничто*, а также *некого*, *нечего* (обладающих дефектом в парадигме) управляется двумя правилами: первое относится к склонению местоименных существительных *кто*, *что*, второе касается различий в формах одного падежа в зависимости от наличия или отсутствия предлога.

<b>И.</b>	<b>он, оно</b>	<b>она</b>	<b>они (мн. ч.)</b>
P. без предл.	<i>его</i>	<i>её</i>	<i>их</i>
с предл.	<i>от него</i>	<i>от неё</i>	<i>от них</i>
D. без предл.	<i>ему</i>	<i>ей</i>	<i>им</i>
с предл.	<i>к нему</i>	<i>к ней</i>	<i>к ним</i>
V. без предл.	<i>его</i>	<i>её</i>	<i>их</i>
с предл.	<i>про него</i>	<i>про неё</i>	<i>про них</i>
T. без предл.	<i>им</i>	<i>ею (ей)</i>	<i>ими</i>
с предл.	<i>с ним</i>	<i>с ней (нею)</i>	<i>с ними</i>
P.	<i>о нём</i>	<i>о ней</i>	<i>о них</i>
<b>И.</b>	<b>никто, ничто</b>		
P. без предл.	<b>никого, ничего</b>	<b>некого, нечего</b>	
с предл.	<i>ни от кого, ни от чего</i>	<i>не от кого, не от чего</i>	
D. без предл.	<i>никому, ничему</i>	<i>некому, нечему</i>	
с предл.	<i>ни к кому, ни к чему</i>	<i>не к кому, не к чему</i>	
V. без предл.	<i>никого, ничто</i>	<i>некого</i>	
с предл.	<i>ни про кого, ни про что</i>	<i>не про кого, не про что</i>	
T. без предл.	<i>никем, ничем</i>	<i>некем, нечем</i>	
с предл.	<i>ни с кем, ни с чем</i>	<i>не с кем, не с чем</i>	
P.	<i>ни о ком, ни о чём</i>	<i>не о ком, не о чём</i>	

Среди местоименных прилагательных выделяется несколько разновидностей склонения (табл. 29), напоминающих склонение прилагательных типа *дядин* или *лисий*.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 149—159.

Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 264—281.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 61—62, 65—66.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 531—539.

Род	Падеж	Слова, склоняющиеся по данному образцу					
Единственное число							
Муж. и ср.	И.	этот	тот	весь	наш, ваш	мой, твой, свой	чей, ничей
		это	то	всё	наше	моё	чёё
	Р.	этого	того	всего	нашего	моего	чьего
	Д.	этому	тому	всему	нашему	моему	чьему
	В. муж. неодуш. муж. одуш. ср.				как И.		
					как Р.		
					как И.		
	Т.	этим	тем	всем	нашим	моим	чёим
	П.	этом	том	всём	нашем	моём	чёём
	И.	эта	та	вся	наша	моя	чья
Жен.	Р., Д., П.	этой	той	всей	нашей	моей	чьей
	В.	эту	ту	всю	нашу	мою	чью
	Т.	этой(-ю)	той(-ю)	всей(-ю)	нашей(-ю)	моей(-ю)	чьей(-ю)
Множественное число							
Б. неодуш. одуш.	И.	эти	те	все	наши	мои	чии
	Р., П.	этих	тех	всех	наших	моих	чьих
	Д.	этим	тем	всем	нашим	моим	чёим
					как И.		
					как Р.		
	Т.	этими	теми	всеми	нашими	моими	чёими

## Глава 7

# ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ У ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ

### § 57. ОБЪЕМ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ

В глагол как часть речи объединяют словоформы с весьма различными наборами морфологических характеристик. Это влечет за собой то, что некоторые морфологические категории характеризуют не все глагольные лексемы.

Обычно среди глагольных лексем выделяют личные формы, формы причастий, деепричастий и инфинитив. Инфинитив и личные формы, обладая существенными различиями в наборе грамматических категорий, регулярно образуются друг от друга и, следовательно, явно представляют собой формы одной лексемы. (Ср. аналогичные отношения между личными формами глаголов различных наклонений или между личными формами настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения.)

Не от всех глаголов образуются деепричастия. Однако степень регулярности образования деепричастий достаточно высока, чтобы также считать деепричастия формами глагольной лексемы. (Ср. с решением вопроса о формах единственного и множественного числа существительных как о формах одной лексемы.)

Сложнее обстоит дело с причастиями. Действительные причастия могут быть в принципе образованы от любого инфинитива и любой личной формы глагола. У глаголов несовершенного вида представлены причастия двух типов — настоящего и прошедшего времени, у глаголов совершенного вида — только причастия прошедшего времени. Такая регулярность в образовании действительных причастий позволяет считать их формами глагольной лексемы. Однако страдательные причастия не являются регулярными образованиями от личных глагольных форм или инфинитива. Как известно, существуют также важные с содержательные и синтаксические различия между страдательными причастиями, с одной стороны, и личными формами глагола и инфинитивом — с другой. Наличие таких различий при отсутствии регулярности образования не позволяет считать страдательные причастия глагольными лексемами.

мами. Однако между действительными и страдательными причастиями нет расхождения в содержании, а существующие различия в «сочетательных» свойствах являются грамматическими. На этом основании можно утверждать, что страдательные причастия представляют собой формы действительных причастий. Поскольку сами действительные причастия являются глагольными лексемами, то и страдательные причастия можно считать глагольными лексемами. Несмотря на то что у такого решения есть уязвимое место (нерегулярность образования страдательных причастий), оно весьма удобно тем, что не возводит барьер между действительными и страдательными причастиями.

Очевидно, что инфинитив и личные формы противопоставлены причастию и деепричастию по семантическому основанию примерно так же, как противопоставлены собственно действия действиям — атрибутивным признакам и дополнительным действиям. Наличие регулярности в таких семантических образованиях формирует грамматические категории. Однако в русской грамматической традиции не принято рассматривать отмеченные противопоставления в качестве категорий. На необходимость именно такого подхода к данным явлениям впервые обратил внимание М. В. Панов<sup>1</sup>.

## КАТЕГОРИЯ ВИДА

### § 58. ВИДОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ

Все глагольные лексемы могут быть подразделены на две группы: глаголы совершенного вида и глаголы несовершенного вида. Противопоставление этих групп идет по нескольким линиям: 1) по сочетаемости с различными лексемами; 2) по различиям в морфемной структуре; 3) по различиям в субSTITУционных возможностях; 4) по различиям в наборе словоформ в лексеме; 5) по различиям в семантическом содержании. Таким образом, принципиально множественностью своих ипостасей вид не отличается от таких грамматических категорий, как, например, род и число у существительных.

<sup>1</sup> См.: Панов М. В. О частях речи в русском языке // Филол. науки. 1960. № 4.

Наиболее простыми — и универсальными — являются третья и четвертая характеристики. Именно они практически и используются для определения видовой принадлежности глагольной лексемы. Глаголы совершенного вида могут заменяться глаголом *сделать*, а глаголы несовершенного вида — глаголом *делать*. (Ср. с определением рода существительных через возможность замены местоименными существительными *он*, *она*, *оно*, *они*.) Глаголы совершенного вида в личных формах изъявительного наклонения имеют только прошедшее и будущее время: *сделал*, *сделала*, *сделало*, *сделали*; *сделаю*, *сделаешь*, *сделает*, *сделаем*, *сделаете*, *сделают*. Глаголы несовершенного вида в тех же формах имеют еще и настоящее время: *делаю*, *делаешь*, *делает*, *делаем*, *делаете*, *делают*, а будущее время в этом случае выражается аналитически: *буду делать*, *будешь делать*, *будет делать*, *будем делать*, *будете делать*, *будут делать*. Эти особенности позволяют определять видовую принадлежность глагола: если личная форма непрошедшего времени выражает действие в будущем — совершенный вид; если такая же форма выражает действие в настоящем — несовершенный вид. Кроме того, глаголы несовершенного вида обычно имеют две временные формы причастий: *читающий* — *читавший*, *читаемый* — *читанный*, а глаголы несовершенного вида — одну временную форму причастий: *сделавший* — *сделанный*.

Необходимо заметить, что оба описанных приема доступны только носителям русского языка. Человек, для которого русский язык неродной, не может таким способом определить видовую принадлежность глагола. При этом выясняется, что существует группа глаголов, которые удовлетворяют характеристикам обоих видов. Например, глаголы *женить*, *казнить*, *электрифицировать*, *телефонизировать* могут быть заменены с помощью соответствующих форм глаголов *делать* и *сделать*. Непрошедшее время личных форм этих глаголов одновременно указывает и на действие в настоящем и на действие в будущем. Такие глаголы называют *д в у в и д о в ы м и*. (Ср. с существительными общего рода или с числовой характеристикой несклоняемых существительных.)

## § 59. СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛАГОЛОВ

В русском языке существует ряд наречий, падежных (предложно-падежных) форм существительных, которые легко сочетаются с глаголами несовершенного вида и не сочетаются с глаголами совершенного вида. Таким свойством обладают единицы, имеющие значение неограниченной длительности: *долго-долго, без конца, всё*, а также неограниченной, однако определенной повторяемости: *ежедневно, вечерами, каждый день, по утрам, систематически*. Кроме того, инфинитив совершенного вида не может сочетаться с так называемыми фазовыми глаголами: *начинать, продолжать, кончить*, а также со словами и фразеологическими единицами, которые обозначают нецелесообразность или нежелательность действия: *бесполезно, напрасно, не стоит, не к лицу* либо субъективно отрицательное к нему отношение: *не привык, разучился, не нравится*.

Синтагматические свойства глаголов разных видов, разумеется, связаны с видовой семантикой. Однако вывод о прямой взаимозависимости между «сочетательными» и содержательными свойствами глаголов разных видов был бы слишком прямолинейным. «Сочетательные» свойства лексемы обладают известной независимостью по отношению к ее содержательной сущности. (Ср. с грамматическими категориями рода и числа у существительных.)

## § 60. МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ

Большинство непроизводных глаголов: *делать, читать, писать, играть, думать, спать, идти* и др.— несовершенного вида. Однако существуют глаголы, как, например, *купить, простить, деть, лечь, сесть, дать*, которые, будучи непроизводными, относятся к совершенному виду.

Несколько более четко указывает на видовую принадлежность морфемная структура производных глаголов. Если в глаголе есть суффикс *-ну-* со значением однократного мгновенного действия, то глагол совершенного вида: *толкнуть, крикнуть*. Указание на значение суффикса важно потому, что *-н-* может и не иметь значения однократности: *тянуть, мокнуть, сохнуть* и др.; в таком случае перед нами глаголы несовершенного вида.

Если в глаголе есть приставка и нет суффикса *-а-*, *-ва-* или *-ива-*, то глагол совершенного вида: *запеть*, *написать*, *слезть*. Если в глаголе нет приставки и есть суффикс *-а-*, *-ва-* или *-ива-*, то глагол несовершенного вида: *решать*, *называть*, *сживать*. Не следует полагать, что любой глагол, содержащий *-а-*, имеет, таким образом, суффикс несовершенного вида: глаголы *читать* — *читаю*, *копать* — *копаю* несовершенного вида, но не содержат суффикса несовершенного вида *-а-*, поскольку элемент *-а-* у этих глаголов ничему не противопоставлен. Другое дело глаголы типа *кончать*, *пускать*: у них суффикс несовершенного вида *-а-* противопоставлен либо элементу *-и-* (*кончить*, *пустить*), либо нулевому аффиксу (*кончу*, *пуши*).

Если в глаголе есть одна приставка и суффикс несовершенного вида *-ва-* или *-ива-*, то глагол несовершенного вида (видовое значение суффикса оказывается сильнее того видового значения, которое заключено в приставке). Если в глаголе есть одна приставка и суффикс несовершенного вида *-а-*, то глагол может быть и совершенного и несовершенного вида: *накупать*, *отпускать*, *но забросать*, *нахватать*.

Если в глаголе две приставки, то глагол всегда совершенного вида.

В отечественной лингвистике принято рассматривать не только морфемную структуру глаголов разных видов, но и средства образования глаголов одного вида от глаголов другого вида. Образование глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида называют *перфектинацией*, образование глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного — *имперфектинацией*<sup>1</sup>. В качестве средств перфектизации обычно выступают приставки и суффикс *-ну-* со значением однократного мгновенного действия: *читать* — *прочитать*, *писать* — *написать*, *уметь* — *суметь*, *жить* — *прожить*, *смотреть* — *посмотреть*; *толкать* — *толкнуть*, *кричать* — *крикнуть*, *двигать* — *двинуть*. В качестве средства имперфектизации выступают суффиксы *-а-*, *-ва-*, *-ива-*: *решиТЬ* — *решать*, *кончать* — *кончать*, *пустить* — *пускать*; *запеть* — *запевать*, *полить* — *поливать*, *дать* — *давать*; *рассказать* — *рассказывать*, *подписать* — *подписывать*, *разыскать* — *разы*.

<sup>1</sup> См.: Маслов Ю. С. Роль так называемой перфектизации и имперфектизации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкоznанию. М., 1961.

*сивать*. В русском языке существует возможность образовать от глагола несовершенного вида глагол совершенного вида: *толкать* — *вытолкать*, затем от этого глагола — вновь глагол несовершенного вида: *вытолкать* — *выталкивать*, а от полученного глагола — снова глагол совершенного вида: *выталкивать* — *попыталкивать*. Подобную связку глаголов называют в идовой цепью<sup>1</sup>.

Более частным случаем является образование глаголов одного вида от глаголов другого вида супплетивным способом: *говорить* — *сказать*, *искать* — *найти*.

У двувидовых глаголов, конечно, нет никаких формальных различий между видами.

### § 61. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Глаголы, обладающие различиями в субSTITУционных возможностях, в наборе форм в парадигме, в «сочетательных» свойствах, в морфемной структуре, различаются также по значению. При этом семантическое различие может быть чрезвычайно широким, затрагивающим лексическое значение глаголов: *спать* — *решить*, а может быть более узким, касаясь значений, выражаемых аффиксами: *петь* — *запеть*, *хотеть* — *расхотеть*, *писать* — *написать*, *переписать* — *переписывать*, *решать* — *решишть*, *посетить* — *посещать*.

В настоящее время ученые склоняются к мысли о том, что собственно видовое семантическое противопоставление следует понимать весьма узко. Во всяком случае, значением такого противопоставления не считают, например, ни начало или конец действия: *молчать* — *замолчать*, *думать* — *раздумать*, ни интенсивность или ослабленность действия: *кричать* — *раскричаться*, *открыть* — *приоткрыть*, ни какие-либо другие характеристики действия во времени и пространстве.

Под собственным значением видового противопоставления понимают абстрактное представление либо о «целостном» действии, либо о действии, которое достигло своего «внутреннего предела». Причем именно

<sup>1</sup> См.: Карцевский С. Из книги «Система русского глагола» // Вопросы глагольного вида. М., 1962.

таким образом характеризуются глаголы совершенного вида. Глаголы несовершенного вида лишены положительной содержательной характеристики.

В русской науке XIX и первой половины XX в. ведущим было стремление отыскать семантический инвариант, противополагающий глаголы совершенного и несовершенного вида. Такой инвариант представлялся ученым по-разному<sup>1</sup>. В советское время наибольшее признание получили две точки зрения — В. В. Виноградова и Ю. С. Маслова. По Виноградову, совершенный вид обозначает «внутренний предел» действия, а несовершенный вид выступает как слабый член этой оппозиции. Маслов также рассматривает оппозицию совершенного и несовершенного вида как привативную, считая совершенный вид сильным членом оппозиции, однако в отличие от Виноградова определяет семантику совершенного вида как указание на «целостность» действия. Точка зрения Маслова нашла широкий отклик в работах, предназначенных для изучающих русский язык как иностранный<sup>2</sup>.

Абстрактное значение «внутреннего предела» или «целостности» никогда, однако, не выступает в чистом виде. Его выделение представляет собой попытку вычленить некоторую инвариантную часть из тех конкретных содержательных противопоставлений, которые связаны с различием видовых характеристик глаголов. Дело в том, что такая характеристика, как вид глагола, всегда соединена в словоформе с лексическим значением глагола, с характеристиками самого глагола по времени и модальности. В предложении на видовое значение накладываются значения других словоформ, относящихся к глаголу, а также представления о речевой ситуации, в которой осуществляется коммуникация.

Лексическое значение глаголов может дополнять видовое противопоставление либо значением результативности действия: *решать — решить, писать — написать, строить — построить*, либо значением однократности действия: *навещать — навестить, целовать — поцеловать, кричать — крикнуть*. Лексическое значение глагола может быть вообще чуждо обоим указанным значениям: *стоить, полагать*. Однако существуют и такие значения, которые в принципе способны реализовывать обе указанные характеристики, связанные с видом: *открывал, открывал, открывал и, наконец, открыл*. (ре-

<sup>1</sup> См.: Виноградов В. В. Русский язык. С. 421—423.

<sup>2</sup> См.: Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.

зультат), но Открывал всегда так, как и сейчас открыл (однократность)<sup>1</sup>.

Рассмотрение семантики глагольного вида в связи с лексическим значением глагола ставит под сомнение мысль о существовании инвариантного значения видового противопоставления. Возникает предположение о том, что значение видового противопоставления варьируется таким образом, что не может быть сведено к инварианту. (Ср. со значением падежных противопоставлений.)

Как уже отмечалось, в предложении на значение видового противопоставления воздействуют глагольные распространители и другие словоформы. Этот процесс нашел отражение в определении общих и частных значений совершенного и несовершенного вида<sup>2</sup>. Однако и этот тезис подвергается критике со стороны некоторых исследователей. Так, А. М. Ломов убедительно показал, что теория общих и частных видовых значений не выявляет специфику собственно видовых значений, а дает характеристику предложений, содержащих глаголы разных видов<sup>3</sup>.

На семантику видового противопоставления, как уже отмечалось, влияют и знания собеседников. Наиболее изучены те характеристики речевой ситуации, которые приводят к семантическому опустошению видового противопоставления (это явление обычно называют конкуренцией видов). Среди характеристик речевой ситуации, влияющих на семантику видового противопоставления, следующие:

1. Знания об объективной действительности. Так, в ситуации, когда определяется, будет ли совершаться однократное действие, предложения *Вы будете гасить свет?* и *Вы погасите свет?* по содержанию не различаются. В то же время предложения *Вы будете гасить пожар?* и *Вы погасите пожар?* в аналогичной ситуации существенно различаются по значению. Это несоответствие между обеими парами предложений легко объяснить, приняв во внимание такие относящиеся

<sup>1</sup> На тесную связь между значением вида и лексическим значением глагола неоднократно указывал В. В. Виноградов. Позже характер этой связи был детально исследован Н. С. Авиловой (см.: Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976).

<sup>2</sup> См.: Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

<sup>3</sup> См.: Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.

к действительности факты, что погасить свет обычно удается без малейшего напряжения, а с легкостью погасить пожар удается далеко не всегда.

2. Знания о конкретной ситуации. Например, демонстрируя зачетную книжку с оценкой, можно употребить глаголы обоих видов: *Я сдал (сдавал) экзамен профессору Иванову*. При этом никакого смыслового различия между этими способами выражения мысли не существует. Иное дело, когда результат экзамена неизвестен слушающему. Тогда предложение с глаголом совершенного вида обозначает достигнутый положительный результат, а предложение с глаголом несовершенного вида оставляет открытый вопрос о том, чем это действие закончилось.

3. Целесустановка предложения. Если в вопросительном предложении спрашивается не о самом действии, а об его участниках или обстоятельствах, содержание, связанное с видом, также несущественно: *Кому вы сдали экзамен?* значит почти то же, что и *Кому вы сдавали экзамен?* Ср. также предложения *Где вы купили эту вещь?* и *Где вы покупали эту вещь?*, употребленные в ситуации, когда «вещь» налицо.

Итак, значение видового противопоставления не представляет собой постоянной величины. Эта семантика изменяется, она может под влиянием контекста даже «стираться». Наиболее частым содержанием видового противопоставления является обозначение глаголом совершенного вида результативного или однократного действия.

## § 62. ВИДОВЫЕ ПАРЫ ГЛАГОЛОВ

Рассмотрение проявлений принадлежности глагола к тому или другому виду обнаруживает трудность решения вопроса о том, какие глагольные лексемы образуют видовую пару, а какие — нет. Дело в том, что нельзя составить пары на основе особенностей морфемного состава, поскольку видовое противопоставление может выражаться с помощью таких приставок и суффиксов, которые имеют значения, не образующие видового противопоставления. Нельзя составить такие пары и на семантическом основании, поскольку содержание видового противопоставления весьма широко изменяется под влиянием контекста.

Традиционно принято считать видовыми пары глаголы совершенного вида и образованные от них путем имперфективаии глаголы несовершенного вида: *подписать — подписывать, запеть — запевать, рассмотреть — рассматривать, решить — решать, передумать — передумывать*. Такой подход обусловлен тем, что в подобных парах реализуются основные значения видового противопоставления: указание на результат и однократность действия в глаголах совершенного вида — и только эти значения.

Глаголы несовершенного вида и образованные от них путем префиксации глаголы совершенного вида обычно не считают видовой парой. В самом деле, в противопоставлениях типа *писать — подписать, петь — запеть* реализуются семантические различия, не имеющие ничего общего с рассмотренными выше явлениями имперфективаии. Однако в результате перфективаии могут быть образованы такие соотношения глаголов, которые по содержанию абсолютно тождественны соотношениям, возникающим при имперфективаии — результативность или однократность действия: *делать — сделать, писать — написать, чинить — починить; пробовать — попробовать, молчать — смолчать*. В этих случаях перфективаии обычно говорят о чисто видовых приставках.

В современной лингвистической литературе нет единого мнения по вопросу о существовании чисто видовых приставок. По мнению Ю. С. Маслова и его учеников, таких приставок в русском языке нет. Любая глагольная приставка привносит в глагол нечто большее, чем указание на «целостность» действия. Представители же «виноградовского направления» (Е. А. Земская, А. Н. Тихонов) утверждают, что приставки могут указывать исключительно на достижение действием «внутреннего предела». Зависимость ответа на вопрос о существовании чисто видовых приставок от определения семантики видового противопоставления несомненна.

### § 63. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ВИД ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЕЙ?

Рассмотрение различных аспектов, связанных с видовой характеристикой глаголов, прежде всего приводит к выводу о том, что глаголы разных видов являются не формами одной лексемы, но всегда разными лексемами. В самом деле, видовое противопоставление так или иначе имеет определенное семантическое содержание, причем это содержание вовсе не обладает свойством регулярности: лишь часть глаголов способна

иметь видовые пары в описанном выше смысле. Кроме того, существуют двувидовые глаголы, внепарные глаголы совершенного и несовершенного вида: *раскрываться, заплакать, очутиться; торговать, находиться, горевать*. Наличие внепарных глаголов обусловлено двумя причинами: либо сама семантика глаголов чужда значению, связанному с видовым противопоставлением, либо язык не обладает такой парой лексем, которая различается по смыслу только данным противопоставлением. Иными словами, перед нами типичные словообразовательные отношения между двумя лексемами, т. е. такие отношения, которые характеризуются некоторой аморфностью различий в значении, а также сугубой избирательностью сочетаемости выражающих это значение средств.

При этом, однако, следует заметить, что вид, характеризуя всякую глагольную лексему, обладает большей регулярностью, чем иные словообразовательные категории. Этим и обусловлено то, что вид, не являясь грамматической категорией, традиционно рассматривается в морфологии.

Может возникнуть вопрос, не является ли вид глагола (подобно роду существительных) грамматической категорией, различающей лексемы и выделяемой на основании «сочетательных» свойств. На него следует дать отрицательный ответ. Дело в том, что видовая характеристика глагола обусловливает сочетаемость (или несочетаемость) с определенными лексическими единицами, а не с определенными словоформами. Таким образом, перед нами обычный случай из области лексической сочетаемости. Следует, правда, заметить, что закономерности лексической сочетаемости распространяются на всю глагольную лексику. В этом отличие данной закономерности от других правил лексической сочетаемости, характеризующих обычно ограниченную группу лексем.

Формально видовое противопоставление выражается с помощью приставок и суффиксов<sup>1</sup>. При этом большинство приставок (а по мнению ряда ученых, все) выражают одновременно не только значение видового противопоставления, но и другое номинативное значение — начало действия: *возненавидеть, зарыдать, поплыть; окончание его: отшуметь, отвести; ограничение*

<sup>1</sup> См.: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. С. 136—147.

действия во времени: *посидеть, проработать*; доведение действия до какого-либо предела: *доделать, дочитать*; предельную исчерпанность действия: *иззябнуть, износить*; повторность его: *перешить, переиграть* и др.<sup>1</sup> Эти номинативные значения вместе с видовым значением принято называть способами глагольного действия. Способы глагольного действия успешно изучали многие советские ученые, среди которых следует особо выделить Б. Н. Головина, О. М. Соколова, М. А. Шелякина.

### § 64. ВИД У ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

В русском языке обычно выделяют 17 пар глаголов несовершенного вида, характеризующихся особым отношением к использованию формальных средств выражения видовых значений: 1) *бежать — бегать*; 2) *везти — возить*; 3) *вести — водить*; 4) *гнать — гонять*; 5) *гнаться — гоняться*; 6) *ехать — ездить*; 7) *идти — ходить*; 8) *катить — катать*; 9) *катиться — кататься*; 10) *лезть — лазить*; 11) *лететь — летать*; 12) *нести — носить*; 13) *нестись — носиться*; 14) *плыть — плавать*; 15) *ползти — ползать*; 16) *тащить — таскать*; 17) *тащиться — таскаться*. Эти глаголы принадлежат к одной семантической группе — к группе глаголов движения, перемещения в пространстве. Однако выделяются они в одну группу не на семантическом основании. Если провести семантический принцип выделения группы глаголов движения последовательно, то в составе группы окажется значительно больше глаголов: *двигаться, перемещаться, скользить, подниматься* и др. Указанные пары глаголов, обозначающих движение, выделены в особую группу по морфологическому принципу.

Дело в том, что обычно указывающий на несовершенный вид суффикс *-а-* у вторых членов 1, 4, 5, 8, 9, 11, 14—17-й пар дает характеристику движения, которое представляется либо как много раз совершающееся в определенном направлении, либо как движение неупорядоченное, разнонаправленное. Тем самым вторые члены указанных пар отличаются от первых, означающих единичное или одностороннее действие, однако яв-

<sup>1</sup> Перечень таких значений см.: *Русская грамматика*. М., 1980. Т. 1. С. 596—604.

ляющихся также глаголами несовершенного вида. Ср.: *Пароход пыл по маршруту Лондон — Ленинград* (однократное действие). — *Пароход плавал по маршруту Лондон — Ленинград* (многократное действие); *Он бежал от них без оглядки* (однонаправленное действие). — *Он в растерянности бегал по комнате* (разнонаправленное действие).

Первые члены указанных пар в результате префиксации образуют глаголы совершенного вида: *убежать, отвезти, завести, подогнать, погнаться, въехать* и др. Не следует, разумеется, думать, что префиксация в этом случае выполняет только перфективную функцию. Указанные приставки никак не могут считаться чисто видовыми.

Вторые члены пар, т. е. глаголы, которые в данной системе можно охарактеризовать как обозначающие разнонаправленное или многократное движение, перфективируются лишь в случае присоединения приставок со значением времени или результата действия: *побегать* (некоторое время), *заходить* ('начать ходить'), *отлетать* ('кончить летать') и т. д. При присоединении приставок с пространственным значением указанные 17 глаголов, означающих разнонаправленное или многократное движение, вопреки общему правилу, не перфективируются: *завозить* ('возить по пути своего движения'), *приводить* ('водить по направлению к чему-кому-л.'), *улетать* ('летать прочь'), *подгонять* ('гонять по пути чьего-то движения') и т. д.

## § 65. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВЫРАЖЕНИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

Характеристика по виду приложима ко всякой глагольной лексеме. В современном языке существует тенденция к вовлечению всех глаголов в видовые пары. В этой связи главными объектами такого «воздействия» выступают двувидовые глаголы и глаголы, не имеющие видовых пар.

Многие двувидовые глаголы имеют перфективирующие приставочные соответствия: *миловать — помиловать, женить — поженить, телеграфировать — протелеграфировать, асфальтировать — заасфальтировать* и др. Бесприставочные «образующие» глаголы в результате появления парных глаголов совершенного вида должны были бы стать глаголами несовершенного вида.

Если бы это произошло, сложилась бы типичная для русского глагола ситуация. Однако создалось другое положение, когда для выражения совершенного вида существуют две формы: собственно двувидовой глагол и его приставочный дериват. Для выражения несовершенного вида осталась по-прежнему одна форма, тот же самый двувидовой глагол, который продолжает сохранять способность передавать и значение совершенного вида. У двувидовых глаголов есть и суффиксальные дериваты несовершенного вида, хотя таких дериватов довольно мало: *атаковать* — *атаковывать*, *арестовать* — *арестовывать*, *арендовать* — *арендувать*, *конфисковать* — *конфисковывать*, *мобилизововать* — *мобилизовывать*, *организовать* — *организовывать*.

Таким образом, существование пар у некоторых двувидовых глаголов не разрушило их двувидовости. Лишь для одного из видов двувидового глагола возник параллельный по значению глагол. Однако создавшееся положение нельзя полагать устойчивым. Оно может стабилизироваться двумя путями. Либо перейдут в пассивный словарный фонд дериваты от двувидовых глаголов (так произошло с глаголом *оженить*), либо двувидовые глаголы, имеющие дериваты, утратят значение того вида, который имеет дериват, и перестанут быть двувидовыми. Такой процесс, по мнению некоторых исследователей, происходит, например, с глаголами *арестовать* (остается лишь значение совершенного вида, поскольку есть *арестовывать*) и *регистрировать* (остается лишь значение несовершенного вида, поскольку есть *зарегистрировать*). Какова бы ни была распространность обоих процессов, ясно одно: двувидовые глаголы, число которых в последнее время возрастает, сохраняют свою особую позицию по отношению к системе русских глагольных видов. В этом некоторые исследователи видят еще одно проявление действующей в русском языке тенденции к аналитизму<sup>1</sup>.

Действительно, «обычные» глаголы передают значение вида самими глагольными формами, т. е. синтетически. Двувидовые глаголы своими формами не могут выразить аналогичное содержание, для этого нужны лексические средства, т. е. значение вида выражается аналитически. Ср.: *толкать* — *толкнуть* и *несколько раз атаковать* — *один раз атаковать*; *писать* — *написать* и

<sup>1</sup> См.: *Русский язык и советское общество*. С. 96—104.

*асфальтировать* — успешно кончить *асфальтировать*. Факт «вторжения» аналитизма в специфически славянскую область грамматики — глагольный вид — считается многими исследователями весьма симптоматичным, свидетельствующим о силе тенденции к анализизму.

## КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

### § 66. ЗАЛОГ КАК СЛОВОИЗМЕНЕНИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Мы уже отмечали, что одни прилагательные имеют большее количество словоформ в парадигме, другие — меньшее. Принципиально такое же явление у глагольных лексем связано с видовой характеристикой глагола. Однако различия в составе форм у глагольных лексем обусловлены не только видовой характеристикой. Так, у глаголов несовершенного вида типа *строить*, *читать*, *исполнять*, *освещать* существуют образования типа *освещаться (фонарями)*, *освещаемая (улица)*, *освещённая (улица)*, *освещющаяся (улица)*, а у глаголов несовершенного вида типа *ехать*, *мечтать*, *платить* подобные образования отсутствуют. У глаголов совершенного вида типа *озадачить*, *приоткрыть*, *посетить*, *доставить* есть образования типа *озадаченный*, *приоткрытый*, *посещённый*, *доставленный*, а у глаголов типа *улыбнуться*, *похолодеть*, *заснуть* подобных образований нет. Эти факты требуют постановки двух вопросов. Как отделить лексемы, обладающие отмеченными образованиями, от лексем, не имеющих таких образований? Каков статус этих образований: являются ли они формами соответствующих глагольных лексем или образуют самостоятельные лексемы?

Как правило, указанные образования есть у тех глагольных лексем, которые могут сочетаться с формой винительного падежа, имеющей значение объекта действия: *читать книгу*. Это предопределяет наличие у лексемы образований типа *читается*, *читаемый*, *читанный*, *читающийся*. Указанную закономерность, однако, не следует считать абсолютной, поскольку образования, о которых идет речь, иногда имеются и у глаголов, инфинитивы которых не могут сочетаться с винительным беспредложным в значении объекта действия: *руководить* — *руководимый*, *управлять* — *управляемый*,  *зависеть* — *зависимый*. Дело в том, что прямой объект

действия в русском языке по преимуществу выражается винительным беспредложным, но может иногда выражаться и другими падежами без предлога и с предлогом: *руководить коллективом, зависеть от погоды* и т. п.

Особенностью данных образований является их способность сочетаться с формой именительного падежа существительного не в значении субъекта действия. Например, *исполненная, исполненная* могут сочетаться с формой именительного падежа (*пьеса, миниатюра, музыка* и т. п.), обозначая объект действия; *исполняющая, исполнившая* также могут сочетаться с формой именительного падежа существительного, которая всегда имеет значение субъекта действия. Такой же «сочетательной» особенностью обладают и образования типа *строится, освещается: Дом строится рабочими; Улица освещается фонарями*. Так же как и *строит, освещают*, эти образования сочетаются с формой именительного падежа существительного, однако при *строится, освещается* формы именительного падежа не имеют значения субъекта действия.

Те глагольные образования, которые могут сочетаться с существительными в форме именительного падежа, не имеющими значения субъекта действия, называют образованиями страдательного залога. Глагольные образования, которые не удовлетворяют хотя бы одному из этих условий (т. е. либо не сочетаются с формой именительного падежа существительного вообще, либо эта форма имеет значение субъекта действия), называют образованиями действительного залога. Таким образом, в оппозиции «действительный залог — страдательный залог» сильным, маркированным членом является страдательный залог. Действительный залог характеризуется отсутствием того сочетания признаков, которые указывают на страдательный залог.

Разумеется, страдательные причастия могут употребляться не только в именительном падеже. Отличие страдательных причастий от действительных состоит именно в способности формы именительного падежа страдательного причастия сочетаться с формой именительного падежа существительного в значении не субъекта действия, названного причастием: *прочитанная книга, рассматривавшийся вопрос, отмеченные недостатки, описываемые события*.

Формы страдательного залога обычно представлены в личных формах 3-го лица и в причастиях, однако не исключительно в этих формах. Редким, но допустимым является употребление личных глагольных форм страдательного залога не в 3-м лице: *И скоро ль, на радость соседей-врагов, могильной засыплюсь землёю?* (П.). Малоупотребительны инфинитив и деепричастия страдательного залога: *Шапки стали покорно сниматься с голов; Даль начинала пропадать, застилаясь сизым мраком*<sup>1</sup>.

Образования, принадлежащие к разным залогам, отличаются своими «сочетательными» свойствами, но смысловых различий между ними не существует. Таким образом, залог выступает в качестве словоизменительной категории, противопоставляющей форму одной лексемы.

У личных форм глагола принадлежность к страдательному залогу выражается с помощью элемента *-ся* (*-сь*); очевидно, в этом случае *-ся* (*-сь*) является окончанием. Отсутствие у словоформы элемента *-ся* (*-сь*) явно указывает на то, что глагол принадлежит к действительному залогу.

Однако не следует полагать, что наличие двух словоформ — с *-ся* (*-сь*) и без этого элемента — означает, что словоформа с *-ся* (*-сь*) непременно принадлежит к страдательному залогу. Дело в том, что словоформы, различающиеся наличием элемента *-ся* (*-сь*), могут различаться не только «сочетательными», но и содержательными характеристиками. Например, *катать* и *каться* — первый глагол обозначает действие, непременно направленное на какой-либо объект, второй — действие безобъектное, происходящее только с субъектом; *умывать* — *умываться* — первый глагол обозначает действие, направленное на какой-либо внешний объект, а второй — то же действие по отношению к субъекту самого действия. Таким образом, эти случаи не представляют собой противопоставления форм действительного и страдательного залогов. Здесь мы имеем дело с разными лексемами. Очевидно, что формально эти лексемы различаются элементом *-ся* (*-сь*), который является суффиксом. Особенность этого суффикса состоит в

<sup>1</sup> Эти и другие редкие примеры такого типа см.: Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском литературном языке. М., 1962.

том, что он располагается в словоформе после окончания.

Следовательно, в русском языке существует два омонимичных элемента *-ся*(*-сь*) — окончание и суффикс. **Окончание** употребляется для образования форм страдательного залога тех лексем, которые обладают противопоставлением по залогу. **Суффикс** употребляется для образования новых лексем. Такие глагольные лексемы называют **возвратными**. У этих глаголов нет противопоставления по залогу внутри парадигмы, все их словоформы — действительного залога.

В отечественной науке — в работах Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова — проблемы залога всегда рассматривались в тесной связи с другими значениями, приобретаемыми глаголами, получающими показатель *-ся*(*-сь*). Представления ученых о залоге как о грамматической категории изменялись в зависимости как от их общих грамматических представлений, так и от характера классификации значений, выражаемых с помощью *-ся*(*-сь*).

Как это обычно бывает с омонимами, отличить форму страдательного залога от возвратного глагола можно только в контексте. Сравним три предложения:  
1) *Рабочие строят дом*; 2) *Дом строится рабочими*;  
3) *Иван уже много лет строится*. Глагол в первом предложении принадлежит действительному залогу (это можно заключить и по его внешнему виду — в глагольной форме нет *-ся*). Зато во втором и третьем предложениях обе глагольные формы имеют *-ся*, хотя их залоговое значение различно: *строится* (2) принадлежит к страдательному залогу, поскольку согласованное с ним подлежащее *дом* обозначает объект действия; *строится* (3) принадлежит к действительному залогу, поскольку согласованное с ним подлежащее *Иван* обозначает субъекта действия.

Существуют контексты, в которых невозможно различить формы возвратного глагола (действительного залога) и формы страдательного залога. Например, в предложениях *Мост разводится*; *Билеты продаются* глагольные формы можно понимать и как возвратные (обозначаются свойства субъекта) и как формы страдательного залога (обозначаются действия, совершаемые над объектами). Ср. предложения с формами страдательного залога: *Мост разводится в три часа*; *Билеты продаются водителем*.

Для образования причастий страдательного залога используются соответствующие окончания. Особого

внимания заслуживает образование причастий страдательного залога с помощью причастных окончаний действительного залога и окончания *-ся*. Например, от глагола *читать* действительные причастия — *читающий*, *читавший*, страдательные — *читаемый*, *читанный* (образованы с помощью «страдательных» окончаний) и *читающийся*, *читавшийся* (образованы с помощью «действительных» окончаний и «страдательного» окончания *-ся*). Таким образом, в причастиях типа *читающийся* (*курс, читающийся профессором Ивановым*) окончание *-ся* со значением страдательного залога как бы «зачеркивает» значение действительного залога, содержащееся в окончании *-ющ-*. Так же как и в случае с личными формами страдательного залога, следует различать причастия страдательного залога с *-ся* и действительные причастия от возвратных глаголов. Ср., например: *переписывавшаяся* студентом работа — причастие страдательного залога; *переписывающейся со мной коллега из ГДР* — причастие действительного залога от возвратного глагола.

## § 67. ОДНОЗАЛОГОВЫЕ ГЛАГОЛЫ

Итак, существуют глаголы, обладающие формами обоих залогов. Это, как правило, глаголы, способные сочетаться с прямым дополнением. Кроме того, существуют глаголы, обладающие формами только действительного залога. Это возвратные глаголы с суффиксом *-ся*, а также невозвратные глаголы, не способные сочетаться с формой винительного падежа в значении объекта действия. Более определенно провести границу между глаголами, имеющими формы обоих залогов, и глаголами, имеющими формы только действительного залога, не удается. (Ср. с разграничением прилагательных с полными и краткими формами и прилагательных только с полными формами.) В этой связи встает вопрос о том, существуют ли глаголы, обладающие формами только страдательного залога. (Ср. с существованием прилагательных, обладающих только краткими формами.)

Рассмотрим предложение *И снится чудный сон Татьяне* (П.). Поскольку в русском языке отсутствует глагол «*снить*», словоформа *снится* не может рассматриваться как форма страдательного залога глагола, обладающего формами обоих залогов. Может быть, существует

вует возвратный глагол *сниться*, обладающий только формами действительного залога? Формы глагола *сниться* способны сочетаться с формой именительного падежа, причем эта форма имеет, видимо, значение объекта, на который направлено действие (ср. предложения *Татьяна видит сон* и *Татьяне видится сон*, имеющие одинаковое содержание). Следовательно, глагол *сниться* принадлежит к страдательному залогу и не имеет форм действительного залога. Это доказывает наличие в русском языке глаголов только страдательного залога (*passiva tantum*). Группа этих глаголов весьма малочисленна: *казаться, показаться, чудиться, почудиться, нравиться, понравиться, сниться, присниться*.

#### § 68. ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗМЕНЕНИЕМ ЗАЛОГОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛА

В русском языке для обозначения одной и той же ситуации можно построить предложения, содержащие глагол, который обладает обеими залоговыми формами, двумя способами. Например: *Рабочие строят дом.* — *Дом строится рабочими;* *Неприятель осадил город.* — *Город осаждён неприятелем.* Как видно, при такой трансформации имя, стоявшее в форме именительного падежа в предложении с глаголом в форме действительного залога, становится в форме творительного падежа. Имя, стоявшее в форме винительного падежа в предложении с глаголом в форме действительного залога, в предложении с формой страдательного залога становится в форме именительного падежа. Однако такая схема возможна не всегда.

Выше уже отмечалось, что прямой объект при глаголах в форме действительного залога не обязательно выражается формой винительного падежа. Точно так же субъект при глаголах в форме страдательного залога не всегда выражается формой творительного падежа (объект в этих случаях всегда выражается формой именительного падежа, что является признаком страдательного залога). Субъект может быть выражен формой дательного падежа: ...*Марксу виделось видение Кремля и коммуны флаг над красною Москвой* (В. М.) и даже (по мнению некоторых исследователей) предложно-падежным сочетанием. Ср.: *банк кредитует колхоз — колхоз кредитуется банком — колхоз кредитуется в*

банке; балки держат крышу — крыша держится балками — крыша держится на балках; вероятно, что в последних двух случаях не различаются субъектное и локальное значения предложно-падежных форм.

Очевидно, вопрос о правилах преобразования предложений с глаголами в форме действительного залога в предложения с глаголами в форме страдательного залога, и наоборот, тесно связан с вопросом о значении и употреблении падежных форм. Таким образом, весь круг этих вопросов принадлежит синтаксису.

Хотя предложения, различающиеся только залоговыми формами, обозначают одну и ту же ситуацию, не все лингвисты считают их тождественными, полагая, что в выборе формы выражения воплощается различие в оценке ситуации со стороны говорящего<sup>1</sup>.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 161—176, 209—214.

*Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976. С. 5—42.

*Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 10—42.

*Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 120—138.

*Виноградов В. В.* Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 227—240, 393—438, 491—528.

*Королев Э. И.* О залогах русского глагола // *Мысли о современном русском языке*. М., 1969.

*Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // *Очерки по аспектологии*. Л., 1984. С. 48—65.

---

*Вопросы глагольного вида*. М., 1962.

*Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 8—156.

*Проблемы теории грамматического залога*. Л., 1978.

*Тихонов А. Н.* Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // *Вопр. языкоznания*. 1964. № 1.

*Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в современном русском литературном языке. М., 1962.

---

<sup>1</sup> См.: *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 58—66.

# Глава 8

## ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ У ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

### КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

#### § 69. СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ

Любое обозначаемое личной глагольной формой действие находится в каких-либо отношениях с реальной действительностью. Признак «связь с реальной действительностью» у личных форм глаголов имеет несколько значений. Личная форма глагола может означать действие, имеющее место в действительности, и действие, в действительности не совершающееся. Это реально не совершающееся действие может быть либо предполагаемым, либо желаемым, выражющим волеизъявление.

Нет таких личных глагольных форм, которые не были бы охарактеризованы по этому признаку. В то же время указанный признак выступает для этих форм как регулярный, ибо существование личной глагольной формы с любым из трех указанных значений этого признака предопределяет существование и двух других форм с иным значением этого признака. Допустим, что дана личная глагольная форма со значением желаемого действия. Без сомнения, в языке существуют формы, отличающиеся от данной только тем, что выражают не значение побудительности, но значение предполагаемого или реального действия. Это может являться единственным содержательным различием между словоформами. Следовательно, данная грамматическая категория принадлежит к категориям словаизменительным, а не классифицирующим: она противопоставляет формы одной лексемы. Представленную в личных глагольных формах характеристику, указывающую на соотнесенность действия с реальной действительностью, определяют как наклонение. Формирующаяся на основе этого грамматического признака грамматическая категория носит название наклонения. Эта категория имеет три значения: повелительное наклонение характеризует действие желаемое, отражающее волеизъявление; сослагательное —

предполагаемое действие; изъявительное — реальное действие.

Характеристика «связь с реальной действительностью» применима лишь к личным глагольным формам, где она может выступать в разных значениях. Если пытаться подойти с этой характеристикой к инфинитиву, то обнаружится, что эти формы никак не охарактеризованы с точки зрения их отношения к действительности. В таком случае инфинитив образует особое, так сказать, отрицательное значение категории наклонения.

### § 70. ФОРМЫ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Формы сослагательного наклонения представляют собой в русском языке уникальное явление. Сослагательное наклонение — это форма глагола прошедшего времени, соединенная с элементом *бы*. Этот элемент часто называют частицей. Если сослагательное наклонение признать грамматической категорией, то *бы* следует считать не частицей, а окончанием. Однако специфичность *бы* в том, что это, строго говоря, часть окончания. Другая часть окончания сослагательного наклонения омонимична окончанию прошедшего времени. Однако и этого мало; *бы* как часть окончания не закреплена на определенном месте: она может стоять после соответствующего глагола, но может быть и в другом месте предложения. При построении грамматики с опорой на форму мобильность *бы* не позволяет считать ее окончанием. Однако если *бы* не окончание, то необходимо исключить сослагательное наклонение из числа грамматических категорий. И если грамматисты этого не делают, то для такого допущения имеются определенные основания. Мобильность и номинативная значимость элемента *бы* позволяет считать его пустым и служебным, но словом, а не частью слова (именно в такой роли выступает *бы* в сочетании с инфинитивом: *Тебе бы помолчать*).

Сослагательное наклонение представляет собой языковое явление, когда определенное номинативное значение, содержащееся в глаголе, выражается и в глаголе и за его пределами. Иными словами, в этом можно видеть одно из проявлений аналитизма. Однако *бы* является не единственным средством выражения сослагательного наклонения, оно неотделимо от формы самого гла-

гола, т. е. от синтетического средства выражения значения грамматической категории.

Впрочем, само определение номинативного элемента значения, на основе которого происходит выделение со-слагательного наклонения глагола, в известной мере условно. Значение предполагаемого, нереального действия выражается указанным способом у изолированного, взятого вне предложения глагола. В предложениях то же значение может передаваться и иным способом: *Щепотки волосков Лиса не пожалей* (= не пожалела бы), *остался б хвост у ней* (Кр.). Но форма, связываемая с выражением со-слагательного наклонения, может иметь и значение реально происходящего действия. Например, *Я просил бы вас сделать это* не означает, что факт просьбы находится за пределами реальности: это вежливая форма обозначения вполне реального действия (ср.: *Я прошу вас сделать это*).

## § 71. ФОРМЫ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Формы повелительного наклонения выражают вне контекста повеление, требование, побуждение: *Читай!*; *Идите!*; *Слушай!*; *Пишите!* Однако они не обладают «монополией» на выражение этих значений. Для этого могут служить и инфинитив: *Молчать!*; *Спать!*, и форма прошедшего времени глагола изъявительного наклонения: *Поплыли!*; *Встали!*, и падежные формы (с предлогом и без предлога): *Воды!*; *Под стол!*, и наречие: *Тише!*; *Бегом!*

Значение повеления, требования, побуждения сохраняют формы повелительного наклонения и в большинстве контекстов, в частности в предложениях, лишенных подлежащего или имеющих в качестве подлежащего форму *ты* или *вы*. То же значение сохраняется у форм повелительного наклонения и в таких, например, конструкциях, как: *Им — бал, а батюшка таскайся на поклон* (Гр.). Однако в этих случаях значение повелительного наклонения несколько трансформируется: требование, побуждение исходит уже не от говорящего, а от некоей силы, становясь не побуждением, пожеланием, а необходимостью.

Существуют и такие контексты, где форма повелительного наклонения вовсе не указывает на требование, побуждение, напротив, обозначает реально совершающееся действие: *А Алексей-то Иваныч и заколи пору-*

чика (П.). В таком контексте замена повелительного наклонения изъявительным лишь обнаруживает то значение непроизвольного, неожиданного действия в прошлом, которое выражает форма повелительного наклонения.

Можно найти контексты, где формы повелительного наклонения имеют значение условно предполагаемого действия, т. е. вторгаются в область, выражаемую обычно формами сослагательного наклонения: *Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома* (Т.).

Таким образом, формы повелительного наклонения под влиянием контекста могут не только видоизменять значение требования, побуждения, но и приобретать значения, свойственные и изъявительному и сослагательному наклонениям. Эта широта значения приводит к тому, что в некоторых контекстах однозначно определить значение форм повелительного наклонения не удается. Вопрос о значениях различных наклонений в русском языке еще далек от своего окончательного решения.

## КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

### § 72. ВРЕМЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Любой глагол в форме изъявительного наклонения характеризуется отнесенностью к моменту речи. Эта характеристика может принимать три значения: предшествование моменту речи, следование за моментом речи, одновременность с моментом речи.

Указанные значения признака «отнесенность к моменту речи», будучи для личных форм глагола изъявительного наклонения обязательными и регулярными, формируют грамматическую категорию времени. Конкретные значения категории получают соответственно названия прошедшего, настоящего и будущего времени. Указанная категория является словоизменительной, поскольку она охватывает формы слов.

Однако все три указанных значения имеют способность регулярно реализоваться лишь у глаголов несовершенного вида: *писал, буду писать, пишу*. Глаголы совершенного вида могут выражать два значения — предшествование моменту речи и следование за моментом речи: *написал, напишет*.

В контексте грамматические формы прошедшего, настоящего и будущего времени не всегда имеют соответственно значение действия, предшествующего моменту речи, одновременного с моментом речи или следующего за моментом речи. Формы времени глагола могут быть ориентированы не на момент речи, а на время другого глагольного действия. Например: *Наполеон думал, что русские будут наступать...* — названа ситуация, заведомо относящаяся ко времени, предшествующему моменту речи; будущее время в придаточной части указывает не на то, что действие следует за моментом речи, а на то, что оно следует за действием, выраженным в главной части сложноподчиненного предложения. Такое употребление форм времени принято называть **относительным**, в отличие от употребления, ориентированного на момент речи, называемого **абсолютным**.

### § 73. ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Можно выделить два типа абсолютного употребления форм настоящего времени несовершенного вида: собственно настоящее (действие, совпадая с моментом речи, существенно не выходит за пределы этого момента) и несобственно настоящее (действие, будучи связанным с моментом речи, относится одновременно и к моментам, предшествующим речи, и к моментам, следующим после него).

Самым ярким примером выражения собственно настоящего времени может быть вопрос *Что ты делаешь?*, в котором заведомо речь идет о действии, совпадающем с моментом речи. Форма *делал* или *будешь делать* в этом предложении позволит говорить о предшествовании моменту речи или о следовании за этим моментом.

Среди значений несобственно настоящего времени можно выделить расширенное настоящее и постоянное настоящее. О расширенном настоящем времени можно говорить, когда действие относится к моменту речи, а также к ограниченным отрезкам времени до и после этого момента: *Я вот здесь читаю* (действие происходит в момент речи, происходило до него и, видимо, продолжится после). Это как бы переходный случай между собственно настоящим и не-

собственно настоящим временем. Более характерен для расширенного настоящего другой пример употребления форм настоящего времени: *Я пишу дипломную работу*. Это предложение абсолютно правильно, даже если оно произнесено субъектом не в момент чтения литературы по теме, сбора материала или писания и правки текста. В момент речи субъект действия может находиться на собрании или даже на отдыхе, и тем не менее следует утверждать, что действие, обозначенное в предложении, происходит в момент речи. Только «момент» понимается не так узко, как в собственно настоящем или как в случае *Я вот здесь читаю*; он исчисляется не минутами или часами, а, может быть, неделями, месяцами. Существенно заметить, что в момент речи, исчисляемый минутами и часами, действие, обозначенное в предложении формой настоящего времени глагола, может вообще не происходить.

Постоянное настоящее время выражено в том случае, если действие относится к моменту речи, а также ко всем периодам до и после момента речи: *Волга впадает в Каспийское море; Земля вращается вокруг Солнца*.

Однако и в своем постоянном значении формы настоящего времени допускают различную трактовку понятия «момент речи». В предложениях *Лошади кушают овёс* (Ч.); *Газы при нагревании расширяются* налицо постоянное значение форм настоящего времени, хотя в данный момент указанные действия могут и не совершаться. Момент речи следует понимать расширительно, как в предложениях *Я пишу дипломную работу; Он славно пишет, переводит* (Гр.).

Иногда выделяют так называемое абстрактное настоящее время: действие носит постоянный характер. В отличие от постоянного настоящего в этом случае момент речи понимается только широко: *Снявши голову, по волосам не плачут* (посл.); *Цыплят по осени считают* (посл.). Разумеется, указанные действия не происходят буквально в момент речи; налицо лишь слабая связь между действием и моментом речи.

Четких границ между расширенным, постоянным и абстрактным значениями форм настоящего времени нет, как нет их между значениями собственно настоящего и несобственно настоящего времени.

Существуют такие контексты, в которых формы настоящего времени обозначают действие, вообще не за-

трагивающее момент речи. Такое употребление временных форм глагола носит название *переносного*. Так, формы настоящего времени несовершенного вида могут обозначать действие, происходящее до момента речи или после него. Например: *В 1880 г. Достоевский работает над «Братьями Карамазовыми»; В будущем году обязательно еду на Кавказ* — выделенные глагольные формы не обозначают в этих предложениях действий, связанных с моментом речи. Временной план соответствующих предложений создается за счет лексических временных показателей.

Все эти обстоятельства дали В. В. Виноградову основание полагать, что главное значение глагольных форм настоящего времени несовершенного вида — действие вне ограничений во времени. В самом деле, и в значениях несобственно настоящего (расширенное, постоянное, абстрактное), и в переносном употреблении формы настоящего времени выступают как слабый немаркированный семантический член оппозиции временных форм несовершенного вида.

#### § 74. ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

В отличие от форм настоящего времени несовершенного вида глагольные формы прошедшего времени несовершенного вида в абсолютном употреблении выражают постоянный временной признак — указание на то, что действие предшествует моменту речи. Исключений из этого правила два — это так называемое ироническое отрицание действия: *Боялся я его* ('не боюсь я его') и вневременное пренебрежительное отношение к чему-либо: *Плевал он на эти сплетни*. С учетом указанных исключений в системе глаголов несовершенного вида можно выделить бинарную привативную оппозицию форм прошедшего и настоящего времени. Сильным членом этой оппозиции являются формы прошедшего времени: они указывают на предшествование момента речи. Слабый член оппозиции — формы настоящего времени: они не имеют определенного временного значения. Разумеется, это утверждение справедливо лишь с учетом контекстуального употребления форм времени. Для изолированно взятых временных форм такое утверждение несправедливо; в этом

случае временные формы глагола образуют эквивалентную оппозицию.

Формы будущего времени несовершенного вида в абсолютном употреблении характеризуют действие как следующее за моментом речи: *К тебе я буду прилетать* (Л.). Исключением из этого правила являются эмоционально-экспрессивные выражения типа *Будут всякие по ночам беспокоить!* или *Ещё секретарши будут мне указывать!* В своем обычном значении форма будущего времени, так же как и прошедшего, является маркированным членом, противопоставленным немаркированному члену оппозиции, каким является форма настоящего времени. В оппозиции «формы прошедшего времени несовершенного вида — формы будущего времени несовершенного вида» оба члена выступают как сильные, маркированные.

## § 75. ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Формы прошедшего времени совершенного вида в абсолютном употреблении указывают на разобщенность действия с моментом речи. Однако в отличие от форм прошедшего времени несовершенного вида, выражающего обычно только предшествование моменту речи, формы прошедшего времени совершенного вида могут выражать как предшествование моменту речи, так и следование за моментом речи. «Русская грамматика» приводит такие примеры действий, следующих за моментом речи: *Я пошёл* (обозначается действие, которое должно совершиться в ближайшем будущем); *Если завтра не будет подкрепления, мы погибли*; *Глядишь — счастье тебе и привалило*; *Послушались мы его, как же.*

Однако наиболее распространенным значением форм прошедшего времени совершенного вида является обозначение действия, предшествующего моменту речи. Принято выделять так называемое *перфектное* прошедшее время, указывающее на действие в прошлом, результаты которого актуальны для настоящего: *Я его запер в сарае*, и так называемое *аористическое*, таким элементом значения не обладающее: *Я его встретил вчера*. Заметим, что перфектное значение определяется не только временем, но и лексическим значением глагола. Можно полагать, что такое значение возни-

кает в формах прошедшего времени глаголов, обозначающих действия, имеющие реально наблюдаемые последствия.

Глагольные формы будущего времени совершенного вида могут иметь значение действия, одновременного с моментом речи. Это подтверждается такими примерами: *Не разберёшь, сколько ему лет*; *Куда ни сунешься, везде народ*. Отмечается еще и употребление форм будущего совершенного для обозначения действия, отнесеного к моменту речи: *Попрошу без разговоров в рабочее время*; *На этом мы и закончим наш рассказ*. В этих предложениях значение отнесенности к моменту речи проявляется не только вследствие употребления определенных временных форм, но и как результат воздействия ситуации и семантики глаголов (*попрошу* означает совершение акта просьбы в момент речи, если за актом ничего более не следует).

В предложениях типа *Бежал, бежал да как прыгнет*; *Слушал, слушал, а потом как закричит* формы глаголов будущего времени совершенного вида имеют значение предшествующего действия, так же соотнесенного с моментом речи, как и повторяющиеся глагольные формы прошедшего времени без *как*.

Таким образом, у глаголов совершенного вида существует соответствие между формами прошедшего и будущего времени. Оно охватывает и период, предшествующий моменту речи, и период, следующий за моментом речи. Сам момент речи, правда с существенными выходами за его пределы, может быть выражен глаголами совершенного вида лишь в форме будущего времени. Формы прошедшего времени совершенного вида момент речи охватывать не могут (табл. 30).

Таблица 30

Формы глаголов совершенного вида	Реальное время		
	до момента речи	в момент речи	после момента речи
Прошедшее время			
Будущее время	+	+	+

Если совместить контекстуальные значения времен для обоих видов глаголов, то система окажется весьма сложной. Причем эта сложность не отражает всех слу-

чаев употребления временных форм. Приведенные наблюдения касаются лишь примеров абсолютивного употребления временных форм.

## § 76. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ У ПРИЧАСТИЙ

У глаголов совершенного вида есть причастия только прошедшего времени. Причастия настоящего времени в нормированной речи у этих глаголов отсутствуют. У глаголов несовершенного вида представлены причастия и настоящего и прошедшего времени. У двувидовых глаголов также представлены причастия и настоящего и прошедшего времени.

Взятые изолированно, причастия настоящего времени указывают на действие, происходящее в момент речи (широко или узко понимаемый), а причастия прошедшего времени — на действие, предшествующее моменту речи.

Причастия обладают как полными, так и краткими формами. Краткие формы причастия, выступая в функции сказуемого, обычно не способны самостоятельно выражать отношение к моменту речи. Полные формы причастия, выступающие в атрибутивной функции, могут выражать значение времени, ориентированное на время, характеризующее предикат предложения.

Причастия настоящего времени обозначают действие, совершающееся одновременно с действием, обозначенным сказуемым: *вижу играющих детей* — *видел играющих детей*.

Причастия прошедшего времени при сказуемом, обозначающем действие, предшествующее моменту речи, могут характеризовать действие, временная соотнесенность которого с действием сказуемого неясна. В предложении *Мы знакомились с читавшимися в институте курсами* причастие можно понимать и как указание на действие, предшествующее «знакомству» (знакомились с курсами, которые читались прежде), и как указание на действие, одновременное с процессом «знакомства» (знакомились с курсами, которые читались именно в это время)<sup>1</sup>. Впрочем, при тех же условиях причастия прошедшего времени могут и определенно указывать на действия, предшествующие дейст-

<sup>1</sup> Ср.: Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 157.

вию, обозначенному личной формой глагола: *разговаривал со студентами, сдавшими экзамен; встретился с рабочими, написавшими об этом в газету*. Чаще такое временное значение реализуют причастия совершенного вида.

Причастия прошедшего времени при сказуемом в форме настоящего времени обычно указывают на действие, предшествующее моменту речи: *разговаривают со студентами, сдавшими экзамен; встречаюсь с рабочими, написавшими об этом в газету; знакомимся с читавшимися в институте курсами*.

## КАТЕГОРИИ ЛИЦА, ЧИСЛА, РОДА, ПАДЕЖА И ПЛНОТЫ ~ КРАТКОСТИ

### § 77. ЛИЦО КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В основе выделения грамматической категории лица лежит обозначение лица или предмета, которое, по оценке говорящего, совершает действие, выраженное глаголом. В качестве конкретных значений этого общего признака выступают субъект сообщения (говорящий), адресат сообщения (слушающий), объект сообщения (не говорящий и не слушающий): *говорю, говоришь, говорит*. При этом существует параллелизм между указанными содергательными и сочетательными характеристиками глагольных форм. Местоименное существительное *я* сочетается только с формами глаголов, указывающими на субъект сообщения; местоименное существительное *ты* — только с формами глаголов, указывающими на адресата сообщения; местоименные существительные *он, она, оно*, а также все неместоименные существительные — только с формами глаголов, указывающими на объект сообщения. Разумеется, субъект, адресат и объект сообщения могут выступать не только в качестве единственного лица или предмета, но и во множестве. Указанные свойства характеризуют всякую глагольную форму изъявительного наклонения непрошедшего времени.

Несколько иначе противопоставлены по признаку «лицо» глаголы в форме повелительного наклонения. Субъектом действия может быть и тот, кому адресовано сообщение: *реши, принеси, делай, читайте*, и тот, кто не участвует в разговоре, не является ни субъектом, ни адресатом сообщения: *пусть решит, пусть приносят*,

*путь делает, путь читает.* Субъект сообщения может быть субъектом действия, выраженного формой повелительного наклонения глагола, только в том случае, если он мыслит себя в качестве адресата собственных сообщений, своего собственного собеседника. Более реально обращаться к группе лиц, включая самого себя в эту группу. Тогда возникает третье значение признака — «отношение действия к участникам коммуникации». В качестве субъекта действия выступает субъект сообщения, неотделимый от адресата (или адресатов) сообщения: *давай решим, давайте читать, давай делать*. У глаголов совершенного вида это значение может быть выражено и без *давай*: *решим, решимте, скажем, скажемте* — это так называемая форма совместного действия.

Нетрудно видеть, что формы 3-го и совместного лица повелительного наклонения глагола представляют собой аналитико-синтетические образования в силу того, что в выражении этих значений участвуют не только грамматические, но и лексические единицы (*давай, путь*). Это дает основания не считать подобные образования грамматическими формами (табл. 31).

Таблица 31

Лицо	Число	Наклонение			
		изъявительное (не-прошедшее время)		повелительное	
		совершенный вид	несовершенный вид	совершенный вид	несовершенный вид
1-е	Ед. Мн.	<i>прочитаю прочитаем</i>	<i>читаю читаем</i>		
Совместная форма	Ед. Мн.			<i>(давай) про- читаем (давайте) прочитаем</i>	<i>(давай) да- вайте читать давайте чи- тать</i>
2-е	Ед. Мн.	<i>прочитаешь прочитаете</i>	<i>читаешь читаете</i>	<i>прочитай прочитайте</i>	<i>читай читайте</i>
3-е	Ед. Мн.	<i>прочитает</i> <i>прочитают</i>	<i>читает</i> <i>читают</i>	<i>пусть прочи- тает пусть прочи- тают</i>	<i>пусть читает</i> <i>пусть читают</i>

## § 78. БЕЗЛИЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ

В русском языке существует группа глаголов, которые не имеют противопоставления по лицу: *знобит, хватит, думается* и т. п. Это так называемые безличные глаголы (у них не существует форм «*зноблю*», «*знобишь*», «*знобите*», «*знобят*» и др.).

Безличные глаголы могут быть представлены в виде нескольких семантических групп: 1) состояние природы: *светает, холодает, смеркается*; 2) физическое или нравственное состояние человека: *знобит, тошнит, думается, дышится, хочется*; 3) оценка меры или необходимости какого-либо действия, источник которого остается неясным: *хватит, следует, придётся*. Разумеется, данная семантическая характеристика является довольно грубой; и на практике, зная лишь значение глагола, невозможно определить, является ли он безличным. Так, физическое или нравственное состояние человека могут обозначать и личные глаголы: *болеть, грустить, страдать* и др.

Безличные глаголы, таким образом, выделяются на основе и семантических и формальных особенностей. Поэтому их следует отделять от глаголов состояния с полным набором личных форм и от глаголов, лишенных форм некоторых лиц. Нет, например, форм со значением единственного числа субъекта сообщения у глаголов *победить, очутиться* и некоторых других, однако эти глаголы не относятся к числу безличных.

## § 79. ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ЛИЦА

Итак, все глаголы, за исключением безличных, обладают в формах изъявительного наклонения непрошедшего времени и повелительного наклонения категорией лица. При этом формы со значением субъекта сообщения называют 1-м лицом, формы со значением адресата сообщения — 2-м лицом, а формы со значением объекта сообщения — 3-м лицом. Содержательные характеристики форм лица претерпевают изменения под влиянием контекста. Суть этих изменений сводится к следующему. Формы 1—2-го лица могут получать расширительное, обобщенное значение, приписывающее действие вообще любому лицу: *Моя хата с краю — ничего не знаю* (посл.); *Любишь кататься — люби и саночки возить* (посл.); *Что имеем не храним — потерявши пла-*

*чем* (посл.). Форма 1-го лица множественного числа может иногда иметь значение действия, отнесенного к адресату сообщения: *Ну, как мы себя чувствуем?* Форма 3-го лица единственного числа при отсутствии подлежащего может получить значение, характерное для безличных глаголов (*дует, метет* и т. п.). Форма 3-го лица множественного числа при отсутствии подлежащего имеет неопределенно-личное значение, соотнося действие с источниками, о качестве и количестве которых нет определенных сведений: *Его зовут уже просто Ионичем; Билеты продают здесь.* Впрочем, форма 3-го лица множественного числа может выражать такое же обобщенное значение, как и формы 1—2-го лица: *Цыплят по осени считают* (посл.) (ср. с бессубъектными страдательными конструкциями). Существуют контексты, где формы 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа явно указывают на субъекта сообщения: *Вечно с тобой опаздываешь* (*опаздываю*); *Тебе говорят* (*говорю*) или нет? Таким образом, с учетом значений, выявляемых в контексте, система форм лица приобретает несколько иной характер в сравнении с системой, построенной на основе рассмотрения взятых изолированно глагольных личных форм. К сожалению, трудно определить те свойства контекста и ситуации, которые вызывают изменение значений форм лица. Очевидно лишь воздействие на эти изменения синтаксических характеристик предложений.

## § 80. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Любая глагольная лексема в изъявительном, сослагательном и повелительном наклонении, а также в форме причастия охарактеризована по ч и с л у. В то же время наличие формы с одним значением числа предполагает наличие формы с другим значением числа. Исключение составляют безличные глаголы, не обладающие формами множественного числа.

Всякая форма глагола изъявительного или сослагательного наклонения, взятая изолированно, характеризует количество лиц или предметов, к которым относится действие. Эта количественная характеристика, как и в области имен, противопоставляет один предмет количеству предметов, большему, чем один: *еду — едут, читала — читали*. Однако, сочетаясь с формами именительного падежа существительных, указанные глаголь-

ные формы могут несколько трансформировать свое значение. Характер этой трансформации полностью тождествен характеру трансформации значений числа у прилагательных. Например: *подъехали большие сани* — грамматически множественное число, однако реальная единичность ~ неединичность остается неясной; *висели мужские пальто* — реальная неединичность объекта выражается формой прилагательного и глагольной формой.

Значение и оформление грамматической категории числа у причастий и прилагательных полностью совпадает. У глаголов в форме непрошедшего времени изъявительного наклонения, с одной стороны, и у глаголов в форме прошедшего времени изъявительного наклонения и в форме сослагательного наклонения — с другой, способы выражения числовых противопоставлений различны. В первом случае значения форм числа выражаются синтетически — теми же окончаниями, которые выражают значения времени и лица; во втором случае значение единичности передается окончанием, имеющим и значение категории рода, т. е. так, как и у кратких форм прилагательных.

Несколько иначе выглядит категория числа у глагольных форм повелительного наклонения. Противопоставление единственного и множественного числа выражает противопоставление одного и нескольких субъектов действия только в 3-м лице. Во 2-м лице и в форме совместного действия с учетом контекста имеет место привативная оппозиция. Если отвлечься от вежливой формы *Вы*, то оказывается, что формы множественного числа соответствующих глаголов всегда указывают на множество субъектов действия, а формы единственного числа могут указывать и на множество субъектов, и на единственного субъекта: *Ломай дверь, ребята* (Ч.); *Я затяну, а вы — не отставай* (Кр.).

### § 81. КАТЕГОРИЯ РОДА

Охарактеризованы по роду формы прошедшего времени изъявительного наклонения, формы сослагательного наклонения глаголов и формы причастий. У безличных глаголов существует лишь одно значение категории рода — средний род: *знобило, светало, следовало бы* и т. п.

Взятые изолированно, формы с тем или другим значением признака «род» имеют не номинативное, а син-

таксическое значение. Номинативное значение возникает у глагольных форм, когда они соединяются с существительными «общего» рода. В этом случае, как и во всех остальных, семантическая структура категории рода у соответствующих глагольных форм и у форм прилагательных тождественны.

## § 82. КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА И ПОЛНОТЫ ~ КРАТКОСТИ У ПРИЧАСТИЙ

Причастия обладают грамматическими категориями падежа и полноты ~ краткости. Эти категории имеют у причастий точно такое же содержание, как и у прилагательных. Особого замечания заслуживает вопрос о существовании кратких причастных форм. Такие формы имеются лишь у страдательных причастий прошедшего времени. У действительных причастий прошедшего времени не существует кратких форм, у действительных причастий настоящего времени краткие формы употребляются крайне редко и не являются нормативными. Этой упорядоченностью причастия существенно противопоставлены прилагательным, у которых взаимозависимость между полными и краткими формами не определяется столь четкими правилами.

Страдательные причастия настоящего и прошедшего времени в краткой форме выражают категорию времени и окончанием: *любим*, *построен*, и с помощью личных форм глагола *быть*: *Почтенный замок был построен, как замки строиться должны* (П.); *Здесь будет город заложён...* (П.). Наличие аналитических средств выражения времени действия обусловлено тем, что временная семантика в краткой форме страдательного причастия подчас оказывается несколько «стертой» и нуждается в актуализации.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 191—197, 200—206, 209—211.  
Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 43—237.  
Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 373—393, 439—491.  
Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 618—636.

---

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 157—176.

## Глава 9

### ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

#### § 83. ОТЛИЧИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЫ ОТ ИМЕННОЙ

Напомним, что в процессе именного словоизменения основа, как правило, не претерпевала изменения конечного согласного. Совсем не то в глаголе. Основа глагола в процессе словоизменения претерпевает постоянные и серьезные изменения в своей фонетической структуре. Для имени фонетические преобразования в процессе словоизменения — исключение, для глагола такие фонетические преобразования — правило. Эта широкая фонетическая вариативность глагольных форм объясняется особенностью морфологической структуры русского глагола.

Основы изменяемых имен всегда оканчиваются на согласный. Почти все именные окончания начинаются на гласный. Исключение составляют лишь окончание творительного падежа единственного числа женского рода (*солью, дочерью*) и окончание того же падежа и склонения множественного числа *-ми* (*дверьми, лошадьми, детьми*). Эти особенности не всегда отражены графически (ср., например, графическое *сараи* и фонематическое  $\left\langle \text{с} \frac{\text{а}}{\text{о}} \text{ра} \text{ жи} \right\rangle$ ).

Глагольные же основы могут оканчиваться и на гласный и на согласный: *писать, но нести*; глагольные окончания могут начинаться и с гласного и с согласного: *пиши-у, говори-шишь; говори-л, писавший*. Однако, несмотря на различия в звуковом облике именных и глагольных основ, именные и глагольные словоформы равно подчиняются общим закономерностям морфологического строения словоформ в русском языке. Эти закономерности, в частности, не допускают сочетания двух гласных на стыке основы и окончания. Именно поэтому в глаголе мы сталкиваемся с качественными преобразованиями «конца» основы.

#### § 84. ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОКОНЧАНИЙ

Поскольку существует многообразие «начал» глагольных окончаний и многообразие «концов» глагольных основ, поскольку в том случае когда глагольная

основа оканчивается согласным, она может присоединить к себе окончание, начинающееся и гласным и согласным. Если же глагольная основа оканчивается гласным, то она может присоединить к себе окончание, начинающееся с согласного<sup>1</sup>.

К числу глагольных окончаний, начинающихся с гласного (типа *-a*), относятся: окончания настоящего будущего времени; окончание повелительного наклонения (*-и* либо *о*, приравниваемый в данной ситуации к гласным); окончание деепричастия несовершенного вида; окончания причастия настоящего времени действительного залога и причастия настоящего времени страдательного залога. Ясно, что, присоединяя эти окончания, глагольные основы на гласный должны видоизменяться. Эти изменения могут быть двух типов.

Возьмем, например, словарную форму глагола *читать*. «Отбросив» показатель инфинитива, получаем основу *чита-*, оканчивающуюся на гласный. Очевидно, эта основа не может присоединить ни одно из перечисленных окончаний, начинающихся с гласного. Для того чтобы такое соединение стало в принципе возможным, основа изменяется таким образом, чтобы в качестве ее последнего звука выступал согласный: *чита- + j = читаj*. В результате присоединения *j* глагольная основа приобрела вид, допускающий ее соединение с окончаниями, начинающимися с гласного.

Словарная форма глагола *толкнуть* тоже имеет основу на гласный. Следовательно, эта основа обладает теми же недостатками, что и основа *чита-*. Однако превращение основы *толкну-* в основу на согласный идет другим путем. К основе не добавляется *j* или какой-либо другой согласный (как в *чита-*), наоборот, от основы «отсекается» конечный гласный, и в результате этого ее конечным элементом становится согласный: *толкну- -у = толкн-*. Именно к такой основе присоединяются окончания, начинающиеся с гласного.

Глагольная основа, выступающая перед окончанием, начинающимся с согласного (инфinitив, прошедшее время, сослагательное наклонение, причастия действительного и страдательного залога прошедшего времени), может оканчиваться и на согласный и на гласный: *нести, лезть; читать, толкнуть*.

<sup>1</sup> См.: Янко-Триницкая Н. А. Основа и флексия в русском глаголе // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

## § 85. ДВЕ ОСНОВЫ В ГЛАГОЛЕ. ПОНЯТИЕ КЛАССА ГЛАГОЛА

Из всех указанных обстоятельств проистекает важное следствие, состоящее в том, что, зная основу, находящуюся перед окончанием типа *-a*, нельзя быть уверенным, что знаешь основу того же глагола перед окончанием типа *-t*; и наоборот, знание основы перед окончанием типа *-t* не означает знания основы перед окончанием типа *-a*. Основу перед окончанием типа *-a* принято называть основой настоящего времени, а основу перед окончанием типа *-t* — основой инфинитива или основой прошедшего времени. Разумеется, названия эти обусловлены тем, что обычным представителем *a*-окончания являются окончания настоящего времени, а обычными представителями *t*-окончания — окончания прошедшего времени и инфинитива.

Различие в основах настоящего времени и инфинитива потребовало введения в русскую (и шире — славянскую) грамматику понятия класс глагола. Под классом глагола принято понимать определенный тип соответствия между двумя основами. Если говорят, что некий глагол принадлежит к классу *x*, то это означает, что известно, как оканчивается основа инфинитива и основа настоящего времени. Если дана любая из двух основ глагола и указан его класс, тем самым сообщена и другая основа. Если же дана любая из двух основ, а класс глагола не указан, то вторая основа остается практически неизвестной.

Если основа инфинитива оканчивается на гласный, тогда в основе настоящего времени может быть либо усечение этого гласного, либо наращение какого-то согласного. Если основа инфинитива оканчивается на согласный, то основа настоящего времени, видимо, «устроена» так же. Однако совсем не обязательно, чтобы конечные согласные основ инфинитива и настоящего времени совпадали: *вести* — *веду*, *мести* — *мету*. Особо сложным случаем является тот, когда инфинитив оканчивается на *-чъ*: *мочь* — *могу*, *печь* — *пеку*. Если даже известна основа настоящего времени, которая может оканчиваться только на согласный, то основа инфинитива абсолютно неясна. Ведь она может представлять собой и усеченную основу настоящего времени: *жив-у* и *жи-ть*, и ту же основу с наращением: *люб-ит* и *люби-ть*. Таким образом, можно сделать вывод, что основа инфинитива более информативна, чем

основа настоящего времени, которая никак не прогнозирует инфинитивную основу. Основа инфинитива на согласный, кроме случаев типа *мести*, *печь*, однозначно определяет основу настоящего времени: *нести* — *несу*, *везти* — *везу*. Основа инфинитива на гласный оставляет вопрос об основе настоящего времени неясным.

Строго говоря, существуют и такие глагольные лексемы, у которых выделяются более чем две разные основы — настоящего времени и инфинитива. Например, глаголы *исчезнуть*, *меркнуть*, *сохнуть* в прошедшем времени могут иметь основу, отличную от основы инфинитива: *исчез*, *исчезла*; *мерк*, *меркла*; *сох*, *сохла*. Часто встречающимися являются различия между основой настоящего времени в 1-м лице и других лицах: *кошу* — *косят*, *люблю* — *любыят*, *вожу* — *возят*, *кручу* — *крутят*, *берегу* — *бережёт*.

## § 86. КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

Согласно классификации А. А. Зализняка<sup>1</sup>, русские глаголы за малым исключением (напомним, что и здесь имеется в виду письменная форма языка) можно подразделить на 16 основных классов (табл. 32).

Таблица 32

Классы глаголов	Окончание		Примеры
	инфнитива	1-го и 3-го лица настоящего времени (несов. вида) или будущего времени (сов. вида)	
I	-ать -ять -еть	-аю, -ает -яю, -яет -ею, -еет	<i>делать</i> — <i>делаю</i> , <i>делает</i> <i>терять</i> — <i>теряю</i> , <i>теряет</i> <i>жалеть</i> — <i>жалею</i> , <i>жалеет</i>
II	-овать -евать	-ую, -ует -ую, -ует -юю, -юёт	<i>рисовать</i> — <i>рисую</i> , <i>рисует</i> <i>тушевать</i> — <i>тушую</i> , <i>тушует</i> <i>клевать</i> — <i>клюю</i> , <i>клюёт</i>
III	-нуть	-ну, -нёт	<i>гнуть</i> — <i>гну</i> , <i>гнёт</i>
IV	-ить	-у/-ю, -ит	<i>строить</i> — <i>строю</i> , <i>строит</i> <i>множить</i> — <i>множу</i> , <i>множит</i>

<sup>1</sup> См.: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. С. 78—70, 91—135.

Клас- сы глаго- лов	Окончание		Примеры
	инфinitива	1-го и 3-го лица настоя- щего вре- мени (несов. вид) или будуще- го времени (сов. вид)	
V	-ать -ять -еть	-у/-ю, -ит	слышать — слышу, слышит выстоять — выстою, выстоит видеть — вижу, видит
VI	-ать	-у/-ю, -ет	скакать — скажу, скакет сеять — сею, сеет
VII	-эти/-эть -сти/-сть	-зу, -зёт -су, -сёт, -ду, -дёт -ту, -тёт -сту, -стёт -бу, -бёт	грызть — грызу, грызёт насти — насу, насёт вести — веду, ведёт мести — мету, метёт расти — расту, растёт грести — гребу, гребёт
VIII	-чь	-гу, -жёт -ку, -чёт	беречь — берегу, бережёт течь — теку, течёт
IX	-ереть	-ру, -рёт	тереть — тру, трёт
X	-олоть -ороть	-олю, -олет -орю, -орет	колоть — колю, колет пороть — порю, порет
XI	-ить	-ью, -ьёт	шить — шью, шьёт
XII	-ыть -уть -ить	-ю, -оет -ую, -ует -ию, -иёт	ныть — ною, ноет дуть — дую, дует гнить — гнию, гниёт
XIII	-овать	-аю, -аёт	продавать — продаю, продает
XIV	-ать/-ять	-ну, -нёт -му, -мёт -иму, -имет	жать — жну, жнёт жать — жму, жмёт отнять — отниму, отнимет
XV	-ть	-ну, -нет	одеть — одену, оденет
XVI	-ть	-ву, -вёт	живь — живу, живёт

Существенно обратить внимание на то обстоятельство, что во всех 16 классах (в «Словаре» они называются типами спряжения) реализован описанный выше

принцип — необходимость завершить основу настоящего времени согласным. В III — VI, IX и X классах это осуществляется за счет «отбрасывания» конечного гласного основы инфинитива, в I, II, VIII, XI — XIV классах — за счет прибавления к основе согласных *j*, задне-нёбных, носовых или *v*. При этом в основе настоящего времени также может происходить замена конечного согласного основы инфинитива (IV — VI классы) или неконечных гласных (XI, XII, XIV классы).

Глаголы, имеющие в 3-м лице единственного числа настоящего-будущего времени окончание *-et*, принадлежат к I спряжению; глаголы, имеющие в той же форме окончание *-it*, — ко II спряжению. В процессе преподавания русского языка основное внимание обращается на разграничение глаголов I и II спряжений с безударными окончаниями: правильное определение типа спряжения глагола необходимо для обучения правописанию глагольных форм. Однако для тех, кто изучает русский язык как неродной, недостаточно деления на два типа спряжения, так как учащийся, зная инфинитив, совсем не обязательно знает, как выглядит форма настоящего времени. Иными словами, неизвестно не только правило написания безударного окончания, но самий характер преобразования основы инфинитива («отбрасывание» конечного гласного либо наращение конечного согласного и какого именно; отсутствие или наличие чередования и какого именно). Поэтому знакомство с классами глаголов совершенно необходимо при изучении русского языка как неродного.

### § 87. ОСНОВНЫЕ СХЕМЫ УДАРЕНИЯ

А. А. Зализняк показал, что в качестве основных схем ударения в глаголе выступают три для форм настоящего времени и образованных от основы настоящего времени форм повелительного наклонения и три — для форм прошедшего времени, т. е. для форм, основа которых обычно совпадает с основой инфинитива. В этих схемах ударение обозначается не с точностью до места в словоформе, а характеризуется как падающее либо на основу, либо на окончание. При этом считается, что ударение инфинитива известно. Если сказано, что ударение падает на основу, то это значит, что оно падает на тот же слог, что и в инфинитиве. Если число слогов в рассматриваемой словоформе меньше, чем в инфини-

тиве, то ударение падает на последний слог основы: *рисовáть*, *рисовáл*, но *рисóю*, *рисóй*, *рисóёт*; *получíть*, *получíл*, но *получíт*, *получíм*, хотя и *получí*, *получí*.

Если по схеме ударение должно падать на окончание, а оно является нулевым или не содержит гласного, ударение падает на последний слог основы: *стою*, *стóишь*, но *стóй*, *стóйте*. В двусложных ударных окончаниях ударение — на первом слоге: *стóйте*.

У форм настоящего времени ударение может быть:

- 1) постоянно на основе: *вéрю*, *вéришь*, *вéрим*, *вéрите*, *вéрят*, *верь*, *вérьте*;
- 2) постоянно на окончании: *берú*, *берéшь*, *берéт*, *берéм*, *берéте*, *берéут*, *берí*, *берíте*;
- 3) на окончании в формах 1-го лица единственного числа и повелительного наклонения, на основе — во всех остальных формах: *пишú*, *пишéшь*, *пишет*, *пишем*, *пишете*, *пишут*, *пишí*, *пишéте*.

У форм прошедшего времени выделяются те же три основные схемы: 1) постоянное ударение на основе: *дéлать*, *дéлал*, *дéлала*, *дéлало*, *дéлали*; 2) постоянное ударение на окончании: *нестí*, *нёс*, *неслá*, *неслó*, *неслí*; 3) ударение на окончании в форме женского рода, в остальных формах — на основе: *быть*, *был*, *былá*, *было*, *были*. Большинство русских глаголов в формах прошедшего времени имеют постоянное ударение на основе. Однако практически встречаются все типы комбинаций схем ударения словоформ настоящего времени и схем ударения словоформ прошедшего времени: *боюсь*, *бойшься*, *бóйтся*, *бóйся*, *бóйтесь* (в настоящем времени постоянное ударение на окончании) — *бóйлся*, *бóйлась*, *бóйлось*, *бóйлись* (в прошедшем времени постоянное ударение на основе); *берегú*, *бережёшь*, *берегí*, *берегíте* (в настоящем времени постоянное ударение на окончании) — *берёг*, *береглá*, *береглó*, *береглí* (в прошедшем времени постоянное ударение на окончании); *получí*, *получíши*, *получí* (в настоящем времени ударение подвижное) — *получíть*, *получíл*, *получíла*, *получíло*, *получíли* (в прошедшем времени постоянное ударение на основе).

## § 88. ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Допустим, что нам известен инфинитив глагола, его класс, а также то, какую схему ударения имеет этот глагол в формах настоящего и прошедшего времени. При этих условиях мы можем образовать любую форму, вхо-

дящую в парадигму данного глагола. (Не следует забывать, что число форм не во всех глагольных парадигмах одинаково. Как уже отмечалось, оно обычно зависит от видовой характеристики глагола, а также от возможности иметь залоговое противопоставление внутри парадигмы.) Знание класса глагола позволяет образовать от основы инфинитива основу настоящего времени. Знание схемы ударения позволяет определить место ударения в этой основе. Все иные глагольные формы образуются по следующим основным правилам от одной из двух указанных акцентуированных основ.

### Образование глагольных форм от основы настоящего времени

1. Настоящее время несовершенного вида (будущее время совершенного вида). Если основы форм 1-го и 3-го лица единственного числа совпадают: *несу — несёт, делаю — делают*, то эти основы выступают во всех лицах. Если они различаются, то в I спряжении основа 1-го лица единственного числа выступает еще и в 3-м лице множественного числа: *берегу — бережёт — бережёшь — берегут*. Во II спряжении все формы, кроме 1-го лица единственного числа, имеют ту же основу, что и в 3-м лице единственного числа: *люблю — любит — любишь — любят*.

Окончания определяются так (табл. 33):

Таблица 33

Лицо	I спряжение	II спряжение
Единственное число		
1-е	-у/-ю	-у/-ю
2-е	-ешь	-ишь
3-е	-ет	-ит
Множественное число		
1-е	-ем	-им
2-е	-ете	-ите
3-е	-ут/-ют	-ат/-ят

При постоянном ударении на окончании у глаголов I спряжения *e* заменяется на *ё*.

2. Повелительное наклонение. Форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения

образуется от той основы, которая выступает в форме 3-го лица множественного числа. Исключение составляют глаголы XIII класса, где форма повелительного наклонения образуется от основы инфинитива: *давать — давай*.

Если основа, взятая для образования форм повелительного наклонения, оканчивается на гласный, то выступает окончание *-й* (буква!). Исключение составляют глаголы IV класса с приставкой *вы-*, а также некоторые другие глаголы этого класса, имеющие окончание *-и*: *поить — пои, кроить — крои, выкроить — выкрои*.

Если же основа оканчивается на согласный, то в качестве окончания выступает либо *-и*, либо *-ь*. Окончание *-и* характерно: 1) когда ударение в формах настоящего времени падает на окончание либо постоянно, либо в форме 1-го лица единственного числа: *беру — берёшь — бери, пишу — пишешь — пиши*; 2) при постоянном ударении на основе у глаголов с *вы-*: *вынесу — вынесешь — вынеси* и у глаголов с основой на две согласные: *кончу — кончишь — кончи, прыгну — прыгнешь — прыгни*. Однако при этом иногда возможно и окончание *-ь*: *испорти — испортъ, очисти — очистъ*. В остальных случаях окончание *-ь*, если *ь* допускается предшествующим согласным основы: *брось, встань, сядь* (ср. *ляг*). У глаголов XI класса форма повелительного наклонения оканчивается на *-ей*: *пить — пьют — пей*.

Как уже отмечалось, формы совместного лица повелительного наклонения совпадают с формой 1-го лица множественного числа совершенного вида. Форма 2-го лица множественного числа и совместная форма множественного числа образуются путем прибавления к соответствующим формам единственного числа окончания *-те*. Форма 3-го лица повелительного наклонения образуется аналитически.

3. Действительное причастие настоящего времени образуется только от глаголов несовершенного вида путем замены *-т* в форме 3-го лица множественного числа на *-щий*: *несут — несущий, терпят — терпящий*. Склонение, как у прилагательных на *-щий*. Краткие формы практически отсутствуют.

4. Деепричастие настоящего времени образуется только от глаголов несовершенного вида I, II, IV, VII, X, XII, XIII и XVI классов путем при-

бавления к основе формы 3-го лица множественного числа окончания *-я* (после шипящих *-а*): *веду — ведя, берут — беря, дышат — дыша*. В XIII классе деепричастие образуется от основы инфинитива не по правилу: *давать — дают — давая*.

5. Страдательное причастие настоящего времени образуется не от всех глаголов, способных иметь противопоставление по залогу внутри парадигмы. В тех случаях, когда соответствующие причастия образуются, они могут иметь возвышенно-архаический стилистический оттенок: *гонимый, ведомый*.

Страдательное причастие настоящего времени образуется путем добавления к форме 1-го лица множественного числа окончания *-ый*. Если форма производящего глагола оканчивается на *-ём*, то *ё* заменяется на *о*: *ведём — ведомый, читаем — читаемый; ср.: храним — хранимый*.

## Образование глагольных форм от основы инфинитива

1. Личные формы прошедшего времени и сослагательного наклонения образуются, как правило, от основы инфинитива. Исключение составляют глаголы VII и VIII классов. Глаголы, принадлежащие к этим классам, используют для образования форм прошедшего времени основу 1-го лица единственного числа настоящего времени: *грести — гребу — грёб, печь — пеку — пёк*. При этом, однако, если основа оканчивается на *-т* или *-д*, то они утрачиваются: *мести — мету — мёл, вести — веду — вёл*. В IX классе основа инфинитива утрачивает конечный гласный: *тереть — тёр*. В ряде глаголов III класса может быть утрачено *-ну-*: *мокнуть — мокнул и мок, однако только махнуть — махнул*.

В мужском роде присоединяются окончания *-л* (после гласного) и *ө* (после согласного), в женском — *-ла*, в среднем — *-ло*, во множественном числе — *-ли*.

Формы сослагательного наклонения образуются путем прибавления к формам прошедшего времени частицы *бы*.

2. Действительное причастие прошедшего времени образуется от формы прошедшего времени мужского рода. Если эта форма оканчивается на *-л*, то *-л* заменяется на *-вший*: *читал — читавший, бросил — бросивший*; если эта форма оканчивается не

на -л, то добавляется -ший: *нёс* — *нёсший*, *мёрз* — *мёрзший*. Исключение из правила составляют глаголы VII класса с основой настоящего времени на -т или -д; в этом случае образующей является основа I-го лица единственного числа настоящего времени: *мести* — *мету* — *мёл* — *мётишь*, *вести* — *веду* — *вёл* — *ведший*. Напомним, что эти же глаголы нестандартно образуют и формы прошедшего времени.

3. Деепричастия прошедшего времени обычно образуются от глаголов совершенного вида путем замены у причастий прошедшего времени -ший(ся) на -ши: *прочитавший* — *прочитавши*, *снявший* — *снявши*.

У глаголов без суффикса -ся параллельно существуют две формы — на -вши и -в: *снявши* и *сняв*, *прочитавши* и *прочитав*; у глаголов с суффиксом -ся — только форма на -вшишь: *дождавшись*, *побоявшись*. Двумя способами могут образовываться деепричастия прошедшего времени глаголы IX класса — от формы прошедшего времени и от инфинитива: *растёр* — *растёрший* — *растёрши*; *растереть* — *растеревши* и *растерев*.

Есть в русском языке глаголы совершенного вида, которые образуют форму деепричастия от основы будущего времени с помощью окончания деепричастия настоящего времени: *принести* — *принёсший* — *принёсши* и *принесу* — *принеся*.

4. Страдательные причастия прошедшего времени образуются далеко не от всех глаголов. Чаще они образуются от глаголов совершенного вида, имеющих противопоставление по залогу внутри парадигмы. Образование этих причастий довольно сложно. От глаголов на -ать/-ять (кроме глаголов XIV класса) причастия образуются от основы инфинитива путем прибавления -нныи: *прочитать* — *прочитанный*, *посеять* — *посеянный*. От основы инфинитива образуются и причастия от глаголов III и X классов, однако здесь в качестве окончания выступает -тыи: *согнуть* — *согнутый*, *расколоть* — *расколотый*. Глаголы IX, XI, XII, XIV—XVI классов образуют форму соответствующего причастия от формы прошедшего времени мужского рода, где -л (если оно имеется) заменяется на -тыи: *разбил* — *разбитый*, *занял* — *занятый*; при отсутствии -л к этой форме добавляется -тыи: *растереть* — *растёр* — *растёртыи*. В других случаях страдательное при-

частие прошедшего времени образуется от основы настоящего времени<sup>1</sup>.

Данное причастие имеет краткие и полные формы. Краткие формы образуются по-разному от причастий на *-нnyй* (остается одно *н*) и от причастий на *-т* (согласный не утрачивается). Краткие и полные формы причастия изменяются по родам, числам и падежам также, как и соответствующие прилагательные.

### Образование аналитических глагольных форм

Аналитическими средствами образуются формы будущего времени глаголов несовершенного вида. В этом случае к инфинитиву присоединяются личные формы глагола *быть*: *буду читать, буду думать*.

Аналитическими средствами может быть выражено прошедшее и будущее время у страдательных причастий настоящего и прошедшего времени: *был построен, будет сдан, был любим*. При этом к краткой форме страдательного причастия присоединяется соответствующая личная временная форма глагола *быть*.

С помощью аналитических средств можно образовать и деепричастие настоящего времени страдательного залога: *будучи построен, будучи занятa*. В этом случае к краткой форме страдательного причастия присоединяется деепричастие настоящего времени от глагола *быть*.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945. С. 176—188.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 77—90.

---

<sup>1</sup> См.: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. С. 86.

## Глава 10

# НАРЕЧИЕ

### § 89. НАРЕЧИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НЕИЗМЕНЯЕМАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ

Наречие как часть речи составляют самостоятельные слова, лишенные форм словоизменения, а следовательно, и словоизменительных грамматических категорий. Однако такое определение является слишком широким, поскольку, как уже отмечалось, указанным характеристикам удовлетворяют, например, неизменяемые существительные и прилагательные.

Наречия можно выделить из числа других полнозначных неизменяемых слов лишь на основании семантического и синтаксического критериев. Строго говоря, наречие как часть речи можно было бы семантически и морфологически определять отрицательно, как такие неизменяемые самостоятельные слова, которые не обозначают ни предмет, ни признак предмета. Последнее, однако, не совсем точно, поскольку есть наречия, способные называть признак предмета: *яйцо всмятку, разговор по-английски*. Различие между словами типа *хаки* и *всмятку* состоит в том, что *хаки* (неизменяемое прилагательное) способно обозначать признак только предмета, а *всмятку* — признак и предмета (*яйцо всмятку*) и действия (*варить всмятку*). Кроме того, есть наречия, называющие признак признака предмета или признак признака действия: *очень красивое лицо, шли очень долго*. Наречия не могут определяться прилагательными.

Таким образом, наречия — это такие неизменяемые полнозначные слова, которые способны называть признак действия или признак признака.

Обладая морфологической общностью, наречия объединяют группы слов с весьма различными семантическими и синтаксическими свойствами. Различна и словообразовательная структура многих наречий. Строго говоря, все эти вопросы не являются предметом морфологии и рассматриваются ею лишь по традиции.

## § 90. СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ НАРЕЧИЙ

Из определения наречий следует, что их синтаксическая сочетаемость весьма разнообразна. С различием в синтаксической сочетаемости связано и различие в семантических разрядах.

Наречия со значением меры и степени (*много, очень, совсем, чуть-чуть*) в принципе могут относиться к глагольным формам, к имени прилагательному и наречию. Однако при наличии семантической общности каждое наречие из этой группы обладает собственными сочетательными свойствами; ср.: *много говорить — очень разговорчивый; едва видеть — едва видный*.

Наречия также могут иметь значение качественной характеристики действия: *громко кричать, чисто писать*; образа действия: *ехать верхом, смотреть исподлобья*; времени: *прийти вовремя, сказать завтра*; места: *смотреть кругом, оглянуться назад*; причины: *взять сослепу, сказать сгоряча*; цели: *сделать назло, написать нарочно, сказать умышленно*. Наречия данной семантики сочетаются обычно с глагольными формами, однако не полностью исключена и их сочетаемость с существительными; ср.: *взглянуть вперёд — взгляд вперёд*.

Нетрудно заметить, что не только наречия выражают перечисленные значения. Многие из этих значений могут быть, в частности, выражены падежными формами существительных. Поэтому весьма часто возникает необходимость определить, какая часть речи — существительное или наречие — выступает в конкретном предложении. Практически полезным является правило: если при проверяемом слове может быть определяющее его прилагательное — перед нами существительное; если появление прилагательного невозможно — перед нами наречие. Например: *шёл берегом, но шёл высоким, красивым левым берегом, следовательно, берегом* — падежная форма существительного; *волы ёжиком* — вставка прилагательного практически невозможна, следовательно, *ёжиком* — наречие.

Обсуждаемый вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, что связано с правилами слитного или раздельного написания наречий<sup>1</sup>. Как из-

<sup>1</sup> См., например: Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976. С. 242—246; Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Сложные слова. М., 1974.

вестно, вопрос о правописании наречий не имеет окончательного теоретически обоснованного решения. Это обусловлено, в частности, сложностью вопроса об отделении наречий от других частей речи.

Среди наречий, как и среди имен, есть местоименные слова: *там*, *потом*, *когда*, *так*, *зачем* и неместоименные: *медленно*, *громко*, *назло* и др.

### § 91. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ

Многие наречия имеют синтетические образования со значением большей степени качества: *смело — смелее (смелей)*, *внимательно — внимательнее (внимательней или внимательнейше)*. Первый вопрос, который возникает в связи с этими образованиями, — принадлежат ли они словоизменению или словообразованию.

Рассматриваемые образования отличаются от словарной формы наречий номинативным элементом значения. Это значение не является регулярным. Следовательно, степени сравнения наречий создают разные лексемы. Признание этого факта находится в полном согласии и с определением наречия как неизменяемого слова, т. е. слова, парадигма которого состоит из одной-единственной словоформы.

Признание степеней сравнения наречий самостоятельными лексемами (см. также рассуждения о степенях сравнения прилагательных) ставит новый вопрос о статусе этих лексем в системе частей речи. Как известно, сравнительная степень прилагательных и наречий совпадает по форме и разграничить эти образования можно лишь по синтаксическим признакам. Традиционная грамматика так и поступала. Если сравнительная степень характеризует действие, это — сравнительная степень наречия. Если сравнительная степень характеризует предмет, это — сравнительная степень прилагательного. Например: *Петя пишет красивее*, чем *Ваня* — наречие; *Петя красивее Вани* — прилагательное. Таким образом согласуются синтаксические свойства прилагательных и их степеней сравнения, с одной стороны, и основные, но не все синтаксические свойства наречий и их степеней сравнения — с другой. (Ведь некоторые наречия тоже могут характеризовать предмет.) Такое понимание проблемы имеет ряд следствий. Во-первых, необходимо признать степени сравнения прилагательных и наречий формообразующими единицами, во-вто-

рых, необходимо изменить грамматические признаки прилагательного как части речи (ср. набор морфологических признаков, например, у *добрый*, *добр* и *добрее*) и, в-третьих, необходимо рассматривать наречие как изменяемую часть речи.

Применительно к наречиям и прилагательным выполнить первое условие невозможно, поскольку тогда будет нарушено основное условие выделения грамматических значений. Следовательно, по отношению к наречиям и третье условие не может быть изменено. При этих обстоятельствах следует выделить сравнительную степень (или компаратив) в особую неизменяемую группу слов со своей семантикой и синтаксическими свойствами, состоящими в способности сочетаться с существительными и глаголами. Нетрудно видеть, что такими же морфологическими признаками и сочетательными возможностями характеризуются и некоторые наречия: *по-английски*, *всмятку*, *торчком*.

Таким образом, существуют основания для того, чтобы рассматривать сравнительную степень как прилагательных, так и наречий как особый разряд неизменяемых слов, специфичный по значению, совпадающий по своим сочетательным свойствам с некоторыми наречиями.

## Глава 11 КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

### § 92. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Неизменяемые слова, обозначающие не предмет и не признак предмета, выступают в русском языке в функции определителя глагола и в функции сказуемого. Например: *Он весело засмеялся.—Гостям стало весело* — в первом примере *весело*, определяя глагол, удовлетворяет всем свойствам наречия как части речи; во втором примере *весело* не удовлетворяет определению наречия, ибо выступает в функции сказуемого. Таким образом, перед нами стоит дилемма: либо признать *весело* во втором предложении не наречием, либо внести изменения в определение наречия. Представляется, что с морфологической точки зрения предпочтительнее расширить определение наречия, рассматривая

в качестве наречия все неизменяемые полнозначные слова, способные обозначать признак действия или признака. Тогда *весело* в обоих приведенных предложениях — наречие.

Если слова *весело*, *скучно*, *уютно*, *горько* и т. п. могут определять глагол, хотя чаще являются сказуемым, то слова типа *надо*, *нельзя*, *можно*, *жалко* выступают исключительно в функции сказуемого.

Таким образом, слова типа *весело*, несмотря на их полифункциональность, могут быть охарактеризованы как наречие, поскольку они могут употребляться в той синтаксической функции, которой характеризуются наречия. Слова же типа *надо* можно считать наречиями лишь в том случае, если дополнить определение наречия указанием на синтаксическую функцию сказуемого.

### § 93. СЛОВА РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП В СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СКАЗУЕМОГО

С именами выдающихся русских лингвистов А. А. Барсова, А. Х. Востокова, В. В. Виноградова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы связана традиция рассматривать слова типа *надо* как самостоятельную группу слов. При этом Пешковский не включал эти слова в состав частей речи вообще, а Щерба и Виноградов полагали, что эти слова составляют особую часть речи — категорию состояния.

Состав категории состояния, по мнению этих ученых, оказывается довольно широким. Это происходит, во-первых, из-за рассмотрения слов типа *скучно*, *весело*, *тоскливо*, употребляемых в функции сказуемого, как категории состояния. Таким образом, получается, что в слове типа *скучно* мы имеем три омонима, принадлежащих к разным частям речи: *Это занятие скучно* — краткое прилагательное; *Он рассказывал долго и скучно* — наречие; *Мне скучно* — категория состояния.

Во-вторых, категория состояния, по мнению Щербы и Виноградова, включает в себя такие употребляемые в функции сказуемого слова, как *грех*, *срам*, *пора*, *время*, *лень*. Таким образом, слово *грех* в предложении *Грех — не беда, молва нехороша* (Гр.) является существительным, а в предложении *Над старостью смеяться грех* (Гр.) — категорией состояния.

Стремление причислить любое слово, выступающее в синтаксической функции сказуемого, к категории со-

стояния отражается в еще более расширительном понимании категории состояния как особой части речи. Виноградов, например, относил к категории состояния такие слова, как *рад*, *горазд*, *должен*. В этом случае в категорию состояния попадали уже и изменяемые, морфологически охарактеризованные слова. Щерба включал в категорию состояния не только эти слова, но и такие языковые единицы, как *без чувств*, *в сюртуке*. Следовательно, категория состояния — это такие слова, которые, не будучи глаголами, выступают в функции сказуемого. При этом уже не обращается внимание на то, являются ли эти слова изменяемыми, выполняют ли они только функцию сказуемого.

Представляется, что такую трактовку категории состояния как особой части речи трудно принять. Дело в том, что принцип «синтаксическая функция» является ведущим лишь при классификации лексем, не имеющих форм словоизменения. Определение принадлежности лексем с формами словоизменения к той или иной части речи осуществляется прежде всего на основе грамматических признаков.

Как уже отмечалось, в принципе можно построить классификацию словоформ на основе их синтаксических функций. Тогда, в частности, краткие формы прилагательных будут оторваны от полных, формы косвенных падежей существительных — от формы именительного падежа и т. д. Кроме того, словоформы, способные выполнять различные синтаксические функции, окажутся в разных группах. Так, инфинитив в функции сказуемого [*И царица хотать...* (П.)] будет противостоять инфинитиву в функции подлежащего (*Курить воспрещается*), прилагательное в функции определения [*Отец её был добрый малый* (П.)] — прилагательному в функции сказуемого (*Он — добрый*).

Именно к таким результатам приводит сугубо синтаксическая классификация, связанная с расширительным толкованием категории состояния как части речи. Однако эта классификация, во-первых, находится в противоречии с принципами, на основе которых выделяются другие части речи. Во-вторых, отнесение одной и той же словоформы в разных синтаксических функциях к разным частям речи противоречит не только грамматической, но и лексикографической практике (речь, разумеется, не идет об омонимах, принадлежащих к разным частям речи).

## § 94. ОБЪЕМ ГРУППЫ СЛОВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Представляется, что принцип «синтаксическая функция» должен быть использован только при классификации неизменяемых слов. Поэтому к категории состояния могут быть отнесены лишь неизменяемые слова. Все изменяемые слова — существительные, прилагательные, — даже употребленные в функции сказуемого, остаются соответственно существительными и прилагательными. Например, *рад*, *должен* и т. п. всегда прилагательные. Такое решение находится в полном согласии с тем, что слова в разных своих значениях принадлежат к одной и той же части речи. Не вызывает сомнения, что *овца* — существительное и в предложении *Овца даёт шерсть*, и в предложении *Молодец против овец, а против молодца и сам — овца* (посл.), несмотря на то что словоформа *овца* употреблена в разных синтаксических функциях и в разных значениях. Едва ли можно утверждать, что слово *объедение*, основная функция которого быть сказуемым (*Пирожки — — объедение*), перестает быть от этого существительным.

Сложнее обстоит дело со словами *пора*, *лень*, *грех*, *срам*. Употребляясь в функции сказуемого, они меняют свою родовую характеристику, соглашаясь с формами глагола прошедшего времени среднего рода. Ср.: *Ужасная пора (лень)*; *Ужасный грех (срам)* и *Пора (лень, грех, срам) было так поступать*. Это обстоятельство — аргумент в пользу признания слов *пора*, *лень*, *грех*, *срам*, употребляемых в функции сказуемого, словами категории состояния.

Среди полнозначных неизменяемых слов можно выделить: 1) слова, способные выполнять функцию определителя признака или действия: *очень*, *быстро*, *неожиданно*; 2) слова, способные выполнять указанную функцию и функцию сказуемого: *светло*, *грустно*, *весело*; 3) слова, способные выполнять функцию сказуемого: *нужно*, *можно*, *жалко*. К категории состояния следует относить только слова третьей группы. Составляя вторую группу, важно всякий раз оценивать, в какой именно синтаксической функции выступает слово. Однако из различия в этой функции не следует делать прямолинейный вывод о различиях в принадлежности к части речи. Следует иметь в виду, что многие слова второй

группы выступают преимущественно в функции сказуемого.

Итак, категорию состояния как часть речи составляют неизменяемые полнозначные слова, единственная синтаксическая функция которых — функция сказуемого.

Исходя из данного определения категории состояния, следует вспомнить определение наречий, где говорится, что наречия способны выражать признак признака. Указание на «способность» особенно важно: именно такая потенциальная «способность» является необходимым и достаточным условием отношения слова к наречиям.

При этом в каждом конкретном случае неизменяемое полнозначное слово может иметь и другую синтаксическую функцию. Некоторые слова, принадлежащие к категории состояния, образуют степени сравнения: *нужнее, необходимее*; другие — степеней сравнения не имеют: *жаль, надо, тошно*. Даже внутри категории состояния номинативный элемент значения, связанный со степенью сравнения, не является регулярным. Следовательно, степень сравнения категории состояния формирует новые лексемы, которые принадлежат категории состояния как ее семантический разряд.

## Глава 12 МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Среди неизменяемых самостоятельных слов есть такие, которые вообще не бывают каким-либо членом предложения, но способны образовать слова-предложения: *вероятно, конечно, видимо* и т. п. Таким образом, эти слова нельзя рассматривать ни как существительные, ни как прилагательные, ни как наречия или категорию состояния.

В русской грамматической традиции существует два подхода к определению принадлежности этих слов к частям речи. Первый связан с именами Л. В. Щербы и В. Н. Сидорова. Эти ученые отстаивали тезис о том, что вообще не все слова могут быть отнесены к той или другой части речи: *да, нет, здравствуйте, пожалуйста*. К словам вне частей речи они относили и неизменяемые самостоятельные слова, не способные быть каким-либо членом предложения.

Второй подход к вопросу о статусе этих слов связан с работами В. В. Виноградова. Виноградов усматривал в них общность синтаксической функции. Кроме того, он считал, что, помимо этой синтаксической общности, самостоятельности и неизменяемости, данные слова

обладают и общностью номинативной. Номинативная общность, по мысли Виноградова, состоит в том, что с помощью этих слов выражается отношение говорящего к действительности, а также к форме и содержанию высказывания об этой действительности<sup>1</sup>. Таким образом, в составе модальных слов оказывались не только слова типа *вероятно*, но и такие слова, как *во-первых, итак, следовательно*.

В. В. Виноградов различает несколько разрядов модальных слов по их значению и употреблению. Основные из этих разрядов: 1) слова, указывающие на чужие мысли, слова, стиль или их оценку: *буквально, так сказать*; 2) слова, указывающие на эмоциональную оценку действительности: *спасибо, полно, пожалуй*; 3) слова, указывающие на достоверность высказывания: *несомненно, безусловно, очевидно, видимо, в самом деле, подлинно*; 4) слова, указывающие на последовательность или характер связи мыслей или событий: *кроме того, в частности, в конце концов, во-первых, кстати*. При этом, однако, Виноградов не выделял модальные слова как особую часть речи.

Исходя из приведенных определений наречия и категории состояния, представляется логичным рассматривать в качестве особой части речи *неизменяемые знаменательные слова — модальные слова, не способные быть каким-либо членом предложения*. При этом особенно важно отличать модальные слова как часть речи от других частей речи, употребленных в качестве вводных слов. Например, нельзя не согласиться с такой мыслью: «...как вводные могут использоваться и словосочетания (*по мнению Ивана Ивановича, к нашему великому сожалению*) и предложения (*думаю, я думаю, как предполагают*)... Очевидно в предложениях *К сожалению примешивалось чувство облегчения и К сожалению, поездка не состоится* мы имеем предложно-падежную форму существительного как дополнение и как вводное слово, но перехода из одной части речи в другую не происходит. То же самое наблюдается и в предложениях *Он пришёл кстати и Кстати, я получил вчера письмо*<sup>2</sup>.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 134—149.

Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 282—330.  
Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 703—736.

<sup>1</sup> См.: Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

<sup>2</sup> Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. С. 188.

*Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976.  
С. 167—189.

*Поспелов Н. С.* В защиту категории состояния // Вопр. языкоznания. 1955. № 2.

*Шапиро А. Б.* Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопр. языкоznания. 1955. № 2.

## Глава 13

### СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Служебные части речи противопоставляются самостоятельным знаменательным (по иной терминологии — полнозначным) на основании принципа «функция в предложении». Те слова, которые являются членами предложения и ~ или могут быть употреблены самостоятельно в качестве слова-предложения, формируют самостоятельные части речи. Слова, лишенные обеих таких возможностей, принадлежат к служебным частям речи.

Так, полнозначные слова *зима, молчу, хорошо* могут быть членами предложения и могут образовать предложения. Модальные слова типа *безусловно, во-вторых, пожалуй* могут образовать предложения, однако не могут быть членами предложения. Относимые обычно к модальным словам языковые единицы типа *мол, дескать* не могут быть членами предложения и не могут образовать предложения. Строго говоря, их следовало бы считать служебными словами. По мнению Ф. Ф. Фортунатова и Л. В. Щербы, граница между служебными и полнозначными словами весьма неопределенна.

Служебные части речи делят на две группы по принципу «наличие или отсутствие функции выразителя связи между членами предложения или предложениями». Одни служебные слова связывают части предложения: *под, к, с, а, так как*. Другие служебные слова непосредственно связующих функций не выполняют: *бы, вот*.

Выполнение служебными словами связующей функции никак не означает отсутствия у них какого-либо номинативного значения. Указывая на наличие связи, служебные части речи одновременно определяют, каковы именно содерательные отношения между связываемыми единицами. Например, в словосочетаниях *шёл в метро, шёл от метро, шёл к метро* служебные слова не только указывают на то, что словоформы *шёл* и *метро* связаны между собой, но и несут в каждом случае оп-

ределенную конкретную информацию о направлении действия относительно предмета. Ср. также: *видеть и знать — видеть, чтобы знать; не работал, но устал — не работал, потому что устал*.

Служебные части речи несколько напоминают окончания, поскольку многие окончания также одновременно и связывают слова в предложении, и отражают определенный аспект действительности.

Все служебные части речи являются неизменными, у них отсутствуют какие-либо морфологические характеристики. Поэтому классификация внутри служебных частей речи может быть проведена только на основании принципов семантических и синтаксических. Подобная классификация, строго говоря, должна была бы принадлежать лексикологии и синтаксису, однако по традиции эти вопросы рассматриваются в морфологии.

## § 95. СОЮЗ КАК СЛУЖЕБНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ

Союз — это такая часть речи, в которую входят слова, используемые для связи словоформ в простом предложении и частей сложно-гo предложения либо только для связи частей сложного предложения. Например, союз *и* может связывать и словоформы в предложении: *Отец и сын*, и части сложного предложения: *Прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет* (П.), а союз *чтобы* (*чтоб*) может соединять только части предложения: *Он рыбачил тридцать лет и три года и не слыхивал, чтобы рыба говорила* (П.).

Вопрос о том, от какого слова и каким образом произведены те или другие союзы, принадлежит ведению словообразования. Однако в отличие от самостоятельных лексем здесь нельзя говорить о значимых частях слова. Дело в том, что союзы принято делить на непроизводные: *а, но, и, как* и производные: *чтобы, оттого, потому что, в то время как* и др. Производные союзы могут быть простые: *чтобы, оттого* и составные: *после того, как; вследствие того, что; для того, чтобы; несмотря на то, что; как только*. Составные союзы, на первый взгляд, выступают как словосочетания. Во всяком случае, они пишутся в несколько слов и представляют собой такую последовательность, части которой похожи на самостоятельные лексемы.

Однако данные языковые единицы не обладают релевантными признаками словосочетаний. «Части» рассматриваемых единиц имеют строго фиксированный порядок следования — вставить что-либо или невозможно: *потому что*, *в то время как*, или, наоборот, совершенно необходимо: *не только...но и*, *если...то, то...то*. Выделяются составные союзы, части которых совершен но различны: *не только...но и; если...то, и союзы*, части которых совпадают: *то...то, ни...ни* (их не следует путать с повторяющимися простыми союзами). Ср.: *А за окном то дождь, то снег* (Ош.); *И прац, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы* (П.) — в первом примере наличие первого *то* требует и второго *то*; во втором примере появление любого *и* теоретически совершенно независимо от наличия или отсутствия других *и*.

## § 96. КЛАССИФИКАЦИЯ СОЮЗОВ

Как следует из определения союзов, среди них выделяются слова, которые соединяют однородные члены предложения, части сложносочиненных предложений и самостоятельные предложения. Такие союзы называют **сочинительными**: *и, а, но, или* и др. Есть и такие слова, которые соединяют главную и придаточную части сложноподчиненного предложения. Такие союзы называют **подчинительными**: *после того как, ввиду того что, хотя* и др. Как исключение в простом предложении подчинительные союзы могут связывать словоформы, которые не являются однородными членами предложения. Таков, например, союз *как*, присоединяющий сравнительный оборот или употребляющийся в значении ‘в качестве’: *Как невесту, родину мы любим* (Л.-К.); *В городе он известен как хороший врач*. Другим исключением такого же типа является союз *чем* в составе оборота, включающего сравнительную степень: *Брат с та рше, чем сестра*.

Семантическая классификация союзов частично «перекрещивается» с их синтаксической классификацией. Сочинительные союзы по значению делят на соединительные, противительные, разделительные, градационные, пояснительные. Соединительные союзы выражают отношения перечисления: *Пришёл, и ослабел, и лёг под сводом шалаша на лыки* (П.); противительные — отношения различия, несоответствия: *Поклажа бы для них казалась и легка, да лебедь рвётся*

*в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду* (Кр.); разделительные — отношения взаимоисключения: *Или пан, или пропал* (пог.); градационные, называя явления, выделяют одно из них как более важное: *Он не только читает, но и хорошо говорит по-французски* [ср.: *Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал* (П.)]; пояснительные (а именно, как-то, или) указывают на различие в именовании того же самого явления.

Подчинительные союзы по значению делят на семантические, т. е. передающие определенные смысловые отношения, и асемантические, т. е. чисто синтаксические, указывающие лишь на «подчиненность» придаточной части сложноподчиненного предложения (*как, что, чтобы*). Семантические подчинительные союзы могут иметь значение времени: *когда, пока, едва, лишь, только, после того как* и др.; условия: *если, раз, ежели* и др.; причины: *потому что, так как, ибо* и др.; уступки: *хотя; несмотря на то, что* и др.; цели: *чтобы, затем чтобы* и др.; следствия: *так что* и сравнения: *как, словно, точно*.

## § 97. ПРЕДЛОГ КАК СЛУЖЕБНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ

Предлог, как и иные служебные части речи, не может быть членом предложения и не может сам образовать предложение. Так же как и союзы, предлоги служат для связи словоформ в предложении. Однако в отличие от союзов предлоги связывают только неоднородные члены предложения; они не могут связывать предложения или части сложного предложения. Более точно: предлог служит лишь для связи существительных с другими существительными, прилагательными и глаголами. При этом предлоги не просто связывают слова в словосочетании и предложении, но обозначают, какова именно эта связь.

Иными словами, предлог — это такая служебная часть речи, которая выражает различные «подчиненные» отношения существительного к другим словам в словосочетании и предложении. Предлоги, как и другие служебные части речи, принадлежат к неизменяемым словам. Следовательно, у них нет окончаний и вопрос о морфемной структуре предлогов должен был бы быть предметом

словообразования, однако и он по традиции рассматривается в морфологии.

По степени словообразовательной сложности выделяют предлоги н е п р о и з в о д н ы е : *в, до, за, на, от, по, при, с* и производные: *вокруг, благодаря, в течение, навстречу* и др. При этом следует помнить, что производные предлоги образованы лексико-сintаксическим способом словообразования.

По признаку «морфологическая сложность» среди производных предлогов следует выделить с л о ж н ы е предлоги: *путем, спустя и составные: в связи с, независимо от, судя по* и др. Несмотря на особенности правописания, составные предлоги представляют собой именно слова, т. е. последовательности с жестким порядком следования частей (см. о морфемной структуре союзов).

## § 98. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРЕДЛОГОВ

Предлоги в русском языке могут выражать пространственные отношения: *к, от, под, над, в, из* и др.; временные: *после, в течение* и др.; причинные: *из-за, по причине* и др., а также иные отношения между «подчиненным» предлогу существительным и «главным» полнозначным словом. Однако это не всегда так. Как и союзы, предлоги могут выступать в чисто синтаксической функции. Например, в словосочетаниях *смеяться над бедой, верить в успех, надеяться на лучшее, бороться с недостатками* предлоги лишены какой-либо семантической функции, их присутствие обусловлено исключительно синтаксическими свойствами глаголов.

Многие предлоги многозначны. Эта многозначность (как и других частей речи) устраняется благодаря контексту. Так, предлог в словосочетании *ехать в город* имеет пространственное значение, а в словосочетании *верить в успех* выполняет лишь синтаксическую функцию; предлог в словосочетании *шёл из дома* имеет пространственное значение, а в словосочетании *сделал из зависти* — причинное. Поэтому подчас невозможно определить значение предлога, взятого изолированно. В контексте же предлог взаимодействует со значимыми единицами лексического и словоизменительного уровней. И это взаимодействие служит в последнее время

предметом особого внимания лексикологов и синтаксистов.

Предлоги требуют, чтобы «подчиненное» им существительное было употреблено в определенной падежной форме. На этом основании предлоги делятся на такие, после которых непременно следует один падеж либо два или даже три падежа. Например, *без*, *от*, *около*, *из-за* требуют после себя только форму родительного падежа; *к*, *благодаря*, *согласно*, *вопреки* — форму дательного падежа; *про*, *сквозь*, *через* — форму винительного падежа; *над*, *перед* — форму творительного падежа; *при* — форму предложного падежа; *в* — формы винительного и предложного (точнее, местного) падежей (*ехать в лес* — *ехать в лесу*); *под* — формы винительного и творительного падежей (*лазить под стол* — *лазить под столом*). Характерно, что в рассмотренных примерах различие в падежах непременно связывается с различием в номинативном значении: место действия противопоставляется направлению действия. Однако это не всегда так. Например, предлог *между* сочетается с формами родительного и творительного падежей, однако падежные различия номинативного значения не выражают, находясь в отношениях свободного варьирования; ср.: *между двух стульев* — *между двумя стульями*.

## § 99. ЧАСТИЦЫ

Служебные части речи не исчерпываются предлогами и союзами. Из этого можно сделать вывод, что частицы — это такая служебная часть речи, которая не является ни союзом, ни предлогом. Однако такое определение, будучи теоретически верным, характеризует частицы (как служебную часть речи) негативно. Кроме того, такое определение не является «работающим», поскольку с выделением модальных слов, а также слов вне частей речи объем служебных слов может определяться по-разному. Поэтому более известно другое определение: **частицы** — это такие служебные слова, которые выражают смысловые и модально-экспрессивные оттенки предложений и слов и участвуют в образовании форм слова. Здесь не совсем понятно отделение «оттенка» от собственно значения, что и предопределяет некоторые практические трудности в использовании этого определения.

Как и другие служебные слова, частицы не имеют форм словоизменения. Традиционно в морфологии рассматривают вопросы о функциях и семантике частиц и об ограничении частиц и сочетаний частиц с полнозначными словами от слов, принадлежащих к иным частям речи.

Классификация частиц была разработана В. В. Виноградовым<sup>1</sup>. В настоящее время по признаку «функция» принято выделять частицы, участвующие в выражении грамматических значений наклонения совместно с другими элементами глагольной формы (речь идет о сослагательном и повелительном наклонениях глагола и соответственно о частичках *бы*, *да*, *давай*, *пусть*, *пускай*), и частицы, имеющие лексические значения.

Частицы, имеющие лексические значения, подразделяются на несколько семантических разрядов. Все исследователи включают сюда отрицательные частицы *не* и *ни*, но в семантической классификации других частиц единства взглядов не обнаруживается. Среди субъективно-модальных значений частиц выделяют усиливательные: *Даже он пришёл*; *Он же знал об этом*; выделительные: *Только он пришёл*; *Лишь он знал об этом*; вопросительные: *Неужели он пришёл?*; *Разве он знал об этом?*; восклицательные: *Ведь он пришёл!*; *Он куда как хорошо знал об этом!* Нетрудно видеть, что в классификации отсутствуют общие логические принципы. Поэтому неудивительно, что Виноградов выделяет и другие семантические группы частиц — указательные: *вот*, *вон*, *это*; определительно-уточняющие: *именно*, *точно*, *приблизительно*, *почти*; утвердительные: *действительно*, *конечно*, *точно*; выражающие передачу чужой мысли: *мол*, *дескать* и некоторые другие. В этой классификации нет четкой границы между модальными (полнозначными) словами и частицами, поскольку некоторые слова, упомянутые выше как частицы (служебные слова), могут образовать слова-предложения и, следовательно, могут рассматриваться как модальные слова.

В настоящее время частицы, как и другие служебные слова, являются предметом активного изучения в лексико-синтаксическом аспекте, в частности в связи с вопросом о модальном значении предложения. Особое внимание следует уделить разграничению частиц и сло-

<sup>1</sup> См.: Виноградов В. В. Русский язык. С. 544—554.

восочетаний с частицами, с одной стороны, и омонимичных языковых единиц, принадлежащих к другим частям речи,— с другой. Во-первых, нужно отграничивать морфемы от омонимичных служебных слов (речь идет о частичках *не* и *ни* и приставках *не-* и *ни-*<sup>1</sup>). Во-вторых, следует различать частицу *то*, способную присоединяться к любому знаменательному слову, и суффикс *-то* со значением неопределенности, способный присоединяться лишь к вопросительно-относительным местоименным существительным и к вопросительно-относительным местоименным наречиям: *кто-то, что-то; где-то, как-то, почему-то*. В-третьих, нужно различать союзы *также, тоже, чтобы* и сочетания соответствующих знаменательных слов с частицами; для различения необходим анализ значения, а также учет возможности опущения частиц или употребления их в другом месте предложения (как известно, части многоморфемного слова лишены такой способности).

## § 100. МЕЖДОМЕТИЯ И ДРУГИЕ СЛОВА ВНЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Среди неизменяемых лексем особое место занимают междометия, слова-предложения, передающие, хотя и не называющие конкретно, различные чувства, такие, например, как удивление, испуг, гнев, радость: *Ба, знакомые все лица* (Гр.); *Ага, попались!* Сам характер эмоций подчас не зависит прямо от лексического значения междометия, а возникает в результате контекстуальных воздействий. Например, междомение *ах* вне контекста может означать и радость, и испуг, и разочарование. Неизменность является чрезвычайно существенным свойством междометий. Изменяемые лексемы, обладающие теми же семантическими свойствами, уже не междометия. Так, в предложении *Он никак не мог привыкнуть ко всем этим охам и ахам* слова «*ох*» и «*ах*» — существительные. Междометиями являются и сложные (состоящие не из одного корня) образования. Например, *боже мой, чёрт возьми* — междометия, каждое из которых представляет собой одну лексему, хотя графически в каждой из них выделяются две словоформы.

К междометиям относят и безаффиксные глагольные образования типа *прыг, толк*: *Татьяна прыг в дру-*

<sup>1</sup> См.: Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. С. 193—196.

гие сени (П.); *Мартышка... тихохонько медведя толк ногой* (Кр.). Некоторые ученые включают эти образования в глагольные формы, однако это решение не вполне правомерно. Строго говоря, у слов типов *ах*, *ба* и *прыг* мало общего; с междометиями их объединяет морфологическая общность, а именно неизменяемость. Кроме того, слова обоих типов отличает экспрессивная насыщенность. По первому основанию со словами типа *ах* и *прыг* могут быть сближены существительные типа *пальто*, прилагательные типа *беж* и наречия. По второму основанию в одну группу со словами типа *ах* и *прыг* могут быть включены и слова многих других частей речи. В то же время, с точки зрения семантической, слова типа *ах* и *прыг* противопоставлены. Первые выражают чувства, никак не конкретизируя их, вторые обозначают определенные действия. Слова этих типов противопоставлены и по синтаксическому основанию. Тип *ах* — это слова-предложения, а тип *прыг* — это сказуемое. Таким образом, традиционно в междометия как в одну часть речи объединяются весьма разнородные по семантическим и синтаксическим свойствам слова.

К междометиям иногда относят и звукоподражательные слова типа *мяу-мяу*, *кис-кис*. Эти слова, не обозначая эмоций, по своим семантическим свойствам явно отличаются от слов типа *ах*. По семантическим и синтаксическим свойствам они противостоят и словам типа *прыг*. Таким образом, звукоподражательные слова выступают как слова вне частей речи.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 223—233.  
Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 544—624.  
Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.  
Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

# **СИНТАКСИС**

## **ВВЕДЕНИЕ**

### **§ 1. ПРЕДМЕТ СИНТАКСИСА**

Синтаксис изучает, с одной стороны, правила связывания слов и форм слов, а с другой — единства, в составе которых эти правила реализуются,— синтаксические единицы. Минимальные составляющие их — слово и форма слова. Таким образом, синтаксические единицы состоят из компонентов, которые материально представлены высшими морфологическими единицами. Это дает основание рассматривать синтаксис как грамматический уровень системы языка, стоящий над морфологическим.

Разные научные концепции содержат разные перечни синтаксических объектов. В современном отечественном языковедении широко распространено учение о трех синтаксических единицах: словосочетании, простом предложении и сложном предложении. Объектами синтаксиса также являются, с одной стороны, слово (лексема) и форма слова, но не сами по себе и не во всех своих свойствах, а лишь со стороны их связей с другими формами слов и их функции в составе синтаксических единиц, в которые они входят как компоненты, а с другой стороны — единства большие, чем простое или сложное предложение (их называют сверхфразовыми единицами, сложными синтаксическими целыми или текстами); они изучаются в синтаксисе также лишь со стороны связей между входящими в них простыми и сложными предложениями. Так как и слово, и форма слова, и сверхфразовое единство проявляют себя в синтаксисе не во всех своих свойствах, эти объекты и не являются синтаксическими единицами.

### **§ 2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ**

Давнюю традицию русской науки составляет выделение двух основных синтаксических единиц — словосочетания и простого предложения.

В. В. Виноградов назвал и определил важнейшее грамматическое свойство простого предложения. Вслед за многими русскими языковедами он обратил внимание на то, что содержание предложения всегда актуализировано, соотнесено с действительностью, с актом коммуникации: предложение обязательно содержит ту или иную модальную и временную характеристику сообщающего. Ср.: *Тут солнце.— Только бы тут было солнце! — Пусть всегда будет солнце!* — при почти полном тождестве грамматического строения и лексического наполнения эти предложения различаются тем, что содержание первого оформлено как сообщение о реальном факте, существующем одновременно с моментом речи, второго — как пожелание, третьего — как побуждение.

В речи каждое предложение имеет модально-временное значение: реального факта, отнесенного к тому или иному времени (а значит, соотнесено с речевым актом — «моментом речи» — как точкой отсчета времени), или определенного вида ирреальности, в частности (как это было в наших примерах) желательности или побудительности. Модальные значения тоже связаны с речевым актом, но не через «момент речи», а через позицию говорящего: они несут в себе значение, отражающее позицию говорящего при соотнесении им содержания предложения с действительностью (в нашем примере — желание, волю или констатирующую объективность позиции говорящего). Именно в комплексе грамматических значений, соотнесенных с актом речи, опирающихся на него и его отражающих, увидел Виноградов грамматическую сущность предложения<sup>1</sup>. Этот комплекс грамматических значений, всегда имеющий формальное выражение, он назвал предикативностью, использовав термин, который в истории науки наполнялся разным содержанием, но всегда связывался с предложением, отражая так или иначе понимаемую специфику предложения как синтаксической единицы.

Таким образом, различие между словосочетанием и предложением может быть сформулировано как различие между непредикативной и предикативной синтаксическими единицами. Это различие коренное, фундаментальное. Все другие различия или производны от данного, или не всеобщи. Так, производ-

<sup>1</sup> В этот комплекс, кроме категорий модальности и времени, Виноградов включал и категорию лица.

ным от признака предикативности ~ непредикативности является признак различия в функциях предложения и словосочетания, а именно: функция коммуникативной единицы у предложения и неспособность словосочетания выступать в этой функции.

Известно несколько существенных, но не всеобщих признаков, различающих предложение и словосочетание. Так, предложение может быть однокомпонентным: *Пожар!*; *Светает*; *Уходи*; *Холодно*; словосочетание же минимум двухкомпонентно. Однако этот различительный признак не обладает всеобщностью, и потому, опираясь на него, нельзя во всех случаях отличить словосочетание от предложения. Есть предложения, для которых двухкомпонентность совершенно обязательна, она необходимое условие построения предложения как предикативной единицы: *Я студент*; *Курить — здоровью вредить*; *Погода хорошая* и т. п.

Традиционное для русской науки понимание объектов синтаксиса характеризуется тем, что наряду со словосочетанием и простым предложением как особая синтаксическая единица рассматривается сложное предложение.

В функциональном плане оно имеет много общего с простым предложением (что и дало основание сохранить в его наименовании слово «предложение»), но со стороны своей формальной организации сложное предложение является сочетанием предикативных единиц на основе определенной синтаксической связи. Его части обязательно обладают основным конституирующими признаком предложения — предикативностью. В большинстве случаев части отличаются от самостоятельных предложений только тем, что содержат показатели синтаксической связи — союзы и союзные слова: *Редеет мгла ненастной ночи, и бледный день уж настаёт* (П.); *Вновь я посетил тот уголок земли, где я провёл изгнаником два года незаметных* (П.); *И невозможное возможно, дорога дальняя легка, когда блеснёт в дали дорожной мгновенный взор из-под платка* (Бл.).

### § 3. РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СИНТАКСИСКИХ ЕДИНИЦ

Итак, в соответствии с общим направлением русской научной традиции и теми идеями, которые представлены в большинстве современных синтаксических теорий,

прежде всего в концепции В. В. Виноградова, определим синтаксис как учение о словосочетании, простом предложении и сложном предложении.

Словосочетание — это непредикативная синтаксическая единица, компонентами которой являются слово и форма слова или несколько форм слов, соединенных между собой синтаксической связью.

Простое предложение — это предикативная синтаксическая единица, состоящая из нескольких соединенных между собой синтаксической связью форм слов или из одной формы слова.

Сложное предложение — это синтаксическая единица, компонентами которой являются предикативные единицы, соединенные между собой синтаксической связью.

Различия между синтаксическими единицами имеют чисто грамматический характер; по своему вещественному содержанию словосочетание, простое предложение и сложное предложение могут совпадать. Условием такого совпадения является тождество лексического состава (лексически значимых морфем). Ср.: *вечернее рассказывание сказок бабушкой* (словосочетание) — *Вечером бабушка рассказывала сказки* (простое предложение). — *Когда наступил вечер, бабушка рассказывала сказки* (сложное предложение). Три разные синтаксические единицы дают название одному и тому же событию и различаются лишь теми элементами смысла, которые определяются грамматическими различиями между ними. Словосочетание, являясь непредикативной единицей, представляет событие вне связи с ситуацией речи и оценивающей позицией говорящего. В простом предложении, являющемся предикативной единицей, называемое событие соотнесено с ситуацией речи; причем это соотношение таково, что событие сразу, все в целом оценивается говорящим как реальный факт прошлого. [Ср. тот же смысл, но иную модальную оценку и временную характеристику события говорящим в предложениях: *Пусть вечером бабушка рассказывает сказки* ( побуждение, временной план будущего); *Вот бы вечером бабушка рассказывала сказки* (желательность, временной план будущего).] В сложном же предложении, каждая из частей которого обладает предикативностью, с ситуацией речи соотнесены порознь оба компонента сообщения о событии, содержащиеся в частях сложного

предложения: указание на вечер и на рассказывание сказок бабушкой. При этом оценка говорящим этих составных частей события может и не быть тождественной, как в нашем примере, где в обеих частях значение реальности события и временной план прошлого. Ср.: *Вот бы бабушка рассказывала сказки, когда наступит вечер; Пусть бабушка рассказывает сказки, когда наступит вечер* — модальная оценка желательности и побудительности относится только к рассказыванию сказок, а наступление вечера оценивается как реальный факт.

Таким образом, различительными признаками синтаксических единиц являются: отсутствие соотнесенности с ситуацией речи, оценки говорящего — н е п р е д и к а т и в н о с т ь (словосочетание); соотнесенность с ситуацией речи, оценка говорящим сразу всего объективного содержания — м о н о п р е д и к а т и в н о с т ь (простое предложение); соотнесенность с ситуацией речи, оценка говорящим объективного содержания по частям — п о л и п р е д и к а т и в н о с т ь (сложное предложение). Эти признаки составляют основные, конституирующие характеристики синтаксических единиц, определяют принципы их формальной организации и потому достаточны для того, чтобы, опираясь на них, можно было отличить одни синтаксические единицы от других. Но определения синтаксических единиц могут быть уточнены, развиты и дополнены при специальном рассмотрении каждой из них.

#### § 4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ — ЕДИНИЦЫ РЕЧИ И ЯЗЫКА

Единицы синтаксиса представлены множеством речевых проявлений, однако они являются единицами не только речи, но и языка. За каждым конкретным словосочетанием, простым или сложным предложением стоит некая не собственно речевая, а языковая сущность. Например, словосочетание *рисует берёзу*, употребленное в предложении *Сейчас художник рисует берёзу*, представляет собой соединение двух словоформ: формы 3-го лица единственного числа настоящего времени глагола *рисовать* (главный компонент) и формы винительного падежа существительного *берёза* (зависимый компонент). Но в этом соединении можно увидеть и иное син-

таксическое устройство. Его определение предполагает обобщение конкретного речевого материала на основе анализа в парадигматическом аспекте (т. е. по ассоциации) и ведет нас от речи к языку. Анализ предполагает два этапа.

На первом этапе анализа обращение к другим потенциальным речевым соединениям с той же лексемой *рисовать*, но в иных ее формах (*рисовать берёзу, рисуй берёзу, рисуя берёзу, рисующий берёзу* и т. д.) и с той же лексемой *берёза*, но в другой возможной в данном сочетании форме (*рисует берёзы* — вин. п. мн. ч.), т. е. обращение к иным возможным без нарушения синтаксических правил соединения формам слов *рисовать* и *берёза* позволяет установить, что исходное словосочетание *рисует берёзу* построено по правилу, предполагающему, что словосочетание является соединением слова (лексемы) *рисовать*, которое может в составе этого соединения быть в любой из своих форм, и формы винительного падежа слова *берёза*. Форма числа зависимого существительного не существует в синтаксической связи, она передает только номинативное значение единичности ~ множественности: *рисовать берёзу (берёзы)*. Таким образом, за конкретным речевым сочетанием из двух словоформ стоит образец сочетания слова (*рисовать*) с определенной формой (вин. п.) другого слова (*берёзу*).

Если сравнить словосочетание *рисовать берёзу* (также на основе ассоциативных связей) с такими словосочетаниями, как *рисовать лес (поле, ребёнка, прошлое)*, с одной стороны, и *видеть берёзу (поле, ребёнка, прошлое)*, *описать берёзу (поле, ребёнка, прошлое)*, *вспоминать берёзу (поле, ребёнка, прошлое)* и т. д.— с другой, то станет ясно, что данный образец словосочетания не специфичен для слов *рисовать* и *берёза*. По этому образцу могут быть построены словосочетания из многих слов. Конституирующими признаком таких словосочетаний является то, что главный их компонент — прямо-переходный глагол, а зависимый — форма винительного падежа существительного.<sup>1</sup> с синтаксическим зна-

<sup>1</sup> Круг существительных, возможных при том или ином глаголе, устанавливается правилами словарной сочетаемости и различен у разных глаголов;ср.: *рисовать будущее (прошлое, настоящее)*, но *вспоминать прошлое (настоящее)* при невозможности по лексико-семантическим основаниям сочетания «*вспоминать будущее*».

чением ближайшего объекта<sup>1</sup>. Строение таких словосочетаний может быть выражено формулой  $V_{\text{trans}} N_{4 \text{ synt}}$ , где  $V$  — глагол,  $N$  — существительное,  $\text{trans}$  — переходный,  $4 \text{ synt}$  — винительный (четвертый) падеж с синтаксическим значением. Формула читается так: «переходный глагол и имя существительное в форме винительного падежа с синтаксическим значением».

Таким образом, на втором этапе анализа обнаруживается, что за словосочетанием с конкретным лексическим наполнением (*рисовать + вин. п. существительного берёза*) стоит отвлеченный образец, представленный выше в виде формулы, который является единицей языка и допускает широкие возможности лексического наполнения в речи: *строить дом, делать дело, копать огород, пить чай, выполоть траву, узнавать новости, бречь время, любить родину, помнить добро, причинять неприятности, допустить неточности, испытывать радость* и др.

Отвлеченные образцы стоят и за всеми простыми и сложными предложениями, употребляемыми в речи в составе текстов или как отдельные высказывания. Эти образцы и есть простые и сложные предложения, рассматриваемые как единицы языка. В современной науке они называются структурными схемами, моделями или формулами предложений. Понятие структурной схемы появилось недавно и не в равной мере применено ко всем синтаксическим единицам. Пока описаны в виде закрытого, т. е. исчерпывающего все разнообразие структурных схем, списка лишь простые предложения<sup>2</sup>.

Принцип единства описания разных синтаксических единиц требует, чтобы в виде закрытых списков структурных схем были перечислены также отвлеченные образцы, по которым строятся словосочетания и сложные предложения. О применении понятия структурной схемы к словосочетанию мы уже говорили. Теперь покажем, что оно приложимо и к сложному предложению.

Так, сложное предложение *Есть минуты, когда не тревожит роковая нас жизни гроза* (Бл.) построено по структурной схеме, которая может быть записана фор-

<sup>1</sup> См.: Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.

<sup>2</sup> Такое описание простых предложений русского языка наиболее полно дано в «Русской грамматике» (М., 1980. Т 2).

мулой  $P_1 \subset (N_{temp} + \text{когда} + P_2)$ , где  $P_1$ ,  $P_2$  — предикативные единицы, входящие в состав сложного предложения,  $N$  — существительное,  $temp$  — указание на обязательность темпоральной лексической семантики существительного; в скобки заключен сегмент сложного предложения, внутри которого обязателен данный порядок компонентов, хотя этот сегмент как целое может перемещаться в границах  $P_1$  (ср. другое предложение, построенное по данной схеме: *День, когда началась война, я никогда не забуду*). Формула читается так: «предикативная единица, в состав которой входит сегмент со следующим фиксированным порядком: существительное с темпоральным значением, *когда* и вторая предикативная единица».

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Грамматика русского языка*. М., 1954. Т. 2. С. 76—83. Или: *Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике*. М., 1975. С. 224—230.

*Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка*. М.; Л., 1928. § 17.

*Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Очерки по лингвистике*. М., 1962.

*Русская грамматика*. М., 1980. Т. 2. С. 5—12.

*Шахматов А. А. Синтаксис русского языка*. Л., 1941. § 1, 2, 18.

## Глава 1 СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

### ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

#### § 5. УРОВНИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Из обзора синтаксических единиц, данного во «Введении», ясно, что они, как правило, состоят из нескольких компонентов. Однокомпонентным может быть только предложение. При этом и однокомпонентное (как единица языка) предложение в речи может состоять из нескольких синтаксически связанных между собой словоформ: *Начало светать; Стало холодно*. К тому же слово, являющееся в одной из своих форм единственным компонентом предложения, как правило, в речи допускает возможность распространения — присоединения

к нему форм других слов; ср.: *Пожар*.—*Лесной пожар*; *Светает*.—*Осенью светает поздно*; *Уходи!* — *Сейчас же уходи отсюда!*; *Холодно*.—*Зимой в палатке холодно*. Таким образом, и однокомпонентное предложение, представленное в речи одной словоформой, потенциально многокомпонентно.

Компоненты синтаксических единиц находятся друг с другом в определенных смысловых связях — синтаксических отношениях, которые формально выявлены, объективированы синтаксической связью. Поэтому синтаксическая связь, т. е. формальные, строевые отношения между компонентами синтаксической единицы, выявляющие смысловые связи — синтаксические отношения — и выраженные средствами языка, составляет исходное и фундаментальное понятие синтаксиса.

В составе разных синтаксических единиц синтаксической связью объединяются компоненты разной природы. Возможны восемь типов синтаксических соединений, которые различаются характером соединяемых компонентов: 1) слово + форма слова; 2) форма слова + форма слова; 3) простое предложение + простое предложение; 4) слово + простое предложение; 5) форма слова + простое предложение; 6) словосочетание + форма слова; 7) простое предложение + сложное предложение; 8) сложное предложение + сложное предложение.

1. Соединение слова (лексемы) с формой слова возможно только в словосочетании. Так, словосочетание *выписать газету*, построенное по формуле  $V_{trans} N_{4synt}$ , представляет собой соединение слова *выписать*, которое в состав данного словосочетания может входить в любой из своих форм (*выписать газету, выпишет газету, вышиши газету, выписавший газету* и т. д.); исключение составляет только форма страдательного причастия, которой свойственно принципиально иное отношение к форме существительного, называющей объект действия: *выписанная газета*), и одной формы слова *газета*, а именно формы винительного падежа.

2. Соединение формы слова с формой слова возможно и в предложении и в словосочетании, причем в разных синтаксических единицах соединения данного типа неодинаковы: совпадая по качеству соединяемых компонентов, они различаются характером связи. Так, в предложении *Сад цветёт* соединены синтаксиче-

ской связью форма именительного падежа существительного и спрягаемая форма глагола. Если мы употребим глагол в неспрягаемой форме, например в инфинитиве, то он утратит способность соединяться с формой именительного падежа и в сочетании с формой дательного падежа существительного образует предложение другого типа: *Саду цветь!* (В. М.)<sup>1</sup>.

В словосочетании *с усердием*, но без увлечения синтаксической связью соединены две формы косвенных падежей существительных (осложненные вхождением в них предлогов), в словосочетании *книга, газета и журнал* — формы именительного падежа нескольких существительных.

3. Два или несколько простых предложений могут быть соединены синтаксической связью только в сложном предложении: *На свете счастья нет, но есть покой и воля* (П.); *То огнём жгло с сияющей лазурью солнце, то горами громоздились тучи, то потопами обрушивались на пароход и на море буйные ливни* (Бун.). Границы между предложениями отмечены союзами.

4. Сложное предложение может быть образовано соединением слова с простым предложением. Это принцип организации присловных сложноподчиненных предложений. Так, с придаточной частью, вводимой союзными словами *который, какой* и др., может соединиться любое существительное, и в образованном таким образом сложноподчиненном предложении реализуется сочетание «слово + простое предложение»: *Вот холм лесистый, над которым часто я сиживал недвижим* (П.).

Обязательным условием образования на основе такой связи сложного предложения является вхождение определяемого придаточной частью существительного в другую часть, которая становится главной по отношению к придаточной части. Если это условие не соблюдено, что бывает редко, так как слова обычно реально употребляются в составе предложений, то сложное предложение не возникает. Так, например, бывает, когда существительное употреблено как обращение, или как заголовок, или как именительный темы: *О вы, которые объехать свет вокруг желанием горите!* (Кр.); *Взрывы, которых ждали* (заголовок).

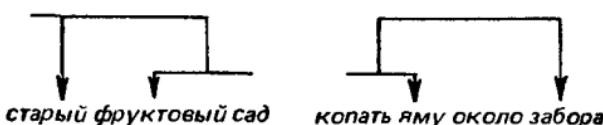
<sup>1</sup> Рассуждая так, мы оставляем в стороне случаи транспозитивного употребления инфинитива на месте спрягаемой формы: *Ребятишки — бежать кто куда*. Но их привлечение к анализу не колеблет данного положения, так как в этом употреблении инфинитив приобретает свойства, характерные для определенных спрягаемых форм: получает индикативное значение реального прошедшего действия.

5. Компаратив прилагательного или наречия обладает свойством соединяться с придаточной частью предложения, вводимой союзом *чем*, в результате чего возникает сложноподчиненное предложение, в составе которого синтаксической связью соединены форма слова и простое предложение: *Старая улица показалась мне только немного уже, чем казалась прежде* (Бун.).

Сочетание формы слова с предложением может иметь место и в сочинительном ряду типа *Я думал уже о форме плана и как героя назову* (П.). В этом случае предложение (*как героя назову*) выступает в качестве окказионального «заместителя» формы слова (ср.: *думал о форме плана и имени героя*).

Построение сочинительного ряда из грамматически различных компонентов (форма слова и предложение) стилистически отмечено как черта разговорная. Сочетание формы слова с предложением находится на периферии современного литературного языка. Оно разрешено его системой, которая не требует обязательно однотипного грамматического оформления компонентов сочинительных рядов, но запрещается для строго кодифицированных речевых сфер.

6. Соединение словосочетания с формой слова имеет место в сложных словосочетаниях типа *старый фруктовый сад, около забора копать яму*, в которых форма слова как определяющий зависимый компонент присоединяется не к существительному или глаголу непосредственно, а к сочетанию существительного или глагола с относящейся к нему формой слова, т. е. связи организуются следующим образом:



Такую организацию имеют все словосочетания, в которых два или несколько прилагательных или причастий согласуются с одним существительным, но не находятся между собой в сочинительной связи: *мой лучший друг, нарядное летнее платье, новая соломенная шляпа, ночное рокочущее море*. Сочинительная связь в этом случае не возникает, потому что синтаксические позиции согласованных словоформ различны: одна (непосредст-

венно соседствующая с существительным) относится к существительному, а вторая (более отдаленная) — к сочетанию существительного с ближайшей согласованной словоформой.

7. Сочетание простого предложения со сложным предложением наблюдается в сложных предложениях усложненной конструкции, в составе которых простое предложение зависит от сложного предложения или сложное предложение в целом зависит от простого предложения. Например: *Когда мы вышли из леса, было сыро, но дождя уже не было; Мы знали, что в лесу будет сырь, но дождя не будет* — в первом примере простое предложение *Мы вышли из леса*, оформленное союзом *когда* как придаточная часть времени, зависит от сложносочиненного предложения *Было сырь, но дождя уже не было*; во втором примере сложносочиненное предложение *В лесу будет сырь, но дождя не будет* зависит от предложения *Мы знали* (показателем зависимости является союз *что*).

8. Сочетание сложного предложения со сложным предложением наблюдается также в сложных предложениях усложненной конструкции: *Везде было не поле сражения, которое он ожидал видеть, а поля, поляны, войска, леса, дымы костров, деревни, курганы, ручьи; и сколько ни разбирал Пьер, он в этой живой местности не мог найти позиции* (Л. Т.); *Князь Андрей даже теперь не понимал, как мог он когда-нибудь сомневаться в необходимости принять деятельное участие в жизни, точно так же как месяц тому назад он не понимал, как могла бы ему прийти мысль уехать из деревни* (Л. Т.) — выделенные слова являются показателями связи между сложными предложениями.

Как видим, синтаксические связи в словосочетании и простом предложении по характеру компонентов частично совпадают (в составе обеих единиц возможно соединение формы слова с формой слова); синтаксические же связи в сложном предложении специфичны: они соединяют такие компоненты, из которых по крайней мере один является предложением (ни в словосочетании, ни в простом предложении связи между такими компонентами невозможны). Это позволяет различать в сфере синтаксических связей два уровня: связь на уровне словосочетания и простого предложения и связь на уровне сложного предложения.

## § 6. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Для выражения синтаксических связей современный русский литературный язык располагает разнообразными средствами; эти средства различны в словосочетании и простом предложении, с одной стороны, и в сложном предложении — с другой.

1. Русский язык — это язык флексивного строя, поэтому синтаксические связи в словосочетании и простом предложении выражаются непосредственно теми формами слов, которые передают не номинативные, а синтаксические значения или те и другие одновременно, а именно: формами падежа существительных; числа, рода и падежа прилагательных; лица, числа и рода спрягаемых форм глаголов.

2. Для выражения синтаксических связей форм косвенных падежей существительных служат предлоги: *верить в победу, войти в дом, перепрыгнуть через ручей, склонный к лени, сильнейший из борцов, далеко от дома, наедине с собой, победа над врагом, фильм о молодёжи*.

3. Синтаксические связи на уровне сложного предложения, а также некоторые виды связи между формами слов в словосочетании и простом предложении выражают союзы, а также их функциональные «заместители», в частности относительные местоимения (согласные слова).

4. В выражении синтаксических связей участвует порядок слов. Однако в русском языке это не единственное средство выражения связи. Вместе с ним «работает» синтагматическое членение, объединяющее синтаксически связанные словоформы в одну синтагму. Кроме того, направление синтаксической связи (что от чего зависит) часто однозначно определяется соотношением лексических значений связанных словоформ.

Порядок слов (вместе с синтагматическим членением) различает направление связи, показывая синтаксическую зависимость форм косвенных падежей существительных, предложно-падежных форм и наречий от глагола или, напротив, от существительного; ср.: *В озле двери стояла на столике ваза с цветами*. — *На столике* возле двери стояла ваза с цветами; *За бугром уже совсем потухла яркая полоска*. — *Яркая полоска* за бугром уже совсем потухла; *Недалеко от дороги чернел неровным зубчатым*

*гребнем лес.— Лес не вдалеке от дороги чернел неровным зубчатым гребнем.*

Принято считать, что порядок слов участвует в выражении направления синтаксических связей между тождественными формами слов, различая определяемое и определяющее (подлежащее и сказуемое) в предложениях типа *Мой отец — учитель; Учитель — мой отец; Москва — столица СССР; Столица СССР — Москва*. Сходную функцию порядок слов выполняет в таких предложениях, как: *Бытие определяет сознание* (ср.: *Сознание определяет бытие*); *Весло задело платье* (ср.: *Платье задело весло*); *Мать любит дочь* (ср.: *Дочь любит мать*), где он различает омонимичные формы именительного и винительного падежей. Однако в подобных конструкциях само соотношение значений слов часто показывает направление связи; ср. с приведенными примерами *Он чудак; Часы отсчитывали секунды*, в которых порядок слов непосредственно не выражает синтаксической связи, а лишь уточняет ее. То же имеет место во всех типичных для русского языка (как языка флексивного) случаях, когда синтаксическая связь передается формой зависимого слова.

5. В выражении синтаксических связей на разных уровнях участвует и н т о н а ц и я. Интонационные средства делят конструкции звучащей речи на синтагмы обычно в соответствии с синтаксическими связями. Иногда такое деление становится единственным показателем связи. Так, в предложении *Она пела хорошо танцевала* (пишем его без знаков препинания, чтобы отвлечься от синтагматического членения) синтаксическая связь словоформы *хорошо* неясна: она одинаково может относиться как к *пела*, так и к *танцевала*. То или иное синтагматическое членение выражает синтаксическую связь, на письме это обозначается запятой. Ср.: *Она пела хорошо, танцевала.— Она пела, хорошо танцевала;* то же в предложениях *Роняет лес багряный свой убор (П.); Торговка вяленой воблой торчала между ящиками (Ол.)*, но с той разницей, что в письменной речи связи словоформ *багряный* и *воблой* не обозначены.

Синтаксические связи могут оставаться однозначно не выраженнымми, вследствие чего возникает омонимичность синтаксических конструкций (как в двух последних примерах), которая обычно снимается контекстом.

## § 7. ВИДЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В истории лингвистики найдено несколько различительных признаков, на основе которых можно определить виды синтаксических связей, и установлено несколько их оппозиций. Наибольшую познавательную ценность имеют те из них, которые учитывают все типы синтаксических соединений и, следовательно, приложимы ко всем случаям синтаксической связи. Именно такой общей оппозицией является традиционное противопоставление сочинительной связи подчинительной.

Сочинение и подчинение противостоят друг другу по признаку наличия ~ отсутствия детерминации, т. е. формально-строевых отношений определяемого и определяющего, главного и зависимого компонентов, «хозяина» и «слуги». При подчинении эти отношения есть и роль компонентов в создании конструкции различна, следовательно, они разнофункциональны. При сочинении их нет и компоненты однодофункциональны, они играют одинаковую роль в создании синтаксической конструкции; ср.: *комната под лестницей — комната и лестница*.

Однофункциональность компонентов словосочетания, свойственная сочинительной связи, не предполагает их одноформленности. Однофункциональные компоненты, связанные сочинительной связью, могут быть и разноформленными: *вовремя и без потерь убрать урожай*; *Червонец был запачкан и в пыли* (Кр.); *Много лет дружба с Василем Ивановичем и неоднократно приглашаемый им посетить его, я удосужился сделать это, когда хозяина не было дома* (Лид.). Частный случай разноформленности представлен в конструкциях, где сочинительной связью соединены форма слова и предложение: *Так хорошо тогда мне вспоминать заросший пруд и хриплый звук ольхи, что где-то у меня живут отец и мать, которым наплевать на все мои стихи* (Ес.).

Однофункциональность компонентов словосочетания при сочинительной связи предполагает их обязательную семантическую одноплановость. Однако эта одноплановость может быть не того направления, по которому синтаксическая традиция различает члены предложения. Сочинительная связь возможна и между такими словоформами, которые являются разными членами предложения. Это имеет место в предложениях, где сочинительная связь может объединять вопросительные, отрицательные, неопределенные и обобщающие местоимения, являющиеся разными членами предложения: *Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы был протоптанней и легче?* (В. М.); *Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь* (П.); *Никто и никогда его в этом не убедит; Все и везде говорили одно и то же*. Однофункциональность в таких случаях складывается на основе общей роли компонентов, соединяемых сочинительной связью, в создании вопросительной, отрицательной, неопределенной или обобщенной семантики предложения.

Разнофункциональность или однофункциональность соединяемых синтаксической связью компонентов конструкции отчетливо обнаруживается при включении образуемой ими единицы в усложненную конструкцию в качестве ее зависимого компонента. При этом соединенные подчинительной связью разнофункциональные компоненты словосочетания занимают разные позиции: главный компонент становится определителем вновь введенного компонента, а зависимый — определителем этого определителя. Это проверяется возможностью свертывания конструкции: в составе образованной усложненной конструкции главный компонент при сохранении зависимого не может быть опущен. Ср.: *интересная книга* — читать *интересную книгу* — читать *книгу* при невозможности словосочетания «читать интересную»<sup>1</sup>; то же в сложном предложении: *Он вспомнил, кому отдал книгу.* — Я требовал, чтобы он вспомнил, кому отдал книгу. — Я требовал, чтобы он вспомнил при невозможности предложения «Я требовал, кому он отдал книгу».

Между тем соединенные сочинительной связью однофункциональные компоненты занимают в составе усложненной конструкции, куда они введены в качестве определяющего компонента, одну позицию, что доказывается возможностью опущения любого из них; ср.: (*и*) газеты, (*и*) журналы — выписывать (*и*) газеты, (*и*) журналы — выписывать (*и*) газеты — выписывать (*и*) журналы; так же в сложном предложении: *Книг нужных нет, и времени свободного мало.* — Он сейчас не занимается, потому что книг нужных нет и (потому что) времени свободного мало. — Он сейчас не занимается, потому что книг нужных нет. — Он сейчас не занимается, потому что времени свободного мало.

Сочинительная и подчинительная связь различаются также средствами выражения. Это различие имеет две стороны.

1. Средства выражения сочинительной связи одинаковы на разных уровнях (на уровне словосочетания и простого предложения и на уровне сложного предложения), в то время как средства выражения подчинительной связи на разных уровнях существенно различны.

<sup>1</sup> Здесь и далее в аналогичных случаях кавычки указывают, что эти конструкции не допускаются системой языка.

2. Сочинительная связь не выражается формами слова. Основным средством передачи сочинительной связи являются сочинительные союзы, которые имеют свойство оформлять связи между любыми однофункциональными компонентами синтаксической единицы: и между формами слов и между предложениями. При перечислительных смысловых отношениях сочинительная связь выражается без союзов — порядком слов и многочленностью ряда: соединенные сочинительной связью компоненты располагаются непосредственно один за другим и их однофункциональность выражается самим фактом неопределенного количественного состава ряда (не обязательно два компонента).

И у сочинительной и у подчинительной связи есть общие, т. е. представленные и на уровне словосочетания и простого предложения, и на уровне сложного предложения, дифференциальные признаки.

### § 8. ВИДЫ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ

Дифференциальным признаком сочинительной связи, характеризующим ее на всех уровнях, является количество объединяемых в одном акте связывания компонентов конструкции, или признак закрытости ~ открытости. Закрытой сочинительной связью могут быть соединены при одноразовом ее применении только два компонента: *не сестра, а брат; Ты любишь горестно и трудно, а сердце женское шутя* (П.). Открытой сочинительной связью может быть соединено сразу неопределенное количество компонентов: *Мне чудятся то шумные пиры, то ратный стан, то схватки боевые* (П.); *То ли снится, то ли мнится, показалось что нивесть, то ли иней на ресницах, то ли вправду что-то есть* (Тв.). Число компонентов при открытой сочинительной связи определяется экстраграмматически (объемом той информации, которая включается в конструкцию, образуемую открытой сочинительной связью): *Мелькают мимо будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, бухарцы, сани, огороды, купцы, лачужки, музыканты, бульвары, башни, казаки, аптеки, магазины моды, балконы, львы на воротах и стаи галок на крестах* (П.). Несмотря на свою обширность, этот ряд мог бы быть и большим.

Открытая и закрытая сочинительные связи различаются также характером смысловых отношений, кото-

рые они выявляют, и средствами выражения: 1) только открытая связь (при соединительных смысловых отношениях) может быть выражена без союзов; закрытая связь обязательно выражается союзами; 2) открытую сочинительную связь выражают союзы соединительные (*и, да*) и разделительные (*или, либо* и др.); закрытую сочинительную связь — союзы противительные (*а, но* и др.), градационные (*не только...но и, да и* и др.) и пояснительные (*а именно, то есть*).

Закрытая сочинительная связь имеет черты, общие с подчинительной связью. Их объединяет прежде всего то, что они связывают два (и только два) компонента синтаксической единицы. Общим признаком закрытой сочинительной и подчинительной связи является также место морфемно выраженного показателя связи. При закрытой сочинительной и подчинительной связи такой показатель находится только при одном из компонентов — и не при любом, а при втором по порядку линейного развертывания конструкции в случае закрытой сочинительной связи: *громко, но невнятно; Журча еще бежит за мельницу ручей, но пруд уж застыл* (П.) или при зависимом в случае подчинительной связи: *ставить палатку; Предполагают, что лето будет жаркое*. Открытая же сочинительная связь допускает положение союза перед каждым из соединяемых компонентов: *И прац, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы* (П.); *И мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы лёгкие навстречу им бегут, и пальцы просятся к перу, перо к бумаге...* (П.).

Из сказанного ясно, что есть основания для противопоставления открытой сочинительной связи закрытой сочинительной и подчинительной, вместе взятым.

### § 9. ВИДЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ

Существует три дифференциальных признака, различающих виды подчинительной связи и на уровне словосочетания и простого предложения, и на уровне сложного предложения: 1) предсказующий ~ непредсказующий характер связи; 2) обязательность ~ необязательность связи; 3) природа синтаксического отношения, выявляемого связью.

1. Предсказуемость ~ непредсказуемость связи определяется свойствами главного (опре-

деляемого) компонента словосочетания и его ролью в оформлении связи. При предсказующей связи главный компонент определяет (предсказывает) форму зависимого.

Предсказующая связь может быть невариативной или вариативной. При невариативной связи предсказываемая форма зависимого компонента словосочетания является единственной возможной. При вариативной связи существует выбор: одна из двух — реже трех — возможных форм. Ср.: *подарить книгу* (невариативная связь) — *съесть каши* (*каши*) (вариативная связь); *увлекаться поэзией* (невариативная) — *слить чудаком* (*за чудака*), *числиться начальником* (*в начальниках, в качестве начальника*) (вариативная); *заботиться о детях* (невариативная) — *тосковать о детях* (*по детям*) (вариативная).

Предсказующая связь широко и разнообразно представлена в сочетаниях слова с формой слова, когда такие свойства слова, как его принадлежность к той или иной части речи или к определенному лексико-синтаксическому либо словообразовательному классу, действуя порознь или в комплексе, задают определенные сочетательные свойства, прогнозируя необходимые или возможные формы распространения слова.

Вместе с тем в сочетаниях слова и формы слова существует и непредсказующая связь, при которой форма зависимого компонента не предсказывается главным, а определяется тем смыслом, который вносится этим компонентом в конструкцию: *человек у двери* (*за дверью, под окном*), *работать в саду* (*у верстака, за столом, под землёй*), *работать завтра* (*по вечерам, летом, с восхода до заката*).

Не менее широко и разнообразно представлена предсказующая связь и в сложном предложении: она свойственна всем нерасчлененным сложноподчиненным предложениям, в которых главная часть содержит какие-то компоненты (определенные слова или формы слов), с которыми непосредственно соотнесена придаточная часть. Эти соотносящиеся с придаточной частью элементы главной части (опорные или соотносительные слова) предопределяют форму придаточной части: предсказывают союзное средство, оформляющее ее связь с главной; союзное же средство, в свою очередь, предопределяет другие стороны оформления придаточной части. Ср.: *Он знал, что поезд придет вечером.* — *Он хотел, чтобы поезд пришёл вечером.* В этих сложноподчиненных предложениях придаточная часть относится к глаголу-сказуемому; слова *знал, хотел* предсказывают появление придаточной части и союз, которым она вво-

дится (ср. невозможность союза *чтобы* при слове *знать* и союза *что* при слове *хотеть*). В свою очередь союз определяет возможные формы глагола-сказуемого в придаточной части [ср. невозможность никакой другой формы, кроме формы на *-л*, во втором предложении и возможность любой временной формы в первом: *Он знал, что поезд приходит (пришёл, придёт) вечером*].

В расчлененных же сложноподчиненных предложениях форма придаточной части, и прежде всего ее «союзный оформитель», не предопределены какими-то элементами главной части: тот или иной союз здесь появляется для выражения смысловых отношений, которые не предсказываются составом главной части; ср.: *Машины зажгли фары, так как уже стемнело.— Машины зажгли фары, когда уже стемнело.*

2. От предсказуемости ~ непредсказуемости необходимо отличать как особый признак обязательность ~ необязательность подчинительной связи, т. е. жесткую необходимость, регулярность или, напротив, только возможность, нерегулярность появления зависимого компонента словосочетания при главном. Признак предсказуемости часто сопровождается признаком обязательности связи, а признак непредсказуемости — признаком необходимости, но такое наложение не является необходимым, эти признаки связи могут встречаться и в других комбинациях.

Связь может быть предсказующей, но необязательной. Именно такой является связь между существительным и определяющим его прилагательным, при которой форма главного компонента словосочетания предсказывает форму зависимого, но само появление его (т. е. осуществление связи) не является обязательным.

Случаи обязательности употребления согласуемой формы при существительном (достаточно частые и разнообразные) никогда не связаны с синтаксическими свойствами определяемого существительного; часто они объясняются лексическими или даже экстралингвистическими причинами; ср.: *девушка с голубыми глазами* при невозможности словосочетания «*девушка с глазами*», *сидеть с закрытыми глазами* при невозможности словосочетания «*сидеть с глазами*».

Соответствующее явление представлено и в сложном предложении; предсказующей, но необязательной является связь в присубстантивных предложениях: *Вот опальный домик, где жил я с бедной нянею моей* (П.).

В русском языке наблюдается и обратная комбинация признаков предсказуемости ~ непредсказуемости

и обязательности ~ необязательности: связь обязательная, но непредсказующая. Она имеет место в словосочетаниях типа *находиться в столе* (*на столе, под столом, около стола* и т. п.), образованных глаголами со значением пребывания в определенном пространстве, которые требуют распространителя с локальным значением, но не предсказывают его формы. Тем же набором признаков обязательности и непредсказуемости обладают сложные предложения типа *Он был так грязен, что только и мечтал о ванне* или: *Он был так грязен, словно только что вылез из печной трубы*. Наличие в главной части сложноподчиненного предложения (всегда препозитивной) указательного местоимения со специфическим для этих предложений вмещающим значением свидетельствует об обязательности следования за ней придаточной части, но форма придаточной части не предсказана: придаточная часть может вводиться союзом *что* или союзами иреального сравнения, в зависимости от характера смысловых отношений с главной частью.

3. Природа синтаксического отношения, выявляемого подчинительной связью, может быть двух родов: синтаксические отношения не обусловливаются лексическими свойствами зависимого компонента словосочетания или обусловливаются ими. Ср.: *любоваться вечером* (*лесом, самолётом*) — возвращаться *вечером* (*лесом, самолётом*) — в первом случае независимо от лексического значения существительного отношения объектные, во втором в зависимости от лексического значения существительного — разные обстоятельственные отношения (временное, пространственное, способа действия). Эти два вида отношений разграничены Е. Куриловичем применительно к отношениям, выражаемым падежами существительного<sup>1</sup>. Но установленная им оппозиция «синтаксических» значений, с одной стороны, и «семантических», «конкретных», «наречных» — с другой, существует не только в области падежных значений, она характеризует вообще подчинительную связь.

Синтаксические отношения, формирование которых не зависит от лексического наполнения зависимого компонента конструкции, или собственно синтакси-

<sup>1</sup> См.: Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.

ческие отношения, наиболее абстрактны и потому обнаруживаются не только в извлеченных из реальной речи словосочетаниях, но и в не употребляемых, однако грамматически правильных словосочетаниях типа зелёные идеи, яростно спать или в искусственно составленных из несуществующих морфем словосочетаниях типа глокая куздра. В придуманном Л. В. Щербой примере *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка* почти исчерпывающие представлена все виды собственно синтаксических отношений на уровне словосочетания и простого предложения. Это агентивные отношения — между производителем действия и самим действием (*куздра будланула, куздра курдячит*); объектные отношения — между действием и ближайшим объектом его (*будланула бокра, курдячит бокрёнка*) и определительные отношения (*глокая куздра, штеко будланула*). Здесь не представлены только отношения предмета к предмету, выражаемые родительным присубстантивным: *комната детей, Гамлет Смоктуновского, белизна снега, букет цветов, приезд брата, защита родины*<sup>1</sup>.

Собственно синтаксические отношения существуют и в сложном предложении. Ими связаны входящее в состав главной части сложноподчиненного предложения существительное и зависящая от него присубстантивная придаточная часть (определительные отношения): *В печной трубе заворачалось мохнатое существо, которым пугают детей* (Пауст.); *Есть в мире сердце, где живу я* (П.), а также компаратив в главной части и зависящая от него прикомпаративная придаточная часть (объектные отношения): *Мы отдадим больше, чем взяли.* Специфическими собственно синтаксическими отношениями связываются части изъяснительных и местоименно-согласительных сложноподчиненных предложений.

Синтаксические отношения, формирующиеся на основе лексического наполнения зависимого компонента конструкции, или лексико-синтаксические отношения, более конкретны и потому более разнообразны; это отношения неближайшего, специали-

<sup>1</sup> В родительном присубстантивном принято различать несколько значений: родительного принадлежности, целого, части, субъекта, объекта и т. п. Однако такое разграничение делается на основе соотнесения лексических значений существительных: значению падежа приписывается то, что извлекается из вещественного содержания существительных.

зированного объекта разного рода (орудия, соучастника и т. п.) и различные обстоятельственные отношения. В большинстве случаев они являются общими для словосочетания и сложного предложения и выражаются семантически, а иногда и словообразовательно соотносительными предлогами (в словосочетании) и союзами (в сложном предложении): *для — для того чтобы, после — после того как, несмотря на — несмотря на то что*.

Собственно синтаксические отношения сопровождают предсказующую связь, в то время как непредсказующая связь предполагает лексико-синтаксические отношения. Обратной же связи между этими признаками нет. Предсказующая связь может сопровождаться семантико-синтаксическими отношениями, что наблюдается в предложных словосочетаниях типа *вынуть из ящика, пододвинуть к столу, переправиться через реку*, в составе которых предлоги, предсказанные словообразовательной структурой слова (приставкой), имеют конкретные пространственные значения, поддерживающие лексическим значением существительного.

Характер смысловых отношений никак не связан с признаком обязательности ~ необязательности связи. Обязательная связь может характеризоваться как собственно синтаксическими, так и лексико-синтаксическими отношениями: *нуждаться в поддержке* (обязательная связь и собственно синтаксические отношения), *поселиться в деревне* (обязательная связь и лексико-синтаксические отношения). То же возможно и для необязательной связи: *дружная работа, должно работать* (необязательная связь и собственно синтаксические отношения), *работать в деревне, дом в лесу* (необязательная связь и лексико-синтаксические отношения).

Как уже отмечалось, подчинительная связь, в отличие от сочинительной, не обнаруживает единства в оформлении на разных уровнях: средства выражения подчинительной связи на уровне словосочетания и простого предложения и на уровне сложного предложения существенно различны. Только одна особенность оформления свойственна подчинительной связи в целом: средство выражения связи (морфема или служебное слово) помещается обязательно при зависимом компоненте синтаксической единицы.

Различие в средствах выражения подчинительной связи на разных уровнях делает необходимым их обо-

собленное рассмотрение, так как на основе этого различия выделяются виды подчинительной связи на уровне словосочетания и простого предложения и на уровне сложного предложения. Традицию русской науки и составляет именно раздельное рассмотрение подчинительной связи, с одной стороны, в словосочетании и простом предложении, где представлены разные виды зависимости формы слова, а с другой — на уровне сложного предложения, где представлены разные виды зависимости предикативной единицы.

## ВИДЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ НА УРОВНЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

### § 10. СОГЛАСОВАНИЕ

Синтаксическая традиция выработала морфологическое в своей основе деление подчинительной связи на уровне словосочетания и простого предложения (т. е. деление зависимости формы слова) на три вида: согласование, управление и примыкание.

Согласованием принято называть такую подчинительную связь, при которой отношение зависимого компонента словосочетания к главному выражается его уподоблением главному в одноименных грамматических категориях. Традиционное определение отражает самые частотные и вместе с тем простые случаи согласования, при которых с изменением формы главного компонента словосочетания меняется форма зависимого. В более сложных случаях происходит не уподобление, а сложное соотнесение формы главного и зависимого компонентов.

Главный компонент словосочетания при согласовании всегда существительное, а зависимый обязательно принадлежит к грамматическим классам, имеющим формы с синтаксическим значением.

Простейший вид согласования представлен в словосочетаниях, зависимый компонент которых выражен прилагательным (в том числе и местоимением-прилагательным и порядковым числительным или причастием): *морозный день, что-то необычное, этот дуб, сама мать, третий этаж, наблюдаемое явление, поющий человек*. В этих словосочетаниях существительное, составляющее главный компонент (оно может быть в любой

форме), соединяется с той частью форм другого слова (прилагательного), составляющей зависимый компонент, которые нужны для его соотнесения с формами главного компонента. Так, в словосочетаниях *морозный день*, *морозного дня*, *морозные дни...* используются падежные формы единственного числа мужского рода и множественного числа прилагательного, так как существительное *день* мужского рода и изменяется по падежам и числам; в словосочетаниях *что-то необычное, чего-то необычного...* — падежные формы единственного числа среднего рода, так как местоименное существительное *что-то* среднего рода, изменяется по падежам, но не имеет форм множественного числа; все остальные формы прилагательных (падежные формы женского и среднего рода слова *морозный*, падежные формы мужского и женского рода и множественного числа слова *необычный*) в данных словосочетаниях не используются.

На основе согласования могут также образоваться словосочетания, в которых часть форм слова (главный компонент) связана с соответствующей частью форм другого слова (зависимый компонент). Это наблюдается в формах косвенных падежей сочетаний существительных с количественными числительными (числительное здесь зависимое слово и согласуется с существительным в падеже: *дом с тремя окнами, на семи ветрах*) в отличие от форм прямых падежей (именительный и совпадающий с ним винительный падежи), в которых числительное выступает как главный компонент и требует формы родительного падежа существительного: *три дома, дом в три окна, семь ветров*.

На основе согласования могут быть образованы словосочетания, в составе которых соединены два слова во всем объеме своих форм; это сочетания существительного с существительным: *путь-дорога* (ср.: *пути-дороги, путём-дорогою*), *красавица-зорька, инженер-строитель, совхоз-гигант*.

Все эти виды сочетаний можно рассматривать как специфическое для согласования видоизменение синтаксического соединения «слово + форма слова».

### Согласование сказуемого с подлежащим

Синтаксическая традиция рассматривает как согласование и связь между формами слов: формой имениительного падежа существительного (подлежащее) и

спрягаемой формой глагола (сказуемое). По своему формально-синтаксическому механизму эта связь имеет много общего со связью между существительным и формами прилагательного, на которую ориентировано традиционное определение согласования как уподобления зависимого компонента словосочетания главному в одноименных грамматических формах.

Форма именительного падежа существительного и спрягаемая форма глагола или краткая форма прилагательного, подобно существительному и прилагательному в субстантивном словосочетании, бывают объединены общностью форм числа и рода: *Лес обнажился, поля опустели* (Н.); *Тиха украинская ночь. Прозрачно небо* (П.). Поскольку существительные не изменяются по родам, а некоторые из них имеют форму только одного числа, глагол же во всех спрягаемых формах изменяется по числам (а в прошедшем времени и сослагательном наклонении и по родам) и краткие формы прилагательных тоже изменяются по числам и родам, то имеются чисто формальные основания считать главным компонентом данных словосочетаний форму именительного падежа существительного и видеть в общности форм числа и рода результат соотнесения с ним спрягаемой формы глагола и краткой формы прилагательного. Направление синтаксической связи от подлежащего к сказуемому и ее предсказующий характер с очевидностью проявляются в конструкциях типа *Сметана скислы; Молоко скисло; Сливки скисли*, где полностью устранена возможность толкования формы сказуемого как независимой от формы подлежащего, так как сказуемое здесь повторяет грамматические «капризы» подлежащего и его форма не может быть понята как непосредственно мотивированная внеязыковой действительностью.

Более сложный случай согласования представлен в предложениях, где место существительного занято числительным, инфинитивом или другим «заместителем», не имеющим числа и рода. В таких предложениях нет уподобления сказуемого подлежащему в числе и роде, так как подлежащее не имеет этих категорий. Однако предсказующий характер связи и направление ее от подлежащего имеются и здесь: подлежащее предсказывает сказуемое в совершенно определенной форме — в форме единственного числа, а при изменяемости сказуемого по родам — среднего рода: *Отступать было покрыть*

*себя позором; Грязнуло «ура».* Таким образом, форма единственного числа среднего рода выступает как выражение соотнесенности сказуемого с подлежащим, не охарактеризованным по числу и роду.

При подлежащем с лексическим значением числа или неопределенного количества форма соотнесенности усложняется, она становится вариативной — среднего рода единственного числа или множественного числа: *Пятеро ушло (ушли); Несколько человек пришло (пришли)*. Последний вариант (мн. ч.), в котором грамматическая традиция видит «согласование по смыслу», отражает влияние на соотнесенность формальных признаков связываемых компонентов конструкции содержания главного компонента — подлежащего (наличия в нем значения множества). Выбор формы сказуемого в случаях, когда система языка предполагает ее вариативность, определяется узусом и нормой<sup>1</sup>.

Менее очевидно влияние формы именительного падежа существительного на форму лица глагола.

Характер грамматического значения лица и положение категории лица в системе грамматических категорий сложны. Это отражается в толковании категории лица разными учеными: категорию лица либо относят к семантически содержательным и включают в число предикативных категорий, либо рассматривают как собственно синтаксическую, согласовательную категорию.

Включение категорий лица, наряду с категориями времени и модальности, в комплекс, образующий предикативность, вызывает ряд выражений. Значение лица не является специфически «предложеческим» грамматическим значением, так как, в отличие от значения времени и наклонения, оно не составляет принадлежности только спрягаемой формы глагола. Значение лица несут все личные местоимения (существительные: *я, ты, он*; прилагательные: *мой, твой, его*; наречия: *по-моему, по-твоему*). Поэтому в предложении может быть выражено сразу несколько разных значений лица: *Я его боюсь; Ты взял мои очки*.

Однако и здесь связь сохраняет свой предсказующий характер. Личные местоимения 1—2-го лица прогнозируют соответствующие формы глагола-сказуемого; все другие существительные, не охарактеризованные по категории лица, — форму 3-го лица: *Мы отдохнём; Лес шумит*. В последнем случае связь не имеет характера уподобления (существительные, за исключением личных местоимений, не имеют категории лица) и форма 3-го лица глагола выступает как формальное выраже-

<sup>1</sup> О правилах выбора вариативных форм сказуемого см.: *Русская грамматика. Т. 2. § 2245—2248.*

ние соотнесенности с формой именительного падежа существительного, не охарактеризованного по категории лица (ср. соответствующее явление из области согласования по числу и роду).

Квалифицируя связь сказуемого с подлежащим, не охарактеризованным по категориям рода, числа и лица, как согласование, грамматисты опирались на интуитивное ощущение общности механизма связи в сочетаниях типа *хорошая погода*, *я иду*, с одной стороны, и *грянуло «ура»*, *лес шумит* — с другой. Исходя из традиционного понимания согласования как уподобления видеть согласование в связи сказуемого с подлежащим нельзя. К согласованию эти случаи относили вопреки принятому определению согласования как уподобления на основе интуитивного более широкого представления о сущности согласования. Учитывая данные случаи, согласование можно определить более точно — как соотнесенность форм главного и зависимого компонентов словосочетания, которая проявляется в том, что зависимый компонент уподобляется главному в одноименных формах числа и рода или лица либо сигнализирует своей формой о неохарактеризованности главного компонента со стороны числа, рода, лица.

Характеристика связи между формой именительного падежа существительного и спрягаемой формой глагола не исчерпывается установлением согласования, направленного от существительного к глаголу. Имеется и другая зависимость, которая реализуется в исходящем от спрягаемой формы глагола требовании определенной формы существительного, именно именительного падежа. Это требование определяется двумя характеристиками глагола-сказуемого. Во-первых, исходящее от глагола-сказуемого требование формы именительного падежа существительного определяется лексико-грамматической природой глаголов, способных вступать в такое сочетание, составляя одну из сторон сочетательных свойств глагола. Сочетаться с формой именительного падежа существительного могут так называемые личные глаголы, в отличие от безличных, сочетательные свойства которых не допускают употребления при них этой падежной формы существительного; ср.: *Я сплю*.— *Мне спится*; *Он не сидит на месте*.— *Ему не сидится на месте*. Спрягаемые формы глаголов, сочетательные свойства которых не допускают соединения их с формой именительного падежа существительного

(безличных), не имеют согласовательных категорий; они не изменяются по числам, родам и лицам, у них только одна форма: 3-е лицо единственного числа в настоящем и будущем времени и среднего рода в прошедшем времени и сослагательном наклонении,— что является знаком несоединимости глагола с именительным падежом существительного.

Во-вторых, исходящее от глагола-сказуемого требование формы именительного падежа существительного определяется грамматической формой глагола. Сочетаясь с формой именительного падежа глаголы могут лишь в спрягаемой форме, инфинитив не допускает сочетания с формой именительного падежа существительного; ср.: *Я сплю.— Мне спать; Он не сидит на месте.— Ему не сидеть на месте.*

В случаях типа *И царица — хотятъ* (П.) наличие формы именительного падежа объясняется тем, что инфинитив занимает позицию спрягаемой формы глагола, получая модально-временные характеристики, свойственные спрягаемой форме, и образуя предложения, смысл которых тот же, что и у предложений, включающих спрягаемую форму глагола; транспозиция, как это обычно бывает, сопровождается экспрессивно-стилистическими наслогениями, которые определяют своеобразие предложений с инфинитивом в позиции спрягаемой формы.

Зависимость подлежащего от сказуемого можно определить как *управление*, так как она выражается постановкой зависимого существительного в определенном (в данном случае в именительном) падеже. Здесь присутствует и другой характеристический признак управления: выражение связи определяется лексико-грамматической природой главного компонента словосочетания — тем, что это личный (не безличный) глагол. Соеобразие же этой связи в том, что определяющим фактором является не только лексико-грамматическая природа главного компонента, но и его форма — спрягаемая, в отличие от инфинитива, управляющего дательным падежом.

Наличие в сочетаниях формы именительного падежа существительного и спрягаемой формы глагола двойной разнонаправленной зависимости (требование соотнесенности в числе, роде, лице, исходящее от формы именительного падежа существительного, и требование формы именительного падежа, исходящее от спрягаемой формы глагола) заставляет квалифицировать их как *сочетания со связью взаимозависимости*,

образующейся сосуществованием согласования, в котором реализуется зависимость сказуемого от подлежащего, и управления, в котором реализуется зависимость подлежащего от сказуемого.

Во взаимозависимости между подлежащим и сказуемым обычно видят специфику связи компонентов предикативного словосочетания, ее особенный, «предложенческий» характер. Между тем данный тип взаимозависимости свойствен и одному виду непредикативных словосочетаний. Аналогичное сосуществование разнонаправленных согласования и управления имеет место в словосочетаниях, образованных формами именительного-винительного падежа числительного, изменяющегося по родам, и родительного падежа существительного: *два друга — две подруги; полтора часа — полторы недели*. В этих словосочетаниях числительное зависит от существительного, что выражается его согласованием с существительным в роде, и вместе с тем управляет существительным, требуя от него формы родительного падежа. Как и в сочетании «подлежащее + сказуемое», управление исходит не от слова (числительного), а от его формы именительного-винительного падежа (ср. формы косвенных падежей, в которых числительное не управляет существительным, а согласуется с ним: *двух друзей, двум друзьям* и т. д.). Своебразие данного случая управления в том, что числительное определяет форму не только падежа, но и числа зависимого существительного. Эта черта отличает вообще управление числительных существительными.

Специфика связи подлежащего со сказуемым заключается в своеобразной конструктивной роли соединяемых ею компонентов предложения. Подлежащее и сказуемое не составляют, подобно сочетаниям взаимосвязанных форм числительного и существительного, одного комплексного компонента предложения. Сказуемое, являясь носителем предикативности, образует предикативный центр предложения; подлежащее же представляет собой конструктивно необходимое распространение этого центра, наличие которого обязательно при функционировании двусоставного предложения как целого отдельного текста, т. е. без опоры на контекст и ситуацию, в условиях, когда в предложении представлены все его конститутивные компоненты.

## Полное и неполное согласование

Во всех рассмотренных случаях согласования влияние главного компонента словосочетания на зависимый распространялось на все их одноименные грамматические формы. Такое согласование принято называть **полным**. В отличие от него **неполным** согласованием называют такую связь, при которой зависимый компонент соотносится с главным не во всех одноименных формах.

Есть два случая неполного согласования. Первый случай — отсутствие соотнесенности в падеже (при уподоблении зависимого компонента словосочетания главному в числе и роде). Неполнота согласования вызывается наличием у зависимой словоформы связи с двумя различными словоформами: одна из них определяет форму числа и рода, другая — форму падежа зависимого компонента. В предложении *Аня не могла есть и вставала из-за стола голодной* (Ч.) словоформа *голодной* зависит от словоформы *вставала*, что выражается формой падежа, и от словоформы *Аня*, что выражается соотнесенностью форм числа и рода.

Второй случай — отсутствие уподобления в роде; неполнота согласования вызывается тем, что форма рода у зависимого компонента словосочетания становится семантически наполненной: обозначает реальный пол лица. Это наблюдается в сочетаниях прилагательных с существительными мужского рода, называющими профессии или должности, когда такие существительные употребляются применительно к женщинам: *наша врач, новая секретарь*. Подобные сочетания свойственны неофициальной речи.

### § 11. УПРАВЛЕНИЕ

Управление принято определять как вид подчинительной связи, при котором главный компонент словосочетания требует от зависимого формы определенного падежа без предлога или с предлогом. Но это определение ориентировано не на все традиционно относимые к управлению случаи, а лишь на те из них, где форма падежа существительного предсказывается управляющим словом как обязательная.

Между тем синтаксическая традиция относит к управлению и многочисленные случаи, где форма падежа

существительного непосредственно мотивирована выражаемым ею смыслом, а также случаи, где зависимая падежная форма существительного не обязательна. Здесь проявляется расхождение между принятой дефиницией явления и интуитивным более широким представлением о нем в науке XIX в.

Интуитивное представление об управлении состоит в следующем: управление мыслится как вид подчинительной связи, при котором в качестве зависимого компонента словосочетания выступают падежные формы существительного в их субстантивной сущности, т. е. не вызванные уподоблением падежной форме главного компонента, как это имеет место у прилагательных и вообще при согласовании (ср.: *в путь-дорогу, с красавицей-женой*), а выраждающие определенные смысловые отношения обозначаемого ими предмета к признаку или предмету, названному главным компонентом словосочетания. В основе этого представления лежат два признака: 1) управление понимается как вид зависимости падежных форм существительного (непосредственно или в сочетании с предлогом); 2) управление противополагается согласованию как связь, основанная не на уподобительном употреблении падежной формы.

Эти признаки отражают механизм синтаксической связи, и потому они, как и признаки, на основе которых синтаксическая традиция выделяла другие виды подчинительной связи (согласование и прымкание), морфологичны, связаны с грамматическими свойствами зависимой формы слова. В этой однородности подхода к выделению управления, согласования и прымкания стоит сильная и привлекательная сторона традиционного широкого понимания управления.

В целом управление представляет собой связь, направленную от слова (главный компонент словосочетания) к форме слова (зависимый компонент), вследствие чего форма управляющего слова не влияет на форму зависимого: *делать добро, делает добро, делающий добро; надеяться на успех, надеется на успех, надеющийся на успех; планета людей, планеты людей, планете людей; чуждый зависти, чуждого зависти, чуждые зависти*. Исключение составляют только два случая, когда связью управления соединены форма слова с формой слова (падежной формой существительного):

1. Сочетания, образуемые формами сравнительной степени прилагательного или наречия и превосходной

степени прилагательного: *сильнее смерти, выше гор; сильнейший из борцов, высочайшая из вершин*. Однако и в этих словосочетаниях изменение формы управляющего слова влечет за собой не изменение формы управляемого слова, а утрату позиции, т. е. словосочетание распадается; ср. невозможность употребления родительного беспредложного (как при компаративе) и сочетания «из + род. п.» (как при форме превосходной степени) при формах положительной степени прилагательных или наречий, например при *сильный (сильно), высокий (высоко)*, приведенных выше в компаративе и форме превосходной степени [«*сильный (сильно) смерти*», «*высокий (высоко) из гор*»]. Следовательно, данные словоформы управляют падежными формами существительных совершенно так же, как это свойственно словам; они имеют специфические сочетательные свойства, т. е. синтаксически ведут себя как слова.

2. Сочетания, образуемые спрягаемой формой личного глагола и формой именительного падежа существительного, инфинитивом и формой дательного падежа существительного: *Будет дождь.— Быть дождю; Он не уедет.— Ему не уехать;* возможные для некоторых глаголов при отрицании или значении интенсивности сочетания с формой родительного падежа существительного: *Не будет дождя; Не пришло ни одного человека; Натекло воды; Понаехало гостей.*

Сочетание безличного глагола с формой косвенного падежа существительного (*Большого знобит; Мне не спится; Ему взгрюстнулось*) с одинаковой убедительностью можно рассматривать и как сочетание формы слова (спрягаемой формы глагола) с формой слова (падежной формой существительного) и как сочетание слова (безличного глагола как лексемы) с формой слова (падежной формой существительного). Различия между сочетаниями «форма слова + форма слова» и «слово + форма слова» здесь нет, так как безличные глаголы имеют, по существу, лишь спрягаемые формы; из числа иеспрягаемых у них возможен только инфинитив, сочетательные способности которого ограничены соединениями с фазовыми и модальными глаголами, которые в этом случае имеют форму безличных (ср.: *знобит — начало знобить, может знобить*), так что употребление формы косвенного падежа существительного в таком сочетании не может являться доказательством того, что она зависит от безличного глагола как слова.

Таким образом, главный компонент словосочетания при управлении может быть словом или формой слова, зависимый же — всегда форма слова, и при этом форма совершенно определенного класса — падежная форма существительного.

Управляющее слово может принадлежать к любой части речи. Соответственно различаются глагольное, субстантивное, адъективное и адвербиальное управление: *уважать противника, соответствовать требованиям, отказать в просьбе, идти по тропинке; стакан молока, вид спорта, внимание к окружающим; готовый к работе, далёкий от жизни, похожий на гвоздь; вдвоём с братом, украдкой от матери, сродни искусству.*

Управление предстает как явление неоднородное. Это было замечено многими исследователями синтаксического строя русского языка, предлагавшими одно из двух решений: либо сузить понятие управления, либо разграничить внутри управления несколько видов.

Первое направление связано с именем А. А. Потебни, который писал: «Чтобы понятие управления не располжилось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого (напр., винительный прямого объекта при действительном глаголе, падеж с предлогом при предложном [приставочном] глаголе, как *надеяться на бога*). Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи. Другими словами, связь между дополняемым и дополнением может быть теснейшая и более *отдаленная*»<sup>1</sup>. Потебня обратил внимание на два признака подчинительной связи, по-разному проявляющиеся в разных случаях, по традиции относимых к управлению: 1) указывает ли дополняемое на падеж дополнения или не указывает<sup>2</sup>; 2) является ли связь между дополняемым и дополнением «теснейшей» или «более отдаленной». Эти признаки Потебня считал существующими только в таких комбинациях: дополняемое указывает на падеж дополнения — связь «теснейшая»; дополняемое не указывает на падеж дополнения — связь «более отдаленная».

Природа первого признака очевидна: это предсказующий ~ непредсказующий характер связи. При предсказующей связи форма зависимого компонента словосочетания определяется свойствами главного — собст-

<sup>1</sup> Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2. С. 120.

<sup>2</sup> Для А. А. Потебни, отстаивавшего тезис о параллелизме между членами предложения и формами частей речи, все формы косвенных падежей являются дополнениями, а поясняемые ими слова — дополняемыми.

венно грамматическими: *выше гор, высочайшая из гор*; лексико-грамматическими: *чувствовать боль, бояться боли*; словообразовательными: *натолкнуться на ошибку, оторваться от преследователей*. При непредсказующей связи форма зависимого компонента словосочетания не определяется свойствами главного, а выбирается из числа форм зависимого существительного как носительница именно того смысла, который должно выражать это существительное: *идти с другом, работать в саду*.

Менее ясна природа второго признака. За определениями связи «теснейшая» и «более отдаленная» может стоять признак обязательности ~ необязательности связи. В истории русской науки укрепилось именно такое понимание, и с признаком предсказуемости стали связывать признак обязательности, а с признаком непредсказуемости — признак необязательности.

Мысль, высказанная Потебней, оказала большое влияние на последующее изучение управления. На основе комплексного представления о предсказуемости-обязательности синтаксической связи, с одной стороны, и непредсказуемости-необязательности — с другой, стали различать два вида управления: сильное и слабое. Эти понятия были выдвинуты А. М. Пешковским, который определил сильное управление как «такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь<sup>1</sup>. Слабое управление соответственно определялось как связь не необходимая, т. е. такая, при которой зависимая форма косвенного падежа не является обязательной и не предсказывается словарными (лексическими) или грамматическими свойствами управляющего слова.

Признак обязательности ~ необязательности синтаксической связи, на который наряду с признаком предсказуемости ~ непредсказуемости ориентировано понятие сильного ~ слабого управления, долгое время не был предметом анализа, так как не отделялся от признака предсказуемости ~ непредсказуемости. Первые

<sup>1</sup> Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 285.

попытки его выделения и определения относятся к середине 60-х годов XX в.

Позднее внимание исследователей привлек еще один признак, позволяющий выделить в традиционно широких границах управления несколько видов связи. В ряде работ предлагается различать не два, а большее количество видов связи форм косвенных падежей существительных со словом, от которого они зависят. При этом делении, кроме признаков предсказуемости ~ непредсказуемости и обязательности ~ необязательности, учитывается еще и характер синтаксических отношений между компонентами словосочетания.

Наибольшую известность получила концепция, согласно которой выделяются три вида связи зависимых форм косвенных падежей: сильное управление, слабое управление и именное (или падежное) примыкание<sup>1</sup>. Основным признаком, на основе которого разграничиваются эти виды связи, является характер синтаксических отношений, а следовательно, и характер значения падежных форм. Только этот признак и отличает именное примыкание от управления (сильного и слабого вместе): при управлении выражаются объектные и субъектные отношения, а также отношения, называемые восполняющими (комплетивными), и падежные формы сохраняют свое предметное значение, а «при именном примыкании возобладавшим оказывается не предметное значение примыкающего имени, а атрибутивное (в широком смысле этого слова) значение самой падежной формы или всей предложно-падежной группы, которая выступает в этом случае как потенциальное наречие или потенциальная „прилагательная форма“»<sup>2</sup>.

Семантический же признак, но уже наряду с признаком обязательности ~ необязательности связи различает в этой концепции сильное и слабое управление: при сильном управлении выражаются собственно объектные или комплексивные отношения и появление зависимой падежной формы предопределено как регулярное, а при слабом управлении «объектные, субъектные или комплексивные отношения осложнены отношениями

<sup>1</sup> См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 489—490, 516. Аналогичные характеристики даются и в «Русской грамматике» (Т. 2. § 1728. С. 21), но там они сформулированы менее определенно.

<sup>2</sup> Грамматика современного русского литературного языка. С. 516.

собственно-характеризующими или обстоятельственно-характеризующими» и появление зависимой падежной формы как регулярное не предопределено<sup>1</sup>.

## § 12. ПРИМЫКАНИЕ

Примыкание — это вид подчинительной связи, который выражается не изменением формы зависимого компонента словосочетания, а лишь «его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения»<sup>2</sup>, поэтому в качестве зависимых компонентов при примыкании выступают неизменяемые слова и такие формы изменяемых слов, которые не выражают их синтаксической зависимости.

Примыкающими бывают наречия, глагол в инфинитиве или в форме деепричастия, неизменяемое прилагательное и прилагательное в простой форме сравнительной степени: *провернуть направо, ехать верхом, очень старый; люблю плавать, привычка курить; идёт прихрамывая; пальто беж; Дети постарше шли впереди*.

Связью примыкания соединены с существительными формы притяжательного местоимения 3-го лица *его, её, их* (грамматически близкие неизменяемым прилагательным), у которых нет форм падежа, а формы рода и числа номинативно значимы и не участвуют в выражении связи: *его семья (дом, дети), её семья (дом, дети), их семья (дом, дети)*.

Примыканием является связь между существительным и не согласованной с ним формой зависимого существительного или группой форм существительных, в целом составляющей зависимый компонент словосочетания: *озеро Байкал* (ср.: *на озере Байкал*), *деревня Броды* (ср.: *из деревни Броды*), *станция «Университет»* (ср.: *к станции «Университет»*), *журнал «За рубежом»* (ср.: *в журнале «За рубежом»*), *магистраль Москва — Ленинград* (ср.: *по магистрали Москва — Ленинград*). Форма зависимого существительного в этих словосочетаниях сама по себе не служит для выражения связи, т. е. ведет себя как неизменяемая. Связь выражается специфическим для примыкания способом: контактным постпозитивным расположением примы-

<sup>1</sup> Грамматика современного русского литературного языка. С. 490.

<sup>2</sup> Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2. Ч. 1. С. 23.

кающего компонента, вхождением его в одну синтагму с определяемым словом, соотношением значений главного и зависимого компонентов словосочетания.

На основе примыкания всегда сочетаются слово (главный компонент) и форма слова (зависимый компонент). Главный компонент словосочетания, основанного на примыкании, никогда не бывает формой слова: *идти* (*идёт, идущий, идя*) *быстро*, *идти* (*идёт, идущий, идя*) *купаться*, *идти* (*идёт, идущий*) *пританцовывая* (*вприпрыжку*).

В качестве главного компонента словосочетания при примыкании могут выступать слова разных грамматических классов, однако их сочетательные возможности в рамках примыкания строго ограничены собственно грамматическими или семантическими условиями. Качественные наречия, например, совершенно невозможны при существительных, а деепричастия могут употребляться только при глаголах. Инфинитив может быть употреблен почти при любой части речи (при существительном, прилагательном, наречии, глаголе), но не при каждом слове, принадлежащем к этим частям речи. Инфинитив свободно примыкает лишь к словам, в значении которых содержится модальный элемент: *хочу путешествовать, страсть путешествовать, готов путешествовать, нельзя путешествовать*. Среди глаголов (и только среди них) есть еще две семантические группы слов, к которым примыкает инфинитив,— фазовые глаголы: *начал учиться, бросил курить, продолжает говорить* и глаголы движения: *приехал учиться, зашёл поговорить*. Разные семантические группы наречий сочетаются с разными группами глаголов. Так, качественные и количественные наречия возможны далеко не при каждом глаголе [ср. невозможность их при глаголах *находиться, очутиться, принадлежать* и т. п.; ср. допустимость только наречия с количественным значением при глаголе *везти* (*отчаянно везёт*)]. Более свободны обстоятельственные наречия (особенно локальные и темпоральные), которые возможны при словах разных грамматических и семантических классов: *заметить справа, работать допоздна, согласиться поневоле, сказать сгоряча; квартира напротив, лес зимой, жаркая летом одежда, зелёная зимой ель*. Возможность примыкания того или иного обстоятельственного наречия к тому или иному слову определяется соотношением их лексических значений.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика русского языка.* М., 1954. Т. 2. С. 22—34.
- Ковтунова И. И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение. М., 1976. § 9—12.
- Курилович Е.* Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 53—61, 283—288.
- Русская грамматика.* М., 1980. Т. 2. § 1720—1730.
- Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980. С. 8—23.
- Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971. С. 7—27, 174—206.

## Глава 2

### СЛОВО И ФОРМА СЛОВА КАК ОБЪЕКТЫ СИНТАКСИСА

#### § 13. СЛОВО КАК ОБЪЕКТ СИНТАКСИСА

В синтаксисе обнаруживается резкое различие между знаменательными и незнаменательными словами.

Знаменательное слово в синтаксисе раскрывается со стороны своей сочетаемости, то есть способности вступать в подчинительную связь. Таким образом, описание синтаксиса знаменательного слова состоит в характеристике его сочетательных свойств, которые реализуются в синтаксических соединениях, построенных на основе подчинительной связи. Следует заметить, что слово как совокупность всех своих форм не может вступать в сочинительную связь и выполнять какую-либо функцию в предложении, являясь его членом: это делают формы слова.

В зависимости от направления анализа синтаксических соединений, основанных на подчинительной связи, от того, как выбрана исходная точка анализа, различают активную и пассивную сочетаемость. Активная сочетаемость (или валентность) — это сочетательные свойства главного компонента словосочетания, «хозяина», характеристика того, что именно способен он к себе присоединять в качестве своих определителей, того, каких «слуг» предполагает этот «хозяин». Пассивная сочетаемость — это сочетательные свойства зависимого компонента словосочетания, «слуги», характеристика того, к чему он способен присоединяться.

няться в качестве определителя, того, какого «хозяина» предполагает этот «слуга».

Так, словосочетание *дружная работа* может быть рассмотрено в плане активной сочетаемости слова *работа* и в плане пассивной сочетаемости словоформы *дружная*. В первом случае анализ ведется от главного компонента словосочетания — слова *работа* и при этом выясняется, что это слово, как любое существительное, может присоединять к себе согласуемую с ним форму прилагательного. Во втором случае анализ идет от зависимого компонента словосочетания — словоформы *дружная* и при этом выясняется, что эта форма выбирается из числа форм прилагательного *дружный* по требованию главного компонента словосочетания (*работа*) в соответствии с правилами согласования.

Слово в синтаксисе характеризуется в плане активной сочетаемости. О пассивной сочетаемости слова говорить нельзя, так как в составе подчинительного синтаксического соединения слово со всей своей парадигмой всегда является главным компонентом, исполняет только роль «хозяина» и никогда не выступает как «слуга»<sup>1</sup>.

Границы слова в синтаксисе иные, чем в лексике. Многозначное слово, являясь объединением нескольких лексико-семантических вариантов (ЛСВ), представляет одну лексему, но, как правило, сочетаемость у его ЛСВ разная и это делает одну лексему соединением нескольких слов как синтаксических объектов. Ср.: *Человек быстро идёт от калитки к дому; Дорога идёт от леса к реке; Время быстро идёт*. В первом предложении лексема *идти* представлена ЛСВ со значением ‘двигаться, переступая ногами’; в этом значении *идти* предполагает определители направления движения по исходной и конечной точкам (*от калитки к дому*) и допускает качественно-характеристический определитель (*быстро*). Во втором предложении *идти* обозначает ‘пролегать, быть расположенным’; в этом значении *идти* предполагает те же локальные определители (*от леса к реке*), но не допускает качественно-характеристического определителя (ср. невозможность предложения «*Дорога быстро идёт от леса к реке*»). В третьем предложении, где лексема *идти* представлена ЛСВ ‘двигаться’

<sup>1</sup> Исключение составляют имеющие только одну словоформу неизменяемые слова: их единственная словоформа является одновременно единственным представителем слова.

ся', невозможны локальные определители, но допускается качественно-характеристический определитель (*быстро*). Таким образом, каждый ЛСВ лексемы *идти* имеет свою специфическую сочетаемость и выступает как особый объект синтаксиса.

Различия в сочетаемости ЛСВ одной лексемы широко распространены. Поэтому есть основания признать, что слово как синтаксический объект представляет собой совокупность форм (морфологическую парадигму), но не совокупность значений. Слово как синтаксический объект — это ЛСВ, носитель одного значения, имеющий одни и те же сочетательные свойства в составе возглавляемых им синтаксических соединений, образованных на основе подчинительной связи.

На основе подчинительной связи образуются соединения, главным компонентом которых является слово как синтаксический объект, двух родов: 1) «слово + форма слова»: *говорить с другом, говорить о новостях, громко говорить, громкий разговор*; 2) «слово + предложение, т. е. предикативная единица»: *стена, в которой не было окон; знать, что перебивать взрослых нельзя; хотеть, чтобы всё уладилось мирно*. Первые есть все основания назвать подчинительными словосочетаниями (или просто словосочетаниями — при узком понимании этого термина); такое название имеет давнюю и стойкую традицию в отечественной науке. Вторые включают в себя компонент (зависимый), который обладает предикативностью, а это не соответствует грамматическому статусу словосочетания.

Синтаксические соединения и того и другого типа в речи существуют в составе простых предложений (соединения первого типа) или сложных предложений (соединения второго типа). Их изолированное употребление предполагает определенные текстовые условия. Наиболее типична для такого употребления функция заголовка: *Человек, который смеётся; Фестиваль, какого ещё не было; День, когда надо уйти* (заголовки).

Соединения первого типа (подчинительные словосочетания) образуют все слова, соединения второго типа — слова лишь двух классов, выделяемых по разным признакам.

1. Все существительные обладают способностью присоединять к себе придаточную часть сложноподчиненного предложения, вводимую союзным словом *который* или его «заместителями»: *дверь, в которую мы во-*

*шли (к двери, в которую мы вошли; о двери, в которую мы вошли...); берёза, что стояла у колодца (у берёзы, что стояла у колодца...); тревога, какой я не знал раньше (с тревогой, какой я не знал раньше...); такие придаточные называют присубстантивными.*

2. Существует достаточно обширный класс слов, которые способны присоединять к себе придаточные части с союзами *что*, *чтобы* и их «заместителями», а также союзными словами и частицей *ли*; такие придаточные называют изъяснительными. В этот класс, выделяемый на семантическом основании, входят слова со значением характеристики речевого акта (*говорить, спрашивать, приказывать* и др.), восприятия (*видеть, слышать* и др.), интеллектуальной и эмоциональной деятельности (*знать, предполагать, чувствовать* и др.) оценки (*хорошо, нужно* и др.) — словом, все лексемы, способные выразить то или иное отношение мыслящего субъекта к «положению дел», называемому в придаточной части сложноподчиненного предложения, или к самому речевому акту: *сказать (сказал, сказалший...), что Волга впадает в Каспийское море; попросить (по-прошу, попросив...), чтобы встречу перенесли; ощутить (ощущает, ощущая...), как сильно бьётся сердце; сообразить (сообразил, сообразивший...), какие вещи (что) взять с собой; неизвестно, где мы встретимся; непонятно, идёт ли дождь.*

Слова названных двух классов играют конструктивную роль в системе сложного предложения: с их участием формируется особый тип сложного предложения — сложноподчиненное предложение с присловной придаточной частью (см. § 88).

По количеству и характеру определителей («слуг»), которые может иметь слово как главный компонент («хозяин») подчинительного соединения (иначе — по своей валентности) слова различаются между собой и объединяются в сочетательные (иначе — дистрибутивные) классы.

У сочетаемости слова есть две стороны: синтаксическая и словарная. Синтаксическая сочетаемость «ответственна» за то, сколько определителей и в какой форме может иметь слово; словарная сочетаемость — за то, формы каких лексем могут быть определителями слова.

На основе синтаксической сочетаемости определяются сочетательные классы слов как синтаксических

объектов, т. е. как главных компонентов подчинительных соединений. Они достаточно хорошо изучены и описаны в синтаксисе словосочетаний и сложного предложения.

Установлено, что синтаксическая сочетаемость слова определяется рядом факторов разного рода, вследствие чего сочетательные классы как бы пересекаются и ограничения для разных классов имеют разную природу.

1. Синтаксическая сочетаемость может определяться принадлежностью слова к той или иной части речи. Так, различия в синтаксической сочетаемости главных компонентов в словосочетаниях типа *весело смеяться* — *весёлый смех* определяются тем, что первый из них глагол, а второй — существительное; то же в словосочетаниях типа *строить дом* — *строительство дома*. Аналогичное явление существует в сфере сложного предложения: присоединять к себе придаточную часть, вводимую согласуемым в числе и роде союзным словом *который* или его «заместителями», могут только существительные, и при этом все существительные.

2. Синтаксическая сочетаемость слова может определяться его морфемной структурой и словообразовательными связями.

У ряда слов приставка предсказывает форму определителя — предложно-падежную конструкцию, в которой предлог повторяет приставку или семантически ее дублирует: *оттолкнуть от берега*, *подлезть под кровать*, *входить ( вход ) в дом*; *выходить ( выход ) из дома*, *подтолкнуть к берегу*, *перепрыгнуть через канаву*, *обежать вокруг дома*, *просвечивать сквозь шторы*.

Словообразовательные связи некоторых производных слов предсказывают форму их определителей. Так, многие отглагольные и отадъективные существительные повторяют управление словообразовательно с ними связанных слов: *благоговение перед отцом* ← *благоговеть перед отцом*, *снисхождение к слабым* ← *снисходить к слабым*, *содействие школе* ← *содействовать школе*, *способности к математике* ← *способный к математике*, *довольство собой* ← *довольный собой*, *преданность родине* ← *преданный родине*.

3. Синтаксическая сочетаемость может определяться семантическими свойствами слова: его принадлежностью к той или иной семантической группе слов, которой свойственна специфическая сочетаемость. Так,

слова разных частей речи и с разными словообразовательными связями, включающие в свое содержание компонент модального значения (желания, долженствования, необходимости), могут определяться инфинитивом: *хотеть уехать, желание уехать, готовый (готов) уехать, рад уехать, план уехать; надо уехать, необходимость уехать*. Аналогичное явление существует в сфере сложного предложения, где упомянутые выше изъяснительные придаточные являются распространителями слов определенной семантики.

4. Наконец, синтаксическая сочетаемость слова может быть его индивидуальной чертой, характеризуя одно это слово или группу слов, не имеющих словообразовательной и семантической общности. Так, среди переходных глаголов (имеющих семантическую общность — называют действия, направленные на объект) есть такие, управление которых стандартно: они управляют беспредложным винительным падежом (прямопереходные глаголы), и такие, управление которых индивидуализировано: имя объекта имеет форму одного из косвенных падежей (кроме винительного) или предложно-падежного сочетания (косвеннопереходные глаголы). Следствием этой особенности синтаксической сочетаемости переходных глаголов является то, что глаголы одной и той же семантической группы в границах этого обширного класса имеют разное управление. Ср. сочетаемость глаголов со значением эмоционального отношения: *уважать (любить) мать (отца), бояться матери (отца), верить матери (отцу), гордиться матерью (отцом), надеяться на мать (отца), преклоняться перед матерью (отцом)*. Ср. также разную синтаксическую сочетаемость других семантически близких глаголов: *продавать овощи — торговать овощами, сопровождать редкие металлы — сопутствовать редким металлам, влиять на настроение — сказываться на настроении*.

Ограничения классов слов, имеющих одну и ту же синтаксическую сочетаемость, могут быть и комплексными. Яркий пример этого — сочетаемость глаголов с инфинитивом. Кроме слов с модальным значением, которые способны определяться инфинитивом независимо от своей принадлежности к той или другой части речи, есть глаголы, обнаруживающие специфически глагольную сочетаемость. Это глаголы фазовые и глаголы движения. При этом сочетаемость этих слов ограничена.

ничена сразу двумя разнородными признаками; в этот дистрибутивный класс входят только глаголы, и только такие, которые имеют фазовое значение или значение движения: *начать (продолжать, кончить) учиться, приехать учиться* [ср. невозможность словосочетаний «*начало (продолжение, конец) учиться*», «*приезд учиться*»].

Как следствие многоплановой мотивации синтаксической сочетаемости и пересечения сочетательных классов возникает явление вариативности форм выражения синтаксической связи: *пройти много операций (через много операций), тосковать о детях (по детям)*.

Менее изучена словарная сочетаемость. Ее факты фиксируют толковые словари и словари сочетаемости, но не всегда последовательно и точно. Обобщая конкретные наблюдения над словарной сочетаемостью, Ю. Д. Апресян говорит о двух типах ограничений того, формы каких именно слов могут выступать определителями при том или ином слове: семантических и лексических (в его терминологии — о семантической и лексической сочетаемости).

Семантические ограничения словарной сочетаемости слова имеют место там, где «они могут быть сформулированы в терминах семантических признаков, и если любое слово, имеющее эти признаки, способно замещать соответствующую валентность данного слова»<sup>1</sup>. Так, различия в словарной сочетаемости между близкими по значению глаголами *снимать* и *арендовать* регулируются разными семантическими ограничениями; *снимать* сочетается только с именами со значением ‘помещение’: *снимать дачу (квартиру, комнату, угол, дом, спортзал)*, а *арендовать* — еще и с именами со значением ‘угодие’: *арендовать пашню (сад, озеро)*.

Лексические ограничения словарной сочетаемости слова имеют место там, где они «не могут быть заданы иначе, как с помощью списка слов, способных замещать данную валентность»<sup>2</sup>. Так, различия в словарной сочетаемости близких по значению слов *ошибиться* и *перепутать* регулируются разными лексическими ограничениями; при *ошибиться* как объектный

<sup>1</sup> Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 142.

<sup>2</sup> Там же.

определитель возможны формы ряда слов: *ошибиться адресом* (*дверью, домом, номером, окном, этажом, телефоном* и т. д.), а при *перепутать*, кроме них, в той же позиции возможны и формы других слов: *перепутать даты* (*ключи, названия, слова* и т. д.).

Ограничения словарной сочетаемости слов *уменьшить* и *бросить* 'резко уменьшить' принципиально различаются. Слово *уменьшить* сочетается с любым существительным, обозначающим градуируемый физический параметр тела или процесса: *уменьшить вес* (*размер, ширину, высоту, расстояние, давление, расходы, количество участников*). Сочетаемость слова *бросить* 'резко уменьшить' не может быть описана с опорой на семантический признак, ее границы необходимо обозначать списком существительных, формы винительного падежа которых способны употребляться как объектный определитель при данном слове: *бросить вес* (*газ, давление, скорость*) [ср. невозможность словосочетаний *'бросить размер (ширину, высоту, расстояние, количество участников)'*]. В первом случае мы имеем дело с семантическим ограничением, во втором — с лексическим.

Все сказанное выше о синтаксисе слова относится к словам знаменательным. Совершенно иначе раскрываются в синтаксисе незнаменательные слова, к числу которых относятся связка, союзы, предлоги, частицы и модальные слова (по В. В. Виноградову). Эти слова не имеют сочетаемости, сами по себе они не могут вступать ни в подчинительную, ни в сочинительную связь. В синтаксисе они характеризуются по своей функции в составе синтаксических единиц. Эти функции различны у разных классов незнаменательных слов.

Связка служит для введения именных компонентов в состав предложения на место глагольных форм. Этот класс незнаменательных слов в русском языке представлен одним словом *быть*<sup>1</sup>.

Союзы выражают синтаксические связи и смысловые отношения между компонентами синтаксических

<sup>1</sup> Такое понимание связки идет от Л. В. Щербы. В синтаксической традиции выработано более широкое понятие о связке как члене предложения — глагольном компоненте составного именного сказуемого; в соответствии с таким пониманием среди связок различают: незнаменательную (*быть*), полузнаменательные (*являться, стать, делаться* и др.) и знаменательные (глаголы в предложениях типа *Они вернутся победителями*).

соединений: формами слов и предложениями, словами и предложениями.

Предлоги выражают синтаксическую зависимость форм косвенных падежей существительных и смысловые отношения, в которые они вступают. Предлог и форма косвенного падежа существительного составляют один компонент синтаксического соединения.

Частицы и модальные слова участвуют в выражении субъективных значений, вносимых говорящим в содержание предложения.

Общая характеристика, которую можно дать классам незнаменательных слов по их синтаксическим функциям, с неизбежностью оказывается слишком абстрактной и содержательно бедной. Каждый из названных классов незнаменательных слов (кроме связки) включает достаточно обширный круг слов, которые существенно разнятся по синтаксическим свойствам. Конкретное описание значения и синтаксического «поведения» всех незнаменательных слов еще не сделано. Для его создания требуется кропотливая работа по изучению условий употребления каждого незнаменательного слова, его соотношения с другими близкими по функции словами.

#### § 14. ФОРМА СЛОВА КАК ОБЪЕКТ СИНТАКСИСА

Форма слова в синтаксисе раскрывается более многогранно, чем слово. Как уже говорилось, форма слова может быть зависимым компонентом подчинительного соединения, компонентом соединения, основанного на сочинительной связи, и компонентом предложения.

Функция главного компонента подчинительного соединения форме слова не свойственна. Исключение составляют лишь формы сравнительной и превосходной степени, которые имеют специфическое управление (*старше брата, старший из братьев*), а также спрягаемая форма глагола и инфинитив, управляющие именительным (родительным) или дательным падежом в составе предикативной конструкции; ср.: *Пришли письма.— Не пришло писем; Дети учатся.— Детям учиться.*

Формы сравнительной степени (компаратив) обладают также специфической способностью присоединять к себе придаточную часть сложноподчиненного предложения с союзом *чем* (и его стилистически окрашенным «заместителем» — союзом *нежели*); такие прида-

точные называют прикомпаративными: *Дети вели себя лучше, чем мы ожидали.*

Синтаксические соединения, возглавляемые формами сравнительной и превосходной степени, вполне аналогичны подчинительным соединениям типа «слово + форма слова» или «слово + простое предложение». Статус этих форм вызывает споры. Существует взгляд на формы сравнительной и превосходной степени как на особые слова, производные от форм положительной степени прилагательных и наречий. И есть основания поддержать это толкование: синтаксически они ведут себя как слова, а не как формы слов<sup>1</sup>.

Что касается указанных выше синтаксических соединений, возглавляемых спрягаемыми формами глагола и инфинитивом, то они очень специфичны и не имеют аналогов среди сочетаний типа «слово + форма слова»; их сущность раскрывается при анализе строения соответствующих образцов предложения.

Сочинительная связь не предъявляет никаких требований к форме сочетающихся на ее основе компонентов синтаксического соединения. Вхождение в соединение, основанное на сочинительной связи, возможно для всех форм слов и, являясь характерной чертой всего этого класса объектов, не позволяет обнаружить синтаксическое своеобразие отдельных форм слов и их классов.

Таким образом, описание синтаксиса формы слова состоит в характеристике ее как со стороны пассивной сочетаемости в составе подчинительного соединения, так и со стороны функции в простом предложении.

По пассивной сочетаемости все формы слова делятся на согласуемые, управляемые и примыкающие. Первые и вторые противостоят третьим по тому, выражает ли непосредственно сама форма синтаксическую связь, т. е. свое зависимое положение, или не выражает. Согласуемые и управляемые формы, непосредственно указывая на своего «хозяина», выражают зависимость от него; примыкающие же формы сами по себе не указывают на «хозяина» и зависимости не выражают, вследствие чего примыкающей может быть единственная форма неизменяемого слова.

Согласуемые и управляемые формы слова противостоят друг другу по тому, какие грамматические катего-

<sup>1</sup> На этом основании прикомпаративные придаточные включаются в число присловных наряду с присубстантивными и изъяснительными (см. § 88).

рии в них представлены: у согласуемых форм слов наличествуют категории рода, числа и падежа, участвующие в выражении согласования в полном наборе или с ограничениями, а у управляемых — категория падежа, значимая номинативно и ~ или синтаксически.

Так, в предложении *Вечером мы весело смеялись над забавным утренним происшествием* представлены формы слов всех классов: согласуемые — **забавным утренним происшествием**, управляемая — **смеялись над происшествием**, примыкающие — **вечером весело смеялись**. Кроме того, в соединении *мы смеялись* представлена взаимозависимость форм, в которой сочетаются согласование и управление: число существительного (личного местоимения) *мы* определяет число спрягающейся формы глагола *смеялись* по правилу согласования, а форма *смеялись* требует от *мы* формы именительного падежа по правилу управления.

По функции в предложении намечается несколько оппозиций и — соответственно — несколько классов форм слов. Оппозиции форм слов построены на основе следующих дифференциальных признаков: 1) способности ~ неспособности быть носителями предикативности; 2) способности ~ неспособности сочетаться со связкой; 3) способности ~ неспособности определять форму носителей предикативности по согласовательным категориям; 4) способности ~ неспособности обозначать участников называемой предложением ситуации.

1. Выше уже было сказано, что фундаментальным свойством предложения является наличие в нем предикативности, т. е. актуализационно-оценочного значения реальности ~ ирреальности той ситуации, которая называется в предложении, и времени ее существования относительно момента речи. В предложении всегда имеется компонент, являющийся носителем предикативности, форма которого выражает то или иное модально-временное значение. Так, в предложениях *Дети бегают*; *Дети бегали*; *Дети бегали бы* называется одна и та же ситуация ‘бегание детей’, но она по-разному соотнесена с действительностью и с моментом речи: в первых двух ситуация оценена говорящим как реальный факт настоящего или прошлого, в третьем же она характеризуется как ирреальная, существующая лишь в мыслях, в воображении говорящего. Эти разные модально-временные значения выражаются наклонением и временем глагола. Таким образом, носителем предикативности

является форма глагола, и при этом только одна из форм, которые передают модально-временные значения. Это любая из спрягаемых форм глагола ( $V_f$ ) и инфинитив ( $Ipf$ ).

Спрягаемым формам глагола свойство выражать модально-временные значения присуще постоянно; инфинитив же приобретает это свойство, становясь компонентом предложения, построенного по одному из двух формальных образцов, в составе которых он сочетается с формой именительного или дательного падежа: *Дети бегать; Детям бегать.*

Глаголу как слову функция носителя предикативности не свойственна. Ср.: *Каждому хочется жить хорошо; Живя уединённо, он не имел ни друзей, ни врагов; Все живущие на свете стремятся к счастью! Мы жили по соседству; Нам жить по соседству* — здесь только в последних двух предложениях носителями предикативности выступают формы глагола *жить* — спрягаемая и инфинитив (последняя форма в том синтаксическом окружении, в котором она обладает свойством выражать предикативность); в первых же трех предложениях предикативность выражается спрягаемыми формами других глаголов: *хотется, имел, стремятся*.

Являются ли спрягаемые формы глагола и инфинитив (последняя в определенном синтаксическом окружении) единственными возможными носителями предикативности? Возможны ли в русском языке предложения, не содержащие спрягаемой формы глагола или инфинитива — безглагольные? Ответ на эти вопросы зависит от того, как понимать грамматический статус слова *быть* в предложениях типа *Была осень; Ночь будет ясная; Платёж было в клетку; Всё будет наоборот; Жить было хорошо.*

В науке *быть* рассматривается или как глагол со специфическим («пустым») лексическим значением, или как особое служебное слово — связка. Факты языка, в которых проявляется грамматическая природа этого слова, его системные свойства, достаточно сложны и дают основания как для первого, так и для второго понимания.

Основанием для первого понимания является то, что *быть* имеет полную глагольную парадигму: спрягаемые формы, причастие (*бывший*), деепричастие (*будучи*) и инфинитив; причем синтаксические функции этих форм те же, что и у соответствующих форм глагола,

в частности, функция носителя предикативности постоянно присуща спрягаемой форме «пустого» *быть* (*Сор<sub>1</sub>*), а у инфинитива она проявляется в тех же синтаксических окружениях, которые возможны для инфинитива глагола. Ср.: *Быть миру на земле; Быть рекам чистыми; Нам нравилось быть вместе; Быть ленивым было невыгодно* — носителем предикативности инфинитив (*быть*) выступает лишь в первых двух предложениях, имеющих характерное для инфинитивных предложений значение предстояния; в двух последующих модально-временной план выражают другие словоформы (*нравилось, было*).

Понимание лексически «пустого» *быть* как глагола опирается также на то, что наряду с ним существует полнозначный глагол *быть* ‘иметь, иметься, наличествовать’: *У брата была лодка; В доме была кошка*. При этом *быть «пустое»* и *быть полнозначное* не во всех возможных для них употреблениях четко противопоставлены. Неясно, например, какую природу имеет *быть* в предложениях, выражающих ситуацию нахождения чего-либо где-либо: *Я был на собрании*. Формальной приметой полнозначного *быть* является наличие у него нулевой формы настоящего времени *есть* (она неизменяется по числам и лицам): *У брата есть лодка; В доме есть кошка; У тебя есть я*. Однако правила употребления *есть* сложны и многогранны, они не сводятся к тому, какое значение имеет *быть*<sup>1</sup>.

Понимание *быть* как служебного слова основывается прежде всего на том, что в отличие от всех глаголов «пустое» *быть* не имеет никакого номинативного значения: все его содержание грамматично; это формант, который служит для введения неглагольных компонентов в предложение на место глагольных.

От глаголов «пустое» *быть* отличает еще и то, что этому слову чужды видовые значения; оно имеет своеобразную систему форм, которая отличается от системы форм и совершенного и несовершенного вида. Подобно глаголам совершенного вида, *быть* имеет форму будущего простого времени, но в отличие от них еще и

<sup>1</sup> См.: Володина Г. И. Выражение факта наличия безглагольными предложениями // Проблемы учебника русского языка как иностранного: Синтаксис. М., 1980. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983. С. 83; Лобанова Н. А., Слесарева И. П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов: Систематизирующий курс: III год обучения. М., 1984. С. 256.

форму настоящего времени, при этом форму особого свойства — нулевую: отсутствие спрягаемой формы *быть* (кроме случаев эллипсиса типа *Старший сын был забиякой, младший тихоней; Сын будет лётчиком, а дочка врачом*) однозначно передает значение настоящего времени изъявительного наклонения, т. е. выражает реальное существование обозначаемой в предложении ситуации во времени, совпадающем с моментом речи<sup>1</sup>. На этом свойстве нулевой формы слова *быть* основаны парадигматические отношения, в которые вступают предложения типа *Зима.— Была (будет) зима; Морозно.— Было (будет) морозно; Платые в горошек.— Платые было (будет) в горошек; Его дед генерал.— Его дед был (будет) генералом; Весна ранняя.— Весна была (будет) ранняя<sup>2</sup>.*

В современном отечественном языкоznании преобладающим является понимание *быть* как связки — служебного слова особого типа (*Сор*). В становлении этого понимания решающую роль сыграла работа Л. В. Щербы «Части речи в русском языке». Признание за *быть* статуса связки как служебного слова ведет за собой вывод о том, что, кроме глагольных, есть еще и безглагольные, или связочные, предложения.

Таким образом, по признаку способности ~ неспособности быть носителями предикативности все формы слов делятся на два класса: 1) носители предикативности, являющиеся предикативным центром предложения,— спрягаемые формы глагола ( $V_i$ ) и связки (*Сор<sub>i</sub>*), а также инфинитив глагола или связки (*Inf*) в таком синтаксическом окружении, в котором он может проявить эту способность; 2) все остальные формы слов, которые не могут быть носителями предикативности.

2. Поскольку связка полностью лишена номинативного значения, она не может быть полноценным членом предложения. Поэтому связка всегда соединяется с

<sup>1</sup> Слова *есть* и *суть*, употребляемые иногда в предложениях с нулевой связкой, в современном русском языке являются не формами связки, а особыми служебными словами-частицами: они не участвуют в выражении модально-временной характеристики предложения, а вносят экспрессивно-стилистические значения; и с ними и без них предложения с нулевой формой связки передают значение изъявительного наклонения настоящего времени.

<sup>2</sup> Открытие парадигматических отношений между такими предложениями и основание на нем положение о нулевой форме связки принадлежит А. М. Пешковскому (см.: Русский синтаксис в научном освещении. Гл. 12).

формами полнозначных слов, образуя член предложения, традиционно называемый составным именным склоняемым.

Сочетаться со связкой могут далеко не все формы слов: это некоторые формы существительных, прилагательных и отдельные наречия. Из числа форм сущес-твительных со связкой сочетаются: 1) формы именительного и творительного падежей ( $N_1$ ,  $N_5$ ), которые могут быть вариативными: *Наш сосед был слесарь (слесарем)*; 2) формы косвенных падежей без предлогов или с предлогами, имеющие наречное значение (по Е. Курловичу) ( $N_{2...pr}^1$ ): *Шкатулка была из серебра; Замок с секретом; Юбка будет колоколом; Ситец был в полоску*.

Из числа форм прилагательных<sup>2</sup> со связкой сочетаются: 1) краткие формы, включая и форму сравнительной степени ( $Adj_f$ )<sup>3</sup>: *Письмо было кратко; Огород был вскопан; Новое задание будет сложнее*; 2) именительный и творительный падежи полной формы ( $Adj_1$ ,  $Adj_5$ ): *Книга была интересная; Девочка будет красивой*. Все три формы прилагательных, сочетающиеся со связкой, могут быть вариативными: *Ночь была тиха (тихая, тихой); Мальчишка был отчаянно смел (смелый, смелым)*.

Наречия, сочетающиеся со связкой, немногочисленны; в большинстве случаев они имеют одну эту функцию и употребляются только как компонент комплексного члена предложения, образуемого с помощью связки ( $Adv_{pr}$ ): *Сестра была замужем; Сапоги будут впору; Наконец, мы вместе*. Сочетание со связкой возможно также для инфинитива в определенном синтаксическом окружении: *Назвать его в глаза обманщиком было подвергнуть себя неминуемой гибели (П.)*.

<sup>1</sup> Индекс  $rg$  указывает на то, что эти падежные формы сочетаются со связкой.

<sup>2</sup> В разряд форм прилагательных входят и формы страдательных причастий, которые выполняют в предложении те же функции, что и формы собственно прилагательных.

В отличие от них формы действительных причастий не сочетаются со связкой, пока они остаются формами глагола; возможность такой сочетаемости является признаком перехода причастия в прилагательное: *Руки у неё были одеревеневшие*.

<sup>3</sup> Индекс  $f$  указывает на то, что эти именные формы занимают в системе языка место, аналогичное месту спрягаемых форм глагола: им свойственна только функция зиаменательного компонента комплексного члена предложения, образуемого с помощью связки.

Таким образом, по признаку способности ~ неспособности сочетаться со связкой все формы слов делятся на два класса: 1) перечисленные выше формы существительных, прилагательных и наречия, способные выступать как компоненты комплексных членов предложения, образованных с помощью связки; 2) все остальные формы слов, не способные сочетаться со связкой.

3. Спрягаемая форма глагола или связки, являющаяся носителем предикативности, обладает, кроме характеристики по номинативно значимым категориям наклонения и времени, еще и характеристикой по согласовательным категориям числа, рода и лица.

Определять форму носителей предикативности по этим категориям составляет свойство именительного падежа существительного, которым управляют спрягаемые формы глагола или связки; в последнем случае форма именительного падежа оказывает согласующее воздействие не только на связку, но и на форму знаменательного слова, сочетающуюся со связкой, если она способна к согласованию: *Свинец плавился; Железо плавилось; Медь плавилась; Металлы плавились; Голос был хороши; Голоса были хороши; Песня была хороша; Пора была поздняя*.

Ту же функцию определителя спрягаемой формы глагола или связки (и именного компонента создаваемого с ее помощью комплексного члена предложения) по согласовательным категориям выполняют и «заместители» формы именительного падежа существительного — инфинитив и формы слов разных частей речи, окказионально употребленные вместо формы именительного падежа: *Слушать его было интересно; И жизнь хороша, и жить хорошо* (В. М.); *Стоит только открыть дверь и выйти на улицу, как тебя со всех подворотен начинают обступать всякие «но» и «если»* (Крив.).

Инфинитиву функция аналога формы именительного падежа свойственна системно: он ее выполняет всегда, когда сочетается в качестве главного компонента со спрягаемой формой глагола или связки; между формой именительного падежа существительного (отглагольного) и инфинитивом возможны отношения вариативности или синонимии; ср.: *Так играть было опасно.— Такая игра была опасна.— Такие игры были опасны; Спорить было бесполезно.— Спор был бесполезен.— Споры были бесполезны.*

Механизм согласования предикативного центра предложения с «заместителями» формы именительного падежа состоит в том, что спрягаемая форма глагола или связки указывает на неохарактеризованность инфинитива или окказионального «заместителя» формы именительного падежа по категориям числа, рода или лица, принимая служащую для этого форму единственного числа среднего рода или 3-го лица.

4. По признаку способности ~ неспособности обозначать участников ситуации всем остальным формам слов противостоят падежные формы существительного, управляемые предикативным центром предложения и имеющие субъектное или объектное значение ( $N_1$ ,  $N_{2...sub/obj}$ ). Так, в предложении *Днём ребёнок спит на балконе* называется ситуация с одним участником; этот участник обозначен формой именительного падежа существительного, который здесь имеет субъектное значение. В предложении *Эта пьеса часто исполняется Рихтером* названа ситуация, имеющая двух участников: один из них (объект) обозначен формой именительного падежа, второй (субъект) — творительного; в предложении *Завод перерабатывает свёклу на сахар* названа ситуация, имеющая трех участников, которые обозначены формами именительного падежа (субъект) и косвенных падежей (объекты).

5. Охарактеризованные выше четыре класса форм слов не исчерпывают полностью всего их состава. Существует еще пятый класс, в который входят формы слов, не выполняющие функций, предполагаемых четырьмя позитивными дифференциальными признаками. Это: 1) формы прилагательных (в их числе формы именительного и творительного падежей, которые входят в этот класс лишь в определенном синтаксическом окружении: не в сочетании со связкой) ( $Adj\dots^1$ ): *По пыльной улице бредут сытые коровы; Стали заметны чернеющие здесь и там проталины<sup>2</sup>*; 2) формы косвенных падежей существительных (без предлогов или с предлогами) в наречных значениях ( $N_{2...adv}^3$ ): *За дверью послышались шаги; Пожар случился на заре;*

<sup>1</sup> Отточие символизирует возможность прилагательных в этой функции иметь любые формы, кроме кратких.

<sup>2</sup> В этот класс форм слов входят и формы причастий, которые в формально-синтаксическом плане подобны прилагательным.

<sup>3</sup> Индекс *adv* указывает на то, что падежная форма имеет наречное значение.

*Все ели с аппетитом; 3) непредикативные наречия<sup>1</sup> (Adv): Мы вернулись домой поздно; Докладчик говорил долго и нудно; 4) инфинитив (только в определенном синтаксическом окружении): Им овладело желание убежать; Он пошёл купить газету.*

### **Классы форм слов по функции в предложении**

Класс и его дифференциальный признак	Состав класса
1. Являются носителями предикативности	<i>V<sub>f</sub>, Cop<sub>f</sub>, Inf</i>
2. Сочетаются со связкой	<i>N<sub>1</sub>, N<sub>5</sub>, N<sub>2...pr</sub>; Adj<sub>f</sub>, Adj<sub>1</sub>, Adj<sub>5</sub>; Adv<sub>pr</sub>; Inf</i>
3. Определяют форму носителей предикативности по согласовательным категориям	<i>N<sub>1</sub>, Inf</i>
4. Обозначают участников ситуации, называемой в предложении	<i>N<sub>1</sub>, N<sub>2...sub/obj</sub></i>
5. Не выполняют функций, предполагаемых четырьмя названными дифференциальными признаками	<i>Adj., N<sub>2...adv</sub>, Adv, Inf</i>

Эта таблица хорошо показывает, что некоторые формы слов монофункциональны и потому входят только в один класс, другие же — полифункциональны и соответственно входят в несколько классов. Монофункциональных форм слов немного: это спрягаемые формы глагола и связки и краткие формы прилагательных. Первые, являясь носителями предикативности, всегда составляют предикативный центр предложения; вторые возможны только в присвязочном употреблении.

Все остальные формы слов полифункциональны. Они выступают в той или иной функции в зависимости от двух условий:

1. Функция полифункциональной формы слова может определяться тем, какому слову принадлежит эта форма. Существуют лексические ограничения функционирования форм слов. Наиболее ярко они проявляются у наречий: их единственная форма является одновременно и словом в целом. Так, сочетаться со связкой могут только наречия определенной лексической группы (предикативные); ср. возможность такой функции для наречий типа *кстати, сродни, всмятку* и невозможность

<sup>1</sup> В их разряд входят и деепричастия, которые в формально-синтаксическом плане ведут себя как наречия этого класса.

для наречий *вчера*, *очень*, *пешком*, *по-русски*, *быстро* и т. п.

Есть такие ограничения и в функционировании форм косвенных падежей существительных. Например, в присвязочном употреблении возможны не любые формы косвенных падежей существительного, а лишь формы с наречным значением, определяемым лексическим значением существительного; ср. возможность такой формы для предложно-падежных сочетаний *с браком*, *с задором* (*Товар был с браком*; *Речь была с задором*) и невозможность для сочетаний *с уходом*, *с усердием*.

2. Конкретная функция полифункциональной формы слова может определяться только ее синтаксическим окружением. Так, функция формы именительного или творительного падежа прилагательного целиком зависит от ее синтаксического окружения — присвязочного или присубстантивного положения. Ср.: *Ночь была тёмная*. — *Наступила тёмная ночь* — в первом предложении форма прилагательного в присвязочном употреблении в сочетании со связкой образует комплексный член предложения, а во втором в присубстантивном употреблении является определителем формы существительного.

Наиболее многофункциональной из всех форм слов в русском языке является инфинитив. Для этой формы доступны — в разных синтаксических окружениях — все функции в предложении, кроме функции обозначения участников называемой в предложении ситуации.

## Глава 3 СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

### § 15. РАЗРАБОТКА УЧЕНИЯ О СЛОВОСОЧЕТАНИИ В РУССКОЙ НАУКЕ

В ранних русских грамматических трудах («Российская грамматика» М. В. Ломоносова, «Русская грамматика» А. Х. Востокова и др.) важнейшей частью синтаксиса считалось учение о закономерностях и правилах, в соответствии с которыми слова соединяются в связное целое; поэтому много внимания уделялось описанию словосочетаний. Но это описание имело характер случайных наблюдений. Словосочетание как особая синтаксическая единица, занимающая определенное место в ряду других синтаксических единиц, не осознавалось.

В связи с развитием в русском языкознании логического, а затем психологического направлений изменилось и понимание задач синтаксиса. На первый план было выдвинуто учение о предложении, пони-

маемом как выражение логического или психологического суждения. Предложение сделалось главным предметом синтаксиса, и изучение связей между словами стало строиться как учение о членах предложения. Понятие словосочетания при этом оказалось ненужным. В крупнейших грамматических исследованиях середины XIX в. («Историческая грамматика русского языка» Ф. И. Буслаева, «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебии) нет разделов, посвященных учению о словосочетании.

Значительный этап в разработке теории словосочетания составили труды Ф. Ф. Фортунатова. Фортунатов называет словосочетанием «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части»<sup>1</sup>. Словосочетание рассматривается как основная синтаксическая единица. Предложение для Фортунатова лишь один из видов словосочетания — «законченное словосочетание».

Идеи Ф. Ф. Фортунатова были развиты в целом ряде работ русских ученых. М. Н. Петерсон в «Очерке синтаксиса русского языка» сделал попытку построить синтаксис как учение о словосочетании, не включая в него теорию предложения. Словосочетание, по Петерсону, — это всякое соединение слов, в том числе и простое предложение любого объема; сложные предложения — соединения словосочетаний.

Как учение о словосочетании определяет синтаксис и А. М. Пешковский в «Русском синтаксисе в научном освещении». Но он не считает возможным совершенно отказаться от теории предложения и делает попытку вывести понятие предложения из понятия словосочетания. Это приводит Пешковского к парадоксальному утверждению о возможности существования словосочетаний, состоящих из одного слова. Такими «словосочетаниями» он считает разнообразные однословные предложения типа *Зима; Пожар!; Морозит; Скучно*.

А. А. Шахматов вслед за Ф. Ф. Фортунатовым определяет словосочетание как «такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживающее зависимость одних из этих слов от других»<sup>2</sup>, а потому предложение, состоящее из двух и более слов, считает тоже словосочетанием, но «законченным», соответствующим «законченной» единице мышления. Однако предложение, по мнению Шахматова, не просто разновидность словосочетания, а особая синтаксическая единица, которая может быть представлена и одной словоформой.

<sup>1</sup> Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Избр. труды. М., 1957. Т. 2. С. 451.

<sup>2</sup> Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 274.

При описании словосочетаний он обращается только к «незаконченным» словосочетаниям. Анализ «законченных» словосочетаний Шахматов дает в учении о предложении, где рассматривает сочетания двух главных членов предложения и предложения с одним главным членом, которые при отсутствии распространителей главного слова бывают однословными. Таким образом, описание системы предложения строится как анализ его главных членов; учение же о словосочетании представляет собой описание всех зависимых от главных членов словоформ в составе предложения, т. е. описание второстепенных членов предложения.

Новое понимание словосочетания выдвинул В. В. Виноградов, который развел национально-специфические идеи, реализовавшиеся в практике синтаксического описания русских грамматистов. Виноградов исходит из выдвинутого Шахматовым тезиса о существовании двух синтаксических единиц: словосочетания и предложения.

Сущность концепции Виноградова состоит в том, что словосочетание, в отличие от предложения, являющееся единицей общения, понимается как сложное название, служащее, наряду со словом, «строительным материалом» для предложения: «...понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения... Словосочетание — это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово»<sup>1</sup>.

По мнению Виноградова, словосочетания являются сложными названиями и образованы по правилам «распространения» слов формами слов, т. е. представляют собой образования, в состав которых синтаксической связью соединены слово и определяющая его форма слова. Сочетания форм слов, специфические для определенных типов предложений, как, например, сочетание подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении, по мнению Виноградова, не являются словосочетаниями, их изучение составляет необходимую часть теории предложения. Не считает словосочетаниями Виноградов и ряды словоформ, объединенных сочинительной связью, — однородные члены предложения.

Сближая словосочетание со словом, Виноградов выдвигает своеобразное понимание формы словосочетания как формы его главного компонента — распространяемого слова. Отсюда следует, что словосочетание

<sup>1</sup> Виноградов В. В. Русский язык. 3-е изд. М., 1986. С. 16.

имеет ту же систему форм, что и главный компонент. Так, система форм словосочетания *читать книгу*, в соответствии с формоизменением глагола *читать*, будет следующей: *читать книгу, читаю книгу... читал книгу... буду читать книгу... читай книгу... читал бы книгу... читая книгу, читающий книгу... читавший книгу...*. Понимание словосочетания, выдвинутое Виноградовым, было положено в основу подробного описания системы словосочетаний современного русского языка в «Грамматике русского языка» (1954).

Линию последовательного различения словосочетания и предложения, составляющую традицию русской науки, продолжает Н. Ю. Шведова, концепция которой реализована в описании системы словосочетания и простого предложения в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) и в «Русской грамматике» (1980). В понимании словосочетания Шведова следует за Виноградовым, принимая все основные его положения, развивая и конкретизируя некоторые из них.

Лежащая в основе учения Виноградова идея признания словосочетания и предложения двумя синтаксическими единицами получила развитие в современных отечественных синтаксических трудах. С одной стороны, она дает простое объяснение существованию одночленных предложений, так как не выдвигает словосочетание в качестве единственной синтаксической единицы и не пытается вывести предложение из словосочетания, а потому допускает возможность однокомпонентности предложения (ср. очевидные затруднения и противоречия при объяснении этого языкового факта у Ф. Ф. Фортунатова и его последователей). С другой стороны, она позволяет рассматривать не в составе предложения синтаксические единства, возникающие как реализации синтаксических потенций слова и формы слова, потому что предполагает существование двух синтаксических единиц — предложения и словосочетания.

В. В. Виноградов, а за ним и Н. Ю. Шведова указали на комплекс признаков, отличающих словосочетание от предложения, справедливо выделив признак предикативности ~ непредикативности как главный. Однако учение о словосочетании они строят не на основе данного признака, а опираясь на понятия «распространенное слово», «синтаксические потенции слова», «присловные связи». При таком понимании словосочетания

в учение о нем включаются не все непредикативные синтаксические конструкции, а лишь некоторые из них; учение же о предложении соответственно строится как анализ не только предикативных конструкций, но и ряда непредикативных (например, основанных на сочинительной связи). Различие словосочетания и предложения может быть осуществлено и без опоры на понимание словосочетания как «распространенного слова» в направлении расширения понятия словосочетания.

Сложная языковая действительность глубже постигается и более адекватно отражается, если оппозиция словосочетание : предложение строится с опорой на признак предикативности ~ непредикативности. С этих позиций словосочетание должно быть определено как непредикативное соединение на основе синтаксической связи слова с формой слова или формы слова с формой слова. В соответствии с этим определением словосочетаниями признаются любые синтаксически организованные (т. е. основанные на синтаксической связи) сочетания слова с формой слова и все сочетания синтаксически связанных форм слов, не обладающие предикативностью. Учение о словосочетании в данном его понимании включает анализ непредикативных конструкций, представляющих реализацию всех видов синтаксической связи (как подчинительной, так и сочинительной) на уровне связи формы слова.

Так понимаемое словосочетание обнаруживает общность синтаксического устройства со сложным предложением, оказывается изоморфным ему.

## § 16. СЛОВОСОЧЕТАНИЕ И СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение сближает со словосочетанием прежде всего то, что обе единицы представляют собой сочетание нескольких компонентов и не могут быть однокомпонентными. Между тем вполне возможна однокомпонентность простого предложения. Например, каждый из примеров: *Похолодало; Стучат; Тоска!* — может быть рассмотрен не только как однословное предложение в речи, но и как однокомпонентный образец предложения в языке.

Для синтаксиса словосочетания и сложного предложения исходными являются понятия минимальной конструкции и синтаксической связи. Можно сказать, что

синтаксис словосочетания и сложного предложения начинается с различения понятий *минимальной конструкции* и *конструкции усложненного типа*, т. е. с различения, выраженного удачными терминами применительно к словосочетанию,— простого и сложного словосочетания и менее удачными терминами применительно к сложному предложению — сложного предложения *минимальной конструкции* и *сложного предложения усложненного типа*.

Основной первичный объект синтаксиса — простые словосочетания и сложные предложения минимальной конструкции. Они строятся на основе одноразового применения синтаксической связи, что и позволяет видеть соотносительность в понятиях минимальной конструкции и синтаксической связи. При этом возможны два случая: 1) синтаксическая связь предполагает два (и только два) компонента; третий может быть присоединен лишь на основе другого акта установления синтаксической связи, и его присоединение переводит конструкцию из минимальной в усложненную: *читать книгу* (ср.: *читать интересную книгу*, *читать книгу детям*); *Он говорит, что нет книг* (ср.: *Он говорит, что нет книг, которые ему нужны*; *Когда его спрашивают, он говорит, что нет книг*); 2) синтаксическая связь предполагает неопределенное количество компонентов, объединяемых одним актом ее установления: *и книги, и журналы, и газеты...*; *и книг нет, и времени свободного мало, и устает после работы...*. Первый случай имеет место при подчинительной и закрытой сочинительной связи, второй — при открытой сочинительной связи.

Усложненные конструкции словосочетания и сложного предложения представляют собой соединение (комбинацию) нескольких минимальных конструкций. Так, в словосочетании усложненной конструкции *читать интересную книгу* соединены две минимальные конструкции словосочетания: *читать книгу* и *интересная книга*; в сложном словосочетании *читать книгу детям* соединены две минимальные конструкции словосочетания: *читать книгу* и *читать детям*; в сложном предложении усложненной конструкции *Он говорит, что нет книг, которые ему нужны* соединены две минимальные конструкции сложного предложения: *Он говорит, что нет книг* и *Нет книг, которые ему нужны*; в сложном предложении усложненной конструкции *Когда его спраши-*

*вают, он говорит, что нет книг* также соединены две минимальные конструкции сложного предложения: *Когда его спрашивают, он говорит* и *Он говорит, что нет книг.*

Синтаксису же простого предложения понятия минимальной и усложненной конструкции чужды. Там существенно понятие распространенности ~ нераспространенности конструкции. Проанализируем это различие, сопоставив минимальность и нераспространенность, усложненность и распространенность конструкции.

В отличие от минимальности конструкции, нераспространенность ее не предполагает одноразового применения одной синтаксической связи. Нераспространенное предложение может состоять из одной словоформы, что исключает синтаксическую связь. И напротив, при комплексном выражении членов предложения в нераспространенном предложении реализуется несколько синтаксических связей: *Два человека могут уйти.*

В отличие от усложненности конструкции, состоящей в комбинировании минимальных конструкций, распространенность не предполагает комбинирования нераспространенных предикативных конструкций (предложений). Она отличается от нераспространенности качественно, а не количественно. Усложненные конструкции не содержат в своем составе синтаксических объектов, не представленных в минимальных конструкциях, в то время как распространенные предложения содержат объекты, не представленные в нераспространенных предложениях. Такими объектами являются второстепенные члены предложения. В связи с этим усложненные конструкции словосочетания и сложного предложения представляют собой вторичный синтаксический объект, анализ которого выявляет лишь правила комбинирования и типы комбинаций их минимальных конструкций.

Типы комбинаций минимальных конструкций в словосочетании и сложном предложении одни и те же. Понятия последовательного подчинения и соподчинения (однородного или неоднородного), вопреки традиции, связывающей их только со сложным предложением, одинаково относятся как к словосочетанию, так и к сложному предложению: *читать интересную книгу* (последовательное подчинение), *купить газету и журнал* (однородное соподчинение), *быстро идти по улице* (неоднородное соподчинение).

## § 17. ФОРМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Словосочетание обладает формальной организацией, т. е. строится по определенной структурной схеме, представляющей собой отвлеченный образец словосочетания минимальной конструкции, по которому оформляются многочисленные словосочетания с разным лексическим наполнением главного и зависимого компонентов.

Количество возможных реализаций той или иной структурийой схемы словосочетания, различающихся лексическим наполнением, в принципе исчислимо, однако в той же степени приближения, что и количество слов в языке. Оно различно для разных структурных схем словосочетаний, так как среди них есть и такие, которые допускают широкое варьирование лексического наполнения главного и зависимого компонентов, и такие, которые допускают крайне незначительное варьирование главного и зависимого компонентов. Ср. словосочетания типов *рисовать берёзы* и *рисовать неделю* — в первом типе лексическое наполнение зависимого компонента в соответствии с семантикой и лексической сочетаемостью глагола может быть очень разнообразным; во втором типе лексическое наполнение зависимого компонента строго ограничено лексемами темпорального значения. Что касается главного компонента (глагола), то в словосочетаниях первого типа им может быть любой прямопереходный глагол, а в словосочетаниях второго — любой глагол, в семантику которого входит значение длительности.

Структурная схема словосочетания включает в себя:  
1) средства синтаксической связи, на основе которой образовано словосочетание; 2) характеристики компонентов словосочетания, обязательные для их соединения на основе данного вида связи; 3) порядок слов, уточняющий синтаксическую связь.

На основе определенной связи могут быть соединены в словосочетание далеко не любые компоненты. Для того, чтобы связь реализовалась и возникло правильное словосочетание, необходимы определенные условия. Ограничения могут быть связаны либо с грамматическими и словообразовательными свойствами соединяемых компонентов, либо с их семантическими свойствами (или с тем и другим одновременно). Так, словосочетание типа *рисовать берёзы*, построенное по образцу  $V_{\text{trans}} N_{4\text{synt}}$ , возникает тогда, когда в его составе соединяются глагол (именно глагол, а не просто слово со значением действия, в частности не имя; ср. *рисование берёз*), и при этом глагол прямопереходный (не косвеннопереходный; ср.: *любоваться берёзами*, *смотреть на берёзы*), с формой винительного падежа существи-

тельного, имеющей синтаксическое значение ближайшего объекта. Сочетание с другим возможным при данном глаголе падежом, например с творительным в значении орудия (*рисовать тушью*) или с винительным падежом в лексико-семантическом, в частности темпоральном, значении (*рисовать неделю*), дает другое словосочетание с тем же глаголом, построенное по иному образцу, который предъявляет и иные требования к компонентам словосочетания. О том, что словосочетания *рисовать берёзы* и *рисовать неделю* построены по разным образцам, свидетельствует то, что их можно объединить в одном сложном словосочетании *неделю рисовать берёзы*. Это наглядно показывает, что две формы винительного падежа занимают разные позиции при глаголе. Образец, по которому построено словосочетание *рисовать неделю*, требует от глагола значения длительности; ср. возможность словосочетаний *нарисовать берёзы*, *нарисовать тушью* и невозможность словосочетания «*нарисовать неделю*»<sup>1</sup>. Символически этот образец может быть представлен как  $V_{\text{imperf}} N_{4\text{temp}}$ , где индексы при символах, обозначающих принадлежность компонентов словосочетания к частям речи, передают их свойства — имперфективность глагола и темпоральное значение существительного.

В любом словосочетании действует общее правило: компоненты словосочетания располагаются контактно, непосредственно один за другим. Порядок же компонентов различен в разных словосочетаниях. Каждое словосочетание как отвлеченный образец характеризуется определенным порядком компонентов; падежная форма существительного с синтаксическим значением в глагольном словосочетании следует за глаголом: *рисовать берёзы*, *читать книгу*, *строить завод*; *нуждаться в отды-хе*; *настаивать на своих правах*; *помогать друзьям*; прилагательное предшествует определяемому существительному: *зелёный дом*, *белая бумага*, *хорошее дело*; качественное и количественное наречия предшествуют глаголу: *дружно работать*, *весело смеяться*, *очень устать*; присубстантивный падеж существительного следует за определяемым существительным: *дом бабушки*,

<sup>1</sup> Это словосочетание возможно в случае переносного употребления глагола *нарисовать* в значении 'изобразить': *Нарисуй нам свою неделю*. Винительный падеж при этом имеет собственно синтаксическое значение: называет объект действия. Такое словосочетание реализует структурную схему  $V_{\text{trans}} N_{4\text{synt}}$ .

*букет цветов, гимн труду, лекарство от кашля.* Этот порядок слов не является обязательным, но он обычен. Он проявляется в условиях динамического равновесия, т. е. тогда, когда компоненты словосочетания не различаются по степени своей актуальной значимости и не разделены актуальным членением (основным или членением 2-го, 3-го и т. п. уровня) таким образом, что один из них входит в состав актуально менее значимой части предложения (темы), а другой — в состав актуально более значимой части предложения (ремы) (см. § 67). В случае, если граница актуального членения проходит внутри словосочетания, относя один его компонент к теме, а другой к реме, могут нарушаться правила контактности компонентов словосочетания и их следования. Ср.: *Вечер наступил тёплый, душный* (Бун.). — *Наступил тёплый, душный вечер; Нудная и одуряющая потекла жизнь* (Ш.). — *Потекла нудная и одуряющая жизнь; Клим слушал эти речи внимательно* (М. Г.). — *Клим внимательно слушал эти речи; Тонкие стволы берёз белели резко и отчётливо* (К.). — *Тонкие стволы берёз резко и отчётливо белели.*

Обычный порядок компонентов словосочетания стилистически нейтрален. В специальной речи, например в терминологии (научной, технической), порядок слов нарушается; ср. название сортов товаров в торговле: *сельдь астраханская, сало венгерское, мыло хозяйственное*. Отступления от обычного порядка компонентов словосочетания широко используются в художественной литературе и публицистике для передачи различных экспрессивных значений.

Структурная схема, как уже было сказано, — понятие синтаксиса простых словосочетаний (минимальной конструкции). В сложных словосочетаниях представлены те же структурные схемы, но в комбинациях. Так, сложное словосочетание *неделю рисовать берёзы* объединяет два простых словосочетания.

Формальная организация словосочетания обнаруживает глубинное сходство с устройством сложного предложения: имеет одну и ту же природу.

## § 18. СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Словосочетание обладает смысловой организацией; определяющим в ней является грамматическое значение словосочетания. Грамматическое

значение словосочетания — это выявляемые синтаксической связью синтаксические отношения между его компонентами, рассмотренные в отвлечении от конкретного лексического наполнения компонентов. Грамматическое значение словосочетания изоморфно грамматическому значению сложного предложения.

На основе грамматического значения, во взаимодействии его с лексическим наполнением главного и зависимого компонентов складывается смысловая организация словосочетания. Так, в словосочетаниях 1) *отъезд гостей*, 2) *строительство дома*, 3) *крыша дома*, 4) *страна гор* взаимодействие грамматического значения отношения предмета к предмету с разным лексическим наполнением компонентов дает разные значения: 1) действие и его производитель, 2) действие и его объект, 3) целое и его часть, 4) предмет и его характеристическая деталь.

Словосочетание выполняет в языке несколько функций: 1) служит «строительным материалом» для предложения, входит в его состав (функция основная, первичная); 2) употребляется в качестве названия (в частности, заголовка); 3) служит составным элементом текста при некоторых видах его сегментированного построения.

Например, предложение *Тихо веет лёгкий ветерок* содержит два словосочетания: глагольно-наречное *тихо веет* и субстантивно-адъективное *лёгкий ветерок*. Этот пример иллюстрирует основную функцию словосочетания. В предложении *Ростовы предполагали, что русская гвардия за границей есть совершенно определительный адрес* (Л. Т.) выделенное словосочетание выполняет функцию названия. В тексте *Страстная увлечённость. На мой взгляд, это синоним счастья* выделенное словосочетание выполняет функцию составного элемента сегментированного текста. Из этих функций лишь первая дает основание противопоставить словосочетание предложению, так как и вторую и третью, наряду со словосочетанием и формой слова, способно выполнять (и выполняет достаточно часто) и предложение.

Вместе с тем все три указанные функции может выполнять и форма слова; таким образом, функционально словосочетание не противопоставлено форме слова. Это объясняется тем, что в речи словосочетание всегда выступает в совершенно определенном виде в соответствии с требованиями окружения. Все его

компоненты при сочинительной связи между ними имеют определенную, как правило, общую для них форму: *Выписаны газеты и журналы*; *Займись пока газетами и журналами*; а при подчинительной связи его главный компонент (если он изменяется) приобретает форму, требуемую окружением: *Вправо отходила узенькая тропка*; *Мы шли по узенькой тропке*.

## § 19. ТИПЫ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Словосочетания как речевые образования и как лежащие в их основе единицы языка по характеру синтаксической связи делятся на сочинительные и подчинительные.

1. Сочинительные словосочетания представляют собой соединения однофункциональных форм слов на основе сочинительной связи. Их общая формула — «форма слова + однофункциональная ей и соединенная с ней сочинительной связью форма другого слова (формы других слов)».

Сочинительные словосочетания различаются на основе трех дифференциальных признаков: 1) по виду сочинительной связи (*открытая ~ закрытая*); 2) по синтаксическим отношениям, выявляемым связью; 3) по средствам связи.

В соответствии с видами сочинительной связи словосочетание может быть *открытым* или *закрытым*.

В открытых сочинительных словосочетаниях одним актом связи соединяется неопределенное количество компонентов (два и более): *и леса, и поля, и луга; или леса, или поля, или луга*. В открытых сочинительных словосочетаниях выражаются соединительные или разделительные отношения. Соединительные отношения могут выражаться соединительными союзами (*и, да, ни... ни*) или бессоюзно; возможны и комбинации этих средств в пределах словосочетания: *взрослые и дети; дети да старики; дети, взрослые, старики; взрослые, дети и старики*. Соответственно соединительные словосочетания могут быть союзовыми и бессоюзовыми. Разделительные отношения выражаются союзами (*или, либо, не то... не то, то ли... то ли*): *В гармонии соперник мой был шум лесов иль вихорь буйный, иль иволги напев живой, иль ночью моря шум глухой, иль шёпот речки тихоструйной* (П.).

В закрытых сочинительных словосочетаниях одним актом связи соединяются только два компонента: скромно, но с достоинством; не газета, а журнал; как дети, так и взрослые. В этих словосочетаниях выражаются противительные, сопоставительные, сопоставительно-соединительные, градационные и пояснительные отношения; их выразители — союзы. Противительные отношения выражаются союзами но, не...а, однако, хотя (и), хотя...но: маленький, но тяжёлый; не сын, а дочь; неодолимая, хотя (и) тихая сила. Сопоставительно-соединительные отношения выражаются союзом как...так и: как учитель, так и ученики...; градационные — союзами не только...но и, да и, не то что...а и, если не...то: не только дети, но и взрослые; дети да и взрослые; если не дети, то взрослые; пояснительные — союзами а именно, то есть, или, как-то: дети, а именно школьники; взрослые, то есть родители; гиппопотам, или бегемот; взрослые, как-то: родители, учителя, пионервожатые.

2. Подчинительные словосочетания представляют собой основанные на подчинительной связи соединения слова (главный компонент) с определенной формой другого слова ( зависимый компонент). Общая формула подчинительных словосочетаний — «слово + соединенная с ним подчинительной связью форма другого слова».

Такое толкование подчинительных словосочетаний встречает трудности при анализе некоторых явлений синтаксической системы: 1) словосочетаний типа *старше брата* (Comp N<sub>2</sub>); 2) словосочетаний типа *высочайшая из гор Азии* (Super из N<sub>2</sub>); 3) словосочетаний типа *два брата, две сестры, полтора часа, полторы недели*, в которых соединяется согласующееся с существительным в роде числительное в форме прямого падежа и существительное в форме родительного падежа единственного числа; типа *пять братьев*, в которых соединяются формы прямого падежа числительного (главный компонент) и родительного падежа множественного числа существительного ( зависимый компонент); 4) словосочетаний типа *двух братьев, на семи ветрах*, в которых соединяется форма косвенного падежа существительного (главный компонент) и согласуемая с ней форма числительного ( зависимый компонент). При всем различии этих словосочетаний у них есть один общий признак — они не представляют собой соединения слова в целом (лексемы) с формой другого слова. Однако это исключительное явление при общем определении подчинительных словосочетаний может быть не принято во внимание.

Подчинительные словосочетания делят на классы по двум взаимосвязанным признакам: 1) по тому, к какой части речи относятся главный и зависимый компо-

ненты; 2) по тому, какой синтаксической связью соединены компоненты.

Так, по характеру главного компонента (слова) различают глагольные, субстантивные, аде-ктические и наречные словосочетания: *убирать урожай, уборка урожая, богатый событиями год, очень старательно трудиться*. Среди глагольных словосочетаний в соответствии с природой зависимого компонента (форма слова) выделяют субстантивно-глагольные и наречно-глагольные: *работать над книгой, работать в саду, напряжённо работать, работать допоздна*. Среди субстантивных словосочетаний на том же основании выделяют аде-ктическо-субстантивные и субстантивно-субстантивные: *урожайный год, год жизни*.

Небольшие классы составляют словосочетания гла-гольно-инфinitивные: *начать работать, приехать учиться, суметь сделать, попросить спеть*; субстантивно-инфinitивные: *стремление по-знать, возможность предвидеть*; аде-ктическо-инфinitивные: *склонный помечтать, рад встретиться*; субстантивно-наречные: *кофе по-турецки, езда верхом*.

Деление по форме зависимого компонента можно продолжить дальше. Так, среди субстантивно-глагольных словосочетаний выделяют беспредложные, предложные и далее — словосочетания с формой родительного, дательного, винительного, творительного или предложного падежа в качестве зависимого компонента. В существующих описаниях русского языка система словосочетаний анализируется именно по этой линии: дается перечень образцов в рамках классов, выделенных на основе морфологических свойств компонентов.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по грамматике. М., 1975. С. 231—253.
- Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2. С. 10—22, 41—44.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 63—66.
- Петerson M. H. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923.
- Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском языке. М., 1966. С. 51—142.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. § 1881—1889.

*Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980. С. 24—40.

*Сухотин В. П.* Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

*Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 274—279.

## Глава 4

### ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

#### § 20. ФОРМАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Во всех современных синтаксических концепциях предложение понимается как центральный объект синтаксиса. Учение о предложении занимает такое положение в синтаксической теории со времени появления первых теоретических трудов (в России с конца XVIII — начала XIX в.). Но понимание предложения за это время существенно изменилось.

Современную науку отличает взгляд на предложение как на многоаспектное явление, как на комплекс нескольких относительно независимых (хотя и взаимосвязанных) систем. Широкое распространение получило положение о том, что применительно к предложению очевидна необходимость различать конструктивный (формальный) и коммуникативный аспекты. Рассмотренное в первом аспекте предложение автономно и самодостаточно, все его свойства объясняются изнутри. Рассмотренное во втором аспекте предложение выступает не само по себе, а как часть текста, т. е. в том лингвистическом и экстралингвистическом контексте, в котором оно существует. Например, предложение *Иван Иванович приехал* обладает определенным устройством: оно организуется соединением на основе взаимозависимости двух обязательных компонентов — формы именительного падежа существительного и спрягаемой формы глагола,— каждый из которых обладает потенциальной способностью к распространению (ср.: *Наш Иван Иванович вчера приехал из Киева*). Для выяснения формальной организации этого предложения нет необходимости анализировать и учитывать еще что-то, кроме самого предложения. Это конструктивный аспект предложения.

Но в организации предложения есть и такая сторона, которая не может быть выяснена, пока мы остаемся в границах самого предложения. Ее механизм можно по-

нять только обратившись к речевой ситуации, к тому контексту, в котором данное предложение функционирует как сообщение. Это коммуникативный аспект предложения.

Попытаемся представить речевые ситуации, контексты, в которых может быть употреблено как отдельное сообщение предложение *Иван Иванович приехал*. Для наглядности опишем эти ситуации, поставив вопросы, на которые может отвечать наше предложение<sup>1</sup>: 1) *Что слышно об Иване Ивановиче?* 2) *Кто приехал?* 3) *Что нового?* Разумеется, эти вопросы (особенно первый и третий) могут иметь много и других форм выражения, но существенные семантические признаки, определяющие характер того или иного вопроса, при этом сохраняются. Первый вопрос предполагает, что спрашивающий хочет узнать нечто (а отвечающий, следовательно, сообщить) об Иване Ивановиче, о том, какое событие связано с этим лицом. Второй вопрос направлен на выяснение частного аспекта уже известного спрашивающему события (кто-то приехал): на выяснение имени приехавшего. Третий вопрос похож на первый, так как предполагает в ответ сообщение о событии в целом, а не о его частном аспекте, но имеет то отличие от первого, что не выделяет ничего в качестве отправной точки сообщения, не задает его темы.

Отвечая на каждый из поставленных вопросов, наше предложение определенным образом приспосабливается к своему коммуникативному заданию: заключенная в нем вещественная информация преобразуется в актуальную, что достигается определенной иерархизацией смысла предложения и выражается тем, что в предложении закрепляется тот или иной порядок слов и место фразового ударения (интонационного центра). Так, при ответе на первый вопрос актуально содержание глагольного компонента предложения и потому обычен такой порядок слов: форма именительного падежа существительного — спрягаемая форма глагола (*Что слышно об Иване Ивановиче?* — **Иван Иванович приехал**); при ответе на второй вопрос наиболее значимо содержание именного компонента и потому обычен следующий порядок слов: спрягаемая форма

<sup>1</sup> Вопросы, имеющие целью не узнать нечто, а лишь удостовериться в уже известном (*Приехал ли Иван Иванович? Не Иван Иванович ли приехал?*), мы (для простоты и краткости изложения) оставляем без внимания.

глагола — форма именительного падежа существительного (*Кто приехал?* — *Приехал Иван Ивáнович*), причем фразовое ударение в обоих случаях на последней словоформе в составе предложения; при ответе на третий вопрос актуальная значимость обоих компонентов одинакова, а порядок слов и место фразового ударения те же, что и во втором случае.

Описанное построение предложений свойственно речи экспрессивно и стилистически нейтральной. В экспрессивно окрашенной речи порядок слов может быть обратным, но это обязательно сопровождается переносом фразового ударения на первый компонент предложения: ср.: *Что слышно об Иване Ивáновиче?* — *Приéхал Иван Ивáнович; Кто приехал?* — *Иван Ивáнович приехал; Что нового?* — *Иван Ивáнович приехал.*

Коммуникативная организация предложения независима от его формальной организации. Она определяется речевым контекстом, возникающим в этом контексте коммуникативным заданием, в соответствии с которым предложение характеризует тот или иной порядок слов и то или иное место фразового ударения. Поэтому одно и то же предложение, обладающее определенной организацией при функционировании в разных речевых ситуациях с разными коммуникативными задачами образует несколько коммуникативных единиц, различающихся актуальной информацией, т. е. тем или иным изменением их вещественного содержания в соответствии с коммуникативным заданием, а также наличием или отсутствием экспрессивно-стилистической окраски. Эти коммуникативные единицы отличаются и по форме: порядком слов и местом фразового ударения. Двухкомпонентное нераспространенное предложение *Иван Ивáнович приехал* образует шесть коммуникативных единиц, из которых две омонимичны: 1) *Что слышно об Иване Ивáновиче?* — *Иван Ивáнович приéхал;* 2) *Что слышно об Иване Ивáновиче?* — *Приéхал Иван Ивáнович;* 3) *Кто приехал?* — *Приехал Иван Ивáнович;* 4) *Кто приехал?* — *Иван Ивáнович приехал;* 5) *Что нового?* — *Приехал Иван Ивáнович;* 6) *Что нового?* — *Иван Ивáнович приехал.*

Каждая пара предложений (1—2, 3—4, 5—6) соответствует одному и тому же коммуникативному заданию; нечетное и четное предложения каждой пары отличаются друг от друга только отсутствием или наличием экспрессивно-стилистической окраски. 1-е и 2-е

предложения (вместе взятые) отличаются от 3-го и 4-го, 5-го и 6-го (равно как и наоборот) тем, что они отвечают на разные вопросы, т. е. реализуют разные коммуникативные задания. При этом для реализации коммуникативного задания 3-го и 5-го — с одной стороны, 4-го и 6-го предложений — с другой, используется один и тот же порядок слов и то же место фразового ударения, так что образующиеся в соответствии с этими коммуникативными заданиями синтаксические построения омонимичны; различие их актуального содержания выясняется только при обращении к речевой ситуации, в которой они употреблены.

Итак, у предложения есть своя формальная организация, которая не зависит от окружения предложения в речи: предложение сохраняет свое устройство в любых условиях функционирования. Вместе с тем у предложения есть и коммуникативная организация, которая зависит от окружения предложения в речи.

## § 21. СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Формальная организация предложения в известных границах определяет его значение, тип информативного содержания — его смысловую организацию. Так, в предложениях *Иван Иванович приехал* (нераспространенное) и *Наш Иван Иванович вчера приехал из Киева* (распространенное), несмотря на различие в объеме информации, содержит одно и то же обобщенное значение: действователю (агенсу) приписывается активное целенаправленное действие. На формирование этого значения влияет формальная организация предложения: соединение в его составе именно данных форм — формы именительного падежа существительного со спрягаемой формой глагола действительного залога.

Связь смысловой организации предложения с формальной осложнена тем, что в смысловой организации активно участвует лексическое наполнение предложения. Так, в нашем примере значение агента у подлежащего и активного целенаправленного действия у сказуемого поддерживается лексическим наполнением: существительное обозначает лицо, глагол — сознательное действие (ср. другое значение у предложений с той же формальной организацией, но принципиально иным лексическим наполнением: *Идёт дождь; Пришла трудная пора*).

Сложность соотношения между смысловой организацией предложения и другими его сторонами дает основание выделить смысловую организацию как особую сторону устройства предложения.

Таким образом, предложение — явление сложное; организация его имеет три стороны: формальную, смысловую и коммуникативную. Каждая из этих сторон организации предложения составляет особый объект синтаксиса как науки.

В 20—40-е годы нашего века в трудах ученых-славистов началось выделение формальной и коммуникативной организации предложения как особых объектов изучения. Наибольшее развитие учение о предложении как коммуникативной единице получило в пражской лингвистической школе, прежде всего у чешского слависта В. Матезиуса, которого справедливо считают создателем коммуникативного, или актуального, синтаксиса<sup>1</sup>. Позднее как особый научный объект была выделена смысловая организация предложения<sup>2</sup>.

## § 22. СООТНОШЕНИЕ РАЗНЫХ СТОРОН ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Разные стороны организации предложения относительно автономны и потому могут быть асимметричны. Их асимметрия применительно к отдельным предложениям проявляется в разных видах несоответствия их членения в плане формальной, смысловой и коммуникативной организаций. Укажем некоторые ее проявления.

Так, предложения *Идёт дождь*; *Дует ветер*; *Произошло землетрясение* и подобные им формально двухкомпонентны, но со стороны смысловой и коммуникативной организации — однокомпонентны. Два их формальных члена составляют один компонент смысловой организации — предикат, дающий имя состоянию природы (ср. возможность сообщить о том же событии однословным предложением: *Дождь*, или *Дождливо*, или *Дождит*; *Ветер* или *Ветрено*; *Землетрясение!* или *Трясет!*). Нечленимы они и как коммуникативные единицы, потому что соответствуют только коммуникатив-

<sup>1</sup> См.: Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения; Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

<sup>2</sup> Одной из первых работ, в которых было показано, что семантическая сторона предложения должна рассматриваться наряду с его формальной и коммуникативной организацией, была статья Ф. Данеша «О трех аспектах синтаксиса» (см.: Daneš Fr. A Three-level Approach to Syntax // Travaux linguistiques de Prague. L'Ecole de Prague d'aujourd'hui. Prague, 1964).

ному заданию, направленному на сообщение о событии в целом и предполагающем актуальную нерасчлененность высказывания. Этот тип коммуникативного задания хорошо воплощает вопрос *Что случилось?* (такие предложения не могут быть ответами на вопросы типа *Что идет?*; *Что дует?*; *Что началось?* — вне ситуации переспроса как реакции на неразборчивость речи — или на вопросы типа *Что делает дождь?*; *Ветер?*; *Землетрясение?*).

Предложения *Все почувствовали усталость*; *Детьми овладела скука*; *Меня охватил страх* и подобные формально трехкомпонентны, а в смысловом плане двухкомпонентны: в них сообщается об определенном состоянии субъекта (ср. возможность передать это содержание формально двухкомпонентными предложениями: *Все устали*; *Дети заскучали*; *Я испугался*).

Одни и те же словоформы могут играть существенно различные роли в разных сторонах организации предложения. Так, в приведенных примерах сказуемое, являющееся центром формальной организации предложения, само по себе не составляет отдельного компонента его смысловой организации, а функционирует лишь как часть комплексного обозначения состояния.

В случае асимметричности построения предложения и другие его формальные члены получают нетипичные для них роли в смысловой и ~ или коммуникативной организации предложения. В предложениях *У меня закружилась голова*; *Мне вспомнилась одна история* словоформы *голова*, *история* — подлежащие, но они не обозначают, как это свойственно подлежащим в симметрично построенных предложениях, носителя признака, выраженного сказуемым; это значение, важное для смысловой организации предложения, передают формально второстепенные члены (*у меня*, *мне*). Своеобразие коммуникативной организации этих предложений состоит в том, что при коммуникативном задании общего характера, предполагающем сообщение о событии в целом, в экспрессивно нейтральной речи обязателен такой порядок слов, при котором перед сказуемым стоит словоформа с субъектным значением, а подлежащее следует за сказуемым.

Применительно к языковой системе асимметричность построения предложения проявляется в том, что, с одной стороны, предложения одних и тех же формальных классов бывают неоднородны по смысловой организа-

ции (ср.: *Иван Иванович приехал.— Дождь идет; Все почувствовали усталость.— Студенты пишут курсовые работы*), а с другой — один и тот же тип смысловой организации имеют предложения разных формальных классов, способные передавать одно и то же содержание (ср.: *Ему грустно.— Он грустен.— Он грустит.— Он в грусти*).

В системе языка существует тенденция к симметрии между разными сторонами организации предложения, и потому их симметричное соотношение является преобладающим, но явления асимметрии не только принципиально возможны, но и представлены в речи достаточно часто.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение. М., 1976. § 1—8.*

*Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.*

*Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 24—31.*

## Глава 5

### ФОРМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

#### СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ФОРМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Формальная организация отдельных предложений в современной науке характеризуется соотнесением их с тем или иным образцом предложения — структурной схемой. Учение о структурных схемах составляет в современных синтаксических трудах основу описания формальной организации предложения.

Появление учения о структурной схеме предложения связано с реализацией одной из главных идей лингвистической теории XX в. — с идеей различия речи и языка. Русские языковеды XIX в. видели в предложении не только речевое явление; их внимание привлекало предложение как типовой образец; компоненты (члены) предложения рассматривались под углом зрения их участия в создании предложений именно как типовых

образцов. Их разработки подготовили материал и для формирования понятия структурной схемы предложения и для составления списка структурных схем.

### § 23. ТРАДИЦИОННОЕ УЧЕНИЕ О ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Традиционное учение о членах предложения строилось на основе идеи о том, что устройство предложения одновременно определяет и его форму и его смысл. Поэтому члены предложения выделялись и характеризовались по признакам двух родов: формальным и смысловым. Каждому члену предложения приписывались определенные формальные и смысловые признаки, которые, по убеждению сторонников традиционного учения о членах предложения, симметричны, т. е. предполагают друг друга.

Однако наблюдения над реальной языковой действительностью шли вразрез с исходными теоретическими положениями учения о членах предложения, демонстрируя асимметричность формальных и смысловых признаков членов предложения. Это порождало дискуссии и заставляло при выделении тех или иных членов предложения ориентироваться не на весь комплекс введенных в дефиниции этих членов предложения признаков, а на признаки одного какого-то рода — формальные или смысловые. Для современной теории формальной организации предложения ценность имеют те положения традиционного учения о членах предложения, которые отражают эту сторону устройства предложения.

Было создано учение о главных и второстепенных членах предложения. Значение этого деления членов предложения для синтаксической теории трудно переоценить: оно установило глубокие собственно строевые (формальные) различия между разными компонентами предложения.

Вопреки традиционным дефинициям, включавшим не только формальные, но и смысловые их характеристики, различительным признаком, на основе которого члены предложения традиционно делятся на главные и второстепенные, является формальный признак — вхождение или невхождение в предикативную основу предложения, т. е. в тот минимум, который достаточен для того, чтобы предложение стало грамматически оформленной предикативной единицей. К главным членам традиционно относят компоненты предложения,

входящие в предикативную основу двусоставного предложения,— сказуемое и подлежащее как предполагающие друг друга члены и единственный главный член односоставных предложений: *Смеркается; Морозно; Ночь; Звонят; Сидеть!* В отличие от главных второстепенные члены не участвуют в создании предикативной основы предложения.

Выдвижение в качестве признака, различающего главные и второстепенные члены, признака вхождения или невхождения в предикативную основу предложения свидетельствует об осознании того, что именно эта основа составляет конструктивное ядро предложения, а значит, о понимании предложения как предикативной единицы, из чего следует признание предикативности как основного свойства предложения.

## § 24. ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Традиционное деление членов предложения на главные и второстепенные предполагает высокий уровень грамматической абстракции. Для того, чтобы выделить главные члены предложения так, как это делает синтаксическая традиция, нужно отвлечься от многих конкретных языковых фактов.

Во-первых, необходимо отвлечься от коммуникативной организации предложения, связанной с речевой ситуацией. Со стороны коммуникативной организации различие между главными и второстепенными членами предложения несущественно, так как более важным в коммуникативном аспекте может быть любой член предложения, значение которого соответствует коммуникативному заданию. Так, при ответе на вопрос *Когда приехал Иван Иванович?* в предложении *Иван Иванович приехал вчера* актуально более значимым будет второстепенный член *вчера* (то же в случаях *Что привёз Иван Иванович? — Иван Иванович привёз поросёнка; Куда уехал Иван Иванович? — Иван Иванович уехал в Киев*).

Во-вторых, необходимо отвлечься от всех фактов, связанных со смысловой организацией предложения. Выделение главных членов в традиционных границах игнорирует тот факт, что не при любом лексическом заполнении позиции подлежащего и сказуемого или главного члена односоставного предложения может образоваться реальное нераспространенное предложе-

ние. Ср. невозможность или крайнюю затрудненность употребления в речи предложений типа «*Он поступил*» ‘совершил поступок’; «*Он лишился*»; «*Он очутился*»; «*Он принадлежит*»; «*Квартира состоит*».

Формальный анализ, на котором основано деление членов предложения на главные и второстепенные, отвлекается от всех этих фактов, так как направлен не на предложение как речевое произведение с конкретным лексическим наполнением, а на предложение как отвлеченную схему. Именно поэтому для традиционного деления членов предложения на главные и второстепенные несущественно то обстоятельство, что во многих реальных предложениях второстепенные члены абсолютно обязательны, так как они восполняют или конкретизируют семантически неполноценные или неопределенные по своей грамматической семантике главные члены.

Традиционное деление членов предложения на главные и второстепенные отвлекается, в частности, от того, что с точки зрения смысловой организации предложения некоторые второстепенные члены так же необходимы, как и главные. Например, для смысла предложения одинакова роль всех падежных форм со значением субъекта — носителя предикативного признака; ср.: *Сад цветёт*.— *Саду* цветсть; *Старушка дремлет*.— *Старушке* дремлется; *Ребёнок весел*.— *Ребёнку* весело; *Больной температурит*.— *У больного* высокая температура.— *Больного* лихорадит.

Выделяя форму именительного падежа из числа других падежных форм, связанных со сказуемым, синтаксическая традиция отвлекается от семантической изоморфности падежных форм с субъектным значением. Традиционное учение о главных членах целиком лежит в сфере формальной организации предложения. В этой и только в этой стороне организации предложения проявляется отличие формы именительного падежа (подлежащего) от форм косвенных падежей (дополнений) с субъектным значением. Оно состоит в том, что подлежащее находится не в односторонней зависимости от сказуемого, как формы косвенных падежей (в том числе и с субъектным значением), а во взаимозависимости с ним: не только зависит от сказуемого, которое диктует ему его форму, но и определяет форму сказуемого применительно к «уподобительным» категориям числа, рода и лица. Отнесение подлежащего, находящегося во

взаимосвязи со сказуемым, к главным членам оправдано именно тем, что подлежащее участвует в оформлении предикативного центра предложения.

## § 25. ТИПЫ СКАЗУЕМОГО

Большое достижение русской науки прошлого составляет учение о сказуемом. В основе его лежит представление о том, что сказуемое — член предложения, обладающий двумя признаками: во-первых, это носитель предикативности, ее выражатель; во-вторых, это член предложения, связанный с подлежащим, соглашающийся с ним. Наблюдения над тем, как в разных предложениях сказуемое выражает предикативные категории, привели к созданию учения о типах сказуемого. Это учение больше, чем какой-либо иной отдел традиционной синтаксической теории, способствовало реализации идеи создания списка структурных схем предложений (применительно к двусоставному предложению).

В истории науки выдвинуто два принципа выделения типов сказуемого: по морфологической природе и по составу. На основании первого принципа различают глагольное и именное сказуемое, а внутри именного — сказуемые, выраженные существительным, прилагательным, наречием. На основании второго принципа различают простое и составное сказуемое. Глагольное сказуемое может быть простым и составным<sup>1</sup>: *Целую неделю лили дожди. Вода в реке начала прибывать. Она может затопить ближние улицы.* Именное же сказуемое — всегда составное.

Простое сказуемое состоит из одного компонента: спрягаемой формы глагола или ее «заместителя». Таким «заместителем» может быть инфинитив или глагольное междометие: *Мальчишка — бежать; Нагайка — щёлк.*

I. Составное глагольное сказуемое состоит из двух компонентов — спрягаемой формы глагола и инфинитива. Спрягаемая форма своим лексическим значением и грамматической формой выражает модальные, временные и аспектуальные характеристики действия, обозначенного инфинитивом. Присоединять к

<sup>1</sup> Обычно непростое глагольное сказуемое называют, в отличие от именного, сложным.

себе инфинитив могут глаголы нескольких семантических групп: *хотел учиться, начал учиться, приехал учиться, заставили учиться*. Грамматическая традиция считает составным глагольным сказуемым не всякое соединение спрягаемой формы с инфинитивом.

1. В составном глагольном сказуемом инфинитив обозначает действие той же субстанции, что и спрягаемая форма глагола, т. е. действие предмета, который назван подлежащим; ср.: *Он хотел учиться; Он начал учиться; Он может учиться; Он умеет учиться и Родители заставили его учиться* (родители заставили, он учился); *Все просили её спеть; Командир приказал идти в атаку*. Инфинитив, обозначающий действие той же субстанции, что и спрягаемая форма глагола, к которой он примыкает (*Он хотел учиться*), принято называть (вслед за А. А. Потебней, который первым провел это разграничение) субъектным; обозначающий действие, относящееся к другой субстанции, чем действие спрягаемой формы глагола (*Его заставили учиться*), — объектным. Объектный инфинитив синтаксическая традиция не включает в состав глагольного сказуемого, а рассматривает как второстепенный член предложения.

2. При определении объема составного глагольного сказуемого учитывается характер смысловых отношений между спрягаемой формой глагола и инфинитивом. В составное глагольное сказуемое не включается инфинитив, имеющий конкретное значение цели; такое значение инфинитив имеет при глаголах движения: *приехал учиться, зашёл поговорить, прибежал спросить, послали узнать*. Инфинитив цели (он может быть, как видно из примеров, и субъектным и объектным) рассматривается как второстепенный член предложения. Как составное глагольное сказуемое рассматриваются только соединения инфинитива с наиболее отвлечеными по значению глаголами, семантика которых связана с грамматикой: с модальным значением (ср. содержание категории наклонения) и с фазовым значением (ср. содержание категории вида).

Таким образом, составное глагольное сказуемое в грамматической традиции понимается как аналитическое обозначение одного процессуального признака (действия), охарактеризованного в модальном (*хотел учиться*) или аспектуальном (*начал учиться*) плане либо

в модальном и в аспектуальном плане одновременно (*хотел начать учиться*), т. е. как аналог глагола, разделившего свое значение (основное и дополнительное) между двумя (или тремя) словоформами.

В истории науки были попытки ограничить объем составного глагольного сказуемого. Делалось это на основе лексического анализа первого компонента сказуемого — спрягаемой формы глагола. Характер лексического значения спрягаемой формы глагола в составе сказуемого данного типа действительно не вполне однороден. Модальные или фазовые значения, составляющие для спрягаемой части составного глагольного сказуемого обязательную часть его семантики, могут быть ее основой, а могут быть «заслонены» иными компонентами значения; ср.: *может учиться* — *умеет учиться*, *хочет учиться* — *надумал (обещал, договорился)* *учиться*, *не хочет выступать* — *стесняется (боится, трусит)* *выступать*. Но лексические различия такого рода не могут быть основанием для установления объема составного глагольного сказуемого как явления синтаксиса. Традиция, опирающаяся на собственно грамматические принципы, изложенные выше, и игнорирующая эти лексические различия, предлагает более разумное решение.

II. Именное сказуемое в традиционном понимании всегда составное, даже тогда, когда оно реально представлено одной словоформой: *Он стар*. *Он удручен годами, войной, заботами, трудами* (П.). В составном именном сказуемом — два компонента: связка, назначение которой состоит в выражении категорий модальности и времени, и присвязочная часть, выражающая вещественное содержание сказуемого.

Русская наука подробно разработала учение о связке. Особенность синтаксической традиции состоит в широком понимании связки: во-первых, связкой называют слово *быть*, все значение которого исчерпывается указанием на модальность и время; во-вторых, связками называют глаголы с более или менее ослабленным и видоизмененным значением, которые не только выражают предикативные категории, но и влияют на вещественное содержание сказуемого; ср.: *Он был весёлым*.— *Он стал (казалось) весёлым*.— *Он вернулся весёлым*. Связка первого типа (*быть*) — отвлеченная — представляет собой формант, служебное слово. Связки второго типа делят на полузнаменательные и знаменательные. Полузнаменательные связки вносят в составное именное сказуемое значение появления признака: *стать* — *становиться*, *сделаться* — *делаться*, его сохранения: *остаться* — *оставаться*, внешнего обнаружения:  *казаться* — *показаться*, *оказаться* — *оказываться*, его приписанности носителю извне: *слыть* —

*прослыть, считаться, зваться; ср.: Он был добряк.— Он стал добряком.— Он остался добряком.— Он казался добряком.— Он слыл добряком.*

Знаменательные связи — это глаголы с конкретным значением (преимущественно со значением движения или пребывания в состоянии), обладающие свойством присоединять к себе либо прилагательное в форме именительного или творительного падежа, либо существительное, с качественно характеризующим значением в форме творительного падежа: *Он пришёл усталий (усталым); Он живёт бобылём; Мальчишки росли сорванцами.*

## § 26. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ОДНОСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Идея о том, что сказуемое — член предложения, зависящий от подлежащего и потому обязательно предполагающий его, послужила основой для выделения главного члена односоставного предложения.

То, что существуют предложения, в которых возможен лишь один главный член, было замечено давно. Но только А. А. Шахматов впервые объединил все такие предложения в один тип, дав ему название «односоставные предложения» и противопоставив его «двусоставным предложениям» — с двумя предполагающими друг друга главными членами: сказуемым и подлежащим<sup>1</sup>.

Главный член односоставного предложения — особое синтаксическое явление: он один составляет предикативную основу предложения. Ср.: *наша улица днём пустынна*. — *На нашей улице днём пустынно*; если представить эти предложения схематически, выявив в них зависимости (← — знак взаимозависимости; → — знак зависимости, стрелка направлена от главного компонента к зависимому), то они будут выглядеть следующим образом:



Главный член односоставного предложения является носителем предикативности предложения. Его сходство со сказуемым проявляется

<sup>1</sup> См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. С. 29—31.

в том, что он имеет те же типы: *Ему нездоровится; Его начинает знобить; Его может знобить; Его может начать знобить; В комнате было холодно; В комнате становится холодно*. Но, в отличие от сказуемого, форма которого определенными своими сторонами (число, род, лицо) зависит от формы подлежащего, главный член односоставного предложения не приспосабливает своей формы ни к какому члену предложения, он — абсолютное определяемое односоставного предложения.

## § 27. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Традиционное учение о второстепенных членах предложения дает меньше материала для описания формальной организации предложения. Оно не только в предлагаемых дефинициях классов второстепенных членов предложения, но и в практике их выделения основывалось на комплексе признаков разной природы, учитываемых одновременно, а не в логической последовательности. Состав этих комплексов и соотносительную значимость каждого из признаков ученые понимали по-разному. Следствием этого была разноречивость в трактовке границ классов второстепенных членов предложения и незатихавшая полемика вокруг вопроса о принципах классификации второстепенных членов.

Общепризнанные положения учения о второстепенных членах предложения сводились к следующему.

1. Существует три класса второстепенных членов предложения: дополнения, определения и обстоятельства. В рамках каждого выделяются подклассы: прямые и косвенные дополнения; согласованные и несогласованные определения и приложения; разные виды обстоятельств.

2. При выделении этих классов и подклассов используются следующие критерии: 1) морфологическая характеристика второстепенного члена предложения; 2) морфологическая характеристика определяемого им члена предложения; 3) характер синтаксической связи между ними; 4) смысловые отношения между второстепенным членом и членом предложения, от которого он зависит.

3. Наибольшую значимость имеет смысловой критерий. Классы второстепенных членов выделялись, по существу, на его основе, но, в соответствии с идеей един-

ства смысловой и формальной организации предложения, смысловой признак дополнялся формальными.

То, насколько существенными признавались формальные признаки и как оценивалась соотносительная значимость каждого из них, определялось по-разному применительно к разным классам второстепенных членов предложения. Интуитивное ощущение нелогичности этого заставляло многих ученых и учителей-практиков пересматривать традиционные решения, что создавало почву для разноречивых характеристик одних и тех же явлений.

Дополнение понималось как второстепенный член предложения, который: 1) передает объектные отношения, т. е. обозначает предмет, на который направлен (прямо или косвенно) признак, называемый определяемым дополнением членом предложения; 2) выражается формой косвенного падежа существительного; 3) в элементарном предложении зависит от сказуемого (глагола в спрягаемой форме или прилагательного), а присложнении предложения — от неспрягаемой формы глагола или прилагательного; 4) соединен с членом предложения, от которого он зависит, связью управления.

На основе этого комплекса признаков как дополнения выделялись прилагольные или приадъективные второстепенные члены в предложениях типа *Дети строят из кубиков дом*; *Мать довольна детьми*. Но наряду с такими предложениями существуют предложения типа *Дети заняты постройкой из кубиков дома*, в которых формы косвенных падежей существительных с объектным значением (в нашем примере словоформы *из кубиков* и *дома* со значением материала и результата действия) управляются существительным. Отнести их к дополнениям можно уже не на основе всего комплекса признаков, характеризующих дополнение. Признак присубстантивности сближает их с определениями, поэтому если считать прилагольность ~ приадъективность (или присказуемость) обязательным признаком дополнения, а присубстантивность — обязательным признаком определения, то такие члены предложения должны быть рассмотрены как определения. В русской науке традиционно было принято рассматривать их как дополнения.

Как дополнение квалифицировался и зависимый объектный инфинитив в предложениях типа *Друзья уг-*

*варивали его уехать; Врачи советовали отдохнуть.* У этого члена предложения полностью отсутствуют все формальные признаки дополнения, кроме прилагольности — признака, который не рассматривался как обязательный для дополнения, о чем свидетельствует отнесение к дополнениям присубстантивных форм косвенных падежей с объектным значением. Единственным основанием для включения объектного инфинитива в класс дополнений была некоторая семантическая близость его к прилагольным формам косвенных падежей с объектным значением. Таким образом, определение традиционных границ класса дополнений ориентировано на семантику. В этом решении проявилась тенденция придавать главное значение смысловым характеристикам второстепенных членов предложения.

Определение обозначает признак предмета, выражает определительные отношения. В традиционном понимании границ этого класса второстепенных членов предложения определение имеет один обязательный формальный признак: оно присубстантивно. По характеру синтаксической связи различают определения согласованные и несогласованные: *разноцветные кубики, весёлая игра, играющие дети*; цвет *бордо, ягоды поспелее, дом из кубиков, игры детей, совет отдохнуть, взгляд исподлобья*. Как особую разновидность определений выделяют приложения, которые традиционно рассматривались как согласованные определения, выраженные существительными: *сосед-молчун, воробей-забияка, чудо-город*.

Обстоятельства выделяют только по смысловому признаку. Для них не выдвигалось ни одного обязательного специфического формального признака. Обстоятельства в традиционных границах этого класса возможны при члене предложения любой грамматической природы (глаголе, прилагательном, наречии, существительном) и сами могут быть различны: наречие, форма косвенного падежа существительного, деепричастие, инфинитив.

Весь обширный класс традиционных обстоятельств в действительности объединен одной общей формальной характеристикой (не указываемой в definicione, но интуитивно учитываемой в анализе): обстоятельства соединены с определяемым ими членом предложения (или группой членов предложения) непредсказующей связью, их форма непосредственно не выражает на-

правления зависимости. Однако этот признак не специфичен для обстоятельств — он свойствен и несогласованным определениям: *Повернули к реке* (обстоятельство); *Тропинка к реке* была скользкой (несогласованное определение) и некоторым косвенным дополнениям: *Идти к дому* было весело (обстоятельство); *Со всеми невзгодами дочери шли к отцу* (дополнение). Отделение обстоятельств от косвенных дополнений производилось исключительно на основе семантического критерия.

Смысловой критерий использовался как основание и для деления обстоятельств на подклассы: образа действия, меры и степени, места, времени, причины, цели. Но здесь смысловой критерий был более конкретным: обстоятельства делились на подклассы по лексическим значениям, присущим большим семантическим разрядам словоформ (качественным, количественным, обстоятельственным наречиям и синонимичным им формам косвенных падежей существительного) и более мелким их группам (например, разным семантическим объединениям внутри обстоятельственных наречий).

## § 28. ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО УЧЕНИЯ О ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Итак, учение о второстепенных членах предложения утверждало наличие трех видов смысловых отношений второстепенных членов с определяемыми ими членами предложения: объектных, определительных и обстоятельственных. Сущность этих смысловых отношений не была раскрыта. Но синтаксическая традиция неизмеримо сильнее в своих реальных решениях — практических разграничениях языкового материала, в значительной степени основанных на интуитивных представлениях, чем в теоретических положениях, поэтому целесообразно подвергать критическому анализу и оценке именно эту сторону традиционных представлений. Обращение к ней приводит к выводу о том, что теоретически провозглашаемые составляющими одну трехчленную оппозицию определительные, объектные и обстоятельственные отношения (с их разновидностями) на самом деле имеют разную природу, и это учитывалось в практике анализа второстепенных членов предложения.

Определительные отношения в традиционном их понимании — элемент смысла, который создается

присубстантивностью второстепенного члена предложения. Это следует из того факта, что соотносительные наречия и прилагательные, обозначающие один и тот же признак и различающиеся лишь грамматическим оформлением и сочетаемостью, рассматриваются как выражатели разных отношений (обстоятельственных и определительных); ср.: *бригада хорошо работает — хорошая работа бригады, друзья мирно беседуют — мирная беседа друзей*; ср. также: *советуют отдыхать* (объектные отношения) — *совет отдыхать* (определительные).

Правда, наличие в значении определяемого существительного тесной семантической связи с глаголом или прилагательным, в частности значение действия-процесса или отвлеченного признака, способно устранять этот элемент смысла, что и давало основания в словосочетаниях типа *постройка дома, недовольство детьми* усматривать объектные, а не определительные отношения. Но пока существительное семантически остается собственно существительным, т. е. именем предмета, его распространитель — определение.

Специфическая природа определительных отношений противопоставляет определительность объектности и обстоятельственности, вместе взятым. Традиционное учение о второстепенных членах предложения утверждает необходимость различать распространители существительных (определения) и распространители глаголов, прилагательных, наречий (т. е. слов предикатного типа), приписывая первым особый элемент смысла, создаваемый присубстантивностью и называемый определительностью.

Сущность противопоставления объектности обстоятельственности в традиционном их понимании состоит в попытке различения собственно предметных, субстанциональных отношений (объектность) и отношений характеристических (обстоятельственность). За традиционным понятием дополнения стоит представление о членах предложения, называющих (вместе с подлежащим) участников обозначенной в предложении ситуации, а за традиционным понятием обстоятельств — представление о членах предложения, характеризующих эту ситуацию со стороны внешних условий или внутренних ее свойств: *На полу дети дружно строят из кубиков дом, где дом, кубики (равно как и дети)* — участники ситуации, *на полу* — характеристика ее

внешних условий, *дружно* — оценочная характеристика ее внутренних свойств. Нельзя сказать, что различие дополнений и обстоятельств на этом основании было последовательно проведено в традиции, но устремленность к этому достаточно ясна. Таким образом, учение о второстепенных членах предложения связано не столько с формальной, сколько со смысловой организацией предложения.

Вследствие своей нечеткости, проявляющейся в размытости границ между выделяемыми классами и несоотносительности их характеристик, учение о второстепенных членах предложения дает современной науке существенно меньше, чем учение о главных членах предложения. Но опыт его поучителен. Теоретическую ценность представляют следующие идеи:

1. Учение о второстепенных членах привлекло внимание к различию смысла и функциональной сущности членов предложения, называющих участников обозначенной в предложении ситуации, и членов предложения, характеризующих ситуацию.

2. Учение о второстепенных членах предложения выявило особую роль присубстантивности второстепенного члена и тем самым доказало необходимость учитывать этот признак.

3. Учение о второстепенных членах предложения показало относительную автономность и несимметричность формальной и смысловой организации предложения, продемонстрировав невозможность соотнести со смысловыми признаками второстепенных членов их формальные характеристики. Ярким проявлением этого было введение понятия «морфологизированных» и «неморфологизированных» второстепенных членов предложения. Форма «морфологизированных» второстепенных членов предложения наиболее точно выражает их смысл. Таковы определения, выраженные согласованными прилагательными и причастиями; приглагольные или приадъективные дополнения, выраженные предсказуемыми формами косвенных падежей существительного; обстоятельства, выраженные наречиями. Форма же «неморфологизированных» второстепенных членов предложения не соответствует их смыслу.

## § 29. ТРАДИЦИОННОЕ УЧЕНИЕ О ТИПАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В науке прошлого была выработана классификация предложений, которая основывалась на ряде принципов. Предложения делили по: 1) распространенности ~ нераспространенности, т. е. наличию или отсутствию второстепенных членов; 2) полноте ~ неполноте замещения обязательных позиций членов предложения; 3) целеустановке; 4) составу и форме главных членов; 5) осложненности ~ неосложненности.

## § 30. НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ И РАСПРОСТРАНЕННЫЕ, ПОЛНЫЕ И НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Деление предложений на распространенные ~ нераспространенные связано с делением членов предложения на главные и второстепенные и отражает две принципиально различные речевые реализации предложений как единиц языка: нераспространенное предложение воплощает грамматический минимум предложения, а распространенное — его расширенный состав, который, кроме главных членов, содержит еще и их распространители. Например, предложения *Идёт человек и Вниз по бульвару к театру медленно идёт пожилой скромно одетый человек с портфелем* реализуют одну и ту же структурную схему, но первое содержит только обязательные компоненты предложения, а второе и факультативные.

С разными речевыми реализациями связан и признак полноты ~ неполноты предложения, т. е. наличия или отсутствия эксплицитного выражения необходимых членов предложения. К числу необходимых членов предложения по традиции относят, во-первых, главные члены, а во-вторых, те второстепенные члены, необходимость которых обусловлена наличными членами, а именно: форма косвенного падежа при управляющем слове, если управление имеет характер обязательной и предсказующей связи, и существительное при наличии в нем согласованном с ним прилагательном. Ср.: *Идёт.— Кто? — Моя. Кто же ещё в такую рань выскочит* (Ант.) — в первом предложении отсутствует подлежащее, во втором — сказуемое, в третьем — сказуемое и подлежащее. Такое толкование третьего предложения предполагает, что словоформа *моя* употреблена как форма прилагательного; если видеть здесь суб-

стантиацию (моя ‘моя жена’), то *моя* следует считать подлежащим. Во второй части сложного предложения *Я... разостлал бурку на лавке, казак свою на другой...* (Л.) отсутствует сказуемое *разостлал* и еще две словоформы (*бурку, на лавке*): на их позицию указывают прилагательные *свою, на другой*.

### § 31. ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛЕУСТАНОВКЕ

Деление предложений по целеустановке появилось с самого зарождения учения о синтаксическом строении русского языка. Однако границы и характер понимания целеустановки и соответственно состав выделяемых по этому принципу классов предложений в истории науки менялись. Как различающиеся целеустановкой типы предложений сначала рассматривались повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения. Затем эта оппозиция строилась так: повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. В современных же трудах по синтаксису противопоставление по данному признаку выступает как оппозиция вопросительности и невопросительности.

Деление всех предложений на повествовательные, вопросительные, восклицательные основано на разных признаках, а потому предложение может быть одновременно вопросительным и восклицательным: *Как, разве вы ещё не уехали?!* или повествовательным (т. е. невопросительным) и восклицательным: *Пожар!; Горим!; Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.— Плохо, ваше благородие! — сказал он мне. Здесь нечисто!* (Л.).

Повествовательные предложения противопоставлены вопросительным предложениям по признаку «невопросительность (повествовательные) ~ вопросительность (вопросительные)», восклицательным — по признаку «акцентированная эмоциональность (восклицательные) ~ отсутствие акцентированной эмоциональности (повествовательные)».

Деление на повествовательные, вопросительные и побудительные предложения не охватывает всех предложений; в нем не учены определенные предложения (со значением желательности): *Хоть бы пришёл кто-нибудь в гости; Если бы снег!; Только бы все были здоровы!* Эти предложения имеют специфическое модальное значение, выражаемое особыми показателями (оп-

тативными частицами), и потому не могут быть отождествлены с побудительными; вместе с тем они, подобно побудительным, не могут быть преобразованы в вопросительные (в отличие от повествовательных, которые легко преобразуются в вопросительные).

Любое множество предложений можно поделить на повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные<sup>1</sup>, и при этом пересекающихся классов не образуется. Но с точки зрения принятых в отечественной науке исходных положений классы выделяются не на одном основании<sup>2</sup>. Повествовательные, побудительные и оптативные предложения противостоят друг другу как разные модальные типы предложений: повествовательные имеют реальную модальность или модальность предположительности, побудительные — модальность побуждения, оптативные — модальность желательности. Вопросительные же предложения противостоят остальным не как модальный тип. В этом отношении они вполне идентичны повествовательным предложениям, подобно последним имеют значение реального факта: *Кто пришёл? Когда уходит поезд?* или предположительности: *А ты поступил бы так?*

Вопросительные предложения выражают особую форму мысли — вопрос; их коммуникативное задание состоит не в передаче информации, а в побуждении к ее получению. Именно поэтому в современной науке деление предложений по целеустановке признается как оппозиция по признаку вопросительности ~ невопросительности. На этом основании все предложения делят на невопросительные, коммуникативное задание которых связано с передачей информации, и вопросительные, коммуникативное задание которых связано с получением информации. Вопросительные предложения — большой и неоднородный по формальной организации, семантике и коммуникативной функции класс предложений. Синтаксическая традиция

<sup>1</sup> Деление предложений на повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные широко распространено в зарубежных синтаксических концепциях; в частности, именно так исчисляются коммуникативно-установочные типы предложений учеными, связанными с пражской лингвистической школой.

<sup>2</sup> Синтаксисты Чехословакии и все, кто принимает их концепцию, напротив, полагают, что в основе этого деления лежит один принцип: учет «основной модальности высказывания», которая понимается широко и включает в себя вопросительность.

выработала деление вопросительных предложений по разным основаниям.

По формальной организации, а именно по характеру средств выражения вопросительности, различают предложения, в которых вопросительность выражается 1) специальными словами — вопросительными местоимениями или вопросительными частицами [*ли, не...ли, разве, неужели, или (иль), что (ж), как* и др.]; 2) интонацией: *Кто* при звездах и при луне так поздно едет на коне? *Чей* это конь неутомимый бежит в степи необозримой? (П.); «*Не бледен ли я очень?* — думалось ему.— *Не в особенном ли я волнении?*» (Д.); *И каждый вечер, в час назначенный (иль это только снится мне?)* девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне (Бл.); Помню, выезжал за мной тогда старик Борис. *Что он жив ещё?* (Ч.); *Тебя очень качало на пароходе?* (Ч.).

По типу вопроса и предполагаемого ответа вопросительные предложения делят на общевопросительные и частновопросительные. Первые допускают в качестве ответа подтверждение (*Да*) или отрицание (*Нет*). Вторые не допускают таких ответов, а требуют сообщения в ответе какой-то новой информации. Деление на общевопросительные и частновопросительные предложения соответствует делению по формальному принципу: в первых вопросительность выражается частицами или интонацией, во вторых — вопросительными местоимениями. Ср.: *Здоров ли Иван Иванович? Не уехал ли Иван Иванович? Иван Иванович приехал? — Где Иван Иванович? Куда уехал Иван Иванович? Почему не приехал Иван Иванович? Что привёз Иван Иванович?* Общевопросительные предложения называют ещё неместоименными, а частновопросительные — местоименными.

По значению, характеру коммуникативного задания вопросительные предложения делят на собственно вопросительные и несобственно вопросительные. Последние имеют формальную организацию вопросительного предложения, но не направлены на поиск информации. Они выражают разнообразные модально-экспрессивные значения — вежливого побуждения: *Не скажете ли несколько слов?*; *Не могли бы вы зайти за мной?*; эмоционально окрашенной констатации факта: *А, так вы не уехали?*; ритори-

ческого утверждения или отрицания: *Вы знаете Ивана Ивановича? — Кто же не знает Ивана Ивановича?; Как укутали ребёнка! Кто же так одевает детей?* и др.

### § 32. ДВУСОСТАВНЫЕ И ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

По составу главных членов все предложения делят на двусоставные и односоставные. Двусоставные предложения имеют два главных члена: сказуемое и подлежащее; односоставные — один главный член.

Двусоставные предложения принято делить в соответствии с типами сказуемого на глагольные и именные и далее более дробно. Так, среди глагольных двусоставных предложений выделяют спрягаемо-глагольные и инфинитивные: *Ребёнок заплакал; Ребёнок — плакать;* среди именных — предложения со сказуемым-прилагательным: *Ночь тиха, ночь светла* (Л.); *Ночь была удивительно светлая (светлой); Этот шум — почти лесной!* Этот гул — почти морской! То ударил над Москвой летний ливень навесной (Тушн.); со сказуемым — существительным в форме именительного или любого косвенного падежа: *Его имя Вернер, но он русский* (Л.); *Два куска голубизны — словно окна над Москвой* (Тушн.); *Да будет камнем камень. Да будет болью боль!* (Тв.); *Была без радостей любовь, разлука будет без печали* (Л.); *Он был, казалось, лет шести* (Л.).

Синтаксическая традиция выработала классификацию односоставных предложений. Их делят по ряду признаков, которые применялись для классификации не поочередно, а в том или ином соединении с выдвижением одного из признаков в качестве основного. Результатом этого явилась множественность классификаций; ученые по-разному соединяли признаки, выдвигая в качестве основного то один, то другой, и потому по-разному членили языковые факты. При классификации односоставных предложений использовали следующие признаки: 1) форму (морфологическую) главного члена; 2) синтаксические свойства главного члена, а именно правила сочетания с формой существительного, обозначающей носителя предикативного признака; 3) значение, присущее тому или иному классу односоставных предложений, а именно характер представления носителя признака.

Наиболее распространенный вариант классификации односоставных предложений таков: предложения определено-личные, обобщенно-личные, неопределенно-личные, инфинитивные, безличные (спрягаемо-глагольные и именные), номинативные.

Определено-личны<sup>м</sup> называют односоставные предложения, главный член которых, выраженный спрягаемой формой 1—2-го лица глагола, обозначает действие определенного (ясного из ситуации речи) лица; причем соответствующего местоимения при главном члене нет: *Дорогою свободной иди, куда влечёт тебя свободный ум* (П.); *Люблю тебя, Петра творенье* (П.). Такие предложения считают односоставными, а не неполными двусоставными с незамещенной позицией подлежащего<sup>1</sup> на том основании, что подлежащее — личное местоимение 1—2-го лица — в них информативно избыточно: оно ничего не прибавляет к значению предложения и значимо только в экспрессивно-стилистическом аспекте. Так, наличие местоимения 2-го лица при форме повелительного наклонения придает побуждению или смягчающий: *Ты посиди*, или усиливающий характер: *Посиди ты!* Однако предложения с наличествующим местоимением (*Я ухожу; Вы придёте завтра*) считаются двусоставными.

Обобщено-личны<sup>м</sup> называют предложения, главный член которых, выраженный спрягаемой формой 2-го лица единственного числа настоящего-будущего времени или повелительного наклонения глагола, обозначает действие обобщенно мыслимого лица: *Из песни слова не выкинешь* (посл.); *Сердцу не прикажешь* (посл.); *Говори, да не заговаривайся; Свою ведь землю по-настоящему поймёшь на чужбине* (Фед.).

А. М. Пешковский обратил внимание на то, что форма обобщенно-личного предложения может использоваться для передачи чисто личных фактов жизни говорящего лица: ...*Разве с кем поговоришь с посторонним, душу отведёшь, только и всего* (Остр.); *Встанешь бывало поутру, и словно с горы на салазках покатишься. Смотришь, уж и примчался к концу* (Т.). Это употребле-

<sup>1</sup> Отнесение этих предложений к односоставным справедливо оспаривается на том основании, что введение личного местоимения в них всегда возможно, а значит, в системе языка соответствующий структурный образец предполагает позицию подлежащего. Регулярная незаполненность этой позиции в речи — явление узуса, нормы, а не системы языка.

ние обобщенно-личных предложений он комментирует следующим образом: «Чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облекает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повествованием, чем при чисто личной форме»<sup>1</sup>.

Неопределенно-личные называют односоставные предложения, главный член которых выражен формой 3-го лица множественного числа глагола (в прошлом времени и сослагательном наклонении — формой множественного числа) и обозначает действие, производитель которого представляется несущественным, так как внимание говорящего привлечено лишь к самому факту действия: *Звонят!*; *Дни поздней осени бранят обыкновенно* (П.); *Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке* (П.); *В редакции пялили глаза на тоненькую девушку с кавалерийским карабином, удивлённо брали стихи, обещали прочитать* (Лавр.). Часто производитель действия неизвестен говорящему или мыслится обобщенно, но он может быть и вполне определенным: *Уходи, тебе говорят* ('я тебе говорю'). Неопределенность производителя действия — неизбывательный смысловой признак неопределенно-личного предложения. Специфическую особенность неопределенно-личных предложений, смысл которых состоит в констатации действия, составляет отвлечение действия от его производителя, что сближает их с номинативными предложениями, образованными отлагольными существительными без распространителей с субъектным значением: *Шум, хохот, давка у порога, поклоны, шарканье гостей...* (П.).

Синтаксисты прошлого указывали на национальную специфику обобщенно-личных и неопределенновличных предложений. Эту мысль афористически высказал Пешковский, охарактеризовав обобщенно-личные и неопределенновличные предложения как выражатели «двух особых форм мышления говорящего по-русски человека»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 375—376.

<sup>2</sup> Там же. С. 375.

Инфинитивными называют односоставные предложения, главный член которых выражен инфинитивом, не зависящим ни от какой другой словоформы: *Завтра тебе рано вставать; Вам не видать таких сражений* (Л.); *Быть бычку на верёвочке* (посл.); *Упущенного не наверстать; Не ругаться же с ним!*; *Зачем обижаться?* Обычный компонент инфинитивного предложения — форма дательного падежа с субъектным (агентивным) значением. Он регулярно отсутствует только в двух случаях: 1) при определенно-личном значении предложения, ясном из ситуации речи, т. е. когда производителем действия, выраженного инфинитивом, является говорящий или собеседник: *Опять не спать ночь; Молчать!*; 2) при обобщенно-личном значении предложения, когда производитель действия, выраженного инфинитивом, мыслится как любой человек: *Его не уговорить; Судьбы не миновать; На всех не угодить.*

Это именно те случаи, когда форма именительного падежа местоимения 1—2-го лица регулярно отсутствует в определено-личных и обобщенно-личных предложениях: — *Уходишь? — Остаюсь; Век живи — век учись* (посл.). Но отмеченная общность механизма, управляющего заполнением или незаполнением позиции формы именительного падежа в спрягаемо-глагольных предложениях и формы дательного в инфинитивных, не свидетельствует о полной однофункциональности этих падежных форм: она отражает лишь их однофункциональность в смысловой организации предложения. Их роль в формальной организации предложения принципиально различна.

В отличие от формы именительного падежа при спрягаемой форме глагола, форма дательного падежа связана с инфинитивом односторонней зависимостью. Именительный падеж (и только он один) участвует в оформлении предикативного центра предложения — сказуемого: он диктует ему формы числа и рода (лица), которые у сказуемого двусоставного предложения вариативны, находятся в распоряжении подлежащего и отражают соответствующие его свойства. Дательный падеж в инфинитивных предложениях в оформлении предикативного центра не участвует.

Главный член безличного предложения может иметь разные формы: спрягаемо-глагольную: *Вечереет; Пахнет сеном; Мне не спится* или именную: *Мне грустно и легко... (П.)*; *В просьбе отказано.* Но он всегда ха-

рактеризуется тем, что при нем или совсем невозможен член предложения, обозначающий производителя предикативного признака (что бывает относительно редко): *Рассвело; Снежно-снежно. Тихо-тихо* (Тушн.), или этот член выражается формой косвенного падежа существительного: *Ему взгрюстнулось; Его знобит; У бабушки поясницу ломит*. Форма именительного падежа конструкцией безличного предложения не допускается.

Формы косвенных падежей с субъектным значением в безличных предложениях выполняют те же функции, что и форма дательного падежа в инфинитивных предложениях, и имеют ту же синтаксическую природу.

Главный член *и о м и н а т и в н о г о* предложения выражен формой именительного падежа существительного: *Чу — дальний выстрел!.. Вот крик...* (Л.); *Чёрный вечер. Белый снег. Ветер, ветер!* (Бл.).

Из сказанного ясно, что разные типы односоставных предложений выделяют на основе разных признаков: инфинитивные и номинативные предложения — по форме главного члена; безличные — по синтаксическому свойству — неспособности их главного члена сочетаться с формой именительного падежа; определенно-личные, обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения — по типовым значениям определенности, обобщенности или неопределенности и по форме главного члена одновременно. В случаях, когда эти признаки расходятся, предпочтение отдается либо тому, либо другому. Так, предложения типа *Лежачего не бьют; Цыплят по осени считают; Так не говорят* квалифицируются или как неопределенно-личные (по форме главного члена: 3-е лицо множественного числа), или как обобщенно-личные (по значению).

Несмотря на неопределенность и зыбкость границ типов односоставных предложений, традиционная классификация односоставных предложений многое дала для достижения их формальной и семантической организации, выделив основные формальные классы, показав разнообразие их реализаций и сложность смысловой организации.

### § 33. ОСЛОЖНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложилась традиция выделения **осложненных** предложений как особого класса простых предложений, неявно противопоставленного классу **неослож-**

ненных (или элементарных) предложений. В класс осложненных предложений объединяли разнообразные построения, которые в формальном отношении обладают главным признаком простого предложения — монопредикативностью, семантически же организованы более сложно, чем неосложненные предложения, и эта семантическая сложность выражается какими-то элементами их формальной организации.

В классе осложненных принято рассматривать предложения: 1) с обособленными членами (или полупредикативными конструкциями): *В конце января, овеянные первой оттепелью*, хорошо пахнут вишнёвые сады (Ш.); *Другая комната, почти вдвое больше*, называлась залой (Ч.); *Похоронив Аксинью*, трое суток бесцельно скитался Григорий по степи (Ш.); *Ехали только днём, во избежание всяких дорожных случайностей* (Пр.); 2) с однородными членами (сочинительными словосочетаниями): *Татьяна верила преданьям простонародной старины и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны* (П.); *Точность и краткость* — вот главные достоинства прозы (П.); *Ночь прошла без приключений, но и без сна* (Л.); 3) с вводными конструкциями: ...*Поэта, быть может, на ступенях света ждала высокая ступень* (П.); *Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною? И скоро ль, на радость соседей-врагов, могильной засыплюсь землёю?* (П.); 4) с обращениями: *Юноша бледный со взором горящим! Ныне даю я тебе три завета* (Бр.); *Прощай, письмо любви, прощай!* (П.); *Сияй, сияй, прощальный свет любви последней, зари вечерней!* (Тютч.).

Общее в них — приспособленность построения для выражения смысла большего объема, чем тот, какой обычно выражается в неосложненных предложениях. В осложненных предложениях может говориться не об одном событии, а о нескольких; ср.: *Близко прогремел гром, заставив всех вздрогнуть.— Близко прогремел гром. От этого все вздрогнули; Мы работали то в поле, то на огороде.— Мы работали в поле. Мы работали на огороде.* Смысловая сложность такого рода типична для осложненных предложений первых двух подклассов. Для двух последующих типично осложнение сообщения о событии выражением оценок говорящим этого события в целом или каких-то его сторон (например, его участников).

Таким образом, выделение класса осложненных предложений, при очевидной неоднотипности подводимых под него фактов, представляет известный интерес и ценность. Оно привлекает внимание к явлению возможной семантической сложности простого предложения, которое, оставаясь монопредикативным, может выражать смысл, равный смыслу сочетания предложений. Тем самым выделение осложненных предложений подготовляет почву для отделения семантически элементарных предложений от семантически сложно организованных.

Однако семантическая сложность не составляет специфики только осложненных предложений. Семантически сложными могут быть и многие неосложненные предложения. Так, в предложении *Все вздрогнули от близкого удара грома* сообщается о двух связанных причинно-следственными отношениями событиях. В то же время и осложненные по форме предложения могут быть семантически элементарными. Таковы, в частности, многие предложения с обращениями: *Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни в лицо, ветер с полудня* (Кольц.).

Эти и подобные им факты, противоречащие идеи единства формальной и смысловой организации предложения, традиционное учение об осложненных предложениях не учитывало. Поэтому современная наука в поисках путей разграничения семантически элементарных и семантически сложных простых предложений не может прямо основываться на традиционном выделении осложненных предложений.

## СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С тех пор как в лингвистике утвердилась идея различия языка и речи, встал вопрос: что в этом плане представляет собой предложение, является ли оно только единицей речи или также и единицей языка? В славянском языкознании большинством синтаксистов предложение рассматривается как единица языка и речи. Эту мысль хорошо выразил В. Матезиус: «Предложение не принадлежит целиком речи, а связано в своей обычной форме с грамматической системой языка, к которой оно относится»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 237.

В предложении есть и производимые и воспроизведимые говорящим элементы. Воспроизводятся как элементы структуры предложения, а не произвольно образуются говорящим формы конститутивных членов предложения, составляющих его предикативный минимум, который необходим для того, чтобы предложение было грамматически оформленной предикативной единицей, и более широкий номинативный минимум, который необходим для семантической организации предложения, без которого оно не может существовать как сообщение — номинативная единица.

В определенных речевых ситуациях предложение может реально не содержать всех конститутивных членов, наличие которых предполагается его формальной и смысловой организацией, а быть неполным и содержать только такие члены, которые требуются коммуникативным заданием предложения: — *Откуда дровишки?* — *Из лесу, вестимо* (Н.); — *А долго он с вами жил?* — *спросил я опять.* — *Да с год* (Л.). Но существование неполных предложений не опровергает факта наличия в речевом предложении воспроизводимых элементов, так как, во-первых, неполные предложения существуют только в таких условиях, при которых их содержание восполняется контекстом или ситуацией речи, а во-вторых, и в неполных предложениях их наличные члены имеют такую форму, какую они имели бы в составе полных, так что формы наличных членов сигнализируют и о словесно не выраженных (имплицитных) компонентах предложения, воспроизводя, хотя и не полно, тот или иной образец предложения. Так, предложение *Всем оружие на стол!*, не содержащее главного члена, своим наличным составом сигнализирует о том, что оно построено по образцу инфинитивного предложения (ср.: *Всем положить оружие на стол*), а предложение *Все оружие на стол!* — по образцу спрягаемо-глагольного (ср.: *Все положите оружие на стол*).

Так, правила русского синтаксиса (и именно относящиеся к системе организации предложения, а не других синтаксических единиц) требуют употребить при спрягаемой форме личного (не безличного) глагола форму именительного падежа существительного: *Он дежурит*, а при инфинитиве — форму дательного падежа: *Ему дежурить*; при утверждении наличия предмета — форму именительного падежа: *Есть бумага; Были трудности*, а при отрицании — форму родительного падежа: *Нет бумаги; Не было трудностей*.

Задача учения о структурной схеме предложения — определить применительно к предложениям разных типов минимум компонентов, при котором предложение вне зависимости от контекста способно к выполнению своих функций. Таким образом, структурная схема предложения может быть определена как отвлече-

ный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения.

Новый тип описания формальной организации предложения, основанный на понятии структурной схемы предложения, в русской науке появился в конце 60-х годов. Он был реализован применительно ко всем конструкциям русского предложения в «Грамматике-70» и в «Русской грамматике», обсуждался во многих статьях и книгах по синтаксису русского языка и общей теории синтаксиса. Введение понятия структурной схемы предложения отвечало общему стремлению к формализации и моделированию лингвистических объектов, которое свойственно разным направлениям и областям современного языкознания и в котором отражаются запросы века, а также целям практического применения описательного синтаксиса.

Вместе с тем сразу же выяснилось, что новый тип описания формальной организации предложения отнюдь не самоочевиден. Вокруг понятия структурной схемы предложения возникла полемика. Выявились два понимания структурного минимума предложения.

### § 34. ДВА ПОНИМАНИЯ СТРУКТУРНОГО МИНИМУМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Понимание структурного минимума предложения, выдвинутое Н. Ю. Шведовой, обращено к формальной организации предложения как предикативной единицы. Поэтому оно предполагает отвлечение от всего того, что для него не существенно. На этом основании в структурную схему не входят компоненты предложения, появившиеся в нем как реализация связи, организованной по типу «слово + форма слова», т. е. все присловные распространители, реализующие синтаксические потенции слов, формы которых образуют предложение и являются компонентами схемы. В том числе не входят в схему и обязательные предсказуемые присловные распространители, без которых предложение не может быть минимальным сообщением, независимым от контекста. В соответствии с этим пониманием в структурную схему вводятся лишь те компоненты предложения, которые образуют его предикативный минимум.

На этом уровне абстракции оказывается несущественным, что так понимаемый структурный минимум далеко не при всяком лексическом наполнении образует реальное предложение, способное быть названием события и коммуникативной единицей. Так, в предложениях *Грачи прилетели* и *Они очутились здесь* с позиции данного понимания одна и та же структурная схема: «форма именительного падежа существительного + согласуемая с ним спрягаемая форма глагола» ( $N_1V_f$ ). Между тем во втором случае заполнение только этих синтаксических позиций не дает реального предложения (*«Они очутились»*).

Уровень абстракции, задаваемый этим пониманием структурного минимума предложения, соответствует тому, который был принят традиционным учением о главных членах предложения, поэтому составление списка структурных схем в таком их понимании может опереться на это учение (с таких позиций описана вся система русского предложения в «Грамматике-70» и в «Русской грамматике», где даны закрытые списки структурных схем).

Иное понимание структурного минимума предложения обращено не только к формальной организации предложения как предикативной единицы, но и к смысловой его организации как номинативной единицы, учитывает одновременно и собственно грамматическую и смысловую его достаточность. В этом случае структурная схема предложения включает большее количество компонентов. Так, с позиций этого подхода схеме  $N_1V_f$  соответствует лишь предложение *Грачи прилетели*, для предложения *Они очутились здесь* она должна быть дополнена адвебиальным по семантике компонентом локального значения, который в соответствии с принятой символикой можно обозначить  $Adv_{loc}/N_{2\dots loc}$ , где  $N_{2\dots loc}$  представляет любую падежную (предложно-падежную) форму существительного с наречным локальным значением. Морфологические свойства этого компонента (собственно наречие или предложно-падежная форма) для структурной схемы предложения несущественны; ср.: *Они очутились дома (у дома, в доме, за домом)*.

Второе понимание структурного минимума предложения представлено большим количеством работ отечественных и зарубежных ученых. В них рассматриваются общие принципы выделения структурных схем, вся же

система русского предложения в виде закрытого списка структурных схем не описывается.

Каждый из исследователей реализует центральную идею направления по-своему. Но во всех реализациях этого направления проявляется общая его идея: обращенность к смыслу предложения как номинативной единицы, признание относительной законченности, цельности информативного содержания главным и обязательным свойством предложения. Структурный минимум предложения здесь понимается как «предел семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции»<sup>1</sup>, т. е. к выражению определенного вида «положения дел», события, ситуации.

При таком подходе к установлению структурного минимума предложения уже нельзя опираться на традиционное учение о главных членах предложения. Так, «дополнения, с этой точки зрения, должны быть отнесены к числу главных (т. е. необходимых) членов предложения»<sup>2</sup>; различия между подлежащим и дополнениями при этом подходе несущественны.

### § 35. МИНИМАЛЬНАЯ И РАСШИРЕННАЯ СХЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Два описанных выше понимания структурной схемы предложения, опирающиеся на разное представление о структурном минимуме предложения, при всем различии между ними дополняют друг друга, представляя собой разные уровни абстракции: большую при ориентации на предикативный минимум и меньшую при ориентации на номинативный минимум. Это позволяет говорить о двух типах структурных схем предложений — минимальных и расширенных. Расширенные схемы представляют собой минимальные схемы + не входящие в них конститutивные, т. е. существенные для семантической структуры предложения, компоненты. Таким образом, между минимальными и расширенными схемами предложений существуют отношения включения. Так, минимальная схема  $N_1 V_f$  входит в состав расширенных схем, построенных на ее основе, например в схему  $N_1 V_f Adv_{loc}/N_{2...loc}$ , которую реализует предложение

<sup>1</sup> Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 306.

<sup>2</sup> Там же.

ние Они очутились здесь, или в схему  $N_1 V_f N_{2...obj}$ , по которой построены предложения Я помню чудное мгновение (П.); Прекрасной дочерью своей гордится старый Кочубей (П.).

Поясним эту формулу. Прилагательные в приведенных примерах факультативны, не входят в номинативный минимум, поэтому не являются компонентами схемы.

Индекс 2...*obj* означает, что существительное, которое он сопровождает, может стоять в форме любого косвенного падежа со значением ближайшего объекта действия. Какую именно падежную форму он получит, зависит от сочетательных свойств глагола и для строя предложения несущественно;ср.: Он мешал нам; Он работал над статьёй; Мы верили в победу.

## § 36. КОМПОНЕНТЫ МИНИМАЛЬНОЙ СХЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Специфика предложения как синтаксической единицы состоит в том, что оно выражает актуализированное информативное содержание: дает название какой-то ситуации, одновременно оценивая ее реальность ~ ирреальность и ее расположленность во времени относительно акта речи. В соответствии с этим минимальная схема предложения должна включать такое сочетание форм слов (или одну форму слова), которое необходимо и достаточно для того, чтобы при определенном лексическом наполнении выразить это «предложенческое» значение, а именно передать информативное содержание, соотнеся его с действительностью (ситуацией речи) в плане категорий реальности ~ ирреальности и времени.

В минимальные схемы предложений входят формы слов трех классов.

1. Прежде всего это показатели предикативности. В современном языке они представлены тремя формами: спрягаемыми формами глагола ( $V_f$ ); спрягаемыми формами связки ( $Cop_f$ ) — служебного слова быть, выражающими грамматическое значение реальности ~ ирреальности и времени, а также согласовательные категории числа и рода (лица); инфинитивом глагола или связки ( $Inf$ ), передающим специфическое модальное значение. Спрягаемые формы и инфинитив глагола являются компонентами минимальной схемы предложения. Те из них, которые стоят вне согласовательных категорий, т. е. у которых в составе структурной схемы число и род (лицо) невариативны, могут одни составлять минимальные схемы предложений, так как вслед-

ствие своей знаменательности, кроме предикативных значений, несут и определенное информативное содержание.

Эта возможность реализуется формами 3-го лица единственного числа в предложениях типа *Светает* ( $V_{ss/n}$ )<sup>1</sup>; формами 3-го лица множественного числа в предложениях типа *Караул! Грабят!* ( $V_{plz}$ ); инфинитивом в предложениях типа *Встать!* ( $Inf$ ).

Формы же связки не могут составить минимальной схемы предложения, так как представляют собой лишь средства актуализации, действующие только при соединении с определенными формами знаменательных слов, несущими в себе то информативное содержание, которое с помощью средств актуализации соотносится с действительностью. Поэтому формы связки не являются самостоятельными компонентами структурной схемы предложения. Они образуют комплексный компонент схемы, в который как второй элемент входит одна из именных форм, сочетающихся со связкой; она выражает номинативное содержание комплексного компонента структурной схемы предложения. Не могут составить минимального предложения и спрягаемые формы глаголов, у которых число и род (лицо) в составе структурной схемы вариативны, так как их оформление по этим категориям определяется формами тех слов, с которыми они согласуются.

2. В минимальные схемы предложений, включающие связку, входят определенные формы имен и наречия, которые в сочетании со связкой образуют единый синтаксический комплекс. В современном языке это формы именительного и творительного падежей существительных ( $N_1/N_5$ ), а также беспредложные или предложные формы любого косвенного падежа, способные сочетаться со связкой ( $N_{2\ldots pr}$ ); формы именительного или творительного падежа прилагательных и страдательных причастий, а также краткие их формы и компаративы ( $Adj_{1/5/f}$ ); наречия, способные сочетаться со связкой ( $Adv_{pr}$ ); инфинитив.

Носитель предикативности (спрягаемая форма глагола или инфинитив) и комплекс, образованный передающей предикативные значения связкой с присвязоч-

<sup>1</sup> Индексы при символе глагола V указывают на спрягаемую форму (f), единственное число (s), множественное число (pl), 3-е лицо (3) или средний род (п).

ной именной формой, составляют предикативный центр предложения, его грамматическое ядро.

3. В минимальные схемы предложений, которые включают формы глагола или связки, вариативные в плане согласовательных категорий, входят компоненты, определяющие форму показателей предикативности по числу, роду (лицу). В современном языке это форма именительного падежа существительного и ее субSTITУты, в частности сочетания количественных слов в разных формах с формой родительного падежа существительного: *Пришло* (*пришли*) *несколько* *посетителей* (*с десяток* *посетителей*, *около* *десятика* *посетителей*), а также инфинитив. С этими компонентами согласуются, отражательно реагируя на их форму, спрягаемая форма глагола или связки, а также способные согласовываться именные формы, сочетающиеся со связкой; ср.: *Ему нравилась работа*. — *Ему нравилось работать*; *Работа была интересна*. — *Работать было интересно*.

## § 37. СПИСОК МИНИМАЛЬНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Минимальные схемы предложений представляют собой результат высокой абстракции: они включают только такие компоненты, наличие которых не определяется присловными связями, полностью освобождены от учета сочетаемости слов и фиксируют только специфические факты синтаксической организации предложения. Список минимальных схем демонстрирует формальный аппарат предложения, поэтому этот список имеет большую ценность для типологической формально-синтаксической характеристики языка.

Минимальные схемы предложений могут быть однокомпонентными и двухкомпонентными. Однокомпонентные схемы равны предикативному центру предложения и образуются такими его формами, которые не вариативны по согласовательным категориям: формами единственного числа 3-го лица ( $V_{s3/n}$ ,  $Cop_{s3/n}$ ), множественного числа 3-го лица ( $V_{pl3}$ ,  $Cop_{pl3}$ ) и инфинитива глагола или связки ( $Inf$ ). Двухкомпонентные схемы, кроме предикативного центра предложения, включают еще компонент (форму именительного падежа существительного или инфинитив), который определяет форму предикативного центра по согласовательным категориям.

Минимальные схемы предложений объединяются в три блока, различающиеся как по количеству компо-

нентов (однокомпонентные и двухкомпонентные), так и по форме одного из компонентов (номинативные и инфинитивные двухкомпонентные схемы). Вместе с тем по характеру предикативного центра предложения различаются структурные схемы глагольные (А) и связочные (Б). В классе «А» (глагольном) предикативный центр предложения — элементарный, это форма глагола (спрягаемая форма или инфинитив), которая одновременно выражает и его вещественное содержание и grammatische характеристики; в классе «Б» (связочном) предикативный центр предложения — комплексный, он состоит из связки (в спрягаемой форме или в инфинитиве), выражающей только его grammatische характеристики, и знаменательного элемента — сочетающейся со связкой формы имени, наречия или инфинитива, которая выражает вещественное содержание.

### I блок (двуихкомпонентный номинативный)

#### А

1.  $N_1 V_f$

*Грачи прилетели; Зеленеют деревья; Все дела делаются людьми*

2.  $N_1 Cop_f Adj_{f/1/5}$

*Ночь была тиха (тихая, тихой); Через час был объявлен привал; Машины готовы к испытаниям; Он ранен*

3.  $N_1 Cop_f N_{1/5}$

*Он был студент (студентом); Орёл — хищник; Это наше общежитие*

4.  $N_1 Cop_f N_{2...pr}/Adv_{pr}$

*Этот дом будет без лифта; Мы были в отчаянии; Чай — с сахаром; Приход Ивана Ивановича был кстати; Все были начеку; У него глаза на выкате*

### II блок (двуихкомпонентный инфинитивный)

#### А

1.  $Inf V_f$

*Не мешало б нам встретиться чаще (Св.); Отмалчиваться не следует; Курить воспрещалось*

*Быть космонавтом (смелым) хочется каждому мальчишке; Друзьям разрешилось быть вместе*

**Б**

**2. InfCop<sub>i</sub>Adj<sub>1/15</sub>**

*Промолчать было разумно (разумнее, самое разумное, самым разумным); Уговаривать его было излишне (излишнее, излишним); Нужно уехать; Правильнее было бы признать свою ошибку*

*Быть сдержаненным было трудно*

**3. InfCop<sub>i</sub>N<sub>1/5</sub>**

*Дозвониться — проблема (было проблемой); Главной его целью было (главная его цель была) увидеть всё своими глазами; Строить — это радость; Любить иных — тяжёлый крест (Паст.)*

*Оказывается, быть взрослой — не всегда преимущество (Наг.); Превосходная должность быть на земле человеком (М. Г.)*

**4. InfCop<sub>i</sub>N<sub>2...pr</sub>/Adv<sub>pr</sub>**

*Промолчать было не в его правилах; Купить машину нам не по средствам; Молчать некстати; Идти дальше было невмоготу*

*Быть великодушным было ему не по силам*

*Отказаться было обидеть*

*Быть студентом — это постоянно учиться мыслить; Быть актёром — прежде всего быть талантливым человеком*

**5. InfCop<sub>i</sub>Inf**

**III блок (однокомпонентный)**

**А**

*Скрипело, свистало и выло в лесу (Заб.); Смеркается;*

**1. V<sub>s3/p</sub>**

*Ему нездоровится; Дохнуло свежестью; Крышу охватило пламенем; Пароход покачивало; У него накипело на сердце; Об этом уже писалось*

## 2. V<sub>pl3</sub>

*За столом зашумели; Его обидели; Здесь о молодых специалистах заботятся, им доверяют; Во время еды не разговаривают*

## Б

### 3. Сор<sub>s3/n</sub>Adj<sub>fsl</sub>

*Было темно; Морозно; Ночью будет холодно; Душно без счастья и воли (Н.)*

### 4. Сор<sub>s3/n</sub>N<sub>2...pr</sub>/Adv<sub>pr</sub>

*Было уже за полночь; Завтра будет без осадков; Нам не до сна; Ей было невдомёк; Пусть будет по-твоему; Ему не к спеху*

### 5. Сор<sub>pl3</sub>Adj<sub>fpl</sub>

*Ему были рады; Им довольны; Отказом были обижены*

### 6. Сор<sub>pl</sub>N<sub>2...pr</sub>/Adv<sub>pr</sub>

*Дома были в слезах; От него были в восторге; С ним были запросто*

### 7. Сор<sub>1</sub>N<sub>1</sub>

*Шёпот. Робкое дыханье. Трели соловья (Фет); Тишина; Была зима*

## АБ

### 8. Inf

*Сломать ему свои рога (П.); Не нагнать тебе бешеной тройки (Н.); Только детские книги читать. Только детские думы лелеять (Манд.)*

*Быть рекам чистыми; Быть мальчишке поэтом; Быть вашему; Всем быть в спортивной форме*

Однокомпонентные предложения, построенные по структурной схеме Inf, могут быть или глагольными (А), или связочными (Б), поскольку их единственный компонент (предикативный центр) может быть элементар-

ным или комплексным. В первом случае это инфинитив глагола (т. е. знаменательного слова), несущий в себе одновременно и вещественное содержание предикативного центра и его грамматическое значение; во втором — это инфинитив связки, выражающий лишь грамматическое значение, а потому сочетающийся, образуя комплексный компонент, с формой имени, несущей в себе вещественное содержание. Ср.: *Завтра мне уезжать* (А); *Быть этой песне популярной* (Б).

Особое положение в плане различения глагольных и связочных структурных схем занимают предложения двухкомпонентного инфинитивного блока. Позиция инфинитива в них может быть заполнена или инфинитивом глагола — знаменательного слова ( $V_{inf}$ ), или комплексным компонентом — «инфинитив связки + присвязочный элемент» ( $Cop_{inf}N_5$ ,  $Cop_{inf}N_{2...pr}/Adv_{pr}$ ,  $Cop_{inf}Adj_{1/5}$ ): *Быть учителем трудно*; *Быть без шапки было непривычно*; *Быть вместе удавалось редко*; *Быть весёлым (веселее) ему случалось нечасто*.

Комплексный компонент структурной схемы предложения, возглавляемый инфинитивом *быть*, в этих предложениях не является носителем предикативности: эту функцию здесь выполняют спрягаемая форма глагола в схеме  $InfV_1$  и спрягаемые формы связки во всех других схемах; комплексный же компонент, возглавляемый инфинитивом *быть*, играет роль определителя формы предикативного центра по согласовательным категориям, т. е. роль компонента, аналогичного форме именительного падежа существительного (подлежащего) в двухкомпонентных схемах номинативного блока<sup>2</sup>. В связи со сказанным и в соответствии с традицией противопоставлять глагольность и связочность только в позиции предикативного центра предложения, построенные по

<sup>1</sup> При инфинитиве связки возможны не все формы имен, сочетающиеся со связкой в спрягаемой форме: инфинитив связки не допускает при себе форм именительного падежа существительных и прилагательных.

<sup>2</sup> Следует сказать, что в схеме  $InfCopInf$  могут замещаться комплексными компонентами обе позиции: *Теперь быть счастливым было быть здоровым*. Позиция первого комплексного компонента — это позиция инфинитива, являющегося определителем формы предикативного центра по согласовательным категориям, аналогичная позиции формы именительного падежа существительного (подлежащего), а позиция второго комплексного компонента — позиция в составе предикативного центра предложения, возглавляемого спрягаемой формой связки.

схеме  $\text{Inf}V_f$  с комплексным компонентом в позиции инфинитива, рассматриваются как глагольные (А), а предложения с комплексным компонентом в позиции инфинитива, построенные по другим схемам двухкомпонентного инфинитивного блока,— как связочные (Б).

Сделаем необходимые пояснения к списку схем. Запись структурных схем предложения с помощью символов отражает существенные черты морфологического облика их компонентов. При обозначении формы компонента допускаются обобщения, основанные на отвлечении от некоторых несущественных для анализа на данном уровне абстракции фактов. Так,  $\text{Adj}$  обозначает не только собственно прилагательное, но и причастие, для которого возможна такая функция (т. е. страдательное);  $N_{2\dots pr}$  обозначает любую падежную (беспредложную или предложную) форму существительного (кроме форм именительного и творческого падежей), способную образовать комплексный предикативный центр со связкой.

Предполагается также, что символы обозначают и возможные субSTITУты тех форм, которые этими символами выражаются, и возможные их видоизменения. Так  $V_f$  в схеме  $N_1V_f$  не только спрягаемая форма глагола, но и глагольное междометие (*Нагайка — щёлк*) или инфинитив, транспозитивно выступающий здесь как экспрессивный эквивалент  $V_f$  (*Дети плакать*), а  $N_1$  не только форма именительного падежа существительного, но и заменяющее его количественное сочетание (*На лугу паслось около сотни коров*) или форма родительного падежа в количественном значении (*Наехало гостей!; Пыли!*).

Особого объяснения требует употребление символа  $\text{Adj}$  в однокомпонентной схеме  $\text{Cop}_{s3/p}\text{Adj}_{f sn}$  (*Было жарко*). Формы типа *жарко* в таком употреблении рассматривают как наречия или выделяют в особую часть речи (категория состояния или предикатив). Но системное рассмотрение синтаксических функций всех классов слов в языке ведет к тому, чтобы объединить их с краткими формами прилагательных. Краткие формы прилагательных, как и спрягаемые формы глаголов, выступают всегда в функции предикативного центра предложения; при этом, подобно спрягаемым формам глаголов, они или согласуются со вторым компонентом схемы предложения (в двухкомпонентных схемах), или принимают форму единственного числа среднего рода (в однокомпонентных схемах), что, наряду с отсутствием второго компонента, является знаком однокомпонентности минимальной схемы предложения.

Соответственно в схеме  $\text{InfCopAdj}_{f/1/5}$  (*Отказаться было трудно*)  $\text{Adj}_f$  — согласуемая краткая форма прилагательного: наличие у нее формы среднего рода — реакция на неохарактеризованность первого компонента ( $\text{Inf}$ ) по числу и роду. На тех же основаниях как согласуемые рассматриваются формы глагола ( $V_f$ ) и связки ( $\text{Cop}_f$ ) во всех схемах II блока. Таким образом, схемы II блока квалифицируются как двухкомпонентные с формами согласования: именно такую интерпретацию подсказывает рассмотрение системных отношений этих схем в сравнении со схемами I блока.

Отсутствие символа  $\text{Cop}$  в схеме  $\text{Inf}$  (*Ему дежурить; Не разговаривать!; Его не узнать*) отражает то, что модальное значение инфинитивных предложений создается непосредственно самой конструкцией, сопровождая употребление инфинитива в качестве предикативного центра предложения. Это модальное значение модифицируется в зависимости от многих условий, но всегда сохраняет связь со сферой

ирреальности. Употребление связки в инфинитивных предложениях возможно далеко не всегда, оно не допускается многими модификациями их модальных значений. Функция связки в инфинитивных предложениях существенно отличается от ее функции в предложениях, построенных на основе других структурных схем: отсутствие связки в инфинитивных предложениях не выражает значения реальности и настоящего времени и не является ее нулевой формой.

Порядок символов в схемах отражает наиболее распространенное расположение компонентов в составе общеинформационных, стилистически и экспрессивно нейтральных высказываний, но не входит в число конститутивных признаков схемы: порядок компонентов неизменен для формальной организации предложения и относится к сфере его коммуникативной организации.

## § 38. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Список минимальных схем предложений включает только схемы нефразеологизированные, т. е. такие образцы, которые 1) не регламентируют лексических свойств наполняющих схему слов; 2) предполагают четкие синтаксические связи компонентов схемы.

Между тем в языке существуют и фразеологизированные схемы, которые регулируют не только формы компонентов, но и лексическое заполнение открываемых ими позиций и по которым строятся предложения с нечеткими синтаксическими связями между компонентами. Значения предложений, строящихся по фразеологизированным схемам, определяются значением фразеологизма, они уникальны и, как правило, экспрессивны. Например, экспрессивную форму согласия с мнением собеседника передают предложения, образованные двукратным употреблением словоформы, разделенным частичей так: — *Ну, хорошо*, — говорит мастер, — *ведьма так ведьма* (М. Б.); — *Дальше так дальше*, — беспечным голосом сказал Ларька (В. Ш.); *Ехать так ехать; Оставаться так оставаться*.

Особое место среди фразеологизированных схем занимают соотносительные по утвердительности ~ отрицательности образцы предложений типа *Есть* (было, будет, было бы) что делать и *Нечего* (было, будет, было бы) делать; *Есть* (было, будет, было бы) с кем посоветоваться и *Не с кем* (было, будет, было бы) посоветоваться; *Есть* (было, будет, было бы) куда спешить и *Не куда* (было, будет, было бы) спешить. Обладая признаками фразеологизированных схем, они выделяются тем, что не принадлежат к сфере экспрессивной речи, а пред-

ставляют собой обычные для говорящих по-русски экспрессивно и стилистически нейтральные способы выражения наличия или отсутствия обобщенно мыслимой ситуации.

### § 39. СООТНОШЕНИЕ МИНИМАЛЬНЫХ СХЕМ И ТРАДИЦИОННЫХ КОНСТРУКТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Три блока минимальных схем предложений соотносятся с традиционно выделяемыми односоставными и двусоставными предложениями следующим образом: схемы I блока соответствуют двусоставным предложениям; III блока — односоставным; II блок включает схемы предложений, относительно природы которых во взглядах ученых не было единства. Общим в истолковании схем было лишь то, что они рассматривались как явления периферийные, в которых свойства двух основных конструктивных типов предложений (двусоставных и односоставных) воплощаются нетипичным образом.

Два класса предложений этого блока опиcывались устойчиво единообразно: предложения, построенные по схемам  $\text{InfCop}_1\text{Inf}$  и  $\text{InfCop}_1\text{N}_{1/5}$ , традиционно рассматривались как двусоставные и отождествлялись с предложениями, построенными по схеме  $\text{N}_1\text{Cop}_1\text{N}_{1/5}$ .

По отношению к трем остальным классам (схемы  $\text{InfV}_1$ ,  $\text{InfCop}_1\text{Adj}_{1/1/5}$ ,  $\text{InfCop}_1\text{N}_{2...pr}/\text{Adv}_{pr}$ ) было выдвинуто три варианта истолкования их синтаксической природы: 1) их относили к односоставным предложениям, а инфинитив интерпретировали как распространитель предикативного центра<sup>1</sup>; 2) предлагали дифференцированный подход, согласно которому одни из предложений, построенных по этим схемам, относили к двусоставным, другие — к односоставным; выдвигали разные критерии этого разделения (возможность или невозможность употребления на месте инфинитива формы именительного падежа, порядок следования компонентов, наличие или отсутствие паузы, характер лексического значения предикативного центра и др.<sup>2</sup>); 3) эти предложения относили к двусоставным, но в них усматривали черты, отличающие их от классических двусоставных предложений. Такое толкование выдвинуто А. А. Шахматовым, который счи-

<sup>1</sup> Такой взгляд был типичен для ранних русских грамматик. Позднее к этому мнению склонялся А. М. Пешковский. Он, однако, допускал двусоставность построенных по схеме  $\text{InfCop}_1\text{Adj}_1$  предложений типа *Мне было свойственно краснеть*, один адъективный компонент которых не может составить предложения (*«Мне было свойственно»*); см.: *Мне было холодно.— Мне было холодно ехать* (см.: Русский синтаксис в научном освещении. С. 354—365).

<sup>2</sup> Например, в «Грамматике русского языка» (Т. 2. Ч. 2. С. 30) эти признаки в комплексе рассматриваются как основания для различения двусоставности ~ односоставности предложений, построенных по схеме  $\text{InfCop}_1\text{Adj}_1$ .

тал предложения *Кататься весело и Уехать не удастся* расчлененными и рассматривал их как особый класс двухсоставных предложений, не отождествляя при этом инфинитив с подлежащим, а второй компонент — со сказуемым<sup>1</sup>. Последний подход наиболее удачно учитывает принцип формальной организации двухкомпонентных инфинитивных предложений и их место в системе русского предложения.

Структурные схемы предложений этого блока соотносительны со схемами двухкомпонентного номинативного блока. Кроме самого факта двухкомпонентности минимальных схем предложений, их объединяют следующие признаки: 1) качество второго компонента (предикативного центра), который в первых четырех схемах II блока идентичен соответствующему компоненту номинативных схем (частично различаются лишь формы адъективного компонента: в инфинитивных схемах он может иметь краткую форму или форму творительного падежа, а в номинативных — еще и форму именительного падежа) и лишь в 5-й схеме специфичен; 2) согласование второго компонента с первым, причем в номинативных схемах согласование имеет характер или уподобления, или реакции на неохарактеризованность по согласовательным категориям первого (согласующего) компонента — формы именительного падежа существительного или его «заместителей» (ср.: *Он пришёл.—Пришло трое*), а в инфинитивных схемах всегда имеет место только последнее. Различаются же эти два блока схем качеством первого компонента: форма именительного падежа существительного в I блоке, инфинитив во II блоке.

Различие между формой именительного падежа существительного и инфинитивом, несводимость их к общей функции в предложении подчеркивал А. М. Пешковский, обративший внимание на то, что инфинитив — «очень плохая замена для подлежащего — он слишком характерен и слишком глаголен для этого», что «*Предстоит поехать* отражается в нашей мысли совсем не так, как *Предстоит поездка*»<sup>2</sup>.

Каждая из этих форм занимает свое положение в грамматической системе русского языка, и это определяет принципиальное различие между двухкомпонентными иоминативными и инфинитивными предложениями.

<sup>1</sup> См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. С. 133—135, 145—149.

<sup>2</sup> Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 357—358, 365.

ниями. Таким образом, наличие в языке двух блоков двухкомпонентных схем предложений отражает фундаментальные свойства его грамматической системы.

## § 40. РАСШИРЕННЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Минимальные схемы предложений имеют разные возможности построения на их основе реальных предложений, способных вне контекста обозначить некую ситуацию. Одни свободно реализуются при заполнении позиций их компонентов разнообразной лексикой; другие могут реализоваться лишь при условии, что их позиции заполнены формами слов определенных лексико-грамматических классов, при заполнении же словами других лексико-грамматических классов они требуют расширения — включения дополнительных компонентов, т. е. превращения минимальной схемы в расширенную; для третьих расширение схемы является обязательным условием образования реальных предложений.

Примером первого явления может служить реализация схемы  $N_1CopAdj_{1/1,5}$ . Образование на основе этой схемы реальных предложений регулируется только правилами словарной сочетаемости (ср.: *Лес был дремучий*. — «*Кустарник был дремучий*») и экстралингвистическими факторами<sup>1</sup>.

Примером второго явления (самого распространенного) может служить реализация схемы  $N_1V_f$ . На основе этой структурной схемы реальные предложения могут образовываться только при наполнении предикативного центра глаголами, не требующими обязательных распространителей (непереходными). Реализация этой схемы переходными глаголами требует ее расширения — включения формы объектного косвенного падежа существительного, иначе возникает образование, которое реально возможно как предложение (с разной степенью

<sup>1</sup> Эта характеристика несколько упрощает языковую действительность, не учитывая следующих фактов: 1) среди прилагательных есть небольшое количество слов с обязательной сочетаемостью, наполнение которым данной схемы делает необходимым ее расширение; ср.: «*Он чужд*». — *Он чужд зависти*; «*Он похож*». — *Он похож на отца*; 2) расширение схемы как непременное условие ее реализации необходимо при компаративе прилагательного, который вне условий эллипса всегда сопровождается формой родительного падежа существительного: *Брат старше сестры*. Между тем именно эта схема наиболее свободно реализуется без расширения.

вероятности при разных глаголах) в условиях эллипса (ср.: «Он потерял».— *Он потерял ключ*; «Он лишился».— *Он лишился работы*; «Он заботился».— *Он заботился о младших братьях*; «Он руководил».— *Он руководил лабораторией*) или при передаче значения обобщенного или неопределенного (точнее, отстраненного) объекта [ср.: *Ребёнок уже читает* ('все, что можно читать' — обобщенный объект); *После обеда Иван Иванович читал* ('нечто вполне определенное, несущественно, что именно' — отстраненный объект)].

Необходимость расширения минимальной схемы предложения возникает и при заполнении позиции  $V_f$  глаголом с обязательным распространителем адверибиальной природы (наречием или формой косвенного падежа существительного либо предложно-падежным сочетанием в наречном значении); ср.: «Университет находится».— *Университет находится на Ленинских горах*; «Он выглядел».— *Он выглядел плохо (стариком)*.

Достаточно распространено и третье явление. Примером его могут быть схемы  $V_{pl3}$ ,  $Cop_{pl3}Adj_{fp}$ ,  $Cop_{pl3}N_{2...pt}/Adv_{pr}$ , условием реализации которых вне контекста является обязательное введение дополнительных компонентов с локальным или объектным значением: *У соседей поют*; *К вам пришли*; *Газеты принесли*; *С ним были любезны*; *В редакции были озабочены*; *Дома были в восторге*. Без локального или объектного компонента предложения, построенные по этим схемам, вне контекста не реализуют своего специфического значения, сущность которого состоит в том, что внимание говорящего отвлечено от субъекта — производителя действия (в глагольных предложениях) или носителя состояния (в связочных предложениях), который представляется несущественным, и смысл предложения состоит в констатации наличия действия или состояния. Случай реализации данных минимальных схем отдельными однословными предложениями (*Звонят*; *Бомбят*) связаны ситуативно: называют событие, имеющее место сейчас и здесь. Показательно, что они невозможны при формах прошедшего и будущего времени или иреальных наклонений.

Минимальные схемы предложений, дополненные «расширителями» — компонентами, наличие которых необходимо, чтобы предложение могло вне контекста выразить смысл, образуют расширенные структурные схемы предложений. Таким образом, расширенная

схема — это более полный, чем минимальная схема, отвлеченный образец, по которому могут строиться реальные предложения, обладающие семантической атономностью и способные к выполнению номинативной функции — называнию события, ситуации, «положения дел».

## § 41. ТИПЫ «РАСШИРИТЕЛЕЙ» СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Компоненты, дополняющие минимальную схему предложения до расширенной, бывают нескольких типов: 1) субстантивный компонент с субъектным значением; 2) субстантивный компонент с объектным значением; 3) адвербальный компонент.

1. Расширенные структурные схемы, строящиеся на основе однокомпонентных минимальных схем, для предложений, которые указывают на наличие у некоего предмета определенного состояния или сообщают о действии, производимом лицом либо стихийной силой, включают позицию косвенного падежа существительного со значением субъекта: *У него удача; Ему везёт; Ему плохо; С ним обморок; Его лихорадит; Ему завтра уезжать; Ветром сорвало крышу*<sup>1</sup>.

Эта форма косвенного падежа имеет тот же смысл, что и форма именительного падежа в предложениях аналогичного содержания, построенных по минимальным двухкомпонентным номинативным схемам: *Он скучает; Он уезжает; Он печален*, вследствие чего, если это позволяют лексические средства языка, возникает возможность выражения одного и того же «положения дел» предложениями, построенными по разным структурным схемам. Ср.: *Он весел.— Ему весело; Он работает.— Ему работать; Он нездоров.— Ему незддоровится; Он тоскует.— У него тоска; Течение унесло лодку.— Лодку унесло течением*. Предложения в этих парах различаются не тем, что каждое из них обозначает, а тем, как оно это делает: в соответствии с абстрактным значением, свойственным структурной схеме, каждое предложение по-своему характеризует обозначаемый фрагмент действительности.

<sup>1</sup> Предложения этого класса весьма частотны. Они противостоят гораздо менее частотным предложениям, которые называют состояниями окружающей среды и не имеют в своем составе компонента с субъектным значением: *Светает; Заря; Морозно; Идёт дождь*.

Закономерности употребления той или иной формы косвенного падежа для обозначения субъекта состояния достаточно сложны, они связаны с формальными и семантическими свойствами предикативного центра предложения и семантикой существительного, обозначающего субъект, а также с семантическим потенциалом самой формы падежа (или предлога и падежа). Вариативность формы обозначения субъекта весьма ограничена: *Ему (с ним) дурно* (ср.: *Ему холодно*.—«С ним холодно»); *У него (с ним) обморок* (ср.: *У него грипп*.—«С ним грипп»).

Возможная незаполненность позиции субъектного компонента значима. Так, в предложениях, построенных по схемам  $V_{s3/n}$  и  $Cop_{s3/n}Adj_{fsn}$ , при наполнении их соответственно глаголами или прилагательными со значением состояния человека незаполненность позиции субъектного компонента (форма дательного падежа, а при некоторых глаголах — винительного падежа с субъектным значением) имеет совершенно определенное значение. При незаполненности позиции этого компонента вне условий эллипса состояние приписывается говорящему или адресату речи: *Нездоровится?* — Да, *нездоровится* (ср.: *Бабушке нездоровится*); *Знобит?* (ср.: *Больного знобит*) либо говорящему и всем, с кем он себя отождествляет: *Здесь весело* (ср.: *Детям здесь весело*), т. е. незаполненность позиции субъекта — носителя состояния выражает определенно-личное значение (1—2-го лица) или обобщенно-личное значение.

Появление формы дательного падежа со значением субъекта — обязательное условие реализации схемы *Inf* независимо от ее лексического наполнения: *Ему в армию идти; Нам вместе работать; Завтра отцу рано вставать; Вам не видать таких сражений* (Л.). Дательный падеж субъекта регулярно отсутствует только в двух случаях: 1) при определенно-личном значении предложения, т. е. когда производителем действия, выраженного инфинитивом, является говорящий или собеседник: *Достать чернил и плакать. Писать о феврале навзрыд* (Паст.); *Молчать!; Опять не спать ночь*; 2) при обобщенно-личном значении предложения, когда производителем действия, выраженного инфинитивом, мыслится любой человек: *Его не уговорить; В вагон не влезть; Судьбы не миновать*.

Позиция компонента с субъектным значением (обычно форма дательного падежа) входит в расширенные

схемы, соответствующие минимальным двухкомпонентным инфинитивным схемам предложений: *Чего только не приходится видеть и слышать человеку!*; *Теперь уж мне влюбиться трудно* (П.); *У меня и в мыслях не было тебя попрекать*; *У него (для него) сказать значит сделать*; *Меня так и подымало вступить в спор*.

Значимость незаполненности позиции субъектного компонента здесь та же, что и во всех других предложениях, схемы которых включают эту позицию: *Удалось узнать подробности* (определенно-личное значение 1—2-го лица); *Расставаться грустно*; *Рекомендуется больше ходить пешком*; *Природу надо охранять* (обобщенно-личное значение).

Те же значения выражает возможная при формах 1—2-го лица глагола или связки вне условий эллипса незаполненность компонента  $N_1$  (подлежащего) и в двухкомпонентных номинативных схемах: *Спишь?* — *Не сплю*; *После прогулки спиши крепко*. Это свидетельствует об общности синтаксической организации предложений разных синтаксических классов, объединенных наличием в их структурных схемах (минимальных для одних и расширенных для других) компонентов с субъектным значением<sup>1</sup>.

2. Обязательным компонентом расширенных схем таких предложений, которые называют ситуацию, предполагающую двух участников: активного, от которого исходит некая физическая или, если это человек, психическая деятельность (субъекта), и пассивного, на которого эта деятельность направлена (объекта), — является падежная форма существительного с объектным значением.

Такие предложения организуются переходными глаголами. Типичная форма выражения объекта — беспредложный винительный падеж; большинство переходных глаголов требуют от объектного распространителя именно этой формы. Но есть достаточно много так называемых косвеннопереходных глаголов, которые требуют для выражения объекта формы другого падежа (без предлога или с предлогом): *Дети боятся темноты*; *По-*

<sup>1</sup> Эта общность охватывает сферу выражения не только субъекта, но и объекта, где незаполненность позиции объектного «расширителя» также является выразителем определенных видов представления объекта (см.: Белошапкова В. А. Общность семантического наполнения иуловых позиций субъекта и объекта в русском предложении // Рус. язык за рубежом. 1987. № 2).

*моги соседу; Здесь нам не помешают; Больше ему нами не командовать; Народ верил в победу; Он присоединился к большинству; Мать тосковала по сыновьям.* Форма объектного компонента всегда предсказана предикативным центром предложения — переходным глаголом.

Расширенные схемы предложений, называющих события с большим, чем два, числом участников, имеют несколько объектных компонентов, различающихся по значению и форме: *Отец подарил сыну часы; Завод перерабатывает свёклу на сахар.*

Позиция объектного компонента есть не только в схемах глагольных предложений. Ее включают расширенные схемы связочных предложений, предикативным центром которых являются прилагательные (и в том числе причастия, которые в строе предложения функционально тождественны прилагательным), а также наречия или предложно-падежные сочетания с наречным значением, требующие объектного распространителя: *Им все недовольны; Отсюда видно реку; Ему всегда рады; От него были в восторге.*

3. У предложений, предикативным центром которых является глагол, в порядке обязательной связи сопровождающийся наречием или падежной (чаще предложно-падежной) формой существительного с наречным значением, без которой предложение не может назвать обозначаемую ситуацию, расширенная схема включает позицию необходимого авербального компонента. Это может быть наречие или предложно-падежная форма существительного с локальным значением: *Здесь расположился штаб; Дети поселились у бабушки; Нас поместили во флигель (во флигеле); Они проплыли с полкилометра;* с темпоральным значением меры длительности: *Приятели проговорили долго; Он проспал около часа;* с определительным качественно-оценочным значением: *Все чувствовали себя хорошо; Веди себя скромно; Он поступил благородно.*

Компоненты с локальным значением входят в расширенные схемы, основанные на схемах  $V_{p13}$ ,  $Cop_{p13}Adj_{p1}$ ,  $Cop_{p13}N_{2...pr}Adv_{pr}$ , т. е. в образцы неопределенно-личных (глагольных и именных) предложений. Как уже говорилось, по этим минимальным схемам предложения не образуются; они обязательно включают объектные компоненты (если предикативный центр заполнен переходным глаголом), или локальные компо-

ненты, или и те и другие. Предложения, образованные наполнением данных структурных схем без «расширителей» (типа *Поют; Были любезны*), сами по себе неопределенны не только по смыслу, но даже по своей формальной организации. Это или неполные предложения, построенные по двухкомпонентным номинативным схемам: *Все весели. Поют; Соседи встретили нас приветливо. Были любезны*, или неопределенно-личные предложения, построенные по однокомпонентным схемам: *У соседей веселье. Поют; У соседей нас встретили приветливо. Были любезны*. Формальную определенность и смысловую однозначность они получают только в контексте.

Самодостаточное неопределенно-личное предложение должно содержать локальный компонент, роль которого не исчерпывается обозначением места. Локальный компонент участвует в выражении отвлеченностии от реального субъекта действия или состояния, т. е. в создании той специфической характеристики, какую придает обозначаемому событию конструкция неопределенного-личного предложения; он устраняет потенциальную двузначность предикативного центра предложения.

Эту функцию способен выполнять и компонент с темпоральным значением (что является свидетельством близости локального и темпорального значений): *Тогда не умели делать точных расчётов; В юности за многое легко берутся*.

Компонент с локальным значением входит также в расширенную схему предложения, реализующую схему  $V_{s3/n}$  при наполнении ее такими глаголами, которые могут употребляться и в предложениях, построенных по схеме  $N_1V_1$  (т. е. существуют и как безличные и как личные): *В рту сохнет; В глазах потемнело; Здесь болит*. Функциональная нагрузка такого компонента аналогична функции локальных распространителей в неопределенном-личных предложениях.

#### § 42. ЗАВИСИМОСТЬ «РАСШИРИТЕЛЕЙ» СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТ ЕГО ПРЕДИКАТИВНОГО ЦЕНТРА

Все конститутивные компоненты, дополняющие минимальную схему предложения до расширенной, зависят от его предикативного центра.

Необходимые в отдельных речевых реализациях

структурных схем распространители компонентов, не несущих предикативных значений, не являются конститутивными для предложения и не входят в расширенные схемы. Так, предложения *Слушатели заинтересовались докладом* и *Часть слушателей заинтересовалась докладом* построены по одной и той же схеме  $N_1 V_f N_{2...obj}$ ; наличие необходимого распространителя при словоформе *часть* (он может отсутствовать лишь в условиях эллипсиса) не конститутивно. Необходимость распространителей при словах, не составляющих предикативного центра предложения,— индивидуальное свойство отдельных предложений как фактов речи, в которых реализованы явления синтаксиса словосочетания, не имеющие принципиального значения для организации предложения.

Из сказанного логически вытекает, что механизм образования расширенных схем во многом зависит от характера тех компонентов минимальных схем предложений, которые составляют их предикативные центры. У разных минимальных схем разные возможности конструктивно значимого расширения. Расширенные схемы наиболее многочисленны и разнообразны у тех минимальных схем, в состав которых как носитель предикативности входит глагол, т. е. у схем  $N_1 V_f$ ,  $Inf$ ,  $V_{s3/n}$ ,  $V_{p13}$ . Остальные минимальные схемы имеют гораздо менее возможностей конструктивно значимого расширения.

Это объясняется свойствами глагола как части речи, наиболее богатой сочетательными возможностями. По меткому выражению В. В. Виноградова, «глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи»<sup>1</sup>.

Большинство конститутивных компонентов предложения, дополняющих минимальную схему до расширенной, связаны с предикативным центром предложения как со словом, т. е. в их основе связь типа «слово + форма слова». Вследствие этого расширенные схемы, соответствующие разным минимальным схемам с одним и тем же классом слов в качестве предикативного центра, включают одни и те же «расширители», например форму винительного падежа при переходном глаголе в разных глагольных схемах; ср.: *Ученики уважают учителя*.—*Учителя уважают*; *Мы не узнали его*.—*Его не узнают*.—*Его не узнать*.

<sup>1</sup> Виноградов В. В. Русский язык. С. 349.

Но в предложениях, построенных по разным минимальным схемам, эти тождественные по форме «расширители» функционально не тождественны: они по-разному участвуют в семантической организации предложений. Так, в предложениях, построенных по схеме  $V_{pl3}$ , а при определенных условиях и по схемам  $V_{s3/n}$  и  $Inf$ , формы винительного падежа со значением объекта (и формы других падежей с тем же значением) выполняют в смысловой организации предложения функцию, подобную функции формы именительного падежа в конструкции, образованной глаголами страдательного залога, т. е. представляют объект как носителя процессуального признака, названного глаголом, как «героя» ситуации, обозначаемой в предложении, которое при этом получает значение пассивной конструкции; ср.: *Учителя уважают.— Учитель уважаем; Его не узнают.— Его не узнать.— Он не узнан (неизвестен).* Таким образом, как конститтивные компоненты разных схем предложений присловные распространители предикативного центра предложения (и прежде всего глагола) представляют собой особый объект науки, сущность которого отнюдь не постигается его изучением как компонента словосочетания.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977. С. 101—115.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 124—138, 185—196.
- Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения // Филол. науки. 1969. № 5. Или: Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979. С. 24—35.
- Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974. С. 21—32.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. § 1908—1914.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 183—282, 314—385, 396—403.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941. § 12, 27, 34, 36, 48—49, 53, 57, 76—77, 125—127, 157—159.
- 
- Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1973.
- Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.
- Скобликова Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. 76—229.

## Глава 6

# ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

### § 43. ПОНЯТИЕ ПАРАДИГМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современный идеал синтаксической характеристики того или иного отвлеченного образца предложения предполагает не только его описание принятым в науке способом, но и выяснение того, как этот образец относится к другим, какое место он занимает в системе языка. В этом требовании реализуется принцип системности синтаксического описания.

В соответствии с принципом системности структурная схема предложения понимается не как неизменная данность. Она допускает определенное варьирование, которое сопровождается некоторыми изменениями смысла предложения или экспрессивно-стилистической окраски;ср.: *Ты помолчал* (объективная констатация).—*Помолчал бы ты* (выражение желания говорящего); *Сказано лишнее слово* (утверждение).—*Не сказано лишнего слова* (отрицание); *Помолчи!* (экспрессивно нейтральное побуждение) — *Помолчи ты!* (побуждение с экспрессией неодобрения, раздражения) — *Ты помолчи* (побуждение с экспрессией доброжелательного совета).

Синтаксический анализ, направленный на выяснение системных видоизменений и соотношений формальных классов предложений, связан с одной из фундаментальнейших идей лингвистики XX в.— о необходимости анализа единиц языка в парадигматическом аспекте. В синтаксисе эта идея нашла свое выражение в учении о парадигме предложения. Понятие парадигмы предложения разработано в конце 60-х годов. При его обсуждении выявились два толкования парадигмы предложения. Первое ориентировано на расширительное понимание парадигмы как любого ассоциативного ряда, используемое в современной лингвистике применительно к фонетике, словообразованию и лексике, а второе — на более узкое понимание, непосредственно связанное с морфологией, где понятие парадигмы определено более строго; в этом, узком толковании парадигма предложения — это система его форм, подобная системе форм слова.

## § 44. ШИРОКОЕ И УЗКОЕ ПОНИМАНИЕ ПАРАДИГМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Парадигма предложения в широком понимании включает в себя весьма большой круг явлений, объем и группировка которых устанавливаются учеными по-разному. Если, не касаясь различий, попытаться представить опыт такого толкования парадигмы предложения в общем виде, то можно выделить в парадигме предложения три разнородные составляющие: 1) любые системные видоизменения предложения внутрисхемного характера (т. е. не меняющие отличительных признаков его структурной схемы); 2) любые значимые системные противопоставления предложений одной структурной схемы предложениям, построенным по другим структурным схемам, проявляющиеся в возможности или невозможности преобразования предложений данной структурной схемы в предложения с другими структурными схемами и в соотношениях между ними; 3) любые значимые противопоставления предложений определенного формального класса другим синтаксическим единицам или их частям (словосочетанию и сложному предложению либо его части, например придаточной), проявляющиеся в возможности или невозможности преобразования предложения в другие синтаксические единицы и в соотношениях между преобразуемым предложением и возникающими в результате преобразования конструкциями.

Чтобы конкретизировать представление о составляющих парадигмы предложения в широком ее понимании, приведем системно значимые внутрисхемные видоизменения конкретного предложения (1), межсхемные (2) и межуровневые (3) соотношения, в которые вступает предложение:

- 1) а) *Я открою дверь.— Я открыл дверь; Я открыл бы дверь;*  
б) *Открою дверь;*  
в) *Я могу открыть дверь; Я начал открывать дверь;*
- 2) *Я открыл дверь.— Дверь открыта мной;*
- 3) *Я открыл дверь.— Открывание мною двери; открытая мною дверь;*

*Дверь, которую я открыл; Я, открывший дверь.*

Таким образом, парадигма предложения включает и собственно видоизменения структурной схемы пред-

ложеия, и ее возможные преобразования в другие схемы и в схемы других синтаксических единиц при тождестве лексической базы, а в некоторых вариантах учения о парадигме — только на смысловой основе.

Парадигма предложения в узком понимании, основывающемся на понятии формы предложения, включает в себя только определенный круг значимых внутрисхемных видоизменений предложения.

Наличие двух пониманий парадигмы предложения отражает обширность и многоплановость системных соотношений. По существу, эти два направления дополняют друг друга: широкое понимание парадигмы предложения привлекает внимание к обширности системных соотношений, а узкое — к многоплановости и, следовательно, к разнородности их. Они не противостоят друг другу как разные понимания объема и характера системных связей предложения; спор идет не о том, в каких соотношениях существуют в системе языка формальные классы предложения, а о том, какие из этих соотношений следует включать в парадигму предложения, а какие — рассматривать как особое явление.

С одной стороны, намеченные широким пониманием парадигмы три круга соотношений, в которые вступает предложение, реально существуют в языковой действительности и сторонники узкого понимания парадигмы предложения не могут отрицать факта их существования. Они лишь акцентируют разнородность этих соотношений и на этом основании делают вывод о невозможности объединять их в одном понятии. С другой стороны, очевидный факт составляет и разнородность линий соотношений предложений, а потому сторонники широкого понимания парадигмы предложения признают необходимость их разграничивать, выделяя виды парадигмы, прежде всего различая внутрисхемную и межсхемную парадигмы.

Полемика вокруг понятия парадигмы предложения позволяет сделать следующие выводы: 1) для исчерпывающей характеристики положения того или иного отвлеченного образца предложения (структурной схемы) в синтаксической системе необходимо рассмотреть соотношения, в которые оно вступает, по всем линиям, выявленным широким пониманием парадигмы предложения; 2) при этом необходимо учитывать, что эти линии разные и устанавливаемые на их основе соотношения принципиально различны.

# ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СИСТЕМА ЕГО ФОРМ

## § 45. ФОРМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В отечественном языкоznании наибольшее внимание было привлечено к внутрисхемным видоизменениям формальных образцов предложения. В связи с этим у нас преобладает узкое понимание парадигмы предложения как системы его форм, противопоставленных по грамматическому значению (подобно формам слова в парадигме слова).

В советской русистике широкое распространение получило учение о парадигме предложения Н. Ю. Шведовой, которое основано на следующих положениях: 1) грамматическим значением предложения является предикативность, т. е. комплекс модально-временных значений; 2) предикативность, подобно грамматическим категориям морфологического уровня, существует в виде ряда частных значений — модальных (значений реальности ~ ирреальности разных видов) и временных (значений прошедшего, настоящего, будущего времени), причем временные значения определенным образом соотнесены с модальными; 3) частные модально-временные значения выражаются определенными видоизменениями формальной организации предложения; эти видоизменения называются *формами предложения*, а вся система форм предложения, выражающая категорию предикативности в целом, — *его парадигмой*.

Н. Ю. Шведова различает шесть видов модального значения предложения — синтаксических наклонений: 1) изъявительное наклонение (*индикатив*): *Ученик пишет; В доме тишина; На дворе темно*; 2) сослагательное наклонение: *Ученик писал бы; В доме была бы тишина; На дворе было бы темно*; 3) условное наклонение: *Если бы ученик писал, то...; Если бы в доме была тишина, то...; Если бы на дворе было темно, то...*; 4) желательное наклонение: *Лишь бы ученик писал; Если бы в доме была тишина!; Вот бы на дворе было темно!*; 5) побудительное наклонение: *Пиши, ученик; Чтоб в доме была тишина!; Пусть на дворе будет темно;* 6) долженствовательное наклонение: *Ученик пиши, а кто-то будет бездельничать; В доме будь тишина, а во дворе*

*можно шуметь; На дворе будь темно, а то и на вечер непохоже.*

Индикатив выражает реальность и имеет формы трех времен. Формы сослагательного наклонения передают неосложненное значение ирреальности, гипотетичности. Формы условного наклонения функционируют только в составе придаточных условных и имеют то же значение ирреальности. Желательное наклонение выражает «отвлеченную устремленность к какой-то действительности». Формы побудительного наклонения обозначают волеизъявление, частные виды которого передают разнообразные значения — от категорического требования до допущения, принятия, согласия. Формы долженствовательного наклонения обозначают «обязательность, вынужденность, предписанность осуществления чего-нибудь»<sup>1</sup>.

Таким образом, парадигма предложения восьмичлена (три времени в индикативе и пять ирреальных наклонений), причем формы ирреальных наклонений, кроме долженствовательного, вариативны; ср.: *Лишь бы (вот бы, если бы) в доме была тишина! — Была бы в доме тишина!* — разные варианты формы желательного наклонения.

Не у каждого предложения может быть полный набор форм. Некоторые формальные классы предложений имеют неполные парадигмы. Так, не имеют форм долженствовательного наклонения предложения, построенные по двухкомпонентной инфинитивной схеме: *Хочется спокойно всё обдумать; Быть учителем трудно; Поговорить с ним было удовольствие; Надо спать*. Не имеют форм долженствовательного и побудительного наклонений предложения, построенные по однокомпонентной инфинитивной схеме: *С тобой не сговориться; Тут-то себя и показать; Нам завтра в поход иди*.

Кроме того, полнота или неполнота парадигмы определяется не только характером лежащей в основе предложения структурной схемы, но и тем, какими лексемами заполнены позиции компонентов схемы, и тем, есть ли в предложении компоненты, не входящие в схему. «В конкретном предложении образование тех или иных форм может препятствовать его семантическая структура и даже та конкретная информация (содержание), которая в нем заключена. Таким образом, па-

<sup>1</sup> См.: *Русская грамматика. Т. 2. С. 106, 116.*

дигма предложения представляет собой о б щ и й т и п изм ен е н и я п р е д л о ж е н и я, построенного по той или иной структурной схеме, но не обязательный вид изменений любого конкретного предложения»<sup>1</sup>. Некоторые конкретные предложения могут иметь лишь одну форму. Таковы, например, построенные по схеме СорN<sub>1</sub> предложения, включающие указательные частицы (*вот*, *вон*): *Вот наш дом*; *Вон общежитие*; *Вот и зима*, а также однокомпонентные инфинитивные предложения со значением категорического волеизъявления: *Не шуметь!*; *Отставить разговоры!*

## § 46. УЧЕНИЕ О ПАРАДИГМЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СИСТЕМЕ ЕГО ФОРМ

Учение о парадигме предложения было последовательно применено Н. Ю. Шведовой ко всей русской синтаксической системе и выявило некоторые закономерности организации предложения, в частности связь между фактами, системное соотношение которых ранее не представлялось очевидным или вообще не учитывалось. Убедительное объяснение получил факт наличия во всех формах номинативных предложений, кроме настоящего времени индикатива, слова *быть*, которое является здесь, как и в других безглагольных структурных схемах предложений, связкой — синтаксическим формантом, показателем временной и (вместе с частицами) модальной отнесенности; ср.: *Ночь.— Была ночь.— Будет ночь.— Была бы ночь.— Вот бы была ночь.— Пусть будет ночь; Ночь тиха.— Ночь была тиха.— Ночь будет тиха.— Ночь была бы тиха.— Вот бы ночь была тиха.— Пусть ночь будет тиха.*

Было показано, что многие предложения, которые представлялись ранее существующими только в одной форме (например, инфинитивные или предложения типа *Ни души*), в действительности имеют несколько форм (иногда даже полную парадигму, как предложения типа *Ни души*), но эти формы существенно различаются по частотности и сфере применения; ср.: *Ни души.— Чтоб ни души!* или *Нам вместе работать.— Нам было (будет, было бы) вместе работать.* «Наряду со стилистически нейтральной формой существуют формы и их вариан-

<sup>1</sup> Русская грамматика. Т. 2. С. 99.

ты, свойственные экспрессивно окрашенной, разговорной, непринужденной речи, а в некоторых случаях — речи высокой или книжной. Таким образом, парадигма предложения объединяет стилистически разнородные формы и их варианты»<sup>1</sup>.

Было привлечено внимание к факту существования в русском языке достаточно обширной группы служебных слов, участвующих в выражении разных видов ирреальности,— модальных частиц, сложно соотносящихся друг с другом. Сделана попытка выявить соотношения внутри этой группы, определив специализацию каждой из частиц на выражении тех или иных модальных значений и правила ее введения в предложение.

Все эти наблюдения и выводы существенно расширили представление о формальной организации русского предложения. Вместе с тем учение о парадигме предложения явилось сильным стимулом для дискуссии вокруг данной проблемы и ее теоретической разработки.

Критика концепции парадигмы предложения Шведовой состояла главным образом в том, что понимание парадигмы квалифицировалось как морфологическое, подменяющее синтаксические изменения изменениями глагола. Справедливо возражая против такой квалификации, автор концепции обращает внимание на то, что «формообразующим средством в парадигме выступает не только глагольное слово, но и синтаксические частицы... Формы синтаксического индикатива образуются комбинацией двух единиц: самой схемы и глагольного форманта (место форманта по отношению к компонентам схемы грамматически определено). В схемах с  $V_f$  таким формантом оказывается форма самого глагола с его временным значением (ср. известный тезис Ельмслея об отнесенности глагольных морфем к предложению в целом); в схеме без  $V_f$  — служебное глагольное слово, вводимое по определенным правилам. Формы ирреальных наклонений образуются комбинацией глагольных форм, синтаксических частиц и формально значимого соположения компонентов схемы»<sup>2</sup>.

К этой аргументации есть основания добавить следующее соображение. Спрягаемая форма глагола и предложение — неразрывно связанные, предполагаю-

<sup>1</sup> Русская грамматика. Т. 2. С. 98.

<sup>2</sup> Шведова Н. Ю. Вопросы описания структурных схем простого предложения // Вопр. языкоznания. 1973. № 4. С. 31—32.

щие друг друга явления. С одной стороны, спрягаемые формы глагола имеют в grammатической системе специфическое назначение — давать процессуальному признаку характеристику по положению на «модально-временной оси». С другой стороны, отличительным признаком предложения является именно охарактеризованность по положению на «модально-временной оси», т. е. предикативность; это категория, в которой заключена grammатическая сущность предложения. Поэтому видоизменение спрягаемой формы глагола по «модально-временной оси» есть одновременно и видоизменение предложения. Никакое другое видоизменение морфологических форм компонентов предложения не может сравняться с ним по значимости для предложения в целом; ср.: *Бабушка рассказывала сказку.* — *Бабушка рассказывала сказки.* — *Бабушки рассказывали сказки* и *Бабушка будет рассказывать сказку.* — *Бабушка рассказывает сказку.* — *Пусть бабушка рассказывает сказку.* — *Вот бы бабушка рассказывала сказку.*

## ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СИСТЕМА ЕГО ДЕРИВАЦИОННЫХ СООТНОШЕНИЙ

### § 47. РЕГУЛЯРНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В современной науке утвердилась мысль о том, что от изменений структурной схемы предложения, передающих частные предикативные значения, следует отличать ее системные видоизменения, не связанные с выражением предикативности, — регулярные реализации. Понятие регулярной реализации структурной схемы предложения, введенное в отечественное языкознание Н. Ю. Шведовой, в том или ином виде используется во многих современных синтаксических описаниях. Оно отражает реально существующее языковое явление, границы которого, однако, далеко не очевидны, что приводит к разным толкованиям объема понятия регулярной реализации и к различиям в списках регулярных реализаций. Эти различия значительны.

Есть, однако, в учении о регулярных реализациях и относительно устоявшиеся, не вызывающие существенных разногласий положения:

1) регулярные реализации — это такие видоизменения структурной схемы предложения, которые не нарушают ее тождества;

2) они конситуативно не обусловлены, т. е. непосредственно не вызываются контекстом или ~ и ситуацией (как это бывает в случае окказиональной неполноты предложения)<sup>1</sup>;

3) механизм образования регулярных реализаций характеризуется: а) незамещенностью компонента структурной схемы предложения (ср.: *Я иду целый день и целый день вижу одно и то же.* — *Идёшь целый день и целый день видишь одно и то же*); б) введением в схему дополнительного компонента служебного характера (ср.: *Ночь тиха.* — *Ночь стала тиха*); в) замещением компонента схемы семантически однородным элементом, имеющим другую форму (ср.: *Бегали ребяташки.* — *Бегало ребяташек!*; *Не бегало ребяташек*);

4) видоизменение структурной схемы предложения при образовании той или иной регулярной реализации сопровождается определенным системным изменением содержания предложения — осложнением его смысла.

Регулярные реализации структурных схем предложений обладают собственным семантическим потенциалом и «представляют собой семантическое изменение модели на заданную величину»<sup>2</sup>. При их образовании сохраняется без изменения все объективное содержание предложения, но в его значение вносятся, обогащая его, некоторые дополнительные оттенки; ср.: *Он работает над книгой.* — *Он начал (продолжает, перестал) работать над книгой.* — *Он может (должен, хочет) работать над книгой;* *Был дождь.* — *Не было дождя.*

Такие регулярные реализации соотносятся со структурными схемами предложений, как производные основы с производящими (мотивирующими): *стол* — *столик*,

<sup>1</sup> Н. Ю. Шведова включает в число регулярных реализаций и конситуативно обусловленные видоизменения структурных схем предложений типа *Кто пришёл?* — *Отец* (конситуативно обусловленное видоизменение схемы N<sub>1</sub>V<sub>1</sub>). Но в дальнейшем была замечена иеоднородность явлений, объединяемых под наименованием регулярных реализаций (см.: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 205—226). Другие исследователи стали называть регулярными реализациями лишь конситуативно не обусловленные видоизменения отвлеченных образцов предложения.

<sup>2</sup> Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 207.

*студент — студентка; петь — запеть, попеть и т. д.* Это дает основание рассматривать их как дериваты структурных схем<sup>1</sup>. Их набор образует деривационную парадигму структурной схемы предложения, подобную словообразовательному гнезду.

## § 48. ФОРМАЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИИ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

От так понимаемых регулярных реализаций структурных схем предложений следует отличать формальные модификации — видоизменения схем, не несущие дополнительных значений и сопровождающиеся лишь изменением экспрессивно-стилистической окраски. Таковы: 1) определенно-личная бесподлежащая формальная модификация, которая состоит в незаполненности позиции формы именительного падежа во всех двухкомпонентных номинативных схемах при формах 1—2-го лица спрягаемой формы глагола или связки; она не изменяет смысла предложения, а лишь вносит стилистическую окраску разговорности или, напротив, торжественной приподнятости: *Выхожу один я на дорогу* (Л.); *Не жалею, не зову, не плачу* (Ес.); 2) «связочная» формальная модификация схем  $N_1Cop_1N_1$ ,  $InfCop_1Inf$ , состоящая во введении в предложение частиц (*это, есть, значит* и др.): *Спорт — это радость; Возразить — значило вызвать негодование*.

## § 49. СПИСОК РЕГУЛЯРНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ПРАВИЛА ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

Назовем наиболее очевидные регулярные реализации структурных схем предложений, показав характер их видоизменений и выражаемый ими смысл.

1. Обобщенно-личная регулярная реализация состоит в незаполненности позиции  $N_1$  (при потенциальной возможности ее заполнения личным местоимением *ты*) в двухкомпонентных номинативных схемах при формах 2-го лица единственного числа у  $V_f$  или  $Cop_{f1}$  и специфическом значении обобщенности: *На всех не угодишь* (пог.); *Скажешь — не воротишь* (пог.); *Вечно тебя ждёшь; Ему пальца в рот не клади; — А вы сильный. — Будешь сильным*, когда жизнь того требует;

<sup>1</sup> См.: Белошапкова В. А., Шмелева Т. В. Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. 1981. № 2.

*Что будешь делать с таким лентяем!* (ср.: *Что ты будешь делать с таким лентяем!*).

2. Фазовая регулярная реализация состоит в том, что в структурную схему вводится глагол с фазовым значением в спрягаемой форме (*начать*, *продолжать*, *кончить* или синонимичный им), а глагол с конкретным значением или связка (в связочных схемах) получает форму инфинитива. Фазовые реализации имеют все структурные схемы; ср.: *Он учится.— Он начал (продолжает, перестал) учиться; Он весёлый.— Он продолжает (перестал) быть весёлым; В ушах гудит.— В ушах начинает (продолжает, перестало) гудеть; Душно.— Продолжает (перестало) быть душно; На лугу косят.— На лугу начали (продолжают, перестали) косить.* У инфинитивных предложений при фазовых реализациях и фазовый и основной глаголы употребляются в инфинитиве: *Бросить курить и начать делать зарядку!; Продолжать упражняться на брусьях!; С завтрашнего дня ему начинать лечить зубы.*

Для схем без  $V_f$  (связочных) более типично образование фазовых реализаций с помощью введения на место Сор<sub>f</sub> глаголов типа *стать*, *становиться*, *сделаться*: *От дружеского разговора в душе становится светло* (Ок.); *Очень стало жить широко, молодо* (Пауст.); *Сделалась метель* (П.).

Не исключено, однако, и использование стандартного способа образования: *Я начинаю быть ленив на письма* (Вяз.).

3. Модальная регулярная реализация состоит в том, что в предложение вводится глагол или прилагательное с модальным значением, соответствующим образом осложняющее смысл предложения. При этом модальный компонент приобретает форму, предполагаемую структурной схемой для предикативного центра, а основной глагол или связка ставится в инфинитиве. Модальные реализации имеют разные структурные схемы: *Он хочет (умеет, готов, должен...) учиться; Он хочет (умеет, готов, должен...) быть весёлым (весельчаком); Больного может (должно) лихорадить; На лугу могут (должны...) косить.*

Модальные реализации, осуществляемые с помощью разных лексических средств, различны по значению и по сфере приложения — вследствие разной семантики и сочетаемости слов с модальным значением. Так, реализации со значениями возможности и долженствования

возможны от предложений самого разного содержания, а реализации со значением желания невозможны от предложений, обозначающих стихийные действия и состояния (ср. невозможность регулярной реализации с глаголом *хотеть* для предложения *Больного лихорадит*).

Модальные реализации могут быть сложными, имеющими несколько разных модальных показателей со свойственными им специфическими модальными значениями: *Никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым* (Л.).

4. Возможны регулярные реализации с полусвязочными глаголами, при которых позиция связи в содержащих ее структурных схемах заполняется полусвязочным глаголом; ср.: *Девочка была красавица*.—*Девочка показалась нам красавицей*; *Ночь светлая*.—*Ночь оказалась светлой*; *Книга интересная*.—*Книга считалась интересной*; *Книги бывают интересными*. Эти реализации свойственны связочным схемам.

Смысл, вносимый в предложение этими регулярными реализациями, определяется лексическим значением полусвязочного глагола. Это может быть значение авторизации<sup>1</sup>, т. е. указание на то, что высказываемая в предложении оценка предмета или явления рассматривается говорящим не как объективная, автором которой может быть любой мыслящий человек, а как принадлежащая говорящему или какому-то иному лицу; ср.: *В доме было душно*.—*В доме ей показалось душно*; *Сосед был предупредительным*.—*Сосед показался нам предупредительным*; значение выявления, обнаружения признака: *В доме оказалось душно*; *Сосед оказался предупредительным*; значение повторяемости, обычности признака: *В доме бывает душно*; *Сосед бывает предупредительным* и др.

5. Количествоенная регулярная реализация состоит в замене формы именительного падежа формой родительного в схеме СорN<sub>1</sub> и в появлении тенденции к интонационному оформлению предложения с помощью ИК-б (см. с. 772—791). Такое видоизменение структурной схемы сопровождается появлением значения большого количества, интенсивности; ср.: *Шум. Свет.— Шуму сегодня! Свету сегодня!* (Ал.). Та же регулярная реализация возможна при определенном

<sup>1</sup> См. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 263—278.

лексическом наполнении схем  $N_1V_f$  и  $N_1Cop_fAdj_f$ ; ср.: *Натекла вода.— Натекло воды! Приехали гости.— Приехали гостей!; Топливо заготовлено.— Топлива заготовлено!; Пролиты слёзы.— Слёз пролито!*

6. Отрицательная регулярная реализация состоит в перестройке структурной схемы предложения при введении в нее отрицания, относящегося к предикативному центру. Отрицательные реализации имеют далеко не все структурные схемы, а лишь некоторые из схем, включающих  $N_1$ , и — более того — не все предложения, построенные по этим структурным схемам. Обычно отрицание выражается введением отрицательной частицы, не сопровождающимся структурными изменениями: *О любви в словах не говорят* (Ес.); *Не будь злым*; *Она ещё не была взрослой девушки*; *Телефон не звонил*; *Не работать нам сегодня*.

Однако в схеме  $Cop_fN_1$  отрицание требует обязательного видоизменения — замены  $N_1$  на  $N_2$ ; ср.: *Везде пятнышки чернил.— Нигде ни пятнышка чернил* (П.); *Будет поверка.— Сегодня не будет поверки* (Луг.); *Повозки, голоса.— ...Ни повозок, ни голосов* (Цв.). Подобную перестройку может вызывать также введение отрицания в схему  $N_1V_f$  при некоторых видах ее лексического наполнения; ср.: *Письма придут.— Жди, когда из дальних мест писем не придёт* (Сим.); *О, как он притворялся ловко, что здесь не падало слезы, не облокачивалось локтя* (Ахм.).

Отрицательная реализация структурной схемы возможна лишь при общем бытийном содержании предложения (что ограничивает круг глаголов, допускающих ее) и более вероятна для предложений, в которых позиция  $N_1$  заполнена неодушевленными существительными. При заполнении позиции  $N_1$  именем лица отрицательную реализацию свободно допускают лишь предложения с глаголом *быть*, прямо выражающим наличие: *A, может, мальчика-то и не было?* (М. Г.). Отрицательные реализации предложений с глаголом *быть* в форме настоящего времени включают слово *нет*: *Отца нет дома; У меня нет лишних денег; Нигде нет покоя.* В других случаях возможность отрицательной реализации связана с дополнительными условиями; ср.: *Пришёл один человек.— Не пришло ни одного человека; Никто не пришёл* (при невозможности предложения «*Никого не пришло*»). Нарушение условий появления отрицательной реализации структурной схемы предложения

может использоваться для создания комического эффекта: *Нэпман... увидел меня на своём стуле и сказал: «Пардон. Это моё стуло. Вас здесь не сидело»* (Кат.).

Правила образования регулярных реализаций предложений достаточно сложны. С одной стороны, они определяются потенциями структурных схем, а с другой — смыслом предложения, связанным с его лексическим наполнением. Поэтому то, что та или иная структурная схема предложения допускает определенный набор регулярных реализаций, еще не значит, что любое предложение, построенное по данной схеме, будет иметь этот набор (примеры такого рода уже приводились). Приведем еще один. Например, схема  $N_1CopAdj_{f/1/5}$  в принципе допускает регулярные реализации с фазовым значением появления признака;ср.: *День пасмурный.— День стал (сделался) пасмурным; Он мрачен.— Он стал (сделался) мрачен.* Однако в предложениях типа *Книги раскиданы; Стол опрокинут; Нога сломана* (с причастиями от глаголов совершенного вида), сообщающих о состоянии, вызванном каким-то воздействием, такая реализация невозможна [ср. неправильность предложения «*Книги стали (сделались) раскиданы*»]. Эта регулярная реализация невозможна и для предложений с некоторыми неотглагольными прилагательными в краткой форме, обозначающими абсолютные состояния, не имеющие фаз развития [ср. невозможность предложения «*Он стал жив (мёртв)*»].

## § 50. РЕГУЛЯРНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕДАВАЕМЫХ ИМИ ЗНАЧЕНИЙ

Выражение значений некоторых регулярных реализаций структурных схем предложений может происходить с помощью средств других уровней (например, словообразовательных) или с помощью синтаксических средств, но иного рода: не видоизменений структурной схемы предложения, а использования другой структурной схемы или даже другой синтаксической единицы (сложного предложения или словосочетания)<sup>1</sup>. Так, во

<sup>1</sup> Подобное явление существует в словообразовании: отдельные составляющие словообразовательной парадигмы слова могут отсутствовать, так как тот смысл, для выражения которого они предназначены, передается не дериватами данного слова, а особыми лексемами;ср.: *спать — спальня, читать — читальня, но мыться — баня*.

многих предложениях, предикативный центр которых составляет спрягаемая форма глагола, фазовое значение начала может выражаться с помощью приставок *за-*, *по-*; ср.: *Он поёт*.— *Он начал петь* (*запел*); *Станок работает*.— *Станок начал работать* (*заработал*); *Он идёт к дому*.— *Он пошёл к дому* (при невозможности предложения «*Он начал идти к дому*»).

Вследствие этого обстоятельства возникает, с одной стороны, задача описательного характера — выяснить соотношение между разными способами передачи тех значений, которые наряду с другими способами выражаются теми или иными регулярными реализациями, и установить действующие в языке правила выражения этих значений, а с другой стороны — задача теоретического характера — определить синтаксический статус всех тех синтаксических конструкций, в которых эти значения выражаются.

Иногда последняя задача решается достаточно легко. Например, очевидно, что в случае выражения фазовости словообразовательными средствами не возникает видоизменения образца предложения: *Ребёнок кричит*.— *Ребёнок закричал* (ср.: *Ребёнок начал кричать*). Следовательно, предложения, в которых фазовость выражена словообразовательными средствами, нет оснований рассматривать как регулярные реализации глагольных структурных схем: в них структурные схемы предложений представлены в своем основном виде.

Но гораздо чаще задача установления статуса конструкций, выражающих семантические осложнения, подобные тем, которые передаются очевидными регулярными реализациями, бывает трудной.

## § 51. ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ РЕГУЛЯРНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Недостаточно разработаны формальные основания выделения регулярных реализаций структурных схем предложений. Между тем при анализе обширного ряда фактов встает вопрос о том, как различать регулярные реализации одной структурной схемы предложения и разные схемы. Конститутивные признаки структурных схем отнюдь не самоочевидны. Сама идея регулярных реализаций предполагает варьирование структурных

схем предложений в известных пределах, которые могут устанавливаться по-разному.

Необходимость различать регулярные реализации структурных схем предложений и собственно схемы возникает, например, при выявлении модальных реализаций. Модальные значения в русском языке, как и в других языках, выражаются лексически — словами, имеющими те или другие модальные значения, и эти слова имеют разное грамматическое оформление, что определяет и разное оформление предложений, в которые они вводятся. Ср.: *Он хочет учиться*. — *Он должен учиться*. — *Ему нужно учиться*. — *Ему следует учиться*. Как рассматривать эти предложения: как регулярные реализации схемы  $N_1V_f$  (ср. исходное предложение *Он учится*, дериватами которого являются данные предложения) или как воплощения разных структурных схем? Ответ на этот вопрос зависит от того, что именно считать конститутивным признаком схемы  $N_1V_f$  — только ее двухкомпонентность и принадлежность компонентов к той или иной части речи: существительное и глагол или предикативная (краткая) форма прилагательного — либо и форму субстантивного компонента (именительный падеж).

К тому же, кроме лексического способа выражения модальных оттенков смысла предложения, в русском языке существует еще и собственно синтаксический способ — использование инфинитивной конструкции; ср.: *Он должен делать доклад*. — *Ему делать доклад*; *Все должны быть готовы к восеми часам*. — *Всем быть готовыми к восеми часам*. Инфинитивные конструкции занимают в системе средств выражения модальных значений особое место: они передают недифференцированное значение возможности ~ долженствования ~ предстояния. Этот смысл может быть внесен в предложения разного строения и содержания с помощью замены в них спрягаемой формы глагола или связки инфинитивом; ср.: *Он уезжает*. — *Ему уезжать*; *Он не уедет*. — *Ему не уехать*; *Мальчик будет музыкантом*. — *Быть мальчику музыкантом*; *Будет гроза*. — *Быть грозе*.

Наличие такого соотношения между двухкомпонентными номинативными предложениями со спрягаемой формой глагола или связки<sup>1</sup> и инфинитивными пред-

<sup>1</sup> Двухкомпонентные инфинитивные и однокомпонентные структурные схемы предложений деривационно не соотносительны с инфи-

ложениеми свидетельствует о том, что в синтаксической системе эти конструкции объединены отношениями деривационного типа (инфinitивные конструкции производны от спрягаемо-глагольных: они выражают то же содержание, но осложненное модальным значением). Факт наличия этой системной связи может быть истолкован по-разному: или как соотношение между собственно структурной схемой предложения и одной из ее модальных регулярных реализаций, или как соотношение между разными схемами. То или иное толкование этого факта опять-таки определяется тем, какое понимание границ варьирования одной и той же структурной схемы предложения принимается.

В современном языкоznании существует тенденция, следя традициям русской науки, считать конститутивными признаками структурных схем предложений не только состав компонентов и их принадлежность к определенной части речи, но и их форму, и в соответствии с этим квалифицировать предложения с модальными лексическими показателями разной грамматической природы и инфинитивные предложения как реализации особых (и разных) структурных схем. На такое понимание границ варьирования структурных схем предложений ориентированы и приведенные выше списки структурных схем и регулярных реализаций. Но это решение нельзя считать единственно возможным. Поскольку данный вопрос есть вопрос интерпретации языковых фактов, его разрешение требует проверки целесообразности разных путей решения.

## § 52. МЕЖСХЕМНЫЕ И МЕЖУРОВНЕВЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ СООТНОШЕНИЯ

Но как бы широко ни понимать границы варьирования структурной схемы предложения и соответственно границы ее регулярных реализаций, нельзя не признать того, что, кроме внутрисхемных парадигматических отношений деривационного типа (отношений между собственно структурной схемой и ее регулярными реализациями), существуют и парадигматические

нитивными (ср. невозможность предложения «*Мне теперь неделю не здоровиться*» при полной нормальности предложения *Мне теперь неделю хворать*). Исключение составляет лишь схема СорN, которая может быть преобразована в инфинитивную; ср.: *Беда.— Быть беде; В городе новый стадион.— Быть в городе новому стадиону.*

отношения деривационного типа между разными схемами предложений. Таковы, например, отношения между предложениями, построенными по схеме  $N_1V_1$ , и соотносительными с ними предложениями, реализующими схему  $V_{s3/n}$ , с возвратными глаголами; ср.: *Вчера мы хорошо работали.* — *Вчера нам хорошо работалось* (дериват отличается от исходной конструкции дополнительным элементом смысла — ‘легкость совершения действия, предрасположенность к нему’).

В этом отношении синтаксическая система обнаруживает изоморфность словообразовательной. В словообразовании существуют два типа деривационных отношений: 1) отношения модификационного типа, которыми производящая и производная основы связаны в том случае, если при словообразовании не происходит перехода из одной части речи в другую: *стул* — *стульчик*; *учитель* — *учительница*; *корова* — *коровник*; *весёлый* — *весёленький, развесёлый*; *идти* — *пойти, перейти, зйти*; 2) отношения транспозитивного типа, которыми производящая и производная основы связаны в том случае, когда словообразование сопровождается переходом из одной части речи в другую: *лес* — *лесной*; *выходить* — *выход*; *белый* — *белизна, белок*; *сапожник* — *сапожничать*. Подобно этому, в синтаксисе существуют внутрисхемные деривационные отношения между собственно структурной схемой и ее регулярными реализациями, передающими то же объективное содержание, но с какими-либо семантическими осложнениями, и отношения между разными схемами, способными передавать одно и то же объективное содержание, одна из которых выражает это содержание более элементарным способом (она может быть рассмотрена как исходная), а другие выражают его более сложно, добавляя к нему дополнительные значения или давая ему иную интерпретацию (они могут быть рассмотрены как производные, как дериваты исходной схемы). Внутрисхемные деривационные отношения имеют характер модификационный, а межсхемные — транспозитивный.

От межсхемных парадигматических соотношений деривационного типа надо отличать синонимические отношения между предложениями, построенными по разным структурным схемам. Их отличие состоит в том, что в синонимическом ряду не выделяется исходной (семантически более простой) и производной (семантически более сложной) конструкций; семантический по-

тенциал членов синонимического ряда различается не по принципу меньшей или большей сложности. Отношения синонимии существуют, например, между активными и пассивными конструкциями, а также конструкциями «полуактивного» типа; ср.: *Град побил посевы.— Посевы побиты градом.— Посевы побило градом.*

От тех и других есть формальные основания отличать отношения особого типа — между исходной структурной схемой простого предложения и отвлеченным образцом других синтаксических единиц (сложного предложения и словосочетания) или их частей.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Русская грамматика.* М., 1980. Т. 2. С. 98—123.

---

*Белошапкова В. А.* О понятии синтаксической производности // *Рус. язык за рубежом.* 1983. № 6.

*Белошапкова В. А., Шмелева Т. В.* Глагольные безличные предложения в синтаксической системе русского языка // *Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса: Межвузовский научный сборник.* Уфа, 1985.

*Белошапкова В. А., Шмелева Т. В.* Деривационная парадигма предложения // *Вестник МГУ.* 1981. № 2.

*Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 196—226.

*Костинский Ю. М.* Вопросы синтаксической парадигматики // *Вопр. языкоznания.* 1965. № 5.

*Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972. С. 112—135.

*Мосальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974. С. 98—134.

*Русская грамматика.* Praha, 1979. С. 740—751, 805—807, 822—844.

*Шведова Н. Ю.* Вопросы описания структурных схем простого предложения // *Вопр. языкоznания.* 1973. № 4.

## Глава 7

### СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

#### § 53. СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — НОВЫЙ ОБЪЕКТ СИНТАКСИСА

В современном славянском языкоznании предложение изучается не только со стороны его формальной организации, но и со стороны «смысловой формы», организации содержания.

Традиционный идеал синтаксического описания в XIX в. и в первой половине XX в. не предполагал обращения к смысловой стороне предложения. Как объект синтаксиса рассматривались лишь те элементы смысла предложения, которые непосредственно связаны с его формой, в частности значения, различающие синтаксические конструкции, образованные лексически родственными словами разных грамматических разрядов (ср.: *Он болеет*.—*Он болен*.—*Ему больно*) или разными формами одного и того же слова (ср.: *Он работает*.—*Ему работать*). По верному замечанию Н. Д. Арутюновой, «будучи разделом грамматики, синтаксис старался не выходить за пределы собственно грамматических категорий»<sup>1</sup>.

С середины 60-х годов этот идеал изменился. Сознание необходимости анализа смысла предложения в его целостности, а следовательно, обращение к вещественному содержанию предложения, составляет характерную черту современной науки.

#### § 54. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Развитие семантического синтаксиса предложения связано с учением о значении языковых единиц, которое во второй половине XX в. развивается так активно, что дает основание говорить о «семантическом взрыве» в лингвистике. Для современной семасиологии характерны некоторые общие черты, которые проявляются и в учении о значении слов, и в учении о значении предложения. Важнейшая из них — глобальный подход к значению без ограничивающего стремления отделить в нем грамматическое от лексического и заниматься тем и другим по отдельности, рассматривая их как принципиально разные типы значения, существующие в содержании значимой единицы языка.

На этой основе происходит сближение учения о лексической семантике и семантического синтаксиса. В лексикологии это проявляется в том, что при изучении значения слова привлекаются лексико-синтаксические преобразования предложений, включающих это слово<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976. С. 5.

<sup>2</sup> См.: Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967; *его же*. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

А в семантическом синтаксисе это проявляется в том, что при изучении значения предложения привлекается лексическая семантика входящих в предложение слов, прежде всего тех, которые составляют его предикативный центр. Таким образом, изучение смысловой организации предложения в современной науке ведется и со стороны лексикологии (лексической семантики), и с позиций собственно семантического синтаксиса.

Для сближения синтаксиса и лексикологии найдены теоретические основания. Анализ семантики предложения выдвинул положение о том, что в одном из своих аспектов предложение, подобно слову, является номинативной единицей. «В теории словосочетаний структура предложения *Девочка выменяла у мальчика грушу на пирожное* представляется как соединение ряда номинативных единиц — слов и словосочетаний: *девочка, выменяла грушу, выменяла у мальчика, выменяла на пирожное*. В семантическом синтаксисе все приведенное предложение рассматривается как обозначение события, участники которого (предметные понятия, актанты) вовлечены в действие<sup>1</sup>. Различие между словом и предложением в номинативном плане усматривается в том, что предложение — сложный, полный знак, непосредственно соотнесенный с событием, ситуацией, слово же — знак частичный, соотносимый с ситуацией только при включении его в предложение<sup>2</sup>.

## § 55. ИЗУЧЕНИЕ СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современное состояние учения о семантике предложения в отечественной науке характеризуется многообразием подходов. Широко представлены исследования, авторы которых идут к смыслу предложения от его формальной организации. Характерные черты этого направления проявляются в работах Н. Ю. Шведовой.

Н. Ю. Шведова исходит из того, что «разграничение предложений разных семантических структур должно проверяться и корректироваться их грамматическими характеристиками». Реализуя этот принцип на ма-

<sup>1</sup> Общее языкознание: Внутренняя структура языка. С. 291.

<sup>2</sup> См.: Гак В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967; его же. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

териале однокомпонентных номинативных предложений, она убедительно показывает, что «ни один из семантических типов не может быть установлен на основании лишь одного признака — лексической семантики номинатива» (главного члена номинативного предложения)<sup>1</sup>. Ту же мысль Шведова высказывает и при анализе других структурных схем предложений. Поэтому в ее описании семантические структуры, выделяемые всегда в границах отдельных структурных схем предложений, различаются по комплексу признаков — собственно грамматических (способы выражения субъекта, система регулярных реализаций, парадигма предложения, синтаксико-смысловые отношения с другими грамматическими типами предложений) и лексических (лексическая семантика слов, занимающих позиции компонентов структурной схемы).

Другое направление объединяет исследования, ориентированные на структуру события, ситуацию как денотат предложения. Оно представлено многочисленными работами, проведенными на материале разных языков. Одним из первых в этом направлении начал работать (на материале русского языка) Т. П. Ломтев, понимавший содержание предложения как «систему с отношениями», центром которой является выразитель отношений — предикат, задающий места для предметов, определяющий их количество и характер<sup>2</sup>. Это направление в разных его модификациях представлено во многих работах<sup>3</sup>. В центре внимания исследователей находятся отображаемая в предложении ситуация, фрагмент действительности и ее семантическая модель — пропозиция.

<sup>1</sup> Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // *Славянское языкознание*. М., 1973. С. 483, 478.

<sup>2</sup> См.: Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

<sup>3</sup> См.: Гак В. Г. Высказывание и ситуация // *Проблемы структурной лингвистики*. 1972. М., 1973; Алисова Т. Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // Вопр. языкознания. 1970. № 2; ее же. Очерки синтаксиса итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М., 1971; Мосальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. 2-е изд. М., 1981; ее же. Вопросы синтаксической семантики // Вопр. языкознания. 1977. № 2; Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // *Проблемы структурной лингвистики*. 1972. М., 1973.

Особое место среди исследователей семантического синтаксиса занимает Н. Д. Арутюнова. Поддерживая по многим исходным положениям второе направление, она привлекает внимание к тому, как отражается в предложении осмысление мира человеком, и основной задачей изучения смысла предложения считает «выделение логико-синтаксических „начал“, т. е. тех отношений, которые, будучи непосредственно связаны со способами мышления о мире, в то же время причастны к грамматическому строю языка»<sup>1</sup>. В связи с этим Арутюнова обращается к анализу таких предложений, которые отражают мыслительные операции, состоящие в установлении отношений бытийных (экзистенции), тождества (идентификации), именования (номинации) и характеризации. При выделении и анализе этих предложений используются идеи теории референции.

## ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

### § 56. ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В СОДЕРЖАНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В ходе современных семантических поисковрабатывается единое понимание значения предложения как комплекса разных по своей природе компонентов. Особую актуальность приобрела мысль о том, что в содержании предложения соединены значения двух принципиально различных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношение мыслящего субъекта к этой действительности. Наиболее четко эту мысль выразил швейцарский ученый Ш. Балли. Он предложил для двух слагаемых значения предложения названия диктум (объективное содержание) и модус (выражение позиции мыслящего субъекта по отношению к этому содержанию)<sup>2</sup>.

Всякое предложение отражает, давая ему название, какой-то фрагмент действительности, некое «положение

<sup>1</sup> Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. С. 17.

<sup>2</sup> См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 43—48. По мысли Балли, наиболее раздельное и эксплицитное выражение модус и диктум получают в предложениях типа Я полагаю, что этот обвиняемый невиновен; Я думаю, что ты лжёшь (сложноподчиненные изъяснительные), где главная часть содержит модус, а придаточная — диктум.

дел». Это может быть событие, которое можно передать сменой кинокадров. Оно относится к внешнему для говорящего миру: *Идёт дождь; Проехал автобус; В ларьке продают мороженое* или к самому говорящему, который в этом событии участвует: *Я иду в университет; Мне подарили цветы; Сосед нечаянно толкнул меня*. И в том и в другом случае говорящий, «создавая» эту часть значения предложения, выступает как наблюдатель. Это может быть ситуация мыслительной операции, производимой человеком,— приписывание признака предмету, его квалификация, наименование предмета, отождествление разных имен предмета: *Море сегодня спокойно; Вы взволнованы; Здесь хорошо; Мой отец был учитель; Это дерево — сосна; Этого мальчика зовут Коля; Девушка в малиновом платье была наша соседка*. Мыслительная операция может производиться говорящим и теми, с кем он себя отождествляет, или другими лицами. В последнем случае это специально выражается тем или другим способом; ср.: *Статья полезна.— По-твоему, статья полезна.— Статья представляется рецензенту полезнай*. Характеризуемым, идентифицируемым предметом может быть некая субстанция внешнего для говорящего мира или сам говорящий; ср. с приведенными выше предложениями: *Я студент; Меня зовут Саша; А ведь хозяин-то — я (Г.)*. Выражая в предложении результат мыслительной операции собственного сознания или сознания другого человека, направленной на предметы внешнего мира или на него самого, говорящий тоже выступает как носитель объективной позиции. Эта позиция объективна в том смысле, что она не связана с ситуацией речи, исходит от говорящего не как от автора речи, а как от любого носителя сознания.

Объективной стороной своего значения предложение существенно не отличается от слова и словосочетания. Различие обнаруживается лишь в денотативной соотнесенности предложения, с одной стороны, и слова и словосочетания — с другой, т. е. в том, какого рода фрагменты действительности они обозначают. Н. Д. Арутюнова видит специфику предложения в этом отношении в том, что «денотатом предложения... в отличие от денотата слова (существительного) в принципе не может быть „вещь“, конкретный предмет»: предложение может обозначать только некое «положение дел»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Общее языкознание: Внутренняя структура языка. С. 309.

Ср. денотативную соотнесенность существительных *домик, сад, беседка, грядка, цветник* и построенных по схеме Сор<sub>1</sub>Н<sub>1</sub> предложений: *Опрятный домик. Сад с плодами. Беседка, грядки, цветники... И всё возделывали сами мои соседи — старики* (Майк.). Значение номинативного предложения событийно, оно включает идею бытия, наличия и не равно значению реально представляющей предложение словоформы.

Значение предложения, в отличие от значений слова и словосочетания, не может, однако, ограничиваться выражением объективной действительности — информацией о мире и его осмыслении (диктумной частью значения). Предложение обязательно выражает также «коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом» над объективным содержанием предложения: его оценку, выражение чувства или воли. Выражаемую предложением мысль «нельзя свести к простому представлению, исключающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта»<sup>1</sup>.

Субъективные значения могут исходить 1) от говорящего, и только от него; 2) от любого мыслящего субъекта (говорящего, собеседника, не участвующего в речевом акте лица). Так, предложения *Иван Иванович приехал* и *Вот бы Иван Иванович приехал* выражают одно и то же объективное содержание, но разное отношение к нему мыслящего субъекта, которым является здесь говорящий: утверждение им реальности события в первом случае и характеристику события как ирреального, желание, чтобы оно реализовалось,— во втором. Предложение *Иван Иванович хочет приехать* выражает то же объективное содержание, что и рассмотренные, но субъективная часть его значения более сложна: в ней выражено отношение к называемому событию лица, не участвующего в акте речи (Ивана Ивановича, который является активным участником называемого события), его желание, направленное на осуществление события, а также исходящая от говорящего характеристика желания Ивана Ивановича как реального факта (ср.: *Вот бы Иван Иванович захотел приехать*, где соединяется выражение желания, идущего от не участвующего в акте речи лица, и желания, идущего от говорящего).

<sup>1</sup> Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. С. 44.

Субъективные значения, исходящие от говорящего, имеются в каждом предложении; в определенном объеме они составляют обязательный компонент его содержания. Значения же, исходящие от любого мыслящего субъекта, входят в содержание далеко не каждого предложения.

### § 57. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Грамматическая природа предложения такова, что обязательно требует выражения некоторых субъективных значений, идущих от говорящего (именно от него как от автора речи, а не просто от любого мыслящего субъекта), передачи его отношения к отображаемому в предложении фрагменту действительности. Говорящий не может проявить себя в предложении только как наблюдатель мира и как обычный мыслящий субъект. Роль автора речи обязывает его, во-первых, актуализировать передаваемое в предложении объективное содержание, т. е. соотнести его с ситуацией речи, опираясь на понятия «я — здесь — сейчас»<sup>1</sup>, и, во-вторых, выразить целый ряд обязательных субъективных значений, входящих в содержание каждого предложения, а следовательно, и предложения вообще.

Обязательными субъективными значениями, исходящими от говорящего, являются: 1) предикативность, т. е. реальность ~ ирреальность и время; 2) целестановка (вопросительность ~ невопросительность); 3) персуазивность, т. е. достоверность ~ недостоверность. Грамматический строй русского языка принуждает говорящего оснастить всякое передаваемое грамматически оформленным предложением сообщение этими значениями; они раскрывают позицию говорящего по отношению к объективному содержанию предложения и составляют обязательный минимум субъективных (модусных) значений в содержании предложения.

1. Предикативность — это имеющий одно общее выражение комплекс значений, в который входят

<sup>1</sup> Необходимость актуализации содержания предложения — отнесенности к координатам «я — здесь — сейчас» как проявление фундаментального свойства «субъективности» языка раскрыл Э. Бенвенуист (*Общая лингвистика*. М., 1974. С. 292—300). См. также: Степанов Ю. С. *Основы общего языкознания*. М., 1975. С. 136—139.

значение в *р е м е н и*, актуализационное по своей природе (точкой отсчета для него является момент речи — ‘сейчас’), и устанавливаемое говорящим отношение содержания предложения к действительности, а именно: его характеристика как реального, лишь констатируемого говорящим, или и реального, создаваемого говорящим в своем воображении; ср.: *Ночь была темная* (реальность).— *Была бы ночь темная; Пусть ночь была бы темная!*; *Вот бы ночь была темная* (ирреальность).

Значение реальности ~ ирреальности составляет центр сложной семантической категории *м о д а л ь н о с т и*, объединяющей целый ряд значений, по-разному выражаемых (и грамматическими, и лексическими средствами).

Предикативность выражается грамматически: формами предикативного центра предложения — на-клонением глагола или связки и модальными частицами, передающими разные виды осложнений значения ирреальности: *вот бы, пусть, только бы, как бы не* и др.

2. Целеустановка предложения — это выражение коммуникативного задания говорящего, того, намерен ли он только передать заключенную в предложении объективную информацию собеседнику или имеет целью узнать у него нечто по поводу передаваемого, т. е. сообщает он или спрашивает. Смысловое различие между предложениями *Поезд пришёл.— Поезд пришёл?* эксплицитно может быть выражено следующим образом: ‘я знаю и говорю, что поезд пришел’ — ‘я не знаю и спрашиваю, пришел ли поезд’. Всякое предложение выражает или первое значение (невопросительность), или второе (вопросительность) с помощью интонации, особых служебных слов (вопросительные частицы) и вопросительных местоимений.

3. Персузивность — это оценка говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности ~ недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания; ср.: *Дождь идёт.— Кажется, дождь идёт.*

Значение достоверности ~ недостоверности имеет каждое предложение. Недостоверность всегда бывает выражена эксплицитно: особыми лексическими показателями — модальными словами и частицами (*вероятно, возможно, должно быть, может быть, очевидно, по-видимому, пожалуй, вряд ли, едва ли, разве, неужели,*

никак и др.). Достоверность же выражается имплицитно: самим фактом отсутствия показателей недостоверности; ср.: *Пожалуй, доклад уже начался.— Доклад уже начался*. Модальные слова, которые принято называть показателями достоверности (*безусловно, в самом деле, действительно, конечно, несомненно, разумеется* и др.), не вносят изменений в персуазивную характеристику предложения; их функция — экспрессивная: они служат знаком того, что говорящий по каким-то причинам (например, предполагая, что у слушающего могут быть сомнения в достоверности того, о чем ему сообщается) настаивает на своей оценке информации, заключенной в предложении. Предложения *Доклад уже начался* и *Конечно, доклад уже начался* одинаково выражают достоверность сообщения, но в последнем случае значение достоверности сопровождается экспрессивным усилением. Именно вследствие разной природы значения и функции показателей недостоверности, с одной стороны, и слов типа *безусловно, действительно, конечно* — с другой, возможно существование их в одном предложении (ср.: *Видимо, в коллективе, действительно, нет единодушия*).

Все обязательные субъективные значения предложения связаны между собой, что проявляется в неполной свободе их комбинирования. Не все комбинации этих значений возможны, и разные комбинации дают неподобающие результаты. Так, два частных вида значения ирреальности — желательность и побудительность — не сочетаются с вопросительностью, вследствие чего оптативное или побудительное предложение не может быть вопросительным<sup>1</sup>.

Сложно соотносится вопросительность и персуазивность. Например, один из видов вопросительных предложений — так называемые местоименные вопросы (цель их — получение новой информации) — имплицитно содержат значение достоверности и потому не допускают выразителей недостоверности; ср.: *Кто пришёл?* — «*Кто, пожалуй, пришёл?*»; *Куда ты?* — «*Куда, может быть, ты?*». Невозможно в них и экспрессив-

<sup>1</sup> Это дало основания считать повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные предложения основными модальными и функциональными типами предложений (см.: *Русская грамматика. Praha, 1979. Т. 2. С. 77*) и рассматривать значения повествовательности, вопросительности, побудительности и оптативности как однопорядковые.

ное усиление значения достоверности: «*Кто, конечно, пришёл?*», «*Куда, разумеется, ты?*». В вопросительных предложениях неместоименного типа, цель которых — проверка достоверности имеющейся информации (верификация), возможны значения и достоверности и недостоверности, но в сочетании с верификационной природой этих предложений персузтивные значения образуют качественно специфические комплексы значений, общая направленность которых состоит в стирании собственно вопросительного значения и развитии сложного значения предположительности; ср.: *Он пришёл? — Возможно, он пришёл?*; *Кажется, он пришёл?*; *Конечно, он пришёл?*

## § 58. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЬЕКТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Различие между объективными и субъективными значениями в содержании предложения определяет и различие в средствах выражения этих значений. Объективные значения выражаются лексическими средствами, их носители — знаменательные слова; субъективные же тяготеют к выражению средствами грамматики: формами слов, служебными словами, словами с грамматикализованными значениями (полузнаменательные глаголы, модальные глаголы, местоимения, модальные слова), интонацией.

Смысловой объем реального предложения может быть различным (большим или меньшим), но в нем всегда присутствуют объективные и субъективные значения. Субъективные значения есть в любом предложении, хотя они могут и не иметь в нем материального выражения (выражаться отсутствием показателей или переноситься из соседних предложений в тексте). Объективное содержание предложения менее допускает имплицитность выражения. Минимум его выражения, реализующийся в условиях эллипсиса или при использовании однокомпонентных структурных схем предложений, — употребление хотя бы одного знаменательного слова. Исключение составляют лишь предложения, коммуникативное задание которых состоит в подтверждении или отрицании сказанного собеседником (верификативные). В этих предложениях объективный смысл может присутствовать лишь имплицитно: *Иван Иванович приехал? — Да (Нет, Вероятно).*

# СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

## § 59. ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОПОРОЙ НА ПОНЯТИЕ ПРОПОЗИЦИИ

Для описания объективного содержания предложения в современных исследованиях используются разные понятия. Направление семантического синтаксиса, ориентированное на обращение к структуре события, ситуации как денотата предложения, выдвинуло понятие пропозиции, заимствованное из логики, где им обозначалось то общее, что существует между предложением и его возможными перефразировками в пределах данного языка, а также его переводами на другие языки. Пропозиция понимается как модель называемого предложением «положения дел», как объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных значений и от тех особенностей, какие придает ему та или иная формальная организация предложения.

Структуру пропозиции определяет предикат, который несет в себе существо «положения дел» — признак предмета или отношение между предметами; он указывает определенные места для предметов — участников «положения дел» (актантов), определяет их количество и роли.

При классификации пропозиций учитываются два взаимосвязанных признака: 1) семантическая природа предиката; 2) количество актантов при нем и их роли. В связи с этим оказываются актуальными исследования лексической семантики слов предикатного типа<sup>1</sup>, выделение семантических признаков классов существительных, т. е. «семантических маркеров» (одушевленность ~ неодушевленность, конкретность ~ абстрактность и т. п.), которые существенны для определения ролей актантов, а также исследования семантики падежных форм существительных, помогающие установлению ролей актантов при многоместных предикатах<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Попытка их обобщения и синтаксической интерпретации содержится в кн.: *Семантические типы предикатов*. М., 1982.

<sup>2</sup> Внимание к ролевой структуре падежных форм (актантов) сближает семантический синтаксис с учением о диатезе и залоге, активно разрабатываемым в отечественной лингвистике на материале разных языков (см.: *Диатезы и залоги*. Л., 1975; *Проблемы теории грамматического залога*. Л., 1978).

Предикаты могут быть нульместными, одноместными и многоместными (двухместными, трехместными и четырехместными); ср.: *Холодаёт*; *Река замёрзла*; *Профессор руководит аспирантами*; *Он подарил другу рюкзак*; *Они перенесли сундук из дома в сарай*. Их валентные свойства связаны с семантическими, определяются ими. Так, предикаты состояния и характеристики лица, животного или предмета (неактивные) одноместны. Их единственный актант всегда имеет значение субъекта состояния: *Он тревожится (тревожен, в тревоге)*; *У него накипело на сердце*<sup>1</sup>; *Ему холодно*. Предикаты, называющие состояние окружающей среды, нульместны, т. е. не прогнозируют актантов: *Светает*; *Заря*; *Морозно*; *Идёт дождь*. Предикаты активного действия могут обозначать процессы, т. е. действия, не направленные на изменение ситуации, в которой они протекают: *Дети бегают*; *Все работают* — в этом случае они одноместны; а могут обозначать события, т. е. действия, направленные на изменение ситуации, предполагающие «исходное» и «завершающее» ее состояние: *Художник нарисовал картину*; *Мы сажали капусту*; *Я взял у соседа книгу* — в этом случае они многоместны. Количество мест также зависит от семантики предиката, равно как и от роли актантов. Так, предикаты со значением давания ~ получения трехместны; они предполагают производителя действия (агенса), предмет передачи (объект, или пациент) и адресата действия: *Сосед дал мне книгу*.

## § 60. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОПОЗИЦИЙ

Поскольку в понятии пропозиции объективное содержание предложения рассматривается в отвлечении от всего субъективного его содержания, и прежде всего от предикативного оформления предложения, а также в отвлечении от той направленности, какую ему дает та или иная формальная организация предложения, то

<sup>1</sup> Наличие двух существительных в предложении *У него накипело на сердце* не свидетельствует о наличии в пропозиции двух актантов, а служит для детализации обозначения субъекта состояния: словоформа *на сердце* указывает на то, что субъектом состояния является человек как личность, носитель сознания. Такое раздвоение обозначения одного актанта — частое явление: *У меня горло (в горле) болит*; *У детей замёрзли ручонки*; *У всех стало хорошо на душе*.

учение о пропозиции предполагает, что пропозиция может быть выражена разными способами. Принципиально различны два способа синтаксического выражения пропозиции: предикативной конструкцией и непредикативной конструкцией.

1. Пропозиция, оформленная как предикативная конструкция и одновременно снабженная всеми другими необходимыми субъективными значениями, сопровождающими предикативность,— это предложение. Так как пропозиция не включает в себя тех интерпретационных значений, стилизующих объективное содержание предложения, какие идут от его формальной организации, то одна и та же пропозиция может быть оформлена предложениями нескольких формальных образцов. Так, пропозиции с одноместным или двухместным предикатом, имеющим значение активного целенаправленного действия, могут быть выражены предикативной конструкцией одного из четырех образцов:  $N_1V_f$ ,  $V_{p13}$ ,  $Inf$ ,  $Cop_fN_1$ . Ср.: *Здесь он работает.— Здесь работают.— Здесь ему работать.— Здесь у него работа; Утром он разносит газеты.— Утром разносят газеты.— Утром ему разносить газеты.— Утром у него разноска газет.* Пропозиции с одноместным предикатом характеризующей семантики могут быть оформлены по схемам  $N_1CopAdj_{1/1/5}$ ,  $N_1CopN_{1/5}$ ,  $N_1V_5$ ; ср.: *Он лжёт.— Он лживый.— Он лгун; Он хромой.— Он хромает; Он хороший.— Он хоросяк.*

Разнообразно предикативное оформление пропозиций с одноместным предикатом, имеющим значение состояния. Это значение передается словами разных грамматических классов (прилагательными и глаголами, а также существительными, преимущественно отглагольными и отадъективными), а потому для выражения таких пропозиций могут быть использованы как связочные, так и глагольные структурные схемы предложений разных видов. Границы возможного варьирования предикативного оформления определяются конкретным значением предиката, а также тем, какой круг слов способен передать это значение и каковы грамматические свойства этих слов; ср.: *Морозит.— Морозно.— Мороз; Вокруг тихо.— Вокруг тишина; Он тяжело болен.— Он тяжело болеет.— У него тяжёлая болезнь; Он печален.— Он печалится.— Он в печали.— У него на душе печально.— У него на душе печаль.*

Варьирование предикативного оформления пропози-

ции не бесконечно: типы пропозиций и структурные схемы предложений определенным образом связаны. Во-первых, не любая структурная схема предложения может служить образцом для предикативного оформления того или иного класса пропозиций. Так, по схеме  $V_{S3/n}$  не могут быть оформлены пропозиции с предикатами, имеющими значение активного целенаправленного действия. Предложения *Бежит*; *Работает*; *Пишет книгу*; *Строит дом*; *Косит траву* могут существовать лишь в условиях эллипса, являясь неполным воспроизведением схемы  $N_1V_f$ . Ср.: *Больного лихорадит* — предложение, построенное по схеме  $V_{S3/n}$  и выражающее пропозицию с одноместным предикатом, имеющим значение состояния; *Крышу сорвало ветром* — предложение, построенное по той же схеме и выражающее пропозицию с двухместным предикатом, имеющим значение нецеленаправленного стихийного действия.

Во-вторых, из ряда структурных схем предложений, которые могут служить образцами для предикативного оформления того или иного класса пропозиций, выделяются такие, которые реализуют эту возможность наиболее часто, наиболее эксплицитным образом и при минимуме ограничивающих условий, а потому являются типичным оформителем данного класса пропозиций. Так, типичным оформителем пропозиций с одноместным или многоместным предикатом, имеющим значение целенаправленного действия, является схема  $N_1V_f$ : *Здесь он работает*; *Утром он разносит газеты*. Типичным оформителем пропозиций с одноместным предикатом характеризующей семантики являются схемы  $N_1Cop_fAdj_{f/1/b}$ ,  $N_1Cop_fN_{1/5}$ : *Он лживый*; *Он лгун*. Однако для некоторых классов пропозиций (в частности, для пропозиций с предикатами состояния) найти типичный образец предикативного оформления затруднительно. Возможности варьирования предикативного оформления пропозиций со значением состояния в русском языке очень широки, и в качестве определяющих факторов выступают грамматические свойства лексических выражителей предиката.

Оформление пропозиции предикативной конструкцией можно считать первичным способом ее выражения, так как в нем проявляется симметрия между смысловой и формальной организацией предложения: образованное таким образом предложение и по объективному содержанию и по грамматическому

оформлению представляет собой простую — моиопропозитивную и монопредикативную — структуру.

2. Пропозиция может быть оформлена непредикативной конструкцией: деепричастной, инфинитивной, причастной, адъективной или субстантивной. Оформление пропозиции непредикативной конструкцией является вторичным способом ее выражения. Такая пропозиция не может составить предложения; она сливается с другой пропозицией, получающей предикативное оформление, и включается в образующееся на основе этой пропозиции предложение, осложненная тем самым его смысловую организацию. В результате возникает асимметрия между смысловой и формальной организацией предложения: простое по грамматическому оформлению предложение приобретает сложное объективное содержание (в нем выражаются две или более пропозиции), оно несет в себе свойства монопредикативности и полипропозитивности.

Так, в предложении *Помолчав, рассказчик заговорил снова* выражаются две пропозиции с одноместными предикатами и с одним общим для них актантом (*рассказчик*), который в обеих пропозициях выполняет одну и ту же роль агента. В предложении *Все уговаривали её петь* выражены две пропозиции, одна из которых двухместная (она выражена предикативной конструкцией), а вторая — одноместная (она выражена непредикативной конструкцией — инфинитивом), причем обозначенный местоимением *она* второй актант первой пропозиции (объект, пациент) является и актантом второй (в ней он выступает как агент).

Наличие общего актанта у «склеенных» пропозиций — обязательное условие создания полипропозитивного предложения при выражении второй пропозиции деепричастной или инфинитивной конструкцией, а также адъективной и причастной: *Остроумный, он был отличным рассказчиком; Многое повидавший, он был отличным рассказчиком.*

При выражении пропозиции непредикативной субстантивной конструкцией общность актантов не является обязательным условием. Так, в предложениях *Мы опоздали из-за дождя; После отъезда Ивана Ивановича мы переселились в другой дом* две пропозиции передают события, не имеющие общих участников (ср.: *Был дождь. Мы опоздали; Уехал Иван Иванович. Мы переселились в другой дом*).

Анализ способов выражения пропозиции, и в частности различие предикативного и непредикативного ее оформления, показывает, что между смысловой и формальной организацией предложения нет полной симметрии. Являясь всегда монопредикативной единицей, простое предложение может быть монопропозитивным или полипропозитивным. Полипропозитивное предложение по смысловой организации подобно сложному предложению: оно выражает не одно «положение дел», а несколько «положений дел», связанных тем или иным образом.

Совершенно очевидно, что анализ смысловой организации полипропозитивного предложения составляет особую задачу семантического синтаксиса, но задача эта вторична, так как ее решение должно основываться на результатах анализа монопропозитивных предложений, выявление семантических типов которых составляет первичную задачу. Полипропозитивное предложение — это синтаксическое построение, в «склеенном» виде содержащее сразу несколько пропозиций, каждая из которых может быть выражена предикативной единицей, т. е. монопропозитивным предложением.

## § 61. ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОПОРОЙ НА ПОНЯТИЕ ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Другой тип анализа связывает смысловую организацию предложения с его формальной организацией. Это направление выдвинуло понятие семантической структуры предложения.

Семантическая структура предложения — это содержание предложения, представленное в обобщенном, типизированном виде с учетом тех элементов смысла, которые сообщают ему форму предложения.

Отправной точкой при анализе, опирающемся на понятие семантической структуры предложения, является структурная схема предложения: семантические структуры ищутся в пределах предложений, оформленных по одной схеме. Важнейшим вопросом для этого направления является вопрос о вкладе формальной организации предложения (структурной схемы) в его смысловую организацию — о схемной семантике.

Структурные схемы предложений различаются своим семантическим потенциалом: 1) по тому, как они обозначают отражаемое предложением объективное содержание; 2) по тому, что они обозначают, какое именно объективное содержание они способны выразить.

Первая сторона схемной семантики — и н т е р п� е т а ц и о н н а я — была предметом внимания ученых с давних времен. Интерес к смыслу предложения долгое время ограничивался именно этой его стороной. Было замечено, что разные формальные классы предложений по-разному изображают действительность, и были выявлены различающие их элементы смысла. Наблюдения лингвистов прошлого легли в основу современных характеристик интерпретационных свойств структурных схем предложений — той «грамматической проекции», которую они дают объективному содержанию предложения. Так, установлено, что каждая из глагольных структурных схем по-своему интерпретирует обозначаемое в предложении действие, изображая его в том или ином ракурсе. Схема  $V_{s3/n}$  вносит в это изображение семантический признак дезагенсивности действия — его нецеленаправленности, непроизвольности, несвязанности с сознательной деятельностью человека: *Его носило по свету* (ср.: *Он носился по свету*). Схема  $V_{plz}$ , напротив, изображает действие как сознательное, целенаправленное и потому исходящее обязательно от человека, но в отвлечении от его производителя, оставляя лицо, от которого исходит действие, «за кадром»: *За стеной поют* (ср.: *За стеной соседи поют*). Схема  $I_{nf}$  не дает специфической интерпретации объективному содержанию предложения, но осложняет смысл предложения тем, что сообщает изображаемому действию специфически широкое, недифференцированное модальное значение поворота от ирреальности к реальности, на основе которого при определенных условиях (вид глагола, утвердительность ~ отрицательность, вопросительность ~ невопросительность и др.) складываются более конкретные модальные значения инфинитивных предложений: *Ему доклад готовить* (ср.: *Он будет доклад готовить*).

Вторая сторона схемной семантики — о г р а н и ч е н и е с о д е р ж а н и я, передаваемого предложениями, построенными по данной структурной схеме,— связана с первой и зависит от нее. Не любое «положение дел» может быть интерпретировано тем или другим образом. Очень показательно в этом отношении сопоставление

схем  $V_{s3/n}$  и  $V_{p13}$ . Поскольку схема  $V_{s3/n}$  вносит в изображение действия дезагенсивность, она может быть применена для обозначения таких ситуаций, которые допускают эту интерпретацию. Такая интерпретация естественна при изображении ситуаций, вообще не связанных с чьими-либо действиями: *Рассвело; Вечереет*; ситуаций, связанных с действиями стихийных или неясных сил: *Зажгло грозою дерево; Машину трясло и подбрасывало; В проводах гудит*; ситуаций, связанных с состояниями человека: *У него в боку колет; Мне взгрюстнулось*. Но она невозможна при изображении активных сознательных действий человека, а потому невозможны построенные по этой схеме предложения типа «*Рисовало*»; «*Спешило на автобус*»; «*Хвалило фильм*».

Активная человеческая деятельность в предложениях, построенных по этой структурной схеме, может быть изображена лишь в двух случаях: 1) если предметом изображения является не собственно активная деятельность сознательного субъекта, а состояние расположенной или нерасположенной к ней: *Не писалось; Здесь хорошо работает*; 2) при неясности для говорящего того, кто этот активно действующий субъект.

Схема  $V_{p13}$  предполагает изображение сознательных целенаправленных действий, совершаемых человеком, а потому в предложениях, построенных по этой схеме, не могут быть переданы ситуации, не связанные с деятельностью человека.

Изобразительные возможности структурных схем предложений различны. Наиболее широки они у схемы  $N_1 V_1$ . Предложения, построенные по этой схеме, могут передавать самые разные «положения дел» и вступать в синонимические отношения с предложениями, построенными по другим структурным схемам.

Определяя то, какие ситуации могут, а какие не могут быть отражены предложениями, построенными по той или иной структурной схеме, схемная семантика тем самым определяет о т б о р л е к с и к и, способной заполнять ее позиции, прежде всего позицию предикативного центра.

Так, схема  $V_{p13}$  не допускает употребления в открываемой ею позиции предикативного центра глаголов, обозначающих действия и состояния, не связываемые с человеком (ср. невозможность образования по этой схеме предложений с глаголами типа *годиться, зазеленеть, отразиться, случаться, состоять из*).

Влияние схемной семантики на лексическое наполнение образуемых на ее основе предложений проявляется также в том, что она вызывает сдвиги в значении слов, заполняющих позицию предикативного центра. Так, в составе схемы  $\text{Cop}_{\text{s3/n}} \text{Adj}_{\text{fs/n}}$ , по которой строятся предложения, передающие разнообразные состояния, могут употребляться не только слова, для которых значение состояния обычно, но и такие, которые получают это значение лишь в составе предложений данного образца; см. значения выделенных слов в предложениях *Страшно так и храбро, особенно коли молодые офицерки с пистолетами в руках один против другого палят за которую-нибудь (Д.)*; *От пихт и елей в горнице темней, скучней, старинней (Бун.)*.

### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976. С. 5—20, 205—356.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 43—48.
- Гак В. Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
- Москальская О. И.* Вопросы синтаксической семантики // Вопр. языкоznания. 1977. № 2.
- Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса. 2-е изд. М., 1981. § 2, 5.
- Общее языкоzнание: Внутренняя структура языка.* М., 1972. С. 290—320.
- Русская грамматика.* М., 1980. Т. 2. С. 123—136.
- Семантические типы предикатов.* М., 1982. С. 7—85.
- Шведова Н. Ю.* Место семантики в описательной грамматике // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
- Шведова Н. Ю.* О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкоzнание. М., 1973.
- 
- Алисова Т. Б.* Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // Вопр. языкоzнания. 1970. № 2.
- Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М., 1971.
- Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
- Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958. С. 289—295, 305—329.
- Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 140—157.
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Ломтев Т. П.* Структура предложения в современном русском языке. М., 1979. С. 64—99.
- Сусов И. П.* Семантическая структура предложения: На материале простого предложения в современном немецком языке. Тула, 1973.

*Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Рус. язык за рубежом. 1983. № 1.*

*Шмелева Т. В. Смысл предложения и семантика минимальной структурной схемы // Рус. язык за рубежом. 1978. № 5.*

*Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. Гл. 6.*

## Глава 8

### ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

#### § 62. ТРАДИЦИОННОЕ УЧЕНИЕ О ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ

В современной науке учение о членах предложения не занимает того места, какое оно занимало в прошлом. В свете новых идей реальное предложение понимается как реализация структурной схемы путем наполнения ее лексическим материалом и, если объем предложения превышает объем схемы, путем распространения за счет введения неконститутивных (не прогнозируемых структурной схемой) компонентов. Компоненты, входящие в структурную схему предложения, характеризуются по их морфологической форме, иногда по форме и значению. Неконститутивные компоненты предложения, представленные в речевых предложениях, дифференцированных характеристик не получают. «Русская грамматика» среди них различает только два класса: присловные распространители компонентов схемы предложения (и распространители распространителей) и детерминанты, которые трактуются как распространители предложения в целом.

Между тем традиционное учение о членах предложения при всех своих несовершенствах, бывших постоянным предметом критических раздумий и разноречивых поправок, представляет такой аспект информации о компонентах предложения, который в современных синтаксических описаниях отсутствует.

Традиционные категории членов предложения воплощают дистрибутивно-функциональный подход к компонентам предложения. Учение о членах предложения ориентировано на выделение таких классов компонентов предложения, которые однородны по своим синтаксическим связям и конструктивной роли в предложении; за этим стоит понятие синтаксической позиции, которое не утратило своей значимости и в наши дни.

Однако традиционное учение о членах предложения уже не может быть непосредственно принято в том или ином из своих многочисленных вариантов. Оно не может вписаться в современную науку, потому что его фундаментальные основания расходятся с современными научными представлениями. Традиционное учение о членах предложения строилось на основе идеи о симметричности формальной и смысловой организации предложения. В соответствии с этим члены предложения выделялись по комплексу формальных и смысловых признаков. Так, подлежащее характеризовалось как член предложения, имеющий форму именительного падежа существительного, с которым согласуется сказуемое (формальный признак), и как член предложения, обозначающий носителя признака, выраженного сказуемым (смысловой признак). Между тем эти признаки далеко не всегда симметричны: с одной стороны, есть случаи, когда выделяемое на формальном основании подлежащее не имеет приписываемого ему смысла: *Всех охватило волнение; Им овладела тревога;* с другой — этот смысл выражается формами косвенных падежей в предложениях, не содержащих позиции формального подлежащего (весьма разнообразных и частотных в русском языке): *У мальчика ангина; На душе у него тоскливо; Нам выходить на следующей остановке; Не сказано лишнего слова, наружу не выдано слёз* (Н.). За последнее время языкознание обогатилось многими сведениями о строении предложения, которые утвердили как фундаментальное положение об асимметричности формальной и смысловой организации предложения. Следовательно, речь может идти лишь о сохранении того направления синтаксического анализа, которое воплощено в традиционном учении о членах предложения. Задача состоит в том, чтобы на основе традиционной идеи о разнородности компонентов предложения в дистрибутивном и функциональном аспектах, о синтаксической позиции создать учение о членах предложения, отражающее современный уровень знаний об организации предложения.

Для учения о членах предложения основополагающее значение имеет мысль о том, что предложение обладает определенной организацией как предикативная единица и как номинативная единица: оно имеет предикативный минимум того или иного состава (минимальную схему) и номинативный мини-

мум (расширенную схему). Члены предложения должны выделяться с учетом их вхождения или невхождения в предикативный и номинативный минимум, а также их роли в составе того и другого. При выделении членов предложения должны также учитываться, как это делалось в традиционном учении о членах предложения (хотя и не вполне логически организованно), синтаксические связи и смысловые отношения, в которых находятся друг с другом компоненты предложения.

Таким образом, член предложения может быть определен как класс компонентов предложения (форм слов и сочетаний форм слов), характеризующихся одинаковыми свойствами трех родов: 1) одинаковой функцией в создании предикативного минимума предложения; 2) одинаковой функцией в создании номинативного минимума предложения; 3) одинаковыми синтаксическими связями и семантическими отношениями с другими членами предложения.

Опираясь на традицию и современные учения о структурной схеме и смысловой организации предложения, можно представить систему членов предложения следующим образом.

Все члены предложения делятся на **участвующие** и **не участвующие в создании предикативного минимума** предложения. Предикативный минимум предложения есть основа его конструкции. Выделение членов предложения, входящих в предикативный минимум, и понимание их особой конструктивной значимости составляет традицию синтаксиса, закрепленную удачным термином **главные члены предложения**.

### § 63. ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Члены предложения, входящие в его предикативный минимум (главные), по своей функции делятся на два класса: 1) несущие в себе предикативные категории, составляющие предикативный центр предложения; 2) не несущие предикативных категорий, а определяющие форму предикативного центра по согласовательным категориям числа и рода (лица).

1. К первому классу — носителям предикативности — относятся те члены предложения, которые в синтаксической традиции принято называть склоня-

зуемым и главным членом односоставного предложения. Они составляют как бы вершину предложения.

Общность функции этих членов предложения объясняет общность в их структуре. Являясь носителями предикативных категорий, они содержат в своем составе спрягаемую форму глагола или связку, которая и выражает предикативные категории своим морфологическим аппаратом, а также своим значимым отсутствием, если она нулевая. Исключение составляют предложения со сказуемым-инфinitивом и с главным членом — infinitivom: *Ему уходить; Он — уходить*, а также со сказуемым — глагольным междометием: *Воз бух в канаву*. Эти глагольные формы в такой функции обладают способностью, подобно спрягаемым формам, выражать предикативные категории, причем имеют совершенно специфические модально-временные (и аспектуальные) значения.

У сказуемого и главного члена односоставного предложения одни и те же типы: 1) спрягаемо-глагольный, простой и сложный (с одними и теми же видами осложнения); ср.: *Он работает (начал работать, может работать, может начать работать)* и *Машину трясёт (начало трясти, может трясти, может начать трясти)*; 2) infinitivnyy; ср.: *Она плакать и Ей плакать, ему смеяться;* 3) именной, всегда составной (и когда это сказуемое, и когда это главный член односоставного предложения); ср.: *Он был весел (стал весел) и Ему было весело (стало весело)*. В составе связок и форм присвязочного имени в сказуемом и главном члене односоставного предложения обнаруживаются лишь незначительные различия.

Различие между главным членом односоставного предложения и сказуемым — в дистрибуции: главный член односоставного предложения — абсолютное определяемое предложения, сказуемое же связано с непредикативным главным членом — своим «партнером» по минимальной схеме. Это различие отражается в разном оформлении главного члена односоставного предложения и сказуемого: форма первого невариативна, она жестко определена по числу, роду (лицу); форма второго вариативна и отражает формы числа и рода (лица) непредикативного главного члена (или его неохарактеризованность по этим категориям).

2. Ко второму классу относятся непредикативные главные члены, которые входят в предикативный

минимум предложения и участвуют в его оформлении (но не являются носителями предикативности): они диктуют сказуемому формы числа и рода (лица). Эта характеристика определяет непредикативные главные члены по их функции в создании предикативного минимума предложения и одновременно по их дистрибутивным свойствам (по наличию связи со сказуемым).

По своей морфологической природе непредикативные главные члены предложения подразделяются на субстантивный и инфинитивный. Субстантивный непредикативный главный член является «партнером» сказуемого в номинативных двухкомпонентных схемах предложения; он имеет форму именительного падежа или эквивалентную ей форму существительного либо словосочетания, включающего существительное: *Пришли гости; Пришли сосед с соседкой; Пришли пять человек; Пришло около ста человек; Не пришло ни одного человека.* При употреблении в этой функции словоформ несубстантивной природы у них проявляются свойства существительного: *В разговорах детей звучит поисковое «почему?» и целеполагающее «зачем?»; Смешное встречается на каждом шагу.* Выделение субстантивного непредикативного главного члена предложения имеет традицию, которая закрепила за ним название подлежащего. Специфическая черта подлежащего в его основном виде (форма именительного падежа существительного) в том, что он находится во взаимозависимости со сказуемым: определяет форму сказуемого со стороны согласовательных категорий и сам по требованию сказуемого имеет форму именительного падежа.

Инфинитивный непредикативный главный член является «партнером» сказуемого в инфинитивных двухкомпонентных схемах предложения. Его синтаксическая связь со сказуемым имеет односторонний характер: сказуемое отражает его неохарактеризованность по категориям числа и рода (лица), получая служащую для этого форму единственного числа среднего рода или 3-го лица: *Следует принять срочные меры; Нужно будет торопиться; Нельзя было останавливаться.*

Все члены предложения, входящие в его предикативный минимум, входят и в номинативный минимум и являются конститутивными, участвуя в смысловой организации предложения. Но их роль в смысловой органи-

зации различна: сказуемое и главный член односоставного предложения выполняют специфическую, только им свойственную функцию — являются предикатами, а подлежащее является одним из актантов при предикате или, что гораздо менее типично, входит в состав перифрастического выражения предиката; ср.: *Войска овладели крепостью*. — *Им овладело беспокойство* (П.). В этом отношении функция подлежащего не отличается от функции других предметных имен, выраженных формами косвенных падежей имени. Специфика подлежащего, выделяющая его из числа всех субстантивных компонентов предложения, — в его конструктивной роли в составе предикативного минимума.

Роль инфинитивного непредикативного главного члена в смысловой организации предложения специфична: он вместе со своими распространителями обозначает ситуацию, в то время как сказуемое выражает ее оценку или квалификацию. В двухкомпонентных инфинитивных предложениях объективное содержание (пропозиция) выражается инфинитивным членом с зависящими от него членами, если они есть; сказуемое же в них выражает субъективные (модальные или оценочные) значения: *Ему нужно (следует, нельзя, целесообразно, хорошо) уехать* (ср.: *Он уезжает*); *Каждому надо (хотется, свойственно) иметь друзей* (ср.: *Каждый имеет друзей*).

## § 64. НЕГЛАВНЫЕ КОНСТИТУТИВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Члены предложения, не входящие в его предикативный минимум (неглавные), делят по их вхождению или невхождению в номинативный минимум на два класса: 1) члены предложения, участвующие в создании номинативного минимума (конститтивные); 2) члены предложения, не участвующие в создании номинативного минимума (неконститтивные). Конститтивные члены предложения, в свою очередь, делят на предметные имена (актанты) и конститтивные определители предиката.

1. Предметные имена (актанты) обозначают участников события, называемого в предложении. Они имеют, в отличие от подлежащего, которое семантически с ними однородно, формы косвенных падежей. По значению, т. е. по характеру смысловых отношений

с предикатом, актанты могут быть субъектными («левые» актанты) или объектными («правые» актанты). Первым свойственны значения носителя состояния (агенса) или другие значения этого рода: *Вам не видать таких сражений* (Л.); *Работа выполнялась мастером высокой квалификации*; *Ему вспомнилось детство*; *Вам отсюда всё будет видно*; *Всем было интересно*; *У бригады новые успехи*; *С больным обморок*. Вторым свойственны значения объектов разного рода (ближайшего объекта, адресата, орудия и др.): *Все хвалят новый кинофильм*; *Студенты занимаются спортом*; *Он рассказал обо всём другу*; *Задумайтесь над этой притчей*; *Он показал головой*.

Предметные актанты зависят от предиката — скажуемого либо главного члена односоставного предложения — или (что гораздо менее типично) от перифразистически выраженного предиката, включающего субстантивный компонент той или иной формы: *Меня взяла досада*; *Он бросил взгляд на собеседника*.

Падеж субъектного актанта определяется значением и формой выражения предиката, а в отдельных случаях — характером самого субъектного значения; ср.: *У неё беда*.—*С ней беда*. Падеж объектного актанта определяется предикатом, как правило, в порядке предсказующей обязательной связи.

Противопоставленность субъектных и объектных значений предметных имен в некоторых конструкциях отсутствует, и предметное имя получает недифференцированное субъектно-объектное значение, специфическое для данной конструкции. Таково, например, агентивно-орудийное значение формы творительного падежа существительного в предложениях типа *Зажгло грозою дерево* (Н.); *Нас несло течением*; *Ветром сорвало крышу*.

2. Непредметные конститутивные определители предиката, не обозначая участников события, дают необходимые для информативной достаточности предложения характеристики предиката. По ориентации их значения на характеристику предиката со стороны агensa или отсутствию такой ориентации они делятся на две группы, которые условно могут быть названы «левыми» и «правыми» определителями предиката.

«Левые» определители предиката, не называя непосредственно агensa, дают, однако, предикату характеристи-

стику именно с этой стороны. Они имеют место в предложениях, построенных по схемам  $V_{\text{р13}}$  и  $V_{\text{fs/n}}$ . В роли «левых» определителей предиката выступают предложно-падежные формы с локальным или темпоральным значением, а также наречия той же семантики: *В газетах писали о полётах в космос; Из райкома позвонили; На охоте, как на войне, не перечат; Вокруг засмеялись; В юности часто стремятся кому-нибудь подражать; Над головой загудело, завыло; В боку колет*. «Левые» определители предиката соединены с главным членом предложения необязательной непредсказующей связью.

«Правые» определители предиката дают ему необходимые для информативной достаточности предложения характеристики со стороны локальной, темпоральной или квалификативной. Они выражены падежными (предложно-падежными) формами или наречиями: *Они поселились за городом; Мы проговорили около часа; Он плохо себя чувствовал*. «Правые» определители предиката соединены со сказуемым или главным членом односоставного предложения обязательной связью.

## § 65. НЕКОНСТИТУТИВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Неконститтивные члены предложения факультативны; их наличие или отсутствие не влияет ни на строение предложения как предикативной единицы, ни на его системную организацию как номинативной единицы. Так, в предложении *На дворе соседские дети ловко лепят снеговика*, смысловая организация которого предполагает соотнесенность трех типизированных элементов смысла: целенаправленное действие, его агент и пациент,— номинативный минимум образуют словоформы *дети, лепят, снеговика*. Словоформы *на дворе, соседские, ловко* не входят в предикативный минимум предложения и не имеют значений, являющихся необходимыми слагаемыми смысловой организации данного предложения, а потому не входят и в его номинативный минимум, т. е. являются неконститтивными. Для предложения как единицы языка такие компоненты несущественны; их значения лишь обогащают содержание предложения, не участвуя в формировании его семантического типа.

Неконститутивные члены предложения могут быть соединены с любым из главных или неглавных конститутивных членов предложения необязательной связью.

Среди неконститутивных членов предложения следует различать члены, относящиеся к предикату (сказуемому или главному члену односоставного предложения) и относящиеся к другим членам предложения.

Неконститутивные определители предиката представляют собой падежные (предложно-падежные) формы существительных, наречия либо инфинитивы с различными обстоятельственными значениями: *Они допоздна дружно работали в саду; По вечерам он температурит; Он приехал сюда отдохнуть; Из-за дождя прогулки не было; Для детей соорудили качели*. По форме и смысловым отношениям с предикатом они вполне совпадают с рассмотренными выше конститутивными определителями предиката. Различаются эти члены предложения тем, что конститутивные определители предиката входят в номинативный минимум предложения (без них предложение не может выполнить своей номинативной функции и быть содержательным сообщением), неконститутивные же определители факультативны; ср.: *Они очутились в саду.— Они работали в саду.*

Формы и значения неконститутивных непредикатных определителей более разнообразны. Они зависят от грамматических и семантических свойств членов предложения, к которым относятся неконститутивные члены. При субстантивных членах предложения возможны неконститутивные члены, присоединяющиеся на основе предсказующей (согласование) или непредсказующей связи; ср.: *нарядная дама — дама с собачкой*. Во всех других случаях неконститутивные члены присоединяются к членам предложения на основе непредсказующей связи.

Синтаксически значимо противопоставление среди неконститутивных определителей предиката компонентов с характеризующим и ситуативным значением; ср.: *Работали дружно.— Допоздна работали в саду*. Характеризующие определители выражаются качественными и количественными наречиями, наречиями образа действия и соответствующими им по значению падежными (предложно-падежными) формами; ситуативные — обстоятельственными наречиями и семантически соотносительными с ними падежными

(предложно-падежными) формами. Разница в их синтаксическом поведении состоит в том, что первые более тесно связаны со сказуемым или главным членом односоставного предложения, примыкают к нему непосредственно, определяя само глагольное действие (большинство из них возможны только при глагольных предикатах); вторые связаны со сказуемым или главным членом односоставного предложения менее тесно, определяя его в последнюю очередь, т. е. они относятся ко всему комплексу «предикат + конститтивные и неконститтивные члены, зависящие непосредственно от него»; ср.: *У окна отец читает газету*; *В тот год зима запоздала*; *Мы простились перед моим домом*; *В эту минуту за его спиной раздался гудок автомобиля*; *Вечером здесь бывает шумно*.

Широкую популярность получила мысль В. В. Виноградова о том, что члены предложения, названные выше неконститтивными ситуативными определителями предиката, являются «распространителями предложения». Эта мысль была развита Н. Ю. Шведовой в учение о детерминантах.

В учении о детерминантах нашли выражение верные наблюдения о том, что в предложении существуют члены, связанные с его предикативным центром, которые 1) не обусловлены его грамматической формой или лексическим значением; 2) не непосредственно относятся к нему, а определяют его вместе с непосредственно относящимися к нему членами. Необусловленность грамматической формой или лексическими свойствами предикативного центра предложения проявляется в том, что такие члены могут входить в состав предложений, построенных по разным структурным схемам; ср.: *Сегодня идёт дождь*.—*Сегодня потеплело*.—*Сегодня снег*.—*Сегодня ему уезжать*.—*Сегодня холодно*; *В городе ждут гостей*.—*В городе шумно*.—*В городе никого не найти*.—*В городе праздник*.—*В городе построено много высотных домов*. Возможность или невозможность появления таких компонентов предложения связана лишь с обобщенными семантическими свойствами предикативного центра и смысловой организацией предложения. Так, при сказуемом или главном члене односоставного предложения со значением нецеленаправленного действия или состояния невозможны ситуативные определители с целевым значением.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977. С. 141—143.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 624—633.
- Распопов И. П. О так называемых детерминирующих членах предложения // Вопр. языкоznания. 1972. № 6.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 249—252.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 37—46.
- Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопр. языкоznания. 1964. № 6.
- Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // Вопр. языкоznания. 1968. № 2.

### Глава 9

## КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

### § 66. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение, рассматриваемое со стороны его коммуникативной организации, принято называть выскаживанием. В качестве высказывания предложение, во-первых, квалифицируется как отдельная коммуникативная единица в устной речи определенными интонационными сигналами (интонация законченности), а в письменной речи — отделяющими знаками (точка, вопросительный или восклицательный знак); во-вторых, в нем становится возможно актуальное членение — смысловое членение, существенное для данного контекста или ситуации. Актуальное членение предложения соответствует коммуникативному заданию: оно организует предложение для передачи актуальной информации, т. е. того аспекта вещественной информации (связанной с лексическим наполнением и формальной организацией предложения), который составляет суть данной коммуникации и ради сообщения которого данная коммуникация и должна состояться.

Учение об актуальном членении предложения создано чешским ученым В. Матезиусом в 20—30-е годы XX в.

Первым высказал мысль о существовании закономерностей формирования предложения, связанных с его коммуникативной функцией в речи, французский ученый А. Вейль в 1844 г. в книге о порядке слов в древних языках в сравнении с порядком слов в современных языках.

В конце XIX в. эта мысль получила психологическую интерпретацию: были введены понятия «психологическое сказуемое» и «психологическое подлежащее». В отечественном языкоznании эту идею выразил Ф. Ф. Фортунатов<sup>1</sup>.

Учение об актуальном членении было значительным шагом в исследовании организации предложения. В. Матезиус сделал открытие, показав, что явление, в котором видели психологическую природу, в действительности есть явление лингвистическое. Он определил основные понятия учения об актуальном членении предложения и ввел новые, не имеющие психологической окраски термины: «высказывание», «актуальное членение» и др. Идея актуального членения предложения получила широкое распространение в мировой лингвистике<sup>2</sup>.

Актуальное членение предложения б и н а р н о. В соответствии со своим коммуникативным заданием предложение членится на тему и рему<sup>3</sup>. Определяя тему, исследователи отмечают три ее признака: 1) тема — «исходный пункт высказывания»<sup>4</sup>, «отправная точка для передачи актуальной информации»<sup>5</sup>; 2) она актуально менее значима, чем рема; 3) это часть предложения, которая обычно дана, известна, предопределена предшествующим контекстом, является носительницей «данного», элементом, соединяющим высказывание с предшествующим текстом. Соответственно при определении ремы отмечается: 1) она содержит «то, что сообщается о теме»<sup>6</sup>; 2) она актуально более значима, чем тема: в соотнесении ее с темой выражается актуальная информация<sup>7</sup>; она «заключает в себе основное содержание сообщения и является коммуникативным центром высказывания»<sup>8</sup>; 3) она обычно является носительницей

<sup>1</sup> См.: Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Избр. труды. М., 1957. Т. 2.

<sup>2</sup> Для обозначения данного явления употребляются и иные термины: «смысловое членение», «коммуникативное членение», «контекстуальное членение», «функциональная перспектива предложения» и др. Они отражают некоторые различия в понимании существа явления. В славянском языкоznании наиболее употребителен термин «актуальное членение».

<sup>3</sup> В. Матезиус обозначил компоненты актуального членения предложения терминами, которые на русский язык переведены словами «основа» и «ядро». Позднее исследователи предложили ряд других терминов, в которых отражается разный подход к данному явлению, но основные понятия, стоящие за этими терминами, одни и те же. Наиболее употребительны термины «тема» и «рема».

<sup>4</sup> Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 6.

<sup>5</sup> Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966. С. 20.

<sup>6</sup> Ковтунова И. И. Современный русский язык. С. 7.

<sup>7</sup> Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. С. 22.

<sup>8</sup> Ковтунова И. И. Современный русский язык. С. 7.

«нового». Например, в данных предложениях тема предшествует реме (граница актуального членения показана чертой): *Ветра / — точно на свете никогда не было* (Т.); *Море / — смеялось* (М. Г.); *Осина эта / — была мастерской дятла* (Пр.); *К полудню / опять парило... Перед закатом / становилось ясно* (Бун.); *На пароходе / уже давно тишина. Тихо / и на рейде* (Бун.); [Я пишу отрывисто не потому, что у меня такой стиль]; *отрывисты / воспоминания* (Шкл.); *А мечтал он / о лесной хижине, о жизни в лесу* (Сол.). В следующих предложениях рема предшествует теме: *Стала ярче / бесконечная россыпь звёзд* (Андр.); *Синими переливами / играл утренний свет* (Ш.); *Целые сутки / не выходил он [Герасим] оттуда* (Т.); *Плачет и убивается / Катерина* (Г.); *Только случайное обстоятельство / уберегло его от падения* (Ф.).

Предложение не может быть без ремы, составляющей его коммуникативный центр. Наличие же темы в нем не обязательно. Тематическая часть высказывания может не быть эксплицитно выраженной, если она, являясь носительницей «данного», известна из контекста. Это наблюдается в неполных предложениях: *Пароход отвалил поздней ночью. Долго прокашливался и гудел, дрожа всем корпусом* (Пауст.).

Возможны предложения с нулевой темой, весь состав которых образует рему: они сообщают о событии, не выделяя исходного пункта сообщения. Такие высказывания называют *н е р а с ч л е н е н н ы м и*: *Пришла весна; Раздался звонок; Повеяло теплой сыростью; Пахнет сеном над лугами* (М.); *Гуляет ветер, пархает снег. Идут двенадцать человек* (Бл.); *Били часы. Кричал радиоприёмник. Наступало утро* (Гайд.).

## § 67. ОТНОШЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ЕГО ФОРМАЛЬНОЙ И СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Актуальное членение предложения *автономно*. Оно не соотносительно с грамматическим. Это проявляется, во-первых, в том, что актуальное членение предложения всегда бинарно, в то время как грамматическое членение предполагает какое угодно количество членов. Предложения любого объема актуально членятся на тему и рему. Особенность актуального членения распро-

страненных предложений в том, что и тема и рема бывают комплексными, объединяющими несколько членов предложения. Выше приводились примеры с комплексной темой и ремой. Вот еще несколько распространенных предложений с разным составом темы и ремы: *Внутренность леса / постепенно темнеет; алый свет вечерней зари / медленно скользит по корням и стволам деревьев* (Т.); *Кепку / , как известно, у мальчишек редко найдёшь новую* (Гайд.). Другая особенность распространенных предложений заключается в том, что актуальное членение в них может быть многоступенчатым. В этом случае компоненты ремы, выделяемой на первом уровне членения предложения, неоднородны по своей актуальной значимости и рема членится дополнительно. Например, в предложении *Тонкие стволы берёз / белели || резко и отчётиливо* (К.) на первом уровне членения соотносятся как тема и рема составы подлежащего и сказуемого, а на втором уровне рема членится, выделяя наречную группу *резко и отчётиливо* как вторую рему.

За членами предложения не закреплены какие-либо определенные функции: образовать тему и рему могут разные члены предложения в одиночку или в сочетаниях: ср.: 1) *Поезд / скрылся; Разговор / состоялся; Мой брат / врач; Ночь / была безлунная*; 2) *А почту в то время носила / Груня Офицерова* (Ант.); *Ветер хлесткий! Не отстаёт / и мороз* (Бл.); 3) *Уснул Григорий / перед светом* (Ш.); *Говорил он / мало и неохотно; Весна в этом году / ранняя*; 4) *А вечером / пошёл дождь; У него / разболелись зубы; Им / овладела ярость*, где подлежащее может быть темой (1), ремой (2) и может входить в комплексную тему (3) или рему (4).

Те же функции может выполнять и сказуемое: 1) [Эта поэзия отжила для него так же, как и та грубая проза.] *Отжили / и свидания, и лунные ночи, и белые фигуры с тонкими талиями, и таинственные тени* (Ч.); [Подробности этой охотничьей истории заставляют нас смеяться.] *Хохочет / и сам охотник* (В. П.); 2) *Лес / шумел; Одни / говорили, другие / слушали; Его надежда / не сбылась; Снег / был глубокий; Эта девочка / станет художницей*; 3) *Встаёт она / затемно; Он жил в городе / уже недели две; Это случилось / совсем неожиданно*; 4) *С этого дня / они стали неразлучны; Мать / напоила детей тёплым молоком; В этом лесу / всегда стоял шум*.

Однако частотность реализации этих возможностей у подлежащего и сказуемого разная. Для подлежащего типична функция темы, обычно оно или само составляет тему, или входит в нее; функцию ремы подлежащее выполняет редко. Для сказуемого, напротив, типична функция ремы, причем в распространенных предложениях одно сказуемое обычно не составляет рему — оно образует комплексную рему, в которую входят синтаксически и семантически связанные с ним члены предложения (см. примеры под цифрой 4), в том числе нередко подлежащее. Типичные функции можно указать и для всех других членов предложения. Таким образом, автономность актуального членения предложения не означает полной некоординированности его с грамматическим членением. Но такая координированность прослеживается лишь как общая тенденция, она не имеет характера жесткой обусловленности.

Более тесно, чем с формальной организацией, актуальное членение предложения связано с его смысловой организацией. Для семантического субъекта типична функция темы, для предиката — функция ремы. Связь актуального членения с семантической структурой предложения ярко проявляется в том, что в предложениях, где семантический субъект — форма косвенного падежа существительного, а подлежащее образует со сказуемым единый семантический комплекс — предикат, темой обычно бывает форма косвенного падежа: *Его / охватила бурная решимость; Им / овладела непонятная тревога; У меня / появились сомнения*. Но жесткой обусловленности актуального членения предложения нет и с этой стороны. При определенном коммуникативном задании актуальное членение подобных предложений может быть иным. Так, в сообщении о том, кто именно испытал данное состояние, падежная форма со значением субъекта будет ремой: *Сомнения появились / у меня, а не у него*.

Связь актуального членения с семантической структурой предложения наглядно проявляется и в том, что нерасчененные высказывания с нулевой темой обычно образуют предложения со специфическим значением предиката — со значением наличия, проявления: *Стояла жара; Перепадали дожди; Зазвонил телефон; Послышались шаги; Начались занятия в школах*.

Актуальное членение связано также и с лексическим наполнением предложения, не существенным на уровне

его смысловой организации. Для актуального членения предложения важно, содействует или противодействует семантика глагола и субстантивных и адвебиальных компонентов их соединению в комплекс. В некоторых случаях лексическое наполнение предложения делает возможным лишь одно актуальное членение. Например, в предложении *Крупное и мягкое лицо Дмитрия обросло светлой бородкой* (М. Г.) группа сказуемого может образовать только комплексную рему, субстантивный компонент в ее составе не может быть актуально выделен.

Актуальное членение предложения тесно связано с определенностью или неопределенностью значения существительного; ср.: *Вошла девушка* (неизвестная, не упомянутая ранее).—*Девушка / вошла* (известная, уже упоминавшаяся). По верному наблюдению П. Адамца, «субстантивные компоненты с высокой степенью индивидуализованности гораздо менее часто объединяются с глаголами в комплексное ядро, чем существительные с низкой степенью индивидуализованности»<sup>1</sup>. Поэтому максимально индивидуализованное существительное — имя собственное или личное местоимение,— как правило, образует один компонент актуального членения предложения (некомплексный): обычно — тему, реже — рему; ср.: *Тамара Константиновна / всё ещё находилась в декретном отпуске. Школой управлял / Олег Владимирович* (Тендр.); *Он / командир стройотряда, а комиссаром / будете вы; Мы / уехали строить завод; Таня / учится в университете; Его / уважали.*

## § 68. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Актуальное членение предложения имеет собственный формальный аппарат. Основными средствами выражения актуального членения являются порядок слов и интонация (а именно — место фразового ударения). Они действуют совместно. В кодифицированном литературном языке фразовое ударение автоматически относится на конец предложения, на последнюю синтагму. В соответствии с этим организуется и порядок слов в предложении: слова располагаются таким обра-

<sup>1</sup> Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. С. 36.

зом, чтобы фразовое ударение выделило рему, т. е. «тема — рема». Такой порядок слов свойствен экспрессивно и стилистически нейтральным высказываниям; В. Матезиус назвал его объективным: *Долгая зимняя ночь / прошла незаметно* (П.); *В конце просеки / стремительно несло по земле густой жёлтый дым* (Пауст.); *Молния блистала / почти беспрерывно* (Ч.); *Людьми / овладела лень* (М. Г.). В экспрессивно окрашенной речи и при некоторых особых стилистических заданиях, типичных для языка художественной литературы (например, при стилизации под устную разговорную речь или фольклорное повествование), порядок слов может быть обратным, а именно «рема — тема»; такой порядок слов В. Матезиус назвал субъективным: *Думала / Аксинья* (Ш.); *Не долги / летние ночи* (Т.); *Великая вещь / свобода!* (Ю. К.); *Свежая струя / пробежала по моему лицу* (Т.); *Странное чувство никчемности и бесполезности жизни / постепенно охватывает меня* (М. Г.); *Грозно, гулко / шумело за стеной море* (Ю. К.); *Вот что / сказал Андрею человек с каким-то восточным акцентом* (Фед.). Субъективный порядок слов обязательно сопровождается изменением места фразового ударения: оно перемещается в начало или в середину предложения. Таким образом, рема всегда отмечается фразовым ударением — автоматизированным (при объективном порядке: тема — рема) или неавтоматизированным (при субъективном порядке: рема — тема).

Тот или иной порядок слов и место фразового ударения, выражающие актуальное членение предложения, называют линейно-динамической структурой предложения. Линейно-динамическая структура представляет собой специфическое суперсегментное оформление, которое предложение получает, становясь высказыванием.

Сформулированное правило выражения актуального членения предложения линейно-динамической структурой действует только в границах кодифицированного литературного языка и не распространяется на разговорную речь. В разговорной речи другие правила ритмической организации. Фразовое ударение там обычно помещается в начале предложения. В связи с этим для разговорной речи характерно расположение ремы в начале предложения: *Очень чистое / было платье; Хликкий / он очень; [— А хозяйка / где?]* — *На работу / ушла.* Такое построение для разговорной речи стилистически нейтрально и соответствует объективному порядку слов в кодифицированном языке.

В границах кодифицированного литературного языка также есть сфера, в которой общее правило выражения актуального членения предложения порядком слов и местом фразового ударения не действует. Это стихотворная речь, где «стихотворный ритм в известной степени подчиняет себе синтаксис»<sup>1</sup>.

2. Дополнительным средством выражения актуального членения предложения являются частицы. Они отмечают тему или рему.

В невопросительных предложениях тему выделяет постпозитивная частица *же*, выполняющая функцию со-поставительного союза: [Она любила его спокойный ласковый тон в деревне.] В городе же / он постоянно казался беспокоен и настороже (Л. Т.); [Елизавета Киевна ещё веселее улыбнулась,] глаза же её / продолжали оставаться грустными и кроткими (А. Т.). В вопросительных предложениях местоименного типа частица *же* имеет усилительный характер и выделяет рему, роль которой играет вопросительное местоимение: Кто же этот замечательный человек? (П.).

Функция выделителя темы типична для разговорной постпозитивной частицы *то*: Не желаете говорить, а молчать-то / страшнее (А. Т.); Ну, деревню-то / Сочин знал (Мал.); Уроки-то / выучил? Тему могут выделять ограничительные препозитивные частицы только, лишь: ...И только трубка / слабо попыхивала в полусвете (Г. Н.). Вместе с тем эти частицы могут быть и показателями ремы: И только вы с вашей энергией и находчивостью / сможете вывести армию (Сер.). То или иное их участие в актуальном членении предложения связано с характером смысловых отношений в контексте (сложносочиненном предложении или сочетании предложений).

Показателем ремы является отрицательная частица *не*, если она употреблена не при сказуемом<sup>2</sup>: Нет, не тебя / так пылко я люблю (Л.); ср.: Он послал письмо / не в Москву.— В Москву послал письмо / не он.— В Москву он послал / не письмо.

3. В русском языке существуют также специальные

<sup>1</sup> Ковтунова И. И. Современный русский язык. С. 196.

<sup>2</sup> В предложениях с *не* при сказуемом ремой может быть сказуемое или другие члены предложения: Его ждали, но он / не пришёл; Он не пришёл / и на следующий день; Не пришёл / Иван Иванович.

синтаксические конструкции, выражающие актуальное членение предложения. В них тема или иными средствами выделена тема. Укажем некоторые типы таких конструкций. Это прежде всего предложения, построенные по схеме «что касается + род. п. существительного + то + компоненты любой структурной схемы с возможными распространителями»: *Что касается отъезда, то он будет отложен; Что касается остальных членов комиссии, то их предупредить не удалось; Что касается сенсаций и сюрпризов, то их была масса; Что касается детей, то уложите их спать пораньше.* В этих предложениях первая часть, внешне похожая на придаточную, не является предикативной единицей и не имеет обязательно присущего всякой предикативной единице модально-временного плана. Словоформа *касается* в составе устойчивого словосочетания *что касается* не имеет глагольных свойств (ср. невозможность изменения этой формы во времени). Все сочетание *что касается...то* в современном языке представляет собой особое служебное слово, выполняющее выделительную функцию. Наряду с ним употребляется сочетание *что до...то*: *Что до Кати, то она за два года вполне поняла своего мужа* (А. Т.).

Таковы и построенные по более свободной схеме, допускающей более разнообразное варьирование, предложения, первая часть которых содержит компоненты структурной схемы с их распространителями (среди них — относительное местоимение), а вторая, вводимая частицей *так*, или *так это*, или *это*, содержит знаменательное слово, семантически соотнесенное с местоимением первой части: *Кто был недоволен, так это Иван Иванович; Вот где я, наверное, не мог бы работать, так это в термичке; Когда меня будет можно застать дома, так это в понедельник; Чего здесь было много — это цветов; Вот за что пришлось заплатить в самом деле дорого, это за кружева.*

В первой части таких предложений может быть употреблен союз *если*: *Если он куда охотно ходил, так это в цирк; Если кто будет возражать, так разве что первокурсники.* В этом случае в составе первой части может быть неопределенное местоимение, а вторая часть может вводиться частицей *то*: *Лётчик в тот момент если что-нибудь и переживал, то одно лишь полное удовлетворение* (Гал.); *Тогда мы если и мечтали о чём-нибудь, то только о полётах в космос.*

Выделение темы с помощью частиц или синтаксических конструкций придает предложению специфический семантический оттенок. Предложения с выделенной темой составляют особый коммуникативный тип. Их наличие — яркое свидетельство того, что коммуникативная организация предложения не исчерпывается его членением на тему и рему.

### § 69. ТИПЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Одно и то же по грамматической форме и лексическому наполнению предложение может быть воплощено, в зависимости от своего коммуникативного задания, в нескольких высказываниях с разным актуальным членением. Например, высказывания *Вчера он / получил посылку; Он получил посылку / вчера; Вчера посылку получил / он* имеют разное актуальное членение; так как все они экспрессивно и стилистически нейтральны, то в них одинаковый порядок следования компонентов актуального членения: тема — рема. Отвечая разным коммуникативным заданиям, эти высказывания различаются заключенной в каждом из них актуальной информацией: в первом высказывании актуальная информация состоит в сообщении о событии в целом, в последующих двух — в сообщении о частных аспектах события (когда оно произошло, кто в нем участвовал).

Однако не следует думать, что актуальное членение предложения бесконечно в своем разнообразии. Для каждого типа предложений с определенной формальной организацией, лексическим наполнением и смысловой организацией существует ограниченное количество возможных коммуникативных заданий, и формы организации высказывания с определенным синтаксическим составом для разных коммуникативных заданий стандартизованы. Виды высказываний сводимы к определенным типам, выделяемым на основе характера их коммуникативных заданий и соответственно выражаемой в них актуальной информации.

Так как коммуникативные задания могут быть сведены к вопросам, то для классификации высказываний существенна классификация вопросов. Удачная классификация предложена Ш. Балли, который делит все вопросы на четыре типа:

1) полный диктальный вопрос (*Что случилось?; В чём дело?*) предполагает незнание спрашивающим

события в целом и направлен ко всему содержанию ответного высказывания;

2) частичный диктальный вопрос (*Кто вышел?*) предполагает незнание частного аспекта события и направлен к части заключенной в ответном высказывании информации;

3) полный модальный вопрос (*Павел здесь?*) предполагает, что известно событие в целом, но неизвестно, соответствует ли оно действительности; вопрос выражает сомнение в реальности события и имеет целью установить правильность или неправильность имеющейся информации;

4) частичный модальный вопрос (*В школу ли пошёл Павел?*) выражает сомнение в частном аспекте события<sup>1</sup>.

В соответствии с этими типами вопросов П. Адамец<sup>2</sup> предложил различать четыре типа высказываний по характеру заключенной в них актуальной информации.

1. Общие информативные высказывания передают вещественную информацию в целом, не выделяя одного какого-то ее аспекта. Актуальная информация совпадает с вещественной. Они менее других высказываний обусловлены контекстом, легче всего поддаются изоляции. Главной особенностью их организации является то, что сказуемое всегда входит в тему (одно или в комплексе с другими членами предложения): *Хлопнула дверь; Юноша / остановил станок; В это время / раздался звонок на урок.*

2. Актуальная информация, заключенная в частноинформационных высказываниях, представляет собой частный аспект вещественной информации. Сказуемое всегда входит в тему, поскольку предполагается, что событие в целом известно: *Беда разразилась / в конце дня; Эти перемены изменили / его лицо, но не душу* (Леон.).

3. Актуальная информация, заключенная в общеверификативных высказываниях, представляет собой не новое сообщение, а «реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. С. 47—48.

<sup>2</sup> См.: Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. С. 26—30.

<sup>3</sup> Там же. С. 27.

Ремой таких высказываний является одно сказуемое, существенна его утвердительная или отрицательная форма: *Игорь / не погиб; Дядя / всё-таки приедет; Но она спрашивать / не стала; [Я знаю:] город / будет* (В. М.).

4. Частноверификативные высказывания устанавливают реальность не факта в целом, а какого-то одного его аспекта: *Не одни злые люди / ночью гуляют* (Ш.).

Частноверификативные высказывания имеют то же актуальное членение и (соответственно) тот же порядок слов и интонационное оформление, что и частноинформационные, а общеверификативные — то же, что и общениформативные, поэтому практически важно различение высказываний общего и частного характера.

Вместе с тем среди высказываний общего характера существенно различать расчлененные (состоящие из темы и ремы) и нерасчлененные. Эти высказывания различаются порядком слов. В нерасчлененных высказываниях, построенных по самой частотной схеме  $N_1V_f$  при условии их экспрессивной и стилистической нейтральности, обязателен порядок слов  $V_fN_1$  с фразовым ударением на конце (т. е. на  $N_1$ ); порядок же слов  $N_1V_f$  в них создает экспрессивно-стилистически окрашенный вариант с фразовым ударением на начале (т. е. на  $N_1$ ); ср.: — *Почему на улице так много людей? — Кончился сеанс в кинотеатре.— Сеанс в кинотеатре кончился.* В расчлененных же высказываниях общего характера имеет место обратная закономерность; ср.: — *Когда кончается сеанс в кинотеатре? — Сеанс в кинотеатре / уже кончился.— Уже кончился / сеанс в кинотеатре.*

Таким образом, есть основания выделять три типа высказываний, отличающихся коммуникативным заданием (общего или частного характера) и актуальной расчлененностью ~ нерасчлененностью: 1) нерасчлененные высказывания общего типа; 2) расчлененные высказывания общего типа; 3) высказывания частного типа (они могут быть только расчлененными). Каждый из этих типов имеет нейтральный и экспрессивно-стилистически окрашенный варианты. Предложение того или иного грамматического строения и состава, становясь коммуникативной единицей, приобретает свойства высказывания одного из этих типов.

## § 70. НЕЙТРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Итак, актуальное членение предложения определяется ситуацией речи, коммуникативным заданием, которое оно получает в речи, т. е. факторами, находящимися вне предложения. Но вместе с тем актуальное членение предложения с известной вероятностью предопределается формальной организацией, лексическим наполнением и смысловой организацией самого предложения, т. е. факторами, находящимися внутри предложения.

Для каждого предложения есть нейтральный порядок слов, сопровождающийся постановкой фразового ударения на конце предложения и выражающий такое актуальное членение, которое в наибольшей степени соответствует грамматическому членению предложения, т. е. его формальной и смысловой организации или (в случае их расхождения) смысловой организации. Нейтральный порядок слов оформляет высказывания общего типа. На фоне нейтрального порядка слов существуют все другие расположения слов. Одни из них, не нарушая ритмического автоматизма речи (т. е. сохраняя фразовое ударение на конце), выражают актуальное членение предложения, не соответствующее грамматическому членению, и оформляют высказывания частного типа; другие оформляют высказывания общего типа, но несут экспрессивную или стилистическую нагрузку, сопровождаясь переносом фразового ударения; третьи, совмещая некоторые свойства двух первых, оформляют высказывания частного типа и также несут экспрессивную или стилистическую нагрузку.

Например, для предложения *Возле дома росли липы* данный порядок слов является нейтральным, при автоматизированном интонационном оформлении он организует нерасчлененное высказывание общего типа; расположение слов *Липы росли возле дома* при автоматизированном интонационном оформлении выделяет сочетание *возле дома* как рему, т. е. организует высказывание частного типа, а при фразовом ударении на первом слове организует высказывание или общего типа (т. е. с той же актуальной информацией, что и при нейтральном порядке слов), но экспрессивное, или частного типа (отвечающее на вопрос *Что росло возле дома?*) и тоже экспрессивное.

Учение об актуальном членении предложения создало теоретическую основу для исследования порядка слов в русском литературном языке.

## § 71. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Употребление предложения в качестве коммуникативной единицы (высказывания) составляет его основную, но не единственную функцию. Достаточно часто предложение составляет часть сложного предложения, которое в целом образует одну коммуникативную единицу. Кроме того, коммуникативная функция не требует для своего выражения жесткой грамматической формы. Относительная самостоятельность этой стороны синтаксической организации высказывания наглядно обнаруживается в двух явлениях.

1. Границы предложения и высказывания могут не совпадать. Одна грамматическая структура может быть расчленена на ряд отдельных сообщений. Это явление называют парцелляцией. Оно широко представлено в художественной литературе: *Но нельзя же так. Вслух. Криком. При всех. Точно на эшафоте перед казнью* (Цв.); *Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной* (В. М.).

2. Высказывание может не иметь формы предложения. Такие высказывания широко распространены в устной речи — это диалогические реплики, состоящие из междометий или близких междометиям по содержанию словоформ и их сочетаний, не выполняющих номинативной функции: *Ух ты! Ага! Ладно!; Подумаешь!; Подумать только!; Вот ешё!, а также жесты речевого этикета: Добрый день!; Привет!; До свидания; Спасибо; Пожалуйста; Спокойной ночи!, выражения вопроса: А что?; Ну и что?; Разве?; Как же так?*

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение. М., 1976. Гл. 1, 3, 5, 7.*

*Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.*

*Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения; Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.*

*Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 84—173.*

*Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского языка.* М., 1968. Гл. 4, 5.

*Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка.* М., 1980. С. 110—123.

*Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке.* Саратов, 1965.

*Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Избр. труды.* М., 1957. Т. 2.

## Глава 10

### СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

#### СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

##### § 72. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложное предложение было нами определено как сочетание простых предложений на основе синтаксической связи. Это определение нуждается в уточнении, которое можно сделать после того, как простое предложение было рассмотрено со всех сторон.

Части сложного предложения обладают не всеми свойствами простого предложения. Им свойственна формальная и смысловая организация простого предложения, но они не имеют главного его свойства как коммуникативной единицы — смысловой законченности отдельного сообщения. Этим свойством обладает сложное предложение в целом, что сближает его с простым предложением, функционирующим в качестве отдельного высказывания. В письменной речи сложное предложение, подобно простому, отделяется от соседних предложений точкой или вопросительным или восклицательным знаком, которые сигнализируют о том, что оно составляет отдельную коммуникативную единицу. В устной речи коммуникативная законченность сложного предложения передается интонацией.

Эти объективно существующие свойства сложного предложения дают основания для двух различных толкований его природы: сложное предложение понимается или как «соединение», «сцепление» предложений, или как единое целое, части которого, не имеющие смысловой и интонационной законченности, не являются простыми предложениями.

В русской науке долгое время господствовала первая точка зрения. А. М. Пешковский и А. А. Шахматов считали неприемлемым самый термин «сложное предложение», так как «он называет несколько предложений одним предложением и тем создает путаницу»<sup>1</sup>, и предлагали заменить его термином «сложное целое» (Пешковский) или «сочетание предложений» (Шахматов).

Вторую точку зрения четко выразил В. А. Богородицкий, утверждавший, что «во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него»<sup>2</sup>. Затем мысль о целостности сложного предложения была развита и обоснована в трудах Н. С. Поспелова<sup>3</sup>.

Однако вопрос о грамматической природе сложного предложения и его частей нельзя считать удовлетворительно решенным ни в том, ни в другом его толковании.

Спор о том, являются ли части сложного предложения простыми предложениями, по-новому решается в свете идеи о наличии у простого предложения трех относительно автономных, хотя и взаимосвязанных, сторон: формальной, смысловой и коммуникативной организаций. Сопоставление сложного предложения в целом и его частей с простым предложением приводит к выводу, что и сложное предложение в целом, и его части имеют и общие с простым предложением свойства, и особенные.

Подобно простому предложению, сложное имеет три относительно автономных аспекта своей организации: формальную, смысловую и коммуникативную.

### § 73. ФОРМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Специфика сложного предложения как синтаксической единицы проявляется в его формальной организации. Вместе с тем части сложного предложения в плане формальной организации сходны с простыми предложениями.

Сложное предложение отличается от простого характером образующих его компонентов. Компонентами

<sup>1</sup> Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 455.

<sup>2</sup> Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 229.

<sup>3</sup> См.: Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения; О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

простого предложения являются определенные формы слов (это наглядно показывают символические обозначения в структурных схемах простого предложения). Обязательным признаком компонентов сложного предложения является то, что они, подобно простым предложениям, обладают категорией предикативности. Предикативность составляет их главный конститутивный признак. В соответствии с этим компоненты сложного предложения называют предикативными единицами.

Таким образом, представляя собой синтаксически организованное сочетание нескольких предикативных единиц, сложное предложение противостоит простому как структура полипредикативная структуре монопредикативной: в отличие от простого предложения, несущего один синтаксический комплекс модальности и времени, сложное предложение является носителем нескольких таких комплексов.

Компоненты сложного предложения (предикативные единицы) объединены в его составе по определенным образцам, которые, подобно формальным образцам простого предложения и словосочетания, могут быть названы структурными схемами; они предписывают количество объединяемых предикативных единиц, их существенные свойства, вид синтаксической связи и средства ее выражения, а также возможный порядок расположения компонентов по отношению друг к другу. Структурная схема для сложного предложения (так же как и для простого предложения и словосочетания) — основа его формальной организации.

## § 74. СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Своеобразие смысловой организации сложного предложения состоит в том, что оно принципиально ориентировано на выражение комплекса пропозиций, указывающего на отношение между ситуациями, в то время как простое предложение в своем элементарном виде (без неконститутивных членов) предназначено для выражения одной пропозиции. Иначе говоря, сложное предложение полипропозитивно, а простое предложение монопропозитивно.

Однако это соотношение имеет характер лишь общей принципиальной ориентации, а не обязательной законо-

мерности, и моно- ~ полипропозитивность не является абсолютным различительным признаком простых и сложных предложений. Отклонения от этой ориентации бывают двух родов. С одной стороны, простое предложение (при наличии в нем неконститтивных членов) может выражать не одну пропозицию, а комплекс пропозиций, т. е. иметь смысл, который более эксплицитно может быть выражен сложным предложением; ср.: *Упрямый человек несносен.— Если человек упрям, то он несносен; Детьми мы с братом жили в Ельне.— Когда мы с братом были детьми, то мы жили в Ельне; Я пропустил занятия из-за болезни.— Я пропустил занятия, потому что был болен.* С другой стороны, сложное предложение при определенных условиях, связанных с его формальной организацией и лексическим наполнением, может выражать только одну пропозицию. Например, среди сложноподчиненных предложений есть такие, в которых придаточная часть вместе с субстантивным компонентом главной части дает развернутое название предмету, необходимое для его адекватной соотнесенности с денотатом, т. е. употребляется не для наименования ситуации, а для определения референции имени путем указания на участие референта в известной говорящему и слушающему ситуации: *Человек, которого я встретил, оказался капитаном дальнего плавания; Пусть она наденет то платье, которое с оборками; Тот, кто сидел в углу, всё время молчал.* Такую смысловую организацию имеет большинство сложноподчиненных предложений с присубстантивной придаточной частью и отождествительных местоименно-соотносительных предложений.

Обширный класс составляют сложные предложения, в которых одна из частей выражает объективное содержание предложения, а вторая — его оценку мыслящим субъектом или другое его отношение; ср.: *Иван Иванович приехал, и это хорошо.— Хорошо, что Иван Иванович приехал.— Иван Иванович приехал, что хорошо.* Как видно, такую смысловую структуру имеют предложения с разной формальной организацией.

Среди сложноподчиненных предложений есть предложения, которые специализированы на выражении именно такого содержания,— это изъяснительные и местоименно-соотносительные предложения вмещающего типа со значением ‘сообщение о сообщении’: *Думаю, что Иван Иванович приехал; Марья Васильевна*

*сказала, что Иван Иванович приехал; Прошёл слух, будто приехал Иван Иванович; Важно, чтобы приехал Иван Иванович.*

Содержание некоторых сложных предложений этого класса максимально близко содержанию соответствующих простых предложений и отличается лишь такими элементами смысла, которые связаны с включением сообщения в контекст; ср.: *В школе появился новый учитель.— Дело заключается в том, что в школе появился новый учитель.* В сложном предложении сообщение охарактеризовано как объяснение новой обсуждаемой или данной в непосредственном восприятии говорящего и собеседника ситуации (например, данное предложение может быть ответом на высказанный или предполагаемый вопрос о том, почему в учительской необычное оживление).

Наконец, смысл сложного предложения может быть организован и таким образом, что содержащиеся в его частях пропозиции соотносятся с одной и той же ситуацией. Так, в разделительных сложносочиненных предложениях с союзами *не то...не то и то ли...то ли* несколько пропозиций употребляются для обозначения ситуации, которая говорящим точно не идентифицирована: *То ли снег пошёл, то ли небо посветлело.*

Что же касается частей сложного предложения, то они и в плане смысловой организации подобны простым предложениям: в своем элементарном виде (без неконститутивных членов) они ориентированы на выражение одной пропозиции, а при распространённости неконститутивными членами могут иметь полипропозитивное содержание; ср.: *Я знаю, что он уехал.— Я знаю, что он уехал, ни с кем не простившись / несмотря на обещание оставаться ещё на день...*

## § 75. КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В коммуникативной организации сложное предложение обнаруживает максимальную общность с простым предложением: оно оформляется как единое коммуникативное целое. Части же сложного предложения в коммуникативном аспекте противостоят простым предложениям тем, что не имеют коммуникативной целостности.

Конечно, коммуникативные единицы, представляющие собой сложное предложение, качественно отличны от высказываний — простых предложений. И сами сложные предложения в этом отношении неоднородны. Но коммуникативная целостность свойственна всякому сложному предложению.

Коммуникативные единицы, образуемые сложными и простыми предложениями, имеют много общего в своем оформлении. Они одинаково оформляются интонационно (см. гл. 11 «Синтаксиса»).

В простом и сложном предложениях действуют общие закономерности словопорядка: они связаны с коммуникативным заданием. Но порядок слов в частях сложного предложения иногда отличается от порядка слов в аналогичных по синтаксическому строению и смыслу простых предложениях. Это объясняется тем, что порядок слов оформляет сложное предложение как единое коммуникативное целое, вследствие чего определенное расположение слов в одной части требует соответствующего расположения слов в другой.

Кроме того, в сложном предложении возникает специфическая проблема порядка частей. Порядок частей в сложном предложении (подобно порядку слов в простом предложении) представляет собой сложное явление. Но основная его функция в тех сложных предложениях, где порядок частей не фиксирован, связана со строением сложного предложения как коммуникативной единицы: то или иное расположение частей определяется ситуацией речи, коммуникативным заданием и выражает актуальное членение предложения. При экспрессивно нейтральном (объективном) порядке частей актуально более значимая часть предложения помещается в постпозиции. Ср.: *Ново то, что талантливо*. — *Что талантливо, то ново* (Бун.). В первом высказывании тему составляет словоформа *ново*, которая получает роль исходной точки высказывания, актуально менее значимой, чем его последующая часть *то, что талантливо*, составляющая комплексную рему; актуальное членение сложного предложения не совпадает с грамматическим членением. Во втором высказывании, представляющем другую коммуникативную реализацию того же сложного предложения, границы актуального и грамматического членения совпадают: препозитивная придаточная часть (*что талантливо*) составляет тему, а постпозитивная главная (*то ново*) — рему. Таким

образом, соотношение внутренней обусловленности между талантливостью и новизной (произведений искусства, что ясно из контекста) в этих двух высказываниях отражено с разных исходных позиций.

Являясь коммуникативными единицами, простое и сложное предложения одинаково могут отражать те сдвиги коммуникативной организации, которые связаны с парцелляцией. В речи при определенном коммуникативном задании возможен разрыв единой структуры сложного предложения на несколько коммуникативных единиц: *Отвечал сухо, прямо, без лишних слов. Потому что два раза подряд искренне с человеком прощаться нельзя* (Гайд.); *Ты обязан делать всё самое опасное. Пока не почувствуешь, что помощники справляются лучше тебя* (Ам.); *Пешком до пристани всего четверть часа. Если идти через городской сад* (Пауст.); *Вы сыты и потому равнодушны к жизни. Но умирать и вам будет страшно* (Ч.). Такой разрыв составляет сущность парцелляции как особого явления коммуникативного аспекта, которое связано с актуальным членением предложения и — шире — вообще с коммуникативной стороной речи.

Парцелляция как функционально значимое отклонение от типичного соотношения между формальной и коммуникативной организацией сложного предложения возможна лишь потому, что между ними существует соответствие. Возможность разрыва единой структуры сложного предложения на две коммуникативные единицы — показатель того, что сложному предложению системно свойственна коммуникативная целостность.

Таким образом, сложное предложение может быть определено как объединение предикативных единиц на основе синтаксической связи, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве единого коммуникативного целого. Части же сложного предложения должны быть определены как синтаксические конструкции, обладающие формальной и смысловой организацией, свойственной простым предложениям, но не обладающие коммуникативной целостностью и предназначенные для функционирования в качестве частей сложного предложения.

## РАЗГРАНИЧЕНИЕ КЛАССОВ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

### § 76. МИНИМАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОЖНЕННОГО ТИПА

В речи представлены как сложные предложения с минимальным для данного типа количеством частей, так и предложения, объединяющие минимальные конструкции сложных предложений — сложные предложения усложненного типа.

Минимальные конструкции сложного предложения и сложные предложения усложненного типа различаются принципом организации и характером тех компонентов, из которых они состоят; ср.: *Солнце село, но было еще тепло* (минимальная конструкция). — *Солнце село, на небе гасли последние лучи заката, сгущались сумерки, но было еще тепло, потому что день был необычно жарким для октября* (сложное предложение усложненного типа). В сложных предложениях с минимальным количеством частей образующими компонентами являются предикативные единицы (в приведенном примере *Солнце село, / но было еще тепло*). Минимальные конструкции сложного предложения не членятся на сложные предложения.

В сложных предложениях усложненного типа по крайней мере один из компонентов построен по той или иной структурной схеме сложного предложения и в свою очередь предполагает выделение в его составе образующих компонентов. Таким образом, сложные предложения минимальной конструкции имеют один уровень членения, в результате которого выделяются элементарные составляющие сложного предложения — предикативные единицы; сложные предложения усложненного типа имеют несколько уровней членения (в зависимости от сложности строения предложения их количество различно). В приведенном выше предложении усложненного типа на первом уровне членения выделяются два компонента, отношения между которыми выражаются союзом *но* (союз показывает границу между компонентами, каждый из них состоит из нескольких частей и построен по определенной структурной схеме сложного предложения). На втором уров-

не членения в составе первого компонента выделяются три элемента: *Солнце село, / на небе гасли последние лучи заката, / сгущались сумерки*, а в составе второго — два: *но было ещё тепло, / потому что день был необычно жарким для октября*; на этом уровне членения (последнем) все компоненты являются простейшими элементами сложного предложения — предикативными единицами.

Таким образом, различие между сложными предложениями с минимальным количеством частей и предложениями усложненного типа состоит в том, что первые представляют соединение предикативных единиц по одной структурной схеме, вторые же — сочетание нескольких соединений предикативных единиц, организованных по разным структурным схемам. Поэтому в сложных предложениях усложненного типа представлены те же структуры, какие существуют в минимальных конструкциях сложных предложений, но в комбинациях друг с другом.

Основной задачей синтаксиса сложного предложения является изучение минимальных конструкций, поскольку именно в них выявляются структурные схемы сложного предложения. Предложения усложненного типа составляют объект синтаксического описания лишь со стороны характера представленных в них сочетаний минимальных конструкций. С этой стороны сложные предложения усложненного типа устроены так же, как сложные словосочетания, и реализуют те же типы объединения минимальных конструкций: последовательное подчинение и соподчинение в разных его видах.

## § 77. СТРУКТУРНАЯ СХЕМА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структурная схема сложного предложения — это отвлеченный образец, по которому строятся минимальные конструкции сложных предложений того или иного типа. Структурная схема сложного предложения изоморфна структурной схеме словосочетания и включает в себя следующие необходимые и достаточные конструктивные признаки строящихся на ее основе сложных предложений: 1) вид синтаксической связи, на основе которой образуется сложное предложение, и ее средства; 2) характеристики предикативных единиц, обязательные для того, чтобы предикативные единицы могли стать той или иной частью

сложного предложения, построенного по данной структурной схеме; 3) порядок частей сложного предложения.

Как часть сложного предложения может быть употреблена не любая предикативная единица. В сложных предложениях, построенных по разным схемам, существуют специфические закономерности, определяющие характер предикативных единиц, составляющих части сложного предложения.

Ограничения, налагаемые структурой сложного предложения на характер предикативных единиц, образующих его части, многообразны: 1) ограничения состава (обязательное наличие или отсутствие каких-то компонентов); 2) ограничения плана целеустановки (вопросительность или невопросительность); 3) ограничения по линии утвердительности ~ отрицательности; 4) ограничения аспектуальных значений; 5) ограничения модальных и временных значений; 6) ограничения лексического состава<sup>1</sup>.

По возможному расположению частей, которое определяется свойствами союзов, сложные предложения делят на два типа: 1) структуры гибкие, допускающие вариативность порядка частей (препозиция, интерпозиция и постпозиция или, при невозможности препозиции, только постпозиция и интерпозиция части, вводимой союзом или союзным словом); 2) структуры негибкие, в которых невозможна перестановка частей без отделения союза или союзного слова от второй части и невозможна вставка одной части в другую.

Структурные схемы сложных предложений гибкой структуры предполагают несколько вариантов расположения частей, структурные схемы сложных предложений негибкой структуры — лишь один порядок; ср.: *Всякий знает, что Земля вращается вокруг Солнца*.— *Знает, что Земля вращается вокруг Солнца, всякий*.— *Что Земля вращается вокруг Солнца, всякий знает*; *Громче, чем было нужно, он говорил*.— *Он говорил громче, чем было нужно*; *Если раньше машина Козлевича вызывала весёлое недоумение, то сейчас она внушала жалость* (И. и П.); *Вот берёза, та гниёт изнутри, так что долго принимаешь ствол её белый за дерево* (Пр.).

<sup>1</sup> См.: Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977. С. 185—196.

Выбор варианта порядка частей в сложных предложениях гибкой структуры определяется коммуникативным заданием предложения и его строением как коммуникативной единицы. Порядок частей в сложных предложениях гибкой структуры, подобно порядку слов в простом предложении, выражает актуальное членение предложения при оформлении его как высказывания, отвечающего определенному коммуникативному заданию<sup>1</sup>.

## § 78. СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Предикативные единицы, являющиеся компонентами сложного предложения, могут быть связаны сочинительной, подчинительной или недифференцированной связью.

Важнейшим этапом в разработке учения о видах связи в сложном предложении была дискуссия по вопросу о сочинении и подчинении в 20-х годах нашего века. Ее открыл М. Н. Петерсон, убедительно показавший неопределенность и зыбкость понятия зависимости ~ независимости частей сложного предложения и с большой остротой и категоричностью высказавший мысль о том, что «объективные критерии... не дают возможности отличать главное предложение... от придаточного и сочинение от подчинения» и что, следовательно, в понятиях сочинения и подчинения нет языкового содержания<sup>2</sup>.

Самым интересным откликом на эту критику учения о сочинении и подчинении явилась статья А. М. Пешковского «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?»<sup>3</sup>. Отстаивая сочинение и подчинение как синтаксические понятия, за которыми стоит определенное языковое содержание, Пешковский указал на ряд формальных особенностей, отличающих сложносочиненные предложения от сложноподчиненных. Эти особенности он находит в союзных сложных предложениях. Важнейшим формальным различием со-

<sup>1</sup> См.: Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. С. 196—204.

<sup>2</sup> Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923. С. 32.

<sup>3</sup> См.: Родной язык в школе: Науч.-пед. сб. М., 1926. Кн. 11—12.

чинения и подчинения Пешковский считает различие между сочинительным и подчинительным союзами, заключающееся в том, что при подчинении показатель отношения находится лишь в одной из соединяемых частей — в придаточной, причем подчинительный союз «не ритмически только примыкает к своему предложению, а составляет его органическую формальную принадлежность»; при сочинении же «показатели отношения стоят или при каждом из соотносящихся (в части случаев соединительного и разделительного сочинения), или между соотносящимися, не сливаясь внутренне ни с одним из них»<sup>1</sup>. Поэтому сочинительный союз, выражающий отношение между частями сложного предложения, не может стоять перед первой его частью (кроме случаев повторения союза в открытых структурах).

Со свойствами сочинительных и подчинительных союзов Пешковский связывает различие в расположении частей сложного предложения при сочинении и подчинении: придаточная часть, к которой «припаян» показатель отношения — подчинительный союз, может стоять перед главной частью или после нее либо быть включенной в нее; в сложносочиненном же предложении части не могут быть включены одна в другую, так как показатель отношения — сочинительный союз — органически не сливается ни с одной из них.

Что касается бессоюзных предложений, то Пешковский считает, что «здесь все зависит от того, насколько значение той или иной интонации тождественно со значением той или иной группы союзов»<sup>2</sup>. Он выделяет три типа интонации, которые, по его мнению, функционально вполне соответствуют трем группам союзов (причинным, пояснительным, соединительным), и относит предложения этих интонационных типов к подчинению (два первых) и сочинению (третий). Предложения, в которых наблюдается интонация, не специфическая для какого-то определенного вида смысловых отношений, Пешковский относит к недифференцированным сложным предложениям. Таким образом, Пешковский первым высказал мысль о том, что соносительные категории сочинения и под-

<sup>1</sup> Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959. С. 145, 140.

<sup>2</sup> Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 470.

чинения охватывают не все сложные предложения.

Названная статья Пешковского, на основе которой позднее написана глава о сочинении и подчинении в книге «Русский синтаксис в научном освещении», была, по существу, первой в русской науке попыткой показать языковую сущность сочинения и подчинения в сложном предложении. До этого в течение почти ста лет понятиями сочинения и подчинения пользовались, не раскрывая их и не показывая того, какие языковые факты лежат в основе их противопоставления. Сильной стороной работы Пешковского явились наблюдения над формальными различиями сочинения и подчинения и самая устремленность к тому, чтобы искать различия именно в структуре, в форме, не отрываясь от языковой материи.

За традиционными понятиями сочинения и подчинения стоит интуитивное установление изоморфизма между связями частей в сложном предложении и связями между формами слов в словосочетании и простом предложении. Но существуют ли формальные основания для установления такого изоморфизма? По-видимому, их можно найти лишь в сфере союзного сложного предложения, опираясь на различия в характере союзных средств.

Мысль Пешковского о том, что в бессоюзных сложных предложениях определенным группам союзов тождественны интонации, ошибочна: интонация представляет собой явление совсем иной природы, чем союзы, и никак не может быть рассмотрена как языковое средство, имеющее то же назначение, что и союзы. Как свидетельствуют наблюдения исследователей, не существует полного соответствия между интоационными конструкциями и типами бессоюзного сложного предложения. Одна и та же бессоюзная структура с одним и тем же значением в разных речевых условиях может иметь разное интоационное оформление, а следовательно, в системе языка нет обязательной закрепленности определенных интоационных конструкций за соответствующими структурами бессоюзного сложного предложения.

В соответствии со сказанным есть основания принять следующие определения синтаксической связи в сложном предложении. Сочинительная связь между компонентами сложного предложения анало-

гична связи между формами слов в открытых и закрытых сочинительных словосочетаниях. Она характеризуется тем, что соединяемые ею компоненты (формы слов в словосочетании и предикативные единицы в сложном предложении) выполняют одну и ту же синтаксическую функцию относительно друг друга и образуемого ими целого. Основным средством выражения сочинительной связи являются сочинительные союзы. В сложных предложениях с сочинительной связью нет различий в функции части, вводимой союзом, и части, не содержащей союза, и ни одна из соединяемых предикативных единиц не занимает синтаксического места формы слова в составе другой части.

Подчинительная связь между компонентами сложного предложения аналогична разным видам подчинительной связи в словосочетании и простом предложении. Она также может не иметь аналогов в синтаксических связях в словосочетании и простом предложении, но всегда характеризуется тем, что объединяемые ею элементы различаются по своей синтаксической функции и каждый из них имеет свое место в сложном предложении. Средства выражения подчинительной связи между компонентами сложного предложения специфичны: основными выразителями отношений являются подчинительные союзы и приобретающие функцию союза относительные местоимения (союзные слова).

Сочинительная и подчинительная связь четко дифференцирована в сложных предложениях союзного типа. В бессоюзных сложных предложениях противопоставления сочинительной и подчинительной связи нет. Таким образом, связь в бессоюзных сложных предложениях должна быть квалифицирована как недифференцированная. Исключение составляют бессоюзные сложные предложения открытой структуры: *Топится печка, ярко горит лампа, стучат старинные часы*. В них сам потенциальный количественный состав характеризует связь как сочинительную, поскольку подчинительная связь представляет собой отношение обязательно между двумя компонентами.

Сочинительная связь между компонентами сложного предложения может быть открытая и закрытая (ср. то же в сочинительных словосочетаниях).

## § 79. ВИДЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Подчинительная связь в сложном предложении имеет несколько видов. По наличию или отсутствию аналогии с видами подчинительной связи в словосочетании и простом предложении есть основание различать два вида подчинительной связи в сложных предложениях: 1) связь, аналогичную связям в словосочетании и простом предложении; 2) связь, не аналогичную связям в словосочетании и простом предложении.

Подчинительная связь первого рода подразделяется далее по тому, какому именно виду связи она аналогична. Для подчинительной связи в сложном предложении самым существенным является признак предсказуемости ~ непредсказуемости. Соответственно выделяются: 1) предсказуемая подчинительная связь, подобная связи между словом и распространяющей его формой слова, определяющейся свойствами главного слова; 2) непредсказуемая подчинительная связь, аналогичная связи между предикативным центром предложения и его неконститутивными ситуативными распространителями — детерминантами. Ср.: *Он дожидался, когда придёт директор.* — *Когда директор пришёл, они пошли в цех.* В первом предложении придаточная часть находится в подчинительной связи со словом *дожидаться*, категориальными свойствами которого объясняется и самое ее наличие при этом слове и характер ее оформления; во втором предложении придаточная часть находится в подчинительной связи с предикативным центром главной, и самый факт наличия придаточной части и характер ее оформления (ничем в составе главной части не мотивированный) определяются смысловыми отношениями, которые устанавливаются между придаточной и главной частями.

### Присловная связь

При предсказуемой подчинительной связи, аналогичной связи между словом и распространяющей его формой слова, характер которой определяется свойствами слова (назовем эту связь *присловной*), предикативная единица, выступающая в качестве придаточной части сложного предложения, относится к одному из слов главной части, называемому *опорным*.

Присловная придаточная часть представляет собой обязательный или необязательный распространитель опорного слова, как правило, находящийся в альтернативных отношениях с аналогичным распространителем — формой слова; ср.: *дожидаться, когда придет (прихода); сделать лучше, чем сделали бы другие (других)*. Случай, когда придаточная часть представляет собой единственно возможный распространитель опорного слова и не может быть замещена формой слова (*считается, что... ; думается, что...*), относительно редки.

Характер присловной придаточной части, в частности средства ее грамматического оформления, определяются свойствами опорного слова, подобно тому как в словосочетании свойствами главного слова определяется характер распространяющей его формы слова. В полном соответствии с закономерностями, действующими при образовании словосочетаний, при образовании сложноподчиненных предложений с присловными придаточными существенными являются следующие свойства опорных слов: 1) принадлежность к определенному грамматическому классу — части речи, обладающей способностью распространяться придаточной частью определенного строения; 2) принадлежность к определенному лексическому классу — семантической группе, также характеризующейся способностью распространяться придаточной частью определенного строения. Ср.: *Мысль, которую высказал собеседник, увлекла меня.— Мысль, что мы завтра уезжаем, увлекла меня* — в первом предложении характер распространения опорного слова *мысль* определяется тем, что оно существительное и поэтому способно присоединять к себе присубстантивную придаточную часть; во втором — тем, что оно входит в семантико-синтаксическую группу слов, выступающих в качестве опорных в изъяснительных предложениях.

Из слов всех частей речи только существительные обладают способностью распространяться предикативной единицей, оформленной как придаточная часть определенного строения. Свойство присоединять к себе предложение имеет также и специфическая форма слова — *компаратив*.

Из всех семантических групп слов обладает способностью распространяться придаточной частью только одна — *сказуемые*, включающие в свое значение семанти-

ческий компонент, который может быть определен как интеллектуальная или эмоциональная оценка и — шире — как отношение мыслящего субъекта к объективному содержанию предложения, выражаемому придаточной частью.

Присловная подчинительная связь, подобно связи между словом и формой слова, может быть обязательной или необязательной в зависимости от семантической природы опорного слова: его информативной недостаточности (синсемантичности) или информативной достаточности (автосемантичности). Она является обязательной в прикомпаративных и изъяснительных предложениях и необязательной в присубстантивных.

Средствами выражения присловной подчинительной связи служат асемантичные союзы и союзные слова, т. е. такие средства, функция которых состоит в выражении зависимости от опорного слова.

Соузные слова (относительные местоимения) существенно отличаются от союзов тем, что, являясь знаменательными словами, выражают обобщенное значение предмета (*кто*, *что*), качественной характеристики (*какой*, *каков*, *как*), количественной характеристики (*сколько*, *насколько*) или ситуативной характеристики разного рода: места (*где*, *куда*, *откуда*), времени (*когда*), причины (*почему*), цели (*зачем*). Но эти значения для оформления синтаксической связи и выявляемых ею отношений несущественны. Соузные слова, подобно асемантичным союзам, выражают собственно синтаксические отношения, свойственные присловным предложениям. В создании этих отношений указанные обобщенные значения соузных слов не участвуют. Так, для выражения присловной связи и выявляемого ею отношения между опорным словом и придаточной частью в предложениях *Он не знал, кто приехал* (*когда состоится собрание; куда ему идти; который сейчас час; как он оказался здесь; почему все молчат* и т. д.) несущественны значения, различающие разные соузные слова, а существенно лишь объединяющее их свойство выражать зависимость придаточной части от главной и собственно синтаксические отношения между опорным словом (*не знал*) и придаточной частью. Функция соузных слов и асемантичных союзов аналогична функции окончаний, выражающих собственно синтаксические значения форм слов — число, род, падеж у прилагательного, падеж у форм существительного, имеющих грамматическое (по Е. Куриловичу) значение.

### Детерминантная связь

В отличие от присловной предсказующей связи, которая может быть и обязательной, непредсказующая подчинительная связь предикативных единиц, аналогичная связи между предикативным центром предложения и распространяющим его детерминантом (назовем ее детерминантной), всегда не обязательна.

При детерминантной связи предикативная единица, выступающая в качестве придаточной части сложно-подчиненного предложения, относится к предикативному центру главной части (одному или вместе с непосредственно относящимися к нему членами предложения) или — при усложненности смысловой организации главной части включением второй пропозиции, выраженной непредикативной конструкцией,— к центру этой конструкции; ср.: *Он с головой укрылся полушибком, чтобы было теплее.— Он лёг, с головой укрывшись полушибком, чтобы было теплее.*

Средствами выражения детерминантной подчинительной связи являются семантические подчинительные союзы и их функциональные эквиваленты, т. е. слова, назначение которых состоит в выражении синтаксической семантики придаточной части сложноподчиненного предложения, ее отношения к главной. По своей функции семантические подчинительные союзы аналогичны окончаниям существительных (или сочетаниям окончания с предлогом), выражющим конкретные (наречные) значения падежных форм существительных: те и другие передают лексико-синтаксические отношения.

### Корреляционная связь

Подчинительная связь предикативных единиц в составе сложного предложения, не имеющая аналогов на уровне связей в словосочетании и простом предложении, специфична именно для грамматически организованных сочетаний предикативных единиц — сложных предложений<sup>1</sup>. В основе этой связи лежит совпадение элементов смысловой организации предикативных единиц, объединяемых в сложное предложение, поэтому в выражении этой связи всегда участвуют анафорические элементы. Имея в виду эту особенность связи, назовем ее корреляционной.

Анафорические элементы при корреляционной связи наличествуют: 1) в составе главной и придаточной частей: *Пустыня покоряется тем, кто не боится её суровых будней* (В. П.); 2) только в составе главной части:

<sup>1</sup> Отдаленным аналогом этой связи является аппозитивная связь между падежными формами существительного (т. е. связь между определяемым существительным и приложением).

*В свои семнадцать лет она [почтальон] прошла так много вёрст, что, наверное, до Владивостока хватило бы (Ю. К.); 3) только в составе придаточной части сложно-подчиненного предложения: У служащего с сорокарублёвым жалованьем оказалось в кармане десять тысяч рублей, что несколько странно (И. и П.).*

Анафорические элементы главной части — это соотносительные слова (указательные местоимения и их «заместители»), содержание которых соотнесено с содержанием придаточной части сложноподчиненного предложения. С ними взаимодействуют, осуществляя данный тип связи, союзные слова и союзы (*что, чтобы* и союзы ирреального сравнения). Анафорические элементы придаточной части — союзные слова (относительные местоимения).

Союзные слова, участвующие в выражении корреляционной связи, отличаются от союзных слов в сфере присловной связи по своей функции. В сфере присловной связи употребление союзных слов различается: 1) в присубстантивных предложениях они выступают как анафорические элементы с *з а м е щ а ю щ и м* значением, т. е. они семантически соотнесены с отдельными существительными в главной части, переносят их смысл в содержание придаточной части и выступают там как их «заместители»: *Мы подошли к высотному дому, в котором* ('в этом доме') *будет наше общежитие*; 2) в изъяснительных предложениях они семантически не соотносительны с главной частью и, следовательно, не являются анафорическими элементами; они выступают как носители вопросительного: *Мы не знали, как пройти к речке* или *указать* *значения: Мы знали, как ('так') пройти к речке.*

В сфере корреляционной связи союзные слова всегда являются анафорическими элементами. Есть два варианта их употребления: 1) союзные слова выступают как анафорические элементы с *отождествительным* значением, т. е. семантически соотнесены с соотносительными словами в главной части как имеющие тот же смысл; в этой функции союзные слова отличаются от соотносительных слов только тем, что являются знаками синтаксической зависимости придаточной части: *Что пройдёт, то будет мило* (П.); *Идём туда, откуда слышатся голоса*; *Как аукнется, так и откликнется* (посл.); 2) союзные слова выступают как анафори-

ческие элементы с вмешающим значением, т. е. семантически соотносительны со всем содержанием главной части и переносят ее значение в придаточную часть: *Мальчишка взобрался на дерево, что ему было строго запрещено* (ср. предложение с присловной связью, в котором что имеет замещающее значение: *Мальчик взобрался на дерево, что росло перед домом*).

Различают два вида корреляционной подчинительной связи: 1) обязательную двустороннюю связь, при которой обе части сложноподчиненного предложения предполагают друг друга; 2) необязательную одностороннюю связь, при которой главная часть не предполагает наличия придаточной и лишь придаточная часть предполагает обязательное наличие главной. Связью первого вида связаны части местоименно-соотносительных предложений, каждая из которых включает показатели связи (соотносительные слова — главная часть, союзные слова или союзы — придаточная часть); *Кто хочет — тот добьётся* (Л.-К.); *Жара такая, что трудно дышать*; *Кончилось тем, что они поссорились*. Связью второго вида связаны части относительно-распространительных предложений, в которых лишь придаточная часть содержит показатель связи (он же анафорический элемент): *Стояла жара, что очень затрудняло работу*.

## § 80. РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КЛАССОВ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

По традиции система сложного предложения описывается как перечень классов, которые выделяют на основе тех или других различительных признаков и называют типами. Ни одно описание этой системы не обходится без понятия типа сложного предложения, между тем этот термин не получает однозначного содержания. Классы сложных предложений, недифференцированно называемые типами, выделяют на основе различительных признаков разной природы, и потому они очень неоднородны.

Наблюдения над формальной и смысловой организацией сложного предложения приводят к мысли о необходимости выделять в сложных предложениях три вида различительных признаков.

1. Формальные признаки непосредственно не связаны с семантикой сложного предложения, не яв-

ляются прямыми выразителями компонентов его смысла и обусловливают лишь формальную организацию предложения, в том числе и такие ее стороны, которые определенным образом ограничивают допустимые семантические свойства частей сложного предложения, а уже через эти последние — опосредованно — связаны с семантикой. Такими признаками являются потенциальный количественный состав минимальной конструкции сложного предложения (только две части при закрытой сочинительной или подчинительной связи либо неопределенное их количество при открытой сочинительной связи), характер синтаксической связи частей, особенности их строения, асемантические связующие средства, т. е. асемантические подчинительные союзы и союзные слова.

2. Формально-смысловые признаки непосредственно связаны как со структурой, так и с семантикой сложного предложения. Такими признаками являются семантические связующие средства (союзы и союзные сочетания). Их конструктивные свойства (в частности, место, которое они могут занимать при линейном развертывании сложного предложения) определяют формальную организацию сложного предложения (расположение частей по отношению друг к другу). Содержательная же структура этих связующих средств является непосредственным компонентом смысла сложного предложения и определяет его смысловую организацию, а через нее и некоторые стороны его формальной организации, в частности возможные соотношения модально-временных планов частей и соответственно форм их предикативных центров.

3. Смысловые признаки непосредственно связаны лишь со смысловой организацией сложного предложения и уже через нее — опосредованно — с некоторыми сторонами его формальной организации. Такими признаками являются те особенности лексического состава, которые влияют на значение сложного предложения, а через него — на некоторые стороны формальной организации предложения, в частности (и преимущественно) на возможные соотношения модально-временных планов частей.

Соответственно различию классов признаков, влияющих на организацию сложного предложения, различаются и классы сложных предложений, выделяемые на их основе. Это целесообразно обозначить термино-

логически, введя три понятия: тип — класс сложных предложений, выделяемый на основе собственно формальных признаков; разряд — класс сложных предложений, выделяемый на основе формально-смысловых признаков; разновидность — класс сложных предложений, выделяемый на основе смысловых признаков.

## СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

### § 81. КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Классификация сложносочиненных предложений в русском языкоznании существенно не менялась. Начиная с грамматики Н. И. Гречи все описания сложносочиненного предложения строились по одному принципу: среди сложносочиненных предложений по характеру смысловых отношений между компонентами и в соответствии с семантическими группами союзов выделялись соединительные, разделительные и противительные предложения. Менялось, становясь более подробным, лишь описание семантических групп внутри этих классов.

Кроме того, к традиционно выделяемым трем классам сложносочиненных предложений позднее были добавлены еще два: пояснительные предложения, в которых части связаны отношениями пояснения или уточнения (специфическими выражителями этих отношений являются союзы *то есть*, *а именно* и функционально близкие им другие союзные средства), и присоединительные предложения, в которых вторая часть содержит «дополнительное сообщение» по поводу содержания первой части. (По тому же принципу строится классификация сложносочиненных предложений и в грамматических описаниях других славянских языков.)

При такой исключительной направленности внимания на смысловую сторону предложения оказывались совершенно не замеченными даже самые резкие формальные различия между классами сложносочиненных предложений.

Для грамматической традиции характерно неразличение среди сложносочиненных предложений открытый и закрытой структур. Между тем предложения открытой и закрытой структур представляют собой

совершенно разные типы сложного предложения, различающиеся своим количественным составом и рядом связанных с этим особенностей; ср.: *И утро выдалось отменное, и рыба клевала, и впереди был долгий свободный день.* — *Утро выдалось отменное, и поэтому у всех было хорошее настроение.*

Различно и положение этих двух формальных типов в системе сложного предложения, в частности их соотношение со сложноподчиненными предложениями. Сложносочиненные предложения закрытой структуры, минимальные конструкции которых представляют собой сочетание обязательно двух предикативных единиц, по данному различительному признаку однотипны со сложноподчиненными предложениями (последним они противопоставлены по признаку сочиненности ~ подчиненности) и вместе с ними противостоят сложносочиненным предложениям открытой структуры, минимальные конструкции которых представляют собой сочетания неопределенного количества предикативных единиц.

Критерии выделения семантических классов сложносочиненных предложений в синтаксической традиции неопределены. Семантическая классификация сложносочиненных предложений строится на основе общего содержания сложных предложений, создаваемого как союзными средствами, так и лексическим наполнением предложения. Вместе с тем можно выделять семантические классы сложносочиненных предложений, учитывая лишь значения, присущие предложениям с теми или иными союзными средствами вне зависимости от их лексического наполнения.

Классификация сложносочиненного предложения, основанная на семантике союзных средств, позволяет выделить внутри двух формальных типов (открытые и закрытые структуры) формально-смысловые разряды (и подразряды). Классификация, основанная на значениях, создаваемых лексическим наполнением частей, позволяет выделить внутри отдельных формально-смысловых разрядов собственно смысловые разновидности.

## § 82. СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ

Союзы, используемые в сложносочиненных предложениях открытой структуры, делят по значению на две группы: соединительные и разделительные. Различия

между этими группами союзов состоят не только в выражаемых ими смысловых отношениях, но и в их функции в структуре предложения.

1. Соединительные союзы не являются абсолютно необходимым строевым элементом сложносочиненного предложения открытой структуры. Типовое значение соединительных предложений создается не союзами, а самим фактом открытости структуры и однотипностью частей, составляющей конститтивный признак предложений открытой структуры. Поэтому отношения соединительного перечисления могут быть выражены как союзами, так и бессоюзно. Соединительные союзы в составе открытых структур лишь подчеркивают смысловую однотипность частей и цельность предложения; ср.: *И воздух тут чистый, и солнце, и холодком от речки тянет.— Воздух тут чистый, солнце, холодком от речки тянет; Ни ветка не зашуршит, ни птица не запоёт, ни зверёк никакой не пискнет.— Ветка не зашуршит, птица не запоёт, зверёк никакой не пискнет.*

По характеру временной соотнесенности между частями различают соединительные предложения одновременности и предложения следования: *Глубоко внизу сигналили машины, гремела арматура, раздавалась барабанная дробь пневматических ломов* (Ант.); *В сенях послышался шорох, с лязгом упал железный засов, щёлкнул крючок, и ржаво заскрипел ключ в замке* (Наг.). В предложениях одновременности части объединены общностью временного значения. В предложениях следования каждая из частей имеет свое временное значение, в таких предложениях сообщается о нескольких следующих друг за другом событиях.

2. Разделительные союзы, напротив, являются необходимым элементом структуры сложносочиненного предложения, так как именно они вносят в предложение тот модальный оттенок потенциальности, значение выбора, которые составляют сущность отношений разделительного перечисления и отличают разделительные предложения от перечислительных. Именно поэтому разделительные отношения не могут быть выражены в бессоюзных сложных предложениях.

Среди разделительных предложений выделяют предложения взаимоисключения и предложения чередования. Они различаются союзами и выражаемыми ими смысловыми отношениями.

В предложениях взаимосвязи перечисляется ряд предполагаемых явлений, реальное существование одного из которых исключает все остальные. Эти предложения образуются с помощью союзов или, либо, не то...не то, то ли...то ли: *Имение продано или торги не состоялись* (Ч.); *Не то спишь, не то бодрствуешь, не то грезишь* (К.); *То ли не вовремя вырулила на бетонную полосу другая машина, то ли заходит на посадку самолёт, имеющий преимущество в очерёдности, то ли ещё что-нибудь* (Гал.).

В предложениях чередования перечисляется ряд событий, которые повторяются чередуясь. Предложения чередования имеют общий временной план (прошедшего, настоящего или будущего), который строится на отношениях следования одного явления за другим, и организуются союзом то...то: *То Ипполиту Матвеевичу казалось, что он никогда не покидал Старгорода, то Старгород представлялся ему местом совершенно незнакомым* (И. и П.).

### § 83. СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЗАКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ

#### Союзные средства в сложносочиненных предложениях закрытой структуры

Союзы, употребляемые в сложносочиненных предложениях закрытой структуры, по значению могут быть разделены на две группы: 1) союзы широких и отвлеченных значений: и, а, но; 2) союзы узких дифференцированных значений: не только...но и, а именно и др. Формальным выражением этих различий является способность или неспособность союзов сочетаться с другими выразителями смысловых отношений между частями сложного предложения.

Характерную черту сложносочиненных предложений, образованных с помощью союзов первой группы, составляет возможность употребления в них таких слов, которые являются элементами лексического состава сложного предложения и вместе с тем выполняют строевую функцию, выражая отношения между ситуациями, которые называются в частях сложного предложения, более точно, чем собственно союзы, и оставляя союзам роль связующих скреп. Таковы местоименные наречия потому, поэтому, оттого, модальные слова следователь-

но, значит, частицы *ведь*, *всё-таки*, *всё же*, *всё равно*, *тем не менее*, *между тем* и др. В определенных условиях эти слова, иногда сливаясь с собственно союзами в одно составное слово, могут утрачивать свойства знаменательных слов или частиц и переходить в союзы. Но и в тех случаях, когда эти слова сохраняют грамматические свойства других частей речи, они являются важным элементом формальной организации сложного предложения и во многом определяют его значение. Предложения, содержащие такие слова, образуют особые разряды сложносочиненного предложения.

Среди союзов первой группы (с широким и отвлеченным значением) выделяется союз *и* как максимально отвлеченный. Союз *и*, в отличие от других сочинительных союзов, выражает лишь общую идею совместности и сосуществования тех ситуаций, о которых говорится в частях сложного предложения — «чистую идею соединения» (А. М. Пешковский), что сближает его с асемантическими подчинительными союзами.

В зависимости от того или иного лексического состава сложносочиненные предложения с союзом *и* могут иметь: 1) распространительное значение (добавления): *Блохин увидел мелкие бледные веснушки на носу и лбу, очень маленький алый рот и чистые прозрачные глаза, и в глазах этих был свой, далёкий ему мир* (Ю. К.); 2) причинно-следственное значение: *Многие уехали, и Зарядье обезмоловилось* (Леон.); 3) условно-следственное значение: *Говорите кратко, просто, как Чехов или Бунин в его последних вещах, и вы добьётесь желаемого впечатления* (М. Г.); 4) противительное значение: *Никто не должен был знать намерений его души, и весь мир был посвящён в его тайный замысел* (Фед.). Но эти значения не свойственны самому союзу *и*. Как хорошо показал А. М. Пешковский, было бы ошибкой видеть в союзе *и* выразитель распространительных, причинно-следственных, условно-следственных, противительных отношений; это значило бы, что «в значение союза просто сваливается все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений»<sup>1</sup>.

Все остальные союзы, используемые в сложносочиненных предложениях закрытой структуры, не только

<sup>1</sup> Пешковский А. М. Избранные труды. С. 142.

выражают «чистую идею соединения», но и с разной степенью дифференциации определяют характер смысловых отношений между компонентами предложения, что сближает их с семантическими подчинительными союзами. Они делятся по значению на *сопоставительные* (типа *а*) и *противительные* (типа *но*). Среди союзов второй группы (с узким дифференцированным значением) выделяются союзы *пояснительные*: *то есть, а именно* и *грациональные*: *не только...но и, да и*. Каждая из этих групп обозначает один круг смысловых отношений и включает ряд функционально однородных союзов, определенным образом соотнесенных между собой. Соответственно и среди сложносочиненных предложений по семантике и связанным с ней конструктивным свойствам союзов выделяются разряды.

### **Классы сложносочиненных предложений закрытой структуры**

В соответствии со сказанным устанавливаются три уровня деления сложносочиненных предложений на разряды (и подразряды). На первом уровне деления отчленяются предложения, допускающие в *второй союзный элемент*, и предложения, не допускающие второго союзного элемента.

На втором уровне деления сложносочиненные предложения, допускающие второй союзный элемент, по реальному наличию или отсутствию его делятся на предложения без *второго союзного элемента*: *Он знак подаст — и все хлопочут* (П.) и на предложения с *вторым союзным элементом*: *Да, никогда новая весна не бывает, как старая, и оттого так хорошо становится жить, с волнением, с ожиданием чего-то нового в этом году* (Пр.).

На третьем уровне деления предложения без *второго союзного элемента* делятся по тому, каким именно союзом они организуются: максимально широким по значению союзом *и* или более специализированными союзами *а*, *но* и синонимичными им.

Предложения с *вторым союзным элементом* делят на подразряды на основе семантики этого элемента, который определяет значение всего предложения. На этом основании выделяют шесть подразрядов: 1) предложения *следствия ~ вывода* (с союз-

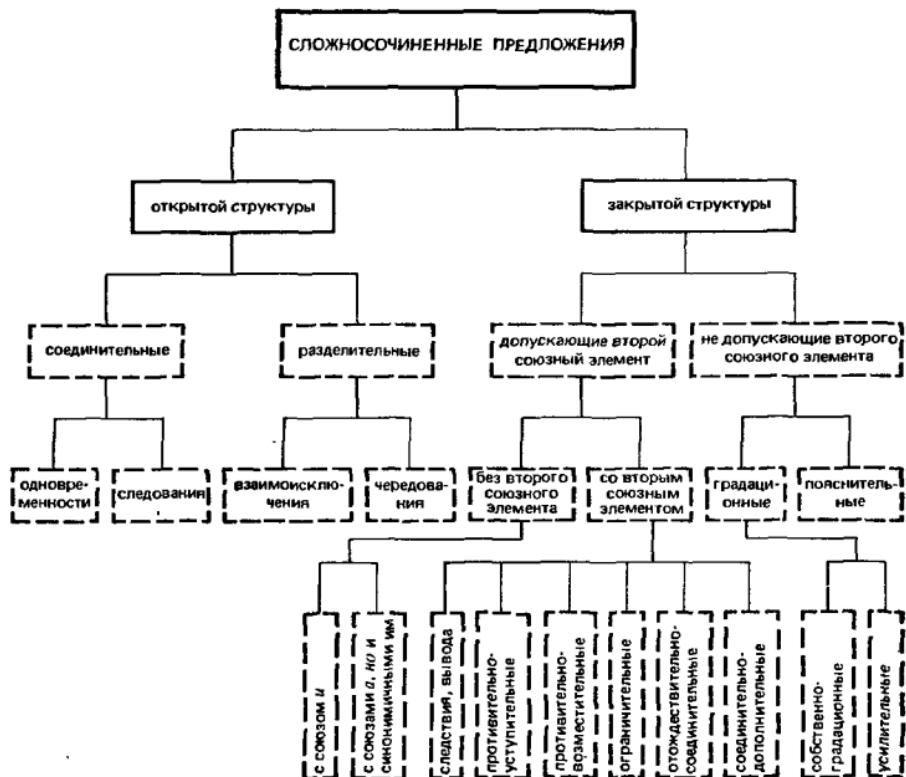
ными элементами поэтому, потому, оттого, следовательно, значит и т. п.): *Моё место было в другом вагоне, а поэтому мы только издали поклонились Кате и Бубенчиковым* (Кав.); 2) противительно-уступительные предложения (с союзными элементами всё-таки, тем не менее, между тем и т. п.): *Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждёт неоконченная повесть* (Ч.); *Наверное, это была несправедливая мысль, но она всё-таки пришла ему в голову* (Сим.); 3) противительно-возместительные предложения (с союзным элементом зато): *Обладая более твёрдым шагом, мулы хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах* (Арс.); 4) ограничительные предложения (с союзными элементами только, лишь и т. п.): *Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву* (Ч.); 5) отождествительно-соединительные предложения (с союзными элементами тоже, также и т. п.): *Дочь училась дома и росла хорошо, и мальчик тоже учился недурно* (Л. Т.); 6) соединительно-дополнительные предложения (с союзными элементами ещё, вдобавок и т. п.): *Я там [в Тамани] чуть-чуть не умер с голоду, да ещё вдобавок меня хотели утопить* (Л.).

Предложения, не допускающие вторых союзных элементов, по семантике союзов делят на поясниительные (с союзами то есть, а именно): *Он был офицер, то есть с детства, с кадетского корпуса готовился воевать* (С.-Ц.) и градационные (с союзами не только...но и, да и т. д.). Градационные предложения по характеру союзов в свою очередь делят на собственно градационные и усилительные. Собственно градационные предложения оформляются союзами расчлененного типа (не только...но и, не то чтобы...но и т. п.): *Не только что нашего клуба не было, или фонарей на улицах, но и лавок на весь город было только две* (К.). Усилильные предложения оформляются союзом да и: *Здесь мой голос на резком ветру огрубел, да и сердце моё огрубело* (А. С.).

В рамках отдельных разрядов сложносочиненных предложений возможно выделение собственно смысловых разновидностей, основанием которого является значение, связанное с типовыми особенностями лексического состава сложного предложения и, в свою очередь, определяющее структурные особенности слож-

ного предложения. Так, среди предложений с союзом *а*, составляющих один структурно-семантический разряд сложносочиненных предложений закрытой структуры, выделяются три семантические разновидности, конститутивными признаками которых являются определенные закономерности организации лексического состава: 1) **сопоставительные** предложения: *Первый флигель сгорел, а второй сохранился*; 2) **сопоставительно-распространительные** предложения: *Флигель сгорел, а на его месте теперь цветник*; 3) **предложения несоответствия**: *У него дом сгорел, а ему хоть бы что*.

Классификация сложносочиненных предложений может быть схематически изображена следующим образом:



# СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

## § 84. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУКИ

В русском языкоzнании в разное время были выдвинуты три принципа классификации сложноподчиненных предложений. Наибольшую популярность получила классификация, основанная на уподоблении сложноподчиненного предложения в целом простому, а придаточных частей — членам предложения.

Построенная на этом принципе классификация в главных своих чертах сложилась к середине XIX в. В ее создании особенно велика роль Ф. И. Буслаева. В соответствии с исходным принципом этой классификации среди придаточных частей (предложений) выделяют подлежащие, сказуемые, дополнительные, определительные и обстоятельственные, а внутри последних, как их разновидности,— придаточные места, образа действия, меры и степени, времени, причины, цели, условия, уступительные.

Несмотря на кажущуюся стройность и последовательность, эта классификация внутренне противоречива, так как различны основания для уподобления придаточной части сложноподчиненного предложения тому или иному члену предложения. При наличии соотносительных слов в главной части основанием для уподобления придаточной тому или иному члену предложения служит синтаксическая функция соотносительного слова. Поэтому в предложении *Тот, кто шёл впереди, молчал* придаточная часть квалифицируется как подлежащее, в предложении *Я обратился к тому, кто шёл впереди* — как дополнение, а в предложении *Он тот, кто шёл впереди* — как сказуемое, так как соотносительное слово *тот* является в первом предложении подлежащим, во втором — дополнением, а в третьем — сказуемым. В сложноподчиненных предложениях, не имеющих соотносительных слов в главной части, придаточные уподобляются тем или иным членам предложения по их синтаксической связи и смысловым отношениям с главной частью — по той синтаксической позиции, какую они занимают относительно главной части.

Следствием этого противоречия является неоднородность конструкций, относимых к одному разряду. Так, к предложениям с придаточными дополнительными от-

носят и основанные на присловной связи предложения типа *Он надеялся, что здесь его поймут* и основанные на коррелятивной связи предложения типа *Наконец он встретил того, кого искал*.

Эта классификация имеет и другой недостаток: признак, положенный в основу деления на типы сложно-подчиненных предложений с соотносительными словами в главной части (синтаксическая функция соотносительного слова) является внешним, малосущественным для организации сложноподчиненного предложения: он не определяет конструктивных особенностей предложения и поэтому однородные по формальной организации и значению предложения оказываются отнесенными к разным классам. В предложении *Было так жарко, что трудно было дышать* придаточная часть понимается как обстоятельственная меры и степени (поскольку соотносительное слово *так* выступает в функции обстоятельства меры и степени); в предложении *Наступила такая жара, что трудно было дышать* придаточная толкуется как определительная (поскольку соотносительное слово *такая* является определением), а в предложении *Жара была такая, что трудно было дышать* придаточная рассматривается как сказуемое (соотносительное слово *такая* здесь является сказуемым). Между тем формальная и семантическая однородность этих предложений очевидна.

Однако эта классификация имеет и несомненное достоинство: она рассматривает сложноподчиненное предложение как построение, основанное на синтаксических связях, аналогичных тем, какие обнаруживаются в простом предложении, утверждая тем самым изоморфизму синтаксической системы. Именно эта сторона традиционной классификации и обеспечила ей, несмотря на ее очевидные недостатки, долгую жизнь в науке и школьной практике.

Классификации, основанной на уподоблении придаточных членам простого предложения, противостоит формальная классификация сложноподчиненных предложений по средствам связи главной и придаточной частей. Эту классификацию выдвигали и отстаивали А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, Л. А. Булаховский, А. Б. Шапиро.

В соответствии с принципом, положенным в основу формальной классификации, среди сложноподчиненных предложений различают предложения с союзами

ми словами (относительное подчинение) и предложения с союзами (союзное подчинение); дальнейшее деление внутри этих двух типов основано на делении союзных слов и союзов по значению.

Формальная классификация, по существу, представляет собой попытку свести анализ сложноподчиненного предложения к анализу союзов и союзных слов. Между тем формальная организация и значение сложноподчиненного предложения определяются не только союзами и союзовыми словами, но и другими конститутивными признаками; причем в некоторых типах сложноподчиненного предложения ядро структуры составляют не союзы, а другие конститутивные признаки.

Третья классификация исходит из более широкого понимания формы сложноподчиненного предложения. Так как в этой классификации учитываются и формальные и семантические критерии, то ее назвали структурно-семантической. В основе классификации лежит установление характера соотношений между главной и придаточной частями.

В создании структурно-семантической классификации значительную роль сыграли труды Н. С. Поспелова, который выделил два основных типа сложноподчиненных предложений: двучленный и одночленный<sup>1</sup>. Различие между двучленными и одночленными предложениями Поспелов связывает с разным характером соотнесенности между главной и придаточной частями: в двучленных предложениях придаточная часть соотносится со всей главной частью, в одночленных предложениях придаточная часть относится к одному слову в главной части, развивая или конкретизируя его.

Выдвигая такое деление сложноподчиненных предложений, Н. С. Поспелов продолжает давнюю традицию русской грамматики. К подобному делению сложноподчиненных предложений были близки М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, А. Х. Востоков, И. И. Давыдов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов. П. Беляевский прямо предлагал делить все придаточные на два разряда, характеризуя различие между ними следующим образом: «Одни служат пояснением к одной только какой-нибудь части главного предложения, то есть пояснением одного понятия... другие же поясняют целую мысль, целое предложение, обозначая или причину, или следствие, или условие, или противоположность и пр.»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // Вопр. языкоznания. 1959. № 2.

<sup>2</sup> Беляевский П. О некоторых спорных вопросах русской грамматики // Журнал Мин. нар. просвещения. 1869. № 6.

## § 85. НЕРАСЧЛЕНЕННЫЕ И РАСЧЛЕНЕННЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Признак, выбранный Н. С. Поспеловым для различия двух основных классов сложноподчиненного предложения, можно принять как основание классификации, но с двумя уточнениями. Во-первых, нельзя противопоставлять синтаксические связи предложения в целом и связи его предикативного центра. Эта мысль точно и остро выражена Е. Куриловичем: «Именно сказуемое (на практике личный глагол или связка) представляет внешние синтаксические связи предложения... определить все предложение — значит определить сказуемое предложения. Таким образом разрешается часто обсуждаемая грамматистами проблема большей или меньшей независимости обстоятельственных оборотов: связаны ли они со всем предложением или только со сказуемым? Мы говорим, что грамматически это одно и то же, так как сказуемое представляет все предложение»<sup>1</sup>.

Во-вторых, соотнесенность придаточной части со всей главной частью (или, что то же самое, с ее предикативным центром) составляет лишь типичную тенденцию тех предложений, которые образуют, по Поспелову, двучленный тип, но вовсе не является их обязательной чертой. При некоторых видах осложнения главной части (инфinitив в составе сказуемого, другие виды зависимого инфинитива, причастный и деепричастный обороты и т. п.) в предложениях, которые принято относить к двучленному типу, делается возможной связь придаточной части с одним словом в главной части — неспрягаемой формой глагола или неглагольной словоформой. Ср.: *Дед необыкновенно ожился, потому что почувствовал себя необходимым семье.* — За завтраком больше всех говорил дед, *необыкновенно оживившийся, потому что почувствовал себя необходимым семье.* — *Необыкновенно оживившись, потому что почувствовал себя необходимым семье, дед принялся за дело* — в первом предложении придаточная часть соотносится со всей главной, а в двух последующих она определяет лишь причастный и деепричастный обороты в составе главной части. Разница между предложениями *Ба-*

<sup>1</sup> Курилович Е. Основные структуры языка: Словосочетание и предложение // Очерки по лингвистике. С. 53.

*тальон двинулся вперёд, как только сапёры разминировали проход и Батальон получил приказ двигаться вперёд, как только сапёры разминируют проход, включающими одну и ту же придаточную часть, состоит в том, что в первом предложении она относится ко всей главной части (или — что то же — к ее сказуемому), а во второй — только к инфинитивному обороту (*двигаться вперёд*) в ее составе.*

Итак, противостоят друг другу по ряду признаков сложноподчиненные предложения двух типов. Назовем предложения первого типа *расчлененными*, а второго — *нерасчлененными*. Для нерасчлененных предложений обязательным признаком является отнесенность придаточной части к одному слову в главной; для расчлененных предложений характерна отнесенность придаточной части ко всей главной части, хотя при некоторых осложнениях строения главной части возможны и отклонения от типичной для расчлененных предложений соотнесенности частей.

Вместе с тем между этими двумя типами сложноподчиненных предложений есть и другие различия. Наиболее наглядны различия в средствах выражения связи частей: в предложениях расчлененного типа главная и придаточная части связываются посредством семантических союзов; в предложениях нерасчлененного типа части связываются посредством асемантических союзов и анадорических местоимений, которые в данном отношении однородны с асемантическими союзами. Однако и этот признак не вполне безупречен как классификационный критерий. Так, предложения типа *Отец долго не приезжал, что всех беспокоило; Она покраснела, отчего лицо её стало ещё милей*, которые по первому критерию явно принадлежат к расчлененным, по второму критерию должны быть отнесены к нерасчлененным, так как придаточную часть в них вводят относительные местоимения — средство связи, свойственное нерасчлененным предложениям.

Связующие средства играют разную роль в организации этих двух типов сложноподчиненного предложения. В предложениях расчлененного типа связующие средства являются главным организующим центром предложения, так как они не только определяют его значение, но и являются важнейшим строевым элементом. В этих предложениях нет других строевых элемен-

тов, роль которых была бы сопоставима с ролью связующих средств в организации сложного предложения. В предложениях же нерасчлененного типа всегда, наряду со связующим средством и даже в большей степени, чем само связующее средство, формальную и смысловую организацию сложноподчиненного предложения определяют другие элементы структуры: соотносительные или опорные слова в составе главной части, предполагающие определенное распространение их придаточной частью либо соотнесенность с нею, так что самый факт наличия и характер строения придаточной части диктуются составом главной части. В этом находит внешнее проявление самая суть грамматического различия между расчлененными и нерасчлененными сложноподчиненными предложениями: они организуются разными видами подчинительной связи. Связь в нерасчененных предложениях носит предсказующий характер, а в расчененных — непредсказующий.

Это основное различие между расчлененными и нерасчлененными предложениями обуславливает разный характер дифференциации их частных видов.

## § 86. КЛАССЫ РАСЧЛЕНЕННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Для расчененных сложноподчиненных предложений дифференцирующим признаком является характер используемых в них союзных средств. Классификация этих сложных предложений подготовлена традицией и не вызывает больших разногласий. Совершенно очевидно, что предложения с семантическими союзами и предложения с относительными местоимениями представляют разные структурные типы сложноподчиненного предложения. Различие в средствах связи отражает более глубокое различие в характере самой подчинительной связи, которая является детерминантной у предложений первого типа и корреляционной — у предложений второго типа. Эти два типа назовем детерминантным и относительно-распространительным.

1. Детерминантные предложения — класс обширный и внутренне разнообразный. Среди детерминантных предложений по семантике союзов выделяют следующие разряды:

1) предложения обусловленности, которые, в свою очередь, делят на а) причинные: Я был счастлив в ту ночь, потому что ночным катером приезжала она (Ю. К.); Оттого лес называется тёмным, что солнце смотрит в него, как в оконце, и не всё видит (Пр.); Самому мне, кажется, и в голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова,— благо лермонтовское Кропотово было в двадцати пяти верстах, да и вообще чуть не все большие писатели родились поблизости (Бун.); б) словные: А мне всегда казалось, что я перестал бы понимать Пушкина, если бы допустил, что он нуждался в нашем понимании больше, чем в Наталии Николаевне (Паст.); Если испугаешь тётку и она взлетит, то и самец взлетит (Пр.); И коли ты стоящий генерал, про тебя, так и быть, скажут: «Это солдат!», а если нестоящий, так и не дождешься этого услышать (Сим.); в) целевые: Мы, держась за руки, стали подниматься вверх среди редких деревьев, в светлом лесу, чтобы посмотреть ещё раз на Оку сверху (Ю. К.); Казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, постричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть (И. и П.); г) уступительные: Несмотря на то, что Чехов стоял в литературе уже высоко, занимая своё особое место, он всё же не отдавал себе отчёта в своей ценности (Бун.); Отаявшая земля резкошибала в нос, хотя из оврага тянуло ещё снежным холодом (Ю. К.); д) следствия: Голос у лектора оказался негромок и глуховат, так что Поля не разобрала вступления (Леон.);

2) временные предложения: Когда мне хорошо или, наоборот, больно, я всегда вспоминаю эту джалазовую мелодию (Ю. К.); Как подошла сеноуборка, установилась сухая, жаркая погода (Наг.); Как только замёрзли к вечеру лужи, запах вечернего мороза опять вернулся меня к весне света (Пр.); Только-только мать успела ссадить Чука с Геком и принять от военного вещи, как поезд умчался (Гайд.); Левитан возвращался к людям, снова писал, любил, верил, запутывался в сложности человеческих отношений, пока его не настигал новый удар хандры (Пауст.);

3) сравнительные предложения: В глубине души маленькая женщина счастлива, как все влюблённые или вообще преданные какой-нибудь страстью мечте люди (Бун.); Прохожие вдруг заторопились, будто бы их погнал ливень (И. и П.); Приближение к полу-

*забытым местам волнует особенно свежо и сильно, словно едешь в прошедшие годы на свидание со своей молодостью (Ант.); Лягушка приходила смотреть на яркий огонь, так же как дети собираются вокруг неубранного чайного стола послушать перед сном сказку (Пауст.);*

4) предложения соответствия (с союзами по мере того как, чем...тем): *По мере того как стрелка часов приближалась к семи, возрастала тоска Буланина (К.); Русское лето, чем ближе к осени, тем больше бывает окрашено в спелые цвета (Пауст.).*

В рамках отдельных разрядов сложноподчиненных предложений выделяются семантические разновидности, которые отличаются друг от друга значением, создаваемым под воздействием определенного лексического наполнения предложения. Так, среди целевых предложений выделяют собственно целевые, имеющие в главной части значение произвольного целенаправленного действия, и предложения антицели, передающие в главной части значение непроизвольного действия; ср.: *Антипич, чтобы не мешала ему Травка, привязал её дома (Пр.); Его [лагеря] легкие постройки возникали по утрам, чтобы с заходом солнца исчезнуть, оставив на песке городские отходы: увядшие дынные корки, яичную скорлупу и газетные лоскутья (И. и П.).*

2. Относительно-распространительные сложноподчиненные предложения составляют небольшой и внутренне ценный класс. Эти предложения организуются любым союзным словом с вмещающим значением; придаточная часть, вводимая союзным словом, всегда постпозитивна (или — при осложнении главной части полуопределительной конструкцией — интерпозитивна): *Маврину принято называть сказочницей, что вообще-то верно (Е. Д.); Корейко, вздыхая, выдал недостающие деньги, взамен чего получил свое жизнеописание в жёлтой папке с ботиночными тесёмками (И. и П.); А деревья всерьёз начали стрелять, как бывает только в самый сильный мороз (Пр.); Покраснев сквозь загар, отчего лицо его только стало ещё смуглее, Тройников сказал сдержанно: «Прошу извинить за опоздание» (Бакл.).*

## § 87. ТИПЫ НЕРАСЧЛЕНЕННЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Гораздо больше спорных вопросов возникает при классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений, где нет возможности опереться на сложившуюся в науке традицию.

Н. С. Поспелов предложил взять за основу классификации нерасчлененных предложений существенные для сложноподчиненного предложения признаки того слова, к которому относится придаточная часть, и в соответствии с этим выделил три типа: присубстантивно-определительный, местоименно-соотносительный и изъяснительный.

Однако в этой классификации не учитывается важное структурное различие между местоименно-соотносительными сложноподчиненными предложениями, с одной стороны, и всеми остальными нерасчлененными предложениями — с другой. Это различие состоит в характере подчинительной связи, которая является корреляционной в местоименно-соотносительных предложениях и присловной во всех остальных нерасчлененных предложениях (ср. деление по аналогичному принципу расчлененных предложений). Поэтому целесообразно различать две ступени деления предложений нерасчлененного типа. На первой ступени противопоставляются по виду связи местоименно-соотносительные предложения и предложения с присловной придаточной частью, отвечающей синтаксической сочетаемости определенных разрядов слов. На второй ступени внутри каждого из этих типов выделяются их подтипы — на разных для разных типов основаниях.

## § 88. СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИСЛОВНОГО ТИПА

Поскольку главным конститутивным элементом сложноподчиненных предложений с присловной придаточной частью является опорное слово, классификация предложений с присловными придаточными должна быть основана на характере опорного слова, распространяемого придаточной частью. Среди сложноподчиненных предложений с присловными придаточными частями есть основания выделять 1) предложения, структура которых определяется грамматической при-

родой распространяемого слова как части речи или грамматической природой распространяемой формы слова,— присубстантивные и прикомпаративные предложения; 2) предложения, структура которых определяется семантической природой распространяемого слова главной части,— изъяснительные предложения.

Различие между типами хорошо видно из сопоставления сложноподчиненных предложений двух типов при одном и том же опорном слове. Ср.: *Надежда, которая ещё теплилась в душе, теперь исчезла*.— *Надежда, что успеем к сроку, не оправдалась*. В первом предложении слово *надежда* распространено присубстантивной придаточной частью в соответствии с грамматической природой существительного: способность иметь при себе придаточную часть этого типа составляет характерную черту существительного как части речи, и потому распространяться таким образом может каждое существительное. Во втором предложении слово *надежда* распространено изъяснительной придаточной частью в соответствии со своим лексическим значением: лексическое значение объединяет слово *надежда* с большой семантической группой слов, синтаксическим свойством которых является способность присоединять к себе придаточные данной структуры; распространяться придаточной изъяснительной могут все слова данного семантического разряда независимо от того, к какой части речи они относятся; ср.: *Нас известили, что открытие памятника состоится в воскресенье*.— *Стало известно, что открытие памятника состоится в воскресенье*.— *Получено известие, что открытие памятника состоится в воскресенье*.

К предложениям первого типа, кроме присубстантивных, следует относить также прикомпаративные предложения, в которых придаточная часть распространяет компаратив, давая описательное обозначение одному из объектов сравнения: *Рыболовы были людьми тёртыми и всегда брали из дома на охоту мешки полнее, чем привозили с охоты домой* (Фед.); *Не будем изображать себя мудрее, чем мы были в действительности* (Гал.); *На улицах было гораздо шумнее, чем это помнилось Ипполиту Матвеевичу* (И. и П.).

Распространяться, образуя сложноподчиненное предложение прикомпаративного типа, кроме компаратаива, могут также некоторые слова, лексическое значе-

ние которых содержит указание на сравнение, подобное тому, которое в компаративе является его грамматическим значением (*иной, другой, по-иному, по-другому*): *Больница оказалась совсем иной, чем представлял её Берлага* (И. и П.). Таким образом, в прикомпаративном типе с предложениями, структура которых определяется грамматической природой опорного слова (компаратива), объединяются предложения, структура которых определяется лексической семантикой опорного слова.

## § 89. СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНОГО ТИПА

### Соотносительные слова и союзные средства

Конститутивным признаком местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений является наличие соотносительного слова, которое входит в состав главной части в качестве ее члена и с которым соотносится придаточная часть, восполняющая его специфическую лексическую малознаменательность, синсемантичность.

Характер соотносительного слова определяет круг возможных союзных средств, с помощью которых к нему может быть присоединена придаточная часть. Союзовыми средствами в местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложениях могут быть все относительные местоимения и некоторые союзы. Однако полностью этот набор связующих средств не допускается ни в одной из разновидностей местоименно-соотносительных предложений. С одной стороны, определенное соотносительное слово предполагает соответствующий круг возможных при нем союзных средств, с другой стороны, определенные союзные средства также предполагают соответствующий круг соотносительных слов. Сочетание соотносительного слова и союзного средства составляет структурную основу местоименно-соотносительного предложения.

Характер отношения между соотносительным словом и придаточной частью местоименно-соотносительного сложноподчиненного предложения не имеет аналогов ни в сфере сочетаний слов, ни в других типах сложного предложения. Являясь формально, подобно опорному слову присловного предложения, членом глав-

ной части, к которому относится придаточная часть, соотносительное слово, вследствие своей лексической ненаполненности, само играет служебную роль по отношению к придаточной части: связывает ее содержание с содержанием главной части. Вместе с тем соотносительное слово играет служебную роль и по отношению к главной части: оно является показателем ее формальной и смысловой несамостоятельности, выразителем того, что она представляет собой часть сложного предложения.

Функцию соотносительных слов выполняют местоимения, имеющие значение *отдаленного указания* (*тот, та, то, там, туда, оттуда*), и местоимения, в семантике которых не содержится *указания на отдаленность или близость* (*так, такой, столько, настолько*). Каждое указательное местоимение, функционирующее как соотносительное слово, обладает способностью сочетаться с семантически соответствующим ему относительным местоимением (одним или несколькими): *так — как, там — где, там — куда, там — откуда*. Некоторые указательные местоимения, кроме того, сочетаются еще и с определенными группами союзов.

В функции соотносительных слов, кроме перечисленных указательных местоимений, могут употребляться определительные, отрицательные и неопределенные местоимения, имеющие предметное или пространственное значение: *все, всё, одно, всякий, каждый, любой* (эти слова в местоименно-соотносительных предложениях имеют субстантивную природу), *ничто, кое-что и т. п.; всюду, везде, нигде, никуда, где-то* и т. п. Определительные, отрицательные и неопределенные местоимения выступают как более лексически содержательные «заместители» соответствующих указательных местоимений.

«Заместителями» соотносительных слов могут быть также указательные местоимения, имеющие значение *близкого указания*. Эти местоимения в силу особенности их значения тесно связаны с ситуацией и контекстом и потому семантически более содержательны. Как соотносительные слова из числа местоимений этого типа могут употребляться *здесь, сюда, отсюда*.

## Типы местоименно-соотносительных предложений

По характеру соотносительных слов и средств связи частей местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения делят на три типа.

1. Предложения первого типа характеризуются тем, что допускают любое из соотносительных слов, кроме наиболее отвлеченного слова *то<sub>2</sub>*<sup>1</sup> и устойчивых сочетаний *до того, до такой степени, таким образом*, выбор же союзного средства в них ограничен — в них возможны только относительные местоимения, соответствующие по значению соотносительным словам: *Лесная книга даётся только тем, кто* хочет читать её без всякой ощущимой пользы для себя или корысти (Пр.); *То, что* я принял за облако, был густой утренний туман над Клязьмой-рекой (Ант.); *Серпилин хорошо представлял себе, что такое эта сегодняшняя ночь там, где теперь идёт главная война* (Сим.); *И разве «Буря мглою небо кроет» звучит для меня так, как это звучало, например, для Брюсова, росшего на Трубе в Москве?* (Бун.).

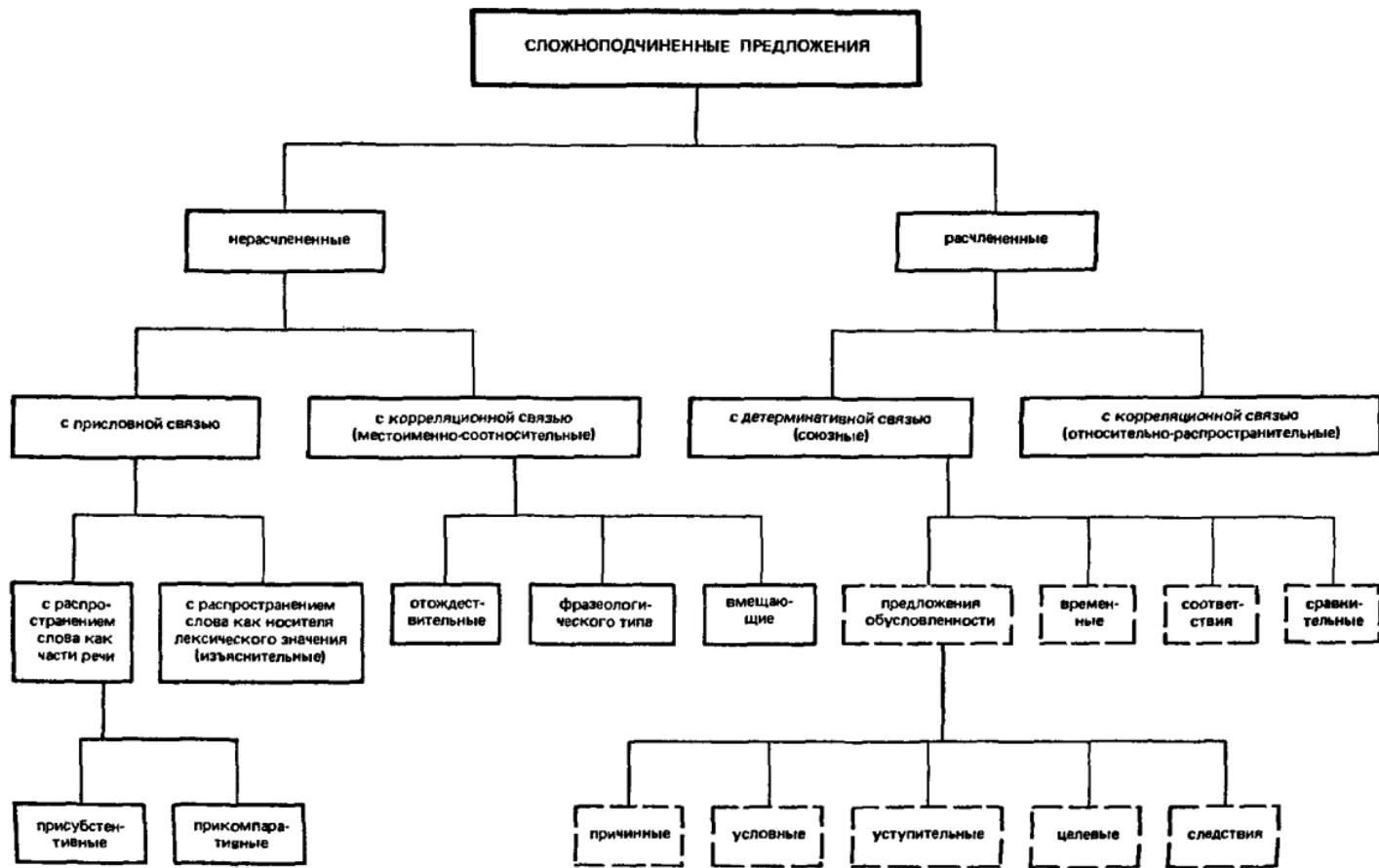
2. В предложениях второго типа одинаково ограничен и круг соотносительных слов и круг союзных средств. Они содержат соотносительные слова с определительным — качественным или количественным — значением, а союзовыми средствами в них служат асемантичные союзы *что, чтобы* и союзы, выражающие значение ирреального сравнения: *Я, братец, так люблю её, что даже боюсь своей любви* (Бун.); *Стояла такая темень, что в комнате не видно было окон* (Ант.); *Серпилин видел своими глазами столько смертей, что давно потерял им счёт* (Сим.); *Но, видно, не такое наступило время, чтобы старики можно было тихо помирать в родных куренях* (Ш.); *Дожди были такие, будто не вода, а серебро лилось с неба* (Пауст.); *Мотя встретила Трубникова так, словно он к ней в гости пожаловал* (Наг.).

3. В предложениях третьего типа максимально ограничен круг соотносительных слов и максимально широк круг союзных средств. Эти сложноподчиненные предложения содержат наиболее семантически опустошенное, формализованное соотносительное слово *то<sub>2</sub>*; в

<sup>1</sup> Цифровой индекс указывает на отвлеченное значение, отличающее это соотносительное слово от конкретно-предметного *то*.

качестве же союзных средств здесь возможны все относительные местоимения (кроме *что*) и асемантические союзы *что* и *чтобы*; ср.: *Трудность состояла в том, как совместить быстроту и точность обработки детали.* — *Трудность состояла в том, что при убыстрении обработки детали снижалась точность.* — *Задача состояла в том, чтобы одновременно увеличить и быстроту и точность обработки детали.*

С этими формальными особенностями в наборе возможных соотносительных слов и союзных средств связаны различия в принципе организации сложноподчиненного предложения — в характере анафорической функции соотносительных слов. Предложения первого типа (с соотносительными словами, имеющими предметное, пространственное или определительное значение, и с соответствующими им по значению относительными местоимениями как союзовыми средствами) строятся на основе прямой соотнесенности между соотносительным и союзовыми словами и отождествления их семантического наполнения. В предложениях второго типа (с соотносительными словами, имеющими определительное значение, и с союзами) соотносительное слово связано со всей придаточной частью, но связь эта имеет косвенный, опосредованный характер, опирается на элементы смысла, не получающие отдельного словесного выражения, а свойственные конструкции в целом, и предполагает соотнесенность между содержанием придаточной и главной частей в целом. В предложениях третьего типа (с соотносительным словом *то<sub>2</sub>*, допускающим и относительный и союзный способ выражения связи) соотносительное слово вмещает в себя все содержание придаточной части и включает его в главную как единый компонент ее семантико-синтаксической структуры. Так, в предложениях первого типа *Я взял с собой то, что было необходимо; Как в книжке написано, так я и сделал* наблюдается такое соответствие: *то — что, так — как*. В предложении второго типа *Я так устал, что еле дошёл до дома* между соотносительным словом *так* и придаточной частью нет прямой соотнесенности, связь между ними основана на отношениях следствия, которые предполагают смысловую соотнесенность между главной и придаточной частями. В предложении третьего типа *Эта книга хороша тем, что заставляет задуматься* семантическое наполнение *то<sub>2</sub>* (это слово представлено формой творительного паде-



жа) равно содержанию придаточной части: между ними существует прямая соотнесенность, основанная на вмещающей функции соотносительного слова.

Эти три типа предложений различаются также особенностями порядка частей. Предложения второго типа имеют фиксированный порядок частей: придаточная часть обязательно постпозитивна. Предложения первого и третьего типов представляют собой гибкие структуры, но закономерности расположения частей, влияние порядка слов на структуру и значение сложноподчиненного предложения в них различны.

Из всех признаков, различающих типы местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений, наиболее существенным и глубоким является характер анафорической функции соотносительного слова, определяющий отношение между главной и придаточной частями. Поэтому для них можно принять следующие обозначения, указывающие на специфику анафорической функции соотносительного слова: 1) отождествительные предложения; 2) предложения фразеологического типа; 3) вмещающие предложения.

Классификация сложноподчиненных предложений может быть изображена схематически (см. с. 762).

## БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

### § 90. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Бессоюзное сложное предложение представляет собой явление синтаксической системы, во многом еще не познанное наукой. В значительной степени это объясняется тем, что долгое время внимание было обращено на факты кодифицированного литературного языка, который отождествлялся с литературным языком вообще. Между тем сферой бытования бессоюзного сложного предложения является преимущественно разговорный язык.

В кодифицированном литературном языке основной тип сложного предложения — союзный. В научной и деловой речи бессоюзные сложные предложения почти не употребляются, здесь допускаются лишь немногие их виды. Более широко бессоюзные сложные предложения представлены в художественной литературе, причем

преимущественно в таких ее сферах, которые прямо имитируют разговорный язык (в драматических произведениях и в речи героев в художественной прозе), а также в публицистических произведениях с установкой на раскованность речи. Широко и своеобразно используются бессоюзные сложные предложения в стихотворной речи.

В разговорном языке во многих случаях бессоюзное оформление сложного предложения составляет норму, в то время как для кодифицированного литературного языка оно представляет отклонение от нормы, допустимое лишь в ограниченных речевых сферах. Так, бессоюзные сложные предложения, соответствующие местоименно-соотносительным сложноподчиненным предложениям кодифицированного языка, в разговорном языке последовательно и регулярно оформляются без союзов и соотносительных слов: *С нами в лесу гулял / в его классе будет учиться* (ср.: *Тот, кто с нами в лесу гулял, в его классе будет учиться*); — *А крепко он у вас спит? — Он спит / разбудить невозможно* (ср.: *Он спит так крепко, что...* или: *Он спит так, что...*), *Дождь был / до нитки промокли* (ср.: *Дождь был такой, что...*).

Ни в одной речевой сфере кодифицированного литературного языка не представлено все многообразие бессоюзных сложных предложений, бытующих в разговорном языке. Существует много их образцов, которые реализуются только в разговорном языке. Таковы, например, бессоюзные сложные предложения, эквивалентные сложноподчиненным предложениям с присубстантивной придаточной частью: *А это и есть та кукла / ты из ГДР привёз?* (= которую ты из ГДР привёз), *Дай-ка мне рубашку / я в театр хожу* (= ту рубашку, в которой...).

Функционирование бессоюзных сложных предложений преимущественно в сфере разговорного языка объясняется спецификой их формальной и смысловой организации. В бессоюзных сложных предложениях смысловые отношения между частями не имеют эксплицитного выражения и должны извлекаться адресатом речи из содержания частей с опорой на фонд общих знаний у слушающего и говорящего. В условиях, когда говорящий и адресат речи находятся в непосредственном контакте и говорящий может постоянно контролировать понимание сказанного им, а при необходимости и кор-

ректировать неверное толкование, бессоюзные сложные предложения оказываются экономной и потому удобной конструкцией.

## § 91. ПОНЯТИЕ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

До 50-х годов нашего века в науке господствовал взгляд, согласно которому бессоюзные сложные предложения рассматривались не как особая синтаксическая структура, а как предложения с «опущенными» союзами. При таком взгляде на бессоюзные предложения задача их изучения сводилась к подведению тех или иных бессоюзных предложений под типы союзных; необходимость специального изучения их структуры отпадала.

С 50-х годов получил распространение принципиально новый взгляд на бессоюзные сложные предложения, который основан на признании бессоюзных предложений особым структурно-семантическим классом сложного предложения. Это признание повлекло за собой отказ от традиционного уподобления бессоюзных предложений союзовым и разработку классификации бессоюзных предложений на основе специфики их структуры и семантики. Наибольшую известность получила классификация Н. С. Поспелова.

В основу деления бессоюзных сложных предложений им положен последовательно проводимый семантический критерий. Среди бессоюзных предложений различаются два основных типа: 1) предложения однородного состава, части которых однотипны в смысловом отношении и одинаково относятся к образуемому ими целому; 2) предложения неоднородного состава, части которых разнотипны в смысловом отношении и представляют разные стороны образуемого ими целого. Внутри этих типов выделяются частные разновидности — также по характеру смысловых отношений между частями сложного предложения. Среди предложений однородного состава различают предложения со значением перечисления и со значением сопоставления. Среди предложений неоднородного состава различают предложения со значениями обусловленности, причинно-следственным, изъяснительным, пояснительным и присоединительным.

Эта классификация является важным этапом в изучении бессоюзного сложного предложения. Однако она

не направлена на изучение его формальной организации. Между тем бессоюзные сложные предложения — это предложения со специфической формальной организацией, а потому их классификацию нужно строить с учетом формальных различий, как это делается при классификации союзных сложных предложений.

## § 92. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТКРЫТОЙ И ЗАКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ

Если классификацию бессоюзных сложных предложений строить на тех же основаниях, какие лежат в основе систематизации союзных сложных предложений, то обнаружится следующее. В сфере бессоюзия, как и в сфере союзной связи, противостоят друг другу сложные предложения открытой и закрытой структуры. Признак открытости ~ закрытости структуры сложного предложения обладает большей различительной силой, чем признак бессоюзной ~ союзной связи. Все предложения открытой структуры — как бессоюзные, так и союзные — сходны по строению; более того, в предложениях открытой структуры возможно объединение бессоюзия и союзной связи. Сложные предложения открытой структуры в целом составляют особый формальный тип сложносочиненного предложения, характеризующийся большой внутренней однородностью, в рамках которого противопоставление бессоюзия и союзной связи не является таким существенным, как противопоставление бессоюзия и союзной связи в сложных предложениях закрытой структуры.

Для сложных предложений закрытой структуры, напротив, противопоставление бессоюзия и союзной связи чрезвычайно существенно.

Бессоюзные сложные предложения закрытой структуры составляют особый формальный тип: в них нет противопоставления сочинительной и подчинительной связи, поскольку закрытость структуры возможна как при сочинительной, так и при подчинительной связи, а специфические средства выражения той или иной связи в этих предложениях отсутствуют.

Попытки положить интонационные конструкции в основу деления этих бессоюзных сложных предложений на сочиненные и подчиненные несостоятельны, так как между интонационными конструкциями и классами бес-

союзного сложного предложения нет прямого и обязательного соответствия: одно и то же по форме и лексическому наполнению бессоюзное предложение в разных речевых условиях может иметь разное интонационное оформление. В бессоюзных предложениях закрытой структуры, таким образом, выражается особый, свойственный только сложному предложению и не представленный в словосочетании и простом предложении вид связи — недифференцированная синтаксическая связь.

Среди бессоюзных сложных предложений с недифференцированной синтаксической связью противостоят друг другу два формальных класса: 1) предложения типизированной структуры, т. е. предложения, части которых имеют какую-то специфическую формальную организацию; 2) предложения нетипизированной структуры, т. е. предложения, части которых не имеют специфической формальной организации.

### § 93. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

По характеру формальной организации бессоюзные сложные предложения типизированной структуры бывают трех видов: 1) предложения с анафорическим элементом в одной из частей; 2) предложения с факультативной позицией заключительной частицы; 3) предложения с незамещенной синтаксической позицией в первой части.

1. Предложения с анафорическим элементом бывают двух видов в зависимости от того, в какой из частей содержится анафорический элемент; эти виды различаются также характером анафорических элементов и смысловыми отношениями между частями предложения.

Бессоюзные сложные предложения, в которых анафорический элемент (слово с информативной недостаточностью, содержание которого раскрывается с помощью другой части предложения) содержится в первой части, по характеру отношений между частями сближаются с местоименно-соотносительными сложноподчиненными предложениями. Однако в отличие от местоименно-соотносительных предложений бессоюзные предложения не содержат грамматикализован-

ных лексических элементов, подобных соотносительным словам. Анафорическим элементом в их составе может быть указательное местоимение, сочетание указательной частицы с вопросительным местоимением, определяющее местоимение с совокупным или выделительным значением, сочетание неопределенного местоимения с прилагательным, отвлеченное существительное, т. е. любое слово, которому постоянно или окказионально свойственна информативная недостаточность, служебная функция: *Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки* (Ч.); *К этой заботе прибавлялась другая: ночью наступала очередь Мешкова караулить квартал* (Фед.); *Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось* (В. Ш.).

В бессоюзных сложных предложениях, в которых анафорический элемент помещается во второй части, в качестве анафорических элементов используются только указательные и лично-указательные местоимения или сочетания указательной частицы *вот* с относительным местоимением: *Блеск огней достигал до самого дна бухты, так прозрачна была морская вода* (Пауст.); *Лохматые волосы хочется тронуть рукой — такие они пушистые и мягкие* (Либ.); *От берега стал доноситься сплошной рёв: там по песку шёл чудовищный накат* (Ю. К.); *Изредка от края до края мола перекатывался заунывный шум — то спросонок разбивалась о камни волна* (Пауст.); *Самые значительные слова от неумеренного употребления теряют свой внутренний смысл — в последующем мы не раз убеждались в этом* (Гал.); *Необычайность жизни Марии Стюарт — вот что поразило писателя* (Кав.).

2. Бессоюзные сложные предложения с факультативной позицией заключительной частицы реально или потенциально включают перед второй частью заключительную частицу *так* (реже *то*): *Мне бы смолчать, (так) ссоры бы не было; Я ухожу, (так) вы дверь заприте; Позовут вас, (так) идите; Заденешь куст, (так) тебя всего росой обдаст.* В этих предложениях выражаются недифференцированные отношения временной соотнесенности и обусловленности между двумя ситуациями.

При определенном лексическом наполнении и соотношении модально-временных планов частей бессоюзные сложные предложения этого типа характеризуют более узкое значение. Так, значение ирреального

условия имеют предложения с модальностью предложительности: *Маньке иногда кажется: не ходи она каждый день с почтой по этой тропе, всё бы давно заглохло* (Ю. К.); ср. также приведенный выше пример с формами сослагательного наклонения в обеих частях.

3. Бессоюзные сложные предложения с незамещенной синтаксической позицией в составе одной части (как правило, она бывает первой) по характеру отношений между частями и по строению частей сходны с изъяснительными предложениями. Их сближает то, что структурные схемы и тех и других предполагают 1) наличие в одной из частей (главной в сложноподчиненном предложении и семантически аналогичной ей в бессоюзном) опорного слова определенной семантики, с которым соотносится вторая часть предложения; 2) отсутствие при опорном слове распространяющей его формы слова, которая является альтернатом части сложного предложения, т. е. наличие незамещенной синтаксической позиции; ср.: *Было ясно: мы опаздываем.— Было ясно, что мы опаздываем;* *Он сказал: «Позвони в лабораторию».— Он сказал, чтобы я позвонил в лабораторию;* *Я спросил: «Куда вы так спешили?».— Я спросил, куда они так спешат.*

## § 94. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕТИПИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

Бессоюзные сложные предложения нетипизированной структуры не имеют выразительных примет, которые позволили бы различать внутри них классы на формальных основаниях (типы.) Составляя один формальный тип, эти предложения различаются по значению, по характеру смысловых отношений между частями. Наиболее употребительны две семантические разновидности бессоюзных предложений нетипизированной структуры.

1. Первая часть объяснительных предложений содержит сообщение о событии, а вторая комментирует это сообщение, давая ему мотивирующее или уточняющее пояснение. В предложениях мотивирующего пояснения вторая часть содержит обоснование того, что сказано в первой: [Левитан шёпотом читал стихи Тютчева.] Чехов делал страшные глаза и ругался тоже шёпотом,— у него клевало, а стихи

*пугали осторожную рыбу* (Пауст.); *Надо тихо идти: можно увидеть, как горлинка тут пьёт воду* (Пр.); *Давно, видно, никто не подходил к колодцу: вокруг плотно стелилась кудрявая мурава* (Фед.); *Серпилин не ответил: не хотелось ни спорить, ни говорить* (Сим.); *Ботинки зашнуровывались плохо: железки от шнурков давно отвалились, концы стали похожи на кисточки и не пролезали в дырки* (Ант.).

В предложениях уточняющей пояснения части по-разному сообщают об одном событии: первая часть содержит более общее сообщение (часто неразвернутое), а вторая — более конкретное (часто более полное): *Столетние усилия дерева сделали своё: верхние ветви эта ель вынесла к свету* (Пр.); *Дупло дятлов приходится искать точно так же, как и грибы: всё время напряжённо смотришь перед собой и по сторонам* (Пр.); *Стали жить по-заветному — всякий Демид себе норовит* (Фед.); *Война как монета: сколько ни катится, а всё равно на ребро не станет — ляжет или орлом, или решкой* (Сим.); *Работа у него, видно, была интересная: на заливных придонских лугах возле Кумишка делал он дамбу* (Ант.).

2. Вторая часть сопоставительных предложений содержит сообщение, которое существенно отличается от сообщения, содержащегося в первой части: *Час дворников уже прошёл, час молочниц ещё не начинался* (И. и П.); *Левитан хотел солнца, солнце не показывалось* (Пауст.); *Её пробовали унять, она ещё отчаяннее ярилась* (Пауст.).

Смысловые различия между бессоюзными сложными предложениями нетипизированной структуры создаются разным лексическим наполнением частей и некоторыми другими особенностями их смысловой и коммуникативной организации. Условием появления сопоставительного значения, например, является симметричность соотношения актуального и грамматического членения внутри частей и наличие в них членов (не менее двух), находящихся в ассоциативных связях друг с другом. Так, в предложении *С отцом советоваться не мог, с другом смог бы* актуальное членение одинаково отделяет первый субстантивный компонент (*с отцом — с другом*) от сказуемого в обеих частях; при этом и данные субстантивные компоненты и сказуемые (*советоваться не мог — смог бы*) составляют ассоциативные ряды.

Все сказанное о типах бессоюзных сложных предложений закрытой структуры может быть схематически представлено следующим образом:



## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 652—740.
- Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М., 1977.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 462—474.
- Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений // Избр. труды. М., 1959.
- Постелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Постелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // Вопр. языкоznания. 1959. № 2.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 461—471, 539—541, 615—616, 634—636, 650—656.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. Очерки 5, 6, 9.

## Глава 11

# ИНТОНАЦИЯ И СИНТАКСИС

### СИСТЕМА ИНТОНАЦИОННЫХ СРЕДСТВ

#### § 95. ИНТОНАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЗВУКОВЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

Интонация входит в систему звуковых средств языка наряду с фонемами (во всем многообразии их звуковых реализаций) и словесным ударением. Каждое из этих средств по-разному участвует в выражении смыслового и эмоционального содержания речи, различные возможности фонем проявляются в пределах морфемы, ударения — в пределах слова, состоящего минимум из двух слогов. Различительные возможности интонации проявляются в пределах высказывания во взаимодействии с его синтаксической структурой, лексическим составом и смысловыми связями в контексте.

Все звуковые средства языка состоят из одних и тех же акустических компонентов: основного тона (в дальнейшем изложении — тона), тембра, интенсивности и длительности звучания. Одни качества и изменения этих компонентов существенны для звуков, другие — для ударения и интонации. С этой точки зрения интонация представляет собой различные соотношения количественных изменений тона, интенсивности, длительности и некоторых свойств тембра: степени отчетливости тембра при усилении или ослаблении словесного удараия, тембровой окраски, зависящей от эмоционального состояния говорящего. При этом наибольшими возможностями обладает тон.

#### § 96. СОСТАВ ИНТОНАЦИОННЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

Интонация конкретизируется как система интонационных средств, в которую входят: тип интонационной конструкции (ИК), место центра ИК, членение на синтагмы, т. е. на интонационно-смысловые части, пауза. Интонацию можно представить наглядно по-разному: 1) с помощью графиков, вычерченных на основе инструментального исследования и отражающих характер индивидуального произнесения; 2) с по-

мощью схем, отражающих то общее, что содержится в индивидуальном произнесении какой-либо ИК; 3) с помощью интонационной транскрипции, передающей тип ИК, место центра ИК, синтагматическое членение. В учебнике используются и схемы, и интонационная транскрипция:

Он уже вернулся ?

Минск — /столица Белоруссии.

*Он уже вернулся [3]? Минск [3] — /столица Белоруссии [1].*

Возможна и более сложная транскрипция, передающая особенности эмоциональных реализаций ИК, степень выраженности акустических компонентов ИК, величину пауз.

Каждое из интонационных средств языка выделено на основе противопоставления высказываний, в которых с помощью интонации выражаются различия, несовместимые в одном контексте: изменение интонационного средства ведет или к изменению смысла, или к разрушению его. Ср.:

Он здесь.    Он здесь ?

— типы ИК разные, место центра — одинаковое;

Вот где он живет ?                  Вот где он живет!

— обозначено усиление ударения; тип ИК одинаковый, место центра — разное;

Оппонент думал: / докладчик не согласится со мной.

Оппонент, думал докладчик, / не согласится со мной.

— разное синтагматическое членение, в первой синтагме разные типы ИК.

Интонационные языковые средства проявляются в единстве: в потоке речи вычленяется синтагма, которая произносится с какой-либо ИК, имеющей центр. В то же время каждое из интонационных средств характеризуют свои различительные возможности.

## § 97. СВОЙСТВА ИНТОНАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

На основе противопоставления высказываний в русском языке выделяют семь типов интонационных конструкций, каждый из которых имеет общие для всех свойства.

В каждой ИК имеется центр — ударный слог выделенного по смыслу слова, которое может находиться в начале, в середине или в конце конструкции. В зависимости от места центра в ИК может быть разное количество составных частей:

только центр:

*Tam ? Tam.*

предцентр — центр:

*— — — — — / — — — — \*  
Она пошла в кино ? Она пошла в кино.

центр — постцентр:

*/ — — \ — — — — \*  
В цирке это было ? В цирке это было.

предцентр — центр — постцентр:

*— — \ — — — — / — — \ — — — — \*  
Он давно уехал ? Он давно уехал.

Различительные признаки ИК могут быть существенны для всех типов или только для двух, имеющих сходство в контурах тона (т. е. в мелодических очертаниях всей конструкции). Для всех типов ИК важно различать нисходящее и восходящее направление тона на гласном центре, а также уровни тона на составных частях ИК. При сходстве контуров ИК появляются дополнительные признаки: усиление словесного ударения в ИК-2 и смычка голосовых связок в ИК-7.

В потоке речи каждый тип представлен многочисленным рядом нейтральных и эмоциональных реализаций, которые различаются по степени выраженности акустических компонентов. Мы будем рассматривать преимущественно нейтральные реализации ИК; важно отметить, что при разном употреблении они могут выражать и смысловые и эмоциональные различия.

Общие свойства имеют ИК и в области различительных возможностей. Каждый тип ИК может упот-

ребляться в высказываниях разной синтаксической структуры. Так, ИК-3 встречается при выражении вопроса, незавершенности неконечной синтагмы, удивления, просьбы:

Аптека закрыта?      Если аптека закрыта, позвони.

Надо же как получилось!      Откройте дверь!

Значения, выражаемые интонацией, по своей природе являются очень обобщенными, они многообразно конкретизируются в зависимости от лексико-синтаксического состава высказывания. Так, ИК-3 во многих случаях сигнализирует о необходимости продолжения общения: в вопросе ожидается продолжение общения в ответе, в повествовательном высказывании — продолжение в следующей синтагме, при выражении просьбы говорящий ожидает ответного действия, согласия. С другой стороны, несколько типов ИК могут участвовать в выражении одного и того же значения. Так, незавершенность в повествовательном высказывании может быть выражена с помощью ИК-3, ИК-4, ИК-6. Эти интонации конкретизируют эмоционально-стилистические различия незавершенности в разных сообщениях. Таким образом, каждая ИК многомерно связана с лексико-синтаксическим составом высказывания.

1. В первой интонационной конструкции на гласном центре нисходящий тон ниже уровня тона предцентра, уровень тона постцентра ниже тона предцентра. Степень понижения тона широко варьируется, в предцентре направление тона варьируется от восходящего нисходящего до относительного ровного.

Да. Он уехал вчера.      К родителям поехал.      Они живут в Крыму.

*Передача для школьников [1] / «Куда пойти учиться» [1] / в шестнадцать сорок [1].*

*Он приехал рано [1], / когда все ещё спали [1].*

2. Во второй интонационной конструкции на гласном центре нисходящий тон (начало его может быть выше тона предцентра или в пределах его уровня), уровень тона постцентра ниже тона предцентра; на гласном центре усилено словесное ударение. В ИК-2 широко

варьируется степень выраженности акустических компонентов.

Где ? Где вы были вчера? Где вы были вчера? Где вы были вчера?

*Осторожнее [2]!*

*Обещайте мне этого не делать [2]! Прошу вас [2]!*

*Вы ошибаетесь [2]!*

*Дверь была открыта, когда вы пришли [2]!*

3. В третьей интонационной конструкции на гласном центре восходящий тон выше уровня тона предцентра, уровень тона постцентра ниже тона предцентра. В ИК-3 варьируется форма восходящего тона, / / / / / степень выраженности словесного ударения, резкость повышения и понижения тона.

Вы ? Вы идёте в цирк ? Вы идёте в цирк ? Вы идёте в цирк ?

*Если вы идёте в цирк [3], я остаюсь дома [1].  
Помогите мне перевести [3]!*

4. В четвертой интонационной конструкции уровень тона на гласном центра ниже тона предцентра, уровень тона постцентра выше уровня тона предцентра. На гласном центре варьируются степень понижения и форма тона: восходящий тон, нисходяще-восходящий, ровный тон с повышением в конце:

Ваш ? Ваш пропуск ? Ваш пропуск ? Ваш билет ?

*А куда вы поедете на следующий год [4]?*

*Приглашение президента [4] / принято [1].*

*А я и не думала с вами спорить [4]! Мне и так всё ясно [4]!*

(Возможно также: *Приглашение президента [3] / принято [1]; А я и не думала с вами спорить [1]. Мне и так всё ясно [1].*)

5. В пятой интонационной конструкции два центра, которые следуют друг за другом или разъединены несколькими слогами. Поэтому ИК-5 возможна в высказываниях, состоящих минимум из двух слов. На гласном первого центра тон восходящий, выше тона предцентра, на гласном второго центра — тон нисходящий, ниже тона между центрами, уровень тона постцентра

ниже уровня тона предцентра и второго центра. В целом контур ИК-5 напоминает своего рода «мелодическую крышу». Во всех высказываниях с ИК-5 присутствует значение «очень», которое входит в качественные или количественные оценки. В зависимости от смысла широко варьируется степень выделенности первого или второго центра по длительности и высоте тона.

/ — \ / — \ — / \  
Сколько забот ! Сколько забот перед свадьбой ! Прошло полгода !

*Отвратительная погода [5]!*

*Замечательная мысль [5]!*

*Как же так [5]!*

6. В шестой интонационной конструкции на гласном центре восходящий тон, уровень тона постцентра выше уровня тона предцентра. В ИК-6 широко варьируется уровень тона в постцентре, длительность гласных в центре и в конечном слоге, темп речи и др. В зависимости от особенностей произнесения интонация может быть и нейтральной и торжественной.

/ — \ — / — \ — / — \ — / \  
Ночь ! Книга интересная ! Какой сегодня закат ! Грибов в лесу !

(При оценке обычно увеличивается длительность гласного центра.)

*Почему, ты говорила, он не приехал [6]?* (переспрос, который может быть не связан с моментом речи; обычно убыстряется темп речи в постцентре)

*Почему он не приехал [6]?* (недоумение; обычно замедляется темп речи в постцентре)

*В следующую субботу [6] / выпускной вечер [1].*

7. В седьмой интонационной конструкции на гласном центре восходящий тон, в конце гласного — смычка голосовых связок; уровень тона постцентра ниже уровня тона предцентра.

T — — T — — T  
Да ! Не говори ! Хорошо здесь ! Очень скучный фильм !

*Какие у него способности [7]! Усидчивостью берёт [2]!*

*Когда это было [7]! Я уж об этом и думать перестал [7]!*

**Место центра ИК.** Два высказывания могут произноситься с одним и тем же типом ИК, но с разным местом центра ИК — средством различения значений этих высказываний; ср.:

*И тогда он отказался [1] (т. е. тоже). — И тогда он отказался [1] (т. е. в результате).*

*Надо же было приехать самому [2]! Прислал сына, он бы всё уладил (досада; возможно синонимическое употребление ИК-2 и ИК-3). — Надо же было приехать самому [2]! А он прислал сына, который не в курсе дела (необходимое, но несостоявшееся действие).*

*Павел знал об этом [3]? — Павел знал об этом [3]?*

*Какая у них квартира [6]? (переспрос) — Какая у них квартира [6]! (оценка).*

Наибольшими различительными возможностями обладает место центра ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-6. Большой частью место центра ИК является средством смыслового выделения слова и средством конкретизации многозначных слов (омонимов).

## § 98. СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. ПАУЗА

Термин «синтагма», употребляемый и в грамматике и в интонологии (вслед за Л. В. Щербой), отражает линейные отношения компонентов предложения. В интонологии термин «синтагма» говорит о том, на сколько интонационно-смысовых частей членится высказывание. Как можно заметить, одна и та же синтагма может произноситься с разными типами ИК.

Различительные возможности синтагматического членения неоднородны. Синтагматическое членение может быть средством различия синтаксических связей между словоформами, совпадающими по грамматическому оформлению; ср.: *Экзаменатор чувствовал [2]; /абитуриент не уверен в решении [2]. — Экзаменатор, чувствовал абитуриент [3], / не уверен в решении [2].*

Наиболее распространенной функцией синтагматического членения является участие в смысловом выделении частей высказывания. При этом необходимо различать основное, обязательное членение, обусловленное синтаксической структурой предложения, и членение дополнительное, обусловленное субъективным отноше-

нием говорящего к высказываемому; ср.: *Детей ожидал сюрприз [1]: / на торте стоял медведь из шоколада [1]. — Детей [6] / ожидал сюрприз [1]: / на торте [3] / стоял медведь [3] / из [3] / шоколада [1]*. Обычно говорящий сочетает основное и дополнительное членение.

Пауза между синтагмами может быть и не быть. Пауза усиливает эффект членения речи на синтагмы, улучшает понимание высказывания в целом и его частей. Возможно участие паузы в различении значений высказываний:

- Алло [2]! Вам какой Петя нужен [2]?
- Иванов... какой [2]! (обозначена пауза внутри синтагмы) — ср.: *Иванов какой [2]! Всех перегнал [2]!*

## ИНТОНАЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

### § 99. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Значение высказывания является результатом взаимодействия значений, выражаемых синтаксической структурой высказывания, его лексическим составом, интонацией и смысловыми связями с контекстом. Высказывание может содержать потенциальные значения, которые вне интонации и смысловых связей остаются нераскрытыми, неактуализированными. Количество и природа потенциальных значений зависят от особенностей структуры и лексического состава высказывания.

Например, в высказывании *Ух и море же сегодня холодное!* сочетание *ух + и + же* выражает констатацию высокой степени признака, поэтому роль интонации снижена. Высказывание может быть произнесено с разными типами ИК, которые используются как синонимические средства, передающие эмоционально-стилистические оттенки: спокойную констатацию (ИК-1), подчеркивание удивления (ИК-3, ИК-6), подчеркивание высокой степени признака (ИК-5) и т. п. Если же из приведенного высказывания вывести сочетание *ух + и + же*, то роль интонации возрастает; она становится средством выражения потенциальных значений данного лексико-синтаксического состава высказывания; ср.: *Море сегодня холода [1]* (констатация признака). — *Море сегодня холодное [6]!* (констатация высокой степени признака). — *Море сегодня холода [3]?* (вопрос о наличии или отсутствии признака). Потенциальным

для данного высказывания является и значение обоснования, для выражения которого используется интонация (ИК-2 или ИК-7) и мотивирующая связь с предшествующим высказыванием: *Не плáвай далеко [2]: / мóре сегодня холодное [2]!*

В тексте высказывания всегда связаны по смыслу. В определенных типах структур смысловые связи становятся различительным признаком высказываний, в которых при одинаковом лексико-сintаксическом составе и интонации, даже при одинаковой интонационной синонимии все еще остаются невыраженные значения. К числу полифункциональных лексико-сintаксических структур относятся высказывания с *надо было, надо же было*. Проследим роль смысловых связей и интонации в этих высказываниях при выражении разных значений, при разграничении *надо* как знаменательного слова и *надо* как частицы (в сочетании с *же*):

*Он торопíлся [1]: / надо было послать телегráмму [2]!* (необходимость действия, мотивирующего предшествующее); *Надо было послать телегráмму [2]: / мы бы тебя встрéтили [1]* (неосуществившееся действие).

*Ну скажí [2], / разве я непráв [3]? Нáдо же было послать телеграмму [3]?* *Теперь я спокóен [4]!* (надо — знаменательное слово).

*Нáдо же было послать телеграмму [3]!* *Теперь все переполошáтся [2]!* (ненужность действия, досада, надо же — частицы).

В следующих высказываниях усиливается роль интонации (сintагматического членения):

*Ты вот сám приехал [2]! Нáдо же было [3] / послать телегráмму [2]!*

*Зря ты приехал [2]! Нáдо было [3] / послать телегráмму [2]!*

Таким образом, различительные возможности интонации меняются в зависимости от особенностей лексико-сintаксического состава высказывания. Обратим при этом внимание на неравноценность значений, выражаемых с помощью интонации. Некоторые из них несовместимы в одном контексте, ведут к разрушению или изменению содержания: например, вопрос-ответ, вопрос-оценка. Это значит, что несколько интонационных средств, например разные типы ИК или разные варианты сintагматического членения, передают различия в пределах общего значения. Так, в высказывании *Ну и что с того, что он обидится [1/2/4]?* при выражении

значения «несущественность действия» ИК-1 передает нейтральное эмоциональное состояние говорящего, ИК-2 усиливает оттенок несогласия, а ИК-4 вносит оттенок вызова. Именно при наличии общего значения, выражаемого разными средствами, возникает интонационная синонимия.

## **§ 100. РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТОНАЦИИ В ПРОСТОМ И СЛОЖНОМ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ**

Наибольшие различительные возможности интонации проявляются в простых высказываниях, не осложненных перечислением, сопоставлением, причастными и деепричастными оборотами, частицами, союзами, междометиями, т. е. такими лексико-сintаксическими средствами, которые определяют однозначность высказывания. Это высказывания из двух — четырех слов, употребленных в прямом значении. Именно в них с помощью интонации выражаются разнообразные значения. Интонация в таких случаях в значительной степени зависит от лексики, с ее помощью активизируется роль смысловой связи.

В простых высказываниях, осложненных перечисленными выше конструкциями, а также в сложных высказываниях возможности интонации в большей степени зависят от синтаксиса и в основном сводятся к установлению иерархии смысловой важности отдельных частей высказывания, к изменению или конкретизации синтаксической связи между ними. Таким образом, выявляется зависимость интонации преимущественно от лексики или преимущественно от синтаксиса высказывания.

## **§ 101. ИНТОНАЦИЯ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Существуют семантические свойства слова, которые проявляются в высказывании лишь при выделении слова интонационным центром, а вне интонационной выделенности остаются неактуализированными.

## Интонация и ассоциативно-тематические связи слова

Многие слова способны включаться в ассоциативно-тематические связи по общему смысловому признаку, например: цветообозначение (*синий, зелёный...*), дни недели (*понедельник, вторник...*), сорт варенья (*малиновое, вишнёвое...*) и др. В зависимости от синтаксиса и интонации высказывания слово, выделенное центром ИК, по-разному связано с другими членами ассоциативно-тематического ряда, которые могут быть и не названы, но легко воспринимаются слушающими в данной ситуации. Эти смысловые связи представляют собой разные виды противопоставления, сопоставления, отождествления.

Отношения противопоставления типа «именно это», «это, а не то» выражаются в повествовательных, вопросительных и волеизъявительных высказываниях, в которых слово, способное образовать ассоциативные связи, выделено центром ИК-2: *Мне нужен билет на вечёрний поезд [2]!*; *Когда отходит вечёрний поезд [2]?*; *Вы не можете купить мне билет [3] / на вечёрний поезд [2]?*; *Французская выставка [2] / ещё открытa [3]?*

Можно обратить внимание на то, что ассоциативно-тематические связи хорошо образуют слова, являющиеся распространителями в словосочетании; ср.: *Помоги ему [3]! Он купил журнальный стол! [2]* — *Он купил журнальный стол [2]!* (а не обеденный или письменный). Если интонационно выделенное слово не вступает в ассоциативно-тематические связи, смысловое противопоставление отсутствует: *Где вы были вчера [2]?* *Где вы были вчера [2]?*

В повествовательных, вопросительных, волеизъявительных высказываниях с союзом *и* перед интонационно выделенным словом с ассоциативно-тематическими связями выражаются отношения отождествления, т. е. присоединение или возможность присоединения сообщаемого к уже известному с точки зрения какого-либо признака: *И Павел часто пишет [3]?* (= Павел тоже часто пишет?); *И Павел часто пишет [1]; Сообщите об этом приказе и Павлу [1].*

При выражении отношений отождествления активизируется взаимодействие порядка слов, интонации, потенциальных свойств слов. Такие средства позволяют добиться сжатой выразительной речи, требующей вни-

мания слушающего и читающего: *Но счастья нет и между вами, природы бедные сыны!.. [2] / и под издранными шатрами живут мучительные сны [2]* (П.).

В расчлененных повествовательных высказываниях в составе синтагм возможны отношения сопоставления, если центр ИК приходится на слово с ассоциативно-тематическими связями. При сопоставлении обращается внимание на признаки понятий, отличные от других понятий, объединенных ассоциативно-тематическими связями. Например: *Моя дипломная работа [3] / написана на материале русского языка [1]* (связи: дипломная, курсовая, диссертационная работы; русский и другие языки) — здесь центр ИК-3 сочетает функции выделения и выражения незавершенности, а центр ИК-1 — функции выделения и завершенности. Лексический состав данного высказывания допускает выражение разных вариантов сопоставления и противопоставления: *Моя дипломная работа [3] / написана на материале русского языка [2]; Моя дипломная работа написана на материале русского языка [2]!*

Ассоциативно-тематические связи слова широко используются при выражении неизвестного в вопросе без вопросительного слова: *Экзамен во вторник [3]?* (т. е. во вторник или в среду? в пятницу?..). Эти смысловые отношения в вопросе могут быть выражены синонимическим способом: *Когда будет экзамен [2]?* *Во вторник [3]?*

Таким образом, способность слова образовывать ассоциативно-тематические связи служит основой выражения разнообразных смысловых отношений в зависимости от синтаксиса и интонации высказывания.

### Интонация и альтернативные связи слов

Многие слова, обозначающие действие, признак, состояние, способны образовывать альтернативные связи, а именно связи взаимоисключающего противопоставления (разновидность антонимических отношений). Эти особенности слова используются при выражении неизвестного в вопросе без вопросительного слова, в котором равновероятны наличие и отсутствие действия, признака, состояния: *Он приедет во вторник [3]?* (приедет или не приедет?); *Вкусный суп [3]?* (вкусный или не вкусный?); *Вам удобно [3]?* (удобно или не удобно?). Взаимоисключающее противопоставление не может

быть продолжено, в отличие от противопоставления, образованного на основе ассоциативно-тематических связей; ср.: *приедет — не приедет*, но: *во вторник — не во вторник*: *в среду, в четверг...*

## Интонация и оценочные значения слов

Интонация активно участвует в выражении кванти-тативных значений в высказываниях, где есть слова, обозначающие признак, действие или состояние, способные иметь разную интенсивность. При этом слабая интенсивность, слабая степень проявления признака выражается лексически: *Немного похолодало сегодня [1]; Меня слегка знобит [1]*. Большая интенсивность, высокая степень проявления признака может выражаться и лексически и интонационно — с помощью ИК-6 (в последнем случае преобладает субъективный порядок слов); ср.: *Похолодало сегодня [6]! — Сегодня очень похолодало [1]; Знобит меня [6]! — Меня очень знобит [1]; Грубит он мне [6]! — Он очень грубит мне [1]; Тесно им стало в этой квартире [6]! — Им стало очень тесно в этой квартире [1]*.

В высказываниях с родительным количественным с помощью ИК-6 выражается значение «очень много»: *Яблок [6]!; Яблок на ветках [6]!; Грибов в этом году [6]!; Шуму [6]!*

Слово может выражать квалификативную оценку путем присоединения определений: *интересный сон, плохой фломастер* и т. п. В устной речи оценка может быть выражена без определений, путем выделения слова интонационным центром (ИК-6). Качественно-характеризующие признаки воспринимаются в конкретной ситуации: *Сон я видел [6]!; Ветер [6]!; Почерк у тебя [6]! Фломастеры я купила [6]!; Сплошное разочарование [5]!*

Все оценочные высказывания с ИК-6 преобладают в устной речи, в письменной им соответствуют различные словесные способы выражения оценки. Оценочные высказывания, в которых качественно-характеризующие признаки поясняются через какой-либо конкретный факт, сближаются с бессоюзными сложными предложениями со значением следствия: *Ветер [6]! Пальто срывается [2]!; Погода [6]! Из дому выходить не хочется [2]!* В устной речи наряду с ИК-6 употребляется ИК-3, в письменной — варьируются знаки препинания; ср.:

*Снег [6]! Ослепнуть можно [2]! — Снег [3] — / ослепнуть можно [2]!*

В устной речи возникает интонационное противопоставление высказываний с разным значением; ср.:

*Зима [1] (бытийное высказывание). — Зима [6]! (оценочно-бытийное).*

*Уютно у вас [1] (констатация признака). — Уютно у вас [6]! (констатация высокой степени признака).*

*Воды [2]! (волеизъявление) — Воды [3]? (вопрос) — Воды [6]! (констатация существования субъекта в большом количестве).*

### Интонация и полифункциональные словоформы

В русском языке есть класс слов, которые могут функционировать как знаменательные и служебные (*где, ещё, как, какой, когда, куда, лучше, надо же, один, пока, просто, прямо, раз, сколько, скорее, так, такой, там, тоже, только*) или как служебные с разными значениями (*а, вот, и, да, но, ну, хоть бы*). Конкретизация этих значений выражается с активным участием интонации — выделенностью или невыделенностью слова центром определенного типа ИК, синтагматическим членением; ср.:

*Лучше читай [2]! На каждом слове ошибаешься [2]! (лучше — компаратив) — Лучше читай [2]! Хватит сидеть у телевизора [2]! (лучше — частица, участвует в выражении значения предпочтительности)*

*Какой там сад [2]? (какой, там — местоименные слова) — Какой там сад [7]! В командирóвку еду [2]! (какой, там — частицы, участвуют в выражении экспрессивного отрицания)*

*Да, Петя [2], / да [2]! (да — частица, выражает утверждение) — Да, [2] / хлеб купи [2]! (да — частица со значением ‘чуть не забыл, вспомнил’) — Да хлеба купи [2]! (да — частица со значением дополнительности).*

### Интонация и эмоционально-стилистическая окраска слова

Связь интонации и лексики проявляется также в зависимости выбора ИК от эмоционального содержания высказывания, эмоционально-стилистической окраски слова или словосочетания. Чемнейтральнее лек-

лический состав высказывания, тем шире интоационные возможности в передаче разного эмоционально-стилистического содержания. Так, высказывание *Мы поедем во Владимир [3] / и в Киев [1]* произнесено как нейтральное сообщение с ИК-3 в неконечной синтагме и с ИК-1 в конечной. Возможна и другая интонация, передающая торжественность события: *Мы поедем во Владимир [6] / и в Киев [2]!* (в средневерхнем регистре, в ИК-6 усиlena мускульная напряженность, гласный центра продвинут вперед, увеличена его длительность).

Если определенное эмоциональное содержание однозначно отражено в лексическом составе высказывания, то и выбор интонации предопределен: *В моей руке [2] / какое чудо [5]! / твой рукá [5]!* (Фет).

Описанные связи интонации и лексики сохраняются и в синтаксически сложных высказываниях, но там они проявляются в меньшей степени, так как активизируются другие возможности интонации, связанные с детализацией смысловых отношений внутри высказывания.

## § 102. ИНТОНАЦИЯ И ИЕРАРХИЯ СМЫСЛОВОЙ ВАЖНОСТИ ЧАСТЕЙ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Чем сложнее синтаксическая структура высказывания, тем разнообразнее интоационные возможности установления иерархии смысловой важности отдельных частей высказывания. Известно, что главная часть сообщения составляет рему и выражается порядком слов, частицами, интонацией. Эта часть повествовательных высказываний имеет наиболее разнообразные оттенки и средства выражения. В нейтральной речи рема выделяется центром ИК-1, при смысловом подчеркивании, противопоставлении ('именно это', 'это, а не то', 'вот что', 'вот как' и др.) — центром ИК-2:

*Она была довольна [1]. Её просьбу удовлетворили [1].*

*Она была недовольна [1]. Её просьбу удовлетворили только через два дня [2]!*

ИК-2 является «пограничной» интонацией между нейтральной и эмоционально окрашенной речью. Далее при выделении ремы употребляются ИК-3, ИК-4, ИК-5, ИК-7, более ограниченно ИК-6 (главным образом в оценочных предложениях). При этом каждая из интонаций вносит свой эмоционально-стилистический от-

тенок в передачу той или иной ситуации. Сравним нейтральные и эмоционально окрашенные варианты высказываний:

Однако [4] / за время *путы* [3] / собака могла подрасты [1]! (Марш.) — Однако [4] / за время *путы* [4] / собака могла подрасты [3]! (ситуация возражения, усиления доказательства).

А я думала [3], / вы закончите работу к осени [1]. — А я думала [3], / вы закончите работу к осени [1]. — А я думала [3], / вы закончите работу к осени [4]. — А я думала [3], / вы закончите работу к осени [4] (ИК-4 при размышлении, констатация неожиданного факта, возможны оттенки вызова, недовольства).

Её просьбу удовлетворили через два дня [1]. — Её просьбу удовлетворили через два дня [5]! (с точки зрения говорящего, это много).

Сын её [3] / хорошим специалистом стал [1]. — Сын её [3] / хорошим [7] / специалистом стал [7]! (ИК-7 вносит оттенок ‘да, это так, тут ничего другого не скажешь’).

До сих пор мы говорили о выделении ремы. В многосintагменых высказываниях, в первую очередь повествовательных, многообразно варьируется степень смысловой важности и частей, не входящих в состав ремы. Используются: выделение словоформ в отдельные синтагмы или их объединение в более крупные; замена интонации незавершенности интонацией завершенности; выделенность или невыделенность словоформы в качестве интонационного центра, увеличение, уменьшение или снятие паузы между синтагмами; убыстрение или замедление темпа речи.

Покажем возможности эмоционально-смыслового варьирования в высказываниях с перечислением; с этой целью сравним чтение отрывка из поэмы А. С. Пушкина «Граф Нулин» известными актерами А. Кторовым (слева) и С. Юрским (справа):

Себя казать [2], / как чудный звёрь [6], /  
В Петróполь едет он теперь [2] /  
С запасом фráков [4] / и жилé-  
тов [4], /  
Шляп [4], / веерóв [4], / пла-  
щей [4], / корсéтов [4], /  
Булáвок [4], / зáпонок [4], / лорнéтов [4]...

Себя казать, как чудный звёрь [6], /  
В Петróполь [6] / едет он те-  
перь [1] /  
С запасом фраков и жилé-  
тов [4], /  
Шляп, вееров, плащей, корсé-  
тов [4], /  
Булавок, запонок, лорнéтов [6]...

В чтении обоих актеров выражено ироническое отношение к герою, но сделано это разными средствами. Которов интонационно высвечивает каждую вещь, усиливая восприятие никчемности духовного багажа графа Нулина. Юрский, объединяя несколько членов перечисления в одну синтагму, как бы показывает вещи «скопом», как не заслуживающие внимания.

В анализе многосинтагменных высказываний одним из центральных является вопрос о связи синтаксической незавершенности и интонации. Неконечная синтаксически незавершенная синтагма может произноситься с одной из интонаций незавершенности: ИК-3, ИК-4, ИК-6. Это самая простая связь, при которой интонация не добавляет ничего к тому, что выражено синтаксисом. Но эта связь не единственная. Увеличение смысловой важности синтагм передается с помощью ИК-1, ИК-2, ИК-5, т. е. теми интонациями, посредством которых выделяется рема; ср.: *До стá тысяч рек [5] / с водосбором свыше ста квадратных километров кáждая [3] / насчитывается в Советском Союзе [1]. — До [6] / ста тысяч рек [4] с водосбором свыше ста квадратных киломéтров [3] / кáждая [2] / насчитывается в Советском Союзе [1].*

Употребление ИК-1, ИК-2, ИК-5 (в более редких случаях ИК-7) снижает контраст по степени смысловой важности между ремой и другими частями высказывания. Формальная и смысловая целостность создается в первую очередь благодаря синтаксической завершенности всего высказывания, т. е. при замещенности основных синтаксических позиций.

Принцип варьирования смысловой важности отдельных частей высказывания сохраняется при выражении волеизъявления и вопросительности (с учетом стремления к большей синтаксической краткости), а также в пределах главной и придаточной частей сложноподчиненных предложений (высказываний).

### § 103. ИНТОНАЦИЯ В СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С СОЮЗНОЙ И БЕССОЮЗНОЙ СВЯЗЬЮ

В сложных предложениях есть особенности взаимодействия синтаксиса и интонации. Они разнообразны. Так, в сложноподчиненных предложениях с союзной связью наибольшие возможности интонации проявляются в структурах с препозицией главной синтак-

сически завершенной части: здесь средствами интонации передается увеличение или уменьшение смысловой самостоятельности главной части. С помощью ИК-1 на стыке частей выражается увеличение смысловой самостоятельности, по своим информационным возможностям главная часть сближается с простым предложением: *Семинар в этот день отменили [1], / так как не закончилась конференция [1]; По этому вопросу организовали отдельную секцию [1], / чтобы выслушать разные мнения [1]; Он потерял кассету [1], / на которой была записана дискуссия [1]*. Уменьшение смысловой самостоятельности главной части передается с помощью ИК-3. Эта интонация функционально соответствует расчлененным союзам (*потому...что, для того...чтобы и др.*) и анафорическим словам (*тот...который, тот самый...который и др.*); ср.: *Семинар в этот день отменили [3], / так как не закончилась конференция [1].— Семинар в этот день отменили потому [3], / что не закончилась конференция [1]; Он потерял кассету [3], / на которой была записана дискуссия [1].— Он потерял ту самую кассету [3], / на которой была записана дискуссия [1]*.

Возможности варьирования смысловой самостоятельности главной части сложноподчиненного предложения зависят от ее лексико-синтаксического состава. Покажем это на примере предложений с *который*. В данном случае существенно, чтобы распространяемое слово было информативно достаточным и обладало способностью включаться в ассоциативно-тематические связи: *На студию он приехал по контракту [1], / который заключили с ним после успеха его фильма [1]*. Эти связи (в данном случае — по контракту, по приглашению, как турист) сближают информативные возможности главной части сложноподчиненного предложения с простым предложением. Если эти связи выражены лексически, то смысловая самостоятельность главной части обычно не варьируется, на стыке частей, как правило, употребляется интонация завершенности: *Кроме болезни матери [3], / были и другие причины [1], / о которых он не хотел говорить [1]*.

Если распространяемое слово в составе сложного предложения может передавать значение целого и части, то эти значения реализуются с помощью ИК-1 и ИК-3; ср.: *Льготные путёвки выдавали студентам [1], / которым трудно было оплатить их полную стоимость [1]*

(т. е. в отличие от сотрудников, аспирантов). — *Льготные путёвки выдавали студентам [3], / которым трудно было оплатить их полную стоимость [1]* (т. е. некоторой части студентов).

В сложносочиненных предложениях посредством интонации сочинительные связи могут преобразовываться в подчинительные; ср.: *Я не был в этих местах три года [1], / и не узнал знакомую площадь [1]. — Я не был в этих местах три года [3], / и не узнал знакомую площадь [1].*

Говоря об особенностях взаимодействия синтаксиса и интонации в сложных предложениях с бессоюзной связью, важно обратить внимание на роль интонации и смысловой связи между частями бессоюзного сложно-го предложения. Интонация является средством разграни-чения в тексте синтаксически простых предложений (высказываний) и бессоюзного сложного предложения с недифференцированными временными, условными причинно-следственными значениями. Например: *Учи-тельница была больна [1]. Уроки вела практиканка [1]* и: *Учительница была больна [3], / уроки вела практи-канка [1]* — это соответствует предложению с союзной связью: *Когда (если, так как) учительница была боль-на, уроки вела практиканка.* При интонационной выделенности глаголов в форме будущего времени значение условия проявляется более отчетливо: *Пройдёт конкурс [3], / меня возьмут на эту работу [1].*

Роль смысловой связи наиболее ярко проявляется при выражении обоснования, когда в первой части бессоюзного сложного предложения выражаются такие смысловые отношения (отрицание чего-либо, оценка, необычная ситуация), которые требуют или допускают обоснование, мотивацию. Такая смысловая связь яв-ляется самодостаточным различительным признаком бессоюзных сложных предложений с отношениями обоснования. Интонация в таких предложениях отлича-ется большим разнообразием:

*Отрицать городскую культуру? [3] — / глупо и ко-щунственно [2]: / именно город сделал Шукина профессионалом культуры [2]! (газ.)* (один из возмож-ных вариантов осмысления)

*Тебе-то хорош! Сын поступил [6], / квартиру получила [6]! (оценка, размышление)*

*Зря ты переживаешь [2]! / По конкурсу-то [2] / он проходит [3]!*

Употребление ИК-2 (или ИК-2 в сочетании с ИК-3) обычно усиливает обоснование и передает оттенки, которые словесно можно выразить так: *вот в чём дело, вот почему*.

Высказывания типа *По конкурсу-то [2] /он проходит [3]* могут употребляться и как вопросительные, образуя вопросо-ответную связь высказываний, принадлежащих разным говорящим. Это еще один случай проявления общей закономерности: в русском языке есть класс высказываний, в которых выражены синтаксическая структура, лексический состав, интонация, но еще остаются потенциальные значения, реализуемые только с помощью смысловой связи в контексте.

Таким образом, в разных высказываниях интонация завершенности (при нейтральной завершенности ИК-1, при подчеркивании ИК-2, при эмоциональном подчеркивании ИК-5) связана с выражением ремы или усилением смысловой важности, самостоятельности какой-либо части внутри предложения (высказывания); интонация незавершенности (ИК-3, ИК-4, ИК-6) связана с выражением усиления связи между частями высказывания в результате уменьшения их смысловой самостоятельности.

## § 104. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗИ ИНТОНАЦИИ И СИНТАКСИСА

Проблемы связи интонации и синтаксиса рассматривались М. В. Ломоносовым, А. А. Потебней, А. А. Шахматовым, А. М. Пешковским, В. В. Виноградовым, В. А. Артемовым, Т. М. Николаевой и др. Центральными в их работах являются вопросы о том, что выражает интонация, как она связана с предложением (высказыванием), существуют ли типы интонации, закрепленные за определенными типами предложений.

Еще в 50-е годы В. В. Виноградов обобщил положение о том, что интонация сама по себе не имеет значения: важно учитывать синтаксис и лексику предложения. Однако долгое время считалось (да и сейчас еще нет единого мнения), что каждый тип предложения имеет свою интонацию. Поэтому говорили об интонации вопросительного, повествовательного, восклицательного предложений, об интонации простого повествовательного, сложного предложения с причинно-следственными, условными, временными отношениями и т. д. При решении этих вопросов необходимо учитывать обобщенный характер значений, передаваемых тем или иным типом ИК, и многообразную конкретизацию этих значений в зависимости от лексико-синтаксического состава предложения. Многообразие типов взаимодействия больше, чем количество типов интонаций, включающих нейтральные и эмоциональные реализации, различия по степени акустической выраженности.

В истории излагаемого вопроса большое значение имеют исследования А. М. Пешковского. На рубеже 20—30-х годов Пешковский сформулировал так называемый принцип замены. «...Чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения)»<sup>1</sup>. Принцип замены Пешковского и сейчас еще понимается по-разному. Дело в том, что отношение «чем яснее — тем слабее» некоторые лингвисты трактуют количественно; например, уровень тона ниже, если в выражении какого-либо значения принимает участие порядок слов. Думается, что это не так. В 60-е годы Т. М. Николаева в ряде инструментальных исследований показала, что принцип замены далеко не всегда подтверждается количественно. Думается, что этот принцип надо понимать функционально: чем больше роль лексико-синтаксических средств, тем меньше роль интонации, и наоборот.

Связь интонации и синтаксиса многомерна, для конкретизации этих связей каждый раз необходимо устанавливать потенциальные возможности лексико-синтаксического состава предложения.

#### РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Русская грамматика*. М., 1980. Т. 1. § 150—171; т. 2. § 2125—2127, § 2223—2230, § 2629—2640, § 3189—3194.

---

*Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи*. 5-е изд. М., 1983.

*Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках*. М., 1969. С. 5—25, 125—126, 233—239.

*Пешковский А. М. Интонация и грамматика* // Избр. труды. М., 1959.

---

<sup>1</sup> *Пешковский А. М. Интонация и грамматика* // Избр. труды. М., 1959. С. 181.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . .	3
Условные сокращения . . . . .	4
<b>Введение</b>	
<b>Современный русский литературный язык . . . . .</b>	<b>5</b>
§ 1. Литературный язык (5). § 2. Современный язык (10). § 3. Русский язык (13). § 4. Русский язык в современном мире (14). <i>Рекомендуемая литература</i> (16).	
<b>Стили литературного языка . . . . .</b>	<b>16</b>
§ 5. Членение литературного языка и стили (16). § 6. Языковые жанры (19). § 7. Взаимодействие языковых жанров (23). <i>Рекомендуемая литература</i> (24).	
<b>Язык художественной литературы . . . . .</b>	<b>25</b>
§ 8. Специфика языка художественной литературы (25). § 9. Норма и художественная речь (26). § 10. «Открытость» художественной речи (28). <i>Рекомендуемая литература</i> (31).	
<b>Кодифицированный литературный язык и разговорный язык . . . . .</b>	<b>32</b>
§ 11. Две части литературного языка (32). § 12. Литературный язык — система систем (36). <i>Рекомендуемая литература</i> (39).	
<b>Фонетика</b>	
<b>Глава 1. Классификация фонетических единиц . . . . .</b>	<b>40</b>
§ 1. Звуковая сторона языка (40). § 2. Основное свойство фонетических единиц (41). § 3. Устройство речевого аппарата (43). § 4. Артикуляционная классификация гласных (44). § 5. Артикуляционная классификация согласных (46). § 6. Акустическая классификация звуков (51). § 7. Соответствие артикуляционной и акустической классификаций (56). § 8. Упрощение характеристик (58). § 9. Классификация суперсегментных единиц (62). <i>Рекомендуемая литература</i> (74).	
<b>Глава 2. Понятие о фонеме . . . . .</b>	<b>75</b>
§ 10. Отождествление языковых единиц (75). § 11. Позиционные чередования (77). § 12. Фонема (80). § 13. Различение языковых единиц (82). § 14. Нейтрализация (83). § 15. Гиперфонема (85). § 16. Фонетические подсистемы (86). <i>Рекомендуемая литература</i> (87).	
<b>Глава 3. Позиционные чередования согласных . . . . .</b>	<b>88</b>
§ 17. Возможные и невозможные нейтрализации (88). § 18. Нейтрализация звонких и глухих фоем (90). § 19. Нейтрализация твердых и мягких фонем (95). § 20. Нейтрализация зубных и передненёбных шумных согласных (98). § 21. Чередование согласной с нулем (101). § 22. Состав согласных фонем (103). <i>Рекомендуемая литература</i> (105).	
<b>Глава 4. Позиционные чередования гласных . . . . .</b>	<b>105</b>
§ 23. Чередования под ударением (105). § 24. Чередования в безударных слогах. «Старшая» норма (106). § 25. Чередования в безударных слогах. «Младшая» норма (109). § 26. Состав гласных фонем (110). <i>Рекомендуемая литература</i> (113).	

<b>Г л а в а 5. Сочетания фонетических единиц . . . . .</b>	<b>114</b>
§ 27. Функциональная характеристика звука (114). § 28. Сочетания звуковых единиц (117). § 29. Сравнение дифференциаторов и фонем (120). <i>Рекомендуемая литература</i> (122).	
<b>Г л а в а 6. Орфоэпия . . . . .</b>	<b>122</b>
§ 30. Произносительные варианты (122). § 31. Орфоэпия фонем «ж» и «ш» (126). § 32. Орфоэпия фонем в определенных позициях (128). § 33. Орфоэпия грамматических форм (129). § 34. Орфоэпия отдельных слов (135). § 35. Функциональные различия (138). § 36. Социофонетика (139). <i>Рекомендуемая литература</i> (141).	
<b>Г л а в а 7. Теория письма. Графика . . . . .</b>	<b>143</b>
§ 37. Графика и орфография (143). § 38. Три принципа графики (143). § 39. Фонемный принцип русской графики (144). § 40. Обозначение твердых и мягких согласных фонем (144). § 41. Недостатки в обозначении мягкости фонем (146). § 42. Гласные буквы после ч, щ, ж, ш и ц (147). § 43. Обозначение {j} (148). § 44. Почему 33 буквы? (150). <i>Рекомендуемая литература</i> (150).	
<b>Г л а в а 8. Теория письма. Орфография . . . . .</b>	<b>151</b>
§ 45. Фонемная основа русской орфографии (151). § 46. Отступления от фонематического принципа (156). § 47. «Морфологический принцип» в орфографии (158). § 48. Орфография собственных имён (162). <i>Рекомендуемая литература</i> (164).	
<b>Лексикология</b>	
<b>Введение . . . . .</b>	<b>165</b>
§ 1. Предмет и задачи лексикологии (165). § 2. Лексика как система (166). <i>Рекомендуемая литература</i> (171).	
<b>Г л а в а 1. Лексическая семантика . . . . .</b>	<b>171</b>
§ 3. Лексическое значение (171). § 4. Единицы и категории лексической системы языка (180). § 5. Смысловая структура слова (183). § 6. Синтагматические и парадигматические отношения в лексике (190). <i>Рекомендуемая литература</i> (196).	
<b>Г л а в а 2. Лексические категории . . . . .</b>	<b>196</b>
§ 7. Многозначность (196). § 8. Омонимия (205). § 9. Синонимия (213). § 10. Конверсия (221). § 11. Антонимия (225). § 12. Семантическое поле (231). <i>Рекомендуемая литература</i> (236).	
<b>Словообразование</b>	
<b>Введение . . . . .</b>	<b>237</b>
(1) Словообразование синхронное и историческое (237). § 2. Производное слово. Критерий Г. О. Винокура (240). § 3. Отношения метафорической мотивации (242). § 4. Отношения периферийной мотивации (242). § 5. Фразеологичность семантики производного слова (243). <i>Рекомендуемая литература</i> (244).	
<b>Г л а в а 1. Виды морфем русского языка . . . . .</b>	<b>245</b>
§ 6. Морф и морфема (245). § 7. Отождествление морфем (246). § 8. Классификация морфем русского языка (248). <i>Рекомендуемая литература</i> (259).	
<b>Г л а в а 2. Членимость и производность основ . . . . .</b>	<b>259</b>
§ 9. Связанные корни (260). § 10. Уникальные части слова (262). § 11. Факторы, влияющие на членимость слова (265). § 12. Понятие производности (267). § 13. Признаки производных основ (269). § 14. Словообразовательный и морфемный анализ слова (270). § 15. Исторические изменения в составе слова (273). § 16. Этимологический анализ (276). <i>Рекомендуемая литература</i> (276).	

<b>Г л а в а 3. Морфонологические особенности словообразования . . . . .</b>	<b>276</b>
§ 17. Структура корневых морфем (277). § 18. Чередование фонем (277).	
§ 19. Понятие субморфа (282). § 20. Интерфиксация (283). § 21. Усечение производящих основ (287). § 22. Наложение (или интерференция) морфов (288). § 23. Разновидности алломорфов (290). § 24. Интерфиксы и субморфы (290). <i>Рекомендуемая литература</i> (291).	

<b>Г л а в а 4. Словообразовательный тип . . . . .</b>	<b>292</b>
--	------------

§ 25. Лексическая и синтаксическая деривация (295). § 26. Классификация словообразовательных типов (299). § 27. Понятие морфонологической модели (301). § 28. Виды отношений производности (301). § 29. Рассхождения отношений формальной и смысловой производности (304). § 30. Отношения множественной производности (305). § 31. Виды семантических отношений между производной и производящей основами (306). <i>Рекомендуемая литература</i> (308).	
--	--

<b>Г л а в а 5. Способы словообразования . . . . .</b>	<b>308</b>
--	------------

§ 32 Аффиксальные способы словообразования (309). § 33. Неаффиксальные способы словообразования (312). § 34. Субстантивация (317). <i>Рекомендуемая литература</i> (320).	
---	--

<b>Г л а в а 6. Валентность морфем и понятие продуктивности . . . . .</b>	<b>320</b>
---	------------

§ 35. Виды ограничений сочетаемости морфем (320). § 36. Валентность морфем и правила их морфонологического приспособления (325). § 37. Понятие продуктивности (328). <i>Рекомендуемая литература</i> (331).	
---	--

<b>Г л а в а 7. Строение системы синхронного словообразования . . . . .</b>	<b>331</b>
---	------------

§ 38. Единицы системы словообразования (332). § 39. Комплексные единицы (332). § 40. Словообразовательная категория (333). § 41. Словообразовательная цепь (333). § 42. Словообразовательная парадигма (334). § 43. Потенциальные слова (345). § 44. Семантика потенциальных и узульных слов. Еще раз о фразеологичности семантики производного слова (347). § 45. От чего зависит словообразовательный потенциал слов разных частей речи? (349). § 46. Словообразовательный потенциал имени и глагола и фразеологичность семантики (352). § 47. Окказиональные слова (353). § 48. Словообразовательное гнездо (357). § 49. Словообразовательные микросистемы (358). <i>Рекомендуемая литература</i> (358).	
---	--

<b>Г л а в а 8. Словообразование основных частей речи . . . . .</b>	<b>359</b>
---	------------

§ 50. Словообразование имен существительных (359). § 51. Словообразование имен прилагательных (369). § 52. Словообразование глаголов (375). <i>Рекомендуемая литература</i> (379).	
--	--

## **Морфология**

<b>Г л а в а 1. Основные понятия и предмет морфологии . . . . .</b>	<b>380</b>
---	------------

§ 1. Слово, словоформа, лексема, парадигма (380). § 2. Определение окончания (382). § 3. Количество элементов значения в окончании и количество окончаний в словоформе (385). § 4. Понятие грамматической категории (386). § 5. Типы грамматических категорий (389). § 6. Предмет и границы морфологии (391). <i>Рекомендуемая литература</i> (392).	
--	--

<b>Г л а в а 2. Учение о частях речи . . . . .</b>	<b>393</b>
--	------------

§ 7. Классификация лексем и словоформ (393). § 8. Самостоятельные и служебные лексемы (393). § 9. Классификация словоформ по принципу «синтаксическая функция» (395). § 10. Местоименные и неместоименные лексемы (396). § 11. Классификация словоформ по принципу «семантическая общность» (397). § 12. Морфологический принцип классификации словоформ (399). § 13. Традиционное учение о частях речи (401). <i>Рекомендуемая литература</i> (402).	
---	--

<b>Г л а в а 3. Имя существительное . . . . .</b>	<b>403</b>
---	------------

Согласовательные категории у существительных . . . . .	403
--	-----

§ 14. Родовая принадлежность существительных (403). § 15. Одушев-	
---	--

лennost' ~ neodushewlennost' u sushchestvitelnykh (405). § 16. Kategorii roda i odushewlennosti ~ neodushewlennosti u sushchestvitelnykh (405). § 17. Sushchestvitelnye, ne otnoсящиye ni k odnomu iz trex rodov (407). § 18. Sushchestvitelnye, sposobnye zanimat' ne единствennuyu poziciju v klassifikacii (408). § 19. Cvyaz' medju soglasovatel'nymi vozmozhnost'iami sushchestvitelnogo i ego semanticheskoy i formalnoy karakteristikami (410). § 20. Obshie tendencii razvitiya grammaticheskoy sistemy russkogo jazyka (411).

Kategorija chisla u sushchestvitelnykh . . . . . 412

§ 21. Oboznachenije slovoformoj kolichestva predmetov (412). § 22. So-glasovatel'nye vozmozhnosti slovoform s raznym kolichestvennym zna-cheniem (414). § 23. Izmenenie zna-cheniya slovoformy pod vozdeystvijem konteksta (415). § 24. Formy vyrazhenija chislovogo protivopostavlenija (416). § 25. O prirode kategorii chisla u sushchestvitelnykh (418). § 26. Sходство i razlichija medju kategorijami roda i chisla u sushchestvitelnykh (420).

Kategorija padежa u sushchestvitelnykh . . . . . 422

§ 27. Cvazyvayushchie vozmozhnosti form sushchestvitelnykh (422). § 28. Padеж kak grammaticheskaya kategorija u sushchestvitelnykh (423). § 29. Chislo padежej (424). § 30. Soderjatel'nye karakteristiki padежej (425). § 31. Sistemа padежej (427). § 32. Zna-cheniya, vyraжаемые formami padежej (430).

Tipy skloneniya sushchestvitelnykh . . . . . 433

§ 33. Substantivnoe sklonenie sushchestvitelnykh (434). § 34. Ad'ek-tivnoe sklonenie sushchestvitelnykh (439). § 35. Smeshannyy tip skloneniya sushchestvitelnykh (439). § 36. Preobrazovaniya v osnovе pri sklonenii sushchestvitelnykh (440). § 37. Tipy paradigm po otnocheniju k mestu udar-e-niya v slovoformakh (441). § 38. Razlichija v sostave paradigm sushchest-vitelnykh (442). *Rekomenduemaya literatura* (442).

G lava 4. Imja prilagatel'noe . . . . . 443

§ 39. Priлагatel'noe kak chas' rechi (443). § 40. Kolichestvo form v paradigme prilagatel'nogo (444). § 41. Kategorija polnosti ~ kратkosti u prilagatel'nykh (445). § 42. Kategorija roda, odushewlennosti ~ neodushewlennosti, chisla i padежa u prilagatel'nykh (446). § 43. Neizmenyemye prilagatel'nye (447). § 44. Semantiko-slovoobrazovatel'naya klassifikasiya prilagatel'nykh i ee cvaz' s morfologicheskimi karakteristikami (448). § 45. Tipy skloneniya prilagatel'nykh (449). *Rekomenduemaya literatura* (451).

G lava 5. Imja chislitel'noe . . . . . 452

§ 46. Otstutstvie kategorii roda kak xarakternaya cherta chislitel'nykh (452). § 47. Kategorija chisla u chislitel'nykh (453). § 48. Kategorija padежa u chislitel'nykh (454). § 49. Tipy klassifikacij chislitel'nykh (455). § 50. Sklonenie chislitel'nykh (455). *Rekomenduemaya literatura* (457).

G lava 6. Mestoimenneye slova . . . . . 458

§ 51. Kategorija roda i odushewlennosti ~ neodushewlennosti u mestoimen-nyx sushchestvitelnykh (458). § 52. Kategorija chisla u mestoimennix sushchest-vitelnykh (459). § 53. Kategorija padежa u mestoimennix sushchest-vitelnykh (460). § 54. Mestoimennye prilagatel'nye (461). § 55. Mestoimennye chislitel'nye (462). § 56. Sklonenie mestoimennix slov (462). *Rekomen-duemaya literatura* (463).

G lava 7. Grammaticheskie kategorii u glagol'noy leksemy . . . . . 465

§ 57. Objem glagol'noy leksemy (465).

Kategorija wida . . . . . 466

§ 58. Видовая характеристика глагольной лексемы (466). § 59. Сочетательные возможности глаголов (468). § 60. Морфемная структура глаголов (468). § 61. Семантическое значение видового противопоставления (470). § 62. Видовые пары глаголов (473). § 63. Является ли вид грамматической категорией? (474). § 64. Вид у глаголов движения (476). § 65. Современные тенденции в выражении глагольного вида (477).

Категория залога . . . . . 479

§ 66. Залог как словоизменительная категория (479). § 67. Однозалоговые глаголы (483). § 68. Трансформации предложений, связанные с изменением залоговой характеристики глагола (484). Рекомендуемая литература (485).

Г л а в а 8. Грамматические категории у отдельных глагольных форм 486

Категория наклонения . . . . . 486

§ 69. Содержательная сущность категории наклонения (486). § 70. Формы сослагательного наклонения (487). § 71. Формы повелительного наклонения (488).

Категория времени . . . . . 489

§ 72. Время как грамматическая категория (489). § 73. Формы настоящего времени несовершенного вида (490). § 74. Формы прошедшего и будущего времени несовершенного вида (492). § 75. Формы прошедшего и будущего времени совершенного вида (493). § 76. Категория времени у причастий (495).

Категории лица, числа, рода, падежа и полноты ~ краткости . . . . . 496

§ 77. Лицо как грамматическая категория (496). § 78. Безличные глаголы (498). § 79. Значение форм лица (498). § 80. Категория числа (499). § 81. Категория рода (500). § 82. Категории падежа и полноты ~ краткости у причастий (501). Рекомендуемая литература (501).

Г л а в а 9. Образование глагольных форм . . . . . 502

§ 83. Отличие глагольной основы от именной (502). § 84. Особенности глагольных основ и окончаний (502). § 85. Две основы в глаголе. Понятие класса глагола (504). § 86. Классы глаголов (505). § 87. Основные схемы ударения (507). § 88. Образование глагольных форм (508). Рекомендуемая литература (513).

Г л а в а 10. Наречие . . . . . 514

§ 89. Наречие как самостоятельная неизменяемая часть речи (514). § 90. Семантические разряды наречий (515). § 91. Степени сравнения наречий (516).

Г л а в а 11. Категория состояния . . . . . 517

§ 92. Синтаксические функции самостоятельных неизменяемых слов в предложении (517). § 93. Слова различных групп в синтаксической функции сказуемого (518). § 94. Объем группы слов, принадлежащих к категории состояния (520).

Г л а в а 12. Модальные слова . . . . . 521  
Рекомендуемая литература (522).

Г л а в а 13. Служебные части речи . . . . . 523

§ 95. Союз как служебная часть речи (524). § 96. Классификация союзов (525). § 97. Предлог как служебная часть речи (526). § 98. Семантические и синтаксические свойства предлогов (527). § 99. Частицы (528). § 100. Междометия и другие слова вне частей речи (530). Рекомендуемая литература (531).

## Синтаксис

<b>Введение . . . . .</b>	<b>532</b>
§ 1. Предмет синтаксиса (532). § 2. Синтаксические единицы (532).	
§ 3. Различительные признаки синтаксических единиц (534). § 4. Синтаксические единицы — единицы речи и языка (536). Рекомендуемая литература (539).	
<b>Г л а в а 1. Синтаксические связи . . . . .</b>	<b>539</b>
Общая характеристика синтаксических связей . . . . .	539
§ 5. Уровни синтаксических связей (539). § 6. Средства выражения синтаксических связей (544). § 7. Виды синтаксических связей (546).	
§ 8. Виды сочинительной связи (548). § 9. Виды подчинительной связи (549).	
Виды подчинительной связи на уровне словосочетания и простого предложения . . . . .	555
§ 10. Согласование (555). § 11. Управление (562). § 12. Примыкание (568). Рекомендуемая литература (570).	
<b>Г л а в а 2. Слово и форма слова как объекты синтаксиса . . . . .</b>	<b>570</b>
§ 13. Слово как объект синтаксиса (570). § 14. Форма слова как объект синтаксиса (578).	
<b>Г л а в а 3. Словосочетание . . . . .</b>	<b>588</b>
§ 15. Разработка учения о словосочетании в русской науке (588). § 16. Словосочетание и сложное предложение (592). § 17. Формальная организация словосочетания (595). § 18. Смысловая организация и функции словосочетания (597). § 19. Типы словосочетаний (599). Рекомендуемая литература (601).	
<b>Г л а в а 4. Организация простого предложения . . . . .</b>	<b>602</b>
§ 20. Формальная и коммуникативная организация предложения (602). § 21. Смысловая организация предложения (605). § 22. Соотношение разных сторон организации предложения (606). Рекомендуемая литература (608).	
<b>Г л а в а 5. Формальная организация простого предложения . . . . .</b>	<b>608</b>
Синтаксическая традиция о формальной организации предложения . . . . .	608
§ 23. Традиционное учение о членах предложения (609). § 24. Главные члены предложения (610). § 25. Типы сказуемого (612). § 26. Главный член односоставного предложения (615). § 27. Второстепенные члены предложения (616). § 28. Значение традиционного учения о второстепенных членах предложения (619). § 29. Традиционное учение о типах предложения (622). § 30. Нераспространенные и распространенные, полные и неполные предложения (622). § 31. Типы предложений по целеустановке (623). § 32. Двусоставные и односоставные предложения (626). § 33. Осложненные предложения (630).	
Структурная схема предложения . . . . .	632
§ 34. Два понимания структурного минимума предложения (634). § 35. Минимальная и расширенная схемы предложений (636). § 36. Компоненты минимальной схемы предложения (637). § 37. Список минимальных схем предложений (639). § 38. Фразеологизированные структурные схемы предложений (645). § 39. Соотношение минимальных схем и традиционных конструктивных типов предложений (646). § 40. Расширенные структурные схемы предложений (648). § 41. Типы «расширителей» структурных схем предложений (650). § 42. Зависимость «расширителей» структурной схемы предложения от его предикативного центра (654). Рекомендуемая литература (656).	
<b>Г л а в а 6. Парадигма предложения . . . . .</b>	<b>657</b>
§ 43. Понятие парадигмы предложения (657). § 44. Широкое и узкое понимание парадигмы предложения (658).	

Парадигма предложения как система его форм . . . . .	660
§ 45. Форма предложения (660). § 46. Учение о парадигме предложения как системе его форм (662).	
Парадигма предложения как система его деривационных соотношений . . . . .	664
§ 47. Регулярные реализации структурных схем предложений (664).	
§ 48. Формальные модификации структурных схем предложений (666).	
§ 49. Список регулярных реализаций структурных схем предложений и правила их образования (666). § 50. Регулярные реализации структурных схем предложений и различные способы выражения передаваемых ими значений (670). § 51. Основания выделения регулярных реализаций структурных схем предложений (671). § 52. Межсемантические и межуровневые деривационные соотношения (673). <i>Рекомендуемая литература</i> (675).	
<b>Г л а в а 7. Смысловая организация простого предложения . . . . .</b>	675
§ 53. Смысловая организация предложения — новый объект синтаксиса (675). § 54. Семантический синтаксис и лексическая семантика (676).	
§ 55. Изучение смысловой организации предложения (677).	
Значение предложения . . . . .	679
§ 56. Объективное и субъективное в содержании предложения (679).	
§ 57. Обязательные субъективные значения в содержании предложения (682). § 58. Средства выражения объективных и субъективных значений предложения (685).	
<b>Способы описания объективного содержания предложения . . . . .</b>	686
§ 59. Описание объективного содержания предложения с опорой на понятие пропозиции (686). § 60. Способы выражения пропозиций (687).	
§ 61. Описание объективного содержания предложения с опорой на понятие его семантической структуры (691). <i>Рекомендуемая литература</i> (694).	
<b>Г л а в а 8. Члены предложения . . . . .</b>	695
§ 62. Традиционное учение о членах предложения и современные теории (695). § 63. Главные члены предложения (697). § 64. Неглавные конститутивные члены предложения (700). § 65. Неконститутивные члены предложения (702). <i>Рекомендуемая литература</i> (705).	
<b>Г л а в а 9. Коммуникативная организация простого предложения . . . . .</b>	705
§ 66. Актуальное членение предложения (705). § 67. Отношение актуального членения предложения к его формальной и смысловой организации (707). § 68. Средства выражения актуального членения предложения (710). § 69. Типы высказываний (714). § 70. Нейтральный порядок слов в предложении (717). § 71. Предложение и высказывание (718). <i>Рекомендуемая литература</i> (718).	
<b>Г л а в а 10. Сложное предложение . . . . .</b>	719
Сложное предложение как синтаксическая единица . . . . .	719
§ 72. Грамматическая природа сложного предложения (719). § 73. Формальная организация сложного предложения (720). § 74. Смысловая организация сложного предложения (721). § 75. Коммуникативная организация сложного предложения (723).	
Разграничение классов сложных предложений . . . . .	726
§ 76. Минимальные конструкции сложного предложения и сложные предложения усложненного типа (726). § 77. Структурная схема сложного предложения (727). § 78. Сочинение и подчинение в сложном предложении (729). § 79. Виды подчинительной связи в сложном предложении (733). § 80. Различительные признаки классов сложных предложений (738).	
<b>Сложносочиненные предложения . . . . .</b>	740
	799

§ 81. Классификация сложносочиненных предложений	(740).
§ 82. Сложносочиненные предложения открытой структуры	(741).
§ 83. Сложносочиненные предложения закрытой структуры	(743).

Сложноподчиненные предложения . . . . .	748
---	-----

§ 84. Принципы классификации сложноподчиненных предложений в истории русской науки (748). § 85. Нерасчлененные и расчлененные сложноподчиненные предложения (751). § 86. Классы расчлененных сложноподчиненных предложений (753). § 87. Типы нерасчлененных сложноподчиненных предложений (756). § 88. Сложноподчиненные предложения присловного типа (756). § 89. Сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа (758).	
---	--

Бессоюзные сложные предложения . . . . .	763
--	-----

§ 90. Бессоюзные сложные предложения в системе современного русского литературного языка (763). § 91. Понятие бессоюзного сложного предложения (765). § 92. Бессоюзные сложные предложения открытой и закрытой структуры (766). § 93. Бессоюзные сложные предложения типизированной структуры (767). § 94. Бессоюзные сложные предложения нетипизированной структуры (769). Рекомендуемая литература (771).	
---	--

Г л а в а 11. ИНТОНАЦИЯ И СИНТАКСИС . . . . .	772
---	-----

Система интонационных средств . . . . .	772
---	-----

§ 95. Интонация в системе звуковых средств языка (772). § 96. Состав интонационных средств языка (772). § 97. Свойства интонационных конструкций (774). § 98. Синтагматическое членение высказывания. Пауза (778).	
--	--

Интонация и значение высказывания . . . . .	779
---	-----

§ 99. Потенциальные значения высказывания (779). § 100. Различительные возможности интонации в простом и сложном высказываниях (781). § 101. Интонация и лексический состав высказывания (781). § 102. Интонация и иерархия смысловой важности частей высказывания (786). § 103. Интонация в сложных предложениях с союзной и бессоюзной связью (788). § 104. Из истории изучения связей интонации и синтаксиса (791). Рекомендуемая литература (792).	
--	--

### Учебное издание

**Белошапкова Вера Арсеньевна,  
Брызгунова Елена Андреевна,  
Земская Елена Андреевна и др.**

### СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Зав. редакцией **Л. П. Чебаевская**

Редакторы **Н. Е. Рудомазина, Н. А. Страхова**

Младшие редакторы **Н. В. Вихорнова, А. Ю. Одоева, М. Ю. Цанева**

Художник **Э. А. Марков**

Художественный редактор **М. Г. Мицкевич**

Технический редактор **А. К. Нестерова**

Корректор **Е. К. Штурм**

ИБ № 7742

Изд. № РЯ-345. Сдано в набор 08.12.88. Подп. в печать 09.08.89.

Формат 84 × 108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. кн.-журн. имп. Гарнитура литературная.

Печать высокая. Объем 42 усл. печ. л. 42 усл. кр.-отт. 43,09 уч.-изд. л.

Тираж 50 000 экз. Зак. № 1864. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.